В ВГ

ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ПРАВО ЖИТЬ

ЭКСМО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

ЭКСМО

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ПРАВО ЖИТЬ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА.ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ
ДРЕВО ВРЕМЕН
ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ
ПРОБУЖДЕНИЕ ДЖИННА
ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНОГО
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РЕЛИКТ: ДЕТИ ВЕЧНОСТИ
РЕЛИКТ: АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК
КРАЙ СВЕТА
СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ
ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ
ПРАВО ЖИТЬ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ПРАВО ЖИТЬ

Смерч

По ту сторону огня

Соло на оборванной струне

Рассказы

Москва
ЭКСМО
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Головачев В. В.

Г 61 Право жить: Фантастические произведения / В. В. Головачев. — М.: Эксмо, 2007. — 768 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-20554-3

На Земле и в далеком Космосе, в нашей реальности и в иных пространствах сражаются герои Василия Головачева с силами зла, стремящимися лишить нашу Родину и все человечество самого естественного из всех прав — права жить. Многолик и силен враг, коварны его интриги, но мы знаем — добро по́бедит и будущее — есть!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Головачев В. В., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 5-699-20554-3

СМЕРЧ

Роман

Глава 1

ХАРА СЫЛГЫЛАХ

Первые алмазы в северных отрогах Енисейского горного кряжа, на территории нынешней Эвенкии, нашёл геолог Мамонтов ещё в конце девятнадцатого века. Много позже, весной тысяча девятьсот сорок восьмого года, геологической экспедицией Кураева в пробе галечников на притоках реки Ермокши, являющейся в свою очередь притоком Подкаменной Тунгуски[1], были также обнаружены алмазы. Общий вес найденных алмазов в те годы превысил две тысячи четыреста карат. А Тычанская алмазоносная россыпь, открытая в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, могла дать в сотни раз больше. Кристаллы углерода встречаются там на всём протяжении «бриллиантовой» реки Тычана от устья до впадения в неё реки Сунгтапчу.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Артур Суворов, ныне профессиональный путешественник и искатель приключений, некогда закончивший Дальневосточный университет по специальности «геологоразведка», но потерявший работу вследствие ликвидации регионального управления Дальнегорской партии, нашёл алмазы в аллювии реки Джелиндукон.

Находка эта его обрадовала и окрылила. В последнее время всё труднее становилось изыскивать средства для путешествий, отец резко сократил финансирование проектов сына, телекомпании стали платить за репортажи и съёмки на натуре мало, друг Тарас Король женился и тоже перестал спонсировать походы Суворова. Алмазы позволяли какое-то время жить безбедно и осуществить не одну экспедицию в места, куда редко забирались нормальные люди.

Артуру Владленовичу Суворову исполнилось двадцать семь лет. Он был невысок — метр восемьдесят с «миллиметром», но

---

[1] Именно в этот бассейн свалилось ядро кометы, известной под названием Тунгусский метеорит.

по-спортивному подтянут, жилист, гибок, быстр, голубоглаз, волосы — цвета платины, как говорила мама, обычно отпускал по плечи, бриться не любил, но бороду не отращивал. Ему шла «творческая небритость», свойственная некоторым мастерам культуры и нынешнему молодому поколению, не привыкшему строго следить за собой. Тем не менее Артур был обаятелен, его улыбка с ямочками на щеках покоряла женщин, и они его «колючесть» охотно прощали.

К этому моменту он успел дважды жениться и дважды развестись, хотя детей не имел. Из-за чего, впрочем, не переживал, а даже наоборот, считал, что с посадкой «цветов жизни» можно и не торопиться. Расходился он с жёнами легко, без напряга и обид, благодаря своему умению выбираться из любой жизненной ситуации без потерь, а может, из-за природной живости характера. Он был умён, способен мгновенно оценивать информацию и отстаивать свои интересы. Кроме того, Артур не любил покоя, и вся его жизнь проходила в постоянном движении. Он быстро сходился с людьми и без особых сожалений с ними расставался, вследствие чего друзей — настоящих друзей, как говорится, до гробовой доски, не имел. Но и врагов не нажил, хотя часто шёл наперекор чьим-то интересам и расчетам. До открытых столкновений с теми, кого он «обошёл на повороте», не доходило, так как Артур умел сглаживать острые углы и вовремя отступать, а угроз в свой адрес он не боялся в силу оптимизма и крепкого здоровья.

Рисковал Суворов часто, но удача, как правило, ему не изменяла. О будущем же он задумывался редко, справедливо полагая, что всё у него ещё впереди. А замечания деда Игнатия: когда перебесишься, за ум возьмёшься? — он считал обычным старческим брюзжанием, восходящим к домостроевским традициям и наставлениям.

На берег Подкаменной Тунгуски Артура привела жажда найти алмазную «трубу» и освободиться от зависимости денег. А причиной послужил рассказ двоюродного брата Чимкута Романова — Чимкут по матери был русским, его мать являлась родной сестрой отца Артура, а по отцу — эвеном — об алмазных россыпях, найденных по берегам рек Эвенкийского края. Так Артур Суворов сначала оказался в Туре, столице Эвенкии и географическом центре России, а потом на берегах Джелиндукона, в сопровождении эвенка-проводника Увачана, согласившегося по

просьбе Артурова брата показать гостю «край, отмеченный небом».

Алмазы они нашли на десятый день путешествия вдоль русла реки, шестого июля. Каким бы неопытным геологом Артур ни был, он всё же мог отличить ультраосновные горные породы от обычных и определить признаки если и не кимберлитовой трубки, то промежуточного коллектора, как называли коренное месторождение драгоценных камней геологи.

Конечно, найденные кристаллики розоватого и сероватого цвета весом от пяти до одиннадцати карат на вид казались невзрачными и недорогими, но после огранки они должны были заиграть радужными переливами и радовать глаз. А цену огранённых алмазов Артур представлял.

— Моя такой находил, однако, — сказал эвенк Увачан, невозмутимо посасывая трубку. — Давно. Магазин сдавал. Платить мало.

— Ничего, мне заплатят больше, — легкомысленно отмахнулся Артур, уже прикидывая, кому в Москве покажет алмазы. — Тебе тоже достанется, на машину хватит.

— Зачем моя машина, э? — пожал плечами меднолицый охотник. — Олешки есть, однако. Тайга машин не ходить. Я парат огненный вода купить.

— Зачем тебе самогонный аппарат? — удивился Суворов. — Ты же самогон не потребляешь.

— Китайтсы продавать буду, они любить самгон, однако.

— Хитришь ты что-то, старик, не слышал я, чтобы китайцы пили наш самогон. Но это твоё дело, тоже бизнес, в принципе, лишь бы менты не загребли. Пошли ещё пару шурфов долбанём.

За три дня после находки первых алмазов они вырубили в галечнике полсотни ям, добыли ещё около четырёх десятков алмазов, и везение кончилось. Камни перестали попадаться напрочь.

— Домой, однако, пора, — посоветовал Увачан. — Шибко комары олешков есть.

Артур хотел было в исследовательском азарте вернуться к верховью Джелиндукона, проверить его боковые осыпи, но потом подумал, что экспедиция и без того удалась, и согласился. Да и комары действительно одолели, несмотря на наличие современных отпугивающих средств — от фумитоксовых спреев до ультразвуковых свистков.

— Никому не говорить, паря, — сказал эвенк, когда они вер-

нулись в лагерь. — Нехорошие люди много, завидовать всегда, убить даже.

— Завистников и в самом деле много, — кивнул Артур, ссыпая найденные алмазы в кисет. — Нам проблемы ни к чему, будем держать язык за зубами. У меня с собой есть пузырь столичной огненной воды, давай выпьем по глотку за удачу?

— Давай, — оживился Увачан. — Твоя брат угощать давно, тепло внутри, легко, голова летать, я любить.

— Да уж, иногда голова действительно улетает, — засмеялся Артур, — поэтому надо знать меру.

Они выпили по полкружки кристалловского «белого золота», закусили жареным сигом и полюбовались закатом, предвещавшим скорую смену погоды. Осень в этих местах начиналась рано, в середине августа, а в связи с глобальным изменением климата и вовсе невозможно стало предсказать, какой она покажет нрав. Самодеятельным «геологам» ещё повезло, что с начала июля выдалась хорошая погода, дожди были редкими, а внезапные ночные похолодания и вовсе отсутствовали.

— Гость, однако, — сказал вдруг Увачан, щуря и без того узкие глаза, — байё, женщина.

— Где? — не поверил Артур, у которого от выпитого немного кружилась голова.

— На том берегу, в ерике. Камень большой видишь?

Суворов сфокусировал зрение и в самом деле за камнем на другом берегу реки, где начинался колючий кустарник, заметил фигурку в белом. Достал из палатки бинокль.

Проводник не ошибся. Это была женщина в странном белом одеянии, напоминающем плащ-накидку. Волосы у нее были тоже белые, то ли седые, то ли совсем светлые, лицо красивое, но измученное, и лишь под широкими бровями горели удивительным внутренним огнём зелёные глаза, наполненные страданием и болью. Она почувствовала, что на неё смотрят, подняла лицо, и Артур отшатнулся, получив самый настоящий удар в лоб.

— Твою мать!

— Маган кырдай, о! — прошептал эвенк с суеверным страхом. — Колдуй-баба, белая ястребица, однако... не смотри глаза, денька станешь...

— Кем-кем?

— Слепой совсем... не понимать ничего... яррын голова, слабый...

Артур снова навёл бинокль на скалу, но женщину там уже не

увидел. Она исчезла как привидение. И только взгляд её остался в памяти, тоскливый и одновременно вопрошающий, удивлённый, исполненный необычной внутренней силы. Интересно, чему она удивилась, увидев геолога и его спутника на берегу реки?

— Куда она подевалась?

— Маган кырдай летать и по воде ходить. Плохо встретить, однако. Домой надо быстро-быстро.

— На ночь глядя? Утром двинемся. Да и не боюсь я никах ваших колдуний местных, нету их, легенды одни.

— Не легенды, однако. Сам видел. Хороший маган и плохой совсем. Шаман томтуха встретить и болеть, потом умирать.

— Инфекцию небось подхватил и умер, — проворчал Артур, ворочая окулярами бинокля. — У вас тут никакой санитарии, живёте как два века назад, разве что телевизоры в чумы поставили.

— Живём, — не обиделся Увачан.

Солнце село. На лес упала темнота. Комары повалили гуще.

Артур брызнул на себя из баллончика с фумитоксом, постоял у обреза воды, глядя то на вызвездившее небо, то на лес за рекой, потом полез в палатку. Ни с того ни с сего заболела голова. Он попробовал бороться с болью с помощью медитации и не заметил, как уснул.

Ночью проснулся в поту, не понимая, что с ним и где он находится, прислушался к тишине за стенками палатки, попил холодной родниковой воды, успокоился, уснул снова. И приснился ему удивительный сон, до жути реальный, объёмный и цветной.

Он стоял на плоской вершине скалы, торчащей недалеко от толстой стеклянной стены, разделявшей равнину надвое. Вправо и влево уходила цепочка таких же скал, похожих на застывших каменных стражей. По эту сторону стены равнина была живой, зелёной, поросшей густой травой и ползучим кустарником, по другую мир был сер, тускл, прокопчен, по угрюмой холмистой равнине с чёрными провалами кратеров и ям бродили слоистые белёсые дымы, сквозь которые изредка проносились некие призрачные тени, а иногда проглядывал лик кошмарного зверя, похожего на дракона и на человека одновременно.

Небо этого мира было фиолетово-чёрным, в отличие от густо-синего небосклона, раскинувшегося над зелёной половиной равнины. А вот солнце оказалось единым для обеих половин, разделённое точно посередине всё той же колоссальной, уходящей в бесконечность, стеклянной на вид стеной. Только цвет

половинки, освещавшей зелёную, живую часть равнины, был желтым, с оранжевыми протуберанцами, а относящейся к страшному — «адскому» миру — багровым, с чёрными оспинами.

На равнине из-за дальнего холма появились всадники на необычного вида животных, имеющих сходство с верблюдами и слонами. Они приблизились к стеклянной стене, спешились. Мужчина, одетый в облегающий тело серебристый костюм со множеством выпуклых ромбов, вытащил из-за спины сверкнувший меч, шагнул к стене. Женщина — Артур, холодея, вдруг понял, что она очень похожа на увайю, эвенкийскую колдунью, которую они с Увачаном встретили на берегу, — одетая в белый пушистый костюм, догнала спутника, потянула за руку, остановила.

Они начали о чем-то спорить, поглядывая на стену, потом мужчина все-таки настоял на своём и снова двинулся к стене. Женщина опустилась на корточки, закрыв лицо ладонями. Мужчина оглянулся, что-то сказал, ткнув пальцем в «коня». Женщина поднялась, побрела назад, сгорбившись, забралась на «верблюдослона».

Мужчина наконец дошёл до стены, в задумчивости склонил голову, смущённый, очевидно, реакцией спутницы. Потом решительно взмахнул мечом и полоснул по стене.

Раздался гулкий треск.

Стена в месте удара покрылась сетью трещин, выгнулась, на землю посыпались искры и дымящиеся осколки стекла, испаряющиеся на глазах.

Мужчина ударил мечом ещё раз.

Грохот, взрыв!

Во все стороны полетели свистящие молнии, в стене образовалась рваная расширяющаяся брешь, из которой на зелёную равнину хлынули полосы тумана, заставив меченосца отступить. А затем из дыры показалась жуткая морда зверя с горящими узкими глазами, похожая и на лицо человека, и на морду дракона.

Мужчина вытянул вперёд засиявший меч.

Зверь в ответ выдохнул клуб дыма и яркого пламени, и мужчину отнесло назад сразу на полсотни метров. Он вскочил на ноги, поднял меч над головой, и тот создал своеобразный купол из голубых извилистых молний, защитивших владельца от новой атаки зверя. Меч вытянулся, превратившись в копьё, воткнулся в морду зверя, оставив дымящийся шрам. Но зверь махнул лапой, отбил копьё и выдохнул облако не то сизого пара, не то бурлящей жидкости, накрывшее воина с головой.

Тому удалось разрубить это странное вихрящееся облако, сбросить и рассеять его верхнюю половину, в то время как нижняя часть тела воина оставалась погруженной в кипящий пар.

Женщина закричала, направляя «коня» к спутнику, но он обернулся, крикнул в ответ:

— Уходи!

Зверь окончательно выбрался из дыры, поднялся во весь рост над равниной — ни на что не похожая апокалиптическая фигура с колышущимся, вспухающим и опадающим телом и множеством корявых лап. Протянул одну из лап к женщине.

Мужчина извернулся, ударил по лапе мечом, отрубая её.

Зверь оскалился, заревел, превращаясь на мгновение в пульсирующее фонтанами пара облако, и снова плюнул в противника сгустком дыма. Мужчина скрылся внутри этого сгустка, прорубил в нём окно, но больше ничего сделать не сумел.

— Уходи! — прилетел его стихающий хриплый крик.

Затем облако окончательно спеленало воина паутиной белесых струй, он исчез.

Женщина повернула коня, помчалась прочь от места непонятного сражения, то и дело оглядываясь.

Одна из лап монстра потянулась было за ней, догнала, но схватить не успела: женщина исчезла вместе с своим «верблюдослоном», растаяла в воздухе... и Артур проснулся.

Подхватился на локтях, дыша как после бега на сто метров, весь в поту, ощущая чужой страх и чужую боль, лёг на спальник обратно. Но уснуть так и не смог, промаялся до утра, вспоминая сон подетально. Раньше он спал крепко и бестревожно, как младенец, забывая сны уже через минуту. Однако этот сон, закончившийся боем неизвестного воина с вырвавшимся на свободу монстром, был настолько подробен, что казался эпизодом реальной истории. А навеян он был явно встречей с женщиной на берегу Джелиндукона, уж очень она походила на беглянку из сна, спутницу погибшего воина, успевшую чудесным образом спастись.

В палатку заглянул Увачан, как всегда невозмутимый и бесстрастный, выглядевший так, будто и не ложился вовсе.

— Олешки беспокойся, однако, надо быстро ехать. — В глазах эвенка зажёгся огонек, он заметил состояние спутника. — Э, сон плохой видеть?

— Скорее странный, — промычал Артур, начиная одеваться;

спал он обычно в одних трусах. — Ты-то чего поднялся ни свет ни заря?

— Чуять яккивана, — в нос проговорил охотник.

— Чего ты учуял?

— Бурча-каан и дьяжил-каан. Плохой духи близко, ехать надо.

Артур вылез из палатки, поёжился, — температура воздуха под утро снизилась до плюс пяти градусов, — посмотрел на занявшуюся зарю, и в извилистых полосах облаков над зубчатой линией леса увидел контуры зверя из сна. Вздрогнул, поёжился еще раз. Показалось, что кто-то пристально посмотрел ему в спину через прорезь прицела и готов спустить курок. Оглянулся: никого.

— Хренов сон!

— Духи смотреть, однако, — понимающе осклабился Увачан. — Хара суорун и хара сылгылах. Очень злой, очень страшный. Надо ехать быстро.

Артур потянулся было к прикладу карабина, торчащему из внутреннего кармана палатки, но передумал, заставил себя успокоиться.

— Собирайся, едем.

Через полчаса они пили чай у костра, посматривая на беспокойно ведущих себя оленей. Лагерь был свёрнут, можно было возвращаться в Туру.

Внезапно Увачан хлопнул себя ладонями по лбу.

— Эх, старый луун, надо быть собак взять!

— Ты чего? — удивился Артур, не понимая охотника.

И вдруг снова почувствовал знакомый угрожающий взгляд.

Вскочил, напрягаясь, метнулся к оленям, выдернул из седельной сумки карабин.

В лесу на другом берегу реки шевельнулись кусты, и на галечник мягко вытек — буквально как струя жидкой гуттаперчи — громадный зверь, помесь тигра, удава и таракана. Ткнулся носом в валун, возле которого недавно стояла женщина в белом, поднял уродливую голову и посмотрел на оторопевших людей.

— Хара сылгылах! — прошептал эвенк, падая лицом в траву и закрывая затылок ладонями.

Артур сглотнул, держась за карабин, начал тихонько поднимать ствол.

Зверь сверкнул узкими яркими желтыми глазами с вертикальными зрачками, качнул головой, словно предупреждая: не надо стрелять, дружок, не поможет тебе карабин, — ещё раз нюхнул

камень и тем же манером скользнул в кусты, бесшумно, плавно, неодолимо, как живой поток жидкого металла.

Давление чужого взгляда на голову снизилось, исчезло.

Артур опустил карабин, смахнул выступивший на лбу пот, глубокомысленно изрёк:

— Пора завязывать с алкоголем, мистика уже всякая начинает мерещиться.

При этом он был совершенно уверен в своей адекватности, да и реакция Увачана подтверждала тот факт, что страшный зверь («хара сылгылах», однако) ему не померещился.

— Вставай, старик, — похлопал Артур охотника по плечу, — убрался твой злой дух, не стал нас есть, не понравились мы ему.

Эвенк забормотал что-то под нос, тряся головой, потом подхватился на ноги, погнал оленя вдоль берега реки.

Артур хмыкнул, сполоснул лицо речной водой, поглядывая на камень, ставший свидетелем двух странных встреч, и направился вслед за проводником. Думал он о том, что такие встречи плюс удивительно яркий сон неспроста. Ему было дано некое знамение, намёк на какую-то иную жизнь, далёкую от обыденной, но понять, что это означает, Артур был не в состоянии. В леших и домовых Суворов не верил, суеверным не был, считая, что все описанные литературой «потусторонние» силы, колдуны и маги являются всего лишь способом заработать имидж или заинтересовать обывателя. Впрочем, существовал ещё один вариант объяснения случившегося: он стал случайным свидетелем абсолютно не касающихся его событий, происходящих вполне реально в местах, не доступных простому смертному. Ведь не остановись он на берегу Джелиндукона в поисках алмазов, так, наверное, и не увидел бы ничего и жил бы себе спокойно, как остальные мирные граждане России, верхом удовольствия считавшие телепередачи типа «Последний герой».

Снова заболела голова. Перед глазами встал образ женщины в белом, выглянувшей из-за камня.

Может быть, тот зверь (Артур содрогнулся) её преследовал? Недаром же он обнюхивал камень и береговой откос. Интересно, что это за зверь? Реликтовый динозавр, сохранившийся в этих местах со времён мезозоя? Эдакое «лохнесское», точнее, тунгусское чудовище? Или уцелевший член экипажа взорвавшегося над Подкаменной Тунгуской звездолёта (есть и такая версия), известного под названием Тунгусский метеорит?

Артур усмехнулся, получил укол боли в висок, выругался шёпотом.

Собака бешеная! Уж не заболел ли он? Чем? Простудился? Подхватил местную инфлюэнцу? Комарики ведь его кусали разные, мог и малярийный попасться. Только этого нам не хватало...

Он догнал Увачана.

— Дедушка, у вас тут малярией никто не болел?

Охотник оглянулся, глаза у него были чёрные и блестящие, его трясло.

— Увайю приходить, беда быть, совсем пропадать...

— Что ты там бормочешь? Живы будем, не помрём. А зверь и правда был страшненький, я таких не видел.

— Хара сылгылах, злой дух, однако, порчу наводить, плохо всем быть...

— Прекрати шаманить! — прикрикнул на эвенка Артур. — Раз он нас не тронул, значит, сам испугался. Всё будет хорошо. Я знаю, ты умеешь людей лечить, полечи меня, башка трещит.

Увачан внезапно успокоился, перестал дрожать, проворно достал фляжку с водкой из-под меховой накидки (в ней он ходил даже в самую жару), хлебнул. Глаза старика перестали казаться оловянными пуговицами, в них заискрилась жизнь.

— Ты великий мээрген! — торжественно заявил он. — Хара сылгылах испугать! Маган кырдай испугать! Алмазы находить. Ты великий углах мээрген!

— Хорошо, хорошо, согласен, — скривил губы Суворов, — только вот голова болит, как с похмелья.

Увачан покивал, обошёл его кругом, потёр ладонь о ладонь и приложил ко лбу и затылку. Запел что-то на своём языке. Через минуту голова Артура прояснилась.

— Спасибо, колдун, — с облегчением выпрямился он. — Научил бы ты меня своему мастерству, а? Я бы за ценой не постоял.

— Отец учить мне, — поднял палец к небу эвенк. — Слово знать, свобода быть, духи говорить, долго учить, однако.

— Это я понимаю, — вздохнул Артур. — С детства учиться надо. Ладно, поехали, и в самом деле надоело комаров кормить, пора в цивилизацию. Да и с тем зверем неохота ещё раз встречаться. Как ты его назвал? Хара сылгылах?

Увачан изменился в лице, сделал изрядный глоток обжигающей горло жидкости и заторопился к своему оленю.

В Туру они вернулись без особых приключений спустя неделю после встречи со «злыми духами», преодолев по тайге около трёхсот километров.

Глава 2

НЕ ПОРА ЛИ ЗА СТАРОЕ?

Приснился странный сон накануне праздника Чура, бога-покровителя границ и семейного очага, и Василию Никифоровичу Котову, во младенчестве — Балуеву, бывшему контрразведчику-ганфайтеру, перехватчику-волкодаву и комиссару «чистилища», свернувшему свою работу после встречи с Матвеем Соболевым в «розе реальностей».

Соболев, недолгое время замещавший инфарха, верховного координатора иерархов, исполнил обещанное, нейтрализовал Истребителя Закона, или, как его ещё называли, Ликвидатора Круга. Охота за Посвящёнными в дела Внутреннего Круга прекратилась.

Исчез куда-то и Герман Довлатович Рыков, Посвящённый II ступени, президент Купола, метивший в абсолютные властители земной реальности и даже всей «розы». Купол сократил свои ряды, частично ушёл в подполье, частично замаскировался под государственные структуры и «добропорядочные» фирмы. В результате ККК, или «команда контркрим», или ещё точнее — «чистилище», перестало выполнять функции «восстановителя закона возмездия» и приостановило свои операции — бандлики, надеясь, что её услуги обществу больше не понадобятся.

Вахид Тожиевич Самандар, генеральный комиссар «чистилища», ушёл с головой в научную работу, стал директором Международного института боевых искусств (бывшего МИЦБИ) и о себе напоминал редко. Да это было и понятно, так как женщина, которую он любил, стала женой Василия Никифоровича. Сам же Котов с удовольствием окунулся в семейную жизнь, сыграв свадьбу с Ульяной Митиной. Спустя почти год у них появился ребёнок — сын, которого они назвали Матвеем в честь Матвея Соболева.

Василий мог бы и не работать, пользуясь наследством бывшего кардинала российского Союза Неизвестных Юрьева, дочь которого Мария вышла замуж за Стаса Котова. Юрьев оставил

дочери крупные счета в банках России и за рубежом, которыми она и воспользовалась, переведя суммы на счета мужа и его воспитателя, Котова-старшего. Однако сам Василий Никифорович сидеть сложа руки не любил, организовал компанию по производству и сбыту пластиковой посуды, стал её президентом и о своём будущем беспокоиться перестал.

Куда подевался Юрий Венедиктович Юрьев, не знал никто, в том числе и его дочь. Впрочем, они со Стасом, владея тхабсом и «мечом-устранителем препятствий», всё чаще переходили границу «розы реальностей» и уносились в неведомые миры, подчиняясь властному зову тайны. Что они искали, можно было только догадываться.

Первое время Василий Никифорович переживал, когда Стас и Маша не возвращались по две-три недели кряду из своих походов, потом привык. Стас был человеком серьёзным, учебу в физтехе бросать не собирался, планировал стать Посвящённым высших ступеней Внутреннего Круга человечества, «круга великого молчания», как его называли, и за его судьбу можно было не волноваться.

Правда, по сведениям Котова-старшего, сам Круг, изначально созданный для стабилизации социума, добычи новых знаний, сохранения старых и нейтрализации опасных, практически перестал существовать в результате войны с Ликвидатором. Две тысячи лет назад он сначала раскололся на Хранителей и Собирателей, а потом последние разделились на иерархов, экспериментирующих на «лепестках» «розы реальностей», и на корректоров уже существующих миров. Те из них, что были послабее, стали членами Союзов Неизвестных, управляющих жизнью государств Земли, что посильнее — ушли «выше», чтобы изменить замыслы Архонтов и самых древних обитателей Материнской реальности — Аморфов. Именно они укротили Аморфа Конкере, претендующего на главенствующую роль в иерархии «розы реальностей», названного Хранителями Монархом Тьмы, захватили его и заточили в одном из подуровней «розы», ограничив свободу и возможности вмешательства в жизнь реальностей. Хотя изредка ему всё же удавалось подчинить себе того или иного иерарха или члена Союза Неизвестных, отчего жизнь в Материнской реальности, в том числе и на Земле, резко изменялась.

Впрочем, подробности деятельности иерархов — Аморфов, Архонтов и Ангелов, да и Мастеров тоже, каким стал сам Василий Никифорович, его не волновали. Он успокоился, перестал

интересоваться высшими материями и зажил полной жизнью довольного судьбой человека. Лишь одно обстоятельство портило ему иногда настроение: обещание, данное Матвею Соболеву, — найти и покарать Рыкова. Однако маршал Купола исчез, а заниматься его поисками Василию Никифоровичу было недосуг. Отказав Юрьеву участвовать в воссоздании Союза Неизвестных России, Котов отошёл — как он сам считал — от деятельности Круга и не претендовал на какие-либо привилегии, награды и власть. Тайно управлять бытием российского социума ему не хотелось.

Правда, изредка в нём просыпался искатель приключений, каким он был во времена службы в контрразведке, а потом в спецназе ФСБ, и Василий Никифорович, свободно управлявший тхабсом, переносился в иные слои-миры «розы реальностей», бродил по равнинам Венеры (тхабс обладал и функциями защиты владельца), плоскогорьям Марса, ледяным метановым полям Титана, уносился еще дальше — к звёздам и везде натыкался на следы былых войн, потрясших «розу» и потрясавших, как оказалось, её до сих пор.

К примеру, однажды он стал свидетелем боя между армадами космических кораблей, принадлежащих разным разумным существам, и вернулся в тягостной задумчивости, вдруг осознав, что войны за власть ведутся постоянно, а кто в них побеждает — светлые или тёмные силы, оставалось неизвестным. Надо было что-то менять в «генеральном плане развития Вселенной», однако заняться этим Котов не рвался.

Ульяна вполне разделяла чувства мужа, но она стала матерью и тоже не стремилась участвовать в корректировке бытия — российского и мирового. Её больше занимало воспитание сына, его здоровье и судьба.

Они переехали в новостройку на Карамышевской набережной, имевшую охраняемую территорию, обустроили четырёхкомнатную квартиру по своему вкусу и зажили вполне комфортно, незаметно отделившись от общества, того общества, устои которого недавно защищали с риском для жизни. Конечно, оба продолжали встречаться с «рядовыми» гражданами, не подозревающими, что существует ещё один слой жизни, о котором они ничего не знают, но Василий Никифорович перестал проникаться их заботами и тревогами. Не очерствел душой, нет, просто изменил свои взгляды на жизнь. Хотя, если честно, ему иногда казалось, что отдых — в каком-то смысле — после всех потрясений

и боёв с криминалом он заслужил и что он имеет право не думать какое-то время о восстановлении справедливости и каких-то там законах возмездия.

А сон ему приснился и в самом деле странный.

Всадники на необычного вида животных, двое — мужчина и женщина. Мрачная холмистая равнина, изрытая кратерами и провалами, покрытая чёрной и ржавой коростой, будто здесь недавно бушевал пожар. Угрюмый замок на горизонте, навевающий тоску и смуту. Примерно так выглядел бы толкиновский Мордор. Или сгоревшая крепость Инсектов.

Последняя мысль заставила Василия Никифоровича пристальнее всмотреться в торопливо спускающихся к реке всадников, но в этот момент из-за горизонта вынеслась длинная стая огромных птиц, формой напоминающая дракона, и бросилась на всадников.

Мужчина вытащил сверкнувший льдистым огнём меч, стал отбиваться от птиц. Впрочем, это были не птицы — гигантские насекомые, похожие на саранчу.

Женщина загородилась от них плащом, потом бросилась в реку, исчезла.

Мужчина некоторое время оборонялся, каждым взмахом сияющего меча проделывая просеки в туче саранчи, но в конце концов скрылся под массой навалившихся насекомых...

И Василий Никифорович проснулся с ясным пониманием того, что со Стасом и Марией случилась беда. Хотел было тихонько встать с постели и пройти в кабинет, но Ульяна вдруг повернулась к нему лицом, прошептала:

— Что тебе снилось? Ты кого-то звал.

Василий Никифорович присел на кровать, помял лицо ладонями.

— Я видел двух всадников, мужчину и женщину, они сражались с тучей огромной саранчи.

— Стас и Маша?!

Котов усмехнулся.

— Ты понимаешь всё с полуслова. Не знаю... может быть, это были они.

— С ними что-то случилось! Их нет уже больше месяца!

— Вернутся, никуда не денутся. — Слова прозвучали фальшиво, неуверенно, и Василий Никифорович рассердился на самого себя. — Они великолепно оперируют тхабсом, и с ними синкэн.

— Всё равно я бы поискала их в «розе».

— Подождём пару дней, я разберусь с делами и схожу в «розу». Спи, рано ещё.

— Разве ж теперь уснёшь...

Василий Никифорович подошёл к маленькой кроватке сына, поправил простынку, вышел на кухню. Шёл седьмой час утра, но ложиться досыпать уже не стоило. Мысли в голову лезли самые тревожные, и он знал, что причина их — долгое молчание Стаса. Парень никогда не позволял себе задерживаться в «розе» так долго, а раз он не явился ещё две недели назад, значит, для этого имелась веская причина. Может быть, им с Машей встретился кто-нибудь из уцелевших иерархов? Или сам Рыков?

Василий Никифорович невольно сжал кулаки.

Рыков, Рыков, кардинал Союза, маршал Купола... куда же ты подевался, нелюдь позорная?! Где скрываешься? Что делаешь? Какую пакость обдумываешь? Не пора ли заняться твоими поисками вплотную?

На кухню пришла Ульяна в халатике.

— Кофе сварить?

— Лучше чайку и бутерброд с брынзой.

Василий сделал зарядку, умылся, позавтракал с женой, обмениваясь впечатлениями о прошедшей Олимпиаде: оба болели за российскую сборную, — но мысли о судьбе Стаса и Маши мешали чувствовать себя комфортно, и разговор не получался. Потом проснулся Матвейка, Ульяна принялась возиться с сыном, и Василий Никифорович двинулся на работу с плохим настроением.

А в десять часов утра к нему в кабинет — офис компании Котова находился недалеко от метро «Баррикадная», — заявился Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной.

Удивлённый и обрадованный нежданным визитом, Василий Никифорович встал из-за стола, они обнялись.

— Садись, комиссар. Вот уж кого не ждал сегодня в гости. Охрана тебя видела?

— Нет.

— Я так и думал. Чай, кофе, минералка, коньяк, шампанское?

— Чай, зелёный.

— Привычки свои ты не меняешь. Впрочем, я тоже, хотя в потреблении напитков я более демократичен. Ничего, если тебя увидит секретарша? Или мне самому чай заварить?

— Я не являюсь агентом спецслужб.

Василий Никифорович вызвал секретаршу Катю, изумлённо

глянувшую на гостя, попросил чаю. Девушка вышла, растерянно оглядываясь на невозмутимого Самандара, одетого в бежевый щегольский летний костюм и белые туфли. В отличие от него Котов выглядел в своих джинсах и ковбойской распашонке как редактор мелкого издательства.

— Не знаешь, где нынче Юрьев?

— Год не видел, — покачал головой бывший генеральный комиссар «чистилища». — Зато я вычислил Рыкова.

Василий Никифорович подобрался, пристально посмотрел на друга и соратника. Сердце заколотилось о рёбра так сильно, что впору было глотать корвалол.

— Где он?!

Вошла Катя с подносом, расставила чашки, вышла.

Самандар занялся чаем.

— Где он? — повторил вопрос Котов, сдерживаясь.

— Не поверишь, он сейчас зампред Госдумы.

Василий Никифорович с недоверием заглянул в непроницаемые карие глаза Вахида Тожиевича.

— Не может быть! Я видел зама председателя Думы по телевизору, это другой человек.

— Рыков изменил внешность. Я проанализировал обстановку в социуме, все последние политические рокировки, финансовые потоки, формирование партийных эгрегоров и... короче, Герман сделал финт ушами, замаскировался, продолжая командовать парадом, и никого не боится.

Василий Никифорович достал из бара початую бутылку водки «Абсолют», плеснул в стакан, залпом выпил.

— Ты уверен?

Самандар вытащил из кармана дискету, щелчком послал собеседнику.

— Здесь все расчёты и выкладки.

Василий Никифорович повертел дискету в руках; пальцы дрожали.

— Я чувствовал, что он где-то рядом... и всё равно не верится.

— Поставь, посмотри.

— Я тебе верю... посмотрю, конечно. И всё же... почему он забыл про нас? Почему не стал преследовать?

Самандар усмехнулся.

— Мы стали беззубыми, старик. Мы ушли из с и с т е м ы. Мы решили, что война закончилась, что победа за нами, что жизнь

нормализовалась, всё хорошо и можно отдохнуть. Но это далеко не так.

— Что ты хочешь сказать?

Вахид Тожиевич достал ещё одну дискету, бросил Котову.

— Это расчёты и прогнозы состояния социума. Нашего, российского, разумеется. Он резко криминализировался, ушёл «под крышу» государства, сменил методы влияния и способы воздействия на отдельных чиновников и власть в целом. Это видно даже по той литературе, которая нынче издаётся и востребована.

— А что издаётся?

— В первую очередь боевики, в том числе фантастические, детективы, криминальные драмы, маргинальные романы и сексопатологические измышления, порнография.

— Я не читаю боевики...

— А зря, очень поучительное чтиво, весьма наглядный срез того, чем мы живём на самом деле. Налицо кризис социума, Никифорыч, хотя это мало кто понимает: чем дальше в будущее, тем дальше отодвигаются планеты и звёзды, всё дороже становится путь в космос, да и жизнь вообще.

— Что ты предлагаешь?

— Пора выходить из спячки, мастер. Нам на смену никто не пришёл. Купол укрепил свои позиции. Из всех щелей полезла на свет божий всякая нечисть, не получая отпора ни на одном из уровней. Надо срочно менять порядок вещей.

Котов покачал головой.

— Те рецепты, которыми мы пользовались раньше, не помогают, это очевидно.

— Мы выработаем новые. Пора изменить систему власти в стране, взорвать Купол изнутри. Сегодня это глубоко эшелонированная антигосударственная антинародная структура. К правительству не подобраться, все подходы к нему со стороны позитивных сил перекрыты, поэтому таким карманным правительством легко управлять.

— Кому?

— Тому же Рыкову, а через него — нашему знакомцу Конкере. Кстати, по моему убеждению, Монарху Тьмы удалось каким-то образом вырваться из той «запрещённой реальности», куда его упекли адепты Круга, и он взялся за старое, то есть за передел мироустройства.

Василий Никифорович вспомнил свой сон.

— С чего ты взял?

— Я брожу по «розе»... иногда... собираю информацию. По моим сведениям, там началась новая охота за иерархами, что скоро отразится и на Земле.

Котов посмотрел на бутылку водки на столе, поколебался, спрятал в бар.

— Ты случайно Стаса с Машей не встречал?

— Нет, — качнул головой Самандар. — Но по некоторым косвенным данным, они двинулись в сторону пакета блокированных реальностей «розы».

— На самом «дне» которого прячется тюрьма Монарха, — глухо сказал Василий Никифорович.

— Да.

Они посмотрели друг на друга.

— Дьявольщина! — ударил кулаком о ладонь Котов.

— Спокойно, Никифорыч, эмоциями делу не поможешь. Давай восстанавливать «чистилище», но работать не по низам, а по верхам. «Рыба» нашей власти гниёт с головы, вот её и надо чистить. Ты телевизор когда последний раз смотрел?

— А что?

— Есть такая программа по ТВЦ — «Сияние истины».

— «Караул-программа»...

— Точно, её называют и так. Это очень хорошо организованная утечка информации из криминальных структур, в том числе — очень высокого полёта. Надо использовать её базу, а также секретные доклады Счётной палаты и работать по высшим чиновникам государства, проявившим себя как полные мерзавцы. Уверен, мы быстро наведём порядок.

— Сомневаюсь.

— Думай. — Вахид Тожиевич поднялся. — Голова — не роскошь, не средство для поедания пищи, как считает большинство, головой думают.

— Спасибо за информацию, — улыбнулся Василий Никифорович. — Ещё вопрос... о Рыкове... Ты действительно веришь, что он в Думе?

— Теперь его зовут Марат Феликсович Меринов. Кстати, там же, в Думе, я встретил его секьюрити, который очень не хотел, чтобы его узнали.

Самандар помахал рукой хозяину кабинета, направился к выходу и, не дойдя одного шага до двери, исчез.

Василий Никифорович склонил голову к плечу, разглядывая ковёр, на котором только что стоял генеральный комиссар ККК,

подумал, что секретарша сильно удивится, когда обнаружит, что гость пропал без следа, но мысль тут же исчезла. Он подсел к столу, включил ноутбук. Посидел немного, глядя на засветившийся экран, и напечатал: Герман Довлатович Рыков — Марат Феликсович Меринов.

Экран вспыхнул ярче, в левом верхнем углу загорелся и погас значок алого цвета в форме паучка — китайский иероглиф цюань, код вызова Монарха Тьмы, и надпись пропала!

Василий Никифорович озадаченно потёр переносицу, не понимая, что случилось. Снова пробежался пальцами по клавиатуре.

На этот раз ничего особенного не произошло, имя Рыкова осталось на экране, только при этом Котову стало казаться, что экран с м о т р и т на него, внимательно и оценивающе.

Василий Никифорович оскалился, показал ноутбуку кулак и напечатал: «Станислав Котов, Воин Закона!»

Компьютер словно бы поперхнулся, мигнул, взгляд втянулся в него, как струйка дыма в рот курящего.

— Так-то лучше, — пробормотал Василий Никифорович, понимая при этом, что иероглиф цюань показался ему неспроста: компьютер Котова явно контролировался эмиссаром Конкере, может быть, даже самим Рыковым-Мериновым.

— Ну погоди, сивый Меринов! — сквозь зубы проговорил Василий Никифорович, ещё не приняв окончательного решения. — Я тебя найду!

До вечера он решал рутинные рабочие проблемы компании, провёл ряд переговоров с клиентами, проинструктировал менеджеров, сменил пароли и коды в компьютере, вычистил его и поехал домой в дурном расположении духа. Не давали покоя слова Самандара о том, что Стас и Мария в исследовательском запале ушли в «низовые» или «адовы» миры «розы реальностей», о чём сам Стас ничего своему дяде не сказал. Плюс известие о Рыкове, окопавшемся совсем близко, в Государственной Думе, целый год остававшемся в тени, продолжая, однако, свою деятельность. Самандар был прав, «чистилищу» надо было выходить на «тропу войны», коль государственные службы не могли справиться с беспределом коррумпированного снизу доверху чиновничества.

— У нас гость, — встретила мужа Ульяна, кивнув на гостиную.

Василий Никифорович плеснул на лицо и на плечи холодной

воды в ванной, — конец июля выдался жарким и душным, зашёл в гостиную.

С дивана поднялся мрачный Сергей Иванович Парамонов, сын Ивана Терентьевича, в отличие от отца не получивший Посвящение во Внутренний Круг и знавший о нём только из разговоров отца с приятелями. Ему исполнилось пятьдесят лет, был он человеком добродушным, спокойным и веселым, даже если у него не всё получалось в жизни. Но сегодня ему явно было не до веселья.

— Что случилось, Сергей Иваныч? — подал ему руку Василий Никифорович. — На тебе лица нет.

— Работу потерял, — криво улыбнулся Парамонов.

— Не понял. Ты же директор завода и его акционер.

Сергей Иванович действительно был директором асфальтового завода в Мытищах, использующего самые передовые технологии, и являлся одним из его соучредителей и акционеров.

— Да ты садись, садись, — махнул рукой Котов, — сейчас ужинать будем.

— Я уже поел, чай вот допиваю.

— Тогда рассказывай.

Сергей Иванович сморщился, глотнул чаю.

— Что тут рассказывать? Подъехали к заводу два десятка машин, из них высыпало человек сто в форме ЧОПов, но без опознавательных знаков. В руках ломы, бейсбольные биты, отрезки арматуры и труб, «болгарки». Взломали ворота, повязали охрану, оцепили здание заводоуправления и выставили вон всех сотрудников.

— Интересный коленкор. И кто же это сделал?

— «Новые» владельцы завода. Якобы по решению Арбитражного суда. Предъявили документы о смене совета директоров и о новом хозяине.

— Настоящие?

— Липа, разумеется. Они подделали учредительные документы, на основании которых получили в Москомрегистрации самое настоящее государственное свидетельство о собственности, дающее право на чужое имущество. С этими, с позволения сказать, доказательствами бандиты наняли судебных приставов и захватили завод.

— У тебя такая слабая охрана?

— Почему слабая? Десять человек на периметр, правда, не милиция и не ВОХР, свои ребята, грамотные. Только оружие

применять не обучены. Смяли их, конечно. Представляешь, что там сейчас делается? Печать у них, пакет документов предприятия у них. — Сергей Иванович безнадёжно махнул рукой.

— Неужели вы бессильны? — не поверил Василий Никифорович. — Законные владельцы? А милиция на что, прокуратура?

— Какая там милиция? Мы, само собой, сиднем не сидим, уже подали заявление в суд, в прокуратуру, в мэрию, но пока наши бумаги разберут, производство разорится, а здание эти сволочи продадут. Для них ведь главное — урвать свой кусок под шумок и смыться. Хотя, вполне вероятно, что они завод перепрофилируют или возведут на его месте казино или супермаркет.

— Неужели такое возможно?

— Ты газеты не читаешь? Знаешь, сколько приносит подобный бизнес? До тысячи процентов чистой прибыли! Вот поэтому до суда ничего и не доходит. Во всяком случае за решётку еще никого не удалось отправить, насколько мне известно. Так что я теперь безработный. — Парамонов горько усмехнулся, встал. — Домой поеду, не хочу вам портить настроение. У тебя наверняка своих проблем хватает.

— Посиди чуток. — Василий Никифорович вышел в спальню, переоделся в спортивный костюм, набрал номер на мобильнике. — Вахид, ты сильно занят?

— Читаю прессу, — отозвался Самандар, не удивляясь звонку.

— Надо помочь одному хорошему человеку.

— Когда?

— Желательно прямо сейчас. Форма одежды — парадно-боевая.

Короткое молчание.

— Где встретимся?

— Возле мытищинского метро, через час. Ты даже не спрашиваешь, что мы будем делать и кому помогать?

— Достаточно того, что это знаешь ты. — Самандар отключил связь.

Василий Никифорович хмыкнул, вышел в гостиную.

Сергей Иванович вопросительно посмотрел на него.

— Собирай своих подчинённых и через полтора часа подъезжай к заводу, — сказал Котов.

— Что ты задумал?

— Возвращать захваченное.

— Ты с ума сошёл! Их же там сто человек, и все вооружены!

— Во-первых, не сто, и вооружены они не автоматами. — Василий Никифорович усмехнулся. — Звони своим охранникам и управленцам, к ночи завод будет наш. Сможешь удержать его в случае повторного нападения налётчиков?

Сергей Иванович почесал затылок.

— Позвоню приятелю, он в ОМОНе Северо-Западного округа служит, объясню ситуацию.

— Тогда вперёд, безработный, начинай сборы.

В гостиную выглянула Ульяна с Матвейкой на руках.

— Вы куда на ночь глядя?

Мужчины переглянулись.

— Погуляем, обсудим одну проблему, — сказал Василий Никифорович.

— А дома это сделать нельзя?

— Не волнуйся, мы ненадолго.

— Не верю я тебе, Котов.

— Вот! — повернулся к Парамонову Василий Никифорович, поднимая палец вверх. — Мой дед предупреждал: семья — это зона повышенной конфликтности, избегай её.

Ульяна засмеялась.

— Ладно, Васенька, я тебе это припомню.

Василий Никифорович подошёл к ней, поцеловал протянувшего к нему ручонки малыша, погладил жену по плечу, махнул рукой гостю:

— Идём.

Они спустились во двор, расселись по машинам: у Парамонова был джип «Шевроле-Нива», у Василия Никифоровича полноприводная «Субару-Дрим» с четырёхсотсильным мотором.

— Может, не стоит с ними связываться? — высунулся в боковое окошко Парамонов. — Это же чистые бандиты!

— Именно поэтому и надо ставить их на место. Подъезжай с ребятами к десяти часам, не раньше, и позвони мне по мобильнику. Всё будет хорошо.

Через сорок минут Василий Никифорович подъехал к площади Мира в Мытищах, нашёл белую «Мазду-7» Самандара, приткнувшуюся к переходу в метро, пересел к нему в кабину.

— Рассказывай, — сказал Вахид Тожиевич бесстрастно; на нём был такой же фирменный спортивный костюм, что и на Котове.

Василий Никифорович коротко ввёл его в курс дела.

— Значит, ты решил просто восстановить попранную спра-

ведливость? — поинтересовался Самандар безразличным тоном. — Или наш поход уже следует считать бандликом «чистилища»?

— Можешь считать, что я согласен с твоими доводами. Будем возрождать ККК.

— «СМЕРЧ».

— Что?

— Предлагаю назвать нашу команду «СМЕРЧ» — от слов «смерть чиновникам», разумеется — продажным, коррумпированным.

Василий Никифорович невольно покачал головой.

— Не слишком ли круто? Это ж нам придётся почти всех чиновников «мочить».

— Не «мочить» — перевоспитывать. Хотя кое-кого из нелюдей действительно придётся ликвидировать физически.

— Ладно, подумаем ещё, как назвать «чистилище». Предлагаю действовать по-простому: оставляем машины у проходной завода, идём внутрь и нейтрализуем каждого, кто попадётся на пути.

— Лучше начать изнутри, с заводоуправления. Ты не разучился пользоваться тхабсом?

— А что, идея неплохая. Начнём оттуда, с начальников. Оружие берём?

— Зачем?

— Тоже верно, меньше хлопот. Тогда поехали, комиссар?

Самандар протянул ему руку, и Василий Никифорович стукнул по ней ладонью.

Глава 3

БАНДЛИК БЕЗ КРОВИ

Как синкэн-гата, обладая свойствами «духовного меча» и «устранителя препятствий», не является оружием, хотя и может использоваться в качестве такового, так и тхабс — в переводе с санскрита «способ действия», иначе — способ взаимодействия разных энергоинформационных состояний, не является собственно «транспортной системой», но может переносить человека в любую точку пространства (и даже — в миры «розы реальностей»), преобразуя человеческое тело в энергоинформационный поток с другим фазовым уровнем.

Василий Никифорович, как Посвящённый Круга II ступени, знал возможности тхабса. Это знание дал ему ещё Хранитель Матфей во время войны Круга с Истребителем Закона. Владел тхабсом и Самандар, научившись пользоваться им от Котова. Поэтому им не составило особого труда «уйти» в иное фазовое состояние и выбрать местом выхода заводоуправление асфальтового завода.

Из «мембраны перехода» они вышли аккурат в кабинете директора, который недавно занимал Сергей Иванович Парамонов. В данный момент в нём находились другие люди.

Один сидел в кресле директора: тяжёлое красное лицо с презрительной складкой губ, глазки-буравчики, оттопыренные уши, короткие пегие волосы, серый костюм. Ещё двое располагались напротив: мощного телосложения, коротко стриженный, с лицом боксёра, и постарше, в джинсовой безрукавке и джинсах, с чёрными зализанными волосами и змеиными глазами.

Василий Никифорович сразу окрестил его «юристом».

Реакция у всех троих на внезапное появление гостей в спортивных костюмах была разная.

«Хозяин» удивлённо поднял голову от разложенных на столе бумаг, округлил глаза.

«Боксёр» вскочил; по всей видимости, он играл роль личной охраны «директора».

«Юрист» же сунул руку под мышку, явно собираясь достать оружие. Из всех присутствующих он был самым опасным. И Самандар мгновенно отреагировал на его движение, сделав длинный скользящий шаг и одним ударом по ключице отбивая охоту к дальнейшему сопротивлению. «Юрист» охнул, роняя пистолет, схватился рукой за плечо.

«Боксёр» тоже сунул руку в карман широких чёрных штанов, вспомнив об оружии, но его успокоил Василий Никифорович, использовав всего один «неотбиваемый» приём, так называемый «удар готового результата». «Технику превосходства», культивирующую подобные удары, он постигал, ещё будучи в спецназе ФСБ, а потом совершенствовал вместе с Самандаром, который основал школу адекватного реагирования в МИЦБИ.

«Боксёр» упал, как опрокинутый шкаф, даже стены вздрогнули.

Входная дверь приоткрылась, в щель высунулась белобрысая стриженая голова второго охранника, заинтересованного шумом в кабинете директора.

Василий Никифорович щёлкнул его в темя указательным

пальцем — особым образом, используя «кулак в воде», то есть принцип резкого ускорения скорости движений, и белобрысый выпал обратно в приёмную со сведёнными к переносице глазами.

Самандар метнулся туда же и вернулся через несколько секунд, показав два пальца: в приёмной на этот момент находились ещё двое парней из команды захватчиков.

Василий Никифорович шагнул к столу, вежливо коснулся виска двумя пальцами:

— Иван Петрович Сидоров, представитель правозащитной организации «СМЕРЧ». Представьтесь, пожалуйста.

— Э-э-э... — выдавил «хозяин».

Самандар обошёл стол, отвесил ему короткую пощёчину.

«Хозяин» ойкнул, побледнел, протянул было руку к лежащему на столе мобильному телефону и замер, заметив покачивание пальца Василия Никифоровича.

— Сидите смирно, господин хороший. Времени у нас мало, поэтому будем предельно лаконичны. Имя, фамилия, представительство?

— Ак-кунин Г-георгий М-муслимович, — проговорил «директор» трясущимися губами. — Д-директор...

— Насколько мне известно, легитимным директором завода является другой человек.

— Уже не является, — ощерился «юрист». — У нас на руках решение Мытищинского суда...

— А вы кто? — посмотрел на него Василий Никифорович с нехорошим прищуром.

— Судебный пристав Пенкин. Вам придётся ответить за...

— Ответим, — перебил его Самандар, подходя ближе. — Документы.

— Вы не представляете, с кем связались! Мы вас...

Самандар хлопнул пристава ладонями по ушам. Тот вскрикнул, хватаясь за голову, и Вахид Тожиевич точным движением вытащил у него из внутреннего кармана безрукавки удостоверение служителя закона.

— Пенкин Роман Кириллович, старший судебный пристав Мытищинского районного суда.

— Я же сказал, вы пожалеете...

Василий Никифорович резко приблизил к нему лицо, заставив пристава отшатнуться.

— Это ты не представляешь, гадёныш, с кем связался! Не слышал о «чистилище»? Никакая «крыша» тебе не поможет, не меч-

тай! Теперь о деле. Немедленно прикажите своим подельникам покинуть территорию завода! Мы могли бы и сами её «подчистить», но не хотим крови. Сегодня. Завтра, не дай бог, вы нас вынудите, начнутся ваши похороны! Я доходчиво объясняю положение дел?

Новоиспечённый «директор» хрюкнул, посмотрел на «юриста», прокашлялся:

— Рома, может, мы... э-э...

— Блефуют они, — скривил губы пристав, — нету никакого «чистилища», и ни о каком таком «Смерче» я не слышал.

Новый удар по ушам, вскрик.

— Вот наше удостоверение, — сказал Самандар, доставая из кармана белую визитку с тиснённым в уголке золотым кинжальчиком и надписью «СМЕРЧ». — С этого дня вы часто будете слышать от коллег о получении таких меток, а то и получать сами. Так вот, вручение такой визитки — по сути, смертный приговор. Мой коллега прав, сегодня мы тестируем команду и не хотим никого убивать. Завтра начнётся отстрел мерзавцев. Теперь понятно?

— М-м-м... э-э-э... — промямлил потеющий «директор».

Видимо, и пристав наконец проникся уважением к раскрывающимся перед ним перспективам, облизнул губы, кинул быстрый взгляд на пистолет у ног, на дверь. Он был битый волк и не привык сдаваться без боя.

— Никто не придёт, — качнул головой Василий Никифорович. — Завод окружён нашими людьми. Если не хотите кровопролития, уходите подобру-поздорову.

Пристав бросил ещё один взгляд на пистолет, и Самандар, наклонившись, поднял его, подал «юристу» рукоятью вперёд.

— Попробуй, вдруг успеешь?

Пристав встретил его бесстрастный взгляд, переменился в лице.

— Хорошо, мы уйдём, но завтра я вернусь с ОМОНом...

— ОМОН уже здесь, ждёт сигнала к атаке, — улыбнулся Василий Никифорович. — И запомни: рыпнешься права качать, которых у тебя нет, и ты это знаешь, — я лично принесу тебе визитку «СМЕРЧа»!

«Юрист» отодвинулся от стола вместе со стулом, хотел что-то сказать, но передумал. Хотя было видно, что он действительно никого не боится и строит какие-то планы.

— Звони Кериму, пусть уводит парней.

Бледный «директор» поднял трясущейся рукой мобильный телефон, набрал номер.

— Керим, снимай братков, мы уезжаем... да, я так решил... и Рома тоже... кончай базар, выполняй! — Акунин выслушал ответ, покрылся испариной, беспомощно посмотрел на представителей «правозащитной организации». — Он сейчас придёт сюда...

Самандар молча вышел из кабинета.

— Кто это — Керим? — поинтересовался Василий Никифорович.

— Сейчас узнаешь, — снова показал зубы «юрист». — Керим — мастер боя, профессионал, бывший «афганец», он вас в капусту...

Василий Никифорович без замаха ударил пристава в подбородок, и тот с грохотом улетел в дальний угол кабинета, потерял сознание, замолчал. Вторым ударом Котов разбил телефон «директора». Наставил на него палец.

— Сиди тихо, мразь! Я сейчас вернусь. Выкинешь какое-нибудь коленце — твоим домом станет морг.

— Н-не...

— Вот и ладушки.

Василий Никифорович вышел в приёмную.

Самандара здесь не было.

На полу лежали двое мужчин в серой форме сотрудников частного охранного предприятия, на столе и на диванчике валялись их «орудия труда» — обрезок трубы и бейсбольная бита.

Василий Никифорович выглянул в коридор.

Самандара не было и здесь. Зато от лифта к приёмной шествовала группа молодых и не очень людей в количестве пяти человек, под предводительством смуглолицего здоровяка с косым разрезом глаз. Очевидно, это и был некто Керим, с которым разговаривал руководитель налётчиков, то ли ещё один судебный пристав, то ли командир охраны «хозяина». В руках он не держал ничего — в отличие от остальных, вооружённых дубинками, но Василий Никифорович чувствовал, что этот человек очень опасен. Его надо было нейтрализовать в первую очередь.

Котов отступил назад, закрывая дверь, встал слева.

Дверь открылась через три секунды, но её порог первым переступил не Керим, а один из сопровождавших его парней. За ним всунулся второй верзила с лицом, явно не отягощённым интеллектом. Оба вытаращились на тела подельников на полу, и

Василий Никифорович, взяв т е м п, уронил парней точными уколами пальцев в стиле ТУК — техники усыпляющего касания.

И тотчас же в проёме двери возник низкорослый Керим с пистолетом в руке.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга — прицельно и оценивающе. Керим, то ли казах, то ли татарин, был очень опытным бойцом, судя по его спокойствию и несуетливой манере поведения, и вряд ли был склонен к компромиссам. Он находился н а с л у ж б е и отрабатывал обязанности секьюрити в полной мере.

— Ты кто? — спросил он с характерным горловым акцентом.

— Сотрудник похоронного бюро, — вежливо ответил Василий Никифорович, заметив, как выглядывающие из-за плеч Керима спутники исчезают один за другим.

По-видимому, тот почуял опасность — и сделал ошибку — оглянулся.

Василий Никифорович бесшумно скользнул к нему на ускорении, заметил движение пальца Керима на курке пистолета (шестнадцатизарядный «вальтер» калибра девять миллиметров) — классная реакция у гада! — ушёл с линии огня и ударил противника по руке.

Удар случился одновременно с выстрелом. Пуля попала в окно, раздался звон, на пол посыпались осколки стекла. Придётся Сергею вызывать стекольщика, мимолётно подумал Котов.

Керим между тем оружие из руки не выпустил, попытался выстрелить ещё раз, но возникший за его спиной Самандар не дал ему такой возможности. Охнув, смуглолицый начальник секьюрити «директора» упал лицом вниз, успев-таки нажать на курок. Пуля вонзилась в пол, расколов паркетную дощечку.

Переглянувшись, Самандар и Котов связали Керима его же ремнем, вернулись в кабинет «настоящего» директора.

Акунин стоял у стола, вытянув шею, и прислушивался к доносившимся из приёмной звукам. Увидев «чистильщиков», он побелел, поднял руки над головой, забормотал:

— Я ничего никому, только воду пил и ждал, честное слово...

— Заткнись! — оборвал его Вахид Тожиевич.

— Кто командует твоими бандитами на территории завода? — мрачно спросил Василий Никифорович.

— Керим... Мерзоев... он начальник ЧОПа...

Самандар вышел в приёмную, приволок начавшего проявь-

лять признаки жизни Керима. Достал у него из кармана мобильник.

— Прикажи ему вывести людей с территории. Быстро!

Акунин вздрогнул, сглотнул слюну, посмотрел на главного охранника:

— Керим, выводи людей... мы уходим...

Смуглолицый тряхнул головой, глянул на лежащего без движения у стены пристава, оглянулся на Самандара. В глазах его протаяло понимание.

— Спецназ МВД...

— Бери выше, — усмехнулся Василий Никифорович. — «Чистилище». У тебя есть шанс остаться в живых. Звони своим клевретам.

Самандар развязал руки чоповца, стянутые ремнем за спиной.

Керим потёр запястья, ещё раз глянул на пристава, на «чистильщиков», взял протянутый мобильник.

— Любер, отбой мероприятию, уводи кодлу. — Выслушал ответ, протянул мобильник Котову. — Через десять минут нас не будет. Кто вы всё-таки?

Василий Никифорович оттолкнул телефон.

— Аппарат твой, оставь.

Самандар щелчком направил Кериму визитку ККК. Тот поймал на лету, погладил пальцем золотой кинжальчик, раздвинул узкие губы в хищной улыбке.

— Команда контркрим... давно о вас не было слышно...

— С этого момента будут слышать часто, — пообещал Василий Никифорович. — Ты свободен.

Керим потоптался на месте, бросил взгляд на бледного потеющего Акунина, на пристава, держащегося за голову, молча направился к двери.

— И это дерьмо захвати, — подтолкнул руководителя налётчиков Василий Никифорович. — Мы с ним позже разберёмся. — Повернул голову к приставу. — Помочь?

— Не надо, — оскалился тот, с трудом вставая.

— Документы, — напомнил Самандар.

— Где заводские документы, настоящие? Печать, регистрационные бумаги, лицензия, списки акционеров?

— На столе, — кивнул на три раскрытые папки Акунин. — Всё цело, мы собирались...

— Пошёл вон!

Дверь пропустила налётчиков, закрылась.

— Я провожу, — сказал Самандар, направляясь к выходу.

— А я их встречу у ворот, — улыбнулся Василий Никифорович, — для вящего эффекта.

Он вызвал состояние тхабса и через секунду объявился у будки охраны возле ворот, где уже началась суета: захватчики предприятия стягивались к проходной, не понимая, в чём дело. От Котова шарахнулись, как от привидения. Василий Никифорович засмеялся, зашёл в будку охраны, включил механизм отпирания ворот, вышел и встал в воротах, расставив ноги.

Вскоре появились ковыляющий пристав, Керим и его начальник, то и дело утиравшийся носовым платком. Увидев «представителя правозащитной организации», с которым они расстались в кабинете директора, все трое резко остановились. Керим на мгновение сбросил с себя маску «азиатской» невозмутимости, взялся за подбородок. Акунин растерянно оглянулся на здание заводоуправления, на крыльце которого появился Самандар.

— В-вы?!

Василий Никифорович услышал звуки работающих моторов: к заводу съезжались люди Парамонова, — отступил в сторону:

— Убирайтесь!

Толпа налётчиков хлынула через ворота на площадь, стала рассасываться. Ушли, оглядываясь, и Акунин с Керимом. К воротам подбежал растерянный Сергей Иванович.

— Как вам удалось?!

— Всё в порядке, занимайте свой завод, — проворчал Василий Никифорович, чувствуя облегчение и скрытую радость от того, что у них всё получилось. — Документы на месте.

Парамонов махнул рукой своим парням.

— По местам, работаем, как по тревоге! Проверить все цеха, все помещения, через час доложить о положении дел.

Заводчане бросились выполнять распоряжение директора. Вслед за ними удалился и Сергей Иванович, всё ещё находившийся под впечатлением счастливого возвращения собственности.

Василий Никифорович повернул голову к приблизившемуся Самандару:

— Когда ты успел изготовить новые визитки?

— Успел, — безразличным тоном отозвался Вахид Тожиевич. — Двух видов: чёрные и белые.

Василий Никифорович хмыкнул.

— Белые — это...

— Первое предупреждение. Чёрные...

— «Чёрная метка», надо полагать, предупреждение о ликвидации.

— Правильно мыслишь. Но я только что сделал печальный вывод.

— Ну?

— Нас перестали уважать и бояться. Нужны масштабные акции, а не единичные наскоки на подлецов. Нужна с и с т е м а наказания. Иначе не стоит и начинать.

— Согласен. — Василий Никифорович подумал. — Но я должен обо всём рассказать жене. Если она не одобрит...

— Хочешь, я с ней поговорю?

— Не стоит, я сам. И поехали отсюда. — Василий Никифорович понюхал воздух. — Как здесь живут люди? Асфальтовый завод всё же, амбре такое, что голова кружиться начинает.

— Привыкли.

— А то ж! Наши люди ко всему привыкают, даже к беспределу чиновников и бандитов. Воюй за них...

Оба оглянулись на завод, на территории которого вспыхнули фонари.

Стало светлее.

Глава 4

МЫ НЕ БЕССМЕРТНЫ

Проиграв бой Истребителю Закона, ставшему, по сути, Ликвидатором Внутреннего Круга человечества, Хранители отступили.

Многие из них откровенно испугались за свою жизнь и перестали служить идее Круга, предпочтя уютную старость в только им известных мирах «розы реальностей». Многие сменили род деятельности, устроившись советниками ныне здравствующих президентов и глав правительств, чтобы хоть как-то поддерживать равновесие социума. Единицы попытали счастья в высших «слоях» «розы», сменив иерархов или же надеясь заменить их в будущем.

Хранитель Матфей, ставший исполняющим обязанности инфарха, то есть главы Иерархии, не смог объединить коллег в единый организм, отказался от Посвящения в сан инфарха и вер-

нулся к исполнению прямых обязанностей — хранить знания, добытые прошлыми цивилизациями Земли, не допускать утечки опасной информации и препятствовать доступу непосвящённых к МИРам Инсектов — модулям иной реальности, сохранившимся в недрах Земли с момента исчезновения цивилизации разумных насекомых. Областью его ответственности в данном деле была не только Москва, в подземных пустотах которой хранилось около полутора десятков «замков», созданных самыми разными видами Инсектов десятки и сотни миллионов лет назад, но и вся Россия.

Он видел и агонию Круга, столкнувшегося с Ликвидатором, обладающим новым качеством — умением нейтрализовать «высшие непреодолимости», и ликвидацию самого Ликвидатора Воином Закона справедливости, функции которого короткое время выполнял Матвей Соболев, и захват власти на Земле авешей Монарха Тьмы Рыковым, и расширение тьмы — деструктурирующих реальность тенденций, но не вмешивался в процессы, идущие в социуме. Он ждал нового пришествия Воина Закона, способного создать Архитектора Согласия и навсегда покончить с властью дьявольского Закона переноса вины, заставить работать Принцип справедливого воздаяния за преступления, причём — немедленно!

Местом жительства Матфей избрал городишко Туру, административный центр Эвенкийского края. Климат Эвенкии ему не очень подходил, зато нравилась природа с богатейшей палитрой красок и нравились люди, населявшие край, не избалованные «благами» цивилизации и сохранившие чистые и ясные души, любовное отношение к природе.

Тридцатое июля Матфей провёл в МИРе, расположенном практически под центром Туры. Это был замок Веспидов, галловых ос, Матфей называл их творение гигаллом — гигантским галлом. «Замок» разумных ос напоминал огромную ягоду ежевики, да и цвет его был красно-пурпурным, с малиновым оттенком, поэтому выглядел он весьма и весьма экзотично. Однако главной его особенностью был не внешний вид, а внутреннее строение, напоминающее гипертрофированных размеров гнездо-улей. К тому же саркофаг царя Веспидов служил здесь своеобразным сейфом, храня одну из Великих Вещей Мира. Эту Вещь сделали не Инсекты, а их предки, получившие собирательное название Предтечи, и каким образом она оказалась во владении Веспидов, Матфей не знал. Но вынужден был охранять

её, чтобы она не попала в руки не только обыкновенных людей, искателей приключений, самодеятельных археологов, но и в руки Посвящённых низших ступеней, способных воспользоваться Вещью ради собственной выгоды и пользы и — во вред всему человечеству.

Он уже собирался возвращаться домой, когда почувствовал ментальный вызов.

Чёрное поле космоса, окружавшее Землю и планеты земной реальности, прочертила светящаяся рубиновая нить, достигла Земли, пронзила голову Хранителя, породив каскад невербализованных понятий. Матфей ответил «лотосом» приветствия: его запрашивал Никола Русый, патриарх Хранителей, находившийся в данный момент в Магадане.

Светящиеся струи и символы распались на «объёмы» смысла:

«Приветствую тебя, брат».

«Здрав будь, Никола. Что случилось?»

«Я собираю транзитивный Сход, получена информация чрезвычайной важности. Ты примешь участие?»

«Без сомнений».

«Тогда жди, я согласую иерархию по достаточности защиты, чтобы нам никто не помешал».

Процедура согласования Схода не потребовала много времени. Мгновенная ментальная связь соединила Хранителей таким образом, будто они находились рядом, в одном месте, а не за тысячи километров друг от друга. Всего на связь вышли тридцать два Хранителя, в том числе Архонты, обладающие двадцатой ступенью Посвящения: Васиштха, Петр, Симеон, Сатья-вара, Месхи, Габриэль, не считая самого Николы Русого. Все они откликнулись на призыв патриарха, которому исполнилось уже более тысячи лет, понимая, что Сход по пустякам не собирается.

Матфей поудобней устроился на гладком полу пещеры, где располагался МИР Веспидов, закрыл глаза, ощущая поступающие извне и образующие сеть связи лучики ментальных «голосов» других Хранителей. Вход в общее континуальное поле сознания, образованное эгрегором Схода, напоминал нырок в море светящегося тумана и почти полное растворение в нем. Процесс же объединения ментальных полей продолжал развиваться, стала видна вся поверхность Земли с ярко просиявшими точками контакта — в местах, где в настоящий момент находились Хранители.

Следующий шаг синхронизации индивидуальных пси-полей увёл внутреннее зрение создаваемого полевого организма в

структуры материи. Матфей увидел пульсацию электромагнитных полей, их источники, весь диапазон излучений, пронизывающих Землю и Солнечную систему. Затем поле зрения гигантского мыслящего и чувствующего организма Схода сузилось до уровня физических тел, и рядом с Матфеем возникли зыбкие полупрозрачные фигуры остальных иерархов.

«Начинаем Сход», — раздался в мысленном диапазоне голос Николы Русого.

«Кого ты представляешь? — осведомился Хранитель народов Закавказья Месхи. — Чью фигуру управления?»

«Лично себя, — ответил Никола Русый спокойно, зная агрессивно-независимый нрав кавказца. — Я не хочу никем руководить и навязывать своё мнение. Вы знаете, иерархия Круга практически низложена, и каждый из вас волен выбирать тип поведения. Теперь на Земле диктует свою волю, внушая всем живущим, что мир плох и жесток, впечатывая в сознание, в психику каждого сценарий катастрофы и вечной войны, авеша Конкере, маршал Сверхсистемы Герман Рыков, он же — Марат Меринов. Сила его хотя и не столь велика, как у Ликвидатора, однако нейтрализовать Рыкова ни один из нас не в состоянии. Это можно сделать только сообща».

«С чего ты взял, что мы захотим его нейтрализовать? Он нам не мешает».

«Я просто констатирую факт усиления т ь м ы. Когда Ликвидатор был уничтожен, сброшен в «розу», мы решили, что настала пора техник гармонизации социума, и даже наметили, кто станет Архитектором Согласия. Но он отказался».

«Это был я», — не стал отрицать и прятаться за «фигуру умолчания» Матфей.

«Мы знаем, — буркнул Месхи, — ты испугался».

«Я испугался, — не стал спорить Матфей. — В первую очередь ответственности, а Силы мои на исходе. Да и не бессмертен я».

«Все мы смертны».

«Братья, не будем отвлекаться, — напомнил о себе Никола Русый. — Я получил информацию, которая требует обсуждения».

«От кого?»

«От Светлады».

В общем поле связи на несколько мгновений установилась хрупкая тишина. Все знали, что Светлада была когда-то «светлым духом мечты» инфарха, его совестью, сам же инфарх после событий годичной давности исчез из поля зрения иерархии «розы». Кроме Светлады, инфарх имел ещё и «третье Я» — «светлый

дух доброты» — Светлену, которая полностью перешла на земной уровень бытия и стала частью души живой женщины. Но о Светладе не было известно ничего.

«Где она? Откуда взялась? Инфарх объявился?» — послышались реплики членов Схода.

«Она ждёт нашего приглашения, чтобы сообщить важное известие. Но прежде чем дать ей слово, я хотел бы обратить ваше внимание на следующий факт: кто-то, не открывая себя, то есть на уровне сил Элохим Гибор, ведёт интенсивные поиски Великих Вещей Мира, вскрывая один за другим модули иной реальности. А вы знаете, что абсолютные вещи, созданные в Материнской реальности, попадая в другие реальности «розы», формируют их условия, жёстко организуют их структуру. «Роза реальностей» — пространство допустимых состояний Мироздания, а не всех возможных...»

«Не надо объяснять нам, что такое «роза», — недовольно перебил патриарха Хранитель Канады Джонс-Джонс. — Почему вы уверены, что неизвестный иерарх, — а кто ещё способен вскрыть МИРы Инсектов? — ищет Великие Вещи?»

«Потому что я знаю о трёх попытках извлечь Вещи из МИРов, охраняемых моими коллегами. Кстати, я не уверен, что попытки, о которых я ничего не знаю, не увенчались успехом».

В поле общения снова на короткое время установилась тишина. Потом заговорил Хранитель африканского континента Чакха:

«Может быть, это проявление каких-то действий инфарха?»

«Или Воина Закона», — вставил мысль Иакинф.

«Инфарх снял с себя ответственность за судьбы «розы» и убыл в неизвестном направлении. Его место вакантно. Любой из нас может его занять, если мы согласимся на Посвящение такого высокого уровня. Что касается Воина Закона справедливого воздаяния, то он — существо соборное и тоже нуждается в делегировании Сил, которыми мы обладаем. Вполне возможно, его организация нам понадобится в будущем».

«Ты знаешь, у кого сейчас хранится оружие Воина?»

Никола Русый помолчал.

«Синкэн-гата не является оружием в полном смысле этого слова. Прежде всего он — оптимизатор сил баланса, устранитель препятствий на пути Законов Творца, нейтрализатор высших непреодолимостей, каковыми являются любые другие законы, в том числе физические. Но я не знаю, в чьих руках находится синкэн-гата в данный момент. Хотя догадываюсь».

«Матфей, ты был последним, кто контактировал с Воином год назад», — напомнил Хранитель Украины Билык.

«Меч остался у Стаса Котова, Мастера III ступени, сыгравшего роль оруженосца Воина. Однако с тех пор я с ним не встречался».

«Синкэн-гата не просто эффектор магического оперирования, — проговорил бесстрастный Васиштха. — Он еще и ключ к Знаниям Бездн и олицетворение «сферы света» Самаэль, то есть «жестокость бога». Если он попадёт в руки отщепенцев типа Рыкова, быть большой беде».

«Кроме того, он олицетворяет собой одну из букв имени Творца, — добавил Хранитель Павел. — И не означает ли процесс поиска Великих Вещей, которые также являют собой буквы-символы Творца, попыткой овладеть с и л о й Самаэль и концептуально изменить Материнскую реальность?»

В третий раз поле связи Хранителей погрузилось в короткое молчание.

«Именно поэтому я и собрал Сход, — вздохнул Никола Русый, как обыкновенный человек, изнемогший под грузом ответственности. — Боюсь, и в самом деле грядёт новое изменение реальности, которое начнётся со сброса человеческой цивилизации в «яму» регресса, тем более что есть все предпосылки к этому. Берегите Великие Вещи, созданные предками Инсектов и Аморфов, берегите «иглу Парабрахмы», способную превратиться в величайшее по силе разрушения оружие, берегите саркофаги царей Инсектов, древнейшие компьютерные комплексы, способные инициировать тхабс даже у непосвященного, берегите кодоны, являющиеся пси-программаторами, против которых бессильны и Мастера, и Ангелы, берегите Колокол, Трансформатор, трансляторы Тьмы...»

«Довольно, Никола, мы поняли, — угрюмо перебил патриарха Месхи. — Где Светлада? Пусть войдёт в Сход и скажет, что знает».

Матфей невольно напрягся, предчувствуя значимость того, что сообщит всем авеша инфарха.

Светящийся туман общего поля сознания передёрнула судорога неяркой молнии, и «рядом» с Хранителями возникла зыбкая прозрачная фигурка женщины в плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Все почувствовали дуновение гордой с и л ы, пронизанной печальной аурой кротости, смирения и нежности. Перед адептами Круга действительно открылась «часть души» инфарха, имеющая самостоятельное воплощение в ментальном поле.

Тем не менее лидер кавказских Хранителей проворчал:

«Пусть откроет лицо, я хочу быть уверен...»

Женщина в сияющем плаще откинула капюшон, и у Матфея защемило в груди: на него посмотрела с т а р у х а!

Да, это была Светлада, не стоило сомневаться в этом, но она выглядела так, словно постарела на сто лет, проведя всё это время в темнице без света, пищи и воды.

Капюшон закрыл лицо Светлады, прекрасное даже в т а к о м состоянии. Мягко и печально прозвучал её ментальный голос:

«Прошу прощения, братья. Я отдала слишком много сил, добираясь до земной реальности из «адовых» миров. Не удивляйтесь моему виду. Война в «розе» началась с новой силой, изгнанный из Материнской реальности Истребитель Закона превратился в Зверя Закона и охотится теперь за иерархами по чьей-то команде, уничтожая их одного за другим. Поэтому мне было трудно сохранить контуры воплощения и статус посланницы инфарха. Теперь главное: Конкере вышел на свободу!»

И в четвёртый раз сферу сознания Схода потряс удар тишины.

Кто-то изумлённо ахнул, кто-то выругался.

Матфей сам едва удержался от восклицания, поражённый известием.

«Это правда?» — недоверчиво проговорил Месхи.

«Увы, да, — ответил Никола Русый. — Я послал наблюдателя в «адовы слои» «розы», и он подтвердил, что Стена Отчуждения взломана, причём — с помощью синкэн-гата».

«Кто это сделал?! Зачем?! Когда? Вы знаете?» — послышались мысленные голоса.

«Я знаю, — сказала Светлада горько. — Оруженосец Воина Закона Стас Котов».

«Как это случилось?!»

«Он переоценил свои силы, пытаясь доказать себе самому, а может быть, и своей жене Марии, что он способен контролировать основные параметры «розы». Монарх перехитрил его и, возможно, завладел синкэн-гата».

«Котов погиб?»

«Возможно, он стал частью Конкере».

«А его жена — авеша Светлены?»

«Погибла. Хотя Светлена могла уцелеть. Мы ещё не знаем точно».

«Когда это произошло?»

«Несколько дней назад... и несколько миллиардов лет назад, если принять во внимание тот факт, что Конкере был заперт в

прошлом, в одной из «запрещённых реальностей», с которыми сам же и экспериментировал. Теперь он на свободе».

«Что же нам делать?» — растерянно спросил кто-то.

«Выход один: формировать эгрегор Воина Закона, — сказал Никола Русый твёрдо. — Немедленно начать поиск кандидатуры оператора, которому мы могли бы передать часть своих Сил».

«Но почему вы уверены, что Монарх примется за нас? — подал мысленный голос индиец Сатья-вара. — Лично мы в тюрьму «розы» его не помещали».

«Мы — основа сохранения стабильности Материнской реальности. И если Конкере захочет её изменить, а именно это он и собирается сделать, как это уже было почти миллиард лет назад, когда он «сбросил» Инсектов в «яму масштабной деградации» и направил эволюцию Блаттоптера-сапиенс таким образом, чтобы появились люди, то первым делом он должен уничтожить нас».

«Не согласен», — бросил Сатья-вара, покидая Сход.

«Я тоже в это не верю», — поддержал коллегу Чакха, также «выдёргивая» свою пси-сферу из общего поля связи.

За ним ушли Петр, Симеон, Люй Чень, Джонс-Джонс.

Проворчав что-то о «необходимости решения насущных проблем», покинули Сход Месхи, Павел, Арий и два десятка остальных Хранителей. Остались Матфей, Никола Русый, японец Такэда и Иакинф. Впрочем, двое последних тоже не задержались, пообещав «подумать о своём решении» и помочь, если понадобится.

«Они струсили», — грустно проговорила Светлада.

«Их можно понять, — буркнул Матфей. — Это их выбор».

«Значит, выхода нет? Мы будем сражаться каждый сам за себя?»

«Нужен лидер, — снова буркнул Матфей. — Который способен собрать нас и убедить в необходимости союза. И ещё оператор Воина Закона».

«У тебя есть кандидатуры?»

«Нет, — после паузы ответил Матфей. — Думаю, нужен свободный оператор, никому не известный».

«Я встретила одного человека, — вспомнила Светлада. — У него очень хороший паранормальный энергозапас, хотя по жизненной позиции он шалопай. Однако у меня нет сил для прямого контакта с ним».

«Найди Отступника, он поможет», — посоветовал Матфей.

«Кого?» — не поняла Светлада.

«Тараса Горшина, учителя Соболева, занявшего место декарха».

«Почему его?»

«Только он способен обнажить суть человека и поднять его до высот Мастера, как это было с Матвеем. Кстати, вопреки воле инфарха».

«Мне ли этого не знать. Хорошо, я поняла. Желаю жить долго, братья».

Фигура Светлады стала таять, исчезла.

«Она скоро совсем эфемеризируется», — произнёс Никола Русый после недолгого молчания.

«Если не вернётся инфарх».

«Он не вернётся».

«Почему?»

«Потому что он до капли истратил всего себя для стабилизации «розы». Матвей Соболев мог бы занять его место, но не захотел. Да и ты тоже».

«Не заставляй меня оправдываться. Я слишком стар для этого».

«В таком случае мы отжили своё. Пришла пора перемен. Хотя я еще хочу побороться за жизнь. Ты поможешь Светладе? Кстати, по-моему, это её сестра — Светлена».

«Почему ты так думаешь?»

«Я чувствую. Светлена побоялась, что мы не дадим ей слова, поэтому назвалась Светладой».

«Странно всё это...»

«Так ты поможешь?»

Матфей задумался и спохватился лишь тогда, когда Никола Русый вышел из поля связи, не дождавшись ответа.

— Смысла нет, — пробормотал вслух Матфей. — Мы и в самом деле не бессмертны. Но я помогу...

Глава 5

Я НЕ ГЕРОЙ

Ночь после возвращения в Туру Артур провел беспокойно. Снились реки, тучи комаров, шурфы, какие-то бородатые личности, пытавшиеся украсть алмазы из палатки. А потом и вовсе приснилась женщина в белом, которая встретилась Суворову и Увачану на берегу Джелиндукона. Она указала на небо, прогово-

рила что-то на незнакомом языке, потом заплакала и исчезла. А на её месте появился молодой человек в белом костюме, с глазами столетнего мудреца. Он погрозил Артуру пальцем, и тот проснулся, не понимая, что его встревожило.

Впрочем, сон этот он тут же забыл, повернулся на другой бок и снова уснул.

Брат поднял его в начале девятого утра, предупредил, что уходит на работу: Чимкут Романов служил заместителем префекта Туры и курировал в местной администрации строительство в городе разного рода коммерческих центров. Был он поутру хмур и неразговорчив, и Артур заметил это:

— Ты чего такой скукоженный, Чим? Случилось что?

— Нехорошие люди, — с отвращением сказал Романов, беря свой рабочий портфель. — Так и норовят обойти законы кривой дорожкой.

— Какие люди?

— Я ответственный за инвестиционный конкурс на строительство торгового центра, а они хотят меня купить, чтобы конкуренты проиграли.

Артур нахмурился.

— Ты поосторожнее с ними, могут ведь и замочить, если на кону большие деньги. Угрожали?

— Сегодня встречаюсь с ними в конторе. Откажу, конечно, так нельзя.

— Может, заявишь в милицию?

— Я сам зампрефекта, у нас своя охрана. Ну, я пошёл. Жена тебя накормит завтраком, отдыхай. С камешками что надумал делать?

— В Москву повезу, не здесь же их продавать.

— Если что — могу найти хорошего человека, он оценит и поможет с реализацией.

— Спасибо, не надо. Возвращайся побыстрее, в ресторан сходим, а то завтра я улечу.

Романов кивнул и ушёл.

Артур полежал в постели расслабленно: после долгих ночёвок в палатке и борьбы с комарами квартира Чимкута казалась раем, — потом решительно встал, еще раз полюбовался на горсть алмазов и спрятал в особый карман джинсовой безрукавки. Сделал зарядку, то есть помахал руками, подрыгал ногами, поприседал и сто раз отжался на кулаках. Умылся и зашёл на кухню, где тихая улыбчивая жена Чимкута Ирина приготовила ему завтрак.

Поговорив с ней о житье-бытье, — оказалось, родилась она в Хатанге, а познакомилась с Чимкутом в Сочи, где они отдыхали летом, — выяснив, что ей очень нравится Тура и вообще природа Эвенкии, Артур направился в местное трансагентство купить билет на авиарейс до Москвы.

Ирина лукавила. Местные пейзажи действительно были красивы, причем не только летом, но и зимой, однако жить простому человеку в условиях сибирского засилья насекомых — комаров, мошек, мух, гнуса, а зимой — в условиях крепчайших морозов было нелегко. Наверное, в глубине души жена Чимкута мечтала о жизни в южных краях или хотя бы в местах более умеренного климата, просто подчинялась обстоятельствам, главным из которых было местонахождение мужа. С другой стороны, Артур в своих странствиях забредал и на Крайний Север Отечества, где условия жизни вообще были близки к экстремальным, но и там жили люди и не помышляли об отъезде.

Билет удалось купить без проблем.

Суворов пошатался по местному рынку, довольный удачным окончанием «алмазопоискового» сезона, купил красивый кожаный пояс отцу, обшитый мехом росомахи и бисером, а также «эвенкийскую мантру» — оберег в виде разукрашенной бисером круглой розетки из оленьей шкуры, с двенадцатью «кругами жизни». Маме он тоже купил подарок — ичиги, мягкие сапожки из оленьего меха, очень красивые. Не забыл и Чимкута с женой, да и себя побаловал, купив изумительной формы костяной нож из бивня мамонта.

По-видимому, количество его покупок и сумма, которую он потратил на подарки, произвели впечатление на продавцов и прогуливающихся по рынку местных завсегдатаев, потому что Артур вдруг обратил внимание на группки молодых людей, поглядывающих на него издалека. А трое из них даже проводили его до дома Чимкута, испортив Суворову настроение. Несмотря на физические данные и навыки спортсмена-футболиста, — Артур имел первый разряд по футболу, — человеком он был мирным и мастером воинских искусств себя не считал. Лишь в юности занимался пару лет боксом. А дрался он на своём веку всего дважды: один раз — защищая честь девушки, второй — в компании, которую заставила обороняться другая компания. Вообще же ему всегда удавалось не доводить ситуацию до крайних мер, когда без драки было уже не обойтись. Пока обходилось.

В шесть часов вечера пришел Чимкут, явно расстроенный,

судя по его задумчивости. Будучи наполовину эвеном, он перенял множество национальных черт отцовского рода, в том числе невозмутимость и немногословие, поэтому по лицу его трудно было судить о тех эмоциях, которые им владели.

— Пошли прогуляемся, — предложил брату Артур. — В кафе посидим, пивка попьем.

Чимкут подумал и согласился. Жену с собой приглашать не стал, сославшись на «мужские разговоры».

Решили не брать машину, а пройтись пешком.

К вечеру похолодало, лёгкий ветерок, напоённый луговыми ароматами с берегов Нижней Тунгуски, приятно овевал лица. Настроение у Артура было приподнятое, и он попытался развеселить брата.

Дошли до кафе «Чапогир», сели за столик, заказали по кружке разливного пива и солёную рыбку.

— Да фиг с ними, не переживай, — сказал Артур, с удовольствием отпив полкружки. — Всё образуется. Меня удивляет только то, что бандиты есть и здесь, в сердце Сибири, где жизнь мёдом никогда не была. Ты не рассказывал о своих проблемах начальству?

— Какому?

— Мэру, губернатору, самому префекту.

— Нет, — качнул головой Чимкут. — У них своих проблем хватает.

— Я слышал, ваш губернатор тоже не из бедных людей, бывший директор «Тунгуснефти».

— Богатый он, может быть, и богатый, только в отличие от бывшего губернатора Чукотки яхты, самолёты и коттеджи за рубежом десятками не скупает. Он даже спорткомплекс в Туре за свои деньги построил.

Артур засмеялся.

— Да, Рома Рэмбович личность одиозная, накрал денег столько, что девать некуда. Говорят, он у самого герцога Виндзорского замок купил, с двенадцатью спальнями и обсерваторией. Плюс «Боинг-767» за сто миллионов долларов, кстати, третий самолёт, да ещё доплатил полтора миллиона за противоракетную систему. Поэтому он и не появляется в России, чует, что земля начинает гореть под ногами, правосудие по следу идет.

— Какое там правосудие, — махнул рукой Чимкут. — У нас половина бывших бандитов ходит в чиновниках, от председателей законодательных собраний, глав администраций и до губер-

наторов. Все это знают, в том числе прокуратура, а судят только проворовавшихся мелких клерков.

— Тут ты прав, — кивнул Артур. — Я бы многих посадил на нары, будь моя воля. А в первую очередь Рому Рэмбовича. Жаль, куда-то скрылось «чистилище», была такая мощная организация, криминалитет мочила. Но бог с ними со всеми, давай о чём-нибудь весёлом поговорим. Ты на юг отсюда не собираешься податься? Или в центр?

— Что мне там делать? Кто меня там ждёт? Я здесь родился, тайгу люблю. А что касается «чистилища» — слышал я, конечно, что работала такая организация год назад, да только она в Москве, по-моему, обреталась. До наших краёв у неё руки не доходили. Между прочим, преступников тут хватает, земля дешёвая, а богатства в ней немереные. Алмазы, золотишко, пушнина тоже. Вот и стреляет братва друг друга, землю делит.

— Тогда на кой тебе такая работа? Ты же молодой ещё, институт окончил, уходи в какую-нибудь коммерческую структуру.

— Ну да, а на государство кто работать станет? — простодушно сказал Чимкут. — Ты вон тоже институт кончал, почему не в бизнес пошёл?

— Я не могу сидеть долго на одном месте, тянет на приключения. Женюсь — остепенюсь.

— Неужели есть кто на примете?

Артур вспомнил женщину в белом, поразившую его своей красотой, покачал головой.

— Не нашёл ещё, так, знакомые только. Да и не спешу я голову совать в семейный хомут. Это тебе повезло, что Ирину встретил, мне пока что не везёт на красивых женщин.

— Красивая женщина — конец света, — изрёк Чимкут, — жениться надо на доброй, в крайнем случае на умной.

— Философ доморощенный, — снова засмеялся Артур. — Сколько ты со своей Ириной живёшь?

— Шесть лет.

— Почему детей не завёл?

Чимкут погрустнел.

— Что-то не получается. Мы уже и к медикам ходили консультироваться, и к целителям. Разводят руками — всё в порядке, мол, здоровы, а детей нет.

— Приезжайте в столицу, я вас познакомлю с учеником академика Гаряева, вас проверят в институте эниомедицины, дадут рекомендации, и всё будет хорошо.

— Ладно, подумаем. Ирина переживает, однако.

Разговор на минуту прервался.

Чимкут заказал ещё по кружке пива, начал чистить вяленого сига. Судя по опущенным уголкам губ, попытка брата настроить его на оптимистический лад не удалась.

А Суворов вдруг почувствовал себя неуютно. Словно в кафе подул сырой холодный ветер, принёс туман и запахи болота.

Артур огляделся исподтишка, оценивая свои ощущения, и наткнулся на изучающий взгляд одного из парней веселящейся у стойки бара компании. Парень тут же отвернулся, обыкновенный местный житель с виду: серые штаны, кроссовки, синяя рубаха со шнуровкой на груди, волосы перехвачены синей ленточкой. Затем Артур разглядел, что и у остальных парней точно такие же ленты вокруг головы, и ему остро захотелось смыться из кафе.

Не будь рядом брата, по-прежнему занятого личными переживаниями, он бы так и сделал: юркнул бы в дверь, ведущую на кухню, оттуда во двор и домой. Однако Чимкут вряд ли понял бы такое поведение, и Артур вынужден был остаться, переживая неприятное чувство дискомфорта, как зубную боль.

Правда, компания парней с ленточками вскоре вывалилась из кафе, заметно снизив уровень шума, но Артура всё равно не оставляло чувство подглядывания в спину, вследствие чего он сделал вывод, что ему просто передалось настроение Чимкута. Хотя бодрости это открытие не прибавляло.

— Пойдём домой, — предложил он, — спать хочу, да и завтра рано вставать, самолёт в восемь вылетает.

— Пошли, — согласился Чимкут. — Вот только рыбку доем.

Посидели ещё несколько минут, перебрасываясь короткими репликами, расплатились, вышли из кафе. До пятиэтажки, в которой жили Романовы, можно было дойти за полчаса, но Артур предложил остановить такси. Чувство скрытого наблюдения не проходило, это нервировало, заставляло напрягаться и оглядываться.

— Что это с тобой? — обратил наконец внимание на его поведение Чимкут. — Здесь всего-то ходьбы два километра. Погода хорошая, я покурю пока.

Они уже отошли от кафе и повернули за угол на улицу Дерсу Узала, малолюдную по причине наступившего вечера. Артур поёжился: похолодало до плюс четырнадцати, а он был в одной футболке с короткими рукавами.

— Лучше бы мы... — начал Артур.

С визгом шин из-за угла вывернулся джип «Лэндкрузер», догнал братьев, резко затормозил, из него выскочили пятеро молодых людей, и Артур с Чимкутом оказались в круге парней с синими ленточками на головах. Тех самых, что сидели в кафе.

— Вам чего, ребята? — обаятельно улыбнулся Артур. — Мы мирные люди, никого не трогаем, идём домой. Может, вы нас с кем-то спутали?

— Заткнись! — бросил самый угрюмый из парней, кряжистый, с бородкой, перевёл взгляд на Чимкута. — Тебя предупреждали, узкоглазый, ты совет проигнорировал, придётся тебя наказать. Бей его!

Парни бросились на братьев, поднимая взявшиеся словно из воздуха палки.

Артур увернулся от одного удара, от другого, получил по спине, вскрикнул от боли.

Не будь рядом Чимкута, он просто-напросто сбежал бы от бандитов, обладая природной реакцией и манёвренностью, но Чимкут упал, и бросить его на произвол судьбы было бы неправильно.

Артур ускорил движения, сумел отнять палку у одного из нападавших, перетянул его же по копчику, подскочил к брату.

— Чим, вставай, забьют, гады!

Чимкут, держась за голову, попытался подняться, однако Артура отвлекли сразу двое, заставляя отбиваться и уклоняться, Чимкуту досталось по затылку от бородача, и он снова свалился на асфальт. Его начали пинать ногами, бить палками по спине и по рукам. Артур ничем не мог ему помочь, с трудом парируя удары, понимая, что долго не продержится. Бойцом он все же был слабым. И в этот момент ураган ударов стих. Парни один за другим как кегли разлетелись в стороны, попадали на тротуар. А рядом с избитыми братьями возник мужчина в белом костюме: среднего роста, не слишком накачанный, сероглазый, с удивительно спокойным и твёрдым лицом. Артуру показалось, что он его уже где-то видел. Незнакомец глянул на стонущих, копошащихся на тротуаре парней, на джип, перевел взгляд на Артура.

— Машешь палкой быстро, но неумело. — Голос у него был тихий, но выразительный, звучный, и каждое слово как бы резонировало, сопровождалось коротким эхом. — Воинскому искусству не обучен?

— Ни к чему было, — пожал плечами Артур, успокаивая ды-

хание. Склонился над потерявшим сознание Чимкутом. — Чим, поднимайся, всё кончилось.

Романов не отозвался. По щеке его сползла тоненькая струйка крови.

— Чёрт! «Скорую» надо вызвать!

— Не надо.

Незнакомец в белом подошел к Чимкуту, осмотрел его, не касаясь руками, положил руку на висок, закрыл глаза. Постоял так несколько мгновений. Артуру показалось, что из пальцев спасителя стекли на висок брата струйки нежно-золотистого сияния.

Чимкут вздрогнул, открыл мутные глаза. Зашевелился, сел, упираясь ладонями в асфальт.

— Что это было? Все тело болит...

— Нас крепко отмутузили.

— Кто?

— Бандиты в пальто.

— А-а... палыскут эрдыгын... собаки бешеные. — Чимкут заметил лежащие неподалеку тела нападавших, ошеломлённо открыл рот. — Кто это их?!

Артур подал ему руку, помог подняться, посмотрел на незнакомца, продолжавшего рассматривать его в странной задумчивости.

— Кто вы?

— Служба спасения, — усмехнулся обладатель элегантного белого костюма. — Поехали.

— Куда?

— Отвезу вас домой.

— На чём?

Незнакомец кивнул на джип с распахнутыми дверцами.

— Такой транспорт вас устраивает?

— Но это же их машина...

— Какая разница? Хотя, если не желаете ехать...

Артур оглянулся на зашевелившихся парней, подтолкнул Чимкута к джипу.

— Садись.

— Я ничего не понимаю! Какие-то подонки с палками, угрозы... кто этот человек?

— Он сам всё скажет. А эти недоноски хотели поломать тебе руки-ноги, рёбра и отбить остальные не менее важные органы, чтобы неповадно было отказывать их боссу в строительстве цен-

тра. Неужели не дошло? Говорил я тебе — сообщи в милицию. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально... голова кружится...

Артур бросил подозрительный взгляд на терпеливо ждущего их спасителя, подтолкнул Чимкута к машине. Снова пришло ощущение, что он где-то встречался с этим человеком.

Они сели в джип, и незнакомец повел машину к окраине Туры, не зажигая фар, хотя уже смеркалось, а фонарей на улицах города было не густо.

— Как вас зовут? — поинтересовался Артур.

— Тарас, — ответил тот.

— Меня Артур, моего брата...

— Знаю.

— Вы из милиции?

— Нет.

Джип остановился у дома Романовых.

— Чимкут, будьте добры, поднимайтесь к себе, я хочу поговорить с вашим братом.

— Пойдёмте вместе, жена ужин сготовит, чаю попьём...

— Позже.

Чимкут вопросительно посмотрел на Артура, молча полез из кабины.

Тарас проводил его взглядом, облокотился о руль, повернул голову к пассажиру.

— Я знаю, что вы любитель острых ощущений и экстремального отдыха. Хотите поучаствовать в приключении, о котором можно только мечтать?

— Это о каком же? — скептически хмыкнул Артур.

— Побывать в прошлом, слетать к звёздам, узнать истинное положение вещей в мире.

— Не слишком ли много для одного человека? — невольно улыбнулся Суворов.

— Хотите?

Артур перестал улыбаться.

— На сумасшедшего вы не похожи. Но и к звёздам слетать может предлагать только... — Он пошевелил пальцами, подбирая выражение.

— Псих, — подсказал Тарас, не меняя выражения лица.

И Артур вдруг вспомнил, где он видел этого человека, — во сне!

Сбилось дыхание, ёкнуло сердце.

Он пожевал губами, не зная, что сказать. Это движение не ускользнуло от внимания собеседника.

— Не верите?

— Н-не знаю...

— Хотите, приведу аргументы?

— Н-нет, — качнул головой Артур, криво улыбнулся. — Знаете, мне в общем-то и на Земле неплохо живётся. Звёзды не для меня.

— Струсили?

Артур нахмурился.

— Я не трус! И вы не имеете права...

— Успокойтесь, я не хотел вас обидеть. Судя по вашему послужному списку, вы действительно не лишены известной храбрости. Хотя лично я считаю, что смелость — это страх, загнанный в угол. Однако не хотите — как хотите, насильно мил не будешь. Похоже, Светлена ошиблась в выборе кандидатуры оператора.

— Какая Светлена? Что вы имеете в виду?

— К сожалению, дальнейший наш разговор потерял смысл. Берегите брата, его оппонент настроен решительно и вполне может попытаться устранить несговорчивого чиновника физически. Всего вам доброго.

— Э-э... погодите, — пробормотал Артур. — А если я соглашусь?

— Вы хотите поторговаться? — догадался Тарас.

— Н-нет... впрочем, да, я хочу знать, что меня ожидает.

— Одно могу обещать твёрдо: спокойной жизни у вас не будет. Сумеете уцелеть, пройти Посвящение, стать Воином Закона — достигнете высот, о которых не может мечтать ни один обыкновенный человек.

— А если нет?

— Мы вас с почестями похороним, — приятно улыбнулся Тарас. — Ну так как, подходит вам такая перспектива?

Артур понял, что собеседник уже всё решил, поставил на нём крест, — и разозлился. Сказал с вызовом:

— Я готов! Давайте вашу... аргументацию.

Тарас некоторое время рассматривал его сквозь прищур век, словно взвешивал собственное решение, не зависящее от обстоятельств, вздохнул:

— Что ж, проверим, отступить ещё не поздно.

Суворов хотел пошутить насчёт того, что «не поздно» — это примерно то же самое, что и «не рано», однако в этот момент

ему показалось, что на голову упала крыша джипа, и он на мгновение потерял сознание.

Очнулся, внезапно осознав, что не сидит в кабине машины, а стоит на дрожащих ногах в огромном помещении, похожем на горную пещеру с неровными стенами, а напротив играет чудесными переливами золотистого свечения изумительной красоты строение, похожее на десятиэтажной высоты замок причудливых очертаний. Больше всего замок походил на три десятка золотых колоколов, переходящих друг в друга, покрытых перламутровой чешуёй.

— Что это? — прошептал Артур, вцепляясь в плечо стоящего рядом Тараса.

Тот похлопал его по спине.

— МИР Акридидов.

— Что?!

— Модуль иной реальности, созданный полмиллиарда лет назад Акридида сапиенс — разумными саранчовыми.

— Как мы здесь оказались?

— С помощью тхабса.

— С помощью чего?!

— Есть такой магический способ преодоления расстояний и границ «розы реальностей».

— Не понимаю...

— Потом поймёте. Я покину вас на минуту, осматривайтесь пока.

Тарас вдруг взвился в воздух, сделал пируэт и вознёсся к вершине чудесного творения разумной саранчи, пропал из виду.

Ошеломлённый всем происходящим, Артур сделал несколько шагов по залу пещеры, наконец сообразив, что это и в самом деле подземная пустота высотой в полсотни и диаметром в сто метров. Замок Акридидов стоял точно в её центре, испуская медовое свечение, похожий на слиток золота необычной формы. Он был гармоничен, красив, геометрически правилен, несмотря на странные пропорции, и вместе с тем будил в душе зрителя тревожные ассоциации и дискомфорт.

Артур робко приблизился к основанию замка, долго разглядывал «колокол», гадая, из чего он сделан. Материал напоминал янтарь и одновременно золотистое стекло с искрами внутри, а также сладкий леденец, отчего рот самопроизвольно заполнился слюной. Захотелось даже его лизнуть. Артур дотронулся до «ле-

денца», получил лёгкий электрический укус и отскочил, тряся пальцем.

— Ах ты, зараза!

— Не пугайтесь, я отключил его защиту, — раздался голос Тараса, и проводник опустился рядом на рубчатый пол пещеры. — В принципе, МИРы создавались как психодинамические резонаторы для процедуры катарсиса, но выполняли и множество других функций, в том числе — жилищ царей Инсектов. В данном МИРе царём, вернее, царицей была матка Акридидов, сохранился её саркофаг... и кое-какие Великие Вещи. Но знать вам это пока ни к чему. Пойдёмте, покажу саркофаг.

В боку ближайшего колокола образовалась овальная дыра.

Тарас шагнул в неё, оглянулся.

— Не отставайте.

Артур последовал за ним, чувствуя себя как во сне. Однако стоило ему ещё раз коснуться стенки открывшегося коридора, как ощущение прошло: строение разумных саранчовых вполне ощутимо кусалось электрическими разрядами.

— Когда-то Акридиды завоевали полмира, — оглянулся Тарас на ходу. — Потом их потеснили Блаттоптеры, наши предки.

— Блаттоптеры? Но ведь это, насколько мне помнится...

— Тараканы, правильно. И мы их прямые потомки. Вы этого не знали?

— Шутите...

— Нисколько. Ничего, всему своё время. Я введу вас в курс событий, дам общий тезаурус, остальное вы узнаете сами.

— С ума сойти! Я не представлял, что это всё так... серьёзно.

— Более чем. Итак, повторяю вопрос: не передумали? Ещё не поздно вернуться.

Артур хотел пошутить, что думать он не умеет, зато быстро бегает, и в это время они вышли в необычной формы — сплошное перетекание геометрических фигур друг в друга, от сфер и гиперболоидов до цилиндров и эллипсоидов — внутренний зал замка. Артур остановился, широко раскрыв глаза, забыв разом всё, что хотел сказать.

В центре зала располагалось нечто вроде колыбели, к которой сходились изогнутые полосы и растяжки из прозрачно-янтарного материала. Сама колыбель имела форму сплющенного эллипсоида, и внутри неё виднелось некое рубиново-багровое шипастое тело или скорее скелет с перепонками. Размеры колыбели превосходили металлический гараж, внутри которого вполь-

не мог уместиться БТР, и веяло от всего сооружения холодом и угрозой.

— Что это?!

— Саркофаг Великой Царицы Акридидов, — рассеянно ответил Тарас, оглядываясь по сторонам. — Он же — первобытный компьютер с огромной памятью и быстродействием.

— Компьютер?!

— Саркофаг также выполняет множество функций, одна из них — вычисление параметров оптимальных сред.

Артуру показалось, что «скелет» внутри «колыбели» пошевелился.

— Она живая?!

— Нет, конечно, хотя и мёртвой её назвать трудно. Вы о саранче что-нибудь слышали?

— Почти ничего... прожорлива...

— И агрессивна, что есть, то есть. В мире существует восемь семейств саранчовых, около семи тысяч видов. Вообще же, с момента трансформации Инсектов сохранилось чуть больше половины вида, когда-то населявшего Землю. Согласно Ветхому Завету, саранча — одна из «казней египетских», насланных на людей богом. На самом деле Акридиды сапиенс появились в нашей реальности задолго до рождения человечества. Хотите взглянуть на их Великую Царицу вблизи?

— Я и отсюда вижу...

Тарас с любопытством посмотрел на спутника.

— Вы видите Царицу сквозь стенки саркофага?

— Ну да, они же прозрачные.

Тарас хмыкнул, с новым интересом разглядывая порозовевшее лицо Суворова.

— Удивительно. Впрочем, это ещё ни о чем не говорит. Возвращаемся.

Показалось, что на голову упал потолок пещеры. Свет в глазах померк. Короткое ощущение полёта...

Он стукнулся коленом обо что-то твёрдое, разглядел джип, повернул голову: Тарас стоял рядом, руки в карманах, лицо безмятежное, в глазах сомнение.

— Идите домой. В скором времени я навещу вас в Москве. Не говорите никому о нашей встрече.

Артур кивнул и двинулся к дому Чимкута, деревянно переставляя ноги. Голова «дымилась и потрескивала», как разгорающийся костёр, но он старался идти прямо, не показывая, что потрясён и ошеломлён увиденным и услышанным.

В двух шагах от Тараса сгустился воздух, выдавил из себя фигуру старика в тёмном плаще. На Тараса взглянули синие светящиеся глаза.

— Зачем ты показал ему МИР Акридидов?

— Хотел увидеть его реакцию, — усмехнулся проводник Артура, не удивившись появлению Хранителя. — Реакция хорошая, человек способен удивляться и чувствовать прекрасное. Но я всё равно не понимаю, почему выбор Светлены пал на него.

— Он похож на Матвея Соболева, разве ты этого не заметил? И он скрытый паранорм.

— Может быть. Но он далеко не воин, да и воспитан иначе, как перекатиполе. Не опасно ли давать такому человеку истинное Знание?

— Путь воспитает его.

— Это лишь в том случае, если он не испугается и не отступит.

Матфей проводил сочувствующим взглядом спину Суворова, свернувшего за угол дома.

— Будем надеяться.

Они посмотрели друг на друга и исчезли.

Глава 6

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Ульяна не одобрила решение мужа возродить «чистилище», но и не стала его отговаривать. Только посоветовала применить к делу системный подход, а не работать, как прежде, по «шестёрочным низам» российского криминалитета.

Василий с ней согласился. Он и сам понимал, что, если чиновничье-криминальному беспределу не бить по рукам на всех уровнях, снизу доверху, систему власти не научишь жить по закону. Уровней же этих они с Вахидом Тожиевичем насчитали пять.

Первым был «президентский».

Сам президент ничего не мог предпринять без одобрения поддерживающей его команды, куда входили советники, эксперты и чиновники Администрации, без участия которых не продвигался в жизнь ни один президентский указ.

Второй уровень образовывали министры правительства, сам

премьер и главы законодательных собраний, а также губернаторы, назначаемые президентом, но опять же — только с согласия ближайших помощников.

Третий уровень контролировал второй: собственно Государственная Дума, надстройка над ней — Совет Федерации, подчинённые им структуры.

К четвёртому Василий Никифорович и Самандар отнесли прокуратуру и судебную систему, всё чаще покупаемые криминалом. Так, по данным Высшей квалификационной коллегии судей, в прошлом году слушались сорок пять уголовных дел в отношении судей, но ни один из них не был обвинён в получении взяток. Запачкавшихся служителей Фемиды просто тихо лишили полномочий, некоторых перевели на другие участки, и лишь единицы получили наказание в виде условных сроков на два-три года. В тюрьму никто из них не сел.

И, наконец, пятый уровень составили чиновники среднего звена государственной машины, контролирующие таможню, систему лицензирования, природные ресурсы, банковскую систему, расходование государственных средств, приватизацию и торговлю.

Конечно, Котов и Самандар понимали, что им не обойтись без «чистки» низовых звеньев коррумпированных властных структур, но приоритетным это направление деятельности «СМЕРЧа» считать было нельзя. Эти люди были исполнителями воли высших фигур госвласти, хотя при этом они тоже нередко проявляли инициативу, чтобы урвать более лакомый кусок.

— Да-а... — почесал в затылке Василий Никифорович, сидя перед экраном компьютера Самандара у него дома. — Нам двоим с такой мощной системой не справиться.

— Никто и не говорит, что мы будем работать вдвоём, — хладнокровно заметил Самандар. — Я уже начал подыскивать кадры. Предлагаю принять в наш «СМЕРЧ» в качестве комиссара первого зама Верховного атамана Союза казаков России. Год назад на него было совершено нападение, а совсем недавно убили его девятнадцатилетнюю дочь и восьмидесятилетнюю тётю. Он согласится.

— Причина известна? — помрачнел Котов.

— Дочь атамана приехала к тёте в посёлок Малино под Зеленоградом...

— Я имею в виду причину нападения на него самого.

— Скорее всего, Владимир Медведев имел какие-то документы по истории казачества, которые решили изъять у него убий-

цы. Он занимался теорией казачьего движения, писал статьи, готовил аналитические доклады о ситуации в стране и редактировал казачью газету «Правь».

— Кому понадобилось нападать на его семью?

— Думаю, тому, кто не заинтересован в освещении подлинной истории Отечества. Разберёмся.

— Хорошо, допустим, он присоединится к нам. Но в комиссариате должно быть не менее пяти-семи комиссаров.

— Есть ещё две кандидатуры: Юрьев и Парамонов Иван Терентьевич. С Иваном я уже беседовал, он согласен.

— Но ведь Юрьев хотел возродить Союз Неизвестных...

— Он где-то в «розе», насколько мне известно, надо поискать бывшего кардинала. Если он согласится, Рыкову до нас не добраться.

— Вряд ли Юрий Венедиктович согласится. Он лидер по натуре и всегда стремился занимать главенствующие посты.

— Ты будешь возражать, если он возглавит «СМЕРЧ»?

Василий Никифорович задумался.

— Пожалуй что и нет. Лишь бы он не загордился, не стал сатрапом. Кто ещё?

— Помнишь полковника Синельникова из МУРа? Он занимался «стопкримом», когда с нами были Соболев и Горшин.

— Кто же забудет такую колоритную личность? — невольно улыбнулся Василий Никифорович. — Разве он ещё жив?

— Жив, хотя и был серьёзно ранен, работает в Генпрокуратуре, старший советник юстиции, генерал.

— Он не пойдёт. Синельников — человек закона, его трудно соблазнить работать против коллег, хотя и ради более важного принципа, ради восстановления Закона справедливого возмездия.

— Когда мы сбросим ему полную информацию о коррупции в высших эшелонах власти, он присоединится к нам.

— Не уверен, но попытка не пытка. Кого ещё ты наметил в комиссары?

— Твою жену, — спокойно ответил Вахид Тожиевич.

Василий Никифорович вздёрнул брови, с сомнением заглянул в узкие чёрные глаза соратника, редко отражающие эмоции.

— Ты в своём уме?

— Не в твоём же.

— А ты подумал о последствиях? Разве ты забыл, что Уля родила мне сына, которому еще не исполнилось и двух месяцев?

— Прежде чем что-либо предложить, я обычно долго думаю. Могу привести аргументы.

— Приводи.

— Во-первых, она по роду — берегиня, что немаловажно. Во-вторых, она умна. В-третьих, она посвящена в тайны Круга и много знает. В-четвёртых, Ульяна всегда выбирала правильную стратегию поведения, насколько мне известно, что опять же имеет для нашей организации большое значение. В-пятых...

— Достаточно.

— Есть ещё и в-шестых.

— Хорошо, я с ней поговорю, однако будь готов к тому, что она откажется войти в комиссариат. Да и ребёнка воспитывать надо, кормить, ухаживать за ним и беречь.

— Пока мы будем утрясать кадровые вопросы, пройдёт время, а там твоему сыну найдется няня. Мне, кстати, тоже надо закончить одну важную работу.

— Какую?

Самандар пробежался пальцами по клавиатуре, и на экране появилась надпись: «Теория расходимостей и отражений Материнской реальности в «розе» допустимых состояний материи».

Василий Никифорович с любопытством посмотрел на чеканный профиль Вахида Тожиевича.

— Это как понимать?

— «Лепестки розы» — суть варианты матричной реальности, как планеты Солнечной системы — суть отражения Земли. Но это не главное. Изучая «розу», я пришёл к выводу, что история разума в Универсуме — это история непрерывных войн. Создаётся впечатление, что войны — стержень развития всех цивилизаций «розы», не будь их, разум вообще бы не развивался.

— Это спорно, — хмыкнул Котов.

— Я опираюсь на факты. На что опираешься ты?

Василий Никифорович подумал.

— Скорее всего, на эмоции. Но я пораскину мозгами и найду контраргументы.

— Не найдёшь. Хотя мозгами шевелить иногда полезно. Между прочим, я нашёл предпосылки выхода на Доцивилизацию.

— А это куда?

— Инсектам и Аморфам предшествовала самая древняя в нашей реальности разумная система, я назвал ее Доцивилизацией Предтеч. Возможно, в скором времени я выйду на неё.

— Каким образом?

— Саркофаги Инсектов являются не простыми компьютерами, но компьютерами с базой, распределённой во времени. А это означает, что с их помощью можно пробить потенциальный барьер прошлого.

Василий Никифорович покачал головой.

— По-моему, у тебя поехала крыша.

— У меня её никогда и не было, — не обиделся Самандар, выключая компьютер. — Начинаем работать?

— Нужно начать с воссоздания системы безопасности.

— У меня сохранились кое-какие связи. Веня Соколов уже ищет кадры.

Василий Никифорович кивнул. Соколов, бывший «афганец», капитан разведки, год назад командовал мейдером, то есть спецгруппой Самандара. Он проявил себя крепким профессионалом и мог ощутимо увеличить эффективность работы службы безопасности «чистилища».

— Отлично! Тогда вперёд и с песней!

Бросив взгляд на универсальный календарь с часами, висевший на стене кабинета Самандара, он вышел, зафиксировав в памяти час и день рождения «СМЕРЧа»: первого августа, двенадцать часов дня.

* * *

К удивлению Василия Никифоровича, Ульяна согласилась стать комиссаром возрождённого «чистилища». Главным аргументом этого решения стала идея сдерживания мужа от слишком рискованных и непродуманных действий.

— Сыну нужен отец, — сказала она с очаровательной улыбкой. — Мне — муж, а «СМЕРЧу» — мудрый руководитель.

— Но Матвейке всего два месяца, — заикнулся Василий Никифорович, — ты не сможешь одновременно и работать, и сидеть с ним.

— Поговорю с Катей, двоюродной сестрой, она побудет няней. Опыт работы в детсаду у неё немалый. Конечно, будет тяжело, но ведь вы без меня не справитесь.

И Василий Никифорович проглотил вертевшуюся на языке очередную порцию возражений. Было бы смешно начинать уговаривать жену не соглашаться, предложив ей сначала обратное.

На следующий день Самандар позвонил ему и предложил провести бандлик.

— Подожди, мы же ещё не собрали силы... — опешил Василий Никифорович.

— Нет сил терпеть, — признался Вахид Тожиевич. — Моего дальнего родственника чуть не убили на рынке за то, что он попытался торговать по закону, снизить цены. Пора кончать с этим рыночным беспределом.

Василий Никифорович присвистнул.

— Будь у нас даже армия, мы с этой мафией не справимся. К тому же ты сам предлагал работать по «верхам».

— «Верхи» от нас не уйдут, нужно и «низы» лечить от всякой бандитской заразы. У меня есть предложение — привлечь к этому делу казаков.

— В Москве?

— Они есть везде, недаром же Верховный атаман имеет резиденцию в столице.

— Ну, не знаю...

— Приезжай, обсудим план действий. Кстати, подъедет и Медведев.

— Кто?

— Зам Верховного атамана. Я с ним уже беседовал, он согласен работать с нами.

Василий Никифорович покрутил головой.

— Ну ты даёшь, старик! Когда успел?

— Едешь?

— Еду.

— Жду.

Василий Никифорович почесал в затылке, хотел было по привычке сообщить жене о предложении Самандара, но передумал. Вахид Тожиевич не упомянул об Ульяне ни слова, значит, не хотел впутывать женщину в те истории, где требовались чисто мужские качества.

Владимир Семёнович Медведев мало походил на казака, какими их представлял Котов. Интеллигентного вида, несуетливый, спокойный, чуть смущённый знакомством с людьми, предложившими ему неординарную работу, он больше напоминал тихого учителя истории. Однако в глазах заместителя Верховного атамана Союза казаков мерцал огонёк сдержанной гордости и силы, отчего Василий Никифорович сразу проникся к нему уважением и симпатией. Этот человек знал многое, владел собой и мог за себя постоять.

— У Владимира Семёновича есть деловое предложение, — сказал Самандар после взаимных представлений. — Воевать с

рыночной мафией мы пока на равных не можем. Но есть другой выход.

— Что может быть эффективней отстрела? — усмехнулся Василий Никифорович.

— Правильное объяснение ситуации, — ответно усмехнулся Владимир Семёнович.

— Это что-то новое.

— Это просто хорошо забытое старое. Когда-то на Руси работали законы справедливого распределения обязанностей и благ, а также законы выбора ответственности.

— Домострой, что ли?

— Задолго до Домостроя. Люди были отлично информированы о том, что их ожидает в случае того или иного деяния. Того, кто преступал границы закона, сначала учили просчитывать последствия своих шагов, а если не помогало — изгоняли из общины. Как правило, преступники — то есть преступившие закон — возвращались обратно, ибо выжить в одиночку было практически невозможно. Но я отвлёкся. Конкретно о деле. Когда я жил в Ростовской губернии, наши рынки тоже заполонили выходцы с Кавказа и из сопредельных государств — Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии. Честным людям стало невозможно торговать своим товаром, так как условия диктовали «дикие капиталисты», владельцы рынков, по сути — бандиты. А поскольку государственная власть оказалась бессильной, — милицию просто покупали на корню, — то в процесс вмешались казаки.

— Рейды? — прищурился Василий Никифорович.

— Нет, рейды не помогли бы. Мы поступили иначе. Начали с Восточного рынка в самом Ростове. Поставили у входа на рынок кунг, повесили объявление: «ЮКОН. Юридическая консультация рыночной деятельности». Всё по закону — лицензия, разрешение властей, «крыша» — частное охранное предприятие и Союз казаков. К объявлению добавили список платных услуг, оказываемых юристами, в том числе — разрешение торговых споров и защита населения. Местным — скидка.

— Ну-ну, — заинтересовался Василий Никифорович. — И чем всё закончилось?

— Приходят к продавцам сборщики дани, а те им говорят: обращайтесь в «ЮКОН», все претензии к ним. Бандиты к нам, а у нас всё по закону, не подкопаешься. Народ сначала не верил, потом валом повалил. Конечно, и стрелки назначали, и разборки устраивали, пришлось пострелять самых рьяных. Зато стало тихо, беспредельщики сами ушли с рынка.

— Ясно, — кивнул Котов, посмотрел на невозмутимого Самандара. — А что, идея неплохая. Казаков в Москве мало, да и никто их всерьёз не воспримет, а вот охранная структура из представителей спецслужб может дать нужный эффект. Только надо заручиться поддержкой на достаточно высоком уровне.

— У нас есть выход на мэра и на министра внутренних дел, — сказал Медведев. — Верховный атаман учился с ним в одной школе.

— Тогда я согласен. Однако эффект такого воздействия мы получим далеко не сразу. Должно пройти время, месяцы и годы, пока население обратит внимание на изменение ситуации.

— За полгода управимся. Зато эффект будет достаточно стойким и долговременным.

— Хорошо, давайте попробуем. Начинать надо с законодательной базы.

— У меня есть кое-какие разработки, — показал свою специфическую смущённую полуулыбку Владимир Семёнович.

— Это не их случайно искали ваши враги?

— Не знаю, может быть, хотя в моём архиве есть и более значимые документы.

— Кстати, как идёт расследование убийства вашей дочери и тёти?

— Буксует, — пожал плечами Медведев.

Василий Никифорович встретил взгляд Самандара.

— Мы не можем помочь?

— Веня Соколов уже работает, кое-какая информация собрана. Будем готовить бандлик.

— Что будете готовить? — вежливо спросил Владимир Семёнович.

— По нашей терминологии бандлик — ликвидация банды.

— Я бы хотел участвовать в... э-э... бандлике. Однако прежде всего нужны доказательства...

— Мы разрабатываем операции только после всестороннего изучения материалов и доказательств. Нас пытались подставить не один раз, и только благодаря железным аргументам народ нам поверил. Иначе мы давно превратились бы в одну из преследуемых террористических групп.

— У меня имеются кое-какие сведения...

— Прекрасно. — Василий Никифорович вышел на кухню и вернулся со стаканом кефира. — Давайте обсудим все имеющиеся у нас факты по этому делу.

Благодаря связям Самандара и самого Медведева удалось получить много дополнительных данных о врагах Союза казаков среди высших должностных лиц государства. Через два дня, третьего августа, Вахид Тожиевич вычислил заказчика нападения на заместителя Верховного атамана Союза казаков и конкретных исполнителей. Сообщение Самандара на собрании комиссаров «СМЕРЧа» вызвало эффект разорвавшейся бомбы.

— Заказчиком нападения на Владимира Семёновича, — сказал он, — является Константин Филиппович Мелешко, глава службы безопасности Государственной Думы. Кроме того, он служит ещё и заму председателя Думы Марату Феликсовичу Меринову как начальник личной охраны.

— Рыкову! — сцепил челюсти Василий Никифорович.

— Рыкову, — кивнул невозмутимый Вахид Тожиевич. — По моим подозрениям, он управляет и президентом, и правительством, оставаясь в глубокой тени. Но цель его — власть над всей матричной реальностью, так как именно сегодня он является координатором всех уцелевших Союзов Неизвестных.

— А Хуан Креспо? — поинтересовался Парамонов. — Год назад координатором был он.

— Хуан Креспо сбежал в «розу», спасаясь от Ликвидатора.

— Извините, друзья, — смущённо сказал Медведев. — Я не совсем понимаю, о чём идет речь.

Комиссары переглянулись. Всего на собрании присутствовали четверо человек, Ульяна осталась дома с ребёнком. Её старались привлекать к работе как можно реже и только в том случае, когда решались глобальные проблемы.

— Я дам ему пакет общих понятий, — сказал Самандар. — Пока же давайте решать конкретную задачу. Предлагаю устроить засаду на Костика Мелешко и выяснить, чего хотела его команда от Владимира Семёновича.

Медведев вопросительно посмотрел на Вахида Тожиевича.

— Вы серьёзно?

— Привыкайте к тому, — ответил за Самандара Парамонов, — что мы не юмористы из «Аншлага». Если мы что-либо предлагаем, значит, имеем полную информацию об объекте воздействия.

— Извините, я ещё плохо представляю ваши возможности...

— Наши.

— Наши возможности и силы.

— Всему своё время. Итак, коллеги, представляю следующий план бандлика. — Самандар включил компьютер.

* * *

Константин Мелешко прошёл хорошую школу жизни и считал себя крутым профессионалом. Впрочем, он и в самом деле многое знал и многое умел, отучившись в Десантной академии Генштаба в Рязани и три года отвоевав в Чечне и Таджикистане. Во всяком случае, за его спиной был немалый опыт боевых действий, контртеррористических операций, разведрейдов и специальных миссий по передаче ценных сведений секретного характера и денежных вознаграждений боевикам. Кроме того, он владел рукопашным боем, ничего не боялся, угрызениями совести не мучился и был готов выполнить любое задание вышестоящего начальства.

На Рыкова Мелешко начал работать ещё во времена «Стопкрима», когда Герман Довлатович был одним из комиссаров «чистилища». С тех пор он оставался при нём, знал о патроне немало, был посвящен в тайны его «подпольной» деятельности и мысли не допускал, что кто-то может вынашивать планы относительно его собственного перехвата. Поэтому, встретив на выходе из Госдумы двух пожилых седобородых мужчин, похожих на священников, Константин даже не посмотрел в их сторону. Он в этот момент разговаривал с одним из своих подчинённых, Гариком Шнуром, который часто выполнял деликатные поручения командира.

Дальнейшие события показали, что есть профессионалы покруче, чем «супер» Мелешко, каким он себя считал. А так как начавшиеся действия длились всего две секунды, никто из посетителей Думы, проходивших через подъезд № 5 со стороны Конюшковской улицы, а также охрана не поняли, что произошло.

Навстречу Мелешко и Шнуру шагнул ещё один седой господин в строгом чёрном костюме, и оба они внезапно потеряли сознание, словно на них рухнул потолок вестибюля.

Стариком был Иван Терентьевич Парамонов, а «потолком вестибюля» — гипноиндуктор «удав» или «глушак» в просторечии, выбивший из головы Мелешко и Шнура способность мыслить. При этом они не потеряли способности чувствовать, видеть и слышать, просто перешли в «состояние не-мысли».

— Идёмте с нами, — взяли их под руки седые «старцы», встретившиеся им ранее. — Всё в порядке, всё под контролем, вы спокойны, и вам хорошо. Делайте, что говорят.

Охранников Марата Феликсовича Меринова вывели из зда-

ния через подъезд для персонала Думы, усадили в чёрную «Тойоту-Камри» с флажком на капоте и депутатским номером, и та уехала, не особенно спеша.

Допрашивали пленников, ведущих себя смирно, как примерные дети, в гараже Самандара.

Спутник Кости Мелешко знал мало, лишь подтвердил, что в расправе с дочерью атамана Медведева участвовала спецгруппа под командованием капитана Вахтанга Ираклишвили, выполнившего приказ Мелешко. Сам Гарик Шнур к этой операции отношения не имел.

Однако надежда на то, что Мелешко поделится с «чистильщиками» подробностями дела, не оправдалась. Несмотря на подавленную после выстрела из «глушака» волю, Константин Мелешко не стал отвечать на вопросы. Точнее, после первого же вопроса он вдруг побелел, затрясся и потерял сознание.

— Что с ним? — встревожился Медведев; в операции захвата он не участвовал и прибыл к месту допроса по звонку Котова.

— Блок, — разочарованно развёл руками Василий Никифорович. — Сработала программа защиты памяти.

— Какая программа?

— Рыков запрограммировал своего телохрана именно на такой случай, чтобы тот не выболтал тайны босса.

— Разве это возможно?

— В наше время всё возможно. — Василий Никифорович тронул склонившегося над Мелешко Самандара за плечо. — Как он?

— Не труп, но вряд ли очнётся нормальным человеком, — буркнул Вахид Тожиевич, разгибаясь. — Рыков не щадит никого ради исполнения своих планов, он всадил ему программу, стирающую всю память. Парень на всю оставшуюся жизнь останется идиотом.

— Сволочь!

— Что будем делать? — неуверенно проговорил Медведев.

— Искать капитана Ираклишвили. Может быть, он не запрограммирован так жёстко, как Мелешко.

— А если и он зомби?

— Тогда придётся звонить самому Рыкову.

— Меринову.

Василий Никифорович и Самандар обменялись понимающими взглядами.

— Вы шутите? — не понял их мимики Медведев, переводя глаза с одного на другого.

— В каждой шутке есть доля шутки, — улыбнулся Котов. — Кстати, Рыков теперь будет знать, что мы начали с ним войну, и примет контрмеры.

— Ты боишься? — приподнял бровь Самандар.

Василий Никифорович подумал, почесал кончик носа.

— Боюсь.

— Тогда не стоило начинать всю эту бодягу со «СМЕРЧем».

— Я боюсь не за себя.

— Ульяна владеет тхабсом. Вдобавок ко всему можно приставить к ней усиленный мейдер охраны из проверенных людей.

Василий Никифорович посмотрел на закатившего глаза личного телохранителя Рыкова и промолчал. Сжалось сердце. Интуиция подсказывала, что он напрасно согласился принять жену в состав комиссариата «чистилища». Но было уже поздно что-либо менять.

Мелешко и его подчинённого отвезли в парк Сокольники и оставили на полянке за шеренгой кустов, зная, что их вскоре обнаружат гуляющие и сообщат в милицию. Дальнейшая судьба секьюрити Рыкова комиссаров «СМЕРЧа» не интересовала.

Медведев, потрясённый продемонстрированным коллегами мастерством перехвата, уехал домой. Котов, Самандар и Парамонов отправились на квартиру Вахида Тожиевича. Там они расположились в гостиной вокруг журнального столика и с чашками чая в руках обсудили план дальнейших конкретных «чисток» социума.

В первую очередь решили заняться коррупцией в тех властных коридорах, которые курировали оборонную промышленность. В результате их действий оказались приватизированными уникальные стратегические предприятия, поставляющие военную технику Министерству обороны России. Эти же структуры вынашивали планы и дальнейшей передачи объектов оборонки в частные руки, чего нельзя было допустить никоим образом. И за всей этой кампанией оголтелого предательства интересов государства стояла мрачная фигура босса Купола, заполучившего колоссальные возможности влияния на жизнь России, даже не будучи её президентом или общественно и политически значимой фигурой.

— Предлагаю также не забывать о «низах», на которых держится вся пирамида Купола, — добавил Самандар. — Извините за тавтологию. Мы должны сформировать сочувствующий нашей деятельности эгрегор, иначе поддержки народа не добиться.

А без этой моральной и энергетической подпитки работать эффективно «СМЕРЧ» не сможет.

— У тебя есть конкретные предложения? — осведомился Парамонов.

— Целый пакет. Борьба с незаконно возводящимися особняками в экологически чистых районах, на берегах рек и озёр, ничего не дала. Предлагаю наметить план их уничтожения. Начать же надо с домов самых одиозных фигур. Хочется также отловить пару банд, занимающихся авторэкетом на дорогах.

— Чиркачи? — догадался Василий Никифорович.

— Особенно меня интересуют те, кто их прикрывает со стороны ГАИ и милиции. Их надо «учить» в первую очередь. Исполнителей же бить смертным боем, а машины жечь.

— Что это ты так настроен против них? — удивился Иван Терентьевич. — Неужели напоролся?

— Не я, одна моя знакомая. Эти негодяи заставили её заплатить за подставу три тысячи долларов.

— Хорошо, этому действительно пора положить конец. Что ещё?

— Мочить вербовщиков девчонок, попадающих затем не в «престижные клубы» за рубежом, а в руки рабовладельцев. Вообще у меня составлен целый список объектов прямого воздействия, хотите взглянуть?

Василий Никифорович и Парамонов переглянулись.

— Показывай.

— Идёмте в кабинет.

Самандар включил ноутбук, проверил защитные системы, вывел на экран разработанный им план работы «чистилища» по «низам».

Среди объектов воздействия были и продажные судьи, и прокуроры, таможенники и чиновники мэрий, банкиры бандитов и террористов, полковники и генералы, торгующие оружием и секретами отечественных военных технологий, медики, торгующие младенцами, мелкие клерки, подписывающие документы за вышестоящих лиц или «теряющие» важные указы министров и президента, а также лидеры бандитских группировок, занимающихся прямым разбоем и грабежом. Всего в списке Самандара насчитывалось триста двенадцать пунктов, за каждым из которых стояла та или иная социальная проблема.

— Я многого не знал, — мрачно покачал головой Иван Терентьевич. — Это же полный беспредел!

— Могу показать план работы по «верхам», — бесстрастно сказал Вахид Тожиевич. — Он разработан по результатам последних расследований «караул-команды» ТВЦ и Счетной палаты. Там гораздо более впечатляющие факты.

— Не сегодня. — Парамонов посмотрел на часы. — Мне пора в поликлинику. Кстати, спасибо за помощь брату. Он до сих пор в шоке от вашей операции. Но не будете же вы и дальше лично заниматься реализацией «низового» плана?

— «Низами» будут заниматься Веня Соколов и Юлик Буркин. Их группы практически сформированы и ждут целеуказаний.

— Хорошо, звоните, если понадоблюсь.

Парамонов ушел.

Самандар выжидательно посмотрел на задумчивого Котова.

— У тебя какие-то сомнения?

— Я переживаю за Стаса, — признался Василий Никифорович. — Чую, с ним и с Машей случилась беда. Надо попытаться отыскать их в «розе». Тебе придётся какое-то время обходиться без меня, я иду на их поиски.

— Когда?

— Сегодня вечером. Больше ждать нельзя.

— Хорошо, я решу кое-какие проблемы и пойду с тобой. Рыков наверняка попытается задавить нас, и без помощи Стаса с его синкэн-гата нам не обойтись.

Василий Никифорович вспомнил свой сон, вздохнул. Он уже не верил, что когда-нибудь увидит парня, ставшего ему сыном, но очень хотел, чтобы это случилось.

Глава 7

ПОХОД В «РОЗУ»

Это был не первый поход Посвящённых в «розу реальностей», представлявшую собой пространство допустимых состояний мира, поэтому они знали, что можно брать с собой, а что нельзя. В принципе, все вещи были лишними, включая оружие. Переходя границы «лепестков розы», путешественники невольно изменяли их параметры, и каждая взятая с собой вещь фундаментальной реальности, каковой была земная, жёстко структуриро-

вала «иллюзорные» реальности, подстраивая их условия под единый «абсолютный алгоритм».

Они взяли с собой лишь специальные ножи из углеродистой керамики, оставшиеся у Самандара с прошлых времён, не читаемые «магическими детекторами» граничных сторожей, и по фляжке с водой. Остальное — защиту и транспорт — должен был обеспечить тхабс — особое «магическое заклинание», имеющее силу физического закона. Недаром тхабс называли «следом» Безусловно Первого, Творца Мироздания, «сдавшего» его «в аренду» своему ученику, оказавшемуся впоследствии первым в истории Вселенной Отступником.

Условились, что в случае непредсказуемых изменений ситуации каждый будет «включать» тхабс, не дожидаясь реакции спутника. Оба знали, что даже тысячные доли секунды иногда решают судьбы великих воинов и магов, и были готовы подчиниться не мысли, а инстинкту, опережающему любую реакцию сознания.

Как-то в разговоре с Котовым Иван Терентьевич затронул тему потенциальных возможностей тхабса, имеющего некие интервалы использования. Но это было давно, и Василий Никифорович помнил лишь то, что тхабс может изменять состояние владельца не только в интервале «разрешённой неизвестности», дающей право переходить границы «розы», но и в интервале «разрешённой хроноинверсии». Однако вспомнил об этом Котов только сейчас, перед самым походом, пожалев, что не выяснил у Парамонова суть темы.

— Забыл что? — оценил его застывший взгляд Самандар, проницательный, как психиатр.

— Нет, ничего, всё в порядке, — встряхнулся Василий Никифорович. — Вспомнил давний разговор с Иваном Терентьевичем.

— О чём?

— Потом поговорим. Ты готов?

— Как пионер.

— Тогда помчались. Сначала выходим в «мир А», потом решим, куда двигаться дальше. Не напороться бы на сторожевых псов.

Василий Никифорович имел в виду особые программы контроля границ реальностей, способные приобретать физическую сущность и плоть.

— Асата убил ещё пентарх Удди, — пожал плечами Самандар. — Если никто его не заменил, нас не перехватят.

— Посмотрим.

Василий Никифорович задержал дыхание и мысленным усилием с д в и н у л диапазоны чувственного восприятия мира вокруг. Сработал тхабс. Сознание вылетело за пределы всех частотных уровней психики и тут же восстановилось вновь.

Путешественники оказались в «мире А» — «ближайшем» к Материнской реальности «лепестке розы», представлявшем собой мир искусственных объектов. Оба уже не раз посещали сей не слишком гостеприимный уголок «розы» и теперь с любопытством начали озираться, вспоминая пейзажи и сооружения.

Со времени боя семёрки землян с пентархом Удди здесь ничего не изменилось.

Город, некогда славившийся своим архитектурным разнообразием и совершенством, перестал существовать. Все его здания оплыли, как стеариновые свечи, превратились в полупрозрачные и молочно-белые сталагмиты, частью растрескавшиеся, частью рухнувшие на землю. Здание, на крыше которого появились Посвящённые, осело, превратилось в горбатый мост, расколотый пополам, но ещё держалось. Лес, заполнявший в давние времена пространство между зданиями, изменился до неузнаваемости, превратился в «мотки проволоки» и «паутинные наросты» красного цвета.

Изменилась даже равнина, где произошло столкновение людей с иерархом Круга: она теперь напоминала своеобразный, застывший во время шторма океан зеленовато-синего цвета. Город теперь стоял в круглой чаше диаметром в несколько километров и, казалось, вот-вот будет затоплен бушующими волнами.

В густо-фиолетовом небе «подсферы А» светились два тусклых желтых «одуванчика», мало напоминающие звёзды или планеты. Что они собой представляли, не знал ни Котов, ни Самандар.

— Похоже, хозяин А-уровня здесь так и не появился, — нарушил молчание Василий Никифорович. — Не помнишь, кто из иерархов отвечал за него?

— Никогда не интересовался.

Самандар подошёл к краю бугристой крыши здания, глянул вниз, вернулся.

— Нам нужен проводник. Или хотя бы кто-нибудь, кто видел Стаса с Марией.

— Может, попробуем вызвать стража границы?

— Как? Постучать в рельс? Посвистеть?

Василий Никифорович усмехнулся.

— Ты плохо знаешь возможности тхабса. Иван Терентьевич говорил, что тхабс может даже отправлять адепта в прошлое.

— Сказки. К тому же не я плохо знаю возможности тхабса, а он подчиняется мне, освобождая свои силы в соответствии с уровнем Посвящения. У меня всего третья ступень, это порог Элохим Мириам, чего явно недостаточно для инициации остальных диапазонов тхабса. Может быть, тебе удастся? Твой уровень выше.

— Всего на одну ступень.

— Попробуй.

Василий Никифорович с сомнением пригладил волосы на затылке, посмотрел на «одуванчики» в небе А-мира. Показалось, один из них подмигнул.

— Ладно, попытка не пытка. Таблеточку бы мне...

— Какую таблеточку? — не понял Самандар.

— Анекдот вспомнил. Приходит больной к врачу: «Доктор, вы мне эти таблетки прописали, чтобы я сильнее стал?» — «Да, а в чём дело?» — «Я пузырёк не могу открыть».

Вахид Тожиевич остался невозмутимо-озадаченным, и Котов невольно засмеялся:

— Похоже, анекдоты тебе надо рассказывать дважды. А таблеточка, увеличивающая силы, не помешала бы.

Он сосредоточился на связи с внутренним пространством подсознания, где были записаны законы управления тхабсом, но не стал преодолевать порог «включения» магического оперирования. Деликатно «постучался в запертую дверь»:

«Я хочу, чтобы меня услышали жители этого мира. Как это сделать?»

По сознанию словно провели пушистой кисточкой, заставляя мысли «метаться и потрескивать», как электрические искорки.

«Эй, есть тут кто живой?» — мысленно позвал Василий Никифорович, ощущая эйфорический прилив крови к голове.

И тотчас же его мысленный голос набатом ударил с небес, покатился во все стороны, как гром после удара молнии.

Вздрогнул Самандар, хватаясь за рукоять ножа.

Вздрогнул сам Котов, не понимая, почему слышит мысленно произнесённую им фразу в звуковом диапазоне.

Из развалин и зарослей «паутинолеса» под стенами зданий города прилетело гулкое эхо, и всё стихло.

— Получилось? — осведомился Самандар.

— Не знаю, — смутился Василий Никифорович. — Опыта нет. Может, тхабс меня неправильно «понял».

— Но он все-таки послушался... — Самандар не закончил.

Мир вокруг потряс громовой рёв!

Здания-сосульки города, покрытые трещинами, зашатались, некоторые из них рухнули, превращаясь в облака белой сверкающей пыли. Площадь неподалёку от здания, на крыше которого стояли земляне, треснула, из её центра в небо ударил фонтан светящегося сиреневого тумана. Этот фонтан расплылся грибообразным облаком на высоте двухсот метров, чуть выше уровня крыши, и с треском превратился в самого настоящего циклопа: уродливая фигура с толстыми ногами, покатые плечи, громадный живот, волосатая грудь, блестящая безволосая голова-бугор с одним глазом, в руке гигантская палица с шипами. Циклоп заметил путешественников, поднял палицу.

— Кто меня звал?! — раздался гулкий, едва ли не уходящий в инфразвук голос.

— Мы, — ответил Василий Никифорович, отчего-то совсем не испытывая страха. — Кто ты?

— Я Асат, страж границы!

— Врёт, — хладнокровно заметил Самандар. — Асата уничтожил Удди, прямо на моих глазах.

— Я не вру, — прогрохотал циклоп, вздымая палицу выше. — Я не живое существо, я адаптированная программа контроля границы.

— Может быть, его кто-то восстановил? — предположил Василий Никифорович. — В другом облике?

— Возможно. Кто тебя воссоздал?

— Меня адаптировали под новые граничные условия.

— Кто?

— Мастер Мастеров.

— Инфарх, что ли? — хмыкнул Вахид Тожиевич. — Насколько мне известно, кресло инфарха уже год как вакантно. Кто его занял?

— Я его не видел, но, кроме него, никто не может реализовать программу контроля границ на таком уровне.

— Что же ты собираешься делать? Неужели попытаешься нас уничтожить?

— Мне приказано проводить вас туда, куда скажете.

Котов и Самандар озадаченно переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь? — осведомился Василий Никифорович. — Кто мог знать, что мы собираемся путешествовать по «розе» в поисках Стаса и Маши?

— Это невозможно... если только...

— Что?

— Если только за нами не следит кто-нибудь из уцелевших иерархов.

— Кому мы нужны?

Самандар поднял голову.

— Кто приказал тебе помогать нам? И почему ты уверен, что мы — те самые люди, кому ты должен помочь?

— Вы позвали, я пришел. Знание у меня внутри. Но поспешите, здесь оставаться небезопасно.

— Почему?

— В «розе» продолжается охота на людей Круга, вас скоро вычислят и нейтрализуют.

— Странно, — заметил Василий Никифорович, — он свободно говорит по-русски...

— Он не говорит по-русски, — так же тихо отозвался Самандар. — Мы так воспринимаем его мыслеречь. Однако, если он прав, надо сматывать удочки.

— Куда? Домой?

— На одной из планет Галактики находится «тюрьма для героев», помнишь?

— Где сидели Иван Терентьевич и Уля?

— Предлагаю махнуть туда, пока Асат выполняет приказ неизвестного инфарха. Вдруг Стас тоже сидит там?

— У него синкэн...

— Кто знает, с ним меч или нет. Может быть, Стас попал под удар охотников за иерархами и промедлил.

— Не может быть!

— В любом случае давай начнём поиски оттуда. — Самандар посмотрел на циклопа, терпеливо дожидавшегося решения людей. — Ты в курсе, кто именно охотится на иерархов?

— Зверь Закона.

— Кто?!

— Его изгнали из Материнской реальности в «розу», и он начал охоту за иерархами Круга. Это всё, что мне известно. Поторопитесь, сюда кто-то идёт, я чувствую колебания границы.

— Посмотреть бы одним глазком на этого Зверя...

— Уходим, — твёрдо заявил Василий Никифорович. — Веди нас к «тюрьме героев». Знаешь, где она находится?

— Три миллиона сто сорок девять тысяч сто первый «слой»...

— Поехали!

Циклоп протянул огромную волосатую длань.

Земляне, обменявшись взглядами, влезли на неё.

Циклоп сжал их в ладони, свет в глазах путешественников погас...

Оба знали, что каждый мир-лепесток «розы реальностей», с одной стороны, является континуумом со своими физическими законами, с другой — материальным телом, таким, как планета или звезда. Достичь его можно было либо с помощью преодоления потенциального барьера, которым служит вакуум, космическая пустота, либо с помощью магического оперирования, то есть с помощью тхабса.

Но чтобы долететь до планеты на окраине Галактики, где в незапамятные времена кто-то соорудил «тюрьму для героев», потребовалось бы около десяти тысяч лет, даже если двигаться со скоростью света. Тхабс же перенёс циклопа и землян в этот «слой розы» мгновенно.

Море подсвеченного снизу голубоватого тумана.

Над ним торчат три десятка круглых, светящихся, как полупрозрачные стеклянные трубы, столбов с плоскими вершинами, диаметром от двухсот метров до километра.

Чёрное небо с незнакомым рисунком созвездий.

Циклоп вырастал из тумана огромной горой, утопая в нём по плечи. Каждый столб возвышался над туманом всего метров на десять. Что скрывал туман в своей таинственной глубине, не было видно, как бы ни напрягали зрение путешественники.

— Мы на месте, — прогрохотал циклоп, держа раскрытую ладонь над туманом.

— Видим, — отозвался Самандар, озираясь. — Ты случайно не знаешь, кто сидит в каждой камере?

— Данная информация мне недоступна.

— Но, может быть, ты слышал о парне по имени Стас Котов? Он был оруженосцем Воина Закона.

— Нет, не слышал. Но в этой тюрьме не может быть заключён

Воин Закона. Она для Посвящённых, не достигших ступени оперирования без ограничений.

— Кто её создал?

— Предтечи.

— Какие Предтечи? — заинтересовался Самандар. — Инсекты, Аморфы?

— Первые Думающие, задолго до Аморфов.

— Ну-ка, ну-ка, поподробней...

— Остынь, Вахид, — поморщился Василий Никифорович. — У нас нет времени для теоретических изысканий.

— Это же как раз по моей теме, — виновато покосился на него Самандар.

— Успеешь ещё заняться этой проблемой. Пошли искать Стаса.

— Как?

— Будем проверять каждую камеру. — Василий Никифорович кивнул на россыпь столбов, торчащих из тумана. — Другого пути нет.

— Не хотелось бы всё время сидеть у этого урода на ладони, — проворчал Вахид Тожиевич. — Неуютно здесь.

— Другого транспорта у нас нет.

— Может, он способен трансформироваться? — Самандар оценивающе посмотрел на циклопа. — Асат, нам неудобно стоять на твоей ладони, измени форму под летательный аппарат.

— Слушаю и повинуюсь, — проревел циклоп басом.

В следующее мгновение его тело вспухло, превратилось в клуб светящегося сизо-сиреневого дыма — кроме ладони, на которой находились земляне. Этот клуб с треском пророс ртутно-блестящей паутиной, съёжился, оделся корочкой и превратился в диск с прозрачным пузырём кабины. Пузырь откинулся, приглашая пассажиров.

Переглянувшись, путешественники перелезли с ладони циклопа в кабину летательного аппарата, и ладонь рассыпалась тающими дымными хлопьями.

Никаких сидений в кабине не оказалось, но её высота была достаточна, чтобы люди стояли, не сгибаясь.

— Потерпим, — проворчал Василий Никифорович в ответ на взгляд спутника. — Асат, неси нас от столба к столбу.

— Слушаю и повинуюсь, — раздался в кабине тот же гулкий бас, хотя аппарат не имел ни рта, ни динамика, способных изда-

вать звуки. Самандар был прав: голос стража границ «розы» люди слышали на мысленном уровне.

Аппарат скользнул к ближайшему столбу из мутновато-прозрачного стекла, представлявшему собой одну из камер планетарной тюрьмы, завис над ним.

Василий Никифорович напряг зрение.

С виду — глубокая шахта, освещённая свечением «стеклянных» стенок. На дне — рябь снежных барханов, застывшее озерцо с подсвеченной снизу зеленоватой водой. На берегу россыпь ледяных глыб и нечто вроде скелета, наполовину вмёрзшего в лёд озера. И ни следа жизни.

— Это и есть герой? — кивнул на скелет Вахид Тожиевич.

— Почему герой? — не понял Котов.

— Тюрьма ведь предназначена для геров, не так ли? Насколько я понимаю, её создал кто-то из Аморфов...

— Предтеч.

— Ну Предтеч, разницы мало. Причём этот создатель явно был Монархом Тьмы или же его папашей. А поскольку в любом социуме всегда находятся люди... э-э... существа, любящие свободу, они, естественно, начинают бороться с Монархом, и тот помещает их в тюрьму.

— Логично, — согласился Василий Никифорович.

— Вот мне и любопытно, кто этот герой, кому принадлежит скелет.

— Орилоуну, — отозвался Асат, ставший летающей тарелкой; он принял риторическое рассуждение Самандара за вопрос.

— Кому? — в один голос переспросили пассажиры.

— В вашей Галактике есть планета Орилоух с цивилизацией, организованной воплощёнными в разумные процессы математическими формулами. Это одна из таких материально реализованных формул.

— Бред! — хмыкнул Самандар. — Как это формула может быть разумной?

— На данный вопрос у меня нет ответа.

— Удивительный мир, — задумчиво проговорил Василий Никифорович. — Как мало мы ещё знаем. И как много, наверное, в нашей Вселенной цивилизаций и странных форм жизни.

Самандар промолчал. Асат тоже. Он реагировал только на прямые вопросы.

— Полетели дальше.

Диск с пассажирами переместился к соседнему столбу.

Такая же «глубокая шахта» с молочно-белыми полупрозрачными стенами, но пейзаж внутри другой.

Засохший, чёрный, растопырчатый, шипастый лес. Несколько голых бугров с асимметричными белыми скалами на вершинах. Ничего живого. Смерть и запустение.

— Никого не вижу, — пробормотал Самандар. — Асат, кто здесь сидит? То есть сидел?

— Маатанин.

— Расшифруй.

— Представитель цивилизации маатан, «живых энергоинформационных консервов».

— Неужели есть и такая форма жизни?

— В одном из «лепестков розы», сконструированном Предтечами.

— Как он выглядел, этот маатанин?

— Чёрная глыба на холме. И он ещё живой.

Самандар и Котов с одинаковым интересом глянули на глыбу, принятую ими за каменный останец.

— Никогда бы не подумал, что это разумное существо, — признался Василий Никифорович.

— Я тоже. Почему он не двигается? Спит? Медитирует? Находится в бессознательном состоянии?

Асат не ответил. Будучи конкретной программой контроля границы «розы», он знал лишь самое необходимое, что входило в его обязанности.

— Может, попробуем его освободить? — предложил Самандар.

— С помощью наших перочинных ножиков? — скептически отозвался Котов. — Нужен синкэн-гата. И если мы будем подолгу задерживаться возле каждой камеры, никогда не проверим всю тюрьму.

— Мы и так не сможем это сделать за один раз. Нужен другой подход.

— Какой?

— Сориентируй тхабс ещё раз, пусть покличет Стаса.

— Тхабс не радиопередатчик и не громкоговоритель.

— Тогда давай пошлём Асата, пусть осмотрит камеры сам, он сделает это гораздо быстрее.

Василий Никифорович почесал в затылке.

— Иногда ты меня поражаешь, старик. Отличная мысль. Да-

вай обыщем ближайшую группу камер и отпустим Асата, раз уж он подчиняется нам. А сами подождём.

— Асат, ты всё слышал?

— Я понял, мастер.

— Действуй.

За несколько минут они облетели все столбы местного скопления камер в количестве сорока штук и убедились, что Стаса ни в одной из них нет.

Большинство камер-столбов пустовало, их узники давно умерли, и системы жизнеобеспечения планеты-тюрьмы перестали поддерживать внутри камер даже минимум бытия.

В двух отыскались пленники.

В одной камере — беловолосый гигант ростом с пятиэтажный дом; он сидел на берегу водоема, затянутый в комбинезон из блестящих выпуклых ромбов, и ловил рыбку обыкновенной — если не считать размеров — удочкой. На глядевших на него с «крыши» камеры землян он не обратил никакого внимания. То ли не заметил, то ли привык к своему положению и не верил, что его могут когда-нибудь освободить.

— Уэллс, — хмыкнул Василий Никифорович.

— Какой Уэллс? — не понял Самандар.

— Герберт. Читал его фантастику? «Человек-невидимка», «Война миров»...

— Читал в глубоком детстве.

— У него есть роман «Пища богов». Отведавшие этой пищи люди становились великанами. Этот парень внизу очень похож на одного из таких великанов.

— Не знаю, как насчёт персонажей уэллсовских романов, но скорее всего это атлант или гиперборец. По некоторым историческим данным, они тоже были гигантами.

— Но не пятнадцатиметрового роста. Наверное, это житель какой-нибудь другой реальности, допускающей такие размеры у её жителей. Жаль, что у нас нет синкэн-гата, освободили бы паренька.

— Кто знает, что у него на уме? Может, он свихнулся от долгого сидения взаперти. Видишь, как спокоен? Возьмёт и порубает нас в капусту.

— Не порубает, — покачал головой Василий Никифорович. — Здесь сидят те, кто сражался с адептами Тьмы, выражая волю Воина Закона. Они не должны превращаться в своих антиподов.

Самандар покривил губы, но смолчал. Хотя у него было своё мнение на сей счет.

Пленником второй работающей камеры оказался самый настоящий гигантский... таракан! Точнее, существо, в облике которого было очень много от земного таракана, разве что оно имело пятиметровые размеры и носило на себе нечто вроде блистающих золотом доспехов.

— Бог ты мой! — с дрожью в голосе произнес Василий Никифорович. — Да это же...

— Блаттоптера сапиенс, — закончил Самандар бесстрастно. — Наш предок.

Это и в самом деле был представитель Инсектов рода Блаттоптера — «тараканов разумных», трансформированных когда-то Монархом Тьмы в людей. Он заметил зависшую над камерой летающую тарелку с пассажирами, мгновенно взбежал по вертикальной стене камеры вверх, ударился всем телом о прозрачную твердь крыши, прилип к ней, вцепившись всеми шестью лапами. Замер, глядя на землян единственным длинным фасетчатым глазом. Посвящённые тоже замерли, разглядывая предка, сохранившегося со времён расцвета цивилизации Инсектов.

— Как он выжил? — прошептал Василий Никифорович, словно пленник мог их услышать. — Ведь с момента Изменения прошли сотни миллионов лет.

— Возможно, время в камерах течёт медленнее, — предположил Вахид Тожиевич. — А возможно, он бессмертен.

— Бессмертие — миф.

— Мифы не растут на пустом месте. Вспомни Матфея, которому больше тысячи лет, Васиштху, который ещё старше.

— Но не сотни же миллионов лет. Скорее всего, создатель тюрьмы действительно играет в какие-то игры со временем. Однако нам пора двигаться дальше. Асат, высади нас на одном из столбов.

— На том, — показал пальцем Самандар.

Эта камера была вскрыта. В её крыше зияла рваная дыра, причем впечатление создавалось такое, будто по ней выстрелили сверху из огнемёта и струя пламени расплавила её, так что материал крыши потек вниз и застыл сосульками и причудливыми фестонами.

Летающая тарелка высадила пассажиров на крыше пробитой камеры, и Асат умчался выполнять задание землян — искать человека по имени Стас и его спутницу Марию.

Таракан-пленник остался висеть спиной вниз на крышке своей камеры, продолжая смотреть в сторону землян. Он никоим образом не походил на людей, но Василию Никифоровичу стало его жаль. Каким бы уродливым он ни казался, он был героем в те времена, когда людей ещё не существовало, и его стоило уважать.

Самандар забыл о предке, как только спрыгнул на крышу соседней камеры. Подбежал к дыре, начал её изучать, прикладывая ладонь к полупрозрачным наплывам и краям. Как Посвящённый II степени, он мог в и д е т ь внутреннее строение объектов, считывать их параметры без всяких приборов и определять химический состав.

Василий Никифорович прошёлся по крыше, поглядывая на внутренний пейзаж камеры: бугры, рытвины бурого цвета, горы сизого пепла, полурасплавленные камни, — потом сел на краю столба, поджав ноги. Глотнул воды из фляги, застыл, уходя мыслями в себя. Пришла идея поэкспериментировать с тхабсом, раскрыть новые горизонты оперирования этой Великой Вещью Мира.

Однако ему не дали такой возможности.

Что-то изменилось вокруг. Будто где-то открылась дверь и впустила клуб морозного воздуха, обдавший людей, заставивший их встряхнуться и оглядеться в поисках «двери».

На горизонте над пушистым морем тумана возникла точка, стремительно выросла в размерах, превратилась в летающую тарелку, а потом в циклопа.

— Уходите! — проревел он. — Я не смог его остановить!

— Кого? — оглянулся Самандар.

— Зверя Закона! Он уже здесь! Я попытаюсь задержать... — Асат не договорил.

Небо расколола колоссальная фиолетово-зелёная молния, вонзилась в ближайший столб-камеру, одев его в слой змеящихся молний, более тусклых и тонких. Этот слой молний свился в клубок, и напротив замерших людей возник из воздуха гигантский богомол!

Асат, взмахнув палицей, бросился на него и одним ударом отломил одну из мощных лап богомола с зазубренными краями. Богомол отшатнулся, разглядывая противника ничего не выражающими чёрно-блестящими глазами, затем встал на дыбы и ударил циклопа второй лапой. Асат подставил палицу, но это не

помогло. Удар развалил палицу надвое и вколотил голову циклопа в плечи.

Воздух потряс гулкий грохот. Туманное море вскипело фонтанчиками. Затряслись столбы-камеры, грозя разлететься «стеклянными» брызгами.

Конечно, перед землянами сражались не существа из плоти и крови, рождённые живыми отцом и матерью, а реализованные материально информационные файлы, программы, созданные древнейшими обитателями «розы реальностей», но в данном случае это не имело значения. Они были реально и предельно опасны.

Сильно помятая голова циклопа выскочила из плеч, будто он был резиновым и кто-то его надувал. Мощная лапа дёрнулась к богомолу, ухватила его за когтистую лапу.

— Ножи! — выдохнул Самандар. — По глазам!

— Нереально... — начал Василий Никифорович.

— Ножи сделаны в матричной реальности, поэтому они являются почти идеальным оружием для «розы», так как изготовлены в условиях действия универсальных законов.

Котов колебался недолго.

— Бросаем!

Циклоп Асат каким-то невероятным усилием оторвал у богомола вторую лапу, но в это время у того отросла первая и могучим ударом разрубила циклопу плечо. В воздух выметнулась струя ало светящегося пара. Асат издал хриплый рык, от которого вскалыхнулось море тумана, неловко взмахнул осколком палицы, начал падать.

Богомол повернул голову к столбу, на вершине которого стояли Посвящённые. У него стала отрастать вторая лапа.

В то же мгновение сверкнули, вращаясь, брошенные ножи, вонзились в громадные выпуклые глаза Зверя Закона, принявшего облик Инсекта. Богомол издал пронзительный скрип, уходящий в ультразвук, отшатнулся, тряся головой. Контуры его тела начали искажаться, плыть, перестраиваться, и через несколько секунд перед замершими землянами вытянулся гигантский змей с плоской мордой, напоминающей голову земной кобры. Глаз у него не было, но обидчиков своих он, судя по всему, видел.

— Уходим! — процедил сквозь зубы Василий Никифорович.

Змей метнулся вперёд, раскрывая пасть, норовя проглотить букашек-людей, но их на вершине столба уже не оказалось. Тхабс вынес обоих в земную реальность.

Глава 8

НАЁМНИК ТЬМЫ

Герман Довлатович Рыков, он же — Марат Феликсович Меринов, заместитель председателя Государственной Думы, давно вошёл в число людей, чья жизнь и смерть не зависели от слепого случая, амбиций, планов и претензий конкретных лиц, даже наделённых особыми полномочиями и властью. Будучи человеком Системы, он с помощью знаний, полученных при Посвящении в Круг, а также используя покровительство Монарха Тьмы, стал н а д Системой, в которую входили и государственная власть, и криминальное сообщество, и сам Внутренний Круг. В данном положении Союзы Неизвестных ему были уже не нужны как инструмент корректировки реальности ради объективных выходов из тупиковых ситуаций и стабилизации социума. Но в то же время Союзы организовывали своеобразный энергетический эгрегор, подпитывающий их руководителя. Поэтому Рыков-Меринов и возглавил Союзы, став их верховным координатором, опираясь на немалые силы кардиналов, получивших Посвящение I и II степени.

В принципе, Союзы Неизвестных, в той форме, в какой они были созданы тысячи лет назад, перестали существовать после битвы иерархов с Истребителем Закона. Им на смену пришли спецкоманды иерархов Круга, взявших под контроль властные структуры отдельных государств. Но подчинялись они Рыкову, способному покарать любого, кто попытался бы поднять голову и возвысить голос против координатора. И жизнь на Земле кардинально изменилась, направляемая рукой «наёмника тьмы», ещё неспособного уничтожить её в один момент, но уже имеющего власть над душами большинства руководителей земной цивилизации.

Между тем мало кто из землян знал о существующем порядке вещей, и жизнь продолжалась.

Развивался научно-технический «прогресс». Спецслужбы воевали с террористами, получая от этого немалую выгоду. Бандиты жили припеваючи. Олигархи скупали яхты, виллы, футбольные и хоккейные клубы, веселились и с презрением плевали на законы и попытки общественности ограничить их деятельность или отнять нажитые «непосильным трудом» миллиарды. Учителя учили. Ученики терпеливо учились, не понимая, к чему ведут

реформы образования, направленные на «улучшение» образовательной системы, но в действительности ведущие к деградации общества.

И над всей этой сложнейшей системой социальных институтов стояла «Тень Дьявола» — авеши Монарха Тьмы, — воля координатора Круга Рыкова. Правда, этого ему было мало, поэтому Рыков с удовольствием экспериментировал с «человеческим материалом», используя для зомбирования людей уже разработанные гипноиндукторы индивидуального пользования «удав» и «пламя», метко названные в просторечии «глушаками» и «болевиками». На очереди были эксперименты с большими коллективами людей, разработанные ещё в начале двадцать первого века командами политтехнологов, управляемых кардиналами Союзов Неизвестных. Эксперименты под названием «революция роз» — в Грузии, «оранжевая революция» — в Украине, «революция тюльпанов» — в Киргизии, а ещё раньше «малые революции» в Югославии, Чехословакии и Польше закончились успешно. На волне народного недовольства властью там были использованы прототипы зомбирующих систем, использующих распределённые элементы — телевидение, СМИ, радио, контроль сознания через лозунги, напитки, еду и оплату услуг.

В распоряжении Рыкова были уже новейшие кодирующие сознание системы, использующие принципы Великой Вещи Мира — кодона. Однако он надеялся в скором времени завладеть и другими Великими Вещами, хранившимися в МИРах, объявить Материнскую реальность своей вотчиной и замахнуться на «розу реальностей». Для достижения этой цели оставалось только найти хранилища Вещей, уничтожить самих Хранителей и стать главой тайной власти над Землёй.

Зазвонил телефон.

Герман Довлатович (Марат Феликсович) снял трубку, сказал одно слово: «Нет», положил трубку на место. Покосился на экран компьютера. На чёрном фоне в углу дисплея светился алый паучок «чёрного файла», похожий на китайский иероглиф цюань, код вызова Монарха. Однако вот уже больше месяца Монарх не выходил на связь, не откликался на вызовы, несмотря на то, что «чёрный файл» был для него чем-то вроде заклятия, сопротивляться которому он не мог.

Марат Феликсович ткнул пальцем в клавишу селектора:

— Кофе.

Через минуту секретарша Инна, она же — личный телохра-

нитель Меринова (Инна в совершенстве владела специфической системой рукопашного боя «амур», адаптированной под женскую психику и энергетику), принесла кофейный прибор. Склонилась над плечом, мурлыкнула:

— Кофе, Марат Феликсович.

Меринов бросил взгляд на её полуоткрытую грудь и не удержался, коснулся губами. Инна была красивой и, как говорят в таких случаях, сексапильной девушкой, от одного взгляда на которую у мужчин повышалось артериальное давление. Естественно, они были любовниками. Тем более что Марат Феликсович изменил внешность. Раньше, в облике Рыкова, он был невысокого роста, хилым, незаметным, с болезненным невыразительным лицом. Теперь же зам председателя Думы представлял собой красавца-мужчину, жгучего брюнета с волной блестящих волос, падавших на широкие плечи. Он и улыбаться научился — широко и обаятельно, что послужило дополнительным аргументом в пользу его выбора заместителем при распределении портфелей в Думе после выборов.

— Мне остаться, Марат Феликсович?

Меринов поборол искушение, качнул головой.

— Я тебя позову.

Секретарша упорхнула, длинноногая, молодая, упругая, красивая, з о в у щ а я.

Меринов усмехнулся, взялся за чашку с кофе.

Несмотря на то что среда третьего августа была рабочим днем, он с утра находился не в здании Думы, а в личном коттедже у Патриарших прудов, оборудованном всеми видами связи и компьютерным терминалом. Коттедж имел, кроме рабочего кабинета, три спальни, гостиную, кухню, бильярдный и каминный залы, библиотеку и оружейную комнату.

Охранялся он скрытно, так что со стороны ни одного охранника видно не было. Кроме парадного и служебного входов-выходов, имелся еще и подземный, о котором знал только хозяин. В личной охране Марат Феликсович практически не нуждался. Посвящённый Внутреннего Круга его уровня мог гипнотически управлять сознанием любого незащищённого человека и предотвратить любое нападение. Однако после войны с Ликвидатором Круга Меринов (тогда еще Рыков) обзавёлся личным манипулом охраны под командованием Кости Мелешко, а также преданным во всех отношениях телохранителем, коим и стала двадцатишестилетняя Инна Гулая, программист по образованию, боец

спецназа по призванию и стерва по поведению. Тем не менее Марат Феликсович ей верил. Точнее, знал, что она никогда его не предаст, потому что первым делом запрограммировал её на беспрекословное подчинение и безусловную преданность интересам босса.

Захотелось «стыковки». Марат Феликсович даже протянул руку к селектору, чтобы вызвать секретаршу «на ковёр», но в этот момент от компьютера ощутимо потянуло холодом, и Меринов забыл о своём желании.

Дисплей ноутбука ожил. Алый паучок в углу экрана переместился в центр, занял весь экран. Форма ноутбука изменилась. Напротив замершего хозяина кабинета уселся громадный кот с плывущими формами тела, посмотрел на Меринова чёрными глазами, от взгляда которых невозможно было отвернуться.

В голове Марата Феликсовича родился шипящий мяукающий г о л о с:

«Ты еще не успокоился, наёмник? Я дал тебе силу Гамчикот[1], чего тебе ещё не хватает?»

Меринов взмок, усилием воли постарался скрыть и свой страх, и свою радость от контакта с Конкере, создателем человечества.

— Тебе нужна моя помощь, мне — твоя. Я могу вернуть тебя в Материнскую реальность, стать твоим авешей.

«Мне не нужна твоя помощь. Скоро я сам появлюсь в твоей реальности. Пора докончить то, что я когда-то начал».

— Не понимаю...

«Вы слишком самостоятельны, потомки тараканов, и также агрессивно непредсказуемы. Пора делать новое Изменение».

— Ты хочешь... нас уничтожить?!

«Трансформировать. Интересно, сможете вы сохранить вид, сделавшись такими же маленькими, как нынешние муравьи? Но кого-нибудь из вас я оставлю для контроля за процессом. Будешь полезен, я оставлю тебя».

Меринов облизнул пересохшие губы.

— Я всегда... был полезен... я делал то, что ты приказывал...

«Продолжай в том же духе».

— Что прикажешь?

«Пока работай самостоятельно, я занят расчисткой плацдармов. Жди».

---

[1] Г а м ч и к о т — «дьявольское милосердие» (Каббала).

— Мне кое-что нужно... для более точного и быстрого исполнения твоих заданий.

«Конкретнее».

— Синкэн-гата, устранитель препятствий... другие Великие Вещи...

Кот-призрак открыл пасть, показывая почти человеческую улыбку.

«Нейтрализатор высших непреодолимостей уже у меня, он тебе не понадобится. О каких других Вещах идёт речь?»

— Ну, я знаю, что существует Иерихонская Труба... ещё её называют Свистком...

«Свисток — это система вызова Изначально Первого, она тебе тоже ни к чему».

— Тогда Книга Бездн, называемая также Бибколлектором, Щиты Дхармы, то есть Высшей Защиты... Интегратрон или Врата наслаждений...

«Ты вполне можешь обойтись и без них, имея тхабс».

— Укажи хотя бы, в каком из МИРов они находятся, я завладею ими сам.

«Тебе придётся сражаться с Хранителями».

— Это моя проблема.

«Интегратрон хранится в МИРе Ликозидов, под районом Москвы, который вы называете Строгино».

— Под Троице-Лыковской церковью? — удивился Марат Феликсович. — Но я там был неоднократно и видел лишь саркофаг царя Ликозидов...

«Он открыт лишь в определённый момент времени — в прошлом. Это секрет Хранителей. Все Великие Вещи Мира, оставшиеся им в наследие, хранятся не только в определённой точке пространства, но и в определённом моменте времени».

— Как же к ним подобраться?

«У тебя есть тхабс».

— Но я не...

Кот-собеседник сверкнул ставшими ярко-красными глазами, потерял чёткие очертания, превратился в ноутбук. На экране компьютера всплыла алая надпись: «Я скоро приду!» — потекла каплями, собралась в алого паучка, погасла.

Меринов выругался, откинулся на спинку стула, чувствуя странную усталость, будто он не меньше часа рубил дрова. Выключил ноутбук. Проговорил вслух:

— А ведь ты чего-то боишься, дьявол, раз отказываешься дать

мне доступ к Вещам. Интересно, если ты реализуешь новое Изменение, кем я буду править? И на хрена мне это нужно?

В кабинет заглянула Инна:

— Вы меня звали, Марат Феликсович?

Меринов очнулся.

— Заходи.

Через минуту они сжимали друг друга в объятиях на толстом ворсистом роскошном ковре посреди кабинета...

Мелешко не отвечал, и Марат Феликсович позвонил своему помощнику в Думе:

— Лёва, где Константин?

— Не знаю, Марат Феликсович, — виновато отозвался Лев Виссарионович Столин, прозванный Сталиным за сходство с прототипом. — Я его со вчерашнего утра не видел.

— Найди, он мне нужен.

— Слушаюсь. Когда вас ждать в Думе?

— Не знаю, планы изменились. Я хочу провести эксперимент сегодня, часа через два. Предупреди Симона.

— Будет сделано.

Меринов бросил мобильник на стол, глянул на часы. После разговора с Монархом он действительно изменил планы на день и теперь хотел проверить работу «Большого глушака», способного гасить сознание целых коллективов людей, а также отсасывать у них энергию. Комплекс «отсоса» был смонтирован в самом высоком здании Сити-центра, где у Меринова тоже была своя резиденция, и знали об этом всего три человека, принимавшие участие в разработке системы зомбирования. Строители и монтажники, устанавливавшие её в здании, понятия не имели, чем занимались, считая, что монтируют аппаратуру телецентра. К тому же все они были закодированы и вскоре после монтажа все как один забыли о своей работе.

— Поехали, — сказал Меринов, появляясь в холле коттеджа, играющем также роль приёмной.

Инна с готовностью выскочила из-за столика с пластиной ноутбука и селектором связи. Прижалась к нему горячим телом. Она была ненасытна, как пантера, и могла заниматься сексом несколько часов кряду. Но Марат Феликсович уже утолил утренний сексуальный голод и думал о другом.

— Не мешай.

Секретарша мгновенно превратилась в деловую женщину, перестала соблазнять шефа своими прелестями, распахнула входную дверь.

— Куда едем?

— В Сити.

Охранник, предупреждённый об отъезде хозяина, подогнал агрессивного вида «Кадиллак STS-V» цвета «платиновой седины». Инна села за руль, включила CD-чейнджер: Меринов любил слушать громкую ритмичную музыку.

Водила автомобиль она по-мужски решительно и нагло, профессионально, часто нарушая правила. Но инспекторы ГАИ машины Меринова, снабжённые депутатскими «опознавалками», не останавливали.

Свистнул мобильник.

Инна приглушила музыку, реагируя на всё происходящее в «сфере охраны» с похвальной быстротой.

Меринов поднёс трубку к уху.

— Прошу прощения, Марат Феликсович, — послышался подобострастный голос Столина. — Через час будет голосование по законопроекту «Б». Вы будете?

Меринов хотел ответить «буду», и в этот момент вдруг в голову пришла идея испытать кодон-систему «Большого глушака» на депутатах Думы. Законопроект, о котором шла речь, представлял собой базовую стратегию государства в области национальной безопасности, и его надо было «завалить», поскольку он не устраивал главного кукловода Думы — самого Меринова.

Законопроект этот предложил секретарь Совета безопасности Фоменко, разработавший систему вполне определённых критериев оценки безопасности страны, в которую входили системный подход к защите экономики, устранение диспропорций в развитии регионов, увеличение финансирования российского научно-технического потенциала, решение демографической — в первую очередь — и экологической проблем, а также борьба с терроризмом. В основе всех этих проблем лежал объективный спад доверия граждан ко всем структурам власти и государственным институтам, а ликвидация проблем выбивала почву из-под ног противников России, первым из которых был Марат Феликсович Меринов.

— Лёва, я занят, — сказал он. — В двенадцать часов будь готов покинуть зал заседаний.

— Зачем?

— Не задавай глупых вопросов.

— Хорошо, — после паузы ответил Столин, панически боявшийся шефа.

— Вы хотите нанести пси-удар по Думе? — улыбнулась Инна.

— Догадливая, — проворчал Марат Феликсович, несколько озадаченный прозорливостью секретарши. Конечно, у него был разработан план экспериментов по зомбированию населения, в который входило тестирование системы на коллективах школ, общежитий высших учебных заведений, театров, заводов, станций метро, воинских частей, но можно было начать и с Государственной Думы, в зале заседаний которой иногда собиралось более трёхсот человек.

Комплекс «Большого глушака» занимал почти весь двадцать девятый этаж здания-иглы Сити-центра. Охранялся он скрытно, как и другие объекты, принадлежащие Рыкову-Меринову. Программировал его и отлаживал Симон Степчук, доктор биологических наук, специалист в области полевых взаимодействий, ученик знаменитого своими экспериментами с омоложением академика Гаряева. В середине девяностых годов прошлого века он уехал в Канаду, оказавшись невостребованным на родине, где и отыскал его кадровый вербовщик Рыкова, предложив вернуться в Россию на любых условиях. Симон (его редко называли по имени-отчеству — Симон Потапович) согласился и с тех пор работал в лабораториях Рыкова, позже — Меринова, принимая участие в доработке суггесторов «удав» и «пламя». Он был редкостным трудоголиком, энтузиастом дела, мог сидеть за компьютером по десять дней кряду, не выходя из лаборатории, а главное, никогда не интересовался, где и для чего будут применяться созданные им устройства. Ему был важен результат, а не последствия применения того или иного прибора.

Меринова и его спутницу охрана самого высокого в Европе здания пропустила без досмотра и контроля. Ему достаточно было бросить взгляд на охранников, контролирующих вестибюль здания, чтобы те потеряли к нему всякий интерес. Однако с изменением внешности он изменил и имидж, предпочитая, чтобы его узнавали и реагировали, как на появление президента. Что, собственно, и происходило каждый раз, когда «Кадиллак» заместителя председателя Думы въезжал в подземный паркинг здания-иглы.

Поднялись на двадцать девятый этаж.

Вежливый молодой человек в синей униформе (формально

он работал на БОКС — Бюро охраны коммерческих структур, неформально — служил бойцом манипула охраны Меринова) привстал за кольцевым столиком монитора, открыл дверь в круглый холл этажа с рядом кремового цвета дверей. Марат Феликсович вошёл в дверь с табличкой «Оперслужба БГ».

Помещение за дверью было невелико и представляло компьютерный терминал, позволяющий его хозяевам работать в параллели с мощными вычислительными системами большинства научных институтов страны. Все пять столов с объёмными дисплеями были заняты мужчинами и женщинами в белых халатах, с ажурными шлемами на головах. Ни один из операторов не посмотрел на гостей и не поздоровался. Люди были заняты делом.

В углу помещения открылась ещё одна неприметная дверь.

Меринов и секретарша прошли дальше, приостановились на галерее, опоясывающей центральный зал этажа со сложной многохоботной установкой в центре, сверкающей стеклом, хромированными деталями, золотыми гофрами и ослепительно белым фарфором ажурных конструкций. Это и был «Большой глушак», генератор пси-излучения, способный посылать зомбирующий луч в любую точку города и даже в другие города страны, а также «отсасывать» пси-энергию объектов, попавших под луч. По залу ходили люди в бежевого цвета халатах, но до галереи не долетал ни один звук: работала особая система защиты помещения, не позволявшая его прослушивать ни одному существующему аудиосканеру.

— А это что такое? — спросила Инна, завороженная зрелищем.

Марат Феликсович проследил направление руки спутницы, указывающей на устройство, похожее на ствол пушки, обмотанный фарфоровой спиралью.

— Осциллятор.

— Он стреляет?

— Он возбуждает особое поле, спин-торсионное.

— Зачем?

— Чтобы сформировать луч и фрустировать сознание любого человека.

— Он и меня может... фрустировать?

Меринов усмехнулся.

— Хочешь испытать?

Инна повела плечиком, покосилась на патрона.

— Лучше не надо.

За спиной Меринова появился мужчина в белом халате, с покатыми плечами борца. Голова у него была круглая и выбритая до зеркального блеска. Черные глаза под мощными мефистофельскими бровями смотрели с мрачной неприветливостью, будто он был недоволен прибытием гостей. Это и был руководитель лаборатории Меринова Симон Степчук.

— Всё готово, Марат Феликсович.

— Идёмте.

Они вернулись в операторскую, миновали ряд дверей и зашли в помещение с одним столом и терминалом компьютера «Марк III». У стола стояли всего два стула, напротив каждого свисали с необычной формы кронштейнов мозаично-ажурные шлемы для прямого подключения оператора к виртуальной операционной зоне компьютера.

Симон указал на стул с мягкой спинкой, подождал, пока руководитель проекта займёт место, сел рядом. Инна осталась стоять за спиной босса.

Симон натянул на голову шлем, кивнул соседу.

Маршал Сверхсистемы взялся за шлем, и в этот момент сверчком засвиристел мобильник. Звонил Столин:

— Марат Феликсович, Мелешко нашли.

— Что значит — нашли? — не понял Меринов.

— В парке Сокольники. Ничего не соображает, не разговаривает, состояние полной прострации. С ним был лейтенант Шнур, он утверждает, что на них напали какие-то седые старцы... и больше он ничего не помнит.

Лицо Меринова изменилось, пальцы руки, держащей трубку телефона, скрючились.

— Седые старцы?

— Так точно, хотя он их почти не помнит. Взяли Костю и Шнура внаглую, прямо в Думе, на служебном выходе.

— Внаглую... — Узкие губы Меринова побелели, глаза сузились. — Так работали только мои давние знакомцы... но они уже год как сошли со сцены...

— Кто?

— «Чистильщики».

— Какие чистильщики?

— Всё, Лёва, потом поговорим. Где они?

— Шнур на базе, с ним возится Вахтанг; Мелешко в больнице.

— Заседание началось?

— Как раз сейчас будут обсуждать законопроект.

— Уходи из зала.

— Слушаюсь, Марат Феликсович.

Меринов отключил телефон, повернул голову к Инне.

— После эксперимента немедленно займёшься Костей Мелешко и Шнуром. Есть подозрение, что на них вышли... мои злейшие друзья. Но если это они...

— Хорошо, Марат Феликсович.

— Заводи трактор, — кивнул Меринов Симону.

Над круглым столом монитора встал столб светящегося воздуха, превратился в прозрачный «стеклянный» зеленоватый стакан диаметром в один метр.

С потолка на сидящих за столом людей опустилась многосегментная антенна в форме пирамиды.

Под пальцами Симона засветилась наклонная панель управления монитором, каждая ячейка которой служила сенсором включения определённых информационных файлов.

Очки шлема на голове Меринова посветлели, стали прозрачными, и целевые крестик и колечко на их стеклах как бы повисли в воздухе, повинуясь движениям глазных яблок оператора.

Внутри «стакана» — объёмной операционной зоны компьютера — возникла карта Москвы.

— Объект? — проклюнулся сквозь глухую вату наушников голос Симона.

— Госдума, — ответил коротко Марат Феликсович.

Карта Москвы, видимая как бы со спутника, изменила ориентацию, центр столицы скачком вырос в размерах, распался на здания, улицы и площади. Стали видны крыши новой гостиницы «Москва» с десятком разнокалиберных антенн и здания Государственной Думы на Красной Пресне, на месте стадиона «Асмарал», с ещё большим количеством антенн. Затем весь объём экрана занял светящийся зеленоватый скелет главного корпуса Думы.

— Координаты?

— Второй этаж, зал заседаний.

Симон, нисколько не озабоченный происходящим, шевельнул пальцами над виртуальной клавиатурой компьютера.

Алыми линиями обозначился контур зала заседаний на втором этаже Думы.

— Какой режим?

— Сначала подавление воли, потом «отсос».

— Мы ещё не включали машину в режим «отсоса».

— Вот и попробуем.

Воздух в комнате словно загустел, превратился в желе. Это включилась линия обратной связи с генератором излучения «Большого глушака». В душе Марата Феликсовича на мгновение шевельнулся страх: он вспомнил бой с Посвящёнными в Битцевском лесопарке. Тогда их силы были примерно равными, и Рыкову на всю жизнь запомнилось струнное гудение воздуха в потоке пси-выстрела, который заставил его отступить. Однако времена изменились, теперь он и сам мог повелевать природными полями и пси-излучением не хуже любого генератора. Но «Большой глушак» здорово увеличивал его возможности.

В столбе видеообъема откололась часть изображения, показав внутри Сити-центр со зданием-иглой. В центре здания загорелся красный огонёк, от него к зданию Думы протянулся оранжевый лучик.

— Связь, — бросил Марат Феликсович.

На стене помещения перед сидящими людьми налился жемчужным свечением метровый плоский экран, протаял в глубину, показывая зал заседаний Государственной Думы со стороны председательского подиума. Зал был заполнен всего на треть, количество участвующих в заседании депутатов до трёхсот не дотягивало.

— Мы готовы, — посмотрел на патрона Симон.

— Начинай.

— Первая фаза!

За стеной комнаты лязгнуло. Тихо вскрикнула Инна, вцепившись в спинку стула, на котором сидел Меринов.

Лучик света в объёме экрана, соединявший здание-иглу и Думу, на мгновение стал толще и ярче.

И тотчас же в зале заседаний Думы установилась полная тишина. Депутаты замерли на местах, а те, что ходили по рядам, опустились на пол, будто их выключили. Депутат, выступавший с трибуны, замолчал на полуслове, вытаращил глаза, медленно опустил голову на трибуну.

— Дальше! — нетерпеливо потребовал Меринов.

— Фаза два, — пробормотал Симон, поглощённый зрелищем внезапно потерявших волю депутатов; видимо, на него тоже произвел впечатление факт прямого пси-воздействия на достаточно большую группу людей.

По залу пронёсся общий вздох. Депутаты зашевелились, подняли головы, продолжая оставаться в состоянии оцепенения.

— Лёва, зайди в зал, — включил мобильник Марат Феликсович. — Задействуй процедуру голосования.

В зале появился невысокий толстый человечек с лысиной на полчерепа, в сером костюме. Он повозился за столом председателя собрания, нервно оглядываясь по сторонам, и на сцене загорелся экран голосования.

— Предлагаю законопроект отклонить, — сказал Столин в микрофон жидким голоском. — Вернуть на доработку. Голосуйте!

На экране вспыхнули зелёные цифры: двести девяносто три — за предложение, ноль — против, пятьдесят семь — не присутствуют.

— Хорошо, — сказал Меринов с удовлетворением. — Теперь «отсос».

— Фаза три! — бросил возбудившийся Симон; чёрные глаза его горели, в них плавились жадный интерес и фанатическая сосредоточенность на деле.

— Там же Лёва, — напомнила Инна.

— Ничего с ним не случится, — отмахнулся Меринов.

За стеной лязгнуло еще раз.

Лучик света, соединявший здания Думы и Сити-центра, стал фиолетовым.

И тотчас же в голову Марата Феликсовича хлынул прозрачный л у н н ы й свет, разбежался горячими струйками по жилам, заставил трепетать мышцы в удивительном экстазе! Он вздрогнул, восхищённо выругался, широко раскрывая глаза. Захотелось немедленно что-то сделать: подпрыгнуть, проломить стену ударом кулака, разбить вдребезги аппаратуру лаборатории, убить кого-нибудь, закричать, чтобы все оглохли! Выкачанная из депутатов пси-энергия клокотала в нём, как лава в жерле вулкана, переполняя сердце и душу, доставляя неизъяснимое удовольствие! Он сорвал с себя шлем, смял его в руках как бумажный лист!

— Отсечка! — дрожащим голосом скомандовал Симон.

Лучик в экране погас. Депутаты в зале заседаний все как один потеряли сознание.

Взгляд Марата Феликсовича упал на секретаршу, изумлённую происходившими с шефом метаморфозами. Он протянул к ней руки, встал, начал срывать с неё одежду.

Симон снял свой шлем, глядя на руководителя проекта с любопытством и недоверием. Таким он его ещё не видел. Хотя понимал, что энергия, полученная шефом, требует выхода, и секс был самым доступным и безопасным средством её погасить.

— Вон! — хрипло выдохнул Меринов. — Пошел!

Симон нажал клавишу отбоя программы и бочком выскочил за дверь.

Эксперимент закончился.

Глава 9

ОТКРЫТИЕ МИРА

В Москву Артур прилетел в смятении чувств.
Увиденное в Туре потрясло его настолько, что он забыл и об алмазах, и о своих планах, и о проблемах брата, пострадавшего от бандитов за неуступчивость и желание работать честно и справедливо.

Рассказывать Чимкуту о том, что он видел, Артур не стал. Посоветовал обратиться в органы, нанять телохранителя и вести себя осторожнее. В принципе, больше он ничем брату помочь не мог, разве что попросить своего нового знакомого при встрече подстраховать Чимкута. Но согласится ли Тарас на это, было неизвестно.

Жил Артур в районе Химкинского водохранилища, в круглом восемнадцатиэтажном доме, принадлежащем Северному парку — жилому комплексу с полной инфраструктурой. В комплекс входили еще две высотки — прямоугольная башня и двойная пирамида со срезанной вершиной, высотой в сто метров, а также супермаркет, кинотеатр, поликлиника, ресторан, кафе, боулинг-клуб и сауна. Квартиру в этом районе Артур получил три года назад благодаря стараниям отца, работающего в строительной компании «Домострой» стилевым архитектором. Площадь квартира имела небольшую, всего в семьдесят два квадратных метра, зато отделку Артур заказывал сам и теперь с удовольствием возвращался домой из длительных походов по миру, чувствуя здесь себя уютно и комфортно. Двух комнат, при отсутствии семьи, ему вполне хватало.

Отпустив такси, доставившее его из аэропорта, он распаковал походную сумку, полюбовался на алмазы (пришлось рискнуть и сдать их в багаж вместе с остальными вещами), принял душ и рухнул на кровать в блаженном расслаблении.

Но сон не шёл. Память то и дело прокручивала события последних дней: драку с бандитами, напавшими на Чимкута, встре-

чу с незнакомцем по имени Тарас, имевшим отношение к самому настоящему колдовству (а как иначе можно было назвать то, что он демонстрировал?!), и видение удивительного замка под землёй, который, по словам Тараса, построили Акридиды, разумные саранчовые.

Артур встал, выпил на кухне кружку кефира из холодильника, лёг снова. Задремал. Проснулся. Опять задремал. И проспал таким манером десять часов подряд. Сны какие-то снились, но он их не помнил, за исключением последнего, где промелькнула фигурка женщины в белом, которую он увидел с проводником Увачаном на берегу реки Джелиндукон. Бледное лицо незнакомки, то старое, в морщинах, то молодое, очень красивое и притягательное, было печально, а в больших зелёных глазах таилась боль неведомой утраты. Захотелось встретить её ещё раз, предложить вместе поужинать, расспросить, кто она такая...

Артур улыбнулся. Его мечта была из разряда детских, а детские мечты, как говорил опыт, сбываются редко.

Размышляя о своих приключениях, встречах и мечтах, он привёл себя в порядок, побрился, с минуту разглядывал собственную физиономию, «в меру мужественную и умную», как говорят в таких случаях. Женщинам его лицо нравилось, ежели судить по лёгкости предлагаемых им знакомств, а вот самому Артуру оно казалось слишком утончённым, изнеженным, мечтательным, несмотря на присутствие твёрдого подбородка. Ему не мешало бы добавить жёсткости и решительности, что всегда отличает мужчин с властным и независимым характером.

Взгляд упал на телефон.

Пора было устраивать своё бытие, решать проблему с продажей алмазов, встречаться с родителями, намечать план дальнейших действий. Чудеса кончились. А жизнь не стояла на месте, требуя соблюдения раз и навсегда заведённого порядка.

Полтора часа он сидел на телефоне, обзванивая друзей и знакомых, способных помочь ему освободиться от найденных алмазов. Его так и подмывало рассказать им о своих встречах с «колдуном» и о том, что Артур там видел. Правда, всё чаще приходила мысль, что замок Акридидов ему просто привиделся, уж очень необычным становился мир вокруг, если принять на веру слова Тараса о предках людей, Инсектах, некогда населявших Землю. Но все-таки Артуру хватило сил не делиться с друзьями своими

эвенкийскими впечатлениями, а когда он при личной встрече с Пашей Белокуровым, другом детства, чуть было не проговорился о беседе с Тарасом, вдруг показалось, что за ним — встреча происходила в кафе на Арбате — кто-то следит, и он вовремя прикусил язык.

Ощущение слежки возникало у него и потом, в течение дня, когда он метался по Москве в поисках покупателя алмазов. В конце концов Артур махнул на это рукой, полагая, что если это не милиция, узнавшая о «контрабанде», то с частными лицами договориться легче, тем более что никакой особой вины он за собой не чувствовал.

Наконец давний приятель, бывший врач-психиатр, а ныне художник и скульптор Валера Близнюк, вывел его на ювелира, как он утверждал, занимавшегося скупкой и огранкой алмазов.

— Только будь с ним осторожен, — предупредил лохматый и бородатый Валера, летом и зимой ходивший в «богемных» кожаных штанах и безрукавке и оттого мучившийся неимоверно. — Вова Березин человек с норовом, может и отказать. Не торгуйся с ним, бери то, что предложит.

— А если он даст мало?

— У тебя есть выбор? — пожал плечами Валера. — Не понесёшь же ты алмазы в госучреждение. Зато этот мужик не побежит в милицию сдавать тебя как контрабандиста.

С этим напутствием Артур и поехал на встречу с ювелиром, назначенную в метро, на станции «Полежаевская».

Неизвестно отчего, то ли вследствие утренних размышлений, то ли от ощущения слежки, но восприятие его обострилось, и спускался он на платформу метро «Полежаевская» в состоянии неуютного беспокойства. Снова стало казаться, что за ним кто-то скрытно наблюдает, в толпе пассажиров то и дело мелькали подозрительные лица, спину кололи чьи-то взгляды, а стоило оглянуться, люди отворачивались, что только усиливало подозрения и заставляло нервничать и суетиться.

Ювелира он узнал почти сразу: в центре платформы, прислонясь к колонне, стоял крупнотелый мужчина с коротким седым ёжиком волос и седыми усами и читал газету. На нем была гавайская рубашка с лианами и мартышками, джинсы и кроссовки, на плече висела черная кожаная сумка. Но подходить к нему не хотелось. Чувства Артура обострились настолько, что он буквально носом чуял исходящий от седоусого запах угрозы.

Что-то твёрдое уткнулось в спину.

— Не дёргайся, ламдон, — раздался над ухом ломающийся басок. — Дядя ждёт. Топай к нему.

Артур покосился на говорившего.

Невысокий, коротко стриженный, на лице — печать особого мироощущения, называемого одним словом «отморозок». А рядом еще два таких же мордоворота.

Заныло под ложечкой. Артур сглотнул слюну, покорно двинулся к ювелиру, опустившему газету и в упор глянувшему на него. Сопротивляться было бесполезно. Бандиты наверняка пришли на встречу не с пустыми руками, даже если в спину Суворову упирался не ствол пистолета, а зажигалка.

Внезапно что-то произошло.

Твёрдый предмет перестал сверлить дырку в спине Артура. Парень, державший его, тихо ойкнул, опускаясь на платформу. За ним, вытаращив глаза, легли его напарники, хотя к ним как будто никто не прикасался. Твёрдая горячая рука взяла Артура под локоть, подтолкнула вперёд. Он вздрогнул, узнавая «колдуна» из Туры.

Тарас в ослепительно белом костюме подвёл его к замершему ювелиру, вежливо коснулся пальцами виска.

— Деньги принёс?

— Чего? — выкатил глаза ювелир, глядя то на лежащих спутников, вокруг которых уже начал собираться народ, то на приблизившуюся к нему пару.

— Деньги принёс? — терпеливо повторил Тарас.

— А ты к-кто?

— Мент в пальто, — с иронией сказал Тарас. — Не оглядывайся, кругом мои люди. Побежишь — схлопочешь пулю в затылок. Сколько принёс?

— М-мы хотели...

— Развести лоха, не так ли? А потом замочить. Хороший план. — Глаза Тараса заледенели. — Сколько у тебя с собой, валет червонный?!

— Д-десять косух... зеленью...

— В сумке?

— Д-да...

— Что там ещё?

— Букет... бухарики... полова...

— Хорошо блатную музыку знаешь, сидел?

— Трёшник...

— Давай сумку.

Ювелир безропотно снял с плеча сумку, протянул Тарасу.

Разговор в таком же духе продолжался еще какое-то время. Артур переводил взгляд с одного на другого, ничего не понимая. Выдавил наконец:

— Вас Валера прислал? Вы ювелир Березин?

Тарас усмехнулся.

— Ошибся ваш Валера. Этот мерзавец-ювелир, да не тот. Работает на преступную группировку «29», не так ли, дражайший? На её счету как минимум двадцать одно убийство, сотня грабежей, продажа людей в рабство и так далее, и тому подобное. Великолепный послужной список.

— Фигня... — прохрипел побледневший ювелир.

— Вожак этой стаи — некто Власов по кличке Шурин, — продолжал Тарас тем же насмешливо-презрительным тоном. — В боссах ходят также Наиль Нуриахметов по кличке Одноглазый, Валера Слободин — Ванан, Рузал Асадуллин, Рамиль Валеев, Алик Салихов, мастер восточных единоборств, между прочим. Редкая сволочь. Ну, а наш друг Вова Березин не только действительно ювелир со стажем, но ещё и казначей банды, и работает он не на себя, а на босса Шурина. Не так ли, господин Березин?

Кадык седоусого судорожно задёргался. Было видно, что он вот-вот хлопнется в обморок.

— Иди пока, — бросил Тарас. — Передай боссу, что им скоро займется «чистилище», материал о банде уже собран.

Ювелир вздрогнул, повернулся и, деревянно переставляя ноги, зашагал к выходу из метро.

— Подожди! — Тарас повернулся к обалдевшему от происходящего Суворову. — Где камни?

Артур протянул ему коробочку с алмазами.

Тарас выбрал три камешка, сунул ювелиру в руку.

— Это тебе в обмен на твои деньги. Теперь иди.

Тарас оглянулся на парней, сопровождавших казначея группировки «29». Те уже оклемались, но чувствовали себя не лучшим образом.

— Откуда вы знаете... о них? — выдавил Артур.

— Умею читать мысли, — усмехнулся «колдун», и Артур сразу ему поверил, хотя скажи ему это кто-то другой — покрутил бы пальцем у виска.

Они двинулись сквозь поток выходящих из электропоезда пассажиров к лестнице, ведущей в холл северного выхода метро. Вдруг Тарас остановился так внезапно, что идущий следом Ар-

тур ткнулся ему носом в спину. Показалось, в зале похолодало. Пришло знакомое раздражающее ощущение подглядывания.

— Чёрт побери! — с расстановкой проговорил Тарас.

— Что проис... — заикнулся Артур.

— Закройся!

— Что?!

— Заблокируй сферу сознания!

— Как?!

— Представь, что голова окружена зеркальным экраном, отражающим свет и любой материальный предмет, даже пулю!

Артур послушно представил вокруг головы зеркальный шар, и в тот же момент его с силой ударили по затылку! Точнее, он почувствовал удар, хотя никто его, конечно же, не бил.

В глазах потемнело, завертелись огненные колёса, ноги ослабли. Но всё же сознания он не потерял, хотя голова гудела, как колокол от удара билом, а по телу разлилась волна странной слабости. Затем он увидел, что творится вокруг, и встряхнулся, озираясь.

Толпа пассажиров, высыпавшая из двух одновременно прибывших электропоездов, повела себя необычно. Люди останавливались и безвольно опускались на пол, глядя перед собой ничего не видящими глазами. Многие из них теряли сознание, некоторые хватались за голову, дико осматриваясь, но потом тоже садились на платформу, ложились и замирали. Через несколько секунд вся платформа метро была заполнена сидящими и лежащими телами. Ни криков, ни стонов, ни разговоров, ни шума шагов, полная тишина, если не считать гудения электромоторов остающихся на месте метропоездов.

Артур перевёл взгляд на спутника.

Тарас стоял, подняв руки над головой ладонями вверх. Пальцы рук светились, и по ним стекали вниз лёгкие струйки электрических искр, образуя нечто вроде зонта — над самим Тарасом и над Суворовым.

— Что происходит?!

— Рыков балуется с «глушаком», — процедил сквозь зубы Тарас.

— С чем?!

— С психотронным генератором большой мощности. Уходим отсюда.

Они торопливо выбрались наверх, видя и в переходе ту же картину — сидящих и лежащих в безвольной прострации людей.

Сели в серебристую «Инфинити FX-55». Тарас объехал скопление машин и маршруток на стоянке возле выхода из метро, направил свой хищно выглядевший аппарат по улице Зорге, свернул во двор длинного двенадцатиэтажного дома, остановил машину.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — запинаясь, ответил Артур. — Вы сказали — Рыков балуется с...

— К сожалению, технический прогресс не стоит на месте. Год назад в распоряжении этого мерзавца были только «глушаки» индивидуального пользования, теперь же он владеет психотронной системой, способной загипнотизировать крупные массы людей.

— Кто такой Рыков?

— Авеша Монарха Тьмы, тёмный аватара, в планах которого создать «эгрегор тьмы» с помощью тотального зомбирования населения Земли и стать полновластным властелином матричной реальности.

— Какой реальности?

Тарас досадливо поморщился.

— Отвыкай задавать лишние вопросы, ищи главные. А чтобы ты представлял, с чем и с кем тебе предстоит иметь дело, я попытаюсь вкратце рассказать тебе историю Материнской реальности. Возникающие по ходу рассказа вопросы задашь потом, договорились?

— Я хотел бы...

— Насколько мне известно, никаких срочных дел у тебя в ближайшее время не предвидится, поэтому потерпи полчаса. Кстати, Светлена не ошиблась, у тебя действительно хороший итерационный пси-запас, что даёт нам маленький шанс победить.

Артур хотел спросить: что такое итерационный пси-запас? — но прикусил язык. Тарас понимающе усмехнулся.

— Правильно. Итак, поехали. Не берусь утверждать, что знаю, кто создал нашу земную «запрещённую реальность», имеющую значение матричной или Материнской. Условимся называть его Безусловно Вторым.

— А Безусловно Первый тогда что сделал? — не удержался Артур от наивного выражения чувств.

— Хороший вопрос, — кивнул собеседник. — Хотя опять же лишний. Безусловно Первый сотворил Большую Вселенную, известную в определённых кругах как Древо Времён. Однако не

будем отвлекаться. Для нас важно не это, а что было потом. Так вот, первой на Земле была реализована Культура Хаоса, авторы которой — Предтечи, предки Аморфов, те же в свою очередь создали Культуру Разумных Переходных Систем типа планет. Им на смену пришли Инсекты, создавшие Культуру Форм, опиравшуюся на геометрические свойства континуума. Им удалось даже создать, вслед за Предтечами, некоторые Великие Вещи Мира, способные структурировать пространство и время.

— Какие?

— Ну, к примеру, синкэн-гата или «духовный меч познания», имеющий достаточно широкий диапазон магического оперирования. Он может даже использоваться как оружие. Затем Кодон — программатор психики. Гхош — Переводчик Необъяснимого. Врата Наслаждений. Интегратрон — генератор бессмертия или, точнее, вечного омоложения. Щиты Дхармы или Высшей Защиты. Саркофаги — прасуперкомпьютерные комплексы для «возбуждения» тхабса.

— Я второй раз слышу от вас это слово...

— Сегодня мы попробуем инициировать его у тебя.

— И где же все эти Вещи?

— Существуют еще два десятка Великих Артефактов, созданных Предтечами, Иерихонская Труба, к примеру, система вызова Творца, Инфран — распознаватель Тьмы, Умертвие или Игла Парабрахмы — «абсолютное оружие», импульс которого останавливает в с е энергоинформационные процессы в материи, и так далее. А хранятся Вещи в «модулях иной реальности», один из которых я тебе уже показал. Идём дальше. Аморфу Конкере, прозванному впоследствии Монархом Тьмы...

— Дьяволу?

— ...Монархом Тьмы, захотелось поэкспериментировать с «запрещенной реальностью», и он «сбросил» цивилизацию Инсектов в «яму мелкомасштабной интрузии», то есть попросту уменьшил их в размерах до нынешнего масштаба. А Блаттоптера сапиенс — тараканов разумных — изменил таким образом, что они стали предками людей...

И Артур услышал из уст собеседника самую неправдоподобную из всех историй, когда-либо предлагаемых ему в качестве истинных.

О «розе реальностей».

О Внутреннем Круге человечества, «круге великого молчания».

Об иерархах Круга, достигших уровня мысленного и вербального контроля над физическими полями и собственным телом.

О войне иерархов с Истребителем Закона.

О Монархе Тьмы, выбравшемся на волю благодаря ошибке молодого оруженосца Воина Закона.

О бедах, которые вот-вот свалятся на голову человечества, если Монарха, вознамерившегося сделать новое Изменение, не остановить.

— Но почему я?! — воскликнул сражённый развёрнутой перед ним перспективой Артур.

— Этого я сам не понимаю, — признался Тарас. — И ты уже спрашивал меня об этом. Но таково предложение Светлены, спутницы-аватары бывшего инфарха, которая увидела в тебе надежду. Я лично считаю, что она ошиблась, ты не тот человек, который может стать воплощением нового Воина Закона.

Артур почувствовал себя уязвлённым, кровь бросилась ему в лицо.

— Почему это?

— Потому что тебе и так хорошо живётся, не так ли? Несмотря на твой экстремальный образ жизни. Может быть, откажешься?

Артур сжал губы, боднул воздух лбом.

— Я согласен!

Впоследствии он будет не раз клясть себя за своё поспешное решение, но в данный момент ему искренне показалось, что он способен на подвиги.

— Только научите меня драться! Если я должен стать Воином... э-э... вашего Закона, то просто обязан быть мастером боевых искусств.

Тарас покачал головой.

— Вовсе не обязательно, хотя и желательно. Мы поступим иначе. Поскольку ты лишён *ниродхи*, я дам тебе знание *сарва-саубхагья-дайаки*, которое позволит тебе адекватно реагировать на любое изменение ситуации. Захочешь — сам найдёшь путь к *самадхи* и...

— Стану Воином?

— ...и станешь организатором ПАО — пространства адекватного ответа. Это выше любых воинских умений и знаний. Но предупреждаю: легко приобретаемое всегда требует тяжёлой платы.

— Что такое ниродха?

— Изначальная просветлённость.

— А самадхи?

— Приобретённое просветление, дающее путь к *абхисамадхи* — Высшему Сосредоточению. Но все это ты сможешь изучить сам, когда научишься входить в ментал.

— Э-э...

— Общее интегральное поле информации земной реальности. Хорошо бы тебя, конечно, снабдить хотя бы одним из Щитов Дхармы, но это если удастся уговорить Хранителя, чтобы он «сдал» его тебе «в аренду». Итак, ты готов?

Артур почувствовал сбой сердца, дрожь в коленях, во рту пересохло, энтузиазм его поостыл. Но он постарался выглядеть достойно.

— Прорвёмся! Хочу всё знать! Девиз молодых.

— Если бы молодость знала, — хмыкнул Тарас, — до старости никто бы не дожил. Ну, если ты готов, поехали!

И на голову Артура упала глыба знакомой темноты.

Очнулся он через несколько мгновений, ошеломлённый сменой положения: только что сидел в кабине «FX-55», и вот уже стоит на полусогнутых в гигантской пещере, освещённой центральным сооружением — светились молочной белизной его стены — в форме изумительной красоты и гармонии пирамидального замка. Замок был разворочен взрывом, левая его сторона, полурасплавленная и скособоченная, оплывшая фестонами молочно-белого материала, не светилась. И все же творение неизвестных архитекторов выглядело совершенным.

— Живой? — оглянулся Тарас. — Привыкай, скоро сам сможешь «летать верхом» на тхабсе.

— Что это?

— Догадайся с трёх раз.

— МИР...

— Верно, это «модуль иной реальности», построенный Ликозидами, разумными тарантулами.

Некоторое время оба рассматривали завитки, соты и ниши сложных ажурных стен пирамиды, впитывая красоту узора, ощущая эффект неповторимой геометричности сооружения.

— Идём, — сказал наконец Тарас. — Не нравится мне эта тишина.

Артур очнулся, ощутил лёгкое беспокойство, догнал проводника.

— Здесь... неуютно...

— Потому что в МИРе недавно побывал один нехороший человек.

— Рыков?

Тарас оглянулся, поднял бровь.

— Интуиция? Или удачный ляп?

Артур порозовел.

— Показалось...

— Впрочем, не суть важно. Запомни одно: этот человек опасен, остерегайся встреч с ним. До тех пор, пока не овладеешь силой.

— Я даже не знаю, как он выглядит.

— Хорошо выглядит. Герман Довлатович Рыков нынче известен как Марат Феликсович Меринов, зампред Государственной Думы. Надеюсь, ваши пути никогда не пересекутся.

Они вошли под своды тоннеля, стены которого, светящиеся изнутри, были сплетены из тонких жил и паутинных сеток. С десяток подобных тоннелей дырявили основание пирамиды.

Спустя минуту впереди открылся деформированный и оплавленный «готический» зал, будто в нём когда-то что-то взрывалось и горело. Посреди зала из бугристого пола вырастала необычной формы ротонда, имевшая вид лопнувшего и развернувшегося лепестками тюльпана стеклянного шара.

Поднялись к шару, пролезли в трещину в его боку и остановились перед хрустальной друзой размером с грузовик, очень красивой, с волшебными изгибами странного ложа и фрактальными переходами перепонок и наплывов.

Тарас покосился на спутника.

— Догадываешься, что это такое?

— Саркофаг...

— Верно, это саркофаг царя Ликозидов.

— Но он не похож на компьютер...

— Носителем процесса вычисления может быть любой материальный объект, надо лишь превратить его в операционную систему.

Артур слепо двинулся к саркофагу и наткнулся на какой-то упругий невидимый барьер.

— Стена...

— Силовая мембрана «печати отталкивания», поставленная Хранителем МИРа.

Тарас вытянул руку ладонью вперёд, нажал, и упругая плёнка перестала сдерживать гостей.

Подошли к ближайшему прозрачному крылу ротонды с бро-

дящими внутри синими и зелёными огоньками. Тарас пошлёпал по крылу ладонью, кивнул Артуру:

— Залезай.

— З-зачем? — с опаской отодвинулся тот.

— Не бойся, ничего плохого с тобой не случится. Саркофаг просто выведет управление твоим тхабсом на уровень сознания.

— Разве он у меня... тхабс... есть?

— Тхабс — это как физический закон, запрограммированный генами. Он имеется у каждого человека. Хотя, как говорится, не каждому дано то, что он имеет. Впрочем, ещё не поздно отказаться.

Артур уловил насмешливо-скептический огонёк в глазах собеседника и молча полез внутрь саркофага. Оглянулся.

— Что дальше?

— Сядь, а лучше приляг. Ощущения будут странными, не совсем привычными, поэтому лучше пережить их лёжа.

Артур поёжился, почувствовав укол мгновенного страха, однако сделал вид, что спокоен. Сел посреди огромного, рассчитанного на гигантского тарантула, чешуйчато-жилистого ложа, потом лёг навзничь. Прямо на него смотрел с изогнутого крыла ротонды стеклянно-фасетчатый глаз. Внутри глаза загорелась красная звезда, и Артур вздрогнул, почувствовав живой холодный взгляд. По телу пробежала волна дрожи, хотя сам он не шевелился, мышцы сокращались и расслаблялись самопроизвольно.

Прошла секунда, другая, пятая, десятая...

— Долго ещё?

— Терпи, он тебя изучает. Для него ты — необычная сложная биомашина, выполняющая определённые функции.

— Какие? — выговорил Артур прыгающими губами.

— В принципе, человек и в самом деле есть биологическая машина, выполняющая семь основных функций на семи разных уровнях. Первый уровень — мышление, сознание, интеллект. Второй — чувства, эмоции. Третий — инстинкты, внутренняя работа организма. Четвёртый — двигательная функция, то есть внешняя работа организма. Пятый уровень — функция воспроизведения, или сексуальная. Ну и, наконец, высшая эмоциональная — состояние полного самосознания — и высшая интеллектуальная — состояние объективного сознания. Последние две функции доступны лишь единицам, потому что это, по сути, *самадхи*, состояние просветления, экстаз переживания истин.

— Мне они... тоже недоступны?

— А вот это уже будет зависеть от тебя. Внимание, сейчас ты полетишь.

«Куда?» — хотел спросить Артур, но не успел.

Голова внезапно проросла миллионами невидимых волокон и начала распухать, превращаться в удивительный гигантский одуванчик...

Глава 10

ДЫРА В АДУ

В понедельник первого августа сержант патрульно-постовой службы Ватуллин на личном «ВАЗ-2105» сбил шестидесятилетнюю женщину. Свидетели показали, что вместо оказания пострадавшей первой помощи он забил её монтировкой до смерти, чтобы скрыть следы преступления, и скрылся с места происшествия. Задержан, но впоследствии отпущен «за неимением доказательной базы», так как свидетелями оказалась пара бомжей. Следователь предпочёл им не поверить...

Во вторник второго августа старший сержант милиции Чхортишвили, работающий водителем в хозуправлении ГУВД Москвы, подвёз на своём «Фольксвагене» попутчицу в микрорайон Сабурово, а затем изнасиловал её, угрожая ножом. Задержан и отпущен на свободу вследствие недоказанности преступления; девушка, испуганная угрозами по телефону и слежкой за ней неизвестных лиц (вероятно, приятелей сержанта), не опознала насильника...

В среду задержан лейтенант милиции Каюмов, подрабатывавший продажей наркотиков и «крышеванием» наркобанды...

Третьего августа задержан капитан милиции Борисский, похитивший с двумя приятелями восемнадцатилетнего студента и требовавший с родителей выкуп в размере ста тысяч долларов...

— Хватит! — хлопнул ладонью по столу Василий Никифорович. — Досье на отморозков в погонах слишком большое, пусть Веня проанализирует самые поганые истории и составит план бандликов. Что у нас по более крупной рыбе?

Парамонов, читавший текст с экрана компьютера, переключил файл.

— По докладу Счётной палаты о приватизации...

— По первому или по второму?

— По второму.

— Правильно, нет смысла заниматься тем, что уже свершилось. Никому не интересно, как олигархи и чиновники «пилили» общенародную собственность, зарабатывая свои миллионы и миллиарды.

— Ну почему? — не согласился Самандар. — Я бы с удовольствием «замочил» наиболее одиозных типа Березинского или Абрамовского, скупающих по всему миру недвижимость, яхты, самолёты, острова, спортивные клубы и команды. В назидание другим.

— Ими мы еще займёмся. Давай второй список, Иван Терентьевич.

Второй доклад Счётной палаты, о котором говорил Котов, представлял собой по сути секретный план Купола по приватизации крупнейших предприятий оборонного комплекса. А так как в этом самом настоящем заговоре против государства участвовали первые лица страны и сам премьер, шанс обойти законы и окончательно подмять власть под криминальную Сверхсистему был очень велик.

Всего, по данным Счётной палаты, в оборонно-промышленном комплексе России иностранные юридические и физические лица и их аффилированные структуры уже владели более чем двадцатью пятью процентами акций в пятидесяти акционерных обществах, пакетами акций, превышающими размер блокирующего, — в тридцати АО, а в самых важных — в авиационной и космической промышленности — в семнадцати. Осталось приватизировать еще два-три десятка предприятий, с передачей в частные руки уникальных стратегических технологий, и, как говорится, шпионы могут спать спокойно. Зарубеж и без их помощи будет владеть всеми секретами российской оборонки. А на России как на могучей самостоятельной державе можно будет ставить крест.

— Производственное объединение «Молот Октября», — начал читать Парамонов. — Производит детали для зенитно-ракетных комплексов «Искандер». Доля оборонного заказа — семьдесят процентов. Субъект приватизации — территориальное агентство недвижимости «Фигвам». Заключения Госкомоборонпрома нет, но есть заключение правительства, подписанное замминистра промышленности Фурсатовым.

— Мочить! — бросил Самандар. — Всю вертикаль — от министерства до приобретателей.

— Дальше, — кивнул Василий Никифорович.

— Смоленский авиационный завод. Доля оборонки — тридцать пять процентов. Производит детали для вертолетов военного назначения. Субъект приватизации — местное территориальные агентство, получившее разрешение от самого министра экономразвития Грефинчука.

— Дальше.

— АО «Курский прибор»...

Сидели в квартире у Самандара, превращённой в штаб «СМЕРЧа», впятером: сам хозяин, Котов, Парамонов, Медведев и Веня Соколов, ставший по сути начальником внутренней службы безопасности «чистилища». Ульяна принимала участие в заседаниях комиссариата всего три раза, когда решалась задача стратегического вектора «чистилища» и, конкретно, кадровые вопросы.

Веня Соколов предложил вдруг его спецкоманде поддержать антитеррористические акции, вспомнив дикий случай захвата боевиками школы в Беслане, и спровоцировал дискуссию о границах применения ответных мероприятий.

— Я против, — сказал Иван Терентьевич. — Надо просто не допускать захвата заложников.

— Ну а если захват уже произошёл? — упорствовал бывший капитан разведки. — Что, будем выполнять требования террористов?

— Требования требованиям рознь. Если речь идёт об освобождении из тюрем других бандитов, такое требование можно и выполнить.

— А если они потребуют вывести войска из Чечни или там Дагестана? Вообще отделиться от России?

— Жизнь людей важнее...

— Что с тобой, Иван Терентьевич? — перебил Парамонова Самандар. — Окстись! Любой вариант с выполнением требований боевиков — очередная демонстрация слабости власти, чреватая вереницей подобных захватов.

— Но штурм влечёт за собой многочисленные жертвы, а боевикам выгоден любой такой сценарий, с любым количеством жертв.

— Вот поэтому существует другой путь, уже проверенный в деле кадыровцами еще несколько лет назад: контрзахват родственников террористов.

— Допустим, не удастся захватить родственников. Особенно

если боевики — арабские или афганские наёмники и прочая мразь. Что тогда?

— Давайте не будем ломать копья по этому вопросу, — интеллигентно предложил Медведев. — С терроризмом должна бороться федеральная власть. Тем более что нашу команду, какой бы опытной и профессиональной она ни была, никто не допустит к участию в контртеррористической операции.

— А никто ни у кого и не собирается спрашивать разрешения, — усмехнулся Самандар. — Но я тоже против участия наших ребят в такого рода деятельности. У нас другие задачи — «смерть чиновникам!».

Соколов хотел возразить, но посмотрел на лица комиссаров и передумал.

В двенадцать часов дня заседание закончилось. Были определены пути решения приоритетных проблем, информационного поиска и привлечения к работе «чистилища» надёжных исполнителей. На пятницу пятого августа был намечен бандлик, обоснование которого представил Самандар.

— Есть перспективная работа, — начал он. — Узнал случайно, заинтересовался, начал искать информацию и вот что выяснил. Вы знаете о существовании в стране проблемы под названием «утечка мозгов»?

Комиссары переглянулись.

— Сказал «а», говори «б», — проворчал Василий Никифорович.

— В девяностые годы прошлого века за рубеж уехали сотни классных специалистов в самых разных областях наук. Но всё же многие остались. И вот им-то живётся очень несладко, потому что давление на учёных продолжается до сих пор. Меня же почему-то взволновала судьба одного физика-ядерщика, Николая Львовича Максименко. Слышали о таком?

— Короче, Склифосовский.

— Он выпускник физтеха Томского политехнического института, сейчас доктор наук, долго работал главным физиком Минатома, руководил лабораторией в Курчатовском ядерном центре, потом Институтом физико-технических проблем металлургии и всё время занимался исследованиями свойств тория; есть такой радиоактивный элемент, если кому интересно. Кстати, реакторы на тории практически безопасны и энергетически более выгодны, чем на уране или плутонии. Но это к слову. Так

вот, в последнее время на Николая Львовича, отказавшегося в своё время уехать за границу, начали давить.

— Кто?

— Рассказываю по порядку. Сначала к нему пришли некие люди, представившиеся экспертами МАГАТЭ — Международной комиссии по ядерной энергии, и предложили работу в одной из четырёх стран: США, Австралии, Израиле или Канаде. Он снова отказался. И началась череда странных событий, а по сути — травля учёного. Его уволили. Институт перепрофилировали. Лабораторию, где он было устроился, закрыли. Все материалы отобрали. Квартиру обворовали, унесли все диски с его расчётами. А недавно на него напали какие-то подонки, и он чудом остался в живых. Шестидесятишестилетний мужик пошёл в прокуратуру с жалобой, но там завести уголовное дело по факту угроз и травли отказались. В общем, полный тупик. Никто не в состоянии помочь. В Минатоме сейчас действуют несколько враждующих группировок, которые мешают чётко сформулировать позицию министерства. Все дерутся за симпатии чиновников и бюджетные деньги, даже маститые учёные мужи. Но и здесь Николай Львович лишний. А ведь его направление работы чрезвычайно перспективное, причём и для отрасли, и для страны в целом.

— Кто-то сильно заинтересован в том, чтобы России не досталась эта технология, — задумчиво проговорил Парамонов. — Так?

— Совершенно верно.

— Кто? Ведь не те «шестёрки», которые вышвырнули физика на улицу и закрыли институт? Не убоявшись ФСБ и прокуратуры? Без солидной «крыши» это сделать невозможно. Чиновники просто так не станут рисковать.

— Если бы наши чиновники не продавались, им бы цены не было, — мрачно пошутил Василий Никифорович. — До чего ты докопался?

— Насколько я вник в проблему, существует целая система развала российской науки...

— Наравне с системами развала образования, культуры, медицины, авиапромышленности и так далее. Это не новость.

— Согласен, однако, если коротко, в правительстве окопались агенты влияния хорошо известного нам персонажа...

— Рыкова.

— Его, родимого, а через него связь, скорее всего, тянется в «розу», к Монарху. Но это тема отдельного разговора. Я зани-

мался лишь одной сферой влияния — научной и вот что вычислил. Вершиной системы является, естественно, Рыков, он же Меринов Марат Феликсович. Под ним система агентов влияния рангом пониже, окопавшихся в Думе, Совете Федерации, Совете безопасности и в правительстве. Могу даже назвать предполагаемые кандидатуры.

— Предполагаемые?

— А вы хотите, чтобы каждый из них сознался, что работает на Рыкова? Они, может быть, даже не понимают этого, поскольку зомбированы, но их легко можно вычислить по векторам деятельности. Тот же министр экономразвития уж такую лепту внёс в развал страны, что просто светится, как радиоактивный элемент! Да и почти все министры тоже, и их замы. А уровнем ниже идут исполнители решений — сенаторы, губернаторы, их заместители, начальники служб, депутаты... Кстати, слышали, что вчера произошло в Думе?

Мужчины вопросительно переглянулись.

— По телевидению вроде бы ничего не передавали... — неуверенно заметил Василий Никифорович.

— В Думе работают наши люди, они и сообщили новость. Вчера должна была решаться судьба законопроекта о национальной безопасности, повышающая ответственность чиновников, и прямо во время заседания все депутаты в зале потеряли способность соображать. А потом и вовсе отключились на несколько минут. А после все жаловались на странную слабость, вялость и отсутствие желания что-либо делать. У меня есть запись с телекамер системы наблюдения. Сейчас там работает комиссия ФСБ, но и так ясно, что на депутатах кто-то отрабатывает психотронный генератор. Законопроект, кстати, был единогласно отклонён.

— Рыков? — хмыкнул Иван Терентьевич.

— Больше некому.

— Зачем это ему? Он такими экспериментами подставляет себя.

— Значит, мерзавец никого не боится, демонстрирует силу, считает себя единоличным властелином государства. А то и Земли в целом. Недаром же он стал координатором Союзов Неизвестных, боссом российской криминальной Сверхсистемы, которую успешно применяли все наши доморощенные Союзы Неизвестных во все времена. А управляли этими Союзами — забугорные координаторы.

— Это еще Алексей Николаевич Толстой отмечал, — тихо

произнёс Парамонов. — Помните? «Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет начало в чужих краях, трепещущих России и действующих через золото».

— Толстой был Посвящённым, он знал, что говорил.

— А президент? Тоже в команде Рыкова? — вежливо спросил Медведев.

— Президент ему нужен в роли оппозиции. Но власть президента ограничена, его указы легко блокируются почти на всех уровнях чиновничества. В стране создана настоящая «паутина» власти, за струны которой дёргает один человек — Рыков.

— Давай о деле.

— Предлагаю обработать «дихлофосом» ту «ниточку паутины», которая зацепила Николая Львовича Максименко. Я её просчитал. Вот она.

Самандар потеснил Парамонова, пробежался пальцами по клавиатуре. Экран компьютера мигнул, стал синим и плоским, затем обрёл глубину, и в нём выплыла объёмная конструкция связей, объединившая почти четыре десятка фамилий.

Василий Никифорович присвистнул.

— Ничего себе «ниточка» — целая сеть!

— А ты что думал? Что реализовывать установки кукловода Рыкова будет один человек? В стране на протяжении всех последних лет — не меньше двадцати пяти! — создавалась коррумпированная чиновничья структура, которую легко можно переподчинить и использовать в своих целях. Рыков это и осуществил. Итак, начнём сразу снизу и сверху. Веня со своей командой займётся губернской властью, которая буквально выдавливает Николая Львовича отовсюду; он живёт сейчас в подмосковном Королёве. А мы сосредоточимся на Министерстве атомной энергетики. Вот схема воздействия.

Ноутбук отобразил новую систему связей, утыканную алыми стрелочками бандликов.

Комиссары углубились в изучение схемы...

* * *

Аркадию Борисовичу Барболису исполнилось пятьдесят восемь лет.

Трудовую деятельность он начал в тысяча девятьсот семьдесят четвёртом году, после окончания Куйбышевского индуст-

риального института, — дежурным инженером-электриком Обнинской АЭС. Работал заместителем главного инженера, начальником технологического цеха, главным инженером Белоярской атомной электростанции, затем главным инженером АЭС «Ловинса» в Финляндии.

Его заметили, и в тысяча девятьсот девяносто четвёртом году Барболис был назначен заместителем начальника «Росглавзагранатомэнерго» Министерства энергетики России. Вскоре его перевели в «Интератомэнерго», а потом назначили замом министра атомной энергетики. В две тысячи пятом году он стал министром. И резко переменился. Все, кто знал Аркадия Борисовича раньше, отмечали, что он стал заносчивее, суше, высокомернее, с подчинёнными разговаривал нехотя, цедя слова, часто унижая собеседника. Свои решения он никому не объяснял, нередко снимал человека с должности без видимых причин, а главное — довёл отрасль до такого состояния, что из неё начали уходить блестящие специалисты, кандидаты и доктора наук.

Прокуратура не раз заводила на непосредственных помощников Барболиса уголовные дела, в том числе — за лоббирование интересов отдельных олигархов и коммерческих структур, также работающих на иностранные державы, заинтересованные в превращении России в ядерную свалку. Сам же Аркадий Борисович оставался «вне подозрений», имея столь высокие связи в верхах, что мог позволить себе не бояться представителей закона. Его «крыша» могла свободно закрыть любые уголовные дела и блокировать расследование.

В друзьях Барболиса числились такие известные лица, как председатель Госдумы и его зам, министр МВД, секретарь Совета безопасности, бизнесмены Абрамовский и Коберзон. Совершенно естественно, что эти люди прикрывали его, несмотря на то, что все знали: каждая подпись министра на финансовых документах «стоит» три процента отчислений от указанных в них сумм на личные зарубежные счета Барболиса.

Пятого августа, уже в конце рабочего дня, в кабинете министра раздался телефонный звонок.

— Извини, что беспокою, — послышался в трубке характерный горловой голос министра внутренних дел Телибеева. — Прокуратура вынашивает планы пошерстить твою епархию, надо встретиться, поговорить.

— Ты обещал прижать этих законников, — недовольно бро-

сил Барболис. — Нельзя заменить Никитина? Могу предложить кандидатуру.

— Поговорим и об этом. Приезжай к восьми в ресторан «Monterosso» возле метро «Марксистская».

— Почему туда? Лучше ты приезжай ко мне домой. И не к восьми, а к девяти.

— Кончай базар, Аркадий! — озлился Телибеев. — Не слишком ли заелся? Могу напомнить кое-что. Твои желания пусть исполняют твои «шестёрки».

— Всё, чего я желаю, — ёрническим тоном ответил Барболис, — это тёплая постель, доброе слово и неограниченная власть.

— Всего-то? — фыркнул Телибеев. — Скромные у тебя аппетиты, господин атомный министр. Всё, до встречи.

— Что всё-таки случилось?

— Узнаешь, — отрубил министр и выключил связь.

Размышляя о поведении Телибеева — он явно волновался и говорил как-то неуверенно, напряженно, незнакомо, — Аркадий Борисович вызвал секретаршу и велел подогнать машину к главному входу в министерство. Через полчаса он уже ехал по Садовому кольцу в направлении на Таганскую площадь.

«Monterosso» (в переводе с итальянского «красная гора») представляет собой современный ресторан со всеми удобствами, включая диванчики с разноцветными подушками, на которых можно устроиться полулёжа. Местная кухня ориентируется на итальянские и французские блюда, включающие в том числе луковый суп, корейку ягнёнка, маринованную в абсенте, дикую утку с «пьяной грушей» в медовом соусе, различные салаты и канапе. Ресторан не считается элитным, так как охрана не уделяет особого внимания VIP-клиентам, довольствуясь визуальным наблюдением за входом и залом.

Поэтому Аркадий Борисович и удивился выбору Зинатуллы Бедросовича, зная гораздо более крутые заведения. Однако не придал этому значения, считая, что министр МВД имеет какие-то свои стратегические расчеты.

Зал ресторана был заполнен наполовину, в основном молодёжными компаниями, но Телибеева ещё не было. Барболис прибыл раньше. Бросив недовольный взгляд на часы (торопил, а сам опаздывает), Аркадий Борисович сел за столик в углу за ажурной стеночкой, движением бровей отправил телохранителей за соседний столик. Заказал разливного пива «Будвайзер» подскочив-

шему официанту, стал ждать, нетерпеливо постукивая пальцами по столу.

В зал вошли три офицера милиции: капитан, майор и полковник. Один сразу подсел к охранникам Барболиса, другой остановился рядом, а полковник внезапно опустился на стул напротив министра.

— Здравия желаю, Аркадий Борисович. Вам привет от Зинатуллы Бедросовича.

Голос полковника был так похож на голос Телибеева, что министр вздёрнул брови на лоб.

— Вы...

— Я его представитель. Он не придёт, дела, я озвучу его позицию и мнение одного авторитетного органа.

— Какого ещё... органа? — Барболис бросил взгляд на телохранителей, но те, похоже, забыли о своём патроне и спокойно беседовали о чем-то с милиционерами.

— «Чистилища», — невозмутимо ответил полковник, доставая из кармана визитку и протягивая министру; он был седоус, кареглаз, иронично-хладнокровен. — Да не делайте вы знаки своим клевретам, они не подойдут. А попытаетесь поднять шум, вас просто пристрелят мои люди.

Барболис дрожащей рукой взял визитку, разглядывая золотой тиснёный кинжальчик в уголке и красную надпись: «СМЕРЧ».

— Я н-не понимаю...

— Сейчас поймёте. В вашем ведомстве работал физик Николай Львович Максименко.

— Не припоминаю...

— Врёте, Аркадий Борисович, на документах, разрешающих увольнение Максименко и перепрофилирование института, где он был директором, стоит ваша подпись.

Барболис взмок, теряя свой лоск, судорожно скомкал носовой платок, вытер шею и лоб.

— Да, что-то было... давно... я уже и не...

— Буду краток. Если «чистилище» занимается кем-то конкретно, это означает одно: объект его внимания либо исправляет свои ошибки, либо... исчезает. Понимаете?

Министр поймал полный угрозы и силы взгляд собеседника, вздрогнул.

— Чего вы хотите?

— Правильный вопрос. Мы могли бы вас просто запрограммировать, не понадобилось бы никаких предисловий, но мы всё же надеемся, что ваша уснувшая совесть проснётся. И добавлю: второго предупреждения не будет!

Барболис вздрогнул снова.

— Я понимаю... постараюсь оправдать... Что я должен делать?

— Вот адрес Николая Львовича. — Седоусый бросил на стол клочок бумаги. — Найдите его, дайте работу в системе, предоставьте возможность продолжать научные изыскания с выходом на практическое использование его теории.

Барболис прошёлся платком по лицу, заёрзал.

— Но это зависит не только от меня...

— Мы поговорим и с другими лицами, ответственными за творящиеся в министерстве безобразия. И мой вам совет: не делитесь ни с кем подробностями нашей встречи. Вам не помогут ни господин Телибеев, который тоже получит нашу «чёрную метку», ни ваши друзья-бизнесмены, ни ФСБ, ни сам президент. В противном случае в скором времени состоятся ваши пышные похороны.

Сказано это было таким уверенным будничным тоном, что Аркадий Борисович сразу поверил: убьют!

— Х-хорошо, я н-никому... но я должен пос-советоваться...

— Работайте, как работали, выполняйте свои планы, графики, соблюдайте распорядок дня, совещайтесь с экспертами. Но — начинайте работать на отрасль! На Россию! Повернитесь к ней лицом. — Полковник усмехнулся. — Иначе она повернётся к вам задом. Свои предложения по улучшению деятельности министерства мы скинем вам по электронной почте. Договорились?

— Д-да, я понял... — Барболис отшатнулся, встретив взгляд собеседника.

Тот несколько мгновений не спускал с него страшных заледеневших глаз, потом выражение их изменилось, сквозь грозную решимость всплыла улыбка, только добавившая сумятицы и паники в душе министра.

— Не принимайте жизнь слишком серьёзно, Аркадий Борисович. Вам из неё живым всё равно не выбраться. До свидания.

Полковник встал, направился к выходу из зала. За ним двинулись его сослуживцы. Троица представителей закона исчезла за дверью, и только после этого Аркадий Борисович обнаружил,

что рубашка неприятно липнет к телу, мокрая от пота. Он с отвращением бросил визитку с кинжальчиком на стол, вытер пальцы, открыл рот, чтобы позвать телохранителей, и застыл.

Они спали, уронив головы на локти!

— Как ты думаешь, подействует? — поинтересовался Василий Никифорович, снимая форму капитана милиции.

— Он трус, — пожал плечами Парамонов, сыгравший роль полковника. — Надавит кто посильней — сдаст и нас, и приятелей, и отца с матерью. Но я напугал его сильно. Хотя лучше, если человек работает не за страх, а за совесть.

— Она у него есть? — хмыкнул Самандар, переодеваясь в пятнистый спецназовский комбинезон.

— Посмотрим. Не прорежется — будем принимать адекватные меры. Хватит всего бояться! Хватит терпеть оскорбления! Хватит относиться к быдлу и хамам по-человечески! К нелюдям — такое же отношение, иначе сомнут!

Василий Никифорович с любопытством посмотрел на ставшее суровым лицо Ивана Терентьевича.

— Эк тебя достали хамы и быдло.

Парамонов очнулся, сделал официальное лицо, потом заметил сборы приятелей, озадаченно пригладил волосы на затылке.

— А куда это вы собираетесь?

— В «розу», — лаконично ответил Вахид Тожиевич.

— На поиски Стаса? Я с вами.

— Нет, ты останешься, — отрицательно качнул головой Василий Никифорович. — Будешь координировать работу всех звеньев, кто знает, когда мы вернёмся. Да и за Улей присмотришь.

— Её же охраняет мейдер Ватолина.

— Подстрахуешь его в случае чего.

Парамонов нахмурился, пожевал губами, наблюдая за соратниками и друзьями, но возражать больше не стал.

— Не рискуйте зря. Если в «розе» идёт охота на иерархов, вас там тоже могут погнать, как зайцев. А без синкэн-гата возможности наши весьма ограниченны.

— Не переживай ты так, Иван, — сказал Самандар, пристраивая к поясу нож в чехле и целую батарею метательных пластин. — Отправляясь на свидание с судьбой, я всегда надеваю бронежилет.

Парамонов посмотрел на Котова.

— Останавливай его время от времени, Вахид не знает меры ни в чём, а ты женат, у тебя сын растёт.

— Ладно, Иван Терентьевич, — слабо улыбнулся Котов. — Не первый раз ныряем в «розу». Остаёшься за главного. — Он глянул на Самандара. — Ты готов?

— Всегда!

— Я поведу.

— Не возражаю.

И оба исчезли.

Иван Терентьевич задумчиво прошёлся по гостиной Самандара, опустив голову, но зазвонил телефон, и он поспешил снять трубку.

«Мир А» с «тюрьмой для героев» встретил комиссаров «чистилища» полным безразличием к их замыслам и устремлениям.

Столб-камера, на вершине которого произошло столкновение людей и Асата со Зверем Закона, оказался разбитым вдребезги, как стеклянный стакан. Над морем тумана торчали теперь лишь зазубренные полупрозрачные края «стакана», а глубоко на его дне высилась гора сизого пепла или чего-то похожего на пепел.

— Жаль Асата, — сказал Самандар, разглядывая рыхлую гору. — Он бы нам ещё пригодился. Интересно всё же, кто запрограммировал его помогать нам? Может быть, Соболев?

— Почему ты решил, что пепел — это всё, что осталось от Асата?

— Когда мы убегали отсюда, пепла здесь не было. Как ты думаешь, это Матвей послал Асата?

— Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем, — проворчал Василий Никифорович. — И вряд ли это Соболев.

— Почему?

— Вспомни нашу последнюю встречу. Он с трудом проникся нашими заботами, явно устремляясь мыслью куда-то очень высоко.

— Он своё обещание выполнил, а ты своё нет.

Котов помрачнел, отвернулся.

— Ещё не вечер. Да и он своё выполнил как-то неправильно, раз Ликвидатор остался жив и теперь бегает по «розе», мочит иерархов.

— Он восстановил Закон возмездия...

— Ни хрена он не восстановил! Положение только ухудшилось! И любой закон — дерьмо, если нет средств для его реализации! Всё, хватит об этом. Давай решать свою задачу.

— Покличь Асата, вдруг объявится?

Василий Никифорович вспомнил свой опыт «общения» с тхабсом, сосредоточился на ментальном вызове сторожа границы. Однако прошла минута, другая, а «циклоп» так и не отозвался на зов. То ли действительно погиб в бою со Зверем Закона, то ли, посчитав свою миссию выполненной, растворился в пространстве «мира А».

— Жаль, — проговорил Самандар, по лицу Котова поняв, что усилия друга не увенчались успехом. — Хорошая была программа, я даже стал относиться к ней как к живому существу. Что будем делать?

— Если идти от одного «лепестка розы» к другому, потребуется уйма времени.

— Есть другой способ.

— Какой?

— «Сжимающаяся ладонь».

Василий Никифорович с сомнением посмотрел на главного комиссара «чистилища». Речь шла о применении глобального мониторинга ментальной среды.

— Но ведь для этого нужен целый эгрегор с и л ы, нам двоим не справиться.

— Давай попробуем.

— Чтобы нас засекли «сторожевые псы» остальных «лепестков розы»? Или Зверь Закона?

— Хорошо, что ты предлагаешь?

Василий Никифорович прошёлся по краю разбитой камеры, поглядывая то на её дно, то на бескрайнее море тумана.

— Ты говорил, что имеешь косвенные сведения о спуске Стаса и Марии в «нижние» миры «розы».

— Имею.

— Откуда? Кто их видел?

— Их никто не видел, но Стас так и не научился маскировать синкэн, и его появление в «розе» можно засечь. Я подслушал ментальные переговоры «сторожей» галактического ядра, они беседовали о появлении «внутренней дрожи пространства реальности», соответствующей диапазону «устранителя препятствий».

— Да, — согласился Василий Никифорович. — Синкэн-гата

трудно спрятать от взора программы, специально натасканной на обнаружение Посвящённых. Я теперь склоняюсь к мысли, что синкэн в своё время нам просто подкинули. Случайно на такие вещи не натыкаются.

— Не отвлекайся. У тебя есть идея?

— Давай спустимся на самое «дно розы», в «адовы» миры, где сидит Конкере. Вдруг он каким-то образом захватил Стаса и Машу и удерживает их там?

— Вряд ли это возможно. Они в любой момент могут уйти домой, пользуясь тхабсом.

— И всё же я хотел бы убедиться.

Самандар хмыкнул, разглядывая хмурое лицо друга чёрными непроницаемыми глазами.

— Знаешь, что такое риск? Это победа желаний над доводами рассудка. Но я согласен.

— Тогда веди ты, раз уж протоптал дорожку в инфернореальности.

Самандар мысленно обнял Котова, «включил» тхабс.

Через несколько д л и н н ы х мгновений они оказались в другом мире.

Мрачная, выжженная, холмистая равнина. Чёрные, коричневые, серые, фиолетовые, сиреневые цвета, кое-где чуть более светлые полосы, оранжевые плеши песка, белые, как кость, скалы. И толстая, стеклянная на вид стена, пересекающая равнину из конца в конец, разделяющая этот мир на две части.

Впрочем, цвет мира за стеной был таким же угрюмым, разве что равнина там была сплошь усеяна дымящимися кратерами. Небо, накрывающее равнину по обе стороны стены, напоминало пухлую облачную пелену бурого цвета, которую то и дело в разных концах сотрясали зеленоватые сполохи, словно отсверки бушевавшей где-то за горизонтом грозы. Изредка из этой пелены на равнину начинал струйками сыпаться чёрный пепел. Но не это привлекло внимание Посвящённых.

В стене, разделявшей равнину, зияла гигантская звездообразная дыра, края которой вывернулись изнутри фестонами и канделябрами, напоминая застывшее стекло.

Некоторое время земляне рассматривали дыру, п р и н ю х и в а я с ь к ментальным полям и местным излучениям. Потом Самандар изрёк:

— Врата Ада! Могу побиться об заклад: Конкере здесь уже нет.

— Стас... — пробормотал Василий Никифорович.

— Парень решил испытать синкэн на заклятии, удерживающем Монарха в его тюрьме. И ему удалось его нейтрализовать.

— Ещё не факт...

— Только синкэн-гата способен пробить магическую стену, сооружённую когда-то Ангелами «розы».

— Но тогда где он? Где Маша?

Самандар не ответил. Он мог только предполагать, что случилось с бывшим оруженосцем Воина Закона, и предположения эти не вызывали оптимизма.

— Пойдём туда?

Василий Никифорович поёжился: этот мир отнимал энергию у любого живого существа, поэтому казалось, что равнину пронизывает леденящий ветер.

— Мы достигли физических и умственных пределов, Вахид. Чтобы идти дальше, нам надо избавиться от самих себя.

— Соболев же сохранил своё человеческое тело.

— Только для контактов с нами. Дальше нам пути нет. Возвращаемся.

— Куда?

— Домой.

— Может быть, все-таки рискнём?

— Сам только что корил меня за риск. Нам нужны спутники: Иван Терентьевич, Уля, Юрьев — если мы его найдём, Хранители, если кто-то из них согласится присоединиться к нам. Вдвоём мы дорогу в Ад не осилим. Но если Монарх Тьмы вырвался на свободу... представляешь, что может произойти?

Взгляды мужчин встретились.

Они хорошо понимали друг друга без слов.

Глава 11

ПОИСКИ ИНТЕГРАТРОНА

Энергия бурлила в жилах и требовала выхода.

Марат Феликсович едва не кончил, с трудом удержавшись от извержения семени. Конечно, он мог бы снова «сбросить пар» на секретарше, ждущей этого момента, но у него были другие намерения.

Завершился третий успешный запуск программы психоэнергетического «отсоса»: первый был проверен на депутатах Госду-

мы (ох и паника там началась потом, обсмеяться можно), второй — на пассажирах станции метро «Полежаевская», и вот теперь — на работниках и посетителях Останкинской телебашни; всего их набралось чуть больше ста семидесяти человек. И всё же эффект подзарядки ощутимо повысил пси-заряд Меринова, заставив его испытать непередаваемые ощущения эйфорической вседозволенности.

Бросив взгляд на секретаршу (глаза Марата Феликсовича светились, как у кошки в темноте), он опять же с трудом удержался от соблазна сорвать с Инны одежду (это уже начинало входить в привычку) и переключил сознание на решение более важной задачи — объединение всех, ранее подвергнутых пси-атаке, людей в единую мистическую систему, которая могла бы стать его энергобазой для последующих экспериментов с реальностью. Целью же Рыкова-Меринова было создание глобального эгрегора для беспрепятственного программирования человечества. Иными словами, Марат Феликсович хотел сделать то же самое, что когда-то Монарх Тьмы с Блаттоптера сапиенс, — «подкорректировать» вид хомо сапиенс таким образом, чтобы получился новый вид разума. Но поскольку Монарх теперь оказался на свободе и вынашивал планы своего следующего Изменения, он таким образом начинал мешать Меринову в осуществлении своего замысла. Вот почему Марат Феликсович спешил, экспериментируя с «отсосами» пси-энергии, не боясь расследования спецслужбами внезапных потерь сознания большими коллективами людей. Он надеялся запрограммировать население России раньше, чем учёные и эксперты ФСБ поймут, что происходит.

Соединение обработанных «глушаком» людей в единый пси-организм прошло на сей раз быстро и успешно. Набралось около полутора тысяч пси-сфер, достаточно мощный эгрегор, способный действовать по приказу как единое целое, несмотря на разделяющие людей расстояния.

«Ждите, мои подданные! — мысленно потёр руки Марат Феликсович. — Скоро наступит и ваша очередь стать генератором сил. Когда нас будет не полторы тысячи, а сто пятьдесят миллионов человек, ни один иерарх не сунется в Материнскую реальность! Владеть ею буду я!»

Однако Меринов ошибался. Существовал объективный закон социальных отношений, не имеющий обратной силы, многократно применённый к России: мелкие люди, оказавшись во

главе великой державы, низводят её до своего уровня. А глубина души у Рыкова-Меринова была совсем ничтожной. Зато присутствовали амбиции...

Ощущения окрылённости и мощи, распиравшей тело, ушли.

Марат Феликсович «выпал» из ментального мира в реальный, помял лицо, сбросил шлем пси-оперирования.

— В следующий раз объектом БГ будет армия.

— Батальон? — уточнил Симон, на лице которого не дрогнул ни один мускул. — Полк?

— Дивизия. Координаты я укажу позднее.

— На сколько пси-сфер настраивать генератор?

— На десять тысяч человек.

— Сделаем, Марат Феликсович.

Меринов бросил взгляд на объёмный экран компьютера и вышел из центра управления «Большим глушаком», увлекая за собой разочарованную секретаршу.

В начале одиннадцатого — вечер не принёс облегчения, в городе царила жара и духота — Марат Феликсович со спутницей ужинали в ресторане «Обломов» на Пятницкой. Инна, зная нелюбовь босса к пустопорожней болтовне, помалкивала. Меринов тоже молчал, размышляя о чём-то. К концу ужина он вспомнил о своём поручении.

— Что удалось выяснить о «чистилище»?

Девушка виновато опустила голову.

— Оно действительно возродилось. Только называется теперь «СМЕРЧ» — от слов «смерть чиновникам».

— Баловство, — хмыкнул Меринов.

— Однако действуют чистильщики очень профессионально, следов не оставляют, кроме своих визиток, и найти их штаб нам пока не удалось.

— Я помогу.

Инна с любопытством посмотрела на шефа, рассеянно ковырявшего мясо во фритюре.

— Каким образом?

Красиво очерченные губы Марата Феликсовича, притягивающие взоры женщин, изогнулись, отчего лицо его стало неприятным, чванливым.

— Секрет фирмы. Приедем домой, и я тебе дам адрес их штаба.

Ужин закончился в молчании.

Охранники подогнали «Кадиллак», Инна села за руль.

Через полчаса машина въехала на охраняемую территорию семиэтажного элитного строения, известного под названием

«Петровъ домъ». Он был возведён практически в центре столицы, рядом с Кремлем, в трёхстах метрах от Красной площади, недалеко от Большого театра, отеля «Мариотт-Аврора» и Петровского пассажа. И жили здесь весьма уважаемые в столичных тусовках люди — от худруков московских театров и актеров до членов правительства.

Марат Феликсович тоже имел в доме апартаменты общей площадью в двести сорок квадратных метров, с большими панорамными окнами, с потолками высотой в три метра шестьдесят сантиметров и современной бытовой инженерией. Для управления встроенной в стены, пол и потолок техникой существовал специальный компьютерный терминал.

— Я остаюсь? — утверждающим тоном спросила девушка.

Хозяин молча прошёл в одну из туалетных комнат, что означало согласие.

Инна хлопнула в ладошки и, сбрасывая на ходу платье, скрылась в другой ванной комнате; всего их было четыре.

Марат Феликсович разделся, залез под душ, настроился на вход в ментал. Струи воды, приятно щекотавшие кожу, помогали ему нейтрализовать мышление и активировать интуитивное сознание, не связанное с озарением. Через минуту он превратился в особую «антенну», принимающую все излучения, в том числе и торсионные, и отражающую суть происходящих в ментале — общем энергоинформационном поле Земли — процессов. «Сторожевые псы» иерархов, контролирующие границы ментала особые программы, не заметили появление «антенны» Меринова, знавшего способы защиты от них.

Стены ванной комнаты исчезли.

Горизонты раздвинулись.

Дух Марата Феликсовича вознёсся над домом, над всей Москвой, над материком. Стали видны сгущения и всплески пси-торсионных полей, пульсация энергетических узлов и линий, складывающихся в единую ж и в у ю сеть. Обозначился и «личный» эгрегор Меринова, отличающийся от других «инфрафиолетовым» цветом. Но ему сейчас он был не нужен. Среди тысяч и миллионов пульсирующих вразнобой пси-сфер надо было отыскать ту, которая соответствовала энергетике руководителей «чистилища». А поскольку они были не просто магическими

операторами Круга, а Посвящёнными высоких степеней, их ауры вряд ли «светились» в общем психополе человечества.

Марат Феликсович напрягся, перешёл на уровень «дьявольского понимания» мира.

Территория России, видимая как бы с высоты ста километров, потемнела, сеть пси-потоков на ней потускнела, размылась, почти исчезла. Зато проявились мигающие звёздочки отдельных пси-сфер, обладатели которых имели большой экстрасенсорный потенциал.

Марат Феликсович сузил поле зрения до территории Москвы, огляделся, представляя собой сейчас бесплотного исполина, нависшего над городом.

Просияла золотом тонкая паутинка на севере столицы, в районе Митино. Она тут же распалась струйкой дыма, растаяла, будто почувствовала психоэнергетический в з г л я д маршала Сверхсистемы, но Марат Феликсович уже зафиксировал её координаты и не сомневался, что определил местоположение кого-то из руководителей «СМЕРЧа». Звёздочка пси-узла мерцала знакомо, тревожаще, воинственно. Так «пахло» «чистилище», доставившее Меринову-Рыкову в прошлом много неприятных переживаний и сюрпризов.

Он вышел из ментала, полежал, расслабляясь, в ванной, появился в гостиной в атласном чёрном халате с драконами.

Инна уже успела привести себя в порядок и ждала босса, сидя на роскошном диване в полупрозрачном халатике, закинув ногу на ногу.

— Запоминай адрес, — проговорил Марат Феликсович, лаская взглядом грудь девушки. — Митино, улица Кошкина, дом тридцать три.

— Что вы имеете в виду? — удивилась секретарша.

— В этом доме находится штаб-квартира «чистилища».

— Откуда вы знаете?

— Не задавай глупых вопросов. Займёшься ими завтра, разработаешь план ликвидации. Это люди Круга, и их надо остановить, пока они ещё не наладили систему. А пока иди ко мне.

Инна вспорхнула с дивана...

* * *

Ночью, когда любовница уснула, Марат Феликсович прошёл в свой кабинет и переоделся в спецкомбинезон, имевший на груди и на спине вшитые пластины из сверхпрочного углепластика,

выдерживающие удар автоматной пули с расстояния в пять шагов. Кроме того, в нагрудный карман комбинезона был пристроен «нагрудник справедливости» — «мандала власти», принадлежащая когда-то координатору российского Союза Неизвестных Бабуу-Сэнге. Она уцелела. А так как мандала олицетворяла собой уровень «дьявольского милосердия», её обладатель мог не бояться многих психоэнергетических атак вплоть до этого уровня.

— Куда это вы собрались? — возникла на пороге Инна, кутаясь в простыню.

Меринов хотел было грубо осадить секретаршу, выгнать, но подумал и решил подстраховаться, справедливо полагая, что телохранители такого класса лишними никогда не бывают.

— Собирайся.

— Куда мы пойдем?

— Нанесём визит одному деятелю Круга. Он прячет нужную мне вещь.

— Кто он?

— Хранитель. Поторопись.

Инна убежала и вскоре вошла в гостиную в таком же пятнистом комбинезоне, только без встроенной защиты.

— Оружие брать?

— Вряд ли оно понадобится, но всё же возьми на всякий случай.

Секретарша вышла в прихожую и вернулась с пистолетом «волк» и с ножом в чехле, рассовала оружие и запасные обоймы по карманам.

— Я готова.

— Не вмешивайся ни в какие разборки, что бы ни происходило, пока не позову.

— Слушаюсь.

Марат Феликсович помедлил, взвешивая собственное решение еще раз, и привёл в действие тхабс.

Через несколько мгновений они вышли из канала «внепространственного магического движения» в пещере под Троице-Лыковской церковью, где высился развороченный взрывом, но все еще геометрически совершенный и красивый замок Ликозидов.

Инна попала сюда впервые, поэтому, пережив приступ страха от «падения в бездонный колодец», замерла на месте, разглядывая сооружение разумных тарантулов. Меринов же сразу направился к одной из дыр, усеивавших основание пирамиды, чут-

ко прислушиваясь к тишине зала и «шёпоту ментального пространства» вокруг.

— Не отставай.

— Что это?! — очнулась девушка, догоняя начальника.

— Хранилище.

— Что здесь хранится?

— Великие Вещи.

— Я серьёзно.

— Я тоже. В этой пирамиде хранится Вещь, которая мне нужна дозарезу. Попробуем её найти. И помолчи, мне не до ликбеза.

Вошли в отверстие тоннеля, ведущего в глубь пирамиды. Тоннель, попетляв, вывел их в странной формы перепончатый зал с удивительной конструкцией в центре в форме ротонды.

— Это она, великая вещь?

— Это саркофаг царя Ликозидов. Стой здесь, наблюдай, слушай, готовься.

— К чему?

— К встрече. Скоро здесь должен объявиться гость. Точнее, хозяин.

— Этот... как его... царь Ликозидов?

— Хранитель МИРа. Тихо!

Меринов прижал палец к губам, бесшумно двинулся к многокрылой ротонде саркофага, светящейся изнутри, как полупрозрачное молочно-белое стекло.

Инна почувствовала озноб, передёрнула плечами, подумав, достала пистолет.

И тотчас же перед Маратом Феликсовичем соткалась из воздуха человеческая фигура в светло-сером плаще, похожем на монашескую рясу, с крестом на груди. Инна пригляделась и поняла, что на самом деле это не крест, а квадратная пластинка из тусклого белого металла с каким-то сложным рисунком.

— Хранитель Никандр, — остановился Меринов.

— Иуда Рыков! — отозвался седобородый старец густым басом. — Что тебе здесь надобно?

— Я думаю, ты догадываешься, старик.

— Может, да, а может, и нет.

— Я знаю, что, помимо саркофага с инициатором тхабса, твой МИР прячет ещё одну Великую Вещь.

— Какую же?

— Интегратрон.

Старец пожевал губами, перевёл взгляд на Инну, покачал головой.

— Ты ошибаешься.

— Шалишь, старик. Мне это сказал твой коллега Пётр перед смертью, царствие ему небесное. И я склонен ему верить.

Никандр нахмурился.

— Пётр... умер? Я этого не знал. Когда, отчего?

— Я испытал на нём новый суггестор «пламя», или в просторечии «болевик». Он не выдержал.

Глаза Хранителя метнули молнии.

— Ты лжёшь!

Меринов усмехнулся.

— Хочешь, проэкспериментируем?

— Ты посмеешь... поднять руку... на Хранителя?!

— А чем ты лучше остальных людишек? Только тем, что заведуешь сокровищницей Инсектов. Тем не менее я испытаю на тебе «болевик» только в случае твоего отказа. Пётр отказал, но успел-таки назвать тебя и твой МИР, где хранится Интегратрон. Мне он нужен, хочу омолодиться. Открой к нему доступ, и останешься жить.

— Ты мне угрожаешь?!

Воздух зала пронзила молния невидимого разряда, и Марат Феликсович отлетел на несколько шагов назад, как от удара сваей. Однако на ногах удержался. Губы его изогнулись в хищно-презрительной улыбке.

— Ты ослабел, старик. Да и не тебе меня останавливать. На мне нагрудник Бабуу-Сэнге плюс отражатель с и л ы, плюс вот эта машинка. — Меринов вытащил из кобуры необычной формы пистолет с шестигранным дулом и колючим «воротником». — Знаешь, что это такое?

— Я... тебя... не пущу! — тяжело ответил Хранитель.

— Предлагаю договориться. Ты знаешь, что в «розе» идёт охота на иерархов. В живых остались единицы, они бегут сюда, но Зверь настигнет их и в нашей «запрещённой реальности», а потом примется за вас.

— Это неизвестно.

— Т е б е неизвестно. У меня же есть информация о планах Заказчика.

— Кого ты имеешь в виду?

— Конкере, разумеется. Он на свободе. Или ты этого не знал?

— Ему здесь нечего делать.

— Ошибаешься, у него есть конкретные планы относительно нашей реальности, готовится новое Изменение, так что скоро придёт эпоха второго Пришествия Творца человечества, эпоха Монарха Тьмы, как вы его называете. Но вы ему станете мешать. Выводы сделай сам.

— Тебе-то уж точно этого не видать!

Марат Феликсович нахмурился, сделал знак рукой, подзывая секретаршу, но почти незаметно, чтобы собеседник этого не понял.

Инна быстро переместилась влево, деловито выбирая сектор стрельбы. Для неё седой хозяин пещеры (как она поняла) являлся лишь предполагаемой мишенью, противником босса.

Хранитель снова посмотрел на неё тёмным взглядом, и девушка споткнулась, вдруг ощутив, что не может сделать больше ни шагу, а также поднять руку.

— Уходи! — проговорил Никандр таким гулким басом, что завибрировали стены зала.

— Значит, ты предпочитаешь умереть? — уточнил Меринов хладнокровно.

— Тебе здесь не пройти! Интегратрон не игрушка, ты его никогда не найдёшь!

— Упрямый старый осёл! Ты плохо знаешь мои возможности! Ещё раз...

Глаза Хранителя вспыхнули золотым огнём. Меринова снова отнесло назад на несколько метров, однако и на этот раз он устоял. А потом ответил.

Пространство пещеры исказила молния невидимого разряда, и, несмотря на то что фигура Хранителя оделась в защитный лучистый ореол, он взвился в воздух, как воздушный шарик, и ударился о стену пирамиды Ликозидов. Лучистый ореол погас. Никандр сполз на пол, упёрся ладонями в оплавленные камни, тряхнул головой. Он сейчас напоминал боксёра, пропустившего нокаутирующий удар.

— Я предупреждал, старик, — процедил сквозь зубы Марат Феликсович. — Тебе меня не остановить, мы в разных весовых категориях. Где хранится Интегратрон? Отвечай, не заставляй меня напрягаться.

Хранитель с трудом поднялся на ноги, перевёл дух. Взялся рукой за висящий на груди квадратик мандалы.

— Именем Первого заклинаю...

— Кретин упрямый! Я же тебя в порошок сотру, в пыль...

— ...силу Пракамья вызываю! — закончил Никандр.

Вокруг него снова засиял лучистый золотисто-оранжевый ореол, выбросил к Меринову копьё света.

Марат Феликсович в ответ также покрылся слоем фиолетово-синих искр, но сдержать психоэнергетический удар противника не смог, отлетел к стене пещеры, перекувырнувшись через голову.

— Ах ты, старый пень! — вскочил он, ощерясь. — Достал-таки! Что ж, ты сам этого хотел!

На груди Меринова разгорелся язычок алого огня — это включился «нагрудник справедливости», увеличивая силу владельца. Через всю пещеру протянулся к Хранителю рукав багрового света, вонзился в тело Никандра, но растёкся тонкой плёнкой поверх «огненного плаща» старика и погас.

Однако и световое копьё Никандра также не достигло цели, разбившись на десятки тонких струек. Силы противников оказались примерно равными, несмотря на различие эмоций, их порождающих.

И в этот момент в бой Посвящённых вступила Инна.

Раздались один за другим несколько выстрелов, породивших гулкое эхо в объёме зала. Пули, выпущенные из «волка» с расстояния в десять метров, нашли цель безошибочно. И хотя Хранитель отреагировал на выстрелы и даже нейтрализовал пули — вспыхнули и погасли пять струек дыма, — от удара Меринова, воспользовавшегося моментом, защититься Никандр не успел. Взлетел в воздух, разделяясь на три зыбящихся силуэта, два из них через мгновение пропали, третий обрёл массу и тяжело рухнул на пол пещеры. Почему он не воспользовался тхабсом, спросить было не у кого. Возможно, Хранитель верил в свои силы и не допускал мысли, что может проиграть.

Меринов присел на корточки: ноги дрожали, во рту пересохло, сердце колотилось о рёбра, голова гудела. Всё же Хранитель был мощным противником и вполне мог выиграть бой, призвав на помощь коллег. Но не сделал этого.

— Добить? — деловито предложила девушка, держа под прицелом голову старика.

— Не спеши, — буркнул Марат Феликсович, поднимаясь, подошёл к поверженному Хранителю. — Нужно его допросить.

— Он в отключке.

Меринов направил на лежащего ствол «глушака», нажал на курок.

Ничего с виду не произошло, не сверкнуло пламя, не раздался ни один звук, лишь Инне показалось, что её обдала волна морозного воздуха.

— Вставай! — гулко проговорил Меринов. — Отвечай на вопросы!

Хранитель пошевелился, сел. Глаза его были открыты, но пусты.

— Где Интеграторон? Я знаю, что он хранится именно в твоём МИРе.

— Он... здесь... — глухо, без интонаций, ответил Никандр.

— Где?

— Саркофаг...

— Саркофаг выполняет функции Интеграторона?!

— В определённый момент времени...

— Что это значит?

Хранитель пошевелил губами, но молчал.

— Отвечай! В каком таком определённом моменте?!

— Каждая Великая Вещь хранится в своём моменте времени. Интеграторон спрятан в тысяча девятьсот сорок первом году, двадцать второго июня, четыре часа утра, двадцать две секунды... ровно на двадцать две секунды...

— Чёрт! — Марат Феликсович посмотрел на спутницу. — Как это понимать? — Перевёл взгляд на Хранителя. — Ты хочешь сказать, что Интеграторон доступен лишь в этот момент времени в прошлом? Именно двадцать второго июня, в четыре часа утра?

— Так хранятся все Вещи...

— Бред! Как же вы контролируете, там они или нет? У вас есть машина времени?

— Тхабс...

— Что?!

— Тхабс... может... переходить... в интервал... разрешённой... хроноинверсии... — Глаза Хранителя остекленели, речь стала невнятной. Он вздрогнул, проговорил непонятную фразу и упал лицом вниз.

— П...ц! — прокомментировала Инна, опуская пистолет.

Меринов нервно потёр ладонь о ладонь, стряхнул на пол струйки тающих багрово-фиолетовых искр.

— Никогда бы не подумал...

— Что?

— Что Великие Вещи хранятся в определённых моментах времени. А я обыскался их в МИРах! Какая великолепная идея!

Теперь надо лишь выяснить, как до них добраться. Старик проговорился — через тхабс... Неужели я чего-то не знаю? Или и в самом деле тхабс может работать в режимах временной инверсии? Попробовать, что ли?

— А с ним что делать?

Марат Феликсович очнулся.

— Добей его, он нам уже не нужен. И возвращаемся. Экспериментировать с тхабсом лучше в знакомой обстановке, здесь чужая территория, ещё Хранители слетятся.

В зале раздались два выстрела.

Глава 12

ДЗИ-НО-РИН

Первый же эксперимент с тхабсом едва не закончился для Артура трагически.

Тарас не предупредил его о возможных последствиях выхода в мирах с другими физическими условиями и законами, а «просить» тхабс о защите Артур еще не умел. Вышел же он в «ближайшем» от земного «лепестке розы реальностей», то есть на Луне.

Если бы не его реакция, хватило бы и трех-четырех секунд, чтобы остаться на Луне навсегда — в виде ледяной статуи. Но, получив самый настоящий «нокдаун холода» — температура «атмосферы» на поверхности Луны, в тени, при отсутствии солнечных лучей, достигает минус двухсот сорока трёх градусов по Цельсию, — Артур охнул и тут же инстинктивно «выдернул» себя из «реальности номер 2» обратно на Землю.

Несколько минут он приходил в себя, оттирал озябшие нос и уши, вспоминал лунный пейзаж. Луну он знал плохо, поэтому уточнить, в каком именно районе его «высадил» тхабс, не представлялось возможным. Перед глазами стояла стена кратера и угольно-чёрное небо над ней, усыпанное немигающими колючими звёздами.

— Будь осторожен, — вспомнился совет Тараса. — Вход в безвыходное положение, как правило, бесплатный, а за выход надо платить.

— В какой валюте? — озадачился Артур.

— Иногда валютой является жизнь, — был ответ.

Мог бы и предупредить, подумал Суворов недовольно, что на Луне нет воздуха.

Сам думай, прежде чем куда-то прыгать, назидательно проговорил внутренний собеседник. Тебе дали классную возможность бесплатных путешествий по миру, пользуйся, но думай о последствиях.

Умный больно, ответил себе Артур со вздохом. Сам знаю, что рисковать надо расчётливо. С другой стороны, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Это ты скажи тем, кто после риска уже ничего не пьёт.

Ладно, зануда, я буду предельно осторожен.

Артур напился горячего чая, сел в кресло перед телевизором, не спеша его включать, принялся анализировать полученную от Тараса информацию.

В «замке» Ликозидов они находились недолго.

Артур испытал удивительные ощущения, лёжа в углублении саркофага, включённого спутником, но потом так и не смог их внятно описать.

Он куда-то падал, пробивал телом какие-то стены, горел и замерзал. Потом в него кто-то лез со скрипом, вынимал из черепа мозг, разбирал на части, собирал снова. В голове после этого обнаружились «лишние детали», вспыхивали и гасли галактики странных видений, превращаясь в пульсирующие горячей кровью узлы и дыры, которые впоследствии куда-то исчезли. Однако одна такая «дыра» осталась — нечто вроде опухоли, отзывающейся на мысли хозяина вспышками «тонкого инфракрасного» света. Возможно, это обнаруживала себя нейронная структура мозга, запрятанная в гипофизе, которая отвечала за «включение» тхабса.

— Я спешу по делам, — сказал Артуру его новый учитель, — поэтому будешь экспериментировать с собой самостоятельно. Но будь осторожен. Эта штука опасна. Хочешь, испробуем её сейчас? Ты перенесёшь нас обоих из этого зала прямо к себе домой, а я подстрахую.

— Нет! — испугался Артур. — Не сейчас! Я... не смогу... потом как-нибудь... лучше вы...

Тарас возражать не стал, и они действительно перенеслись в квартиру Суворова, оставив в глубинах земли модуль иной реальности, построенный разумными тарантулами.

Тарас вскоре исчез, пообещав появиться через какое-то время, а Суворов долго разбирался в своих ощущениях, веря и не

веря, что получил необыкновенные способности мгновенно переноситься на большие расстояния, собирал растрёпанные и разбежавшиеся мысли и укладывал по полочкам чувства.

Экспериментировать с тхабсом в этот день он не стал. Вечером сходил с приятелем Валерой в ресторан, пребывая в эйфорически-приподнятом настроении, хотел было похвастаться ему приобретенной «магической силой», но вовремя передумал. Зато удивил Валеру своим поведением.

Машину он поставил напротив ресторана, прижав к тротуару, а когда попытался отъехать, обнаружил, что дорогу перегородил чёрный «бумер» с блатным номером Д666УБ. Водитель «БМВ» сидел на месте, курил, но на жесты Артура: подвинься, мол, — не реагировал, лениво пускал дым в открытое окно и слушал жуткое звуковое бухалово под названием «музыка».

— Подождём, — сказал приятель, — с такими лучше не связываться. Ты ведь не торопишься?

Артур помедлил, прикидывая варианты ситуации, и вылез из своей спортивной «Лады». Подошёл к «бумеру», ощущая странный трепет мышц и лёгкость движений. Мир вокруг стал прозрачным, зыбким и эфемерным, диапазоны слуха и зрения раздвинулись, душу наполнили сила и уверенность в том, что ему подвластны любое воздействие на окружающих, любое изменение обстановки. Лишь позже, загнав машину в гараж, он понял, что у ресторана его сознание само собой включило некую психическую сферу, которую Тарас называл «пространством адекватного ответа», и Артур, преодолев порог чувствительности внешних психофизических полей, по сути превратился в модулятор среды. Он даже вспомнил название с и л ы, инициированной сознанием: *шуньята* — «пустотность», помогающая «устранению зла возникшего» и «недопущению зла возможного».

— Друг, сдай назад на полметра, — проникновенно проговорил Артур, сам удивившись звучности и бархатистой значительности своего голоса.

И водитель — квадратная морда, бритый череп, золотая цепь на груди, золотая серьга в ухе, чёрные очки — вдруг, ни слова не говоря, отъехал назад, освобождая проезд.

— Ну ты даёшь, Суворов! — с уважением сказал Валера, когда ресторан остался позади. — Что ты ему сказал?

— Я был предельно вежлив, — пробормотал в ответ Артур, пытаясь разобраться в своем поведении. И сделал вывод, что Тарас был прав: умение адекватно реагировать на внешние вызо-

вы, мгновенно выбирать оптимальную стратегию поведения, наверное, важнее умения драться. Хотя Артур не отказался бы научиться и «настоящему» боевому искусству.

Спал он плохо, ворочался. Зато видел сны, один из которых запомнился, как цветной фильм.

Зелёная холмистая равнина, поросшая необычной метельчатой травой и хвощами. Заросли не менее экзотического кустарника с шапками ярких розовых и сиреневых цветов. Лес вдали: гигантские сосны, а может быть, лиственницы, пальмы, круглые, как шары, деревья неизвестной породы.

Крепость на ближайшем холме, удивительно правильных геометрических очертаний, с рядами отсверкивающих изумрудных выпуклых щитов. И огромное летающее сооружение неподалёку, напоминающее ажурное складчатое крыло с висящими бахромчатыми краями, темно-зелёного цвета, с голубоватыми и более яркими прожилками.

Сооружение медленно плыло на высоте полукилометра к крепости, тая непонятную угрозу. Но, видимо, обитатели крепости хорошо представляли степень этой угрозы и не стали ждать, когда летающая махина размером с земной авианосец приблизится вплотную.

У основания крепости началось какое-то движение, из круглых дыр посыпались наружу сверкающие изумрудной зеленью тела, образуя шеренги, и вдруг разом в небо взвилась туча... насекомых! Это были гигантские жуки!

Летающее крыло остановилось, окуталось слоем неярких в свете дня искр и метнуло в тучу жуков столб вихрящегося розово-фиолетового огня. И тотчас же с одного из шпилей крепости сорвалась голубая молния, вонзилась в сооружение, срезая часть бахромчатых хвостов.

Чем закончилась битва необычных противников, Артур не увидел, проснулся. А после недолгого размышления понял, что сон скорее всего навеян рассказами Тараса о предках человечества — Инсектах, которые вели между собой непрерывные войны.

С тхабсом же он начал упражняться уже утром, после зарядки и завтрака, и оказался на Луне...

Первым его побуждением было бросить эксперименты ко всем чертям, отказаться от предложения Тараса и зажить прежней свободной жизнью. Но любопытство пересилило. Он ещё не испытал возможности тхабса в полной мере и не попутешествовал по «розе реальностей», представлявшей собой многомерную

сложную физическую конструкцию, конгломерат миров с разными законами и условиями жизни.

Напившись чаю, Артур переоделся в более подходящий для экстремальных путешествий костюм: штаны с водоотражающим слоем для скоростных спусков на лыжах, такая же куртка, плотная рубашка, вязаная шапочка, кроссовки — и с дрожью в коленях «приказал» сам себе перейти в состояние тхабса.

Красный свет брызнул в глаза, дыхание пресеклось, тело словно окунули в полынью зимой! Однако на сей раз удар холода не был столь сильным и внезапным, как на Луне. Температура воздуха в месте выхода не превышала минус пятидесяти градусов по Цельсию. А вот дышать здесь было практически нечем. Поэтому, хватанув ртом обжигающий лёгкие разреженный, как на большой высоте, воздух, да ещё и лишённый кислорода, Артур тут же скомандовал себе «отступить без боя» и оказался в своей квартире, полной знакомых запахов.

— Уф! — выдохнул он, зябко тряся руками, засмеялся. — Кажется, я начинаю привыкать. Надо только уточнить у Тараса, как он обходится без скафандра, попадая в открытый космос.

Суворов унял дыхание, вытер пот со лба, размышляя над тем, что увидел.

Сомнений не было: тхабс перенёс его на Марс, который, с одной стороны, представлялся физическим объектом — планетой, а с другой — одним из «ближайших» к земному «лепестков розы реальностей». Каким образом эти две разные сути мира объединялись в одну общую сложную структуру, Артур не представлял. Не хватало фантазии. Но помнил слова проводника, что в «розе» существуют и гораздо более экзотические объекты, не поддающиеся никакому геометрическому описанию.

А что, если попробовать махнуть в прошлое? — пришла неожиданная мысль. Тарас намекал, что тхабс может посылать хозяина не только в пространства «розы», но и в прошлое, создавая «виртуальные кротовые норы» во времени. Почему бы не посмотреть на Инсектов во времена их господства?

Вспомнился недавний сон — эпизод сражения разных видов Инсектов, жуков и ос, если только тот летающий дредноут принадлежал осам. Захотелось посмотреть, чем все закончилось, хотя Артур и сомневался, что тхабс перенесёт его именно в нужный момент времени, затерявшийся в бездне прошлого.

Он сосредоточился на внутреннем диалоге с тхабсом, как учил Тарас, представил ту самую зелёную равнину, поросшую хвоща-

ми, холм, крепость разумных жуков на его вершине. Добавил мысленно, будто тхабс был собеседником: «Неси меня туда!»

Неизвестно, что сработало. Правильная ориентация тхабса или сильное желание Артура побывать в прошлом. Но вышел он из «временного тоннеля» примерно там, где хотел.

Та же зелёная бескрайняя равнина с редкими пологими холмами, поросшая травой и хвощами разных видов. Равнину пересекает река. Небо глубокого синего цвета кажется бездонным, по нему быстро несётся череда ослепительно белых облаков. Горизонт кажется ближе, чем на Земле, но этому имеется объяснение: в мезозое диаметр Земли был меньше, чем в эпоху расцвета человечества. Оттого и сила тяжести здесь чуть выше, на парутройку процентов, что отражается на чувствах как физическое недомогание или утомление после спортивных соревнований по тяжёлой атлетике.

Готовый в случае опасности дать дёру, сбежать в свой уютный домашний мирок, Артур принюхался: кислорода вполне достаточно, но много незнакомых запахов — и поднялся на вершину близкого холма. И тут же присел на корточки, втянув голову в плечи.

Над холмом с тихим гулом пролетела знакомая махина в форме складчатого крыла из янтарного, с бутылочно-зелёными прожилками, материала, напоминающего пчелиные соты. Длина этого летающего левиафана превышала длину футбольного поля, а высота складок достигала десяти-пятнадцати метров.

Он пересёк пространство над рекой, притормозил. На край крыла вдруг выползло откуда-то из складок странное существо, сверкающее хрусталём и металлом, с большими фасетчатыми глазами, и остолбеневший Артур узнал в нём гигантскую... муху! «Мускида сапиенс» — выдала память название разумных мух, хотя никогда раньше Суворову не приходилось ни беседовать о них, ни специально изучать виды насекомых.

Рядом с первой мухой (боже мой, длина тела — не меньше двух метров!) появилась вторая. Владельцы, обитатели или пилоты летающей крепости Мускидов, заинтересовались человеком на холме.

Пора бежать, посоветовал Артуру трезвый внутренний голос.

Гранатомётик бы... — отозвался авантюрист, часто берущий верх в планировании рискованных мероприятий.

Шарахнет молнией — костей не соберёшь! — возразил осторожный прагматик.

Артур поёжился, испытывая возбуждение и страх, но уходить не хотелось. Мир прошлого был необычен и прекрасен, не говоря уж об интересе, который испытывал путешественник.

Замок Мускидов двинулся к холму, на вершине которого присел на корточки Артур.

И в это время на равнине появился другой объект, заставивший Мускидов обратить на него внимание.

Сначала издалека донёсся тихий дробный цокот, ни на что не похожий.

Потом холм под Артуром начал содрогаться, а цокот превратился в «стук копыт», будто к реке неслось стадо коней.

И наконец появился носитель этого странного «массивного» шума, издали напоминающий колонну бронетранспортёров. Лишь когда эта колонна приблизилась, Артур понял, что видит ползущих одна за другой гигантских... многоножек!

Конечно, форма существ, закованных в бликующую броню алого и коричневого цвета, немного отличалась от насекомых, известных людям, но все же это были именно они, многоножки, а точнее — сколопендры, только в сотни раз больше своих земных потомков.

— Мать моя женщина! — прошептал Артур, передёргиваясь; насекомых он не любил с детства, особенно таких «неаппетитных», как многоножки, тараканы и пауки.

Отряд Сколопендр остановился, заметив висящую над рекой крепость Мускидов. Всего многоножек насчитывалось два десятка, длина каждой достигала не менее пятнадцати метров, и вид у них был угрюмо-угрожающий. Они разом вздёрнули передние жгутики — самые настоящие членистые рога и приподняли передние сегменты тел, словно предупреждая врага о возможных последствиях боя, вздумай кто на них напасть.

Артур затаил дыхание, гадая, чем закончится встреча Инсектов.

Некоторое время ничего не происходило.

Мускиды и Сколопендры разглядывали друг друга, прикидывая варианты возможных событий. Потом Мускиды всё-таки решили атаковать колонну, отбросив сомнения.

Оба «мушиных пилота» скрылись в складках своего летающего «броненосца», тот колыхнул всеми висящими бородами бахромы и устремился к отряду Сколопендр.

Многоножки отреагировали на этот маневр мгновенным перестроением колонны в кольцо, ощетинились рогами и задними

усиками-антеннами. Как оказалось, и те и другие играли роль антенн-излучателей энергии.

Дредноут Мускидов начал первым.

Его сложный корпус покрылся слоем искр, искры стекли к острым концам бахромы, сорвались жидкими огненными каплями, и эти капли понеслись к своеобразному защитному редуту Сколопендр.

Но и многоножки не дремали. С их рогов сорвались извилистые фиолетово-зелёные молнии, вонзились в огненные капли, разбрызгивая их на тающие лоскуты огня. Затем молнии метнули задние антенны многоножек, целя уже по крепости Мускидов. Большинство из них отразилось от защитного искристого покрывала крепости, но некоторые пробили защиту, проделав в корпусе дымящиеся оплавленные дыры. Крепость закачалась, как лодка на волнах, косо пошла вниз, к земле. Но все же сумела выровняться, повисла в сотне метров от вершины холма, на котором стоял Артур.

Однако бой на этом не закончился.

Из складок крепости вдруг полезли её хозяева, взлетели в воздух тучей, накрыв местность плотным гудением, и эта многокрылая стая — около сотни гигантских мух! — бросилась на замершее кольцо Сколопендр.

Засвистели молнии — с той и с другой стороны, кромсая тела Мускидов и Сколопендр. Разгорелся жестокий бой. Противники не жалели себя, бросаясь друг на друга с холодной яростью машин, увертываясь от выстрелов с удивительной быстротой и маневренностью. Море сплошного сверкания накрыло место боя, воздух наполнился свистящим треском, шипением и грохотом.

Одна из молний прошлась по склону холма Артура, проделав в нём дымящийся шрам, но он стоял и смотрел, открыв рот, заворожённый сражением Инсектов, не в силах отвести взгляд от красочной огненной феерии.

Ещё одна молния вырвалась из общего облака сверканий, прошила воздух в полуметре от головы Артура. Он отшатнулся, вдруг сообразив, что находится слишком близко от поля боя, представляя собой прекрасную мишень, и в любой момент может схлопотать электрическую «пулю».

Кто-то ударил его по плечу.

Артур инстинктивно прикрыл локтем голову, шарахнулся в сторону, оглядываясь.

На него в странной задумчивости смотрел давешний знако-

мец Тарас, проводник и учитель, одетый в свой постоянный белый костюм.

— Давно здесь?

— Здрасьте... — пробормотал Артур. — Полчаса всего... Как вы меня нашли?

— По запаху, — усмехнулся Тарас. — Не думал, что ты сможешь сориентировать тхабс на хроноинверсионный режим. Это удаётся далеко не каждому Посвящённому.

С пронзительным свистом воздух рассекла молния, но вонзилась она не в Артура, а в некий невидимый колпак, окружавший разговаривающих. При этом колпак на мгновение стал видимым — как прозрачный стеклянный стакан — и тут же пропал вместе с молнией.

Артур побледнел.

— Ясно, — кивнул Тарас, — настраивать тхабс на защитные реакции ты ещё не умеешь.

— Вы не объясняли... разве он... тхабс... может меня...

— Тхабс — системный параметр, «вмонтированный» в человеческую психику на уровне подсознания. Он способен организовывать вокруг оператора сферу почти абсолютной защиты.

— И в пустоте? Я имею в виду... там, в космосе...

— Естественно. Ты уже экспериментировал с тхабсом? — догадался Тарас. — Куда тебя занесло?

— На Луну... потом на Марс...

— Тхабс даёт возможность какое-то время, не больше двух часов, находиться без вреда для здоровья в любой агрессивной среде.

— Я не знал...

— И всё же уцелел. Похвально, я начинаю сомневаться в своих выводах. Однако давай-ка уберёмся отсюда подальше, пока местные ребята не обратили на нас внимание.

— Инсекты?

— Инсекты нам не опасны, а вот «засвечиваться» перед сторожами периметра не стоит.

Свет в глазах Артура сменился тьмой, и тут же зрение восстановилось.

Он оказался в своей квартире, мгновенно преодолев бездну времени, отделявшую двадцать первый век от эпохи мезозоя.

— Тебе пора самому заботиться о себе, — продолжал Тарас как ни в чем не бывало, появляясь рядом. — Я не смогу уделять тебе много внимания. Но если ты не научишься своевременно и пра-

вильно оценивать последствия каждого своего шага, долго не проживёшь.

— Как же я тогда наберусь опыта, не рискуя?

— Дорогой мой, жизненный опыт — это когда количество сделанных ошибок переходит в качество. Постарайся приобрести положительные качества. Переодевайся в более подходящий для лета костюм и пойдём.

— Куда?

— Я уже и так превысил полномочия, выполняя волю Светлены, так что не будет большой бедой, если я дам тебе ещё кое-какие знания, которые помогут тебе выжить. На первых порах. Потом уж не обессудь, отвечать за свои решения ты будешь сам.

— Я не просил вас помогать...

— Но ты и не отказывался, когда мог. А сейчас уже поздно. Или нет? — Тарас прищурился. — Ещё, пожалуй, можно вернуться в исходное состояние, отключить тхабс, почистить память...

Артур недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Вы шутите.

— Нисколько. Если человек сомневается в успехе дела, он никогда не добьётся цели. Зачем нам такой герой?

— Я... не сомневаюсь...

— Зато я сомневаюсь.

— Вы слишком плохо думаете о других...

— Плохо думать о других, конечно, грех, но едва ли ошибка. Итак, ты не передумал?

Артур сжал зубы. Очень хотелось заявить «да, передумал», но внезапно всплывшая из глубин души гордость заставила сказать обратное:

— Нет!

— Тогда переодевайся, и поехали.

Артур сбросил горнолыжный костюм, натянул джинсы, футболку, выпил пол-литра холодного кефира, заявился в гостиную, где Тарас рассматривал книги на книжных полках.

— Я готов.

На глаза надвинулись шторки темноты, тело испытало секундное падение в бездонный колодец, пятки ударились обо что-то твёрдое, свет сменил темноту.

Пещера, слабо освещённая стоящим посреди замком Инсектов. Только на этот раз сооружение принадлежало явно другому виду разумных насекомых, судя по его виду.

— Мавзолей Акаринов, — сказал Тарас. — Он стоит примерно на глубине трёхсот метров под Ташкентом.

— Акарины — это...

— Разумные клещи. Во времена Инсектов они нападали на врагов из засады и высасывали их полностью, так что оставалась только хитиновая оболочка.

Артур кивнул, разглядывая странное ребристое строение, напоминающее застывшего в конвульсиях гигантского кольчатого червя цвета запёкшейся крови. Рёбра сооружения сочились тусклым оранжевым свечением.

— Ну и уродина!

— Свои жилища Акарины строили под землей, поэтому форма их не сильно радует глаз.

Тарас подошёл к стометровой спирали, постучал костяшками пальцев по выпуклому боку нижней трубы.

— Сударь Иакинф, отзовитесь, пожалуйста, к вам гости.

— Вы хотите встретиться с Хранителем? — догадался Артур. — Разве он живёт здесь?

— Нет, конечно, он живёт в Ташкенте, как самый обычный человек, но меня он услышит.

Словно в ответ на слова проводника, в десятке метров от гостей соткалась из воздуха фигура пожилого толстяка в тюбетейке, в национальной казахской одежде, смуглолицего, усатого, с глазами-бусинками.

— Что нужно Отступнику? — проговорил он неожиданно низким сочным голосом с характерным горловым акцентом, перевёл взгляд на Суворова. — А это кто с тобой?

— Бегущий по лезвию бритвы, — улыбнулся Тарас. — Возможно, он станет помощником Архитектора Согласия. Но для этого ему нужна Вещь, которая хранится в твоём МИРе.

Хранитель нахмурился.

— Это невозможно.

— Это необходимо, — возразил Тарас. — Подумай и согласись, что пришла пора изменить своё отношение к жизни, надо разгерметизировать запасы эзотерических знаний во имя спасения всей «розы».

— Это невозможно! — В голосе Иакинфа прозвучал металл. — Никто не имеет права вскрывать хранилища с опасными для цивилизации Вещами. Иначе Равновесие рухнет.

— Оно всё равно рухнет, поскольку об этом позаботится Кон-

кере, вырвавшийся на свободу. Я мог бы просто приказать тебе, Кифа, открыть мне хранилище, но я прошу.

— Кто ты такой, чтобы приказывать мне? — сверкнул глазами Хранитель.

— Я диарх, — спокойно ответил Тарас, — исполняющий обязанности инфарха. Вот моё удостоверение.

Он протянул вперёд руку, и над ладонью встало облачко золотистого сияния, превратилось в изумительно гармоничной формы иероглиф.

— Матига-на... — пробормотал Иакинф, меняясь в лице. — Символ власти инфарха...

Иероглиф погас. По залу прошла волна холодного воздуха.

Хранитель поклонился.

— Приветствую тебя, диарх... прости, я не знал...

— Этого пока не знает никто, и ты молчи о нашей встрече. Мало того, заблокируй МИР после нас, чтобы никто не мог проникнуть в него, даже Высшие Мастера.

— Зачем?

— Наш враг Рыков ищет выходы на Великие Вещи Мира, нельзя допустить, чтобы он завладел Щитами Дхармы.

— Хорошо, я сделаю, как ты сказал. Какой именно Щит тебе нужен?

— Не мне. — Тарас оглянулся на Артура. — Ему. Я бы дал ему Дзюмон.

Хранитель в сомнении взялся за подбородок.

— Какую ступень Посвящения прошёл сей юноша?

— Он не посвящён.

На лице Иакинфа отразилось изумление.

— Но ведь такое вообще недопустимо! Ни один непосвящённый не имеет права владеть...

— Времена изменились, Кифа, нужны новые герои, о которых нашим врагам ничего не известно. Этого парня никто не знает, поэтому у него есть шанс на успех.

Хранитель покачал головой.

— Даже Мастера не удержат Дзюмон...

— Я вложил в него шактипат надситуационной защиты и три сиддхи, необходимые для достижения цели: *вашикарану, стхулашарируи уччатану*. Он справится.

Хранитель снова качнул головой.

— Мир действительно изменился... За активацию сознания

непосвящённого тебя снова объявили бы Отступником... И всё равно я считаю, что он не удержит Дзюмон.

— Хорошо, давай дадим ему Дзи-но-рин, пусть поработает с земным уровнем, а потом посмотрим, подчинится ему Дзюмон или нет.

Иакинф окинул смирно стоящего Артура скептическим взглядом, но возражать больше не стал. Поклонился, отступил, двинулся к замку Акарин и вошёл в стену нижней трубы так, словно она была голографическим миражом. Впрочем, Артура это не удивило, он уже начал привыкать к тому, что мир вокруг полон непостижимых тайн и живёт, кроме земного, на других уровнях, недоступных органам чувств обычных людей.

— Что такое сиддхи? — спросил он. — Вы перечисляли — *вашикарана*...

— *Вашикарана* — осуществление контроля над сознанием. Вообще-то сиддхи — это паранормальные способности, позволяющие духовно устремлённым людям развивать свои духовные устремления, дающие доступ к проявленным мирам.

— Вы называли ещё ст... стха...

— *Стхула-шарира*, оставление материального тела. Эта сиддха тебе ещё понадобится. А последняя — *уччатана* — позволит тебе изгнать подсаженный в твоё сознание «вирус тьмы».

— Что это значит?

— Это нечто вроде самостоятельного экзорцизма — способа «изгнания беса». Ты был открыт для любой астрально-ментальной атаки, а получив *уччатану*, сможешь дезинтегрировать в сознании наведенные психические структуры.

— Но я ничего такого не чувствую... Как ими пользоваться, сиддхами?

— Просто заранее настраивай себя на противодействие любому злу, сочетая внутреннее сопротивление с возможностями сферы ПАО. Сиддха и проявится.

— Проверить бы...

— Ещё успеешь.

— А о каких щитах вы говорили?

— Это не те щиты, о которых ты думаешь, это Щиты с большой буквы, Щиты Дхармы или Щиты высшей духовной защиты. Дзи-но-рин олицетворяет «кольцо земной мощи», Суи-но-рин — «кольцо водяной мощи», Ка-но-рин — «огневой» и Фу-но-рин — «ветряной». Но существует Щит Универсума — Дзю-

мон, который объединяет свойства первых четырёх. С ним можно даже противостоять Монарху Тьмы.

— Здорово! А почему вы думаете, что я не справлюсь с этим Щитом?

Тарас помедлил, рассеянно поглядывая по сторонам. Временами его фигура начинала зыбиться, пульсировать, как облако дыма, но быстро приобретала прежние очертания.

— Ты не обладаешь нужной степенью уверенности и ответственности. Ты всё ещё надеешься, что мы играем, что в случае неудачи сможешь отступить, сбежать. Щиты же подчиняются только героям, обладающим другими качествами.

— Я... не трус... — пробормотал покрасневший Артур.

— Это верно. До известных пределов. Но в большинстве случаев, насколько мне известно, ты избираешь путь отступления.

— Почему же тогда вы...

— Поговорим на эту тему в другой раз. Я никого ни в чём не обвиняю, я лишь хочу настроить тебя на результат.

Помолчали.

У Артура пылали уши. Ему хотелось ответить собеседнику резко и остро, доказать, что он — сильная натура, не боящаяся экстремальных ситуаций, что ему всё по плечу, но в глубине души Артур понимал правоту слов Тараса и мучился сознанием непонятной вины и сожаления, с трудом сдерживая обиду.

Тарас искоса посмотрел на него, усмехнулся, понимая чувства спутника, но говорить ничего не стал.

— Чего он так долго? — буркнул Артур, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Щиты Дхармы не здесь, — ответил Тарас.

— А где?

— То есть они находятся в данном замкнутом пространстве, но в другом времени.

— Как это?

— Каждая Великая Вещь Мира находится в определённом временном интервале вполне определённого момента истории. Скажем, Интегратрон «лежит» в тысяча девятьсот сорок первом году, двадцать второго июня, в четыре часа утра, и доступен всего двадцать две секунды. Щиты также спрятаны каждый в своём временном узле. Дзи-но-рин — в тысяча восемьсот двенадцатом году, Дзюмон — в тысяча первом году, остальные — в других временных координатах.

— Ну и ну! — Артур не смог скрыть ошеломления. — Никогда бы не подумал! Значит, за ними надо спускаться в прошлое?

— Совершенно верно. Хотя это необычный спуск — по цепи родовой памяти в тело предка. Как-нибудь я объясню тебе этот процесс.

— Но как же... я же только что путешествовал во времени...

— Путешествовало твоё эфирное тело, спускаясь по родовой линии в нужный момент времени. Думаешь, это ты стоял там на холме, во время сражения Мускид и Сколопендр? Это стоял твой предок.

— К-какой предок?!

— Уже не Блаттоптера, не таракан, так как Изменение началось, но ещё и не человек, каким ты видишь себя в зеркале.

— Не может быть! Я чувствовал себя... там... как всегда... своё тело...

— Естественно, вы же прямые родичи с ним, и чувства ваши взаимообусловлены и зависимы.

— Но вы... я видел вас, а не предка...

— Я — другое дело, я могу инвертировать время как физический объект.

— Не понимаю... я читал о парадоксах... путешествия в прошлое невозможны, потому что тогда каждый может вернуться назад в прошлое и убить самого себя... или родственника...

— Такой вариант континуума реализован в одном из «лепестков розы». Тамошний мир называется Регулюм. Путешествия в прошлое там разрешены, и этим пользуются две конкурирующие системы, регулируя жизнь местной вселенной. В нашей же матричной реальности парадоксы исключены законом, который чаще называется принципом Паули.

— Это же про электроны... два электрона не могут находиться на одной и той же орбите в одном энергетическом состоянии...

— Принцип Паули запрещает не только элементарным частицам занимать одни и те же энергетические уровни, но и объектам гораздо более сложным, людям, например, — пересекаться в диапазоне «неразрешённого временного потока». Я не смогу вернуться в прошлое с момента собственного рождения и момента ухода. Меня не пропустит «демон хронограницы». Мало того, я не смогу даже побывать в прошлом во время жизни отца и матери. Диапазон «неразрешённости» составляет около двухсот лет.

— И кто же этот закон... внедрил?

— Тот, кто изменил нашу Вселенную.

— Конкере?

— Конкере, или Монарх Тьмы, изменил лишь нашу Материнскую реальность, за что и поплатился. Но до него был ещё один деятель, который тоже замахнулся на коррекцию Замысла Творца.

— Расскажите, — загорелся Артур.

— Я тороплюсь, попробуй найти информацию сам.

— Где? Не в библиотеке же...

— В библиотеке, но под названием ментал или общее энергоинформационное поле Земли. Если тебя, конечно, пустят туда и выпустят живым.

— Почему? — вздрогнул Артур.

— Потому что эта информация опасна, ею дозволено пользоваться только Посвящённым высокого ранга, Мастерам и иерархам. Так что будь осторожен.

— Я хотел бы...

— Отставить! — поднял руку Тарас. — Время вопросов истекло.

Из отсвечивающей пурпуром стены замка Акарин вышел Хранитель. Исподлобья глянул на Артура, на Тараса.

— Ты гарантируешь мне?..

— Только то, что Дзи-но-рин не достанется другому, ни человеку постороннему, ни адепту Круга. Остальное всё — в руках бога, как говорят в таких случаях.

— Я хотел бы получить свидетельство передачи...

Тарас вынул из кармана пиджака белую карточку.

— Моя визитка, положи её на место Щита, этого достаточно.

Хранитель взял визитку, повертел в пальцах, прочитал вслух:

— «Особые полномочия». — Поднял глаза. — Здесь стоит печать ММ. Интересно, кто же нынче Мастер Мастеров?

— Он сам об этом скажет, когда настанет время. Прощай, Кифа. Остерегайся Рыкова, спрятавшегося под личиной другого человека. Он никого не пощадит в погоне за Великими Вещами.

— Зачем это ему?

— Не догадываешься? Всё предельно просто. Каждая Великая Вещь является символической «буквой» имени Изначально Первого, реализованной материально — как синкэн-гата, или энергоинформационно — как тхабс. Вместе они — великая сила! Рыков хочет вызвать Творца, чтобы управлять Вселенной. И ему это удастся, если мы позволим.

— Собрать все Вещи невозможно!

— Кто знает? Ты пытался? Нет? Я тоже. Поэтому лучше перестраховаться. Но о деле. Давай Щит.

Хранитель помедлил, всё ещё сомневаясь в необходимости данного шага, подозвал Артура:

— Подставь ладонь.

Артур, чувствуя душевный трепет, шагнул к нему, подставил ладонь.

Хранитель достал из-под полы халата плоский белый кружок диаметром в десять сантиметров, напоминающий картонную подставку под пивную кружку. Кружок оказался тяжёлым, словно сделан был из свинца, но мягким и шелковистым на ощупь. На нём засветились золотом тонкие линии, складываясь в геометрические фигуры, пересекающиеся друг с другом: три треугольника и три окружности.

— Что ты видишь? — осведомился Иакинф.

— Треугольники... круги... — неуверенно проговорил Артур.

— Попробуй поймать фокус трёхмерного восприятия.

— Как?

— Да, в школе этому не учат, — усмехнулся Тарас. — Смотри на Щит в глубь него, ближе — дальше, пока не поймаешь фокус.

Артур напряг зрение, вглядываясь в рисунок, и в какой-то миг плоские фигуры на белом круге вдруг сложились в объёмную конфигурацию, вставшую над плоскостью наподобие антенны.

— Я же говорил, он справится, — хмыкнул Тарас.

— Удивительно! — покачал головой Хранитель. — Честно говоря, я не верил, что у него получится. На моей памяти это первый такой случай.

— Что дальше? — прикусил губу Артур, удерживая переливающуюся золотистым призрачным светом «антенну» как объёмную фигуру.

— Я тебя ударю, а ты защитись, — предложил Тарас.

— Подставить Щит?

— Представь, что мой удар натыкается на препятствие.

Тарас шагнул к Суворову и ударил его в грудь кулаком.

Что произошло дальше, Артур не понял сам.

Световая вязь геометрических фигур — тетраэдров и шаров — над ладонью вдруг растеклась слоем света, с грохотом развёрзся пол пещеры, и между Артуром и Тарасом образовалась... каменная стена высотой в два метра!

Артур от неожиданности выронил кружок Щита.

Стена осела, рассыпалась на глыбы и куски горных пород.

Тарас посмотрел на молча стоящего Иакинфа.

— Ещё есть сомнения, Кифа? Благодарю за доверие. Может быть, у нас действительно есть шанс спасти мир. Хотя этому парню ещё идти и идти. Подними Щит. Он твой.

Артур, покраснев, поднял ставший совсем лёгким кружок.

— Не обязательно держать его в руке, Щит можно носить в кармашке на груди и научиться активировать его мысленным усилием, чтобы он срабатывал автоматически, на инстинкте, когда ты захочешь защититься.

— Хорошо, я попробую.

— Не сейчас и не здесь. Благодари Хранителя.

Артур пошевелил губами, подыскивая нужное слово, потом поклонился.

— Спасибо.

— Щит — не божья благодать, — покачал головой Иакинф. — Это почти проклятие. Но пусть он послужит благому делу.

— Идём, — взял Артура за руку Тарас.

И пещера с крепостью Акарин и её Хранителем скрылась в темноте перехода.

Глава 13

ВЕЛИКАЯ ВЕЩЬ

Гептарху Лукьяну исполнилось двести тридцать шесть лет.

Первое Посвящение во Внутренний Круг он получил ещё в начале девятнадцатого века, аккурат за неделю до вторжения войск Наполеона в Россию, став одним из Писцов Истинной Истории при канцелярии тогдашнего Союза Неизвестных; в девятнадцатом столетии российский Союз насчитывал одиннадцать кардиналов.

В середине девятнадцатого века, как раз в тот момент, когда в России были арестованы и приговорены к смертной казни члены кружка Петрашевского, в том числе и Фёдор Михайлович Достоевский[1], Лукьян прошёл вторую ступень Посвящения в

[1] В последний момент казнь Ф.М. Достоевского была заменена ссылкой.

Круг и стал одним из самых молодых кардиналов Союза Неизвестных, управляющего Россией.

В начале двадцатого столетия, накануне восстания на броненосце «Князь Потёмкин Таврический», Лукьян стал Мастером Психического Надзора и удалился от дел, связанных с коррекцией реальности. В тысяча девятьсот девяносто первом году он получил третье Посвящение и с благословения инфарха занял пост гептарха — Мастера Контроля Света, отвечающего за соблюдение правил поведения иерархов в «розе реальностей».

И всё шло хорошо до момента смены власти и ухода с поста прежнего инфарха. Но и после этого Лукьян продолжал исполнять свои обязанности и даже занимался творческим трудом, сделав своим авешей земного писателя-фантаста Лукьянова, передав ему часть знаний об устройстве матричной реальности, в результате чего на свет появилась целая серия фантастических романов: «Ночной кошмар», «Дневной кошмар», «Сумеречный», «Утренний», «Вечерний» и так далее. Ничего не изменилось в поведении Лукьяна и тогда, когда в «розе» появился Зверь Закона и начал охоту за иерархами.

Сначала он не придал этому значения, считая себя абсолютно не виноватым в происходящей чехарде смены власти и хорошо защищённым от любых атак магических сущностей. Он даже не стал укреплять своё жилище, нашедшее приют на планете одной из звёзд центра Галактики, мир которой был ему подвластен.

Планета не являлась точной копией Земли, хотя была заселена примерно теми же видами животных, что и Земля сотни миллионов лет назад. А поскольку магических возможностей Лукьяна хватало для воздействия на физический уровень мира, он откорректировал бытие планеты, получившей название Мир Сорока Островов, таким образом, чтобы разум возник не у насекомых, а у рептилий. Поэтому на Мире Сорока Островов существовала теперь странная цивилизация разумных крокодилов-вегетарианцев, не употреблявших в пищу, в отличие от людей, «братьев своих меньших». И Лукьян с удовольствием пестовал своих «детей», играя роль доброго и справедливого бога.

Однажды к нему в гости прибыл юный — по меркам Круга ему исполнилось всего девяносто лет — перунарх Никки и рассказал жуткую историю о гибели декарха, которого догнал Зверь Закона. Никки был взволнован, сообщая подробности боя декарха с монстром-Ликвидатором, и явно испытывал страх. Ухо-

дя, он посоветовал Лукьяну усилить охрану замка, расположенного в горах, в кратере потухшего вулкана, либо вообще переселиться на Землю, куда Зверь якобы не имел доступа. Лукьян пообещал юнцу подумать, но и после этого не озаботился проблемой охраны, продолжая верить в своё могущество и в то, что Зверь не станет охотиться за иерархом, который никому не желает зла.

Однако недаром говорят, что нельзя быть умнее себя.

Ровно через два дня после встречи на Мир Сорока Островов свалился Зверь Закона, принявший здесь по иронии случая, а может быть, и намеренно облик гигантского крокодила. Причём выпал он из «тоннеля» тхабс-перехода прямо у замка гептарха, что позволило Лукьяну сообразить — посещение Никки его обители было каким-то образом запеленговано Зверем, иначе он не вышел бы на иерарха с такой непостижимой точностью.

Охраняли владения Лукьяна «настоящие» крокодилы, солдаты местного гарнизона. Но их вооружение — клыки, когти, мечи и копья — не шло ни в какое сравнение с вооружением Зверя, и охрана замка была уничтожена в первые же мгновения атаки чудовищной твари. Затем Зверь принялся методично крушить замок, каждым ударом лапы превращая в пыль одну из башен.

Конечно, Зверь Закона лишь внешне походил на крокодила. Он был магической сущностью и первым делом позаботился об ограничении маневра жертвы в ментальном плане, накрыв весь кратер пузырём особого поля — *сарва-шанкшобхана*, препятствующего мысленному воздействию любого существа на физические объекты. Если бы Лукьян, почуяв появление потока агрессивного внимания к собственной персоне (а он это ощутил), сразу ушёл из данной реальности в другую по линии тхабса, он скорее всего уцелел бы. Но гептарх понадеялся на свои силы и остался. А когда понял, что пути отступления перекрыты, было уже поздно.

Приняв облик великана в латах, Лукьян вышел из центрального строения замка с секирой в руке...

Девятого августа, после очередного испытания «Большого глушака», теперь уже в воинской части, расположенной в подмосковной Барвихе, Меринов получил такой мощный заряд энергии, что, не откладывая решения в долгий ящик, тут же отправился искать Интегратрон. Естественно, после часовых сек-

суальных упражнений с секретаршей, погасившей часть его энергии, но не сумевшей удовлетворить босса на все сто процентов. Впрочем, Марата Феликсовича не смог бы ублажить, наверное, и взвод шлюх, такая неимоверная с и л а бурлила и переливалась в его жилах.

Он знал, что Федеральная служба безопасности уже занимается расследованием странных потерь сознания коллективами людей в Москве, что являлось результатом испытаний «Большого глушака», но был уверен, что никто ничего не узнает. Для того чтобы объяснить явления транса людей в Думе, метро, в Большом театре и воинской части, надо было быть Посвящённым Внутреннего Круга, а их в России остались единицы, да и те заботились лишь о своей безопасности, предпочитая не вмешиваться в проблемы социума. Не брал в расчёт Марат Феликсович и своих давних врагов, Самандара и Котова, возродивших «чистилище», но оставшихся, по его мнению, на прежнем уровне оперирования, который был намного ниже собственных возможностей Меринова.

«Стартовали» прямо из лаборатории Симона, не переодеваясь в походные комбинезоны: Марат Феликсович — в деловом костюме песочного цвета, Инна — в летнем платье и туфлях на высоком каблуке. Без оружия. На этом настоял маршал СС, знавший о том, как влияет на миры «розы» огнестрельное оружие, созданное в Материнской реальности.

Сначала тхабс перенёс их в пещеру с замком Ликозидов, Хранителя которого Меринов уничтожил несколько дней назад. Проникли в замок, нашли саркофаг царя Ликозидов, повреждённый ещё во времена прошлых войн Посвящённых, но всё ещё действующий.

— Проверим, чем он наполнен, — сказал Марат Феликсович, устраиваясь на центральном ложе саркофага. — Может, мне известны не все его функции?

— А мне что делать? — спросила Инна, нервно оглядываясь. Она ещё не привыкла к чудесам «колдовства», а на следы древней цивилизации Инсектов и вовсе смотрела с детским восторгом и с детским же страхом.

— Жди, — ответил Меринов.

И через минуту исчез.

Неизвестно, что послужило толчком для перехода в «виртуальное скольжение» по «розе реальностей». Марат Феликсович сам этого не понял. Поставив себе цель — перевести тхабс на

хроноинверсию, он мысленным усилием запустил «компьютер» Инсектов, начал «листать» его «файлы» и случайно вошёл в операционное поле, запускающее у людей тхабс. Бросок в «розу» получился стохастически-спонтанным, нецелевым, отчего вышел Меринов не там, где хотел.

Этот мир явно не принадлежал земному временному спектру, да и в магическом диапазоне ощущений он имел другой «цвет» и «запах».

Марат Феликсович оказался на гребне вулканического кратера диаметром около двух километров. Причём кратера, накрытого «пузырём магического отказа». В его центре стоял красивый многобашенный замок из розового туфа, окружённый рвом с водой и лесом с белой листвой. А над зубчатой стеной замка высился громадный зверь, напоминающий горбатого крокодила с блистающей ромбовидной бронёй алого цвета. Он разрушал замок, каждым ударом лапы снося одну из башен.

Чёрт побери, это же Ликвидатор! — молнией пронеслась мысль в голове Меринова. Догнал кого-то из иерархов! Но почему меня вынесло сюда?! Я же настраивал тхабс на выход в прошлое...

Потому что этот мир похож на Землю палеозойской эры, пришла вторая мысль. Произошёл сбой программы саркофага. Надо было точнее представлять цель инверсии...

Всё равно такие сбои не должны проявляться на физическом плане...

Саркофаг скорее всего повреждён, вот и глючит. Сматываемся отсюда!

Марат Феликсович хотел активировать тхабс для возвращения на Землю, но решил досмотреть, чем закончится охота Зверя.

Над стеной замка в этот момент возникла фигура седобородого великана в латах, но без шлема, с секирой в руке. Это и был иерарх, хозяин местной реальности. С удивлением Меринов узнал в нём гептарха Лукьяна, который когда-то входил в российский Союз Неизвестных.

Великан ударил первым.

Сверкнув серебристым металлом, взлетела вверх секира, опустилась на голову гигантского горбатого крокодила. Но не пробила ромбовидной брони, — Зверь мог, наверное, увернуться, но не стал этого делать, — и разлетелась на тысячу льдисто-стеклянных осколков, не причинив ему никакого ущерба. Зато от-

ветный удар лапой вспорол сверкающие золотом доспехи гептарха, а второй удар едва не оторвал ему руку.

Великан пошатнулся, отступил, озираясь. Вытащил из-за спины меч, протянул остриём вперёд.

Крокодил оскалился, — улыбка получилась почти человеческой, хищной и презрительной, — сделал стремительный выпад мордой, и меч вместе с рукой оказался в его пасти. Раздался хруст и вслед дикий вопль. Великан ударил противника по узкой морде кулаком второй руки, заставив его выпустить раненую руку с почти раздробленной кистью, тяжело отпрыгнул назад.

Меч так и остался в пасти крокодила, словно был игрушечным, бумажным, а не грозным оружием.

Если бы в этот момент Меринов атаковал Зверя в ментальном поле, Лукьян успел бы сбежать с поля боя, но Марату Феликсовичу такая идея даже не могла прийти в голову. Он жил по другим законам, по законам голодной шакальей стаи, добивающей и поедающей своих раненых собратьев. Поэтому вмешиваться в схватку он не стал. Дождался очередного удара лапой, отбросившего великана-гептарха на его же замок, и активировал тхабс, унёсший Марата Феликсовича из мира гептарха в мир Земли.

Инна терпеливо ждала его возле саркофага, делая вид, что совсем не переживает за босса.

— Где это вы были так долго?

— Почему долго? — не понял он.

— Да уж час прошёл.

Марат Феликсович озабоченно глянул на часы.

— Всего-то шесть минут...

— Час. — Секретарша показала свои часы.

Марат Феликсович покачал головой. Вполне возможно, что темпы времени на планете гептарха не соответствовали временным ритмам Земли, однако раньше удавалось выйти из тхабс-режима в нужное место секунда в секунду.

— Всё в порядке, Марат Феликсович? — поинтересовалась секретарша, заметив его озабоченность.

— Потом будем разбираться. Жди, я еще не доделал кое-что.

И Меринов снова исчез.

На этот раз ему удалось настроить саркофаг должным образом, поэтому тхабс «высадил» его в нужный момент времени в прошлом — двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года, ровно в четыре часа утра. Как раз в этот момент и на-

чалась Великая Отечественная война. Почему Хранители упрятали Интегратрон именно в этом временном отрезке, привязав его к столь мрачному событию, Марат Феликсович не знал, да и не задумывался над этим. Ему важен был сам факт существования Великой Вещи, созданной не то Инсектами, не то еще их предками в незапамятные времена. К тому же Интегратрон мог использоваться ими и по другому назначению, поскольку аккумулировал в себе электромагнитное излучение, а также поля неэлектромагнитной природы. Однако главным для маршала СС было лишь одно свойство аппарата — генерирование диапазона частот, необходимых для электрохимической перезарядки клеток тела, то есть — для омоложения организма.

Помня, что Интегратрон доступен ровно двадцать две секунды с момента пуска в четыре часа утра, Меринов потерял лишь две секунды на знакомство с устройством: саркофаг Ликозидов при этом не изменился, просто к его функциям добавилась ещё одна — и мысленным усилием запустил аппарат.

Описать ощущения, потрясшие Марата Феликсовича, можно было одной фразой: кипение!

Всё его тело, каждая мышца, каждое сухожилие, косточка, каждый нервный узел, нервные пути, каждая клеточка буквально «закипели», словно тело превратилось в сосуд с шампанским, газ которого облаком начал подниматься вверх. Марат Феликсович едва удержался от соблазна сбежать из камеры саркофага, испугавшись, что на самом деле вот-вот растает, распадётся на атомы. Однако он не растаял.

Интегратрон закончил свою работу по настройке попавшего в него организма, отключился, и «кипение» крови в жилах Марата Феликсовича пошло на убыль. Он полежал немного в «ванне» саркофага, прислушиваясь к себе, встал, прошёлся по залу пещеры, чувствуя необыкновенную лёгкость в теле и душевный подъём. Подмигнул сам себе, довольный результатом.

— Отлично, Герман! Похоже, Хранитель не врал, Интегратрон действительно работает на омоложение, лет двести можем ещё пожить в этом теле. А потом снова ляжем сюда и станем молодыми.

Инна встретила его возгласом:

— Наконец-то!

— Что случилось? — насторожился он.

Девушка, округлив глаза, смотрела на него, забыв, что хотела сказать, и Марат Феликсович усмехнулся, понимая её чувства.

— Что смотришь, как кролик на удава?

— Вы... вы...

— Да, я чуть-чуть помолодел, только и всего. Ну? Говори.

— Вы отсутствовали два часа... я испугалась...

Меринов озабоченно посмотрел на часы.

— На моих двенадцать ноль семь, меня не было всего пять минут.

Секретарша молча протянула руку с часами. Выходило, что он и в самом деле вернулся в своё время со странным опозданием в два часа, хотя раньше тхабс переносил его с места на место без временных задержек.

— Ладно, разберёмся. Поехали домой.

Через несколько мгновений оба оказались в холле мериновской виллы, направились каждый в свою туалетную комнату переодеваться.

Глянув на себя в зеркало, Марат Феликсович понял, почему так поразилась Инна, увидев его. Из зеркала на него смотрел стройный красивый черноволосый юноша, мало похожий на заместителя председателя Государственной Думы Меринова. То есть, конечно, это был он, но лет на двадцать моложе.

— Интересно, узнает меня охрана Думы или нет? — проговорил Марат Феликсович с некоторой растерянностью. — Если нет, придётся каждый раз гипнотизировать охранников.

В гостиной залился птичьей трелью телефон.

— Возьми трубку! — крикнул он секретарше, продолжая разглядывать слащавую безусую физиономию юнца напротив. Включил было душ, но в дверь ванной постучали.

— Марат Феликсович, Столин зовёт.

— Не может подождать?

— Он говорит — срочно.

— В чём дело?

— Сити-центр... лаборатория...

— Что лаборатория? — Меринов выключил воду, распахнул дверь.

Вошла секретарша, в трусиках и бюстгальтере, снова округлила глаза, изумлённо глядя на помолодевшего босса.

— Симон...

— Говори толком! — рявкнул он.

— ФСБ накрыла лабораторию, Симон выпрыгнул из окна...

— Что?!

Инна молча протянула телефон.

— Марат Феликсович, — заблеял в трубке голос Лёвы Столина, — у нас ЧП...

— Знаю! Как это произошло?!

— Кто-то настучал в госбезопасность, решение о захвате лаборатории принималось на уровне начальника научно-технического управления, а не на уровне директора...

— Кто?! — таким страшным голосом проговорил Меринов, что Инна попятилась. — Кто... сдал... лабораторию?!

— Не знаю, — пискнул Лёва. — Мы занимаемся...

— Кто... мог... знать... о существовании лаборатории... в Сити-центре... кроме её сотрудников?!

— Кажется, я догадываюсь, — тихо проговорила Инна.

— Ну?!

— «Чистилище».

Меринов сжал кулак с такой силой, что раздавил телефон в горсть пластмассовых крошек.

— Немедленно... найти...

— Нужна группа, Марат Феликсович. Дайте мне команду Вахтанга, и я принесу вам головы «чистильщиков».

Меринов провёл ладонью по лицу, успокаиваясь, жестом указал секретарше на дверь.

— Звони Вахтангу, пусть готовит группу. Выступим через час.

Инна вышла.

— Ну, господа Посвящённые, — прошипел он, оскалясь, — вы меня достали! «СМЕРЧ», говорите? Я покажу вам настоящий смерч!

Глава 14

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Возвращались домой в дурном расположении духа.

Оба понимали, что исчезновение Стаса и выход Монарха Тьмы на волю каким-то образом взаимосвязаны, однако гадать на эту тему не хотелось, а прямой информации не было. Эту информацию надо было искать.

— Предлагаю выйти на Хранителей, — сказал Самандар при расставании. — На Матфея, к примеру. Он наверняка в курсе всех происходящих в «розе» событий и может иметь косвенные сведения о Стасе.

— Займись, — кивнул Василий Никифорович, думая о своём. —

Я заскочу домой, потом вернусь к тебе. Посоветуемся с Иваном Терентьевичем и разработаем план дальнейших действий.

Вахид Тожиевич похлопал друга по плечу, и Котов отправился к себе домой — «на тхабсе», чтобы не терять времени на обычный транспорт. Они и так отсутствовали с Самандаром почти сутки, путешествуя по «розе» в поисках Стаса и Маши.

Ульяна встретила мужа ворчанием типа «мог бы и позвонить, если задерживаешься». Василий Никифорович хотел было промолчать, однако неожиданно для себя самого вдруг признался ей, что искал в «розе» пропавшего племянника.

— Я так и поняла! — вздохнула Ульяна, опускаясь на диван. — То-то Иван Терентьевич мямлил, утверждая, что вы в командировке. Хороша командировка — за тридевять земель! Ну и что, нашли хоть что-нибудь?

Василий Никифорович взял на руки разулыбавшегося во весь рот сына, походил с ним по комнате, с нежностью прижимая малыша к груди, опустил обратно в кроватку и сел рядом с женой.

Рассказ его длился несколько минут.

— Я видела во сне Машу, — тихо сказала Ульяна. — Она звала кого-то. Боюсь, Стас погиб...

— Нет! — резко вскинул голову Василий Никифорович. — Не говори так! Он жив, я чувствую. И Машка тоже.

— Почему же они не вернулись?

— Единственное объяснение — их взял в плен Монарх. Но я по-прежнему уверен, что они живы. Надо искать и искать. Вот обсудим наши планы, подготовимся и снова нырнём на «дно розы».

— Возьмите меня с собой.

Василий Никифорович слабо улыбнулся, прижал жену к себе.

— Ты же понимаешь, что это невозможно. Если бы не Матвейша, мы, конечно же, пошли бы вместе. Но ведь не оставишь его одного?

Ульяна зябко вздрогнула, но не отодвинулась.

— Не хочу больше воевать...

— Я тоже, — признался Василий Никифорович. — Но если не мы, то кто остановит Рыкова? Кто преградит дорогу Монарху Тьмы?

Зазвонил телефон.

Ульяна снова вздрогнула. Василий Никифорович погладил её по плечу, взял трубку.

— Мы тебя ждём, — сказал Самандар. — Есть интересные новости.

— Буду через двадцать минут, — отрезал Котов, посмотрел на жену. — Покормишь?

— Конечно, — сорвалась с места Ульяна, — еда давно готова.

Спустя полчаса он объявился в гостиной Самандара.

Все комиссары «чистилища» были уже в сборе.

Василий Никифорович поздоровался за руку с Медведевым и Парамоновым, сел за стол, на котором парил чайник и стоял чайный сервиз.

— У Ивана Терентьевича есть идея, — сказал Самандар. — Самим нам пока не под силу уничтожить пси-лабораторию Рыкова в Сити-центре, где он тестирует «Большой глушак», зато мы можем слить информацию о ней спецслужбам. Пусть ею займутся федералы.

Василий Никифорович помолчал, взялся за чайник.

— Идея неплохая, надо лишь найти надёжный канал слива информации непосредственно оперативникам ФСБ, да ещё желательно лицу, способному принимать решения.

— Атаман дружен с начальником научно-технического управления ФСБ, — вставил слово Медведев. — Можно через него.

— Тогда утверждаем эту акцию. Будет славно, если удастся наступить Рыкову на мозоль. Что у нас на повестке дня?

— Бандлик по банкиру, снабжающему чеченских бандитов деньгами. Но есть ещё одна цель. Помните бодягу с женой министра социального обеспечения Еленой Зарубовой?

— Приобретение элитных земель в собственность?

— Там целый пакет беспрецедентных по наглости действий как супруги, так и самого министра. Вспомните только его указы по лишению льгот пенсионеров и военнослужащих, реформу системы здравоохранения и медицинского обслуживания, другие не менее удивительные решения. Ясно, что министр работает под прикрытием СС и самого маршала, господина Рыкова-Меринова, но таких как раз и надо останавливать в первую очередь. Буквально вчера, с его подачи, разумеется, был снят с должности областной прокурор Виктор Сидорчук, который обратил внимание на незаконность приобретения подмосковных участков Еленой Зарубовой. Так что делайте выводы сами.

— Месть?

— Конечно. Ведь прокурор замахнулся на «святая святых»

министра — возможность безнаказанно делать то, что ему взбредёт в голову. Господин Зарубов зарвался, пора его лечить.

— Тогда уж надо лечить и генпрокурора, — проворчал Парамонов. — Снимали Сидорчука не без его ведома, а он-то уж знал, кто отдавал приказ «отомстить» честному прокурору.

— Предлагаю направить генпрокурору нашу «чёрную метку», — продолжил Самандар. — А по Зарубову разработать бандлик.

— Я бы... э-э... не стал его... — интеллигентно кашлянул Медведев.

— Никто и не настаивает, что Зарубова надо мочить. Но его следует напугать так, чтобы он сам ушёл в отставку и чтобы другие задумались, его коллеги и приятели. Кто возьмётся за разработку операции?

— Я, если доверите, — поднял руку Медведев.

Комиссары переглянулись.

— Согласен, — кивнул Парамонов.

— Я тоже, — сказал Василий Никифорович. — Только времени на разработку бандлика, Владимир Петрович, у вас мало. Управитесь за двое суток?

— Я уже знаком с материалами дела, управлюсь за сутки.

— Отлично. Теперь надо решить, как лучше подвигнуть федералов на штурм Сити-центра. Может, скинем им файл по электронной почте?

— Об этом сразу же узнает Рыков, — качнул головой Самандар.

— В таком случае и в самом деле пусть все материалы передаст федералам атаман. — Василий Никифорович посмотрел на Медведева. — Ваш командир не подведёт?

Заместитель атамана Союза казаков смущённо улыбнулся.

— Надёжнее человека я не знаю... извините.

— Решили. Что ещё?

— Переходим к обсуждению плана бандликов на следующий месяц, — сказал Парамонов. — Я просмотрел ваши списки и выбрал с десяток наиболее характерных случаев. Особенно хочется пройтись по депутатам Думы, продающим свои голоса в угоду криминалу, и по чиновникам аппарата президента и правительства. И в первую очередь стоит обратить внимание на министра культуры и информации, продолжающего тупо отстаивать реформы образования и языка, несмотря на все возражения профессионалов.

— Я сделал принтерную распечатку, — сказал Самандар, выходя в кабинет и возвращаясь со стопкой листов, — читайте.

— И пора уже перебираться в офис, — буркнул Иван Терентьевич, беря свою копию плана. — Твоя квартира не обеспечивает безопасности комиссариата. Мы растём, сфера деятельности расширяется, а баз мало.

— Через неделю переедем в Сокольники, — пообещал Самандар. — Офис готов, осталось завезти аппаратуру, спецоборудование, компьютеры и мебель, а также побеспокоиться об охране. Итак, начинаем обсуждать план, судари мои. Как пошутил юморист: «Минздрав предупреждает — так жить нельзя!»

Через час совещание «красного квадрата» «СМЕРЧа» закончилось. Каждый комиссар знал свою область ответственности, поэтому вопросов — кто и что будет выполнять — не возникло.

— Всё это хорошо, — сказал Василий Никифорович, уходя последним. — «Чистилище» заработало, милиция уже на ушах стоит от наших предупреждений, чиновники забегали как крысы... но Рыкова мы так и не достали по-серьёзному. Да и ситуация в «розе» хреновая.

— Если федералы возьмут лабораторию Рыкова, он взбесится, — усмехнулся Вахид Тожиевич.

— Пожалуй, — усмехнулся в ответ Котов. — Как же, он привык считать себя неуязвимым и всесильным. Надо установить за ним наблюдение. Плохо, что мы остались без синкэн-гата. С ним не страшен был бы не только Рыков, но и Монарх.

— Я предупреждал, что не стоит парню таскать синкэн с собой.

— Поздно сетовать, давай искать связь с Хранителями.

— Закончим бандлик, «подлечим» министра Зарубова и позовём в ментале Матфея.

Василий Никифорович посидел немного, задумавшись, потом встал, протянул ладонь Самандару. Тот стукнул по ней своей ладонью, и Котов «скомандовал» тхабсу отнести его домой.

* * *

Вечером они встретились на квартире у Котовых: сам хозяин, Самандар и Парамонов.

Ульяна приготовила ужин, мужчины с аппетитом поели и уединились в кабинете Василия Никифоровича.

— Вы уже определились, кто нам нужен? — поинтересовался

Иван Терентьевич. Несмотря на продолжавшуюся жару, он прибыл в строгом коричневом костюме и с галстуком, но от духоты не страдал, умея регулировать внутренний теплообмен.

— Хорошо бы всё-таки найти Юрьева, — сказал Василий Никифорович. — Как-никак Маша его дочь.

— Где он может быть, по-твоему?

— Вряд ли на Земле, — покачал головой Самандар. — Я както пробовал звать его нашими методами, но он не отозвался.

— Он же хотел создать новый Союз Неизвестных.

— Я помню, Вася отказался.

— Значит, и другие Посвящённые отказались. Если бы его Союз начал работать, мы бы об этом узнали.

— Возможно, он ушёл в «розу», в один из пустых инвариантов.

— Давайте выйдем в ментал и попробуем позвать его ещё раз.

Все трое посмотрели друг на друга.

— Если согласны, не будем терять время, — сказал Парамонов.

Василий Никифорович занял своё рабочее вертящееся кресло с высокой спинкой, остальные расположились поудобнее на диване, привычно настроились на энергоинформационное взаимодействие. Синхронизация пси-полей Посвящённых длилась недолго, и уже через несколько секунд они нырнули в океан перламутрового тумана, пронизанного миллионами бесшумных световых стрел, лучей, вспышек и «трассеров», представляющих собой потоки информации и «души» бродящих по менталу, в том числе неосознанно, жителей Земли.

Поле зрения каждого Посвящённого расширилось до видения всей поверхности планеты — как изогнутой лентой Мёбиуса плоскости, а потом и пространства Солнечной системы. Первыми на вхождение в ментал небольшого «полевого организма» Посвящённых отреагировали «сторожевые псы» общего информационного поля, особые программы, перекрывающие доступ к менталу тем, кто не имел на это разрешения иерархов. Сами иерархи давно уже были почти все уничтожены Зверем Закона, но «псы» всё ещё служили им, а точнее, неизвестно кому, ожидая команды вернуться в свою «конуру».

Однако комиссары «СМЕРЧа» знали, как надо обращаться с подобными программами «розы», и объединённым волевым раппортом отогнали «псов», заставили их раствориться в «тумане непроявленной информации».

Их психофизический зов взвихрил туман, разделил на струи и прозрачные зоны с сияющими звёздами внутри: это обозначились районы обитания других Посвящённых, чья энергетика влияла на общее энергоинформационное поле Земли.

Но Юрий Венедиктович Юрьев, бывший советник президента, бывший кардинал Союза Неизвестных России, Посвящённый III ступени Круга, а может быть, и выше, не откликнулся на зов. Скорее всего, он отсутствовал в земной реальности, пребывая где-то в иных мирах.

Вышли из общего поля пси-взаимодействия, молча полюбовались на вытянутые физиономии друг друга.

— Хранитель, — выразил общую мысль Парамонов.

Снова погрузились в «туманный океан» ментала. Редкие звёздочки потенциальных экстрасенсов замигали вразнобой, даже не пытаясь скрыть себя. Несколько более крупных звёзд погасли. Это заблокировали свои пси-сферы Посвящённые, умеющие защищаться от «несанкционированного подключения». Выделился угрюмым «инфракрасным» светом массивный эгрегор, захвативший щупальцами всю Москву. Его «псевдоподии» и «паутинные нити» протянулись и за пределы столицы, в другие крупные города, образуя своеобразную «сеть тьмы». Это проявился полевой организм, подчинённый Сверхсистеме и её маршалу — Рыкову-Меринову, и он был очень и очень велик. Только теперь создатели «чистилища» оценили пси-мощь противника, захватившего, по сути, всю страну, и осознали, насколько их «СМЕРЧ» слабее.

Почуял их «виртуальное» присутствие и сам Рыков.

В центре Москвы зажёгся и погас злобный «инфрафиолетовый» глаз. Тьма в этом месте сгустилась, зашевелилась, приобрела очертания вставшего на дыбы кентавра.

«Уходим!» — скомандовал Василий Никифорович.

Посвящённые дружно свернули свои психофизические «глаза и уши», втянули «антенны» под «панцирь» защитного режима, выпали в пространство кабинета.

— Вот сволочь, почуял-таки! — со смешком заметил Самандар. — А может быть, зря мы испугались? Нас трое, плюс твоя Ульяна, поборолись бы. Ещё неизвестно, кто бы победил. Уверен, мы бы его уделали.

— Бы... — проворчал Иван Терентьевич. — Один мой приятель шутил: не бей слабого, а тем более сильного и злопамятного. Во избежание последствий, так сказать. Рыкова лучше не

трогать, пока мы не вернём своё оружие — синкэн-гата. Думаю, он нас не трогает лишь по той самой причине, что боится меча, не зная, что его у нас нет. И вообще, не поздно ли мы отреагировали? Как бы Герман не запеленговал нас.

— Не должен, он не успел нас разглядеть.

Василий Никифорович промолчал. Ему было неуютно, будто он забыл что-то и никак не может вспомнить.

— Однако Хранители тоже не отозвались. Неужели все погибли во время войны с Ликвидатором? Или просто боятся Зверя?

Зазвонил телефон.

Василий Никифорович посмотрел на него с опаской, взял трубку.

— Вы искали меня, — раздался чей-то звучный голос с бархатистыми интонациями. — Слушаю вас.

— Кто? — поинтересовался Парамонов, видя, как брови Котова полезли на лоб.

— Матфей, — шёпотом ответил он, прикрыв микрофон рукой. — Да, мы искали тебя... э-э...

— Не беспокойся, Василий Никифорович, эта линия пока не прослушивается. Чего хотела ваша компания?

— Не лучше ли поговорить с глазу на глаз?

— К сожалению, не могу. Говорите, у меня мало времени.

— Мы ищем Стаса... оруженосца Воина Закона Справедливости, если ты помнишь.

— Он захвачен Монархом.

У Василия Никифоровича перехватило дыхание. Он с трудом выдавил:

— Когда?

— Это имеет значение?

— Н-нет... прости... Как это произошло?.. Впрочем, и это не имеет значения, ты прав. Но он... жив?

— Относительно, как зомби-эмиссар Монарха.

Василий сжал зубы, помедлил.

— Всё... так плохо?

— Увы, комиссар.

— А что с его женой? Где Мария?

— Боюсь, она погибла. Как человек, биологическое существо. Но как Светлена — душа и дух, «светлая половина» инфарха, она успела войти в режим дифференциации.

— Что это значит?

— Она стала «принципом добродетели» «розы». Светлена-

Маша находится везде и нигде конкретно. Что ещё вы хотите знать?

— Их... можно... спасти?

— Не знаю, — ответил Хранитель с нотками печали и вины в голосе. — Думаю, что нет. С этой задачей может справиться только...

— Инфарх?

— Сам Конкере. Если захочет. Или... — Матфей сделал паузу. — Или Творец «розы». Это все вопросы? Тогда прощай.

В трубке свистнуло, и наступила тишина.

Но Василий Никифорович продолжал прижимать её к уху, глядя перед собой остановившимся взглядом.

— Что он сказал? — в один голос проговорили Самандар и Парамонов.

— У нас проблемы... — глухо ответил Котов.

* * *

Юрий Михайлович Зарубов пришёл в политику четыре года назад, а министром соцобеспечения и вовсе отработал лишь полтора года, снискав славу «серого кардинала», связи которого позволяли ему удерживаться в кресле при самых неблагоприятных политических ветрах.

В своё время он закончил Институт стран Азии и Африки при МГУ, где изучал историю Китая. Стажировался в Сингапуре, долгое время работал в ТАСС, в том числе корреспондентом в Пекине. Его заметили и пригласили в Министерство иностранных дел, где он возглавил Внешнеполитическую ассоциацию.

В конце девяностых годов двадцатого века Юрий Михайлович ушёл в бизнес, но проработал на этом поприще всего два года, снова вернулся на дипломатическую службу, стал первым секретарём российского посольства в Китае. По возвращении защитил диссертацию на тему феномена бедности и богатства Китая. А затем, при смене правительства, новый премьер — давний приятель — предложил Зарубову министерский портфель.

Выглядел Юрий Михайлович скромным рафинированным интеллигентом: тихий, незаметный, несуетливый, малоразговорчивый, одевающийся с иголочки, с виду мягкий и застенчивый. На самом же деле это был волк в овечьей шкуре, всегда и везде находивший свою выгоду и точно определявший, что надо делать для достижения цели. Он и женился, исходя из этого прин-

ципа, на дочери генерального прокурора, которого впоследствии сняли, но который сохранил все свои выгодные «доходные» связи. Именно поэтому Юрий Михайлович столь резко отреагировал на инициативу областного прокурора Сидорчука проверить законность сделок по приобретению элитных земель московскими чиновниками. Была приведена в боевую готовность цепь нужных людей, строптивого прокурора-правдолюбца уволили, уголовное дело на жену министра закрыли, а документы на аренду и перепродажу участков быстро довели до нужной юридической кондиции. Задним числом, разумеется. Аминь!

Одиннадцатого августа Юрий Михайлович встретился с министром внутренних дел Телибеевым в Белом доме и похвастался, что президент пригласил его к себе на дачу на ужин.

Хмурый Зинатулла Бедросович глянул на сытое гладкое лицо Зарубова, поморщился, вытащил из кармашка кителя на груди чёрный прямоугольник, протянул министру:

— Ты такую метку не получал?

— Что это? — полюбопытствовал Юрий Михайлович.

— Почитай.

— «СМЕРЧ», — прочитал Зарубов тиснённую золотом надпись, потрогал пальцем тиснёный золотой кинжальчик, поднял недоумевающий взгляд на Телибеева. — Ты хочешь сказать, что это... предупреждение «чистильщиков»? Но ведь «чистилище» — миф...

— Это не миф, это моя головная боль.

— Откуда у тебя их визитка?

— Константин Сидорович дал. — Телибеев имел в виду генпрокурора. — Это ему пришло по почте.

— Неужели вы не можете справиться с какими-то мерзавцами и упрятать их за решётку?

Главный милиционер страны окинул Зарубова скептическим взглядом, мотнул головой.

— Поговори на эту тему с Аркадием Борисовичем. Он недавно имел приятную встречу с «чистильщиками», теперь с утра до ночи реформирует свою атомную епархию. Советую и тебе заняться тем же, пока не прислали такую же метку.

Телибеев забрал чёрную визитку и удалился по коридору к залу заседаний правительства.

Юрий Михайлович пожал плечами, будучи уверенным, что уж ему-то никакие «чистильщики» не страшны. Однако он ошибался.

Вечером того же дня, когда машины министра — «шестисотый» «Мерседес» и джип охраны — свернули с Боровского шоссе к дачному посёлку, дорогу им преградил дорожный патруль.

Стемнело, фонарь на повороте не горел, на дороге дымилась «Газель», рядом стояла бело-синяя милицейская «Волга».

К «Мерседесу» подошёл остановивший кортеж офицер милиции с полосатым жезлом, козырнул.

— Майор Динейкин. Прошу прощения, проезд временно закрыт.

— Что случилось? — поинтересовался Зарубов.

Его телохранители выбрались из джипа, приблизились к машине босса. Всего их было двое плюс водитель.

— Авария, — лаконично ответил смуглолицый усатый майор.

— Мы объедем...

— Придётся подождать, — снова козырнул майор, отходя к суетящимся у «Газели» инспекторам.

— Саша, разберись, — недовольно буркнул министр.

Командир охраны вылез из «Мерседеса», догнал майора, они заговорили, остановились. Потом майор жестом подозвал телохранителя, стоявшего слева от машины.

— Подойдите.

Парень в строгом чёрном костюме глянул на своего коллегу справа, но повиновался, видя, что его командир стоит спокойно. Он тоже остановился рядом с беседующими, опустил руки по швам, наклонил голову, будто слушая, что ему говорят.

Майор снова поднял руку, подзывая второго телохранителя.

Молодой человек присоединился к группе и точно так же застыл в почтительной позе, не проявляя признаков беспокойства.

— Не нравится мне это... — начал водитель министра.

В то же мгновение с двух сторон «Мерседеса» возникли две тени, дверца машины со стороны водителя распахнулась, раздался глухой удар, и водитель лёг головой на руль.

Распахнулась вторая дверца, и на сиденье рядом с Зарубовым сел человек в маске, сунул ему в бок ствол пистолета.

— Что происхо... — пискнул министр.

— Спокойно, Юрий Михайлович! — жёстко и мрачно произнёс гость. — Мы из «чистилища». Надеюсь, слышали о таком лечебном учреждении? Хотим вас предупредить: верните государству награбленное, приведите свои дела в соответствие с законом. Подавайте в отставку. Понадеетесь на свои связи и милицию — не проживёте и дня. Это предупреждение первое и по-

следнее. Мы будем следить за вами, и, как только вы зашебуршитесь, надеясь на власть, мы вас уберём. Договорились?

— В-вы не им-меете права...

— Имеем, — усмехнулся человек в маске. — Если не работает конституционный институт власти, гарантирующий исполнение законов, значит, нужен другой механизм поддержки справедливости. Этот механизм — мы.

Гость бросил на колени министра чёрную визитку с золотым кинжальчиком и словом «СМЕРЧ».

— Мы будем прослушивать все ваши телефоны. Начнёте жаловаться, искать нужных людей в спецслужбах — пощады не ждите. И особенно не верьте господину Меринову. Вас он не защитит, поверьте моему слову. До свидания.

Человек в маске открыл дверцу и растворился в ночи.

А Зарубов, млея, остался сидеть в машине, в голове — ни одной мысли, дым и туман, на душе — смута. Когда он очнулся, на дороге никого не было, кроме телохранителей. Как и куда скрылись инспекторы дорожно-патрульной службы во главе с майором, было непонятно.

Юрий Михайлович поднял чёрный прямоугольничек к глазам, руки задрожали, и только после этого он испугался по-настоящему.

Впоследствии ни один охранник, включая водителя, не вспомнил этой встречи...

Глава 15

NIHIL EST INTELLECTU

В отличие от Вахида Тожиевича Самандара, комиссара возрождённого «чистилища», разрабатывающего теорию расходимостей и отражений Вселенской Реальности, Хранитель Матфей занимался этой теорией практически, то есть исследовал переходы слоёв «розы реальностей» в особых точках — «зонах сходимости». Одной из таких точек являлся «мир локона Ампары», другой — эйнсоф, узел пересечения в с е х «лепестков розы», место удивительных явлений и эффектов, не передаваемых никакими словами ни на одном из языков мира. Даже самый богатый, гибкий и вариативный язык — русский не мог помочь выразить всей гаммы ощущений, охватывающих душу исследователя, когда он

«зависал» над эйнсофом в виде бесплотного призрака и начинал скользить над многомерным океаном неизведанных сложнейших метафизических глубин материи.

Матфей, обладающий статусом Посвящённого Двадцатой ступени, мог бы давно переселиться в «розу», занять одно из «пустых» пространств и создать свою метавселенную, отвечающую его запросам и требованиям, как это делали большинство иерархов Круга. Но всё же на нём лежал груз ответственности Хранителя Материнской реальности, поэтому он считал себя не вправе бросить её на произвол судьбы, понимая, что это чревато негативными последствиями. Плохо ли, хорошо ли, но каста Хранителей выполняла свои обязанности, уберегая земную цивилизацию от быстрой гибели, завладей кто-либо из её лидеров Великими Вещами Мира, хранившимися в «модулях иной реальности».

Была у Матфея и личная забота — беречь в МИРе Акарин под эвенкийской столицей Иерихонскую Трубу, или Свисток, как его называли с долей иронии сами Хранители, по легенде — генератор «музыки сфер», способствующий вызову Творца Материнской реальности. Матфей не знал, так ли это на самом деле, способен ли Свисток позвать Творца, так как никогда не брал его в руки и не экспериментировал с генерацией «музыки сфер». Но был уверен, что Вещь эта непредсказуемо опасна.

После разговора с Посвящёнными, изъявившими желание воссоздать «чистилище», что не могло, конечно же, в полной мере заменить Закон Справедливости, Матфею даже захотелось проверить, на месте ли Свисток. Он собрался было навестить свой «подотчётный» МИР, трон которого хранил эту Великую Вещь — в определённом временном отрезке, но в этот момент в доме Матфея объявился гость.

Конечно, Хранитель мог бы в любое время получить любую квартиру в любом новом доме, в том числе апартаменты класса люкс. Однако предпочитал не выделяться из массы народа, где бы ни жил, поэтому в Туре имел обычный деревянный дом полувековой постройки, расположенный на окраине города, на берегу Нижней Тунгуски. Соседи знали его как степенного и мудрого старика, способного исцелять людей от многих болезней, и всегда шли к нему за советом или с просьбой о помощи. Матфей не отказывал. Хотя его истинного имени здесь никто не знал. Жил Хранитель в Туре под именем Михаила Кожегетовича.

А вот появление гостя его огорчило, потому что тот свободно

проник в дом, накрытый магической «печатью отталкивания». Преодолеть такую «печать» — по сути заклинание не смог бы и Посвящённый высокого ранга.

Гостем же оказался бывший декарх и спутник Матвея Соболева Тарас Горшин, Отступник, как его продолжали называть меж собой Хранители. Была у него и кличка — Граф, также сохранившаяся за ним со времён рождения первого «чистилища» — «Стопкрима».

— Здрав будь, Михаил Кожегетович, — сказал он, входя в горницу из сеней.

— И ты будь здоров, Граф, — ответил Хранитель невозмутимо. — Что привело тебя в наши края на сей раз?

— Нужна твоя помощь.

— Присаживайся. Чай будешь, с девясилом?

— Не откажусь, — кивнул Тарас. — Иногда душа просит чего-то человеческого. Чай с наркотиком я ещё не пил.

— Девясил не наркотик.

— Я шучу.

Матфей принёс чайник, разлил по чашкам ароматный дымящийся напиток, подал одну гостю. Сел за стол сам.

— Ты знаешь, что убит Никандр?

— Это дело рук Германа Рыкова, он ищет Великие Вещи Мира, надеется стать единоличным Владыкой Материнской реальности.

— Вряд ли это достижимо.

— Но доступ к Интегратрону он уже получил. Пора его останавливать.

— Ты же готовил к этой работе своего протеже.

— Артур Суворов не мой протеже, а Светлены.

— Пусть так, и что же? Он согласился стать Воином Закона? Забыть обо всём личном? Отказаться от мирских забот?

— Парень далеко не воин, хотя и любит рисковать, как ни странно. В принципе Воин Закона нам сейчас не нужен, нужен Архитектор Согласия, что важнее.

Матфей бросил на собеседника, сидевшего в обманчиво расслабленной позе, скептический взгляд.

— Для этого деяния нужен Посвящённый очень высокого ранга, а насколько мне известно, ваш ученик — обыкновенный человек.

— Не совсем обыкновенный, у него есть неплохой паранормальный запас, и он легко овладел тхабсом.

— Тем не менее по сути ты его подставил.

— Я этого не хотел. Чтобы поправить положение, нужен сильный человек, способный стать Воином. Но коль такового у нас нет, возможен и другой вариант.

— А если он не справится?

— Если парень не сможет стать Архитектором Согласия, послужит приманкой для слуг Монарха, отвлечёт их и самого Конкере. А мы за его спиной успеем перестроить систему защиты «розы» таким образом, чтобы никто из иерархов, даже такой крутой, как Монарх, не смог больше по своему усмотрению проводить Изменения.

— Этот ваш парень... Артур... знает о ваших замыслах?

— Нет, но узнает, обещаю. Мне он нравится. А волевой характер — дело наживное, как и профессионализм. Как говорил поэт:

Да пребудут в целости,
Хмуры и усталы,
Делатели ценностей —
Профессионалы.

— Что ж, тебе виднее. Меня отыскали Посвящённые, Василий Котов, Иван Парамонов и Вахид Самандар.

Тарас дёрнул щекой, намечая улыбку.

— Да, у них непростая задача — отвлечь на себя Рыкова. Хотя и они об этом ещё не знают.

— Мне помочь им?

— Как велит душа.

— Ты бы помог?

— У меня иное положение, если ты в курсе. Я исполняю обязанности диарха и поэтому обязан сохранить существующее равновесие в «розе» до прихода инфарха.

— Ты знаешь, кто он?

— Догадываюсь.

— Думаешь, он справится с Монархом?

— Если каждый из нас не встанет на путь сопротивления Конкере, не поможет никакой инфарх.

— Неужели Монарх пойдёт на Изменение?

— Непременно. Он слишком долго ждал этого часа и теперь жаждет отомстить всем, кто содействовал его заключению в «спецлагерь».

— С чего он начнёт?

— Возможны три этапа грядущего передела мироустройства. Первый — использование Зверя Закона для уничтожения иерархов и Хранителей, которые могли бы объединиться и дать ему отпор. В принципе, этот этап уже начался. Второй — подчинение системы МИРов, образующих мощную энергосистему, имеющую каналы отсоса энергии из вакуума. И последняя фаза — зомбирование всего населения Земли, то есть создание Эгрегора Тьмы.

— Третья фаза лишняя.

— Возможно, хотя, если Монарху удастся запрограммировать людей, уже никто и ничто не сможет ему помешать выполнить замысел. Вот почему я вынужден просить Хранителей вскрыть схроны с кое-какими Великими Вещами. Без них мы обречены на неудачу.

Матфей задумался, поглаживая подбородок.

Тарас допил чай, налил ещё.

— Славная жидкость, рот ласкает, давно такой не пробовал.

— Хорошо, — очнулся наконец Хранитель. — Я помогу. Хотя не уверен, что поступаю правильно. Что конкретно тебе нужно?

— Не мне — избраннику Светлены. Свисток, разумеется.

— Эта Вещь подчинится далеко не каждому Посвящённому.

— И все же я прошу именно её.

Хранитель снова в сомнении взялся за подбородок, но заметил ироничные искры в глазах собеседника и поднялся из-за стола:

— Пошли.

Короткий «полёт» в «колодце тьмы, тишины и невесомости». Выход в свет.

Пещера, ажурный замок Акридидов.

— Сакральная геометрия, — проговорил Тарас, окидывая взглядом сооружение разумной саранчи. — Какие формы, какие пропорции... и где теперь её создатели? Нет их! Возможно, лет через пятьсот и наши произведения искусства и архитектуры станут предметами хранения... если человечество уцелеет. Иной раз вдруг приходит мысль: зачем я пытаюсь кому-то помочь, кого-то спасти? Ведь ясно, что человечество — очередной эволюционный тупик коллективной формы разума, каким была и вся великая цивилизация Инсектов. Монарх лишь отодвинул финал этой формы разума в глубь тысячелетий. Кстати, ты не задумывался, почему в «розе» существует целый «подвал» с «пустыми» реальностями? Или почему и для кого созданы миры псевдо-

римановых пространств, обладающих большим разнообразием свойств, нежели евклидово? Почему вообще существуют реальности, не поддающиеся геометрическому описанию?

— Задумывался, — тихо ответил Матфей, также глядя на замок Акридидов. — Мы — не единственные сущие в Мироздании. Творец позаботился и о других.

— Правильно, — согласился Тарас, оглядываясь с некоторым удивлением. — Мышление — всего лишь способ формирования нового знания, должны существовать и другие способы, а вместе с ними — и носители разума других типов. Но к делу, дружище, время не ждёт. Ты возьмёшь меня с собой или сходишь за Свистком сам?

Матфей поколебался немного, раздвинул сухие губы в полуулыбке.

— Ты ведь всё равно знаешь, где он хранится?

— Тысяча семьсот двадцать шестой год, канун учреждения в России Верховного тайного совета, к которому перешли некоторые полномочия Сената.

Матфей кивнул, не удивляясь познаниям собеседника.

— Я возглавил этот Совет, будучи одним из кардиналов Союза Неизвестных. Идём, я покажу тебе Свисток.

Один за другим они проникли в замок, поднялись в тронный зал царя Акридидов, подошли к саркофагу, внимательно «посмотревшему» на них.

— Ты поставил не простую печать, — прищурился Тарас.

— «*Сарва-ракша-кара*», раппорт с качественной ориентацией отрицательного заряда на смерть грабителя, если таковой здесь объявится.

— Недурно.

— Поехали.

Прыжок в прошлое ничем не отличался от обычного тхабс-режима.

Погружение в тёмный беззвёздный колодец, падение, удар в ноги, свет.

Тот же тронный зал, тот же саркофаг царя Акридидов, но свет в зале другой — б е с т е н е в о й, прозрачный, живой, пронизывающий все предметы и тела гостей.

Матфей гулким басом произнёс короткую фразу.

И тотчас же перепончато-кристаллическая друза саркофага начала изменяться, течь, вырастать в размерах, пока не превра-

тилась в подобие гигантской валторны, отсвечивающей тусклым серебром.

Конечно, форма этого сооружения была намного сложней, глаз не мог оценить всех его удивительно гармоничных переходов и пересечений, и всё же сразу было видно, что это некий м у з ы к а л ь н ы й инструмент, а не что-нибудь иное.

— Иерихонская Труба! — проговорил Тарас с изрядной долей сарказма и в то же время с некоторой опаской. — Я представлял себе нечто подобное, но действительность превзошла все ожидания. Кстати, ты не задумывался, почему Инсекты пытались создать и другие системы прямого воздействия на реальность, в том числе такие, как саркофаги, реализующие формулу тхабса, а люди, их потомки, могут пользоваться тхабсом без всяких приспособлений?

— Таков был замысел Конкере. Разве нет? Или у тебя есть другое объяснение?

Тарас подошёл к Иерихонской Трубе ближе, дотронулся до крутого бока нижней трубы, и между ними проскочила ветвистая электрическая искра.

— Я полагаю, что мы, люди, имеем встроенные в геном механизмы реализации сверхвозможностей, такие как тхабс, кодон, Гхош, Щиты Дхармы и другие. То, чего Инсекты достигали с помощью искусственных приспособлений, мы можем достичь мысленно-волевым усилием. Не все, потому что живых людей на Земле мало, большинство из них — с о т в о р ё н н ы е, по сути биороботы, не отличающиеся с виду от истинно людей.

— Я это знаю, — хмыкнул Хранитель. — Конкере делал свое Изменение ступенчато, в два этапа. Когда у него ничего не получилось с прямым магическим воздействием на Инсектов, он их «сбросил» в «яму регрессивного масштабирования», а на Блаттоптера испытал метод ускоренного девиантного мутагенеза, получив собственно вид хомо сапиенс. Но я не уверен, что он встроил в нас механизмы тхабса, ясновидения, телепатии, левитации...

— Не он, — качнул головой Тарас.

— А кто? — удивился Матфей.

— Тот, кто отвечает за истинный порядок вещей.

— Творец?

— Безусловно Первый. Втайне от Конкере. Но это мои догадки, пока ещё не проверенные. Не хочешь попробовать свистнуть в эту свистульку?

Матфей нахмурился.

— Это несерьёзно.

Тарас склонил голову к плечу, снова коснулся пальцем изгиба Иерихонской Трубы, и та вдруг колыхнулась, как гора мыльной пены, засветилась изнутри радужными переливами, эти волны света перетекли на тело Горшина, миг — и вся огромная конструкция стремительно сжалась в точку, погасла. Перестал светиться и Тарас. На его ладони лежала маленькая, невзрачная с виду, берестяная трубочка с дырочками. Свирель.

Матфей невольно покачал головой.

— Иногда мне кажется, что ты не тот, за кого себя выдаёшь. Во всяком случае т а к свернуть Свисток я бы не смог.

— Кто знает, что мы можем, а чего нет, — рассеянно сказал Тарас, любуясь «свирелью», спрятал её в карман. — Поехали в наши времена.

Через несколько мгновений они преодолели «колодец темноты» и оказались в том же тронном зале царя Акридидов. Только здесь его саркофаг имел прежнюю форму, будто и не прятал внутри себя чудесное изделие хозяев — Иерихонскую Трубу.

— Прощай, дружище. — Тарас подал руку Матфею. — Береги тайну МИРа и будь готов к атаке Рыкова. Он научился ориентированно отсасывать пси-энергию у больших коллективов людей, и кто-то из наших подсказал ему идею о хронорежимах тхабса. Будь здоров.

Тарас исчез.

Матфей задумчиво прошёлся по тронному залу, заложив руки за спину, собрался было «лететь» домой и вдруг почувствовал дуновение холодного ветра — на уровне интуиции, психического озарения. Кто-то появился в пещере с замком Акридидов, ощутимо сильный и опасный.

Матфей мгновенно перестроил системы ситуационной защиты на создание сферы адекватного ответа, вышел из замка под своды пещеры, но вместо Рыкова, о котором подумал мимолётно, увидел молодого человека сурового вида, высокого, широкоплечего, светловолосого, сероглазого, одетого в нечто напоминающее кольчужный комбинезон, отсвечивающий зеленоватым металлом.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, не двигаясь, потом Хранитель узнал гостя:

— Стас Котов?!

— Ты Хранитель Матфей, — ответил молодой человек ровным голосом. — Мне нужны две Великие Вещи, которые хра-

нятся в твоём МИРе, — Иерихонская Труба и Трансформатор. Отдай их мне.

Первую половину нашей жизни губят наши родители, вторую — наши дети, вспомнил Матфей шутку известного юмориста. Усмехнулся.

— Значит, это правда? Ты теперь не оруженосец Воина Закона, а цепной пёс Монарха?

— Отдай Вещи, и будешь жить, — тем же странным безразличным тоном произнёс Стас.

— Передай своему боссу, что он напрасно вышел из острога. Любое его деяние в нынешние времена — наказуемо, поэтому реакция мира будет адекватной.

Стас взялся за рукоять меча, торчащую над плечом за спиной, выхватил его одним движением, и Матфей невольно отступил назад, узнав синкэн-гата — «устранитель препятствий».

— Мальчик, ты понимаешь, что делаешь?

— Вещи!

Клинок меча, состоящий из множества с виду не соединённых между собой блестящих ромбов, удлинился на несколько метров, почти упёрся в грудь Хранителя.

— Ну?!

— Нет!

— Я убью тебя без сожаления, старик!

— Но и Вещей не получишь. К тому же их давно забрали из схрона.

— Ты лжёшь!

Острие меча больно кольнуло грудь Матфея. Он увеличил «плотность» защитного заклинания, отчего меч немного отодвинулся и покрылся слоем белых искр.

— Ты вздумал мне сопротивляться?!

Глаза Стаса вспыхнули мрачным огнём.

Меч снова устремился вперёд, с трудом преодолевая защитное поле Хранителя.

И в этот момент за спиной Стаса просияла прозрачная фигурка женщины ослепительной красоты.

— Ста-а-а-ас!..

Молодой человек оглянулся.

Меч его стремительно вернул свои прежние размеры.

И Матфей не стал ждать новой атаки бывшего оруженосца Воина Закона. Через мгновение тхабс унёс его из подземной пещеры в наземный мир.

Глава 16

ПАО

Отец позвонил рано утром, и Артур вынужден был на ходу придумывать историю, почему он в Москве, в то время как должен находиться в экспедиции по Эвенкии и Красноярскому краю. Пообещав заехать к родителям в ближайшее время, Артур окончательно проснулся, но вставать не спешил, вспоминая свои походы в иные миры «розы реальностей». Об этом он отцу рассказывать не стал, справедливо полагая, что Суворов-старший сочтёт его приключения приступом шизофрении или посталкогольным бредом. С другой стороны, надёжней человека Артур не знал и теперь размышлял, как подать отцу историю с «колдуном» и активацией тхабса, чтобы он поверил и в случае чего мог помочь хотя бы советом.

Вчерашний день прошёл под знаком испытания новых возможностей путешественника по «розе».

Сначала он побывал на Луне и на Марсе, испытав защитные свойства тхабса, синтезирующего нечто вроде невидимого скафандра вокруг владельца. Потом полюбовался на кольца Сатурна с поверхности его спутника Мимаса, «слетал» на Плутон, изумившись удивительному феномену нависшей над ажурно-пористым горбом планеты округлой снежной горы — спутника Харона.

Вернулся домой, взял фотоаппарат и видеокамеру и до вечера снимал виды планет Солнечной системы, понимая при этом, что вряд ли сможет кому-то показать снимки и видеофильм. Но душа требовала всё новых и новых впечатлений, и он снимал, снимал, снимал, меняя плёнку и видеокомпакты, пока не устал и не пресытился окончательно поражающими воображение видами планет и их спутников. Последним пунктом его ознакомительного «космического» путешествия стал Меркурий, с поверхности которого Солнце казалось не звездой, не материальным объектом с конечными размерами, а горнилом преисподней, где плавились пространство и время.

Вечером, позвонив скульптору Валере, Артур отправился в ресторан «Алые паруса» у метро «Щукинская», располагавшийся на втором этаже одноимённого торгового центра.

Вечер выдался жарким и душным, но в ресторане работали кондиционеры, поэтому приятели с удовольствием принялись

смаковать бочковое пиво «Гиннес», беседуя на разные темы, задевшие чувства обоих. Артура так и подмывало похвастаться Валере своими открытиями, но он сдерживался, помня совет Тараса держать язык за зубами.

Валера спросил, продал ли он алмазы, Артур ответил, что продал, не вдаваясь в подробности своего контакта с покупателем.

Поговорили о новых приобретениях олигарха Ромы Рэмбовича, затеявшего ремонт яхты, стоимость которого оценивалась экспертами в сто сорок миллионов долларов. Пришли к обоюдному согласию, что Рома просто глумится над российским народом, демонстрируя удивительное презрение к тем, кого он, по сути, умело обокрал.

— В конце концов его замочат, — авторитетно заявил Валера. — Слышал о возобновлении работы «чистилища»? Эта организация теперь называется «СМЕРЧ» и уже нанесла несколько точечных ударов по коррумпированным чиновникам. Об этом пишут все газеты.

— Я не читаю газет, — смутился Артур. — Хотя помню, что-то такое я слышал год назад. Глушили бандитов и всякую шелупонь.

— А теперь те ребята взялись глушить рыбу покрупнее.

— Флаг им в руки. Интересно, надолго их хватит? За ними же наверняка начнут охоту милиция и спецслужбы.

— Не знаю, насколько их хватит, но, судя по всему, намерения у них серьёзные, да и слова не расходятся с делом.

Артур засмеялся.

— Чтобы слова не расходились с делом, надо молчать и ничего не делать. Ты им сочувствуешь, я гляжу?

Валера тоже улыбнулся.

— Во всяком случае, они заставят чиновников меньше воровать. А ты себе верен: газет не читаешь, политикой не интересуешься, гоняешься за призраком удовольствия. Не хочешь остепениться, завести семью, детей?

Артур махнул рукой.

— Ещё не вечер. Мой отец женился в тридцать, и ничего, счастлив, так что время у меня есть. Как говорил поэт: «В юдоли, где мы обитаем, любое деяние — зло». Так что лучше и в самом деле ничего не делать.

— Что за поэт? Пастернак, что ли?

— Живёт в Волгограде Евгений Лукин, классный поэт и писатель. Я с ним лично не знаком, а стихи читал и люблю. Ну что,

скульптор, с пивом завязываем? Может, махнём в местный боулинг-клуб? Или ты предпочитаешь проводить вечера в казино?

Валера поскучнел.

— В казино я давно не ходок, женился, живу тихо... Есть у меня, конечно, компания, в картишки перекидываемся, «пульку» пишем раз в две недели, этого достаточно.

— Помню, ты любил азартные игры.

— Года два никуда не хожу, с тех пор, как помер мой сосед по лестничной площадке, Радик Муратов, не слышал?

— Откуда? Что за личность?

— Бывший актёр, между прочим, играл Василия Алибабаевича в «Джентльменах удачи». Очень азартным игроком был, на бега ходил, иногда выигрывал, но чаще проигрывал и жил почти как бомж. Я его всегда жалел, мужиком он был неплохим, а буквально за день перед смертью — инфаркт у него случился — он меня предупреждал: Валера, брось играть, это плохо кончается. Вот я и завязал после его смерти.

Артур хотел пошутить, но посмотрел на погрустневшего приятеля и передумал. Перевёл разговор на другую тему.

А в боулинг-клуб они так и не пошли. Досидели вечер в ресторане, вспоминая общих знакомых, друзей, совместные игры и походы по Селигеру на лодках, с чего и началась у Артура любовь к экспедициям на природу, и разъехались в разные стороны: Суворов к себе в Мневники, Валера в Тушино.

— Вставай, лежебока, пора включаться в жизнь, — прервал свои воспоминания Артур и разгибом вперёд соскочил с кровати, так что застонали пружины. Пришла идея не откладывать визит к родителям в долгий ящик, чтобы не мучила совесть, а потом заняться изучением Мироздания, оказавшегося совсем не таким, каким его представлял себе геолог двадцати семи лет от роду.

Он по привычке поотжимался от пола на кулаках, принял душ, сварил кофе и в половине восьмого пулей вылетел из подъезда, едва не сбив входящую в дом девушку.

— Извините, пож... — оглянулся он, и язык прилип к гортани.

На него смотрела... незнакомка из сна, только не блондинка, а шатенка, с шапкой вьющихся волос, опускавшихся на плечи, да и одета она была не в белые перистые одежды, напоминающие «ангельские» крылья, а в нормальное земное платье, корот-

кое, обтягивающее отличную фигуру, голубоватое, с полупрозрачными белыми разводами.

— Торопитесь? — улыбнулась она; голос у девушки тоже был под стать фигуре, грудной, глубокий и красивый.

— Д-да... нет! Извините, задумался.

Девушка кивнула, окинув Суворова заинтересованно-оценивающим взглядом, двинулась дальше, к лифту.

Артур вдруг испугался, что больше никогда её не увидит.

— Простите ещё раз...

— Да? — оглянулась она.

— Вы здесь живёте?

— Нет, здесь живёт моя подруга.

— То-то я вас никогда раньше не встречал. Как вас зовут?

— Светлана.

— Меня Артур, я живу на пятом...

— Ради бога, я спешу, Артур, мы с Катей в девять должны быть в деканате МГУ.

— Так я вас могу подвезти, — обрадовался он. — Я сейчас в... отпуске и никуда не тороплюсь. Честное пионерское!

Светлана снова улыбнулась, так что у него сильнее забилось сердце, поколебалась немного, теребя ремешок белой сумочки, потом согласилась:

— Хорошо, мы сейчас спустимся. Вечно Катерина собирается как сонный удав.

Артур фыркнул.

Светлана скрылась в лифте.

Он ударил кулаком о ладонь, торжествующе воздел руки вверх и вприпрыжку побежал к машине, стоявшей напротив подъезда, не обратив внимания на подъехавший почти вплотную к входной двери серебристый «Фольксваген Пассат».

Светлана с подругой, оказавшейся симпатичной пухленькой блондинкой с ямочками на щеках, выбежали через десять минут.

Артур вышел из машины, распахнул заднюю дверцу, собираясь пригласить дам в кабину, но опоздал.

Из «Фольксвагена» выскочили двое парней в сетчатых майках и шортах, преградили девушкам дорогу.

— Привет, пташки, садитесь, мы вас подбросим. Костя классный водила, правда, Кость?

— Ага, — кивнул напарник говорившего, похожий на него, как родной брат.

— Отстаньте! — Катя сбросила с локтя руку парня. — У нас уже есть водитель.

Парень оглянулся на Артура, озадаченного таким поворотом событий.

— Этот шибздик? Да он лох, не видите, что ли? И машина у него — ящик с болтами. Поедем на нашей.

— Пропустите! — тихо, но твёрдо сказала Светлана, также сбрасывая руку парня с плеча.

— Ох, ох, какие мы недотроги, — проговорил второй парень, кривляясь. — Серёга сказал, чтобы мы привезли тебя к нему. Так что садись и не ерепенься.

— Да что вы к нам пристали? — повысила голос Катя. — Мы с вами не поедем!

Выходившие из подъезда пожилые мужчины оглянулись на неё, но задерживаться не стали. Лишь выгуливавшая во дворе собаку девчушка остановилась, глядя на разыгравшуюся сцену.

— Ты можешь катиться на все четыре стороны. А ты, — палец сетчатого ткнул Светлану в грудь, — поедешь с нами, Серёга ждёт.

— Не поеду! — Девушка прикусила губу, бросила на Артура беспомощно-независимый взгляд. — Я не хочу его видеть. Никогда! Понятно?

— Это ты ему скажешь. — Парень вцепился Светлане в локоть, подтолкнул к машине. — Садись!

Артур сжался, решая непростую для себя дилемму.

Светлана явно знала братьев, поэтому не хотела поднимать шум, и в то же время она не имела никакого желания ехать с ними. А сам Артур не хотел встревать ни в какие конфликты, уж больно хорошо началось утро. Да и уйти мог в любой момент: сесть в машину и уехать либо вообще воспользоваться тхабсом. Однако взгляд Светланы был столь красноречив, что не оставлял ему никакой альтернативы.

— Эй, мужики, — шагнул он к парням, — дамы не хотят с вами ехать, неужели не понятно? Они поедут со мной.

— А ты из какого обезьянника вылез? — ненатурально удивился первый; у него была царапина на щеке. — Заткнись, люфти в тачку и вали отсюдова, понял?

Артур снова пожалел, что утро перестаёт ему нравиться, сжал кулаки и сделал ещё шаг к сразу посерьёзневшим парням. Драться по-прежнему не хотелось, зато вдруг пришло удивительное чувство понимания ситуации, развернувшее внутри него некую, независимую от сознания деятельность.

Сначала он оценил потенциал противника.

Парни имели впечатляющие мускулы, но б о й ц а м и не были, судя по отсутствию в их аурах «профессионально-воинских» световых полос. Один носил на поясе чехол с ножом, второй — кастет в кармане. Вполне возможно, что в машине хранилось и огнестрельное оружие: пистолет или помповик. Но до машины им ещё надо было добраться, а мастер боя на месте Артура вряд ли дал бы им этот шанс. Но вот мастером боя Артур как раз и не был, поэтому мысль его пошла дальше, прикидывая варианты дальнейших действий и выбирая оптимальную стратегию поведения.

Вариантов развязки ситуации оказалось всего три.

Первый — драться. Тем более что приёмов боя парни не знали (это ощущение появилось в голове Суворова само собой, и он ему поверил), а двигаться так, как научил его Тарас, они едва ли умели.

Второй — мирно договориться, пойти на компромисс, поломать дурака, уговорить противника не доводить конфликт до вызова милиции. Этот вариант, наверное, мог бы сработать, но Артур наверняка потерял бы в глазах Светланы шарм героя, а такого исхода событий он не желал.

Третий вариант был самым экстравагантным и эффектным, и Артур решил рискнуть, хотя исполнять его следовало с ювелирной точностью.

Он «перешёл в темп», как учил его Тарас, то есть ускорил движения до такой степени, что выпал из поля зрения всех присутствующих, и оказался рядом со Светланой, подал ей руку:

— Разрешите?

Парни обалдело переглянулись.

Светлана, широко раскрыв глаза, протянула ему свою руку.

— Мадам, ваша очередь. — Артур галантно протянул вторую руку её спутнице. — Прошу вас.

Катя, удивлённая не меньше подруги, безропотно взяла его за руку.

— Идёмте.

— Ах ты, хрен моржовый! — опомнился парень с царапиной. — Я же тебя по асфальту размажу!

Он с размаху ударил Артура кулаком в лицо. Точнее, хотел ударить. Потому что внезапно асфальт тротуара перед ним стал жидким и встал стеной, отгородив Суворова с девушками от напа-

давшего. Кулак парня врезался в эту стену, он вскрикнул от боли и удивления, отшатнулся.

Вздрогнувший Артур (чего греха таить, он боялся, что Дзи-но-рин не сработает, а по морде при свидетелях получать не слишком приятно) рассмеялся с облегчением.

Стена асфальта покрылась трещинами и рассыпалась холмиком крошек и более крупных кусков.

Парень в майке, прижав окровавленный кулак к губам, и его брат смотрели на противника, вытаращив глаза, ничего не соображая. Да и девушки выглядели ошеломлёнными, и Артур сказал небрежно, словно ничего особенного не произошло:

— Кто с чем к нам зачем, тот от того и — того. Уяснили, мальчики? Или кто-нибудь рискнёт повторить эксперимент?

Парни переглянулись. Их пыл угас. Оба были потрясены и продолжать задираться больше не хотели.

— Бонжур, месье.

Артур усадил спутниц в кабину «Лады», сел за руль. Машина выехала со двора.

— Как вы это делаете? — спросила Катя, пошептавшись с подругой.

— Я ещё и вязать умею, — похвастался Артур, — и варенье варить, яичницу жарить.

Девушки засмеялись, оценив шутку. Потом Светлана сказала задумчиво:

— Это было похоже на колдовство. Вы случайно не колдун?

Артур понял, что у него есть шанс заинтересовать красивую незнакомку, оглянулся на неё с таинственным видом.

— А вы как думаете?

— Не знаю. Но то, что вы продемонстрировали, обычный человек сделать не в состоянии.

— Это всего лишь *сарва-ракша-кара*, — произнёс Артур самодовольно. — Защита от зла с помощью Дзи-но-рина.

— Что?

— Дзи-но-рин, один из Щитов Дхармы, отражающий земной уровень защиты от зла.

— Как интересно! — воскликнула Катя.

— Давайте встретимся вечером, сходим в какой-нибудь ресторанчик, побеседуем на всякие-разные темы. Не возражаете?

Девушки переглянулись.

— Я согласна, — захлопала в ладоши Катя.

Светлана ответила более сдержанно:

— Всё будет зависеть, успеем мы с тобой решить все проблемы или нет. Запишите мой мобильный и позвоните после шести.

— Хорошо, — кивнул Артур, сдерживая нетерпение. Не хотелось отпускать Светлану от себя ни на шаг, однако и настаивать на встрече не стоило, у девушки явно испортилось настроение, и думала она о своих проблемах, а не о беседах с «колдуном».

Артур высадил подруг у физфака МГУ: как оказалось, обе учились на втором курсе и обе завалили весенний экзамен по физике, из-за чего вынуждены были теперь его пересдавать — и с лёгким сердцем поехал к родителям.

Настроение, несмотря на «магический» контакт с приятелями какого-то Серёги, надо полагать, бывшего друга Светланы, было приподнятое. Жизнь рисовалась в розовых тонах. Впереди было знакомство с исключительно милой и красивой девушкой, да ещё к тому же похожей на женщину, привидевшуюся Артуру на берегу реки Джелиндукон, тайна такого совпадения будоражила душу, а так как Артур, в общем-то, был молод и романтичен, большего искуса для него не существовало, чем разгадывать загадки и тайны.

У родителей он пробыл больше часа, чем несказанно обрадовал мать, соскучившуюся по сыну, позавтракал, побеседовал с отцом, оставшимся довольным здравыми рассуждениями сына о жизни и о своих планах, но от рассказов о своих «тхабс-космических» путешествиях воздержался. Вряд ли воспитанные в традициях «бытового реализма» родители поверили бы в правдивость его историй. Да и волновать их не стоило, даже если бы они и поверили сыну. Потому что он сам не знал, что ждёт его впереди.

Ровно в шесть часов вечера Артур позвонил Светлане по мобильному телефону и услышал радостное известие:

— Экзамен мы сдали, но Катя в кафе пойти не сможет, у неё мама в больнице, она поедет к ней. Может, отложим встречу?

— Ни в коем случае! — ответил Артур как можно твёрже. — С Катей мы в следующий раз встретимся. Куда пойдём?

— Мне всё равно. Можно в кафе на Арбате.

— А если в ресторан?

— Я по ресторанам не хожу, — смутилась Светлана.

— Ладно, пойдём в кафе, где встретимся?

— Я сейчас недалеко от книжного магазина «Москва» на Тверской.

— Жди у магазина, буду минут через сорок.

Глянув на себя в зеркало, висящее в прихожей, Артур остался доволен внешностью — он надел белую рубашку без ворота и белые брюки (вспомнился «колдун» Тарас, которому очень шёл его белый костюм) — и ссыпался по ступенькам вниз, не дожидаясь лифта. К магазину «Москва» он умудрился добраться за тридцать три минуты, несмотря на вечерний час пик.

Светлана прохаживалась у подземного перехода напротив книжного магазина, тонкая, гибкая, обаятельная, на неё посматривали проходившие мимо мужчины, и у Артура проснулась странная ревность (чего пялитесь не на своё?) и гордость (это м о я девушка!), хотя они едва-едва познакомились и ни о каком продолжении знакомства речь пока не шла. Было лишь неистовое желание это знакомство продолжить.

Она увидела Суворова, подбежала, тем самым невольно улучшив его и без того нетерпеливо-радостное настроение.

— Наконец-то, я уже заждалась.

Артур хотел было возразить, что он приехал на семь минут раньше, чем обещал, но прикусил язык: по опыту он знал, что спорить с женщиной, а тем более красивой, может себе позволить только идиот.

— Прости, пробки.

Сели в машину, тронулись.

Артуру понравилось, что Светлана не заговорила о марке машины, — судя по её оценивающему взгляду, она понимала толк в автомобилях, — он заговорил о своём водительском стаже, — впервые он сел за руль автомобиля пятнадцать лет назад, хотя права получил только после совершеннолетия, — затем о типах машин. Светлана проявила интерес к теме, и в лёгком трёпе прошло время в пути, пока они не припарковались у ресторана «Прага», чтобы начать обход арбатских кафе.

Отдыхающих в этот вечер на бульваре оказалось немного, да и те были в основном приезжие, судя по их поведению. Москвичи предпочитали отдыхать на морях, август этим летом выдался таким жарким и душным, что не хотелось даже думать о прогулках по раскалённым за день тротуарам. Тем не менее молодой паре это не помешало пройтись по плитам знаменитого московского «бродвея» и навестить три из двух десятков летних кафе, многие из которых пустовали по причине отсутствия кондиционеров.

В одиннадцать часов вечера Светлана вспомнила, что пора домой, и Артур с сожалением повёз девушку в район Марфино; жила она на улице Академика Комарова.

Беседа как-то сама собой увяла. На вопросы Светы: как объяснить происшедшее во дворе дома Артура и что такое Дзи-норин — он прямо не ответил, отшутился, и это ей не понравилось. Не помогли даже красочные рассказы о путешествиях по России и по разным странам мира, где удалось побывать Суворову до своей последней экспедиции в Эвенкию. Он похвастался ей и добытыми алмазами, подарив один из самых красивых камешков (она долго отказывалась, но Артур уговорил взять), но и это не поддержало беседу. То ли Светлана устала, то ли всё время думала о каком-то Серёге, от которого зависела каким-то образом, то ли Артур и в самом деле повёл себя слишком традиционно, то есть без изыска, откровенно, что и явилось причиной угасания интереса к беседе. Испугавшись, что в следующий раз она откажется встречаться, он взял и ляпнул, когда прощался с ней у подъезда старого двенадцатиэтажного дома:

— А хочешь, я покажу тебе звёзды?

Девушка подняла голову к небу (он с трудом преодолел желание поцеловать её в этот момент), где сквозь дрожащее марево городского воздуха показались светлые точечки звёзд.

— Эти?

— Нет, настоящие. Ну, в том смысле, что их можно увидеть с поверхности других планет.

— Шутишь?

— Ни в коем случае, я уже путешествовал по «розе»... э-э... по Вселенной, даже в ядре Галактики побывал. Хочешь, покажу?

— Хочу... если не шутишь...

— Тогда дай руку и сосчитай до трёх. Сначала слетаем на Меркурий, и ты увидишь Солнце с расстояния всего в сорок миллионов километров.

— Но там же очень... жарко и нет воздуха...

— Считай.

— Раз... два... три...

Артур активировал тхабс, не слишком заботясь о том, видит их кто-нибудь или нет, и для земной реальности они перестали существовать.

«Тоннель невесомости и мрака» сработал как по маслу, пропуская пару.

Они оказались на вершине одной из пологих гор сумеречной зоны Меркурия. Солнце возвышалось над горизонтом исполинским куполом жидкого пламени, украшенным алыми фонтана-

ми протуберанцев и более яркими факелами и струями света. Благодаря защите тхабса смотреть на него можно было не отрываясь, как сквозь толстое закопчённое стекло.

Светлана, оказавшись в мире с пониженной гравитацией, тихо вскрикнула, глядя на купол земного светила широко раскрытыми глазами. Прошептала еле слышно:

— Что это?!

— Солнце, конечно, — ответил Артур небрежным тоном.

— Почему оно... такое...

— Какое?

— Неяркое... негорячее...

— Нас защищает тхабс.

— Какой тхабс?!

— Потом объясню. Ну как, нравится?

— Потрясающе! Так легко... звёзды... и солнце... неужели мы и в самом деле на Меркурии? Может быть, я сплю? Или ты меня...

— Что?

— Загипнотизировал?

Артур засмеялся, чувствуя дрожь пальцев спутницы, погладил её по руке.

— Это не сон и не гипноз, мы действительно на Меркурии, а можем махнуть на любую другую планету Солнечной системы. Я побывал на всех и даже на спутниках планет, в том числе на Европе, спутнике Юпитера, где сотни миллионов лет назад была цивилизация сродни нашей. Теперь Европа покрыта десятикилометровым слоем льда, на котором видны следы разумного присутствия. Но я хочу показать тебе более грандиозную картину.

— Я... боюсь...

— Держись крепче за руку и ничего не бойся.

Артур бросил взгляд на алую гору Солнца, «включил» тхабс.

Короткое «падение с обрыва», невесомость, сердце в горле, яркий свет!

Они вышли там же, где и Артур в прошлый раз, — на поверхности одной из планет, принадлежащей звёздной периферии ядра Галактики. Планета скорее всего представляла собой космический шатун, поменявший множество хозяев вследствие неустойчивости орбиты в плотном сгустке звёзд. Она не имела атмосферы, была ровной и гладкой, как бильярдный шар, прокалённый лучами бесчисленных солнц, но с неё было удобно наблюдать удивительную звёздную карусель центра Млечного Пути с массивной чёрной дырой (об этом Артур прочитал в астрономиче-

ском справочнике), которая была бы не видна, если бы не падающие на неё и светящиеся при ускорении потоки газа. Плотность же звёзд в этом районе была такой, что смотреть на небо было бы невозможно, не создай тхабс вокруг путешественников защитной сферы, снижающей яркость светового излучения в десятки и сотни раз.

— Потрясающе! — прошептала Светлана, запрокинув голову.

И Артур не удержался-таки, поцеловал её в раскрытые губы, тут же отодвинувшись на всякий случай, но она этого словно не заметила, а может быть, и в самом деле не обратила внимания, восхищённая изумительной звёздной панорамой, которую человек никогда не сможет увидеть с поверхности Земли.

— Здорово, правда?

— Потрясающе! — повторила девушка. - Я была в планетарии, но там такого не увидишь.

— Да что там твой планетарий, — засмеялся он. — Мы смотрим на ядро нашей родной Галактики! А можем полюбоваться на другие галактики, на шаровые звёздные скопления, на квазары. Знаешь, что такое квазар?

— Мы в школе проходили, это такая яркая звезда...

— Квазар — квазизвёздный объект, он светится как целая галактика сразу, а то и как скопление галактик. Хочешь, полетим туда? Я квазары сам ещё не видел.

— Хочу... но не сегодня, поздно уже, мама будет беспокоиться.

— Ты так зависишь от мамы с папой?

— Папы нет, он умер два года назад.

— Извини, я не знал. Мы долго там не задержимся, глянем одним глазком — и назад... — Артур не договорил, почуяв дуновение морозного ветра вдоль позвоночника, оглянулся.

В двух десятках шагов от них на гладком бугре стоял широкоплечий сероглазый молодой человек, обтянутый чем-то вроде тёмно-зелёной чешуи или кольчуги от шеи до пят. Над плечом у него торчала рукоять меча.

Оглянулась и Светлана, изумлённо округлила глаза.

— Кто это?!

Незнакомец одним движением вытащил из-за плеча меч, и Артур, вдруг всем нутром почуяв угрозу в этом движении, без раздумий привёл в действие тхабс.

Из «колодца мрака и невесомости» они вышли там же, откуда стартовали в «розу реальностей», у подъезда Светланы. К счастью, двор был пуст, никто их «приземления» не видел. В доме

горели всего лишь три окна, весь он был погружён в сон, будто здесь царила глубокая ночь. Однако о том, что в Москве и в самом деле шёл третий час ночи, Артур узнал, когда вернулся домой. В настоящий момент он думал о другом, считая, что с начала их путешествия и до возвращения прошло не более получаса времени.

— Кто это был? — зябко вздрогнула Светлана.

— Не знаю, — честно ответил Артур.

— Он так смотрел на меня...

— Это уж точно.

— И меч у него, ты видел? Какой-то странный...

— Он сам странный. Давай провожу.

Светлана передёрнула плечами, ухватилась за руку Артура, открыла замок домофона, и они поднялись на двенадцатый этаж дома, где располагалась квартира девушки.

— До свидания. Было очень интересно!

— Мы ещё встретимся?

— А ты расскажешь, как ты всё это делаешь и кто ты на самом деле?

Он улыбнулся.

— Не всё сразу.

— Обещаешь?

Артур сделал вид, что колеблется.

— Расскажешь! — Она поцеловала его и упорхнула, скрылась за дверью квартиры. Щёлкнул замок.

Артур потрогал пальцем губы, словно хотел подольше удержать в памяти поцелуй, вызвал лифт. Потом вспомнил лицо парня в чешуе с грозно горящими глазами, и хорошее настроение улетучилось. Потому что было ясно — встреча не случайна, несмотря на все «случайные» обстоятельства. И ещё один неприятный для себя вывод сделал Артур: «розу реальностей» посещают и другие люди, в том числе далеко не мирного настроя, о чём предупреждал Тарас. А это означало, что пустопорожнему ознакомлению с «розой» пришёл конец. Надо было или вставать на путь, предложенный «колдуном», или отказываться от всего, в том числе от разбуженных паранормальных способностей, внезапно раздвинувших диапазон неизведанных глубин материи и повысивших интерес к жизни.

— Утро вечера мудренее, — пробормотал Артур вслух, садясь за руль машины, и вдруг обнаружил, что он в кабине «Лады» не один.

Глава 17

АТАКА НА «СМЕРЧ»

Марат Феликсович был так уверен в профессионализме секретарши, что не проверял, чем она занимается и каков её план по ликвидации «чистилища». Он был уверен, что она всё сделает вовремя и как надо. Каково же было его удивление, когда Инна позвонила ему в час ночи одиннадцатого августа и сообщила, что у неё «проблемы».

— Какие проблемы? — не понял собравшийся ложиться спать Меринов.

— Мы не можем подъехать к штабу «чистилища» и взять его на абордаж, что-то мешает.

— Что? — машинально спросил Меринов, вдруг осознавая, что это скорее всего «печать отталкивания», поставленная Посвящёнными Котовым и Самандаром вокруг штаба их организации.

Местонахождение штаба Меринов-Рыков вычислил правильно, наблюдение за двухэтажным особнячком в районе пересечения улиц Комарова и Ботанической показало, что там и в самом деле появилась некая «крутая» контора, хорошо замаскированная, скрытно охраняемая и напичканная электроникой. А поскольку Марат Феликсович не мог ошибиться в ментальном определении координат «чистилища», а также квартир его комиссаров, то и мысли не допускал, что группа, посланная уничтожить противника, столкнётся с непреодолимыми препятствиями. Руководила разработкой плана ликвидации и всей операцией в целом Инна, Меринов же занялся своими личными проблемами: походами по МИРам, переговорами с Хранителями и уничтожением самых упрямых, а также восстановлением лаборатории психотроники, только уже не в Сити-центре, а в другом месте, на территории Останкинского телецентра. Ему было жаль Симона, сдуру сиганувшего в окно шестнадцатого этажа во время захвата лаборатории федералами, но специалистов этого профиля в нынешние времена хватало, и Марат Феликсович быстро нашёл замену учёному, отыскав нужного человека в Новосибирском академгородке.

Естественно, имя самого Меринова нигде не упоминалось в связи с захватом чекистами «Большого глушака». В Сити-центре его никогда не видели (все, кто его встречал, внезапно потеряли

память), наукой вообще и психотроникой в частности он не занимался, поэтому был вне подозрений, и расследование деятельности секретной пси-лаборатории ему ничем не грозило. К тому же директор ФСБ и министр МВД были его приятелями, которые всегда могли спустить любое расследование на тормозах, а потом и закрыть дело. Тем не менее этой проблемой пришлось заниматься всерьёз, вследствие чего Марат Феликсович и упустил из виду работу с «обидевшим» его как кардинала Сверхсистемы «чистилищем», переложив заботы на плечи секретарши. Теперь же надо было исправлять положение и лично заняться комиссарами «СМЕРЧа», посмевшими замахнуться на его владения.

— Ждите, сейчас буду, — буркнул Марат Феликсович в трубку, не уточняя, где в данный момент находится Инна.

Он и в самом деле появился рядом с «вазовской» «двадцаткой» Инны, стоявшей у ограды Ботанического сада, через три минуты, одетый в спортивный костюм.

Девушка, экипированная в спецкомбинезон десантного образца, отшатнулась, вскинула ствол пистолета-пулемета «бизон» и опустила, узнав босса.

— Ну? — нетерпеливо бросил он, прислушиваясь к ночному гулу города и «ощупывая» мысленным лучом колпак магического поля над особняком в ста метрах от перекрестка, за глухим деревянным забором.

— Водила теряет сознание, как только подъезжает к забору, — вполголоса доложила Инна. — А группа не может забор преодолеть, будто он под током, парни дотрагиваются и впадают в ступор.

— *Мохана* и *стамбхана*[1], — задумчиво произнёс Марат Феликсович. — Недурно. Растут комиссары, однако.

— Что?

— Сейчас я сниму печать, и можешь начинать операцию.

— Хорошо, — с облегчением кивнула секретарша, не спрашивая, что такое «печать». Она уже привыкла к проявлению боссом сверхъестественных способностей и знала, что он не любит объяснять свои слова и поступки.

Марат Феликсович вошёл в режим с и л ы Гамчикот, нада-

[1] Сиддхи, паранормальные способности человека; м о х а н а — приведение людей в бессознательное состояние; с т а м б х а н а — введение людей в состояние неподвижности.

вил на магическую «печать отталкивания», защищавшую офис «СМЕРЧа» от проникновения на его территорию случайных и неслучайных гостей. Однако, к его удивлению, она не поддалась. Невидимый пузырь магического поля колыхнулся, как мыльная плёнка под дуновением ветра, но устоял.

— Молодцы! — невольно восхитился кардинал СС, качнув головой. — Вы уже постигли *тамас*[1], поздравляю. Тем приятнее будет наша встреча.

Он перешёл на уровень с и л ы «дьявольского постижения» и одним мощным ментальным ударом пробил магический купол «печати отталкивания». Купол беззвучно лопнул, открывая доступ к зданию штаба.

— Начинайте, — бросил Меринов Инне.

Девушка открыла дверцу минивэна, скомандовала:

— Мальчики, на выход!

Шестеро сидевших в салоне «двадцатки» спецназовцев выбрались на тротуар, одетые в такие же защитные комбинезоны, что и командир операции.

Инна придвинула к губам усик рации:

— Второй, Третий, мы начинаем. Будьте готовы.

По её плану штурм базы «чистилища» должны были начинать три группы общим числом в двадцать два человека. Все они готовились в центре подготовки бойцов СС в Жулебине и подчинялись Косте Мелешко и Вахтангу Ираклишвили, но Меринов на время операции разрешил Инне использовать их по своему усмотрению, и она с удовольствием взялась командовать мужчинами.

Меринов хотел предупредить её, что территория «чистилища» охраняется высококлассными оперативниками, обученными истинными мастерами такого рода мероприятий, но не успел. Группа пошла на штурм.

Конечно, Марат Феликсович мог с помощью тхабса проникнуть прямо в здание и лично перебить охранников, однако не захотел рисковать. Единственное, что он себе позволил, — это ослепил систему видеоконтроля периметра, заблокировав цепь датчиков и телекамер. Но дальнейшие события показали, что этого было недостаточно. «Чистильщики» хорошо знали своё дело и подстраховались, о чём стало известно уже после штурма.

---

[1] Т а м а с — принцип материальной природы в индуизме, означает сопротивление всем изменениям.

Территория базы «чистилища» контролировалась новейшей системой видеонаблюдения с компьютерным зрением «Оруэлл 3k», разработанной в российском НПЦ «Элвис». Такие видеосистемы, способные выделять любого человека в местах массового скопления людей и даже предупреждать оператора о возникновении нештатных ситуаций, не имели аналогов в мире. Программное обеспечение, являвшееся ноу-хау разработчиков, позволяло системе с помощью многоуровневого архивирования записывать каждый подвижный объект контроля в любой момент времени даже при отсутствии видеосигнала, только при наличии ответа от систем электромагнитных и звуковых датчиков. Поэтому ментальный раппорт Меринова не ослепил охрану, и она отреагировала на вторжение адекватным образом.

Первых же десантников, перемахнувших через забор, встретили ослепляющие лазерные трассы, заставив их попадать на землю. Затем те же самые лазерные трассы превратились в токопроводящие каналы электрошокеров, и атака группы, подчинённой непосредственно Инне, захлебнулась. Она сама с трудом увернулась от электроразряда и от ярости принялась стрелять во все стороны из пистолета с насадкой бесшумного боя, чудом повредив лазерную установку. Тем не менее идти вперёд она не рискнула, вызвала командиров групп поддержки:

— Второй, Третий, начинайте! Никого не жалеть, открывать огонь по любой движущейся цели!

Но и вторая группа наткнулась на умелое сопротивление охраны здания, использующей все современные военные разработки: тазеры, «смирительные рубашки» — выбросы липкой полимерной пены, мгновенно твердеющей на воздухе, инфразвуковые генераторы, от импульсов которых у бойцов десанта лопались кровеносные сосуды в ушах и в носу, выводя нападавших из строя, а также иразеры — векторные излучатели звука большой мощности, которые также останавливали людей, оглушая их до невменяемого состояния.

Третьей группе, ведомой капитаном Ираклишвили, удалось пройти дальше всех. Бойцы даже успели высадить окно на первом этаже здания и проникнуть внутрь. Однако там их встретил прицельный автоматный огонь, и Вахтанг Ираклишвили, прозванный за глаза подчинёнными Тараканом — за смешные усики, вынужден был отступить.

Инна вызвала Меринова:

— У нас снова проблемы, Марат Феликсович!

— Вижу, — раздражённо ответил он. — Зря я доверил тебе это дело. Ждите, я пройду к ним изнутри.

Он активировал тхабс и оказался в одном из помещений второго этажа здания, оборудованном компьютерным терминалом.

Терминал работал, у мониторов систем наблюдения сидели два оператора с наушниками и усиками раций. Гостя никто из них не ждал, и Меринов погасил сознание обоих мысленно-волевым раппортом: «Спать!». Остальное было делом техники. Определив местонахождение охранников, а главное — их командира, Марат Феликсович одного за другим погрузил их в глубокий сон, хотя его так и подмывало убить каждого. Вызвал Инну:

— Можете заходить.

— Но охрана... — заикнулась секретарша.

— Нейтрализована. Допроси начальника, он в бункере в подвале, как войдёте — коридор налево, затем поднимись ко мне на второй этаж, я в компьютерном зале.

— Слушаюсь.

Снаружи замелькали лучи фонарей: потрёпанные силы атакующих собирались к зданию, не понимая, почему по ним никто не стреляет.

Марат Феликсович подсел к монитору, прошёлся по его программам и файлам, заинтересовался папкой с надписью «Конкере». Материал был закодирован, но сопротивлялся взломщику недолго. Это был текст теории Самандара, объясняющей причины конфликта Монарха Тьмы со своими коллегами — Аморфами и иерархами Внутреннего Круга, созданного задолго до появления на Земле человечества.

— Доцивилизация, — прочитал Меринов вслух, смакуя слово. — Квантово-механические модели класса «жизнь — не жизнь»... нелинейные логики... метастабильные состояния поляризованных вакуумных структур типа «разум — не разум»... М-да! Любопытно. Далеко пойдёшь, Вахид Тожиевич, если тебя не остановить.

В дверь постучали, потом раздался удар, сломавший замок, и в кабинет ворвалась Инна в сопровождении гиганта-бойца, у которого отвисла челюсть при виде главного начальника. Секретарша, в отличие от него, не удивилась, спросила будничным тоном:

— Помощь нужна?

Марат Феликсович усмехнулся, вытащил из дисковода дискету с записью теории Самандара, встал из-за стола.

— Устройте здесь хороший пожар. Чтобы ничего не уцелело!

— Будет сделано. Что ещё?

Меринов поколебался немного, глянул на часы.

— Мне надоела эта контора. Оставь зондеркоманду, бери остальных и двигайся в район Мневников, будем брать комиссара «чистилища».

— Котова?

— Только постарайтесь не шуметь, Котов — Посвящённый и легко может уйти.

— Не уйдёт, Марат Феликсович.

— Как только окружите дом, позвони, я подскочу.

Меринов исчез.

Инна посмотрел на сопровождающего.

— Варежку закрой! Всё понял?

— Так точно! — вытянулся обалдевший верзила.

— Чтоб через три минуты здесь всё горело! Закончишь — свяжешься со мной, получишь новое задание.

Инна быстро вышла из кабинета, отдавая распоряжения по рации командирам второй и третьей групп. Через несколько минут спецназ СС покинул территорию штаба «чистилища», за исключением «пожарников», и помчался в Мневники.

Однако оставшимся бойцам Меринова в количестве четырёх человек поджечь здание не удалось.

Как только они начали ломать мебель и сваливать обломки в кучу, в здании появились бойцы другого спецназа — прибыл мейдер Вени Соколова, получивший сигнал тревоги, и поджигатели были без шума ликвидированы. Инна узнала об этом уже утром, так и не получив сигнала о выполнении приказа от командира зондеркоманды.

К половине третьего ночи окружение дома, где жила семья комиссара «чистилища» Котова, закончилось. Инна вызвала босса. Меринов появился рядом с ней через несколько секунд, одетый на сей раз в чёрный спецкостюм «Комбат-Униформ», словно собирался сам идти на штурм квартиры.

— Я накрыл дом вуалью «непрогляда», — пробурчал он мрачно, по обыкновению не объясняя термины, известные только ему. — Вас никто не заметит. Подберитесь ближе, возьмите под прицел окна квартиры и лестничную площадку, уберите группу охраны: двое во дворе, двое с той стороны здания, водитель в «Опеле».

Инна послушно передала по рации приказ. Через пять минут доложила:

— Всё под контролем! В квартире тихо, все спят.

— Идём со мной. — Меринов зашагал к дому, находясь в состоянии ментального озарения. Он мог бы сразу перейти на тхабс-режим и выйти уже в квартире Котовых, но, во-первых, квартира была накрыта своей нешуточной силы «печатью отталкивания», на преодоление которой потребовались бы силы и время, а во-вторых, Марат Феликсович в и д е л, что хозяина дома нет. Зато в квартире находились его жена и ребёнок.

Поднялись на шестой этаж дома, миновав охрану как призраки: дежурный увлечённо читал книгу и даже не поднял головы, его напарник спал.

— Звони, — кивнул Меринов.

Секретарша нажала кнопку звонка. И отшатнулась! Дверь г л я н у л а на неё как дикий зверь и приготовилась прыгнуть!

Марат Феликсович дёрнул щекой, нанося ментальный удар защитному «зверю» квартиры.

Внутри кто-то зашевелился, приблизился к двери.

— Кто там?

— Друзья, — ответил Меринов чужим голосом. — Уля, открой, я в курсе, что Василия нет дома, но дело срочное.

— Кто вы? Я вас не знаю. Приходите днём.

Меринов «надавил» на хозяйку ментальным «кулаком», терпеливо добавил:

— Я помощник Юрия Венедиктовича, это моя секретарша, он послал нас к вам по важному делу.

— По какому?

— Не через дверь же говорить.

За дверью помолчали. Меринов уловил вспышку «невидимого света», словно там зажглась и погасла свеча: жена Котова вызывала мужа или кого-то еще посредством ментальной связи. Встречаться с ними не входило в планы Меринова, и он снова нанёс мысленно-волевой удар по квартире, желая оглушить хозяйку.

Тихо вскрикнула Инна, хватаясь за голову. Её тоже задело «рикошетом».

— Ломайте дверь! — бросил глава СС бойцу отряда, занявшему позицию у лифта.

Дверь выдержала всего два удара, выпала в прихожую, сорванная с петель. Ворвались в квартиру.

Жена Котова, в халатике, ползла к спальне, пытаясь, очевидно, успеть забрать ребёнка и уйти с помощью тхабса. Но оглушающий пси-удар Меринова был столь мощен, что сил ей не хватило.

Инна приставила к затылку женщины ствол пистолета.

Марат Феликсович отрицательно качнул головой, прошагал в спальню, где стояла детская кроватка. Малыш проснулся, заплакал.

— Не трогайте! — простонала Ульяна, протягивая руку к сыну.

Инна ударила её рукоятью пистолета по затылку, женщина упала, однако снова поднялась и упрямо поползла в спальню.

— Матвейша... Вася...

Марат Феликсович вытащил из кроватки малыша, сунул Инне.

— Обоих в разные машины... Впрочем, пацана я заберу сам. — Он взял зашедшегося в плаче малыша на руки. — Её отвезите на базу в Жулебино. Потом вернёшься на виллу, возьми детские вещи, побудешь нянькой.

— Да зачем он нам сдался? — возмутилась Инна. — Пуля в голову — и никаких проблем.

— Вы... не имеете... — проговорила Ульяна с рыданием. — Отдай сына, Герман!

Меринов и секретарша посмотрели на неё.

Инна снова подняла пистолет.

Марат Феликсович пригнул ствол к полу.

— Они мне нужны... какое-то время. Комиссары сами придут ко мне, и деятельность «чистилища» на этом закончится.

— Поняла.

— Всё, выполняй. — И Марат Феликсович исчез вместе с сыном Котовых.

Ульяна покачнулась и упала, силы оставили женщину.

— В машину! — приказала Инна, стремительно выходя из квартиры.

В четыре часа ночи секретарша приехала на виллу Меринова, поставила в гараж машину, зашла в холл, и первой, кого она увидела, была... Ульяна Котова!

Женщина стояла перед лестницей на второй этаж, оглянулась на звук открываемой двери.

— Мать твою! — изумлённо выругалась Инна. — Я же оставила тебя в бункере...

На верхней ступеньке лестницы показался Меринов в халате, качнул головой.

— Недурно, госпожа комиссарша. Мой дом «зашнурован» на все блоки, но ты всё равно сумела его найти и преодолеть печати.

— Отдай... сына...

Меринов задумчиво пригладил бровь, неторопливо спустился вниз.

— Придётся оставить тебя здесь. Но так как я не люблю рисковать, уж слишком много ты знаешь и умеешь, я вынужден буду связать тебя по уровню «МК».

— Ты... негодяй... Герман... и Вася тебя всё равно...

Марат Феликсович вытянул вперёд руку, глаза его метнули молнии, и тело Ульяны опоясали металлические на вид обручи. Один из них стянул голову, закрыв рот. Женщина покачнулась, но устояла. Глаза её тоже наполнились сиянием, обруч на голове задымился, потёк струйками дыма, испарился. Но Меринов махнул рукой, и на месте испарившегося возник другой обруч, а вслед за ним ещё один, закрывший глаза.

Ульяна упала.

— Вызови охрану, отнесите её в подвал. — Меринов поднялся по лестнице наверх, оглянулся. — Потом поднимешься ко мне.

Инна повеселела, включила рацию, дождалась дюжих охранников, унесших пленницу, и помчалась в спальню босса, раздеваясь на бегу. Однако там её ждало разочарование.

Хозяин уже облачился в походный костюм «Бастион» и рассовывал по карманам бытовые мелочи. Судя по всему, сексом он заниматься не собирался. Поднял голову, закрепляя на поясе чехол с ножом.

— Вы куда? — удивилась секретарша.

— Вернусь часа через два.

— Я с вами!

— Ты останешься. Глаз не своди с комиссарши! Головой отвечаешь! И за ребёнком смотри, подгузники поменяй.

— Я в няньки не нанималась!

Марат Феликсович мрачно оскалился, отчего у Инны сразу пропало желание возражать.

— Хорошо, хорошо, присмотрю за обоими. Может быть, я всё-таки буду полезней в другом амплуа?

— Нет! — отрезал Меринов и исчез.

Секретарша длинно и виртуозно выругалась.

Вышел Марат Феликсович в пещере с «модулем иной реальности», располагавшейся под Киевом. По сведениям, добытым в астрале, именно в этом МИРе хранилась Великая Вещь Инсектов — Врата Наслаждений, или, как её иногда называли в шутку, «наркотик гетьмана». Никто из тех, кто был посвящён в тайны Круга и с кем встречался Рыков-Меринов, не знал, что такое этот «наркотик» и как он действует, но, по слухам, пользователь

Врат получал такой заряд «энергии наслаждения», что становился практически бессмертным. Молодость Марат Феликсович уже получил, теперь ему захотелось испытать Врата и стать бессмертным.

В МИРе кто-то был.

У сооружения Инсектов — здесь стоял замок царя Маргинатусов, «клопов разумных», с виду похожий на полупрозрачную светящуюся медузу, — прохаживался по залу какой-то человек в чешуйчатом тёмно-зелёном костюме, которого Меринов поначалу принял за Хранителя. Но это был не Хранитель.

— Котов-младший?! Оруженосец?!

В руке оглянувшегося молодого человека сверкнул меч.

— Герман Рыков. Я ждал тебя.

— Зачем?! И как ты узнал, что я буду здесь... в данный момент?!

— Не имеет значения. Меня послал к тебе твой хозяин.

— Это какой ещё хозяин? — высокомерно вздёрнул подбородок Меринов. — В этой реальности я хозяин!

— Конкере.

— Что?! — не смог удержать Марат Феликсович возглас изумления. — Монарх?! И он послал тебя... чтобы ты... так ты его слуга?! Не может быть!

— Ты задаёшь слишком много вопросов. Он знает, что ты способен управлять тхабсом в режиме хроноинверсии. Нам нужны Великие Вещи...

— Мне они тоже нужны! — перебил Стаса Меринов.

— Великие Вещи, — повторил посланец Монарха ровным голосом. — Это первое. Второе: ты поможешь нам объединить МИРы в единую энергосистему.

— А это ещё зачем? — Вопрос вырвался непроизвольно, хотя Меринов уже знал на него ответ: Конкере предупреждал, что грядёт новое Изменение, для чего ему и необходимо создать единую энергетическую систему.

— Кардинал, ты задаёшь странные вопросы. Неужели так поглупел, работая в Думе?

Глаза Меринова сверкнули мрачным огнём. Но ответил он неожиданно кротко:

— Дерзить старшим нехорошо, молодой человек. Не всё решает меч, то бишь синкэн-гата. Я подумаю над твоим предложением... и сообщу самому хозяину лично.

— Он уполномочил меня вести переговоры и не станет тратить время, чтобы связаться с тобой.

— Посмотрим.

Лезвие меча в руке Стаса внезапно скачком удлинилось на два десятка метров и едва не проткнуло Меринова. Тот лишь успел закрыться сиддхой *Дхармы*, остановив острие меча в миллиметре от горла. Впрочем, вполне могло быть, что это Стас остановил его, а не защитная сфера кардинала СС.

— Не заставляй меня повторять распоряжения хозяина дважды, кардинал. Я знаю, что ты получил доступ к Интегратрону. Открой мне канал.

Меринов усилил мощность защитной сиддхи. Сверкающий смертоносный ромбик клинка отодвинулся. Марат Феликсович мрачно усмехнулся в душе. Он вполне мог отбить выпад и уйти в тхабс-режиме, несмотря на весь гонор бывшего оруженосца Воина Закона.

— А сам-то что ж? Если Конкере сделал тебя эмиссаром, то уж должен был позаботиться о доступе в МИРы.

— Не твоё дело!

— И всё-таки я попробую связаться с твоим хозяином. — Меринов сделал ударение на слове «твоим». — Потом поговорим.

— Сейчас же открой доступ...

Марат Феликсович сложил пальцы в кукиш.

— А это видел? Прощай, сопляк!

Стас угрожающе нагнул голову, меч текучей молнией устремился вперёд, но пронзил только воздух. Кардинал Сверхсистемы растворился в темноте, пропал.

Стас вернул меч в исходное положение, прошёлся по залу МИРа, поглядывая на красивую, светящуюся нежным опалом, двадцатиметровую «медузу» Маргинатусов, затем тоже исчез.

И лишь после этого из раскрывшегося входа в замок вышел ещё один человек в обычной вельветовой курточке и таких же штанах. Постоял в задумчивости у замка, склонив голову набок, и вызвал Хранителя Матфея.

Глава 18

УЛЬТИМАТУМ

Они устали.

Даже Самандар, никогда не жаловавшийся на здоровье, вдруг признался:

— Всё, пора возвращаться, нет никаких сил.

Василий Никифорович бросил взгляд на унылый пейзаж очередной реальности, навевающий дурное расположение духа, проговорил со вздохом:

— Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. А также ям, оврагов, колдобин и камней.

— Ну, во-первых, эта реальность, к счастью, — лишь версия нашей страны родной, а во-вторых, Стаса не стоит искать в таких мирах.

— Почему?

— Если правда, что его взял к себе в услужение Конкере, он должен быть или с хозяином, или же где-то на Земле.

— С какой стати?

— Монарх готовит новое Изменение Фундаментальной Реальности, так?

— Допустим.

— Об этом нам сообщил Матфей, а ему можно верить. А Фундаментальная Реальность — это Земля. Помнишь, Матфей говорил, что первым «революционером», замахнувшимся на коррекцию Замысла Творца, был Люцифер. Воин Закона Справедливости той эпохи низверг Люцифера в «ад» Шаданакара, где тот и обитает по сей день. Вторым стал Монарх Конкере, породивший человечество посредством направленного процесса мутагенеза отряда Блаттоптера, то есть тараканов разумных. Но его тюрьма оказалась менее прочной, поэтому он и вырвался на свободу.

— Благодаря ошибке Стаса.

— Возможно, эта ошибка была запрограммирована.

Василий Никифорович с недоумением посмотрел на спутника.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты знаешь, что творится на Земле. Абсолютный беспредел чиновничьей власти! Человек низведён до винтика, до элемента энергетической системы, из которой кто хочет, тот и высасывает энергию. Тот же Рыков. Так вот вполне допустимо, что выход Монарха был обусловлен Изначальным Планом Бытия.

— Для чего?!

— Для того, чтобы исправить положение в Матрице.

— Но если Монарх проведёт Изменение...

— Кто-то должен ему помешать. Может быть, мы?

— Нас мало...

— Кто-нибудь из Хранителей нас обязательно поддержит, так как они не могут не понимать, что погибнут вместе со всеми.

Плюс иерархи, живущие в других мирах «розы». Просто их надо найти. Нужен собиратель, гонец.

— У тебя есть кандидатура? Или ты говорил о себе?

— Нет, мы с тобой «засвечены», нас далеко не пустят. Нужен никому не известный боец, способный уходить от охотников, сторожевых псов и разного рода Зверей.

— Где же найти такого?

— Подумаем, посоображаем. Ну что, куда теперь?

— Домой, разумеется. Предчувствие у меня дурацкое.

— А может, слетаем в последний раз в «мир А», глянем на «тюрьму героев»? Вдруг Стас завернул туда по какой-то надобности?

Василий Никифорович заколебался, разглядывая с вершины горы безрадостный пейзаж «преисподней» — мира-слоя «розы», близкой к пакету «адовых» реальностей с бывшей тюрьмой Конкере на самом «дне».

— Разве что на пару минут.

Они нырнули в «колодец» тхабс-режима и вышли на вершине одной из камер «тюрьмы героев», похожей на стеклянный столб с плоской вершиной, погружённый в море белёсого тумана.

Однако оглядеться и вызвать Стаса в ментальном поле путешественники не успели. Буквально через несколько секунд на соседнем столбе появился человек в пятнистом комбинезоне, замахал руками.

— Вахид, Василий!

— Иван Терентьевич?! — не поверил глазам Котов. — Что случилось?

— Рыков напал на новый офис в Марфине, а потом захватил Улю с Матвейкой!

Самандар и Василий Никифорович переглянулись и «включили» тхабс. Через пару мгновений они были уже в квартире Котовых. Следом появился и хмурый Парамонов.

Василий Никифорович бросился в спальню, распахнул дверь, замер, глядя на пустую кроватку сына. Опустился на корточки, спрятав лицо в ладонях.

Самандар подошёл к нему, сочувствующе похлопал по плечу, обернулся.

— Как это произошло?

— В два часа ночи Веня позвонил мне и сообщил, что на базу совершено нападение. Если бы я сразу рванул сюда, всё бы обошлось, но я помчался в штаб. Простите. Это я во всём виноват.

— Ни в чём ты не виноват, — глухо проговорил Василий Никифорович, разогнулся, прошагал в ванную. Раздался плеск воды. В гостиную он вышел спокойным, только чуть более бледным.

— Если Уля не ушла тхабсом...

— Рыков сильнее и хитрее, он наверняка оглушил её, прежде чем захватить в заложницы. Либо ему удалось сначала взять сына, из-за чего Ульяна и не смогла уйти. Не суть важно, главное, что они у него. Я прозондировал астрал, нигде никаких следов. Но Матфей уверен, что твои у Рыкова.

— Ты звонил Хранителю?

— Он сам связался со мной. — Парамонов помолчал. — На Земле объявился Стас.

Мужчины переглянулись. Самандар помял подбородок пальцами.

— Я так и предполагал. Здесь его и надо было искать, а не шататься по «розе».

— Сначала давайте решим, что будем делать в связи с создавшейся проблемой, — покачал головой Иван Терентьевич. — Потом будем думать о поисках Стаса.

В прихожей залился свирелью телефон.

Василий Никифорович вздрогнул, метнулся в прихожую, схватил трубку:

— Алло! Слушаю!

В трубке заговорил женский голос, и Котов едва сдержал крик: «Уля!» Голос был незнаком.

— Господин комиссар Котов?

— Кто говорит?!

— Важно не кто говорит, а что говорит. Мой шеф приглашает вас на встречу, есть предмет для разговора.

— Какой шеф?! Рыков?!

— Не знаю никакого Рыкова. Марат Феликсович Меринов ждёт вас в десять часов утра в кабинете зампредседателя Государственной Думы. Найдёте?

— Где моя жена?!

— Странно, я думала, вы умнее. До встречи, комиссар.

В трубке застучали молоточки отбоя.

Василий Никифорович посмотрел на трубку и одним мгновенным усилием раздавил её в труху.

— Рыков звонил? — тихо поинтересовался Самандар. — Ульяна у него?

— Да, — глухо ответил Котов, отбрасывая остатки телефона. — Предлагает встречу в Думе. Звонила его секретарша.

— Когда?

— Завтра в десять утра.

— Что ж, пойдём побеседуем.

— О вас речь не шла, я пойду один.

Самандар осуждающе покачал головой.

— Он тебя ликвидирует.

— Пусть попробует! — оскалился Василий Никифорович. — Я его очень сильно огорчу!

— Вахид прав, — сказал Иван Терентьевич. — Надо идти всем вместе.

— Нет!

— Тогда позволь нам прикинуть варианты вашей беседы и подготовиться к худшему. Ты же понимаешь, что мы тебя не бросим.

— Делайте что хотите, — махнул рукой Котов, скрываясь в ванной.

Самандар и Парамонов обменялись взглядами.

— Есть идеи? — пробурчал Иван Терентьевич.

— Пошли покумекаем, у Васи в компе должен быть план нового здания Думы.

Они направились в кабинет хозяина, озабоченные, но не растерянные, знающие свои силы и возможности. Вскоре к ним присоединился и Котов, преодолевший минуту слабости.

* * *

Здание Государственной Думы на Красной Пресне было накрыто магической «печатью отталкивания», поэтому все трое не стали с помощью тхабса пробивать эту невидимую полевую защитную плёнку, созданную Рыковым-Мериновым. Рыков сразу вычислил бы, что к нему пожаловали в гости Посвящённые. Но если Котов вошёл в здание Думы открыто, с парадного входа, то Парамонов и Самандар воспользовались служебным входом, предварительно заблокировав свои «мыслительные сферы» магической вуалью «непрогляда», своеобразной шапкой-невидимкой. Естественно, все трое прошли в здание без предъявления каких-либо документов, мысленно-волевым усилием отведя взгляды охранников таким образом, что те просто ни одного постороннего человека не увидели.

Василий Никифорович, одетый в летний костюм: серые брюки, белая рубашка с короткими рукавами, галстук, в кармане — звёздочка сякэна и короткая пятисантиметровая стрелка сюрикэна, — поднялся на второй этаж здания, отыскал кабинет под номером 202 и табличкой: «Заместитель председателя М.Ф. Меринов». Постучал деликатно, вошёл.

Его встретил взгляд платиновой блондинки с грубоватым лицом бегуньи на марафонские дистанции. Девица имела развитую мускулатуру и прицеливающиеся глаза. Секретарша. Явно — мастер боевых искусств. Опасна. Злобна. И весьма сексуальна.

Секретарша заговорила, и Василий Никифорович понял, что звонила ему именно она:

— Котов?

— Он, — кивнул Василий Никифорович, сдерживая желание свернуть секретарше Рыкова шею.

— Проходите.

Дверь кабинета Рыкова «зарычала» на него, но Василий Никифорович сделал мысленное усилие, преодолел «печать отталкивания», настроенную лично на него, и вошёл в кабинет.

Рабочие апартаменты заместителя председателя Госдумы были безликими и унылыми, как и большинство кабинетов этой «законотворческой» чиновничьей организации. Большой чёрно-коричневый стол, шесть стульев, государственный флаг России в углу, портрет президента на стене, компьютер, панель плазменного телевизора, стеклянный шкаф с десятком книг — вот и вся обстановка. Рыков не любил ничего экстраординарного и ничем не отличался от обычного клерка, использующего рабочее помещение как выданный на время инструмент. Впрочем, хозяин этого помещения Рыкова вовсе не напоминал.

Человек в зелёной рубашке апаш, стоящий у панорамного окна, обернулся, и Котов увидел перед собой совсем юного красавца с пухлым слащавым лицом, черноволосого, стройного, с капризными губами и тонкими усиками. Это и был Марат Феликсович Меринов, помолодевший лет на тридцать с гаком, обличье которого принял Герман Довлатович Рыков, кардинал СС, Посвящённый в Мастера Круга (нелегитимно, но — факт), авеша Монарха Тьмы, много сделавший для того, чтобы стать единоличным лидером земного уровня.

— Привет, волкодав, — сказал он ломким баском.

— Какой я волкодав, — усмехнулся Василий Никифорович, отбивая лёгкий ментальный выпад юнца. — Всё в прошлом.

Глаза Рыкова-Меринова стали совсем чёрными, излучая угрозу и свирепую с и л у. Но пробовать защитные возможности гостя он больше не стал.

— Не скромничай, Балуев, ты был хорошим перехватчиком, им и остался. Садись, поговорим.

Василий Никифорович помедлил, чувствуя бродившие по кабинету волны в и б р а ц и й, подсел к столу.

Меринов тоже сел, вдавил клавишу интеркома:

— Инна, кофе.

— Я не буду, — шевельнул каменными губами Котов.

Меринов усмехнулся.

— А я тебе и не предлагаю. И не надо смотреть на меня так страшно, комиссар, твои жена и сын живы и здоровы, за ними ухаживают, кормят, поят, подгузники меняют, пылинки с них сдувают. Я знаю правила игры, и ты знаешь. Когда на руках выигрышные карты, следует играть честно, не так ли? Поэтому расслабься и не зверей.

— Где они?

— На одной из моих фазенд. Вот только самостоятельно их освобождать я тебе не советую, не помогут ни профи Вени Соколова, ни твои друзья. Кстати, где они? Неужели отпустили тебя ко мне одного?

Василий Никифорович выдержал прямое попадание ослепляющего взгляда собеседника (уровень Тогарини — «дьявольской красоты», но фиг тебе, кардинал! Мы и не такое выдерживали).

— Они... на связи.

— Понятно. — По губам Меринова скользнула сардоническая ухмылка. — Здесь они, здесь, в здании, где же ещё им быть. Молодцы, комиссары, хорошо замаскировались, моя сторожевая застава их не засекла. Однако, надеюсь, вы не собираетесь атаковать меня на рабочем месте? Это привело бы к печальным результатам.

— Я хочу услышать жену.

— Услышишь, чуть позже, после разговора.

Вошла секретарша (крутая девица, брутальная, сила так и сквозит в каждом движении, а фанатизма и самоуверенности в глазах — хоть отбавляй), поставила блюдце с чашкой кофе на стол босса, вышла, не удостоив гостя взглядом.

— Чего ты хочешь? — тяжело спросил Котов, внезапно ощутив дикую жажду.

— Не торопись, комиссар, — качнул головой юнец за столом (какой он, к хренам, заместитель председателя?!), взялся за кофе. — Хочешь? А то закажу.

— Нет!

— Как скажешь. Давай договоримся: сначала я задам тебе пару вопросов, а потом ты мне. И не «играй мускулами», мы с тобой в разных весовых категориях. Понадобится, я тебя в бараний рог скручу.

— Попробуй, — усмехнулся Василий Никифорович.

Зрачки полностью заняли глаза Меринова. В них заклубилось фиолетовое свечение, выплеснулось сгустком молний.

Удар с и л ы Элохим был столь силён, что на мгновение изменилась с т р у к т у р а материалов кабинета, стены его, мебель, светильники, предметы превратились в зыбкие конфигурации, готовые расползтись дымными струями.

На голову Котова «упал потолок», в глазах потемнело. Однако сознания он не потерял. Часть пси-импульса отвела «тюбетейка» в волосах — генератор защитного поля, разработанный ещё несколько лет назад самим Василием Никифоровичем. Часть он отбил внутренним полем. Остальное принял на себя объединённый защитный пси-зонт друзей, подсоединившихся к пси-полю Котова в нужный момент.

К сожалению, они не могли ответить на атаку тем же, не хватало сил, поэтому Василий Никифорович поступил по-другому. Пока пространство кабинета восстанавливало свои прежние физические зависимости и структуры, он просто перегнулся через стол и врезал Меринову кулаком в лоб. Не ожидавший т а к о г о ответа кардинал опрокинулся вместе с креслом и, хотя тут же вскочил, изумлённый и ошалевший от удара, адекватно отреагировать на выпад противника сразу не смог.

В кабинет вбежала секретарша. Зашипела как кошка, растопыривая пальцы, бросилась на Котова, и тому пришлось несколько секунд отбивать яростные атаки женщины, в самом деле прекрасно владевшей приёмами рукопашного боя. Наконец он поймал её на переходе и ударил в грудь (простите, мадам, что не по-джентльменски) с такой силой, что секретарша с тихим вскриком отлетела к двери, как сорвавшийся с перекладины гимнаст, упала на колени. Но тут же подхватилась на ноги, собираясь снова броситься в атаку.

Пришедший в себя Марат Феликсович повёл рукой:

— Достаточно, выйди.

Бросив обещающе-ненавидящий взгляд на гостя, секретарша покинула кабинет.

— Попробуем ещё? — предложил Василий Никифорович, с виду спокойный и невозмутимый, хотя в голове всё гудело и дымилось; второй атаки кардинала он бы не выдержал.

— Вы совершенствуете свои сиддхи, — с неожиданным добродушием проговорил Меринов, погладил пальцами лоб, качнул головой. — Этого варианта к о н т а к т а я не предусмотрел. Впредь буду помнить, что вы люди боя. Садись, комиссар, продолжим беседу.

Василий Никифорович поколебался, сел. Условия игры продолжал диктовать не он.

Меринов поставил кресло на место, посмотрел на залитый кофе стол, вызвал секретаршу:

— Прибери и принеси ещё. — Посмотрел на гостя. — Может, всё-таки глотнёшь кофейку? Травить тебя мне не резон.

Василий Никифорович снова почувствовал непреодолимую жажду, однако отрицательно покачал головой, не желая принимать от врага никаких подачек.

— Не хочу.

— Как знаешь.

Инна вытерла стол шефа, принесла чашку кофе.

Меринов сделал глоток, блаженно зажмурился, потом сунул руку в ящик стола, вытащил пистолет необычной формы, положил на столешницу.

— Узнаёшь?

— Кодон! — пробормотал Василий Никифорович.

— Программатор, конечный элемент кодона, так будет верней. Кстати, конечным излучателем кодона теперь может быть и обыкновенный «глушак», то есть суггестор «удав». Как видишь, я мог бы просто запрограммировать тебя, и ты был бы уже моим зомби-солдатом. Но я этого не хочу. Ты нужен мне свободным... пока. Да и твои друзья тоже.

— Зачем?

Меринов спрятал излучатель, допил кофе, похвастался:

— У меня находится не только кодон, у меня есть и другие Великие Вещи. Но это к слову. А нужны вы мне для того, чтобы сделать одну работу, на которую я не хочу отвлекаться. Не скрою, сначала я хотел вас просто уничтожить, уж очень сильно вы меня расстроили.

— «Большой глушак».

— Да, это был блестящий ход — навести ФСБ на лабораторию. Но я контролирую кое-кого в этой системе, и БГ в скором времени ко мне вернётся. Так вот, я вдруг подумал: почему бы вам не сделать то, что я намеревался сделать сам? Мне нужны Великие Вещи Мира, хранящиеся в «модулях иной реальности», а также Вещи, разбежавшиеся по «розе» в силу различных обстоятельств. Одна из них — синкэн-гата, «устранитель препятствий». А он — у твоего воспитанника Стаса, который теперь служит Монарху. Понял мою мысль?

Василий Никифорович потемнел лицом.

— Я не верю, что Стас — раб Монарха...

— Пусть не раб, пусть ординарец, суть не в терминах. Найдите Стаса и уговорите его отдать мне синкэн. Тогда я отпущу твоих жену и сына. Идёт?

— Ты... мерзавец и негодяй!

— Согласен, — ухмыльнулся Меринов. — Хотя при этом я хочу сделать доброе дело.

— Это какое еще доброе дело?

— Не дать Монарху провести новое Изменение. Меня устраивает и нынешнее положение вещей, где я уже реализовался как оператор реальности. Синкэн же мне нужен именно для этой цели. Итак, мы договорились?

— Я тебе... не верю!

— Ну, тут уж одно из двух, надо решать, верить мне или не верить, — развёл руками Меринов. — Другого пути у тебя всё равно нет.

— Отдай хотя бы сына.

— Чтобы Ульяна потом сбежала в тхабс? — усмехнулся Марат Феликсович. — Поживут у меня, ничего с ними не случится. Или ты хочешь рискнуть их жизнями? Начать поиски? Планировать штурм фазенды?

Василий Никифорович сжал зубы, с трудом удержался от злой и резкой оценки собеседника.

— Мы... подумаем...

— Недолго, я надеюсь. Суток хватит?

— Хватит. Ну а если Стас... не захочет отдать синкэн?

— А это уже ваша забота. — Змеиные глаза Меринова заледенели. — Участь твоей семьи зависит только от вас. Повторяю: я мог бы легко переловить вас по одному, есть у меня такая возможность, потому что я могу заставить служить себе любую толпу, любой коллектив, в том числе военных, милицию и спец-

службы. Так что принимайте п р а в и л ь н ы е решения. В противном случае я найду других исполнителей. Итак, когда ждать ответ?

— Мы тебе позвоним, — глухо пообещал Василий Никифорович и исчез, не вставая со стула.

Марат Феликсович прищурясь посмотрел на его стул, пощупал лоб, нахмурился. В душу вдруг закрались сомнения относительно полного контроля над ситуацией. Комиссары «чистилища» всё же были не только руководителями секретной организации, успешно боровшейся с криминальным беспределом в стране, но и Посвящёнными очень высокого ранга и могли многое из того, что было недоступно простым смертным.

В кабинет заглянула Инна, вздёрнула брови.

— Где он?

— В Караганде, — находчиво ответил кардинал СС.

Глава 19

НА ХРЕНА МНЕ ВСЁ ЭТО?!

Сны с прекрасной незнакомкой перестали сниться окончательно, однако Артур уже не сожалел об этом, поскольку встретил незнакомку во плоти и теперь наслаждался её обществом, вдруг осознав, что влюблён как мальчишка. Какие чувства питала к нему сама Светлана, он не знал, а спрашивать не решался, боясь получить не радующий сердце ответ. В то же время она не отказывалась от встреч, принимая его ухаживания без колебаний, и этот факт согревал душу и поддерживал надежду на взаимность чувств.

Тринадцатого августа они встретились в ресторане «Двенадцать стульев» на улице Ильфа и Петрова, поужинали, Артур предложил Светлане поехать к нему домой, показать снятые им в разных странах видеофильмы, и девушка неожиданно согласилась, отчего у Суворова случилось временное выпадение сознания. Во всяком случае он не помнил, как они ехали в Мневники, очнулся лишь в тот момент, когда открывал входную дверь квартиры.

А потом они целовались.

Пили вино — «Либфраумильх».

Снова целовались. Добрались до постели...

...обрыв в памяти...

Душ, вино, кофе, поцелуи...

Вспомнилась шутка журналиста: женщинам не нравятся робкие мужчины, так же как кошкам не нравятся робкие мыши...

И снова жаркие объятия, поцелуи, восторг и полёт тел, пение и полёт душ... и ни одной связной мысли. Лишь кипение крови и желание касаться вздрагивающей под ладонями кожи, гладить плечи, грудь, живот, бёдра, целовать пухлые пунцовые губы и — продолжать полёт в немыслимое блаженство...

Только много позже он удивился — откуда силы?! Но ответа на вопрос не нашёл.

Чай пили в начале третьего ночи, сидя на кровати завёрнутыми в простыни.

— Ты так и не признаешься, кто ты на самом деле? — поинтересовалась розовая от вина и чая Светлана.

— Я царь и бог, — засмеялся Артур, — пока мы вместе. А вообще-то я самый обыкновенный искатель приключений, хотя по образованию — геолог. Правда, теперь у меня появилась миссия...

— Какая?

— Долго рассказывать, — махнул он рукой. — Да и в принципе я в любой момент могу отказаться от неё.

— Объясни.

— Не сейчас. — Артур потянулся к ней, но Светлана отвела руку, нахмурила брови.

— Не расскажешь — уйду! Или ты думаешь, я так и буду смотреть на тебя снизу вверх, округлив глаза? Показал мне свою «розу» — продолжай в том же духе. Должна же я знать, с кем имею дело.

— Это не дело, — запротестовал он. — Это...

— Суворов!

— Ну хорошо, хорошо, — поднял он руки, — сдаюсь! Давай так: слетаем ещё разок в «розу», вернёмся, и я расскажу тебе, как влип в эту историю.

— Это обязательно — слетать в «розу»?

— Не хочешь, никуда не полетим, просто я хотел показать тебе нашу Галактику со стороны и полюбоваться на квазар. Прошлый раз мы так и не собрались.

Светлана упала на кровать навзничь, раскинув руки, заметила его взгляд, натянула простыню до подбородка.

— Честно говоря, никуда не хочется бежать. Но если тебе это необходимо, давай слетаем.

— Кофе будешь? — вскочил он так резко, что простыня слетела с него на пол.

Светлана засмеялась. Он зарычал и бросился на неё...

Кофе, сваренный по-турецки, пили через полчаса. Собрались, не особенно заботясь об экипировке. Артур натянул спортивный костюм, Светлана — его футболку и старенькие джинсы. Он хотел взять с собой помповое ружье, но вспомнил совет Тараса не баловаться в «розе» с огнестрельным оружием и передумал. Лишь поместил в нагрудный карман куртки квадратик Дзино-рина.

— Поехали?

— Только ненадолго, ладно? Нормальные люди давно спят.

— Так то ж нормальные, — ухмыльнулся он, активируя тхабс.

Первая попытка подняться над галактическим домом человечества и посмотреть на него сверху не увенчалась успехом. Тхабс не понял приказа и перенёс пару практически на границу плотного сгустка звёзд, окружавших галактическое ядро — балдж. Свет многочисленных солнц здесь был так плотен и ярок, что тхабс с трудом выбрал нужный «экран», позволяющий путешественникам смотреть на сияющие потоки газа и звёзды без ущерба для зрения.

Планетой объект, на который вынесло путешественников, назвать было трудно. Он был мал и своеобразен, напоминая больше тушу исполинского десятикилометрового кита с пробитой во многих местах шкурой. Сквозь дыры были видны ряды «рёбер» и «позвонков», наводящих на мысль, что объект, возможно, и в самом деле когда-то был живым организмом, «космическим динозавром», либо искусственным сооружением.

Впрочем, восхищённая зрелищем близких звёзд, кружащихся в удивительном вальсе, Светлана не обратила внимания на принявший их объект, лишь тихо вскрикнула и вцепилась в руку спутника, когда они встали на «шкуру кита»: сила тяжести на его поверхности практически отсутствовала.

— Грандиозно! — прошептала она, вертя головой во все стороны. — До чего же клёво! Никогда не думала, что зависну в центре Галактики!

— То ли ещё будет, — пообещал он, снова включая тхабс.

На этот раз попытка удалась, и путешественники оказались внутри стеклянной полусферы, венчавшей высокую — чуть ли

не километровой высоты — башню или скалу. Таких башен-скал было много вокруг, целый лес, и стояли они на огромной вогнутой платформе, которая, в свою очередь, представляла собой вершину другой башни — квадратной, выраставшей из месива труб разного диаметра, напоминавших вывалившиеся кишки какого-то апокалиптического зверя. Поверхность планеты или объекта, на которой располагалась башня, разглядеть под слоем «кишок» было невозможно.

Однако не она привлекла внимание землян.

Планета с башнями висела, а может быть, мчалась с неизвестной скоростью над гигантской звёздной спиралью — Галактикой, и от этой удивительно гармоничной и красивой панорамы у путешественников захватило дух.

— Боже мой! — с дрожью в голосе проговорила Света. — Феноменально! Круто! Нет слов!

Артур промолчал. У него тоже не хватало слов, способных описать грандиозную картину галактического о р г а н и з м а, бросающего во тьму космоса потоки радужного света.

— Ну что, налюбовалась? Летим на квазар.

— Подожди! — остановила она его. — Хочу побыть здесь ещё минутку. Это же чума, а не зрелище! Меня просто колбасит от восторга!

— А других слов ты не знаешь? — хмыкнул он. — Где нахваталась этого глупого жаргона?

Светлана не ответила, заворожённая самой прекрасной из картин, когда-либо виденных ею.

Он подождал немного, сам увлёкшись созерцанием звёздной спирали, поискал было глазами рукав Галактики, где должна была находиться жёлтенькая звезда Солнце, но не смог, не знал ориентиров.

— Всё, хватит, поехали дальше.

Светлана вздохнула, с сожалением отводя взгляд от сгустка звёзд и световых струй в центре Млечного Пути.

— До чего же балдёжный вид! Шоколад! Круче я не... — Она заметила взгляд Артура, покраснела. — Я что-то не то говорю?

— То, но не по-русски, — усмехнулся он. — Знаешь, где мы с тобой сейчас находимся?

Девушка только теперь начала осматриваться, раскрыла глаза шире.

— Это же... город!

— Нечто вроде этого. Тарас мне рассказывал, что Инсекты

ещё до появления человечества облетели чуть ли не весь космос, причём не пользуясь тхабсом, и везде оставили следы пребывания. Если я правильно оцениваю пейзаж, то этот, с позволения сказать, город построили Симилиды.

— Кто?!

— Разумные мошки. А может быть, комары.

Светлана невольно засмеялась.

— Шутишь?

— Нет.

— Тогда признавайся, кто такой Тарас. Ты много раз вспоминал это имя, но так и не объяснил, кто он. Кто такие Инсекты? Что такое тхабс? Что вообще происходит? Ты ангел или дьявол, наконец?!

Артур фыркнул.

— Ни рогов, ни крыльев я у себя пока не замечал. Предлагаю посетить квазар и...

Светлана сделала слишком резкое движение, оторвалась от пола помещения под прозрачным куполом, ахнула. Артур притянул девушку обратно, прижал к себе, чувствуя, как у неё часто бьётся сердце.

— Хочу домой, — тихо проговорила она.

— Не проблема, — уступил он.

Через несколько мгновений оба оказались в квартире Суворова. Он хотел поцеловать подругу, потянулся к ней и вдруг почувствовал, что они дома не одни. Выпрямился, прислушиваясь к ночной тишине, вышел в гостиную.

В кресле напротив выключенного телевизора сидел мужчина в белом костюме и потягивал через соломинку тоник.

— Тарас?!

— Привет, собиратель впечатлений. Куда тебя носило на этот раз?

Артур покраснел, оглянулся на вышедшую следом Светлану, удивлённую визитом.

— Здрасьте.

— Это... знакомая... Светлана...

— Очень приятно. — Тарас бросил на девушку странный взгляд, привстал, шаркнул ножкой, сел обратно. — Вы так похожи на одну мою... знакомую, сударыня.

— Это Тарас, — буркнул смущённый Артур.

— Я поняла. — Светлана прошагала на кухню. — Принесу вам чаю.

— Вы по делу? — подчеркнул Артур последнее слово.

— Присядь, потолкуем.

Артур сел, чувствуя себя неуютно.

— Теряешь время, друг мой. Пора в путь. Кстати, тебе никто не встречался во время знакомства с мирами «розы»?

— Нет... Кого вы имеете в виду? — Артур вспомнил сурового молодого человека в зелёном чешуйчатом костюме. — Один раз... он был с мечом...

Тарас отставил стакан с тоником.

— Значит, они уже вышли на тебя.

— Кто?

— Похож? — Гость шевельнул пальцем, и посреди комнаты соткалась из воздуха фигура парня, которого встретил Суворов. — Он?

Артур кивнул.

— Только он был в другом костюме...

— Это Стас Котов, бывший оруженосец Воина Закона, очень мощный боец. Не вступай с ним ни в какие переговоры, сразу беги, если встретишь.

— Почему?

— Потому что он сейчас служит тёмной силе.

Артур внутренне поёжился, в очередной раз подумав, что совершил ошибку, согласившись на предложение «колдуна».

— Что я должен делать?

— Я уже говорил: твоя задача — найти тех, кто поможет нам справиться с Монархом Тьмы.

— Где я их должен искать? В «розе»?

— И в «розе» тоже. Но я советую тебе спуститься в прошлое и поискать Предтеч.

— Это такие... предки Инсектов?

— Предтечи — предки всех разумных существ и систем в «розе реальностей». Они — истинно дети Люцифера, в принципе — тоже Богоотступника, но они единственные, кто сможет вывести тебя... и нас... на Безусловно Первого.

Артур скептически подёргал себя за мочку уха.

— Так они меня и послушаются. Кто я для них? Они меня и на порог не пустят, как говорится.

— Пустят, — спокойно сказал Тарас. — Во-первых, ты являешься представителем Архитектора Согласия, о котором я тебе говорил. Во-вторых, у тебя есть повод — побег Монарха из тюрьмы. В-третьих, у тебя будет карт-бланш.

— Что? — не понял Артур.

— Неограниченные полномочия. Правда, мне пока не удалось уговорить всех иерархов, чтобы тебя допустили до Посвящения столь высокого уровня, но шанс есть. К тому же я дам тебе одну крайне важную для успешного завершения миссии вещь.

Тарас допил тоник, полез в карман и протянул Суворову небольшую, берестяную с виду трубочку с дырочками.

— Свирель? — удивился Артур.

— Свисток. Или Иерихонская Труба, именно под этим названием она значится в реестре Великих Вещей Мира.

— Что мне с ней делать?

— Пока ничего, храни. По легенде, Свисток должен вызвать Творца, ну или хотя бы заставить его оглянуться на своё Творение.

Артур недоверчиво повертел в пальцах «свирель», скривил губы.

— Вряд ли этот... гм... гм... Свисток можно услышать в другой квартире.

— Он издаёт трансцендентный звук — особого рода вибрацию вакуума. Творец услышит. Но вот свистнуть в Иерихонскую Трубу может далеко не каждый человек. Более того — далеко не каждый иерарх. Я даже не уверен, что кто-нибудь из ныне живущих в «розе» сможет это сделать.

Артур с любопытством перевёл взгляд на исключительно спокойное лицо собеседника.

— Даже вы?

— Я всего лишь диарх, ИО инфарха, я тоже не всесилен.

— А сам инфарх?

— Не знаю, не спрашивал, но хочется верить, что у него есть иные способы связи с Творцом. Бери. Спрячь и храни как зеницу ока.

Артур снова повертел в пальцах «свирель», хотел дунуть, но вовремя спохватился, спрятал трубочку в карман.

Вошла Светлана, расставила на столе чашки, принесла чайник и тарелочку с бутербродами.

— Угощайтесь.

— Благодарю. — Тарас прижал руку к груди, поклонился; при этом лицо его на одно мгновение стало почему-то странно смущённым и виноватым. — Из ваших рук — хоть склянку яда, сударыня.

Светлана неуверенно улыбнулась, не понимая чувств гостя.

— Это просто чай.

— Прошу прощения, спешу. Может быть, ещё свидимся.

Тарас вскинул руку над головой, исчез.

Светлана вздрогнула, посмотрела на ставшее меланхолическим и отрешённым лицо Артура:

— Никак не привыкну к этим вашим... колдовским штучкам. Он тоже владеет... как его... тхабсом?

— Если вам приходится спрашивать, значит, вам не положено знать, — глубокомысленно изрёк Артур. Подумал, добавил: — Хотя сказано это по другому поводу. — Он ещё немного подумал. — Зато про меня.

— Философ, — уважительно сказала Светлана. — Спиноза.

Артур очнулся, порозовел.

— Не обращай на меня внимания, я иногда думаю, что думаю. Давай пить чай, раз уж ты его принесла, и спать. Утром меня ждут великие подвиги.

Светлана посмотрела на него внимательно, подсела, обняла.

— Он на тебя накричал?

Артур слабо улыбнулся.

— Ну что ты, он никогда не повышает голоса.

— У тебя такое лицо, будто ты получил выговор.

— Просто иногда мне начинает казаться, что я зря взялся за это дело.

— Какое дело? — рассердилась Светлана. — Почему ты всё время говоришь недомолвками? Почему не скажешь правду? Боишься? Может быть, вы шпионы? Или работаете на бандитов?

Артур серьёзно кивнул.

— На них, родимых. А вообще-то я боюсь — за тебя, например. Лучше тебе не знать всех подробностей.

— Я и общей ситуации не знаю! Признавайся немедленно, на кого вы оба работаете?!

Артур засмеялся, обнял девушку, притянул к себе, преодолевая её сопротивление.

— Успокойся, мы не шпионы и не бандиты, мы добрые колдуны и работаем на всё человечество, честно. Вернее, работает он, а я пока только погулять вышел.

— Хоть намекни, чем вы занимаетесь.

— Хорошо, отсядь от меня, чтобы я не отвлекался, а то всё время тянет обниматься. — Артур залпом выпил чашку чаю, помолчал немного, решая, с чего начинать, и начал со встречи с незнакомкой в белом на берегу эвенкийской реки Джелиндукон.

Рассказ закончился, когда в окна квартиры уже постучался рассвет.

— Так я и стал агентом Тараса по особым поручениям.

— Боже мой! — прошептала Светлана; у неё пылали щёки и как у кошки светились глаза. — Неужели это правда?! Монарх Тьмы... Инсекты... мы — их потомки... Бред!.. Иерархи... вечная война... «роза реальностей»... Может быть, я сплю?

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но я рассказал то, что знаю. И ты прекрасно знаешь, что не спишь. Только прошу — никому об этом ни слова! Если Тарас узнает, что я тебе выдал нашу тайну, он мне голову оторвёт, не поможет и Дзи-но-рин. А теперь спать, я устал.

Светлана поднялась с дивана и направилась в спальню как сомнамбула. Она услышала столько поразительных вещей, что для их осмысления требовались свежая голова и время.

Однако через минуту они уже целовались, забыв о своих «больших космических путешествиях» и о тайнах Вселенной. На это сил хватило.

Уснули оба только в шесть часов утра.

* * *

В десять Светлана вспомнила о каких-то неотложных делах, чмокнула Артура в щёку, быстро собралась и убежала, пообещав позвонить во второй половине дня.

Он полежал на кровати — в чём мать родила, раскинув руки, размышляя, поспать ещё пару часов или немедленно отправиться выполнять задание Тараса. Победила совесть.

Артур встал, умылся, сварил и выпил кофе, переоделся в походный костюм: джинсы, куртка, кроссовки, нож, квадратик Дзино-рина, «Сникерс», фляга с водой. Снова захотелось взять помповик, не столько для защиты, сколько для психологической уверенности. Поколебавшись немного, он мысленно показал Тарасу язык и пристроил карабин в чехле за спиной, так чтобы его можно было быстро достать и применить.

— Пусть теперь попробует кинуться на меня с мечом! — вслух проговорил Артур, вспоминая парня в чешуйчатой кольчуге.

С минуту он ходил по комнатам, настраиваясь на поход в прошлое, потом понял, что просто-напросто боится этого похода, разозлился и активировал тхабс.

Короткий «полёт» в «колодце невесомости и мрака», удар света по глазам.

Артур невольно зажмурился, удивляясь тому, что веки не слушаются: зажмуриться не удалось! Мало того, показалось, что его спеленала смирительная рубашка! Руки и ноги не повиновались, а тело сдавила со всех сторон некая невидимая плотная накидка!

Он дёрнулся изо всех сил... и внезапно понял, что его сознание переместилось в тело предка, в то время как собственное тело со всеми вещами, одеждой и оружием осталось далеко «вверху» — в двадцать первом веке.

Сначала Артур возмутился: почему это Тарас может перемещаться в прошлое как физический объект, а он нет?! Потом пришла более трезвая мысль: зато теперь он практически ничем не рискует, находясь в чужом теле.

В теле предка, возразил внутренний голос.

Ну и что? Кто бы ни напал на этого предка, сам я в любой момент смогу вернуться домой в своё тело. К тому же, поскольку предок дал потомство, в результате чего в конце концов я и родился на свет, значит, мы с ним не погибнем.

Если только не произойдёт что-нибудь непредвиденное.

Что?

Монарх встретится, к примеру. Предок, может быть, уже и породил потомство, но его легко могут убить вместе с тобой.

Чёрта с два! — отмахнулся Артур. Я успею удрать.

Внутренний голос на это заявление промолчал, после чего Артур начал осматриваться и оценивать своё положение.

Предок оказался четырёхруким, что слегка шокировало Суворова. Тарас хоть и говорил о Перволюдях, вылупившихся из отряда Блаттоптера после Изменения, имевших шесть конечностей, но в реальности этот факт Артур представлял слабо.

Сидел предок, закованный в необычные доспехи — из выпуклых ромбовидных пластин, отливающих шелковистой зеленью, — на гигантском рогатом звере, не похожем ни на одно известное Артуру животное. Вооружён он был арбалетом и мечом, рукоять которого торчала справа от седельной сумки.

«Конь» предка не спеша брёл по долине, поросшей хвощами, высокой метельчатой травой и низкорослым кустарником, покрытым шапками белых цветов. Долину окружали цепи холмов и тёмно-зелёный лес. А впереди, у горизонта, виднелся шпиль какого-то сооружения, дрожащий в мареве нагретого воздуха.

Внезапно Артур почувствовал тревогу, и тотчас же предок натянул поводья, останавливая «коня», огляделся, беря нижней парой рук арбалет.

Над холмами показалась низко летящая птица, превратилась в лодку, в самолёт, в гигантское ажурно-складчатое сооружение с крыльями, и Артур понял, что видит летающую крепость Инсектов — мух, пчёл или ос. Крепость пролетела мимо, направляясь к башне на горизонте. Ни один из её обитателей не показался на глаза, не заинтересовался одиноким всадником.

Предок пришпорил «лошадь», и та понеслась за летающей крепостью плавной иноходью, набрав приличную скорость.

Артур решил было досмотреть, чем закончится встреча Инсектов (башня на горизонте тоже принадлежала какому-то отряду разумных насекомых), но не захотел терять времени. Тарас не одобрил бы его любопытства.

Он вернулся назад, в родное тело, улёгшееся на полу гостиной в позе трупа (м-да, вот так когда-нибудь вернёшься, а ты и в самом деле труп, ха-ха), пересел на диван, размышляя, идти дальше «вниз», в прошлое, или сразу вызвать Тараса и доложить, что ничего не получилось. В конце концов уговорил себя всё-таки попытаться нырнуть глубже. Со вздохом привёл в действие тхабс (легко, будто проделывал эту процедуру всю сознательную жизнь) и снова оказался в чьём-то теле.

Только на этот раз предком оказался не Первочеловек, а... представитель рода Блаттоптера сапиенс, «таракан разумный»! Ошеломлённый открытием, Артур не сразу оценил своё положение и лишь спустя какое-то время сообразил, что вышел в тело предка в момент сражения.

Вокруг всё сверкало, искрилось, мелькало, двигалось, дымилось, по крутым стенам какого-то замка бегали гигантские тараканы, стреляли из необычной формы «бластеров» по накрывшей крепость туче других насекомых — не то ос, не то шершней, и разобраться в ситуации — кто побеждает, кто проигрывает бой, не представлялось возможным.

Предок Артура оказался ловким и умелым бойцом, успевая и отстреливаться от летающих убийц, и командовать отрядом обороны. Однако в какой-то момент Артур заметил, что бой остался где-то позади, по бокам мелькают зелёные кущи и стволы деревьев, под ногами — каменистая почва, и понял, что предок сбежал с места сражения. Или, может быть, отступил вместе со всеми,

судя по мелькавшим среди деревьев и кустов спинам других тараканов.

Досматривать, чем закончилось бегство, Артур не стал. Сориентировал тхабс на возвращение и с минуту отдыхал, настраиваясь на ещё один нырок в прошлое. Страх отступил, появился живой интерес к событиям, происходившим на Земле сотни миллионов лет назад. Действительно, кто населял планету до Инсектов? Какие такие Предтечи? Как они выглядели? И можно ли поговорить с ними как с равными?

Он настроил тхабс соответствующим образом, чтобы нырнуть на самое «дно» разумной жизни на Земле, скомандовал: «Пуск!» — и... потерял сознание от удара по голове!

Впрочем, это было лишь впечатление от «мысленного рикошета». Никто его по голове не бил. Хотя ощущение было именно таким.

Очнулся Артур в своей же гостиной. Голова гудела, перед глазами всё плыло и качалось, в ушах звенело. Мысли с трудом пробивались к сознанию сквозь шумы и препятствия в виде перепуганных эмоций.

Первая мысль была: я сделал что-то не то!..

Вторая: отказал тхабс!..

Третья, преодолев «толпу» эмоций и переживаний, принесла трезвую оценку случившегося: предок Суворовых, предшествующий Инсектам, погиб, не передав по родовой линии наследственную информацию. Артур, попросту говоря, упёрся в свой личный биологический «тупик». Его родовая линия началась только при возникновении рода Блаттоптера.

Он встал, шатаясь, держась за голову, поплёлся в ванную, а когда вернулся, посвежевший, обнаружил в кресле гостя. Вяло поинтересовался:

— Вы за мной следите?

— Совершенно случайно проходил мимо, — без улыбки пошутил Тарас. — Ну как, удалось встретиться с Предтечами?

Артур потрогал голову, скривился.

— У меня мало опыта...

— Опыт — дело наживное.

— Такое впечатление, будто меня об стену шваркнули! Сначала я вышел в теле Первочеловека, потом в теле таракана, а третий раз...

— Понятно, ты достиг порога дивергенции, и тхабс выдернул тебя обратно. Не пропала охота путешествовать в прошлое?

— Не прошла, но ведь я не могу? Не пустит эта самая... дивергенция? Кстати, что это такое?

— Расходимость признаков генетических наследственных структур. Твоими предками были разные Предтечи, поэтому тхабс не смог сам выбрать, в какого предка внедрить твоё сознание. Разумеется — внутри твоей же памяти. На самом деле ты путешествуешь не в прошлое, а в глубины наследственной памяти. Человеческое тело по своим параметрам определяется во многом физическими чертами тел предков, однако ДНК содержит также опыты и воспоминания всех предков человека.

— И что теперь?

— Наверное, придётся дать тебе понятие реального режима хроноинверсии. В тхабс заложен и такой вариант взаимодействия с континуумом. Потянешь эту ношу, не испугаешься?

Артур уловил в голосе гостя насмешливую нотку, гордо выпрямился:

— Я уже дал согласие и не намерен отступать!

— Что ж, одним грехом больше, одним меньше, а ответ держать всё равно придётся. Садись, не то упадёшь, когда я отключу твои мозги. Кстати, где ты познакомился со Светленой?

— Со Светланой. — Артур послушно сел на диван.

— Извини, со Светланой.

— Случайно, в подъезде собственного дома, она к подруге утром спешила.

— Интересно... — Тарас в задумчивости оттянул двумя пальцами нижнюю губу, но, заметив взгляд собеседника, принял обычный безмятежный вид. — Готов к сеансу мозгового апгрейда? Тогда начали...

Глава 20

ЗВЕРИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Совещание боссов Сверхсистемы, многие из которых занимали важные государственные посты, Меринов проводил в Большом театре, под видом собрания театральных деятелей. Приглашённых на совещание «настоящих» театралов, руководителей театров и студий, Марат Феликсович кодировал лично, и они, заняв места, тут же засыпали с открытыми глазами. Тех же, кто желал прорваться на совещание ради самой «богемной» тусовки, легко фильтровала охрана мероприятия. Особо настойчивых пе-

редавали милиции, а журналистов отправляли по домам с помощью ОМОНа.

Конечно, Меринов мог собрать кардиналов СС и у себя на вилле, чтобы соблюсти секретность акции, но ему захотелось, во-первых, поиздеваться над общественностью, во-вторых, испробовать свои возможности по зомбированию разного рода служб города, поэтому он и выбрал Большой, прославившийся скандальными постановками маргинальных пьес.

Совещание началось в семь вечера.

Докладчики не тратили время попусту и укладывались в отведённые регламентом десять минут. Через полтора часа работы сложилась общая картина криминального бизнеса в стране, проникшего во все сферы экономической, социальной и политической жизни России. Меринов мог быть доволен: не являясь президентом или премьер-министром, он д е й с т в и т е л ь н о управлял огромным государством, хотя об этом не догадывались ни члены правительства, ни президент, ни спецслужбы, ни рядовые граждане. По сути, Марату Феликсовичу не нужен был и Союз Неизвестных, через который он проводил в жизнь свою политику, но он не хотел отвлекаться на «мелочи», лелея мечту подмять под себя в с е управляющие структуры других стран мира.

Совещание закончилось «отстрелом» неугодных, пытавшихся действовать с излишней самостоятельностью, и выбором новых «генералов» СС. Был у Меринова соблазн испытать на коллегах малый «глушак» и отсосать «пару киловатт» пси-энергии, однако эксперимент мог закончиться сердечными приступами собравшихся, а привлекать медиков для реанимации коллег не хотелось.

«Генералы» разъехались по домам и гостиницам. «Настоящие» театральные деятели разошлись, уверенные в том, что они действительно решали какие-то проблемы в области культуры и театра.

В одиннадцать часов Марат Феликсович снял со здания Большого театра «вуаль непрогляда», исключающую все виды прослушивания внутри, и велел Столину собрать членов Союза Неизвестных, присутствующих на совещании, у себя на даче. Сам же он прибыл туда через тхабс-линию, не пользуясь услугами обычного транспорта.

Нынешний Союз Неизвестных России включал в себя одиннадцать членов, считая и самого маршала. Трое из них работали в аппарате российского правительства, трое в Генеральной про-

куратуре и ФСБ, остальные возглавляли крупнейшие финансовые группы и компании. Но лишь один из них был Посвящённым Внутреннего Круга — министр образования Бураго. Остальные даже не догадывались о существовании этой эзотерической системы, сильно потрёпанной войной с Истребителем Закона. Впрочем, дело своё они знали туго, а главное — беспрекословно подчинялись главе Союза, уступая ему инициативу по всем спорным вопросам.

Собрание Союза длилось около часа. Были согласованы три из десяти позиций нового плана по внедрению агентов влияния в государственные структуры, а также прошла дискуссия по теме: менять президента в ближайшие полгода или нет. Решили менять. Уж слишком рьяно взялся молодой и амбициозный руководитель страны за искоренение коррупции в высших эшелонах власти, в правоохранительных органах и законодательных собраниях. Сверхсистеме это было невыгодно, её устраивало нынешнее «социальное болото», в котором без следа тонули нужные для развития страны решения правительства и президента, и инертность народных масс.

В час ночи Марат Феликсович проводил последнего кардинала и занялся любовью с секретаршей. В два часа он решил продолжить поиски Великих Вещей в оберегаемых Хранителями «модулях иной реальности», обладание которыми превращало его в мощнейшего иерарха «розы реальностей», сравнимого по возможностям чуть ли не с самим инфархом.

На этот раз он выбрал МИР, притаившийся в недрах земли под мексиканским городом Тецкатлипока. Насколько было известно Меринову, именно в этом «модуле иной реальности» хранился Гхош — Переводчик Необъяснимого, с помощью которого можно было воспринимать и расшифровывать информацию любого слоя астрала и ментала и разговаривать с животными и растениями на их языке.

Инне о своих целях он ничего не говорил, да ей и в самом деле было наплевать, чем занимается босс в свободное от работы время. Главное, что он брал её с собой и был настолько демократичен, что позволял спать со всеми, кого она выбирала, включая телохранителей.

В половине третьего, одетые в походно-боевые комбезы, вооружённые до зубов, Меринов и его подруга вышли из тхабс-канала под своды огромной пещеры, в центре которой высился замок Изоптеров — разумных термитов, похожий на изумитель-

ной формы ажурный гриб. Материал замка напоминал мутное бутылочное стекло со светящимися внутри золотыми прожилками. Было видно, что изгибы наплывов и натёков стен гриба не имеют геометрических изъянов, а уложены — или выращены — они по закону фрактала, что и вызывало колоссальный эстетический эффект.

Входов-дыр, круглых и овальных, в стенах замка было много, однако все они казались закрытыми прозрачными крышками.

Марат Феликсович привычно проверился — нет ли засады, подошёл к замку и одним движением пальца разбил нижний прозрачный щит, закрывающий вход в сооружение. Он мог бы воспользоваться и тхабсом, но самым действенным способом вызова Хранителя был именно такой — силовой, нарушающий наложенное заклятие.

Петлистый тоннель с разного диаметра переходами привёл гостей в зал царя Изоптеров. Точнее, как и положено термитам нынешним, род Изоптера сапиенс имел матку-царицу и самца-царя, поэтому в тронном зале их «фамильного» замка стояли два саркофага. В каком из них находится Гхош, Марат Феликсович не знал.

— Сейчас здесь появится Хранитель, — сказал он, — будь наготове. Но стрелять только по моей команде.

— Слушаюсь, шеф! — браво вскинула подбородок Инна и передёрнула затвор пистолета-пулемета «бизон».

Меринов прошёлся по тронному залу царей Изоптеров, разглядывая саркофаги. Они были похожи друг на друга, напоминая форму тел термитов, но саркофаг матки Изоптера был вдвое больше. Вполне возможно, именно он хранил Великую Вещь в определённом интервале времени.

Повеяло холодом.

Марат Феликсович оглянулся, приводя организм в состояние магического оперирования.

Из-за саркофага царя Изоптеров вышел небольшого роста смуглолицый усатый мужчина в зеленоватом пончо, с полосатым шарфом вокруг шеи. Это был Хранитель Тигана. Он покосился на Инну, оценивающе глянул на высокого гостя.

— Сапотера, Хранитель, — проговорил Меринов. — Хорошо выглядишь.

— Чего тебе надо, предатель? — неожиданно тонким голосом отозвался Тигана.

Марат Феликсович усмехнулся.

— Неласково ты меня встречаешь. А зря. Я хотел предложить тебе место в своей свите.

— Я не нуждаюсь в твоей опеке и никогда не стану твоим холуём. Убирайся отсюда!

— Не так грозно, Хранитель. Ты же знаешь, твоих сил недостаточно, чтобы сопротивляться мне, а я ведь могу и не пожалеть твоих больных детей, да и тебя вместе с ними.

Тигана потемнел.

— Ты не посмеешь...

— Посмею, друг мой! Поэтому давай договоримся: ты даёшь мне доступ к Переводчику, я оставляю тебя в живых. Мало того, я помогу тебе вылечить твоих шизоидных деток.

— Значит, это правда. Ты убил Никандра! Ты разрушил МИР Такэды! Завладел Интегратроном, Вратами, Психроном! Зачем тебе это нужно?

— Вам, Хранителям, этого не понять, вы не знаете, что такое власть! Да и недосуг мне вести с тобой философские диспуты. Условие понял? Ты открываешь мне доступ к Гхошу, я отпускаю тебя с миром.

— А если я не соглашусь?

— Ты согласишься. — Марат Феликсович раздвинул губы в пренебрежительной улыбке, дёрнул «молнию» комбинезона на груди. — Узнаёшь?

Под комбинезоном у него висел на цепочке невзрачный на вид квадратик с красивым и сложным рисунком — мандалой.

— «Нагрудник справедливости»!

— Он самый, мне его когда-то отдал Бабуу-Сэнге.

— Нагрудник был уничтожен...

— Как видишь, он уцелел. Но главное, что он представляет собой не только активатор силы Гамчикот, но и один из элементов кодона. Мне достаточно сориентировать его на лавинообразный каскад отрицательного заряда, и ты умрёшь. Причём не сразу, будешь мучиться, а вместе с тобой и вся твоя семья. Подходит тебе такой вариант?

— Ты... мерзавец!

— Ну, это смотря с какого конца посмотреть. Я ведь хочу освободить тебя от жуткой ответственности. Ты сможешь больше времени уделять семье и не думать о былых обязанностях. Соглашайся, друг мой, пока я ещё предлагаю сделку, не будь дураком. Терпение не является моим главным достоинством.

— Я не хочу иметь с предателем никаких дел! И берегись! Мы

объединимся, и никакие кодоны и другие Великие Вещи тебе не помогут!

— Ну, это когда ещё случится — ваше объединение, — презрительно выпятил губы Меринов. — В данный момент тебе это не поможет. Итак, ты отказываешься помочь мне добровольно? Или примешь всё-таки правильное решение?

— Я уже... — Тигана не договорил.

В зале появился ещё один гость, высокий, суровый, в чешуйчатом зеленоватом костюме. Стас Котов.

Меринов и Тигана переглянулись.

Инна, контролирующая беседу шефа с Хранителем, бдительно перевела ствол «бизона» с фигуры Хранителя на более опасную цель.

— Мне нужен Гхош, — медленно сказал Стас низким ровным голосом. — Сообщите ключ доступа и останетесь жить.

— Кто ты такой, чтобы требовать у меня Великую Вещь? — удивился Тигана.

— Это бывший оруженосец Воина Закона, — усмехнулся Марат Феликсович, прикидывая, стоит ли затевать бой с посланцем Монарха, даже если на его сторону переметнётся Хранитель, или лучше сразу навострить отсюда лыжи. — Теперь он служит патрону.

— Какому патрону?!

— Геноссе Конкере.

Тигана окинул взглядом фигуру гостя в странной кольчуге, заметил рукоять меча над плечом.

— У него всего лишь меч...

— Это не простой меч, — вежливо уточнил Меринов. — Синкэн-гата. Повторяю: парень служил оруженосцем Воина и прекрасно владеет техникой иайдо. Однако, друг мой, тебя поставили перед нелёгким выбором. Гхош нужен нам обоим. Кому отдашь предпочтение? Надеюсь, не Монарху, рвущемуся доказать всем, что он способен изменить Материнскую реальность?

— Вы оба — Зло мира!

— Но я — зло меньшее, — возразил Меринов. — В отличие от Конкере я не собираюсь уничтожать весь род человеческий. Переходи на мою сторону.

— Ты предатель, — сказал Тигана уже с меньшей уверенностью в голосе. — Сейчас тебе выгоден наш союз, но в любой момент...

— Союз выгоден нам обоим, глупец.

— Если у него «устранитель препятствий», мы проиграем.

— Мы оба обладаем диапазоном *сарва-ракша-кара*, я инициирую силу Элохим, нас защитит нагрудник Бабуу...

— Дурак! — перебил Меринова Стас, сделав к нему шаг. — Я никого не боюсь! Для меня человек — пыль на дорогах истории! И ты — пыль, и сам я — пылинка[1]. — Впечатление было такое, будто он говорил заранее заученный текст. — Вы проиграете, даже если все Вещи Мира будут служить вам. Хранитель, отдай Гхош по-хорошему, иначе я достану его по-плохому!

Свистнул, вылетая из-за плеча и удлиняясь на полтора десятка метров, меч в руке Стаса, достиг лба Хранителя.

Грянула очередь, выпущенная Инной из пистолета-пулемёта.

Пули кучно легли в грудь Котова и странным образом обтекли его фигуру, превращаясь в дымные струйки.

Марат Феликсович, воспользовавшись случаем, нанёс мощный раппорт по пси-сфере противника, одновременно включая нагрудник Бабуу-Сэнгэ в режим дезинтеграции сознания. Однако Стас отлично владел техникой уклонения от психофизического удара с помощью перехода на другую частоту психического состояния и отразил атаку. А затем ответил таким ударом, что надситуационную защиту Меринова «сдуло», как слой тополиного пуха!

Сработал «пожарный сигнализатор» психики, включая тхабс.

В последнее мгновение перед нырком в темноту Меринову показалось, что за спиной противника возникла призрачная фигурка женщины в белом, но сомкнувшаяся над головой тьма тхабс-«полёта» отключила все его органы чувств.

А вот вышел он не на Земле. Очевидно, в «аварийном» режиме тхабс не успевал качественно обработать желание хозяина и перемещал его просто в «безопасном направлении», подальше от опасного места.

Белое небо с тусклым пятном светила над размытым горизонтом, белые холмы, белая река, развалины какого-то сооружения на вершине холма — серо-белые, местами отсвечивающие перламутром. Воздух для дыхания годится, но кислорода мало, зато очень много углекислого газа. А сила тяжести небольшая, как на Марсе. Безумие! Куда это его занесло?!

Марат Феликсович выгнал из головы остатки «дури», по-

[1] *Алдан-Семенов А.* На краю океана.

рождённой атакой Котова, достал флягу с коньяком, сделал большой глоток. Окончательно полегчало.

Ну погоди, зомби хренов! Я ещё тебя подловлю где-нибудь! — мысленно пообещал Стасу маршал СС. И башку снесу твоим же собственным мечом!

Откуда-то издалека прилетел печальный звук, похожий на стон резко изогнутой двуручной пилы.

Меринов напряг слух, но звук больше не повторился.

Жизнь? Иллюзия? И вообще, что это за мир? Явно не ближайший к Земле «лепесток», планеты Солнечной системы не имеют такой плотной кислородной атмосферы. На центр Млечного Пути тоже не похоже. Какая-то из звёзд на краю галактического рукава? Вообще другая галактика? Край Вселенной?

Тхабс, зараза, ты куда меня закинул?!

Хрустя слоем белого вещества, напоминающего снег, но снегом не являющегося, Меринов поднялся по склону холма к развалинам циклопической постройки, придавившей вершину, и вдруг понял, что это вовсе не архитектурное творение, а... колоссальный скелет!

— Ни черта себе! — пробормотал он, разглядывая белесые позвонки, ребра и высохшие внутренности трупа сквозь дыры в сморщенной шкуре. — Хороша зверюшка! Интересно, отчего она загнулась? От старости? От болезни? Или её убил какой-то славный охотник?

Марат Феликсович взобрался на бугорок повыше, пытаясь окинуть взглядом всё существо, не смог, но перед мысленным взором нарисовался эдакий шестиногий монстр, помесь носорога и кентавра. При этом почему-то показалось, что существо было разумным. Впрочем, слева видна какая-то конструкция, не принадлежащая скелету. Вдруг это оружие охотника? Или погибшего великана?

Меринов обошёл одну из конечностей скелета, остановился перед лежащим на белых буграх предметом необычной формы. Не меч, судя по изгибам и наплывам, но крест, то есть явно искусственное образование. Дубина, к примеру. Палица. Оружие. Вполне возможно — очень мощное. Разве что в руки не возьмёшь, для этого самому надо стать великаном.

Марат Феликсович вдруг спохватился, что рядом нет секретарши. Дьявольщина! Сама она из подземелья с МИРом Изоптеров не выберется. А терять такую верную спутницу жаль, она

ещё пригодится. Если только Котов её не замочил от злости, упустив главного противника. Надо возвращаться.

Меринов потрогал пятиметровой длины рукоять странного креста. Пришла идея после возвращения домой сходить в «библиотеку» ментала и поискать информацию об этом виде оружия. Если это и в самом деле ценная вещь, можно будет вернуться сюда и забрать крест на Землю.

Светлая судорога передёрнула небеса.

Марат Феликсович ударно привёл себя в состояние боевой готовности. И тотчас же недалеко от скелета погибшего в незапамятные времена «кентавро-носорога» проявилась из воздуха фигура апокалиптического зверя: не то дракона высотой с небоскрёб, не то динозавра с ногами кузнечика. Раскрылась алая хищная пасть, полная кинжаловидных зубов, сверкнули янтарно светящиеся узкие глаза с вертикальными зрачками, вытянулись вперёд суставчатые, бликующие полированным металлом лапы с пятью саблевидными когтями каждая.

Холодея, Меринов понял, что встретился со Зверем Закона, принявшим в этом мире облик жуткого монстра. Впрочем, данный облик Зверя вряд ли испугал бы даже земного обывателя, привыкшего видеть таких монстров по телевизору пачками. Однако на что рассчитывали земные дизайнеры, разрабатывающие подобные формы жизни для ужастиков, было понятно, их воображение не шло дальше картин Иеронима Босха и Кондолизы Мраз. А вот почему изгнанный из Материнской реальности в «розу» Истребитель Закона начал принимать примерно такие же формы, Меринову было непонятно. За своё долгое хождение по мирам «розы» он повидал гораздо более жутких представителей флоры и фауны, от одного вида которых действительно можно было получить психологический шок.

Мысль об этом мелькнула и исчезла. На повестке момента стоял только один вопрос: бежать отсюда немедленно или сначала попытаться завязать со Зверем знакомство?

Охотник за иерархами начал первым.

Пасть Зверя метнула клуб огня, накрывший холм с лежащим на его вершине скелетом погибшего великана.

Но защитная сфера тхабса выдержала энергетический выхлоп, хотя и с трудом: в подсознании Марата Феликсовича мигнул красный индикатор тревоги, предупреждая о быстро тающих запасах защитных свойств тхабса.

Клуб огня распался на мелкие струйки, растаял.

Зверь снова открыл пасть, собираясь продолжать «беседу» с человеком в том же духе.

— Остановись! — крикнул Меринов на уровне силы Шаддай, сопровождая звуковой солитон мысленно-волевым раппортом.

Звуковой удар поднял в воздух тучи белесой пыли, обрушил кое-где кости скелета, породил гулкое эхо.

Дракон замер, озадаченный демонстрацией мощи «букашкой», которую он собрался испепелить.

— У меня к тебе деловое предложение! — продолжал Марат Феликсович тем же громовым голосом. — Иерархи — скучные ребята, не надоело гоняться за ними по «розе»? Могу вывести тебя на противника посерьёзней.

Зверь выпустил ещё один клуб огня, но уже гораздо слабее. Впечатление было такое, будто он колеблется.

Марат Феликсович активировал «нагрудник справедливости», послал мощный пси-раппорт, пытаясь подавить волю охотника за иерархами. При этом он понимал, что речь идёт не о воле как таковой, а о программе, реализующей смысл жизни этой твари, по сути — более сложной программы, внедрённой в материальную ткань «розы реальностей». Но ведь должна же быть и у неё своя ахиллесова пята?

— Этот враг твой — бывший оруженосец Воина Закона, — добавил Меринов грохочущим раскатом. — Он собирается уничтожить тебя!

Зверь открыл пасть и закрыл. Информация, полученная им, требовала анализа и оценки. Отмахнуться от неё, не обратить внимание на предупреждение он не мог. И всё же этот хищник не был животным из натуральной плоти и крови, движимым инстинктами или зачатками разума. Его «наследственность» не допускала долгих колебаний, сомнений и размышлений. Пси-удар Меринова не изменил сути программы, оператору не хватило ни силы, ни качества в преодолении магической защиты создателя Зверя.

— Идём со мной! — заторопился маршал СС, видя, как наливаются алым сиянием глаза монстра. — Твой враг сейчас на Земле! Его зовут Стас Котов!

Зверь раскрыл пасть и метнул реку огня!

Но Меринов уже включил тхабс и покинул негостеприимный мир «розы» с разъярённым охотником за иерархами Круга. Сражаться с ним не имело смысла. А для его перепрограммирования не хватало возможностей. Нужен был кодон с определённо ори-

ентированным вектором воздействия, а не его отдельные элементы, разбросанные по всей «розе», такие как «нагрудник» Бабуу-Сенгэ или программаторы, доставшиеся в своё время многим Посвящённым, в том числе Рыкову. На крайний случай сгодился бы, наверное, и «Большой глушак», но перенести его в «розу» не представлялось возможным. Разве что заманить Зверя в лабораторию и долбануть пси-разрядом максимальной мощности?

— А это идея, — вслух пробормотал Меринов, оглядывая гостиную на втором этаже своей виллы, куда перенёс его тхабс. — Надо будет тщательно её обдумать.

Тишина заставила его вспомнить о секретарше.

Мать её за ногу! Придётся идти выручать.

Он активировал тхабс, указав конечный пункт выхода — подземелье мексиканского города Тецкатлипока. Вышел в полутьму пещеры, накинув на всякий случай «плащ-невидимку». Но опасности не учуял. Стас Котов отсутствовал. Хранитель Тигана тоже. У замка Изоптеров сидела на полу, подогнув ноги по-восточному, Инна и... мурлыкала какую-то мелодию!

Мгновением позже Меринов увидел в руке девушки флягу с бодрящим напитком — в отличие от него она предпочитала виски — и понял, что секретарша пьяна. Подкрался сзади, положил руку на плечо:

— Ваши документы!

Инна вскинула голову, узнала начальника, попыталась вскочить на ноги, но едва не упала.

— Ой, голова кружится! Марат Феликсович, рада вас видеть. Я уж думала, что вы не вернётесь...

Он уклонился от её объятий, спросил сухо:

— Где они?

— Ой, они спорили, потом старый мексикашка взбесился, молодой ударил его мечом, и оба пропали на х...

Марат Феликсович с облегчением вздохнул. Что бы ни случилось, одно было ясно: Хранитель не дал Котову ключ к Гхошу. Шанс когда-нибудь найти к нему доступ оставался.

— Вставай, пойдём домой.

— А может, мы прямо тут, шеф? — подмигнула Инна. — Такая экзотика...

Меринов молча включил тхабс.

Глава 21

КОТОВ ПРОТИВ КОТОВА

Они не привыкли предаваться унынию и хандрить. Характеры всех троих были схожи и требовали действия. Но решить проблему с кондачка не представлялось возможным, поэтому, вернувшись из Думы после встречи с Рыковым-Мериновым, Посвящённые первым делом созвали командиров групп и подразделений «СМЕРЧа» и провели совещание, определившее дальнейшую работу «чистилища». Затем ликвидировали провалившуюся базу в Марфине, перевезя всё оборудование и мебель в три других района, где строились запасные базы и офисы. Перевели мейдер Вени Соколова на режим постоянной «летучей» готовности, снабдив бойцов отряда защитными «тюбетейками» от психотронного излучения. А вечером того же дня собрались на квартире Котовых, угрюмо-озабоченные, молчаливые, но не опустившие руки.

— Выполнить задачу Германа нереально, — высказал общее мнение Парамонов. — Даже если мы найдём Стаса, добровольно он нам синкэн не отдаст.

— Но и не искать его мы не можем, — буркнул Василий Никифорович, буквально почерневший за последние сутки. — У нас нет выбора.

— Давайте всё-таки попробуем отыскать адрес Ульяны, — предложил Самандар, то и дело прикладывающий трубку мобильника к уху. — На всякий случай. Мало ли что случится, а нам не мешало бы знать, где её прячет Герман.

— Он это почувствует, — качнул головой Василий Никифорович.

— Если мы сможем организовать пси-солитон по типу «четвёртой сферы света»...

— И объединиться «Размышлением Бога», — быстро подхватил идею Самандара Парамонов, — мы получим независимое метасознание. Рыков не сможет нас идентифицировать, это не его уровень.

Василий Никифорович встал, прошёлся по комнате — руки в карманах брюк, сел на диван.

— Надеюсь, наше положение не ухудшится. Устраивайтесь поудобнее. Водителем солитона буду я, если не возражаете.

Самандар пожал плечами, отключил мобильник.

— Я готов.

— Приступили, — кивнул Иван Терентьевич.

Василий Никифорович закрыл глаза и открыл «внутренние врата души». В голове зазвучала струнная музыка, состоящая из разных мелодий: друзья начали искать ментальные связи, настраиваясь на общую «сферу света». Но вот мелодии сблизились, зазвучали синхронно, ментальные поля Посвящённых образовали маленький резонансный контур, своеобразную солитонную волну, и Василий Никифорович перестал быть самим собой. Точнее, границы его личности расширились, обняли индивидуальные мыслесферы друзей, и он стал чувствовать себя шестируким и шестиногим трёхголовым существом, способным пронизывать массивные материальные образования и ощущать «тонкие планы» бытия.

«Переходим в с и л у Эл».

Диапазон видения-чувствования Котова, а вместе с ним и его «ведомых» скачком раздвинулся. Они стали видеть в ультрафиолете, в инфракрасном свете, в рентгеновском и длинноволновом диапазонах электромагнитного спектра. Сознание Василия, став многослойным из-за «интерференции» сознаний Посвящённых, получило удивительную возможность проникать в сознание других людей и в общее континуальное энергоинформационное поле космоса, не совсем правильно называемое менталом.

Перед мысленным взором «тройного солитона» Посвящённых предстало своеобразное колышущееся, брызжущее искрами, вспыхивающее, мерцающее море с в е т а — море «подсознания» колоссальной живой системы под названием «планета Земля».

«Поиск!»

«Одну минуту — защита! — напомнил Самандар. — Я чую псов!»

Он имел в виду особые программы защиты ментала от проникновения в него «посторонних психосфер», которые были известны как «сторожевые псы границ».

«Повышаем потенциал Эл! Используем местный рельеф!»

Василий Никифорович предлагал «спрятаться» за более массивными психофизическими эгрегорами, образующими «горы», «стены» и «острова».

Тихий гул и треск донеслись из глубин ментального моря. Над его туманно-призрачными волнами показались кошмарные всадники на кошмарных конях: мертвецы в истлевших одеждах

на скелетах жутких драконов. Это и были «сторожевые псы ментала», ничуть не напоминавшие живых земных собак.

Однако психоэнергетический солитон Посвящённых уже нырнул в «море», под ближайший «остров», и всадники проскакали мимо, вертя черепами с провалами глаз, ушей, носов и ртов. Не доходя до размытой линии горизонта, они растворились в «морских испарениях».

«Поиск!»

Струнное гудение ментального эфира смолкло, будто его выключили. Эгрегор охотников за информацией перешёл в иное качество, обрёл метасознание, стал высокочувствительной поисковой системой, способной видеть глубины материи — вплоть до элементарных частиц и слышать «беседы» животных и растительных биоструктур.

В глубокой «подсознательной» тишине психокосмоса Земли прозвучал тоненький вскрик ребёнка.

«Подмосковье!» — отреагировал Самандар.

«Вижу! — отрезал Котов. — Локализуем!»

Голосок ребёнка прозвучал ещё раз, отчётливее. Спустя мгновение стали известны координаты носителя детского пси-голоса.

«Заморёново! Я знаю, где это!» — быстро просигналил Самандар.

Внезапно кто-то посмотрел на пси-солитон Посвящённых, оценивающе, воинственно, озадаченно. Над «морем» ментала просияла призрачная фигура человека с горящими глазами, растаяла.

«Ноги!»

Общий пси-солитон Посвящённых распался на три индивидуальные мыслесферы, поле видения скачком сузилось до пределов города, ещё ниже — до пределов комнаты, вернулось в границы тел. Василий Никифорович ощутил себя сидящим на диване в гостиной. Голова слегка кружилась, рот пересох, как после долгого бега по пустыне.

— Заморёново, Северо-Запад, по Новорижской трассе, — торопливо сказал Вахид Тожиевич. — По-моему, это одна из бывших царских усадеб. Километров двадцать пять за МКАД.

— А Герман, похоже, нас не уважает, — задумчиво проговорил Иван Терентьевич. — Ульяну-то он закрыл «непроглядом», а сына твоего не догадался.

Василий Никифорович сгорбился, обнимая колени.

Парамонов посмотрел на Самандара, встретил его ответный понимающий взгляд.

— Не переживай, Вася, мы их освободим. Кстати, мне показалось или нас и в самом деле кто-то пытался запеленговать?

— Не показалось, — глухо произнёс Котов.

— Ты его узнал? Кто это мог быть? Неужели Рыков?

— Стас.

Парамонов и Самандар снова переглянулись.

— Ты уверен?

Василий Никифорович молча встал, вышел на кухню и вернулся с графином водки и стаканчиками.

— Выпить хочу, поддержите?

— Поддержим-то мы поддержим, — проворчал Иван Терентьевич, — да только пьянство без причины — пережиток прошлого, и от него надо избавляться.

— Пьянство — пережиток прошлого, настоящего и будущего! — назидательно поднял палец вверх Самандар. — Поэтому на работе я не пью. — Он подумал. — И вам не советую.

Василий Никифорович усмехнулся, плеснул ему в стаканчик прозрачной жидкости.

— Ты не на работе. За успех безнадёжного дела!

Они чокнулись. Котов и Парамонов сразу выпили. Самандар понюхал стакан, вздохнул и аккуратно вылил в рот водку. Проглотил, не дрогнув лицом.

— Горькая, однако. Как наша жизнь. Не понимаю, что вы в ней находите.

Закусили ломтиками сыра.

— Предлагаю обсудить наши планы, — сказал Иван Терентьевич. — Да я домой смотаюсь, а то меня там не поймут.

— Наши планы просты, — сказал Вахид Тожиевич. — Найти Стаса и... — Он внезапно замолчал с открытым ртом. — У меня идея, сударь мои! Что, если спуститься вниз, в прошлое, и замочить отца Рыкова? Ну, или хотя бы расстроить его свадьбу, чтобы Герман никогда не родился на свет.

— Тебе вредно пить, — проворчал Парамонов. — Близкое прошлое нам недоступно. Ты же сам учёный, знаешь все эти теории и законы.

— Хорошо, тогда давайте захватим в заложники семью Рыкова, его близких.

— У него нет близких, он никого не любит, не ценит и не уважает.

— Хорошо, тогда надо нырнуть поглубже и замочить самого Конкере, вместо того чтобы отправлять его в тюрьму.

— Не пори чепухи, — поморщился Василий Никифорович. — Монарха не смогла уничтожить вся команда инфарха, куда уж нам. Если не будете обсуждать планы, то расходитесь по домам, я хочу побыть один.

Самандар посмотрел на Парамонова, тот кивнул, и оба они растворились в воздухе.

Василий Никифорович посидел немного в расслабленной позе, поколебался немного, глядя на графин с водкой, потом всё-таки решил налить ещё, и в этот момент с дуновением холодного ветра в гостиной появился гость.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга: Котов-старший с графином водки в одной руке и стаканом в другой и Котов-младший в странном комбинезоне, напоминающем рыбью чешую и кольчугу одновременно.

— Ну, здравствуй, — очнулся Василий Никифорович. — Давненько не виделись. Выпьешь со мной?

Стас, не отвечая, оглядел гостиную, прислушался к тишине квартиры, перевёл непроницаемый, немигающий — незнакомый взгляд на воспитавшего его человека.

— Где Ульяна?

Василий Никифорович усмехнулся, проглотил водку, поставил стакан и графин на стол.

— У Рыкова.

— Почему?

— Это ты у него спроси. Он взял Улю в заложники, её и сына. Кстати, из-за тебя.

— Почему?

— Ему нужен синкэн. — Василий Никифорович кивнул на рукоять меча, выглядывавшую из-за плеча Стаса. — Он хочет обменять Ульяну на «устранитель препятствий».

— Он его не получит.

— Мы тоже так считаем, но у нас не было выбора. Хорошо, что ты пришёл сам. Мы пытались искать тебя в «розе», но безрезультатно. Ты ведь не отдашь синкэн?

— Нет.

— Тогда помоги освободить Улю с Матвейкой. Вчетвером мы легко одолеем Германа.

— Это ваши проблемы.

— Значит, это правда, что ты теперь служишь Монарху?

— Я служу прежде всего себе.

Василий Никифорович покачал головой, глаза его стали печальными.

— Конкере оказался сильнее, мальчик. Ты зря понадеялся на свою силу. Где Маша?

— Не знаю. Мы... разошлись.

— Как это — разошлись? Что это значит? Ведь вы были вместе. Она погибла? Осталась заложницей у Конкере?

— Не знаю.

Василий нахмурился. Взгляд его стал тяжёлым.

— Это плохо. Если из-за наших ошибок страдают наши женщины, значит, мы их недостойны...

— Оставим в стороне философию, мастер. Я прибыл сюда с заданием собрать все Великие Вещи. Помоги мне, и я не останусь в долгу.

— Как интересно. Рыков тоже начал собирать Великие Вещи. Зачем они понадобились твоему хозяину?

— Конкере мне не хозяин.

— А кто?

— Напарник.

Василий Никифорович нехотя улыбнулся.

— Смешно...

— Не смешно! — отрезал Стас. — Он открыл мне глаза! Я слишком много думал о других и мало о себе. От жизни надо брать всё!

— Девиз бездельников, — поморщился Котов-старший. — От жизни берёт всё только смерть. Ты говоришь чужими словами. Тебе внушил их Монарх, уже неоднократно бравший от жизни всё... после чего она погибала. Привести примеры?

— Я не спрашиваю твоего мнения...

— А я и не собираюсь ничего доказывать. Если тебе больше нечего сказать — уходи! Не хочу иметь ничего общего с человеком, продавшим душу дьяволу, подставившим и забывшим свою жену!

Брови Стаса сдвинулись. Рука потянулась к рукояти меча.

Василий Никифорович встал, презрительно скривил губы.

— Давай, парень, падай ниже. Слабо, без меча-то, доказать свою правоту?

— Я справлюсь с любым из вас! И ты мне — не помеха! Отдай программатор, я знаю, что он у тебя есть. Это часть кодона, который мне необходимо восстановить.

— Возьми, — шевельнул плечами Василий Никифорович.

Стас несколько мгновений смотрел на него чернеющими глазами, потом нанёс мощный ментальный удар и одновременно прыгнул вперёд, буквально «размазываясь» от скорости.

Но и Котов-старший не дремал.

Пси-удар он отбивать не стал, «пропустил» над собой, «упав» на другую частоту психофизического состояния, вошёл в темп и встретил атаку Стаса в стиле ШАР[1], используя технику «кулака в воде» и спиральные «разрывы реальности». Приёмы эти, разработанные ещё в конце двадцатого века и взятые Самандаром на вооружение, основывались на скачкообразных изменениях параметров движения — траектории, скорости, маневра, перпендикулярных поворотов удара и других, что всегда ставило противника в неудобное положение. Поэтому на прямую атаку Стаса в голову и корпус Василий Никифорович ответил спиралью отбива и схода с траектории удара, а закончил ударом *внутрь* из немыслимого положения с напряжением кулака в завершающей фазе.

Стас был классным бойцом. Да иначе и быть не могло, потому что его в своё время готовили мастера боя. Но Василий Никифорович был опытнее и противника всегда уважал, концентрируя силы и волю по максимуму. Поэтому короткую — в три секунды — схватку он выиграл.

Получив удар в нос — сбоку — и в копчик, Стас врезался в стену гостиной, снёс плечом полочку с книгами и отскочил к двери.

— Уходи, — тихо сказал Василий Никифорович, превращаясь из туманно-зыбкого фантома в каменную статую. — Захочешь помочь нам освободить Улю и моего сына — позвони.

— Программатор, — протянул руку Стас, продолжая качаться, плыть и зыбиться.

Василий Никифорович развёл руками.

— Попробуй обойтись без него.

С тихим шелестом из-за плеча молодого человека вылетел меч.

И тотчас же рядом с Котовым-старшим соткались из воздуха фигуры Парамонова и Самандара.

Стас замер.

Мужчины смотрели на него молча, хмуро, с достоинством,

[1] ШАР — Школа адекватного реагирования.

уверенно, с неподдельным сожалением, он смотрел на них непроницаемыми ч ё р н ы м и глазами и думал о чём-то своём, прикидывая варианты дальнейших действий.

Неизвестно, чем бы закончилось это противостояние.

Котов-младший владел диапазоном энергий вплоть до с и л ы Тогарини — «дьявольской красоты», но и мини-эгрегор Посвящённых опирался как минимум на с и л у Элохим — силу «божественного откровения», позволявшую им защищаться в диапазоне энергий *сарва-ракша-кара* — «приносящих победу». Начни они псиэнергетический бой — и от квартиры, а то и от всего дома не осталось бы ничего! Однако судьба распорядилась иначе.

В проёме двери в спальню вдруг возник светоносный абрис женской фигуры, а из этого прозрачного облачка света раздался тихий, мягкий, нежный голос:

— Ста-а-а-ас-с...

Только спустя миг Посвящённые поняли, что голос был ментальным, «телепатическим».

Котов-младший повернул голову к двери, продолжая держать меч остриём к мужчинам.

— Ста-а-а-ас-с...

Василий Никифорович сделал шаг вперёд.

— Маша?!

Стас посмотрел на него, явно колеблясь, на призрак и вдруг, стремительно вложив меч в ножны за спиной — одним красивым безошибочным движением, исчез.

Растаяла и почти невидимая световая фигурка.

— Маша... — повторил Василий Никифорович одними губами.

— Это не Мария, — сказал Парамонов.

— Светлена, — хмыкнул Самандар.

Василий Никифорович вскинул голову, провёл рукой по лбу, приходя в себя.

— Вы правы, я не сразу сообразил. Если бы Маша была жива, она бы вернулась и рассказала, что произошло. А вот Светлена, авеша инфарха, похоже, уцелела.

— Чего Стас от тебя хотел?

— Он ищет Великие Вещи, пришёл за программатором.

— Рыков тоже ищет Великие Вещи.

— Я ему так и сказал. Странно, оба служат Монарху, но являются чуть ли не конкурентами.

— Хорошо бы сыграть на этом.

— Каким образом?

— Натравить обоих друг на друга. Пока они будут сражаться, мы выкрадем Ульяну.

— Слишком рискованно, — проворчал Иван Терентьевич. — Вы же знаете Германа, он не станет церемониться с пленниками, если догадается, что мы собираемся их освободить.

— У тебя есть другие предложения?

Парамонов исподлобья оглядел озабоченные лица товарищей.

— Надо связаться с Хранителями. Это дело касается их в первую очередь. Если Монарх объявил охоту за Великими Вещами, значит, жалеть Хранителей он не станет.

— Узнать бы, зачем это ему, — задумчиво сказал Самандар. — Зачем Аморфу Конкере Великие Вещи? Не догадался спросить у Стаса?

— Спросил, он не ответил. Вряд ли Стас знает замыслы своего хозяина.

— Хорошо бы встретиться с ним ещё раз, поговорить обо всём спокойно. Кстати, — Самандар в задумчивости приложил палец ко лбу, — что, если нам попытаться раскодировать парня?

Посвящённые посмотрели на него с одинаковым недоверием.

— С ума сошёл? — осведомился Василий Никифорович. — Для этого нужен уровень «святого духа»...

— Или кодон. Программатор у нас уже есть, «глушак» тоже, заручимся помощью Хранителей, чтобы они присоединили к нам свой неслабый эгрегор, и изгоним из Стаса «дьявола» — программу Конкере.

Василий Никифорович прошёлся по комнате, бесцельно трогая рукой вещи, вспомнил чёрный взгляд воспитанника, содрогнулся.

— Не знаю... боюсь...

— Попытка — не пытка, да и что мы потеряем? А приобрести можем могучего союзника, с которым и против Монарха можно пойти.

— Боже, если ты есть, спаси его душу, если она есть... — пробормотал Василий Никифорович. — Я согласен. Давайте искать связь с Хранителями. С кого начнём?

— С Матфея, естественно, — пожал плечами Самандар. — В отличие от своих коллег он остался нормальным мужиком.

— Лишь бы мы ему не надоели, — усмехнулся Парамонов. — Если будем дёргать его по каждой мелочи...

— Что ты считаешь мелочью? Судьбу Материнской реальности? А она, между прочим, напрямую связана с судьбой Стаса.

— Не кидайся на меня, я всё понимаю. Жаль, что так всё получилось. Круг распался, Монарх вырвался на волю, запрограммировал Стаса... Рыков намеревается пробиться в крутые иерархи... а нас только трое, понимающих, что ожидает Россию и весь мир.

— Нужен Воин Закона.

— Где он, твой Воин? Кто в нынешние смутные времена согласится им стать?

— Ты ещё заплачь.

— А что? И заплакал бы, имей это смысл.

Самандар похлопал Парамонова по плечу.

— Как говорил поэт:

Не расстраивайся, старина!
Скоро всё опять поменяем.
Сгинут чёрные времена,
Станут светлым воспоминаньем[1].

По губам мужчин промелькнули понимающие улыбки.

Глава 22

ПРОШЛОЕ КУСАЕТСЯ

Честно говоря, Артур не горел желанием спускаться в прошлое в своём физическом обличье как материальный объект, а не как сгусток сознания. Но делать было нечего, он дал слово Тарасу и не мог пойти на попятную.

Четырнадцатого августа, в воскресенье, он наконец созрел для «купания в океане прошлого» и, поколебавшись немного — не позвать ли Светлану, чтобы подождала его дома, приятно, знаете ли, когда тебя ждут, — решил не впутывать девушку в мужские дела. Взять её в прошлое — тоже в виде физического объекта — он не мог, но не потому, что не хотел, а по причине вполне прозаической: тхабс не был рассчитан на перенос в прошлое «дополнительных пассажиров».

Он всё-таки позвонил Светлане и договорился о встрече с де-

[1] Е. Лукин.

вушкой вечером, возле кинотеатра «Россия»: решили сходить в кино на новый отечественный блокбастер «Стопкрим», бьющий рекорды по сбору зрителей. После этого Артур переоделся в свой походный костюм, в котором он искал алмазы в Эвенкии, взял флягу с водой, пару «Сникерсов», нож, помповик (вопреки советам Тараса), укрепил в кармашке на груди Дзи-но-рин и отправился в путь.

Первый же хроноинверсионный прыжок перенёс его в эпоху расцвета Инсектов, успевавших не только воевать между собой, но и покорять планеты Солнечной системы и звёзды Галактики. Монарх Конкере ещё не успел к этому моменту трансформировать род Блаттоптера сапиенс в хомо сапиенс, и Артур не мог здесь встретить своих предков — Перволюдей.

Он оказался на голой глинистой площадке между скалами причудливых форм; ощущения при хроноинверсии ничем не отличались от тех, которые он испытал при «полётах» в миры «розы».

Небо над головой было тёмно-синим, безоблачным. Дышалось достаточно легко, хотя в гамме запахов, ударивших в нос, встречались и незнакомые, горьковато-«мыльные». Скалы загораживали горизонт, поэтому пришлось искать проходы между ними, чтобы выйти на открытое место. И, лишь поскользнувшись на гладком вздутии, отсвечивающем шелковистой зеленью, и ухватившись за бок пористого серо-фиолетового ребра, Артур понял, что это вовсе не скалы. Он находился между рёбрами скелета гигантского существа, очертания которого невозможно было окинуть одним взглядом!

Впрочем, особого впечатления на душу Артура его открытие не произвело. Он уже видел скелеты гигантов примерно таких же размеров, путешествуя по «розе реальностей», а также живых динозавров, опускаясь в бездны прошлого. Новая находка воображение потрясла не сильно.

Проход между костями давно погибшего и высохшего великана отыскался быстро. Артур выбрался на открытое пространство и оказался на вершине голого, морщинистого, каменистого холма, который возвышался над угрюмой, серо-коричневой, волнистой равниной, кое-где курившейся дымками. Впечатление было такое, будто здесь недавно всё горело и пожар уничтожил всю растительность до горизонта. Затем Артур заметил разбросанные по равнине странные предметы, напоминающие останки насекомых, фрагменты крыльев, хитиновых панцирей,

лап и несимпатичных с виду деталей, и понял, что на равнине совсем недавно произошло сражение между Инсектами.

— Ничего себе! — почесал он затылок. — Славно они тут проводят время!

Издалека послышалось нарастающее шмелиное гудение. Над некрутыми волнами равнины со стороны низкого неяркого солнца показалось чёрное пятнышко. Приблизилось, пуская блики, превращаясь в низко летящее насекомое в блестящем, отсвечивающем перламутром панцире. Но это был не шмель, скорее жук размерами вдвое больше человека. Он что-то искал на месте сражения, то опускаясь вниз, то поднимаясь повыше и делая круги. Но вот он заметил Суворова и повернул к нему, порождая крыльями «шмелиный» гул. Артур сообразил, что ничего хорошего встреча с хозяином данной реальности ему не сулит, и нырнул в тхабс-канал.

На этот раз он вышел в очень глубоком прошлом Земли, сориентировав тхабс на три миллиарда лет назад. Однако ничего не увидел! Вернее, оказался в густом тумане, чуть более светлом над головой. Почва под ногами представляла собой крупнозернистый мокрый песок, перемежающийся полосами мелких камней. В шаге от Артура виднелась прозрачная лужа, за ней проглядывал контур ещё одной. Похоже, он вышел на песчаный берег моря или какого-то водоёма, утонувшего в тумане.

Дышать здесь было трудно, несмотря на высокую плотность воздуха: мешали горькие, кисловатые, солевые и йодистые запахи, а главное — большая концентрация углекислого газа. Сила тяжести была чуть послабее той, к какой привык Суворов в своё родное время.

Он огляделся, пытаясь сориентироваться. Показалось, что в противоположном от луж направлении песок становится суше, и Артур направился в ту сторону, прислушиваясь к глухой ватной тишине этой странной местности. Сзади послышались частые хлюпающие шлепки, будто кто-то бежал по лужам вслед за человеком. Артур вытащил ружьё, снял с предохранителя. Страха не было, но к неожиданностям следовало быть готовым. Вполне возможно, местный житель уже строил какие-то планы в отношении гостя.

Какие местные жители? — возразил внутренний голос. Мы на земле архея, жизнь ещё только-только полезла из океана на сушу. Оглядись, здесь даже водорослей не видно.

Мало ли, кто здесь может оказаться, резонно ответил Артур.

Я же появился? Значит, и другой такой же гость может. К тому же, по словам Тараса, в это время на Земле жили Архонты и Аморфы. А до них — Предтечи.

Вряд ли все они имели ноги, чтобы бегать по лужам. Это совсем другая форма жизни.

Посмотрим...

Местность и в самом деле начала повышаться. Туман отступил, рассеиваясь, вверху появились голубоватые просветы, и вскоре Артур оказался на круглом возвышении, напоминающем своеобразный, твёрдый, каменистый остров, окружённый морем тумана. Во все стороны, куда ни глянь, простирались белёсые волны, скрывающие под собой и песок, и камни, и воду, если она здесь действительно представляла крупный водоём. А слева от низкого солнца, просвечивающего сквозь пелену тумана, виднелась угрюмая чёрная гора необычных очертаний. Казалось, она слеплена из чёрно-фиолетовых кожистых наплывов и перепонок, напоминающих крылья летучих мышей.

Артур сглотнул.

Гора с м о т р е л а на него, пристально, тяжело, неодобрительно. Казалось, стоит сделать малейшее движение и она двинется к человеку, чтобы раздавить его в лепёшку!

Артур опустил ружьё, внезапно устыдившись своего страха. Вполне возможно, что эта гора и была одним из Аморфов, представлявшим собой квазикристаллическую — по словам Тараса — форму разумной жизни, но едва ли она могла двигаться.

В следующее мгновение «крылья летучих мышей», образующих острую шипастую вершину горы, изменили очертания, словно «мыши» собрались взлететь. Низкий гул прилетел из тумана. Остров под ногами путешественника во времени задрожал.

Артур озабоченно посмотрел под ноги, опасаясь провалов и трещин, поднял голову и вздрогнул: гора приблизилась, увеличилась в размерах!

— Аморф?! — пробормотал он.

Ты не ошибся, отозвался внутренний голос. Тхабс перенёс туда, где живут Аморфы, всесильные повелители Земли прошлых времён. Один из них тебя заметил.

Хоть бы это был не Монарх!

Какая разница? Все они одним миром мазаны.

«Крылья летучих мышей» шевельнулись ещё раз.

Гора скачком увеличилась в размерах.

«Кто ты? — раздался внутри головы Артура гулкий скрежещущий голос. — Зачем пришёл?»

— А ты кто? — вслух проговорил Артур, пятясь. Потом успокоился, вспомнив, что в случае опасности тхабс сам унесёт его отсюда.

В голове прошумел горячий ветерок, ловкие пальчики вскрыли череп Суворова, пробежали по извилинам мозга, развернули их, снова свернули, всунули в череп. Голова «задымилась», на мгновение стало трудно дышать, сознание судорожно затрепыхалось, пытаясь отстроиться от необычных ощущений.

«Ты человек, — раздался под черепом тот же густой гулкий голос. — Тебе здесь не место. Твоё время ещё не пришло».

— Я ищу Предтеч. — Голос почему стал сиплым, и Артур откашлялся. — Я ищу Предтеч, подскажите, где их можно найти.

«Зачем?»

— Мне дали задание... у нас ЧП... Монарх Конкере сбежал из тюрьмы...

«Конкере один из нас».

— Я понимаю. — Артура бросило в жар. — Но он хочет изменить Материнскую реальность...

«Это его право. Каждый живущий имеет право жить так, как хочет».

— Э-э, пардон, я извиняюсь, тогда и каждый убийца имеет право убивать? Так, что ли? Хорошенькая у вас философия!

«Наша философия тебе недоступна. Иди с миром».

— Значит, вы не поможете остановить родственничка?

— Не помогут, — раздался сзади чей-то знакомый голос.

Артур обернулся как ужаленный.

В двух десятках шагов от него стоял на песке молодой человек с застывшим строгим лицом и мерцающими чёрными глазами. Зелёная чешуйчатая кольчуга на нём все время шевелилась как живая, дымилась и стреляла мелкими электрическими искорками. Это был Стас Котов, о котором предупреждал Тарас, бывший оруженосец неведомого Воина Закона.

— Кто тебя послал? — продолжал Стас, изучая лицо Суворова.

— Дед Пыхто, — осклабился Артур. — Я же не спрашиваю, кто послал тебя, хотя знаю. Монарх, не так ли?

Брови Котова изогнулись.

— Кажется, я догадываюсь, чей ты слуга. Тебя послал мой дядя Василий Никифорович.

— Дядя? — Артур невольно засмеялся. — Вот уж кого ни разу

не встречал, так это твоего дядю. Однако я спешу, приятель, не мешай мне.

— Это ты мешаешь мне, приятель. Поэтому предупреждаю: ещё раз встречу в «розе» или в прошлом...

— То что? — прищурился Артур, демонстративно кладя руку на приклад карабина. — Покажешь мне, где раки зимуют?

Глаза Стаса зловеще вспыхнули.

Тотчас же карабин Артура вырвался у него из рук, взлетел в воздух, изогнулся и повис, целя ему в грудь.

— Попробуй поборись с ним.

— Ух ты, здорово! — восхитился Артур, наливаясь куражливой силой. — Колдун, что ли? Вот развелось вас по всему миру. Жаль, меня никто не обучил таким трюкам. Ну, давай стреляй, чего ждёшь? Или кишка тонка?

Карабин выстрелил... и на пути пули фонтаном — словно произошёл своеобразный подземный взрыв — встала защитная стена Дзи-но-рина. Пуля вонзилась в неё, и стена осыпалась грудой песка, земли и каменной крошки.

— А так можешь? — хвастливо встал в позу Артур, переживший несколько неприятных мгновений страха и неуверенности (вдруг не сработает?!). — Давай теперь я выстрелю.

Карабин покачался в воздухе, как бы размышляя, стоит ли ему и дальше жить самостоятельно, упал на песок.

«Он опасен!» — раздался гулкий бас в голове Артура.

Неизвестно, к кому относилось это определение, сделанное Аморфом, то ли к Суворову, то ли к посланнику Конкере, но отреагировали они на мысленный голос «разумной горы» практически одинаково. Артур попытался подхватить карабин, Стас выхватил меч. Однако выстрелить Артур не успел, меч противника оказался быстрее. Текучей молнией он метнулся вперёд, выбил оружие из рук Суворова и — устремился к его шее!

Ждать, защитит ли Дзи-но-рин его и на этот раз, Артур не стал. Тхабс унёс его в будущее (выдернул из бездн времён как морковку из грядки — пришло на ум неожиданное сравнение), соорудив на пути меча непреодолимую стену времени. Впрочем, непреодолимой эта стена казалась всего несколько секунд.

Вывалился Артур в свою гостиную, запыхавшись, как после долгого бега, но отдышаться не успел. Вслед за ним в квартире появился гость, а точнее, преследователь — Стас Котов! Как он умудрился запеленговать тхабс-канал Суворова и «вцепиться»

в него «магическими абордажными крючьями», понять было трудно.

Меч снова блистающим жалом устремился к груди застывшего в изумлении Артура.

Сработал Дзи-но-рин, формируя щит из «подручных материалов» — паркета, ковра, фрагментов стульев и дивана. Однако эта импровизированная стена не могла защитить Суворова от «устранителя препятствий», легко пробившего возникшую преграду. К счастью, Артур понял это вовремя, инстинктивно включая тхабс, но не ставя конкретной цели, и в последний миг перед смертельным касанием дымящегося клинка синкэн-гата перешёл в состояние трансфизического д в и ж е н и я.

Тхабс выбросил его в «розу». Причём не на ближайшие уровни Материнской реальности, то есть не на планеты Солнечной системы, а куда-то глубоко в космос, где Артур ещё не бывал.

Он оказался в странном мире, состоящем из одних белых толстых стен, которые соединялись в красивый и сложный лабиринт. Сила тяжести в этом мире была равна земной, дышалось здесь легко, почти как на Земле, разве что к знакомым запахам — бетона, асфальта, нагретого камня и плесени — добавлялись незнакомые, щекочущие язык. Небо над головой светилось опалом, и в нём проглядывали контуры двух планет: побольше — сиреневый, поменьше — желтоватый. А солнца не было, хотя света хватало.

Артур, судорожно оглянувшись по сторонам: не появится ли преследователь? — с облегчением выдохнул застрявший в лёгких воздух, прошёлся по шершавому белому верху стены, прислушиваясь к тишине местной природы. Стена на вид и на ощупь казалась бетонной. Но представить себе строителей, чья фантазия родила столь монументальный лабиринт, Артур не смог, хотя и подумал, что это могли быть Инсекты.

Он машинально потрогал карман куртки с квадратиком Дзино-рина, куда должен был вонзиться меч Стаса, слабо улыбнулся. На сей раз всё обошлось, он успешно прошёл испытание боем, хотя вовсе не стремился стать великим воином. А помпушку жалко, с ней он не расставался в походах в течение нескольких лет и привык, как к необходимой бытовой вещи наподобие расчёски или зубной щётки.

Однако, приятель, что делать? Куда тебя занесло? А главное, что делать, если бывший оруженосец Воина Закона снова оты-

щет тебя в мирах «розы»? Как долго придётся бегать по «этажам» Вселенной, спасаясь от этого засранца?

Артур огляделся с большим вниманием, пытаясь найти хотя бы грязное пятнышко на стерильно чистых и белых стенах планеты-лабиринта. И нашёл-таки. На горизонте, в противоположной от висящих в небе лун стороне, просияла золотом тонкая былинка. Артур напряг зрение и вздрогнул: со зрением что-то произошло, проявился необычный эффект — будто к глазам поднесли бинокль! Былинка скачком выросла в размерах, превращаясь в ажурный золотой минарет!

Он отмахнулся указательным пальцем: чур меня!

Минарет послушно прыгнул к горизонту, уменьшился до размеров былинки.

Артур хмыкнул, снова напряг зрение и пережил то же ощущение: былинка приблизилась, приобретая размеры минарета. Стало ясно, что у него внезапно заработала какая-то внутренняя, ранее дремавшая паранормальная способность. Сиддха, как сказал бы Тарас.

— *Прапти*[1], — проснулся в голове чей-то бесплотный голос, уже принимавший участие во внутренних беседах Суворова с самим собой. Этот голос, вероятнее всего, представлял собой «подсказчика», связанного с памятью предков, так как он никогда не ошибался.

— *Прапти*, — согласился Артур. — А всего сиддх двадцать шесть... или больше?

«Подсказчик» промолчал, вступая в беседу лишь в самые нужные моменты.

— Ладно, понял. Хорошо бы овладеть всеми сиддхами... ну, или хотя бы полётом без всяких приспособлений. Пешком до этого минарета и за месяц не дойти.

— *Кхекара*[2], — прорезался голос «подсказчика».

— Пусть будет *кхекара*. Почему Тарас не активировал мне эту сиддху? Если уж дал тхабс, мог бы и всё остальное.

Сиддхи достигаются великим трудом, проворчал внутренний голос Артура, его «второго Я». Ты не готов. Дай тебе волю — наломал бы дров!

Это уж точно, мысленно согласился Артур. Только мне сейчас не до споров с тобой, зануда. Подскажи лучше, что делать.

---

[1] Прапти — получение желаемого (инд. эзотерич. практики).

[2] Кхекара — полёт.

Домой возвращаться стрёмно, можно нарваться на засаду. Но и бегать по «розе» неохота. Может, вернуться в прошлое, ещё раз поговорить с Аморфом, без свидетелей? Вдруг он проникнется нашими проблемами и вступится за родную реальность? Да и Стас вряд ли станет искать меня там.

Он тебя уже нашёл, пискнул внутренний голос.

Артур оглянулся и, еще не успев что-либо понять, заметив только знакомый блик на зелёной кольчуге, — Стас нашёл его и здесь! — прыгнул в «тёмный тоннель» тхабса, моля бога, чтобы тот вынес его из мира-лабиринта куда-нибудь подальше, в более безопасное место.

Мгновения невесомости, мрак, удар в ноги, свет в глаза... и он оказался на плоской вершине стены в том же лабиринтоподобном мире, откуда только что сбежал! Судорожно огляделся, ошеломлённый неудачей. В голове заскакали «сорвавшиеся с цепи» мысли: почему?! что произошло?! отказал тхабс?! или он сам сориентировал его подобным образом?! и где противник?! исчез?! снова выскочит из-за спины?!

Тень накрыла беглеца, словно по небу проплыло облако, закрывая солнце, хотя ни облаков, ни солнца не было видно и в помине.

Артур сжался, озирая небосвод, и увидел золотистую башню-минарет всего в паре километров от себя. Тот самый минарет, который он разглядел на горизонте, появившись в этом мире. Тхабс таки включился, но перенёс его не в «более глубокие» миры «розы реальностей», а на ту же равнину с лабиринтом стен, только ближе к минарету.

Дьявольщина! Что случилось?! Почему он почувствовал тень? При полном отсутствии облаков? Или это всего лишь реакция организма на присутствие башни?

Тень снова накрыла его и пропала. Кто-то внимательно и удивлённо посмотрел на него с башни.

— Только не «сторожевой пёс»! — взмолился Артур почти беззвучно.

Словно в ответ на его восклицание, на вершине минарета просиял золотой лучик, вниз спикировала капля света и превратилась в мужчину, одетого в просторные белые одежды, напоминающие индийское сари или плащ-рубаху без пояса. Артур мгновенно вспомнил Тараса: тот тоже предпочитал носить белые костюмы.

Мужчина был немолод, судя по морщинам и особому с к л а -

д у лица, говорящему о прожитых годах. Но и стариком его назвать было трудно. Он был высок, осанист, желтоглаз, сед, ощутимо величественен, а в том, как он щурил глаза, Артур вдруг уловил сходство со своей подругой Светланой.

Человек с минарета продолжал молча его рассматривать, и Артур почувствовал себя букашкой под микроскопом.

— Здрасьте, — сказал он, преодолевая неловкость. — Я так понимаю, что вы... э-э... хозяин этой реальности?

Мужчина улыбнулся.

— Правильно понимаешь. — Голос у него был звучный, красивый, под стать облику, и в нём прозвучали знакомые нотки, изредка проскальзывающие в голосе Светланы. — А вот кто ты, мой друг? И почему бежишь от моего давнего хорошего знакомого?

Артур нервно оглянулся.

— Он ваш знакомый?

— Почему это тебя удивляет?

— Дело в том, что он давно не оруженосец Воина Закона и служит Монарху.

Бровь мужчины изогнулась, взгляд стал острым.

— Значит, слухи о переходе Котова-младшего на сторону тёмной силы не преувеличены? Это плохое известие.

— Вы не знали? — Артур снова нервно оглянулся. — А ещё иерарх... Этот парень почему-то гоняется за мной...

— Мне тоже интересно, почему. Может быть, расскажешь?

— Если он появится ещё раз, мне придётся бежать дальше. У него странный меч...

— Не бойся, он сейчас далеко отсюда. Ты видел у него меч?

— Да, странный такой, удлиняется на много метров...

— Синкэн-гата, — кивнул мужчина в белом. — Почему-то я его не заметил. Но любопытно другое: если Стас Котов служит Конкере, то где Машка?

— Кто?

— Моя дочь.

Артур вытаращил глаза.

— Ваша дочь?! Значит, вы — Юрьев?!

Мужчина засмеялся, качнул головой:

— Странно, меня узнают многие, я — никого. Во всяком случае, тебя я вижу впервые. Видимо, пропустил много интересного, занимаясь конструированием своего мироустройства. Это всё, — мужчина широко повёл рукой, — строительная площадка.

До экспериментов с *Брахманом*[1] мне ещё далеко, хотя и хочется построить что-нибудь вроде «второго локона Ампары», поэтому я заложил здесь Центр мирных церемоний «розы», где могли бы встретиться любые разумные существа с любым менталитетом, логикой и образом жизни. Но об этом мы поговорим в моём жилище, не возражаешь?

Артур провёл языком по пересохшим губам. Хозяин реальности ему не особенно понравился — внутренним превосходством, но он обещал защиту и отдых, что в настоящее время было немаловажно.

— Согласен.

— Вот и славно. — Мужчина в белом взмахнул рукой, и Артура подхватила мягкая непреодолимая сила, понесла к золотой башне, вырастающей из лабиринта белых стен.

Глава 23

УСИЛЕНИЕ ЗВЕРЯ

Килимтарх Ибрагим ибн Фатв аль Аддин ан Ташдфенази покинул Материнскую реальность еще в девятнадцатом веке, когда ему исполнилось двести лет. Изредка он посещал Землю, встречался с иерархами, с которыми поддерживал приятельские отношения, и с Хранителями, не раз предлагавшими ему стать их координатором. Однако, будучи индивидуалистом до мозга костей, человеком особого склада, не терпящим никакой зависимости, Ибрагим Аддин не соглашался, зная, что, став Хранителем, он взвалит на свои плечи бремя великой ответственности за охрану тайн ушедших в небытие цивилизаций. А этого он не пожелал бы и своим врагам. Впрочем, врагов у него не было. Килимтарх славился толерантностью и никому не желал зла, за что его уважали даже завистники из среды Великого Круга, которые хотели достичь его положения, не приложив особых стараний.

Но всё же один враг нашёлся, о чём Ибрагим Аддин узнал в тот самый день, когда решил посетить кое-кого из приятелей на Земле. Случилось это пятнадцатого августа, в разгар известных событий, о которых килимтарх не имел ни малейшего представ-

[1] Брахман — безличная абсолютная реальность, основа всего сущего (инд. мифология).

ления. Слухи об охоте за иерархами до него доносились, но поскольку он практически не покидал свою обитель в одном из «пустых» миров «розы», приспособленном им для своих нужд, и со Зверем Закона не встречался, то и считал эти слухи преувеличенными.

Однако всё оказалось не так, как он себе представлял.

Во-первых, приятель, к которому он заглядывал в гости охотнее других, Хранитель Никандр был убит. Об этом килимтарху сообщили родственники Никандра, успевшие его недавно похоронить.

Во-вторых, власть в матричной реальности практически прибрал к рукам кардинал российского Союза Неизвестных Герман Рыков, замаскировавшийся под личиной вице-спикера Государственной Думы Марата Меринова. Каким образом Рыкову удалось получить Посвящение восемнадцатой ступени, было покрыто мраком неизвестности, но факт оставался фактом. С тех пор он возглавил российский Союз и стал верховным координатором всех Союзов Земли. Мало того, именно он начал охоту за Хранителями ради получения доступа к Великим Вещам Мира. Что произойдёт, если Рыков станет их обладателем, нетрудно было догадаться. Власть в Материнской реальности перейдёт к нему.

Из дома Никандра озадаченный известием Ибрагим Аддин направился к Хуану Креспо, бывшему генеральному секретарю ООН и бывшему координатору Союзов Неизвестных. Однако Хуан Креспо, потерявший полжизни во времена войны с Истребителем Закона и превратившийся в глубокого старика, разговаривать с килимтархом о земных делах не захотел. Предложил ему выпить, а когда Ибрагим отказался, махнул целый стакан горилки с перцем, которую ему доставляли из Украины доверенные лица. И килимтарх понял, что толку от старика не будет. Долго он не проживёт.

Поразмышляв, Ибрагим Аддин, уверенный в своих силах, решил навестить самого Рыкова и узнать из первых рук, что происходит. Это его решение и сыграло впоследствии роковую роль, о чём он подумал слишком поздно. Живя в уединении, килимтарх подзабыл подлую человеческую натуру, точнее — п с е в д о ч е л о в е ч е с к у ю, потому что Землю, как известно, населяют два вида людей, один из которых — самый многочисленный — никогда не жил по духовным Принципам Творца. Рыков-Меринов был именно из таких «псевдочеловеков».

Они встретились в одной из резиденций Рыкова — в банке

«Северо-Запад» на Сухаревской площади, предварительно договорившись об этом по каналу ментальной связи.

Ибрагима, выглядевшего достаточно молодо для своих лет: высокий, статный, гладколицый, смуглый, с усиками, ни одной ниточки седины в чёрных блестящих волосах, — встретил в кабинете чем-то похожий на него юнец — смуглолицый, с усиками, в котором не было ничего от прежнего Германа Рыкова. Кроме острого, прицеливающегося, высокомерно-презрительного взгляда. И, заглянув в его глаза, килимтарх сразу узнал бывшего ученика, ставшего Посвящённым очень высокого ранга.

Они сели за стол, ощупывая пси-сферы друг друга в диапазоне сил *Шаддай эль Хай*. Рыков-Меринов пошутил, что «волшебная палочка» килимтарха — его сиддхи-возможности — достигла большой величины, на что Ибрагим с усмешкой заметил, что в волшебной палочке главное не размеры, а магические свойства.

— Это верно, — кивнул Меринов. — Что ж, я рад, что вы не потеряли формы, учитель. Однако не будем ходить вокруг да около. Что привело вас в нашу земную юдоль, патриарх? Иными словами, какого чёрта вам здесь нужно?

— Чёрта мне не нужно, — усмехнулся Ибрагим Аддин; он хорошо говорил на русском языке, но разговор шёл на английском. — Это правда, что я слышал о вас? Вы действительно собираете Великие Вещи?

— А что, вы можете мне что-то предложить в этом плане? — прищурился Марат Феликсович. — Кстати, какие напитки предпочитаете?

— Чай.

— Инна, — вызвал секретаршу Меринов, — гостю чай, мне горячий шоколад.

— Нет, я ничего не могу вам предложить, — сказал килимтарх с заминкой, отвечая на первый вопрос собеседника. — Зачем вам Вещи?

— Глупый вопрос, — скривил губы Марат Феликсович. — Вы же знаете ответ.

— Допустим. Но ведь вам не удастся собрать все Вещи. Не каждый Хранитель окажется... в положении Никандра.

— Никандр — старый дурак! — махнул рукой Меринов. — Согласись он на моё предложение, остался бы жив. Нет, полез в драку. Но к чему эти вопросы, патриарх? Вы же не Хранитель, вам нечего бояться.

— А вы сами не боитесь, мастер, что Хранители соберутся все вместе и уничтожат вас?

Меринов презрительно рассмеялся.

— Хранители — трусы и себялюбцы, они не отважатся объявлять мне шактипат. Вот иерархи «розы» — другое дело, это сила! Но и они не станут вмешиваться в наши земные разборки. К примеру, вы бы вмешались?

Ибрагим Аддин подумал, качнул головой.

— Не вижу смысла.

— Вот видите! И так думает каждый иерарх. К тому же у вас своих проблем хватает: война с Охотником, планы Монарха...

— Это правда. Хотя Монарх вряд ли представляет для нас угрозу. По моим данным, его интересует Фундаментальная реальность, а не «роза».

— Ошибаетесь, патриарх. Если он изменит Матрицу, изменится и весь спектр отражений-реальностей «розы». Подумайте и присоединяйтесь ко мне.

— Что вы имеете в виду? — удивился килимтарх.

— Я против нового Изменения. Вот для чего мне Вещи. С их помощью я остановлю Монарха.

— Вы... серьёзно?

Вошла длинноногая мускулистая секретарша, подала напитки.

Маринов взял чашку с горячим шоколадом, пригубил.

— Вы, наверное, давно не посещали Землю, патриарх. Здесь многое изменилось. Я же хочу одного — чтобы нашу реальность оставили в покое. Вы же не хотите, чтобы кто-нибудь пришёл в ваш мир и начал его перестраивать в соответствии со своими планами?

— Разумеется, нет.

— Вот и я хочу того же.

Меринов лукавил. Ему плевать было на реальность, как она изменится в результате вмешательства Монарха, но ему и в самом деле это изменение было невыгодно: он терял власть! Но вслух об этом собеседнику он, естественно, говорить не стал.

— Странно, — покачал головой Ибрагим. — Я был о вас другого мнения.

— Увы, я тоже страдаю от человеческой неблагодарности и непонимания, — лицемерно вздохнул Меринов. — Завистников много, помощников нет. Ведь вы тоже откажетесь, не так ли?

Килимтарх помолчал, всё ещё колеблясь, неторопливо прихлёбывая чай.

— Я не знаю, стоит ли вам доверять, уважаемый иерарх, после того, что вы сделали. Не стоило убивать Никандра, программировать Такэду...

— С благими намерениями, патриарх, с благими намерениями. Если я не остановлю Монарха, его не остановит никто. Решайтесь, времени у нас мало.

— Мне нужны гарантии...

Глаза Меринова угрожающе вспыхнули, но он сдержался.

— У меня есть доступ к Интегратрону, хотите попользоваться? Омоложение вам не помешает. И точно так же я гарантирую вам доступ к остальным Великим Вещам, которые смогу найти.

Килимтарх допил чай, поднял глаза.

— Вы поколебали мою уверенность, Герман. Пожалуй, я соглашусь помочь вам. Но — под весомые договорные обязательства.

— Всё, что угодно! — поднял руки вверх Меринов. — Я подпишу любой договор на любых ваших условиях.

— Хорошо, я подумаю над текстом договора. У вас есть время?

— До пятницы я совершенно свободен, — ухмыльнулся Марат Феликсович. — А что?

— Лучше всего подписать договор у меня. Я вам покажу... одну интересную штуковину...

— Что именно?! — жадно спросил Меринов, раздув ноздри.

— Увидите.

— Хорошо, одну минуту. — Меринов вызвал секретаршу. — Инна, я отлучусь на пару часов, говори всем, что я на важной встрече.

— Может быть, я с вами? — насторожилась секретарша, кинув подозрительный взгляд на гостя.

— Нет, подождёшь здесь.

— Слушаюсь. — Девушка вышла.

— Я переоденусь. — Меринов скрылся в комнате отдыха, дверь в которую была замаскирована стеклянным панно, и вышел уже в спецкомбинезоне. — Я готов. Как пойдём?

— На привязи. — Ибрагим Аддин имел в виду спаренный перенос, в котором он должен был играть роль проводника.

— Не возражаю.

Через мгновение кабинет опустел.

* * *

«Полёт» в узком «колодце» тхабса продолжался субъективно недолго: стены кабинета исчезли, наступила темнота, невесомость, затем оба нырнули в облако призрачного света и оказа-

лись в большом круглом зале с мраморным полом, накрытом прозрачным куполом. Зал был абсолютно чист и пуст и не имел ни одной двери, ни одного люка в полу. Что, впрочем, не означало их отсутствия. Меринов чувствовал выход на другие горизонты башни. А в том, что зал под куполом венчает именно башню, он убедился, подойдя к прозрачной стене.

Пейзаж внизу напоминал архипелаг песчаных островков и коралловых атоллов. Их было не меньше сотни, окружённых ослепительной синью моря, и из каждого вырастала тонкая, расширяющаяся кверху, бликующая металлом башня наподобие той, в которой находились в данный момент гость и хозяин реальности.

— Город? — кивнул Марат Феликсович на архипелаг с башнями.

— Проекции, — отрицательно качнул головой килимтарх. — Башня всего одна, остальное — отражения. Причем — многомерные, ничем не отличающиеся от матричной. Хотите убедиться?

— Каким образом?

— Вы владеете *стхула-шарира*?[1]

— Разумеется.

— Загляните в соседнюю башню.

Меринов разделился на два силуэта, один из них призраком метнулся сквозь прозрачную стену купола, превратился в световую полоску, достигшую ближайшей башни, и Меринов-2, представлявший эфирное тело Меринова-первого, увидел под куполом двух людей. Это были килимтарх и он сам!

Облетев башню кругом, эфирный «дух» Меринова приблизился к другой башне, увидел ещё двоих мужчин, ничем не отличимых от «настоящих», и вернулся в «материальное» тело Меринова.

— Хорошая идея, — признался он, с уважением глянув на невозмутимого хозяина. — Никакой Охотник не отличит копии от оригинала. А пока он разберётся, что к чему, в какой башне находится реальный хозяин, вы успеете скрыться.

— Приходится изворачиваться, — наметил улыбку довольный Ибрагим Аддин. — К сожалению, я не знал, что Зверь Закона представляет серьёзную опасность, но с этим теперь надо считаться. Пойдёмте, покажу вам моё жилище.

---

[1] Стхула-шарира — одна из сиддх: оставление материального тела.

В полу зала проявилось световое кольцо.

Оба встали внутрь, и часть пола, ограниченная кольцом, начала опускаться вниз.

Миновали два этажа, заполненные пересекающимися световыми конструкциями. Лифт остановился. Гость и хозяин оказались в просторном помещении, представляющем полную копию старинного каминного зала. В камине тотчас же запылала горка поленьев, а из двери неслышно выскользнул слуга в ливрее, почтительно поклонился:

— Что прикажете?

— Горячий шоколад, вино, тосты, сыр, чай, — перечислил килимтарх.

Слуга исчез.

— Нежить? — кивнул на дверь Меринов.

— Псевдо.

— Я так и думал. Вы живёте один?

— Уже много лет. Так намного спокойнее. Если мне нужен собеседник или... кто-нибудь ещё, я копирую нужную мне сущность.

— И не скучно так жить?

— Нет, — сухо ответил Ибрагим. — Подождите, я сейчас.

Он направился к двери и, не дойдя двух шагов, растворился в воздухе. Однако Меринов не успел обойти весь зал, «принюхаться» к его тайнам и осмотреть коллекцию холодного оружия. Неслышно возник слуга, принёс заказанное хозяином. А вслед за ним вернулся килимтарх. В руке он держал нечто вроде револьвера с чашеобразным дулом.

— Что это? — подобрался Марат Феликсович, учуяв исходящее от «револьвера» магическое т е п л о.

— Меркаба[1], — сказал Ибрагим Аддин с сомнением. — Активатор и переносчик души из тела в тело. Эта Великая Вещь досталась мне в наследство от деда, бывшего Хранителя. Не уверен, сможете ли вы отыскать другие Вещи, но меркаба — ваша. Используйте её во благо.

— Непременно! — пообещал Меринов, жадно хватая неожиданный и бесценный дар. — Я обязательно использую... э-э... меркабу в... э-э... в интересах людей. Как она работает?

— Приставляете резонатор к голове человека, душу которого хотите пересадить в другое тело, нажимаете кнопку на затворе.

---

[1] М е р к а б а — единение Духа и тела (египет. эзотерич. традиция).

Происходит закачка, так сказать, «душевного файла». Потом приставляете резонатор к голове другого человека и нажимаете курок. Душа переселяется в психику резидента.

— Просто, как и всё гениальное! Интересно, кто сотворил эту Вещь? Ведь не Инсекты же? Или меркаба действует на любое разумное существо?

— Её форма легко преобразуется в зависимости от биологических особенностей пользователя. В последний раз меркабой пользовались люди.

— Понятно. А можно воссоздать её первоначальную конструкцию?

— Можно, но зачем?

— Я же говорю, интересно, кто её сотворил.

— Дед мне показывал. Она превращается в гигантскую двадцатиметровую трубу с шипами. Возможно, меркабу создали ещё Предтечи, облик которых нам неизвестен. Однако давайте пить чай, пока не остыл.

— Требуется испытание. — Меринов повертел в руках «револьвер», навёл на килимтарха, заметил испуг в его глазах, засмеялся. — Но это я сделаю дома, больше возможностей. Весьма полезная штуковина, примите мою благодарность, учитель. Надеюсь, я смогу отплатить вам той же монетой.

Он взялся за чашку с любимым горячим шоколадом, и в этот момент под сводчатым потолком зала прозвучал трубный глас.

Килимтарх переменился в лице, резко отставил свою чашку, расплескав чай.

— Меникара!

Меринов, почуяв дуновение морозного ветра у г р о з ы, бросил взгляд на панорамное окно зала. Фиолетовое небо с неярким апельсином светила над морем было незамутнённо чистым, но не стоило сомневаться, что в мире килимтарха появился нежданный гость.

— Охотник?

— Кто же ещё? — сжал зубы Ибрагим Аддин. — Однажды он уже пытался охотиться на меня, но убрался несолоно хлебавши. Надеюсь, ему не повезёт и на этот раз. Может быть, мы дадим ему отпор? Нас двое...

— У меня дела дома, — сожалеюще развёл руками Марат Феликсович. — А у вас такая система маскировки, что никакой Зверь не страшен. Прощайте, Ибрагим, будете в наших краях, заходите в гости.

Меринов помахал рукой килимтарху, включил тхабс, но в последний момент передумал бежать на Землю, сориентировал тхабс таким образом, чтобы тот вознёс его на вершину жилой башни килимтарха, представлявшей собой матричное творение. Опустился на купол, накинул вуаль «непрогляда», осмотрелся. И увидел приближавшуюся к архипелагу Аддина гигантскую хищную птицу.

— Действительно, Охотник...

Птица стремительно спикировала на одну из башен в центре псевдогорода, раскрыла клюв. Башню накрыл струящийся прозрачный рукав не то нагретого воздуха, не то какого-то силового поля. Она потеряла стройность, поплыла пузырями и струями, оседая на остров горой серо-сизой пены... и спустя несколько мгновений одним скачком восстановила былую форму!

Зверь Закона, озадаченный трансформацией здания, взмыл выше, сделал круг над башней и снова метнул рукав прозрачной энергии, превративший строение в гору пены. Однако и на сей раз произошло то же явление. Башня восстановилась за считаные секунды, как птица феникс из пепла, сияя хрустально-прозрачным куполом на вершине.

Птица начала метаться над городом, в ярости разрушая здания одно за другим. А они дружно поднимались вверх, вырастая из песчаных островов как грибы, словно насмехаясь над усилиями жуткой твари.

Меринов покачал головой, подумав, что идея килимтарха себя оправдывает. Зверю надо было менять тактику нападения, но сам он этого сделать не мог, представляя собой сложную, мощную, вариативную, но — конечную программу. Изменить эту программу, откорректировать должным образом, усложнить и сделать более самостоятельной мог только её создатель.

— Пора уходить, — со вздохом пробормотал Марат Феликсович.

И вдруг ему в голову пришла великолепная в своей простоте мысль. На её обдумывание ушло несколько мгновений.

— А чем я рискую? — спросил он сам себя, приняв решение. — Аж ничем!

И сбросил вуаль «непрогляда», делавшую его невидимым.

«Эй, Охотник! — взлетел над городом Ибрагима Аддина ментальный вызов. — Помнишь меня?»

Гигантская птица, кружащая над городом, повернула в сторону матричной башни.

«Ты иерарх Фундаментальной реальности».

«Узнал, молодец! Могу предложить обмен: я укажу тебе настоящий дом хозяина этого мира, а ты поможешь мне на Земле».

«Мне закрыт доступ в Фундаментальную реальность».

«Как личности — да, запрещён, как энергоинформационной сущности — нет. Я возьму тебя с собой в качестве «второго Я». Ты сможешь славно повеселиться на Земле, гоняясь за местными иерархами. Да и враг твой в настоящее время обосновался там».

Птица сделала круг над башней, внимательно разглядывая человека на куполе.

Меринов почувствовал удивление и гнев притаившегося в недрах башни килимтарха, приготовился бежать в случае нападения Зверя. Но тот принял правильное решение.

«Согласен!»

«Твой враг здесь!» — Меринов топнул ногой по гладкому прозрачному куполу башни. Подпрыгнул, активируя сиддху *кхекара,* отлетел в сторону, ощущая «шевеление эмоций» Ибрагима Аддина. Пожал плечами: извини, учитель, ничего личного...

Если бы килимтарх не стал ждать, а сразу нырнул в канал тхабса, он уцелел бы, несмотря на блокирование города мощной резонансной «решёткой» магических заклинаний, но ему помешали человеческие чувства, затмившие сознание. Предательство Рыкова-Меринова шокировало его настолько, что он опоздал отреагировать на энергетический выпад Зверя.

Прозрачный вихрь накрыл башню Ибрагима, разнёс её в клочья, превратил в струи дыма и обломков! Башня осела грудой каменных плит и рёбер, покрытых сеточкой молний. И тотчас же начали пузыриться, оплывать и таять все остальные башни псевдогорода, превратились в капли быстро испаряющегося полупрозрачного желе. В небо взвились сероватые дымные струи, растаяли через минуту.

Затем наступила очередь островов и атоллов. Они тоже зашевелились, задрожали, начали трескаться, испаряться и тонуть в пучине моря. Исчезли один за другим.

Но и это было ещё не всё!

Вскипела сама гладь моря! В воздух поднялись мириады струй пара, образовав на какое-то время густой облачный слой! Но вот он растаял, и взору Меринова, заворожённого метаморфозами ландшафта, предстал другой пейзаж, напоминающий марсианский: горные разломы, кратеры, извилистые борозды высохших

рек, серо-бурые плеши, оранжево-красные пески... и ни следа жизни!

Изменился и цвет неба, стал грязно-фиолетовым, с зеленоватым оттенком. Светило тоже претерпело трансформацию, превратилось в бледное, тусклое, бесформенное пятно.

Мир Ибрагима Аддина окончательно умер. Вместе с ним.

«Я жду!» — напомнила о себе птица-Зверь.

Меринов опустился на вершину плоского уступа, нависающего над горным хаосом мёртвой планеты, которую когда-то выбрал для поселения Ибрагим Аддин. Рядом, шумно хлопая крыльями, — не отличишь от живой птицы! — сел клювастый Зверь с узкими светящимися жёлтыми глазами. Посмотрел на человека сверху вниз. На мгновение душу Меринова охватил страх. Но выигрыш в случае удачи был настолько велик, что ради этого стоило рискнуть свободой, положением и здоровьем.

Лишь бы не жизнью! — подумал он со смешком, мимолётно, настраиваясь на магическое оперирование высокого уровня — вплоть до с и л ы «дьявольского восхищения».

Воздух над горным разломом струнно загудел, заискрился сотнями крохотных радуг.

Фигура птицы заколебалась, как мыльный пузырь под порывом ветра, в течение секунды претерпела множественную трансформацию, превращаясь в череду диковинных существ и жутких монстров, вытянулась вверх кисейно-прозрачной лентой, изгибающейся, как струйка дыма над костром.

Одновременно с этим изменилась и фигура магического оператора: голова Меринова раздулась пузырём, превратилась в четырёхликую голову монстра, в которой мало что осталось человеческого.

Затем «кисейная» лента Зверя вонзилась в голову Меринова, всосалась в неё без остатка, и тотчас же он обрёл прежний человеческий облик. Воздух над горной страной перестал «корчиться» и сверкать. Процедура «перезаписи программы» Зверя на новый носитель — психику человека — завершилась.

Меринов постоял несколько мгновений в ступоре, продолжая з ы б и т ь с я: то одна его рука увеличивалась в размерах и становилась прежней, то другая, то нога, то плечи, уши, нос, рот; впечатление было такое, будто внедрившемуся в него монстру было тесно в человеческом теле. Наконец всё успокоилось.

Меринов поднёс к глазам руку, пошевелил пальцами, посмотрел на ноги, раздвинул губы в кривой усмешке:

— Слабая основа... — Голос оказался курлыкающим, шипящим и свистящим, как у астматика.

— Для моих целей сгодится, — возразил он сам себе уже нормальным человеческим голосом.

— Я связан... — Тот же полусвист-полушипение.

— А ты чего хотел? — Меринов дёрнул себя за нос, удлиняя его на полметра, и вернул обратно. — Теперь ты часть меня, причём не главная. Сиди и молчи, пока не выпущу. Пора возвращаться.

Светлая точка просияла в зените.

Меринов поднял голову, прищурился. Показалось, что кто-то посмотрел на него из глубин космоса. Но сияющая искра больше не появлялась, и он успокоился. Шевельнул пальцем, полюбовался на появившийся от этого ничтожного движения дымящийся кратер и исчез.

Вышел он, как и рассчитал, в кабинете управляющего банком «Северо-Запад». Открылась дверь, вбежала Инна, почуявшая изменение обстановки.

— Марат Феликсович? Я уже заждалась!

Меринов посмотрел на неё г о л о д н ы м и глазами, и секретарша побледнела, попятилась, меняясь в лице.

— М-марат Ф-феликс...

— Иди сюда! — проговорил он шипящим голосом, наслаждаясь её страхом.

* * *

Неподвижность и мёртвая тишина, завладевшие планетой Ибрагима Аддина, не нарушались ещё несколько мгновений после исчезновения Рыкова-Меринова-Зверя. В небе снова просияла яркая серебряная точка, и на гребень горы над свежим кратером вышел из воздуха молодой человек в белом костюме, седой, с глазами тысячелетнего старца. Он прошёлся по каменистой поверхности гребня, хрустя песком и мелкими камешками, поглядывая на то, что осталось от жилища килимтарха. Покачал головой:

— Смерть не самый удачный способ уйти от жизни, патриарх... Когда же вы поймёте, дураки самоуверенные, что надо объединиться?

Рядом вдруг проявился абрис светлой женской фигурки — почти прозрачный струящийся фантом. Тихо прозвучал нежный печальный голос:

— Опоздал?

— Они всё ещё на что-то надеются, — вздохнул молодой человек с глазами мудреца. — Надеются, что за них кто-то отведёт беду, уничтожит зло, восстановит справедливость, позволит жить как прежде. И стихи не читают.

— Что ты имеешь в виду?

— Ещё в начале века поэт[1] сказал:

Рынок? Вера? Ни хрена!
Только грозная година
Соберёт нас воедино,
Как в былые времена.

— Провидцы существовали всегда, только люди им не верят, настоящим, верят шарлатанам-астрологам и пустозвонам, обещающим рай на Земле. Что мы имеем на сегодняшний день, ИО?

— Этот сорок первый, — кивнул собеседник в белом на дымящийся кратер. — Ибрагим Аддин, килимтарх. Однако едва ли сообщение о гибели Аддина потрясёт уцелевших. Они упорны в своих заблуждениях.

— Всё равно надо звать их на Собор.

— Я пытаюсь, — мрачно оскалился молодой человек.

— Удачи тебе... — Фигурка женщины окончательно растаяла.

Мужчина в белом кинул взгляд на пейзаж мёртвой планеты и серебристым лучом вознёсся в небеса.

Глава 24

«СМЕРЧ» ПРОТИВ СС

«СМЕРЧ» должен был работать, несмотря ни на какие обстоятельства, поэтому Василий Никифорович, скрепя сердце, преодолевая приступы тоски и гнева, продолжал осуществлять руководство «чистилищем» и участвовать в его операциях.

В понедельник силами трёх мейдеров (участвовали в акции двадцать четыре человека) провели операцию по «вразумлению» тульских чиновников, полгода не выдававших пособия участникам чернобыльской трагедии. Людей довели до того, что они,

[1] Е. Лукин.

больные (!), объявили голодовку, не имея других рычагов воздействия на обнаглевшую чиновничью рать.

Всего «лечили» девятерых «слуг народа».

Мэру Тулы и областному прокурору принесли «чёрные метки» — визитки «чистилища» с требованием в два дня исправить положение.

Непосредственных руководителей департамента, ответственных за решение социальных проблем, — финансистов, бухгалтеров, клерков областной администрации, виновных в создавшейся ситуации, били долго и умело, оставив такие же «чёрные метки», но с обещанием в следующий раз применить более радикальные меры.

На следующий день наблюдатели «СМЕРЧа» в Туле доложили руководству, что мэр лично занялся делами чернобыльцев, а заодно устроил проверку работы всех низовых звеньев администрации города.

— Подействовало, — проворчал Парамонов с кривой улыбкой, услышав новость. — Нас начинают уважать.

Во вторник, шестнадцатого августа, все комиссары приняли участие в более крупном бандлике, готовились к которому почти месяц.

Давно было известно, что у чеченских боевиков нет недостатка в оружии и боеприпасах. Их снабжали самым новейшим отечественным и зарубежным вооружением, даже таким секретным, как управляемые противотанковые снаряды «малютка», огнемёты «шмель», снайперские винтовки «дракон» и психотронные излучатели «пламя», больше известные под названием «болевики».

Дознаватели «чистилища» наконец-то вышли на «бизнесменов» армейских тыловых служб, а также на тех, кто отдавал приказы продать то или иное оружие террористам.

По «мелким сошкам» работали мейдеры Вени Соколова и Володи Лемешко, по крупным фигурам — лично комиссары «чистилища». Всего за один день была ликвидирована одна из цепочек снабжения оружием чеченских — и вообще кавказских — бандитов, включающая в себя начальников складов оружия под Москвой, в Туле и Краснодаре, сеть агентов по снабжению, финансистов, силовиков, крышующих агентов, и главных заказчиков, среди которых были два генерала армии, пять полковников, военный прокурор, три высокопоставленных чекиста, чиновни-

ки и секретчики штабов и гражданские лица — вплоть до заместителей местных администраций.

Удар был нанесён мощный, «чистильщики» задействовали все свои силы, сделали объявления о бандлике по местным и центральным ТВ-каналам и наделали много шуму, вдруг показав государевым людям, как надо работать с пособниками террористов и коррумпированными чиновниками любого ранга.

Ночью после завершения операции комиссары собрались в кабинете директора МИЦБИ, зная, что Центр охраняется не хуже, чем резиденции Рыкова. В кабинете Самандара подвели итоги недели и посмотрели друг на друга. Надо было принимать решение об освобождении Ульяны с Матвейкой. Стас не отзывался на постоянные вызовы Котова-старшего, и надежда на его помощь таяла с каждым часом.

— Если вы откажетесь, я пойду один, — сказал Василий Никифорович, ни на кого не глядя. — Так как Ульяна до сих пор не объявилась, значит, Рыков держит её в бессознательном состоянии, иначе она сбежала бы.

— Без сына? — в сомнении глянул на него Парамонов.

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Самандар. — Даже если бы она сбежала, Рыков, имея в заложниках Матвейку, всё равно держал бы нас за яйца. Поэтому я за оперативное вмешательство.

— Мы все пойдём, — остался спокойным Иван Терентьевич.

— Тогда за дело. Предлагаю свой вариант операции.

Три головы склонились над экраном ноутбука.

* * *

Впервые сельцо Заморёново упоминается в писцовых книгах тысяча шестьсот двадцатого года как вотчина князя Фёдора Волконского. Затем владельцем селения стал думный дворянин Камынин, дочь которого в конце семнадцатого века вышла замуж за князя Урусова. Последним владельцем сельца из рода Урусовых стал князь Андрей Урусов, капрал лейб-гвардии Конного полка Его Величества, который в тысяча семьсот пятьдесят седьмом году продал усадьбу дворянину Савёлову. При Савёловых в имении были заново отстроены господский дом, службы, конюшня, началось благоустройство усадьбы.

Затем владельцами Заморёнова становились капитан артиллерии Тинков, бабушка Александра Пушкина Мария Алексеев-

на Ганнибал, её сестра Александра Козлова, семейство Орловых, семейство Нечаевых, музейный фонд СССР, музей Пушкина. В начале двадцать первого века ганнибаловское имение сгорело, и землю купил неизвестный предприниматель, пообещавший властям возродить музей. Так Заморёново присоединилось к десятку других усадеб вокруг Москвы, которыми владел Герман Довлатович Рыков, а потом его «преемник» Марат Феликсович Меринов.

Глубокой ночью семнадцатого августа к воротам в сплошном бетонном заборе, окружавшем усадьбу Заморёново, тихо подъехала машина «Скорой помощи». Из кабины выбрался врач в белом халате, вдавил кнопку на домофоне, укреплённом слева от решётки входной двери.

— Кого ещё принесло? — спустя минуту раздался из динамика хриплый голос дежурного охранника.

— Поступил вызов, — вежливо сказал врач. — Сердечный приступ. Адрес — село Заморёново, особняк господина Меринова.

— Мы никого не вызывали.

— Разберитесь, пожалуйста. Если вызов ложный, нам нужно отметить путёвку, а то начальство не поверит, что мы выезжали сюда.

Пауза.

— Ждите.

Врач достал мобильник, набрал номер:

— Мы на месте.

— Начинаем, — отозвался Самандар, которому и звонил врач, он же Веня Соколов. — Объект?

— Прослушка молчит, никто никому отсюда не звонит.

— Начинаем, — повторил Вахид Тожиевич, пряча телефон, посмотрел на ждущие лица комиссаров. — Никто никому не звонит. Рыкова на даче нет. По докладам наблюдателей, он остался на вилле у Патриарших, но секретарша поехала сюда.

— Значит, его вообще нет на Земле, — сказал Василий Никифорович, с трудом скрывая нетерпение. — Он в «розе». У нас хороший шанс освободить Улю в его отсутствие.

— Почему ты решил, что он в «розе»? — осведомился Парамонов.

— Веня разбудил охрану, та наверняка доложила секретарше как главной управительнице, а поскольку из усадьбы никто Рыкову не позвонил, значит, он отсутствует.

— Твоими б устами да мёд пить. Что ж, более удобного случая может не представиться. Матфей не подведёт?

Имелось в виду, что Хранитель Матфей пообещал комиссарам помочь снять колпак магического заклинания, не позволяющий никому проникнуть в дом через тхабс-канал.

— Матфей — человек слова.

— Тридцать секунд на проверку экипировки.

Мужчины оглядели свои пятнистые спецкомбинезоны, проверили наличие необходимого снаряжения и оружие. Каждый взял пистолет «волк-2» с запасом обойм, нож, по две мини-гранаты «орех» и метательные пластины. В запасе у Самандара были снайперские винтовки и даже пулемёт «печенег», но готовилась не войсковая операция, а скрытная атака на усадьбу Рыкова, где пулемёты были бы лишними, да и винтовки тоже. С другой стороны, такие пулемёты были у команды Вени Соколова, но предназначались они всего лишь для шумовых эффектов. Комиссарам «печенеги» были ни к чему.

— Поехали! — скомандовал Иван Терентьевич.

И комиссары нырнули в «колодец» тхабс-режима, чтобы выйти из него уже на территории атакуемого объекта.

Инна вскрикнула в последний раз и расслабленно раскинула руки, высвобождаясь из объятий любовника.

Бурно дышащий потный Вахтанг Ираклишвили полежал на ней немного, отдыхая, не отнимая рук от груди женщины, потянулся было к ней усами, но она столкнула его на кровать:

— Остынь, капитан, хорошего понемножку. Босс вернётся — в шкафу не спрячешься.

— Да что он сделает? — отмахнулся Ираклишвили, враскоряку направляясь к двери спальни. — Уволит, что ли? Пусть увольняет. Такие спецы, как я, на дороге не валяются. К тому же он наверняка догадывается, но молчит. Значит, не ревнивый.

— Иди, иди, умник, тебе думать вредно. Проверь охрану на всякий случай, а то у меня плохие предчувствия.

— Что её проверять, охрану? — проворчал капитан. — Никто к нам не сунется. Только идиот может рассчитывать чем-нибудь здесь поживиться.

Он вышел, спустился на первый этаж кирпичного особняка, перекинулся парой слов с охранником и вернулся. Зашумела вода в душевой.

Инна ещё немного полежала в блаженном оцепенении, потом вспомнила, что не покормила на ночь сына пленницы, и мрачно сплюнула.

— На кой хрен она ему сдалась? Утопили бы в реке, и никаких проблем с кормлением!

Однако через минуту она всё же встала, зашла в ванную, постояла под струями душа, смывая и с т о м у, разглядывая себя в зеркальной стене. Отражение ей понравилось.

— Готовьтесь, мальчики, — промурлыкала она, имея в виду охранников. — Я вас всех через себя пропущу, никого не забуду.

Накинула халат, взяла в столовой молоко в детской бутылочке с соской, хотела подогреть, но махнула рукой:

— Обойдётся.

Камеры с пленниками находились в полуподвале особняка, в разных концах коридора. Их охраняли двое парней в сине-серой униформе: один читал журнал «Максим», второй курил на лестничной площадке. Увидев постоянную спутницу хозяина, он вытянулся, опустив руки по швам.

— Всё тихо, хозяйка. Пацан хныкал, теперь спит. Баба стонет, похоже, ей плохо. Может, воды дать?

— Обойдётся, — буркнула Инна. — Открой.

Охранник зазвенел ключами, открыл дверь камеры, где содержался ребёнок.

Мальчик лежал голенький на узком топчане, раскинув ручонки, изредка вздрагивая. Но стоило Инне перешагнуть порог, как он проснулся, распахнул затуманенные глазки. И столько в них было п о н и м ан и я и страдания, что секретарша Меринова вздрогнула.

— На, пей, — сунула она соску в рот малышу.

Тот ухватился за бутылку ручками, зачмокал, но вдруг сморщился и заплакал, отталкивая бутылку.

— Пей, гадёныш!

— Давайте я покормлю, — предложил охранник.

— На, — сунула ему бутылку девушка, брезгливо вытерла руки о халат. — Он весь мокрый, смени подгузник.

— Слушаюсь.

Инна вышла, услышав, как парень пробормотал: «Молоко-то совсем холодное...»

— Заткнись там!

Охранник замолчал. Перестал хныкать и ребёнок.

Второй охранник открыл дверь камеры, где сидела мать маль-

чика. Точнее — лежала. Глаза её были открыты, но мысль в них отсутствовала. В таком состоянии она находилась уже четвёртые сутки, не ела, не пила, дышала с трудом, но жила. Смотреть на неё было тошно, ухаживать не хотелось, и секретарша тайком била женщину по голове, надеясь, что она наконец умрёт. Однако та ещё дышала.

— Когда же ты сдохнешь, дрянь?! — вполголоса проговорила Инна, прислушиваясь к стонам, изредка вырывавшимся из раскрытых пересохших губ пленницы. — Остохренело за тобой смотреть!

Она примерилась ударить пленницу кулаком в висок, но в этот момент в камеру заглянул охранник, протянул мобильник:

— Вас.

— Кто?

— Дежурный на воротах.

Инна поднесла трубку к уху:

— Что там ещё?

— Подъехала «Скорая помощь», врач утверждает, что от нас поступил вызов.

— Пошли его на...

— Слушаюсь. Он просит расписаться в путёвке, что вызов ложный.

— Ну так распишись.

Инна сунула мобильник охраннику, посмотрела на пленницу, поколебалась немного, но всё же ударила по голове, процедив сквозь зубы:

— Утром я тебя урою, стерва!

В коридоре ей вдруг стало холодно. Запахнув халат, она прислушалась к себе и поняла, что это — сигнал тревоги, интуиция подсказывала скорое изменение обстановки, связанное с визитом «Скорой помощи», и надо было принимать срочные меры.

Инна взбежала наверх, позвала охранника на входе в особняк:

— Объяви тревогу! К нам гости!

— Чего? — удивился парень.

— Пасть закрой! Все на периметр! Живо!

Охранник изменился в лице, поднёс к уху рацию, но объявить тревогу не успел.

Снаружи донёсся частый треск выстрелов, взрыв, за ним крики людей.

Вытаращив глаза, охранник метнулся из холла на крыльцо с колоннами, сдёргивая с плеча автомат.

Инна тоже бросилась было к себе на второй этаж, чтобы переодеться и вооружиться, однако наткнулась на двоих мужчин в пятнистых комбинезонах, внезапно возникших на её пути.

Один с ходу выстрелил в охранника, вывернувшегося из левого коридора, показал напарнику пальцем на замершую секретаршу, а сам легко взбежал по лестнице на второй этаж. Тихо хрустнул сучок выстрела, означавший, что выбежавший из душевой капитан Ираклишвили приказал долго жить.

Приятель спецназовца, профессионально держащий пистолет «волк» с насадкой бесшумного боя, бросил беглый взгляд на коридоры, и Инна с содроганием узнала в нём гостя Меринова, приходившего к главе СС в кабинет Госдумы. Это был Василий Котов, жена и сын которого понадобились Марату Феликсовичу для какой-то комбинации.

— Веди! — шевельнул каменными губами Василий Никифорович. Глаза его светились, как у кошки, и в них стыла такая жуткая ненависть, что Инна поняла — лучше не рыпаться: выстрелит не задумываясь!

Она покорно повернулась к лестнице в подвал, лихорадочно соображая, что делать. В таком незавидном положении она ещё никогда не была, и это бесило женщину, как полученная пощёчина.

Спустились в подвал здания.

Василий Никифорович почувствовал опасность, ткнул стволом пистолета в спину проводницы:

— Стой! Подзови охранников!

— Мальчики, подойдите, — проговорила Инна игривым тоном, зная, что охранники привыкли к другим командам и должны насторожиться.

— Хозяйка? — неуверенно выглянул из ниши слева парень, читавший журнал.

Тихо треснул выстрел. Во лбу парня расцвела кровавая розочка, он выронил автомат и откинулся обратно в нишу.

Второй охранник открыл огонь. Очередь легла в стену рядом с плечом Инны, та с криком присела, пряча голову:

— Кретин, ты чуть в меня не попал! Прекрати стрельбу!

Автомат смолк.

Воспользовавшись моментом, Котов нырнул вперёд перекатом, выстрелил дважды.

Охранник отлетел в глубь коридора, упал навзничь, затих.

Инна рванулась по лестнице наверх и наткнулась на второго гостя, смуглолицего, с глазами-щёлочками. Попыталась выбить у него пистолет, но не смогла, он прекрасно владел рукопашкой и одним ударом сбросил её с лестницы в коридор. Инна упала и сделала вид, что потеряла сознание.

Котов увидел приоткрытую дверь с торчащей в замочной скважине связкой ключей, метнулся туда.

Ульяна лежала на топчане с тонким матрацем, глаза её были открыты, но мужа она не видела.

— Уля! — упал он рядом на колени, дотронулся рукой до волос жены и озадаченно глянул на ладонь, испачканную кровью. — Уля!

В камеру заглянул Самандар.

— Что с ней? Жива?

— Жива... ранена... дышит, но в шоке... надо попробовать восстановить её энергетику...

— Попытайся, я найду Матвейку.

Самандар выскользнул в коридор и едва успел увернуться от удара разъярённой фурии, в которую превратилась секретарша Меринова. Не давая ему опомниться, она нанесла ещё несколько ударов в стиле «барса», и некоторые достигли цели, так как в узком пространстве коридора увернуться от них было трудно. И всё же уровень подготовки Вахида Тожиевича был намного выше, поэтому длилась спонтанная атака женщины всего пару секунд. Затем он перешёл в т е м п, «выпал» из поля зрения противницы и ответил змеевидным неотбиваемым ударом «рука-ветер», на «разрыве реальности», заставив женщину с криком отскочить в глубь коридора с прижатыми к груди руками.

Он мог бы вообще застрелить её, так как пистолет не выронил, но по-джентльменски пожалел.

— Лечь! Лицом вниз!

Инна покорно легла, подоткнув под себя полы халата.

— Руки! — Он достал из кармана резиновую ленту, умело перехватил запястья женщины, завязал без узла. — Лежи!

Заглянул в камеру, где Котов, держа ладони у висков жены, делал энергоперенос.

— Помочь?

— Ищи сына!

Самандар вытащил из двери связку ключей, нагнулся над пленницей.

— Где мальчик?

Инна дёрнула головой, указывая на конец коридора:

— Там...

Дверь открылась без скрипа.

Матвейка лежал на топчане, дёргая ручками и ножками, чмокал губками, будто пытался говорить, и не спал. Глаза его, умненькие, большие, были открыты. Увидев Самандара, он скривил губки, собираясь заплакать, но Вахид Тожиевич послал ему заботливо-доброжелательный раппорт, и мальчик шире раскрыл глаза, перестал кукситься, уловив «добрую» энергетическую волну. Вахид Тожиевич подхватил его на руки (голым держали, сволочи, здесь же сыро и холодно, запросто воспаление лёгких схватить!), вышел в коридор. И застыл, увидев направленный на него ствол автомата.

Инна стояла у лестницы, удивительным образом освободившись от пут, и даже успела завладеть автоматом убитого охранника.

Из камеры напротив ниши, где до этого сидели охранники, вышел Котов, ведя под руку Ульяну. Остановился, заметив женщину с автоматом. Халат её распахнулся, обнажая великолепную спортивную фигуру. Лицо Инны исказилось, став некрасивым, беспощадным, злым.

В воздухе повисла недолгая пауза. Потом женщина рассмеялась странным смехом, ненавидящим и торжествующим одновременно:

— Ну что, козлы вонючие, думали, я дам вам уйти? Считали себя круче всех? Да я таких крутых пачками мочила! Вы даже представить не можете, как я рада видеть вас здесь! До остервенения надоело возиться с этой парочкой мама — сын! Уж я её лупила по башке, лупила, а она как железная — дышит! Вот и пришёл конец моим страданиям. Уж не знаю, зачем они понадобились шефу, но теперь ему придётся обходиться без них. И без вас, козлы! Потому что у меня развязаны руки: напали на усадьбу вы! Ничего не хотите сказать напоследок?

Котов и Самандар переглянулись. И начали действовать.

Если бы Инна сразу открыла стрельбу, ситуация резко осложнилась бы, но она промедлила, наслаждаясь ложным ощущением победы, и этим подписала себе приговор.

Василий Никифорович обрушил на женщину мощный ментальный удар, затормозивший реакции Инны, смявший её эфирно-энергетические оболочки, сбивший с мысли. А Вахид Тожие-

вич, ускорившись, держа одной рукой малыша, другой достал сюрикен и бросил.

Метательная стрелка молнией прошила воздух и вонзилась точно в переносицу женщины.

Несколько мгновений она стояла с тем же мстительно-торжествующим выражением глаз, не понимая, что случилось, и тряпичной куклой упала на пол, не успев нажать на курок автомата.

В коридор с лестницы спрыгнул Иван Терентьевич с «волком» в руке. В его задачу входил контроль особняка снаружи.

— Помощь нужна?

— Справились уже, — будничным тоном ответил Самандар.

— Я чую колебания эфира. Сейчас здесь будет Рыков.

— Уходим! — очнулся Василий Никифорович, обнял жену крепче и исчез вместе с ней.

Самандар придвинул к губам усик рации:

— Веня, сворачиваемся «ужом»!

— Понял, командир, — ответил Соколов. — Всё путём, потерь нет.

Самандар прижал к себе сына Котова и тоже исчез.

Последним усадьбу Рыкова-Меринова покинул Иван Терентьевич.

Вышли они не в квартире Котовых, а на запасной базе «чистилища» в Раменском, накрытой невидимым пузырём «непрогляда».

Уля, бледная, с чёрными тенями под глазами, бросилась к Самандару, забрала сына, благожелательно взиравшего на всех и сосавшего палец.

— Надо их покормить, — сказал Парамонов. — Есть у нас горячая пища?

— Столовая ещё не работает, — виновато развёл руками Самандар, отвечающий за развёртку баз. — Могу притащить саморазогревающиеся консервы.

— Неси, я вскипячу воду и заварю чай.

База представляла собой одноэтажное строение — бывший вещевой склад воинской части, недавно расформированной, поэтому удобств здесь почти никаких не было. Пришлось разместиться в одной из пустующих комнат с решётками на окнах, где снабженцы «чистилища» недавно поставили стол и небольшой диван.

Самандар принёс консервы «Экспресс» и сгущёнку, на основе которой Ульяна сделала молочный напиток и напоила Мат-

вейку. Парамонов заварил чай. Ульяна есть отказывалась, но Василий Никифорович всё-таки заставил жену съесть банку консервов и выпить чашку чая.

Пошёл шестой час утра, когда комиссары «СМЕРЧа» собрались в отдельной комнате на совещание, уложив измученную женщину и сына на диване. По «шатанию» ментального поля, ощущаемому всеми, было ясно, что вернувшийся в усадьбу Заморёново Рыков рвёт и мечет, пытаясь найти местонахождение обидчиков, и Посвящённые понимали, что возможности противника позволят ему рано или поздно обнаружить базу «чистилища».

— Мы ходим по лезвию бритвы, — сказал Парамонов. — Так жить нельзя.

— Минздрав нашёлся, — хмыкнул Самандар.

— Что? — не понял Иван Терентьевич.

— Минздрав давно предупреждает, что так жить нельзя.

— Шутить изволите?

— Он прав, — негромко сказал Василий Никифорович. — Надо менять стратегию, иначе мы тут ничего не сможем сделать.

— Нужно ликвидировать Рыкова, — возразил Самандар. — Вот и вся стратегия. Все наши беды замкнуты на этого наёмника Тьмы.

— Не все.

— Но многие. А для этого мы должны каким-то образом деперограммировать Стаса и вернуть в нашу команду.

— Или уговорить Хранителей собрать Большой Собор и запихнуть Рыкова в тюрьму «розы», — добавил Парамонов.

Самандар покачал головой.

— Матфей, может быть, и согласится, но остальные Хранители на это не пойдут, они привыкли быть независимыми.

— Но и Стас добровольно к нам не примкнёт.

— Его надо заманить в один из МИРов, заставить войти в саркофаг царя Инсектов и включить программу очистки мозгов, нейтрализовать чёрный файл.

Парамонов и Котов скептически переглянулись.

— Как ты себе это представляешь?

— Ещё не думал. Можно также попросить Матфея дать нам доступ к Великим Вещам, операцию экзорцизма можно сделать как с помощью кодона, так и с помощью меркабы.

— Откуда ты знаешь про меркабу? — осведомился Иван Терентьевич.

— В библиотеку ходил. — Самандар имел в виду ментал.

— Хранители не отдадут нам Вещи, можешь не сомневаться.

— Тогда их одного за другим передушит Рыков.

— Надо уходить, — тем же негромким отрешённым голосом сказал Василий Никифорович.

Парамонов внимательно посмотрел на его худое, костистое, потемневшее лицо с заострившимся носом и пролёгшими у губ морщинами. Можно было только представить, что пережил Котов за то время, пока его жена и сын находились в плену у Рыкова.

— Куда уходить?

— В «розу». Найдём надёжное убежище для Ульяны с Матвейкой и вернёмся.

— По «розе» рыщет Зверь.

— Он охотится на иерархов, мы ему не враги.

— Вряд ли он будет колебаться, решать, враги мы ему или нет. Мы люди, этого достаточно для приговора.

Василий Никифорович очнулся от своих невесёлых раздумий, глаза его мрачно сверкнули.

— Мы пробудем в «розе» недолго. А потом вернёмся и предъявим Герману счёт! Хватит бегать и прятаться по углам от всякой мрази! Надо поднимать Круг, объявить сбор Хранителей, Матфей поможет. Ничего, пусть Герман повоюет на несколько фронтов, мы отобьём у него охоту связываться с нами, брать в заложники наших жён и детей!

Парамонов и Самандар обменялись взглядами.

— Надо всё-таки найти Юрьева, — проворчал Вахид Тожиевич. — Если удастся уговорить его присоединиться к нам, Рыков сам сбежит в «розу».

— Я вот о чём подумал, джентльмены, — сказал Иван Терентьевич. — А почему бы нам не поискать связь с Матвеем Соболевым? Почему мы всё время обходим этот вариант?

Василий Никифорович вопросительно поднял брови, дёрнул себя за вихор на макушке.

— Но ведь он... после той встречи... ушёл...

— Он где-то в «розе», решает свои проблемы.

— А если ему удалось пересечь *Брахман*?

— Может быть, и удалось. Надо попробовать. Он-то уж точно знает, что происходит в «розе».

— Если бы он знал, что Монарх сбежал из тюрьмы...

— Зачем гадать? Давайте соберёмся вместе, позовём на помощь Матфея и выйдем на Соболева...

— А если он... вместе с Монархом?

Самандар посмотрел на Парамонова.

— Что скажешь, старик?

— Ничего. Попробовать можно.

— Но я обещал ему разобраться с Германом... — пробормотал Василий Никифорович.

— Рыков достиг уровня *Пуруши,* до которого нам ещё идти и идти. Был бы с нами Стас, проблема Рыкова не стояла бы на повестке дня. Но Стас теперь наёмник Конкере, поэтому нам нужен более мощный союзник.

— Стас не безнадёжен!

— Я и не утверждаю, что его «затмение» продлится долго, однако в настоящий момент он не на нашей стороне. Поэтому предлагаю ставить перед собой реальные задачи.

Иван Терентьевич вдруг сделал жест, заставивший всех замолчать.

Комиссары прислушались к своим ощущениям, обменялись быстрыми понимающими взглядами.

— Рыков... — начал Самандар.

— Уходим! — резко встал Василий Никифорович. — Первая остановка в «розе» — «мир А». Я заберу Улю и сына! — Он исчез за дверью.

— Может, устроим Герману тёплую встречу? — осклабился Вахид Тожиевич. — Поумерим пыл?

— Зачем?

— Уж очень хочется посмотреть на его слащаво-злобную физиономию.

— Мне этого не хочется. Забираем кое-какое снаряжение и уходим. Звони капитану, он останется здесь на хозяйстве на неопределённый срок. Пусть не связывается с Рыковым, ограничится наблюдением.

— Это и ежу понятно. — Самандар включил рацию.

Через минуту комиссары «чистилища» тесной группой покинули базу через «колодец» тхабса.

Ещё через минуту, взломав магическую защиту территории, на базе объявился Марат Феликсович Меринов. Впрочем, фигура маршала СС то и дело двоилась, из неё как бы прорастал призрачный контур апокалиптического зверя, и было видно, что Меринов-Рыков в ярости и плохо себя контролирует.

— Я вас всё равно догоню! — гулким металлическим голосом пролязгал он, обнаружив, что база пуста. — Слышите?!

Ответило иерарху Круга только недолгое эхо.

Тогда он вскинул вверх сжатый кулак, во все стороны от кулака полетели яркие фиолетово-зелёные молнии и разнесли здание запасной базы «СМЕРЧа» на мелкие обломки и дымные струи.

— Ищи их, Охотник! — проскрипел Меринов, обращаясь к сидевшему внутри него Зверю. — Ты знаешь «розу» лучше меня!

И зыбкая колеблющаяся фигура маршала растаяла в воздухе.

Глава 25

НЕ НАДОЕЛО?

В гостях у Юрьева Артур задержался всего на час с небольшим, но за это время узнал много нового об устройстве Большой Вселенной — *Брахмана*, а также о «розе реальностей», являющейся одним из вариантов-метавселенных, созданных миллиарды относительных[1] лет назад сущностью, которую люди знали под именем Творца.

Юрия Венедиктовича Юрьева, бывшего кардинала Союза Неизвестных России, а ныне иерарха Внутреннего Круга человечества, поселившегося в «розе», нельзя было назвать приятным собеседником. Говорил он нехотя, лаконично, образно, чаще полунамёками, иногда шутил. Однако на вопросы гостя всё же отвечал, а также показал свой мир и внутренние покои (далеко не все, разумеется) своей резиденции.

Оказалось, человек Круга, достигший высокого уровня самореализации, мог свободно выбрать одну из так называемых эксплицитных, то есть непроявленных реальностей «розы», в которых отсутствовали наблюдатели любого типа (иногда такие реальности назывались «пустыми»), и развернуть такую виртуальную реальность в имплицитную, проявленную, зависимую от его воли. Иерархи как бы становились творцами-богами развёрнутого мира, конструируя свои законы — физические и социальные, кому как нравится. И Юрьев смущённо признался Артуру, что это оказалось настолько увлекательной игрой, что он забыл обо всём на свете, даже о собственной дочери, оставшейся на Земле. Вспом-

[1] В прошлом Земля вращалась вокруг Солнца быстрей, что естественно отражалось на продолжительности года.

нил только, когда в его реальности объявился Стас Котов, муж Марии.

Золотая башня, где жил Юрьев, представляла собой шедевр зодчества вселенского масштаба. Строители при её возведении использовали такие известные в мире принципы архитектуры, как золотое сечение, золотой вурф и фрактальная развёртка. Но когда Артур вслух выразил своё восхищение мастерством архитектора, имея в виду Юрия Венедиктовича, тот с иронической усмешкой признался, что это не его заслуга.

— Силуэт башни и все её сложные геометрические переходы я позаимствовал у Инсектов. Тебе должно быть известно, что они были и остаются непревзойдёнными архитекторами. Их замки, причём совершенно разные в силу особенностей того или иного вида, достойны восхищения и самых возвышенных эмоций. Недаром иерархи Круга приняли в своё время решение сохранить сооружения Инсектов для будущих поколений разумных существ. Кстати, не обязательно людей. Вот я и скопировал форму моего жилища у Инсектов.

— У кого именно? — заинтересовался Артур.

— Не поверишь, — улыбнулся Юрьев. — У слизней. Точнее, улиток — Пунктум сапиенс. Именно они творили столь геометрически совершенные башни, разве что чуть поменьше размерами. Я просто увеличил один из «улиточных минаретов» в десять раз.

Побродив по разным горизонтам башни и насмотревшись на разные чудеса, Артур устал и с радостью принял предложение хозяина помыться и пообедать.

Беседа продолжалась и за обедом, но Юрьев сделался рассеянным, отвечал редко, отчего Артур сделал вывод, что владыка «имплицитной реальности» спешит по делам, но ради приличия гостя не торопит.

— Спасибо за угощение, — сказал Суворов, заканчивая трапезу глотком настоящего эспрессо. — Пожалуй, мне пора домой.

— Мы пойдём вместе. Твоя история меня заинтересовала. К тому же хочется навестить кое-кого из родственников и знакомых, прояснить судьбу Машки. Однако ты можешь навещать мой дом в любое время, тебя запомнят и пропустят, даже если я буду в отсутствии. Запоминай координаты.

— Как? — не понял Артур.

— Разве ты не умеешь пользоваться тхабсом?

— Умею, но... — замялся Артур.

— Это легко, надо лишь запомнить в о с п р и я т и е данного мира, тогда тхабс легко отыщет сюда дорогу.

— Я попробую...

— Сосредоточься на своих ощущениях, «растопырь» чувства, сделай усилие и запоминай.

— Кажется... я понял...

— Отлично. Поехали на Землю.

И не успел Артур опомниться, как оказался на родной планете.

Почему Юрьев местом высадки выбрал Австралию, — Артур с изумлением увидел вокруг песчано-кустарниковую плешь австралийского буша, — осталось загадкой. Видимо, у него были на это свои причины. А вот спутнику пришлось ещё раз нырять в «колодец» тхабс-режима, что он и сделал, попрощавшись с иерархом.

Его встретила приятная расслабляющая атмосфера квартиры.

Артур блаженно расправил плечи, с трудом разделся, поплескал на себя водой в ванной и рухнул на постель с чувством глубокого удовлетворения. Через минуту он уже спал.

Юрьев же в это время, проводив путешественника, направился к возвышенности, прекрасно зная местность, так как здесь находилась вторая, менее известная резиденция Хранителя Матфея. И не успел он приблизиться к отполированному песком и ветром красноватому каменному горбу, представлявшему собой замаскированный дом Матфея, как у колючего шара спинифекса возник мужчина в длинном сером плаще со стоячим воротником и в кожаной шляпе с загнутыми полями.

— Давно мы не встречались, гексарх, — сказал он.

— Очень рад видеть вас в добром здравии, господин Хранитель, — поклонился Юрьев. — Примете гостя непрошеного?

— Отчего же нет? Таким гостям грех отказывать в гостеприимстве. Каким ветром вас занесло на Землю? Неужто решили поучаствовать в местных разборках?

— Сначала хотелось бы уяснить, что здесь происходит. Давно не выходил в свет. Не откажетесь просветить затворника?

— Не откажусь. Мне самому нужна кое-какая информация. Кстати, давно вы знакомы с этим молодым человеком?

— С Артуром? Его случайно занесло в мой мир два зависимых часа назад. За ним гнался Стас Котов. Вы его тоже знаете?

— Это эмиссар Тараса Горшина, бывшего Отступника. Тарас доверил ему миссию...

— Абсолютно невыполнимую, на мой взгляд, если за этим

нет другого расчёта. Артур мне всё рассказал, простая душа. Думаю, Горшин и в самом деле имеет относительно него какие-то двойные планы.

— Пойдёмте в келью, поговорим.

В основании каменного бугра, среди рёбер и рытвин возник прямоугольник входа.

Матфей и его гость вошли в него, вход закрылся.

* * *

Телефонный звонок Артур услышал не сразу. Сцапал трубку мобильника.

— Слушаю...

— Так ты дома и не звонишь? — заговорил в трубке возмущённый голос Светланы. — Обещал же пойти в магазин за снаряжением.

— За каким снаряжением? — вяло поинтересовался Артур.

— Издеваешься, да? Бессовестный! Мы же собрались на Валдай, отдохнуть в верховьях Волги, поплавать на байдарках.

Сон сняло как рукой.

— Точно, — сокрушённо вспомнил он. — Забыл! Прости гада! Я только что вернулся и отрубился, ничего не соображаю.

— Снова по «розе» бродил? И мне ничего не сказал?

— Да я...

— Эгоист! Я из-за него с подругами рассорилась, никуда не еду, а он гуляет один и в ус не дует!

— Я исправлюсь, честное слово! Через час... — он глянул на будильник, — нет, через два часа встречаемся возле сквера на Трофимова.

— Хорошо, — смягчилась она, — буду ждать.

Артур положил трубку, расслабился, закрывая глаза, потом всё-таки заставил себя встать, поплёлся в ванную, под холодный душ, чтобы вернуть утраченный душевный тонус. Ехать никуда не хотелось, но обещание, данное Светлане, надо было выполнять, за язык его никто не тянул.

В двенадцать часов с минутами он подъехал на своей «Ладе» к узорчатой ограде парка на улице Трофимова и сразу увидел Светлану в коротеньком платьице, стоящую возле троллейбусной остановки в окружении трёх парней в джинсовых шортах, в майках, с белыми повязками на бритых головах, с татуировкой на предплечьях: клубок змей с раскрытыми пастями, крылья лету-

чих мышей. Сначала Артур подумал, что девушка беседует со своими приятелями, потом обратил внимание на их поведение и понял, что они пытаются увлечь её с собой, оттирая от остановки, хватая за руки и подталкивая к стоящему поодаль чёрному «бумеру». Две пожилые женщины и старик на остановке с осуждением поглядывали на молодёжь, но не вмешивались.

Артур чертыхнулся в душе, не желая связываться с этой компанией, однако выбирать не приходилось, диктовали условия обстоятельства.

— Эй, парни, — вылез он из машины с мирной улыбкой на губках, — пропустите мою даму, мы спешим.

— Что ты вякнул? — обернулся один из бритоголовых, толстый, с висящим пузом. — Кати, пока тачка цела!

Артур перестал улыбаться. В душе вдруг вспыхнула слепящая ярость. В прежние времена он скорее всего разрулил бы конфликт мирным путём, путём уговоров и шуток, но он уже вкусил чувство с и л ы, спасавшей его в мирах «розы», научился мгновенно оценивать возможности противника и перестал бояться «шестёрок» с непомерно раздутыми амбициями и худыми мозгами.

— Я сказал — отпустите её! — Артур пошёл на парней стеной, глаза его мрачно вспыхнули. И бритоголовые, почуяв мощь и силу путешественника, дрогнули, не выдержали психологического давления раппорта, неосознанно излучённого Суворовым.

Парень с рыжей порослью на щеках и подбородке отпустил руку Светланы. Девушка с пылающим лицом бросилась к Артуру, спряталась за его спину.

— Убирайтесь! — проговорил он гулким резонирующим басом, от которого, казалось, зашатался воздух. — Ещё раз встречу — придётся вызывать «Скорую»!

— Нет базара, братан, — развёл руками, отступая, толстяк. — Мы не знали, что это твоя тёлка. Хиляем, пацаны.

Троица метнулась к «бумеру», захлопали дверцы, машина сорвалась с места, влилась в поток автомобилей. Артур проводил её нехорошим взглядом, повернулся к подруге.

— Больше не отпущу тебя одну. Сегодня же переедешь ко мне жить. Возражения?

Светлана улыбнулась сквозь слёзы и уходящий страх.

— Ты изменился...

— Это хорошо или плохо?

— Ещё не знаю.

— Тогда садись, поедем в спорттовары. Но на Валдай отдыхать не поедем, у меня родилась идея получше.

— «Роза»? — улыбнулась Светлана.

— Есть возражения? — Он сел за руль, лихо рванул с места «Ладу». — Если нет, то я покажу тебе пару интереснейших реальностей.

— Да, ты изменился, — задумчиво кивнула Светлана, отвечая своим мыслям. — Стал более... решительным.

— Тебе это не нравится?

— Меня это пугает, — призналась девушка с улыбкой. — Но я согласна посетить миры «розы». Если бы мои подруги знали, где я была и что видела!

— Вряд ли они поверили бы тебе, вздумай ты им рассказать о своих экскурсиях. Приняли бы за сумасшедшую.

— Почему, не такие уж они и безнадёжные. Можно подумать, твои друзья отреагировали бы иначе.

— Я никому ничего не рассказывал. — Артур вспомнил Вадика. — Одному намекнул...

— И что?

— Ничего, пропустил сказанное мимо ушей, и я больше не возвращался к теме.

Подъехали к магазину «Спортмастер», выбрали рюкзаки, двухместную палатку класса «Альпинист», купили спортивно-туристические комплекты одежды, кроссовки, погрузили всё в машину.

— Пообедаем? — предложил Артур.

— С удовольствием, — простодушно кивнула Светлана, — я голодная.

В два часа сели за столик на летней веранде ресторана «Шаво» с грузинской кухней на Карамышевской набережной. Выпили по бокалу «Саперави», съели по шашлыку, остались довольны.

В начале пятого выгрузили купленное из машины, отнесли в квартиру Суворова. Светлана заперлась в ванной, включила душ, утомлённая жарой. Артур зашёл в спальню переодеться и остановился как вкопанный, увидев стоящего у окна — руки в карманах брюк — человека в белом костюме.

— Тарас?!

— Привет, путешественник, — сказал гость рассеянно. — Извини, что я без приглашения. В последнее время я ко всем набиваюсь в гости без приглашения. Куда собираешься на этот раз?

Кровь бросилась Артуру в лицо.

— Я... мы... подумали, что...

— Понятно. Устал, поднадоело заниматься чужими проблемами, бегать от засранцев с мечами, захотелось отдохнуть, так?

Артур поискал ответ, не нашёл (был соблазн ответить сакраментальным «сам дурак»), отвернулся.

— Я не нанимался сражаться с... разными засранцами, владеющими мечами. Хотелось бы... — Он осекся.

— Продолжай, — поощрил его Тарас. — Действительно, чего ты хочешь как свободная личность? К чему стремишься? Допустим, я освобожу тебя от навязанных мной обязательств, что ты станешь делать? Кому служить?

Артур внезапно успокоился, исподлобья посмотрел на собеседника, изучающего в свою очередь его лицо умными, с иронической искрой, невероятно спокойными глазами.

— Слово «служить» имеет разные оттенки... хотя, в принципе, подходит и оно. Я бы хотел служить добру и справедливости... если вы это имели в виду.

— Это два разных вида служения. Служение добру — Путь прощения и терпения, служение справедливости — Путь войн, тревог и потерь.

Артур смешался.

— Ну... не знаю... я считал, что это близкие понятия...

— Достаточно близкие, хотя и логически разделённые. Не единство и борьба противоположностей, но всё же трансцендентное объединение, требующее разных подходов. Однако не будем забивать голову пустопорожними рассуждениями. Мне нравятся люди, которые ставят цели и добиваются их, даже если эти цели оказываются впоследствии ложными. Ты же до сих пор не определился, считая, что можешь заниматься доверенным тебе делом в свободное время. Верно? Может, вернёмся к вопросу, который я уже тебе задавал? Не надоело?

Артур открыл рот, собираясь отшутиться, но встретил оценивающий взгляд «колдуна», и на него повеяло космическим холодом. Он зябко передёрнул плечами, подумав, не бросить ли и в самом деле свои походы в «розу реальностей», раз от разу становящиеся более опасными. Но вопреки сидящему внутри авантюристу, пофигисту и лентяю (авантюризм хотелось применять по своему усмотрению, а не ради выполнения общественных поручений), некая остаточная гордость всё же снова взяла верх над рассудком.

— Вы слишком много от меня хотите... но я остаюсь.

— Что ж, ответ принят. Я не требую от тебя невозможного, хотя знаю, на что ты способен.

— На что? — мрачно осведомился Артур, прислушиваясь к плеску воды в ванной.

— Захочешь, сам разберёшься. Да и спутница поможет.

— Вы не даёте мне всей информации... мне трудно оценить, насколько я свободен в выборе...

— По-моему, я тебе всё рассказал. Какая ещё информация тебе нужна?

— К примеру, я так до сих пор и не понял, кто такой этот Конкере, Монарх Тьмы. Не могу представить, как он выглядит... и вообще...

— Монарх — это энергоинформационный сгусток, обладающий личностными характеристиками. Сущность, способная реализовываться в любом объекте «розы реальностей», в том числе и в Материнской реальности — после бегства из тюрьмы. А поскольку чужое мнение, чужие эмоции и мысли, планы и решения для него не имеют никакого значения, Конкере опасен для всей Вселенной. Потому что любит экспериментировать, изменять существующий Миропорядок, как и его предок — Люцифер. Он может замахнуться даже на Замыслы Создателя. Вот почему его надо остановить.

— Если его не смогли остановить Аморфы...

— Аморфам всё безразлично, из-за чего они и получили такое название. Судьбы цивилизаций и метавселенных «розы» их не волнуют. И не они когда-то упрятали Конкере в тюрьму.

— А кто?

— Страж Порядка, контролирующий соблюдение законов и принципов Творца. Соборная сущность, состоящая из многих и многих этических систем, таких как Архитектор Согласия, Воин Закона Справедливости, Книга Бездн и других.

— Они тоже... обитают в «розе»?

— Нет, они проявляются тогда, когда наступает потребность в их проявлении — через носителей духа, носителей психики, людей, духовно развитых и ответственных. Но я заболтался. Прощай, увидимся позже.

— Вы только за тем и приходили? — Артур выдавил кривую улыбку. — Чтобы наставить меня на путь истинный?

— Ах да. — Тарас протянул руку. — Дай-ка Свисток.

— Зачем?

— Не задавай ненужных вопросов.

Артур достал «берестяную» палочку с дырочками.

Тарас взвесил её в руке, глянул как-то по-особому, и «свирель» засветилась нежным розовым светом, сделалась прозрачно-огненной, затем снова обрела прежние размеры и вид.

— Держи.

— Что вы с ней... с ним сделали?

— Проверил на вирусы.

Тарас помахал рукой, и его не стало.

В спальне появилась завёрнутая в махровое полотенце Светлана.

— С кем ты разговаривал?

Артур очнулся, спрятал в карман Свисток, создающий впечатление шевелящейся живой твари.

— Кажется, отдыхать нам не придётся.

— Что случилось? У тебя кто-то был? Я слышала голоса.

— Тарас заходил.

— Опять? — поняла девушка, оживляясь. — Колдун?

— Тарас не колдун... вернее, он маг, иерарх Круга, отвечающий за службу безопасности «розы»... если только я правильно его понял.

— Он тебя ругал?

— Не ругал, но... я должен выполнить миссию, ради которой мне и подарили дополнительные умения и знания.

— Я пойду с тобой!

— Это невозможно, Светик. Я не стану рисковать твоей жизнью.

— Я пойду с тобой! И не возражай, обузой я не буду. У меня первый разряд по бегу, я умею стрелять, ставить палатку, готовить...

— Вышивать крестиком, — засмеялся Артур, — мыть полы.

— Издеваешься? — сдвинула брови Светлана.

— Ты идеальная спутница, и всё же я не могу взять тебя с собой. Мне надо нырнуть в прошлое на миллиарды лет, отыскать Предтеч и попросить их помочь справиться с Монархом Тьмы. Экспедиция опасна и непредсказуема. Поэтому ты останешься ждать меня дома.

— Никогда! Без меня ты пропадёшь!

Артур заколебался. Одному скитаться по прошлым временам не хотелось.

— Ты пожалеешь...

— Никогда! Значит, ты берёшь меня с собой?

— Собирайся, — махнул он рукой. — Иначе не отстанешь. Только потом не хнычь.

— Ура! — Светлана бросилась к нему на шею, поцеловала, и ему пришлось ответить тем же.

Через час они критически оглядели друг друга: новые походные костюмы сидели отлично, не жали и не стесняли движения, рюкзаки за плечами превращали их в туристов, знающих толк в экстремальных походах, а тёмные очки придавали «крутости».

— Всё взяли? — задал сам себе вопрос Артур.

— Чего не взяли, то и не нужно, — отозвалась Светлана.

— Может, останешься?

— Щас! — насмешливо поклонилась она.

— Тогда держись за воздух.

Артур сориентировал тхабс на преодоление бездны времён, и оба «упали» в «колодец» магического преодоления земных законов.

Обычно финиш при использовании тхабса заканчивался для Артура выходом в миры «розы» или в земное прошлое — в дневное время. На этот раз произошёл какой-то «сбой», и «туристы» выпали из «колодца» ночью.

Тихо ахнула Светлана.

Артур, сразу не сообразивший, что произошло, почему перед глазами не рассеивается темнота, увидел над головой звёзды и легонько сжал локоть спутницы.

— Всё в порядке, трусиха, здесь ночь.

— Где мы?

— Ты имеешь в виду конкретную местность? Не знаю. Надеюсь, я правильно объяснил тхабсу, что мне нужно. Это должно быть Подмосковье, вернее, тот район, где через миллиарды лет вырастет столица России. Но точно — это не Евразия, потому что в прошлом материки не раз соединялись и разбегались, образуя разные континенты типа Гондваны и Пангеи.

— Холодно...

Артур и сам почувствовал, что температура воздуха в точке выхода почти нулевая, да и дышалось в этом воздухе трудно: кислорода было мало, а углекислого газа и скребущих горло примесей много.

— Сейчас подкорректируем систему.

Он сосредоточился на Вишудха-чакре, управляющей тхабсом, и развернул его на полную защиту.

— Потеплело, — с недоверием проговорила Светлана. — И дышать легче... Что ты сделал?

— Включил режим безопасности.

— Какой режим?

— Потом объясню. — Артур огляделся. — Предлагаю до утра устроиться где-нибудь на ночлег. Возражений нет?

— Я спать не хочу.

— Да и я тоже, — признался он. — Но ведь мы ночью ничего не увидим и никого не найдём. К тому же я не уверен, что мы вышли в нужном времени.

— Тогда проще подождать рассвета.

Глаза Артура окончательно привыкли к темноте. Горизонт раздвинулся. Стали видны какие-то тёмные громады, напоминающие утёсы, оконтуренные светлыми призрачными ореольчиками. И как только Артур сосредоточил на них внимание, голову ему словно лизнул шершавый и мягкий язык огромной собаки.

Снова тихо вскрикнула Светлана, прижимаясь к спутнику.

— Ой! Кто-то смотрит на нас!

Артур напрягся, вспоминая советы Тараса, попытался заблокировать мысленную сферу невидимым слоем «психоэнергии».

«Собака» перестала «лизать» голову Суворова, удивлённо и недоверчиво посмотрела на людей, понюхала воздух, подняла лапу, собираясь потрогать необычные живые объекты — именно таковы были ощущения Артура. Он вскинул вверх руку, заставил её светиться.

Светлана вздрогнула.

«Собака задержала лапу», озадаченная поведением объекта, владеющего энергией на том уровне, который до этого момента был доступен лишь ей самой.

— Прошу прощения! — вслух заговорил Артур ш а т а ю щ и м воздух голосом. — Мы пришли поговорить с вами!

При этом он усилил речь мысленно-волновым потоком, соответствующим смыслу сказанного.

«Собака» снова «понюхала» воздух, точнее, мыслеауру пришельцев, убрала «массивную когтистую лапу», зато вместо одной головы подняла целых три, превращаясь в своеобразного «Змея Горыныча».

Конечно же, глаза Артура видели другое.

Неподвижные горы и утёсы в километре от людей, стоящих в низинке между холмами, так и остались горами и утёсами, но их энергоинформационное наполнение, представляющее собой мыслесферы этих п е р в о с у щ е с т в, так воздействовало на мозг путешественников во времени, что те начинали видеть странные картины.

«Кто вы есть?» — бесплотным и в то же время гулким вибрирующим голосом (в мысленном диапазоне) спросила ближайшая «голова собаки».

— Мы люди, — ответил Артур. — Наша цивилизация сформируется в будущем. А вы... Предтечи? Или Аморфы? Я уже беседовал с... такими же, как вы. Или я ошибаюсь?

В голове засверкало, зашумело, родились и лопнули воздушные шарики: собеседник Артура пытался понять сказанное. Наконец он выудил из мыслеполя человека необходимую информацию, сложил смысловую мозаику и ответил:

«Мы Камарупитва... парачикос... кто-то посреди мира... В твоём словаре нет таких понятий... приблизительное значение — Первые Думающие, обладающие способностью обходиться без определённых форм».

— Значит, я всё-таки не ошибся, вы Предтечи! Мне говорили, что вы знаете будущее и можете помочь.

«Мы не знаем будущего, мы его творим. О какой помощи ты говоришь?»

— После вас на Земле будут жить Аморфы, ваши потомки. Вслед за ними — Инсекты...

«Короче».

— Один из Аморфов — Конкере, — заторопился Артур, — проведёт эксперимент, в результате которого разум на Земле резко изменит формы. Инсекты исчезнут, станут насекомыми, а один из их видов — Блаттоптера даст начало человечеству.

«Короче».

— Да куда уж короче! — рассердился Артур. — Вот уж не думал, что вы такие нетерпеливые!

«Мы слушать твои мысли. Можешь ничего не объяснять. Говори короче».

— Это другое дело... извините. Конкере был помещён в особый мир-тюрьму «розы реальностей», но сбежал оттуда и хочет снова изменить порядок вещей. Помогите нам остановить его. Иначе изменится Материнская реальность, исчезнет наша цивилизация, а он в конце концов уничтожит и саму Вселенную.

Сверкание в голове, говор «толпы», далёкие свисточки и гудочки, напоминающие шум железнодорожного вокзала.

— Они не рассердятся? — шепнула Светлана на ухо Суворову. — Не груби им.

— Их эмоции далеки от человеческих, — успокоил её Артур. — Даже странно, что жизнь на Земле начиналась с таких удивительных существ.

«Мы проанализировать ситуацию, — заговорила вторая «собака». — Наша помощь вам не нужна. Вы справитесь сами».

— Вот те раз! — воскликнул удивлённый Артур. — За каким бы хреном меня послали к вам, если бы не было нужды?!

«Ваша разумная система не слабей, она просто не развёрнута в нужном масштабе. Вы разобщены. Вам надо объединиться по Принципу Согласия, высвобождающему большие силы».

— Объединиться не мешало бы. — Артур попытался собраться с мыслями, но мешали переполнявшие душу эмоции, растерянность, обида и злость. — Значит, вы отказываетесь нам помочь?

— Они никогда никому не помогали, — раздался неподалёку негромкий знакомый голос. — Как и Аморфы, их дети. Ты напрасно их потревожил.

Артур и вздрогнувшая Светлана оглянулись.

На склоне холма в полусотне шагов от них на миг высветился абрис человеческой фигуры в «змеиной коже», с мечом в руке.

— Котов!

— Приятно, когда тебя узнают. А ведь я тебя предупреждал — не суйся не в своё дело, не путайся под ногами! Ничем хорошим это не кончится!

— Всё, что есть хорошего в жизни, — бледно усмехнулся Артур, — либо противозаконно, либо аморально, либо ведёт к ожирению. Ты сам-то понимаешь, что ты — зомби Монарха? Как сказал твой тесть — наёмник Тьмы.

С тихим шелестом меч в руке Стаса удлинился на два десятка метров и тут же вернул первоначальные размеры.

— Ты знаешь Юрьева?

— Встречался с ним недавно.

— Где?

Артур едва не ляпнул: «Мы же пересеклись с тобой в его реальности!» — но удержался.

— Какая разница? Вряд ли ему будет приятна встреча с зятем, погубившим его дочь. Ведь твоя жена погибла?

Меч снова устремился к Артуру, но он уже активировал тхабс и нырнул вместе с подругой в канал хроноперехода, который исправно перенёс обоих в мир Юрия Венедиктовича Юрьева.

Иерарх не обманул.

Сторожевые системы его изумительной красоты жилища узнали путешественника и беспрепятственно пропустили внутрь башни-минарета.

Глава 26

VERSUM EQUILIBRIUM

Предложенный Матфеем напиток из австралийского кактуса лофофора мескалинго оказался настолько вкусным и освежающим, что Юрий Венедиктович попросил ещё стакан.

— Могу дать рецепт, — предложил Хранитель, расположившийся на деревянном стуле, в отличие от гостя, занявшего мягкое кресло.

— Запишу, — кивнул Юрьев, наблюдая за тем, как кувшин с напитком поднимается в воздух, наливает в стакан прозрачно-зелёную жидкость и возвращается на место.

Стакан так же плавно поднялся в воздух, подлетел к гостю. Юрьев подхватил стакан, сделал глоток.

— Я тоже иногда изобретаю всякие напитки, но такого не пробовал.

— Можно и мне попросить этого славного наркотика? — раздался из воздуха вежливый баритон.

— Заходите, Граф, — спокойно проговорил Матфей, давно почуявший ментальное «щупальце», запущенное в жилище сторонним наблюдателем.

Посреди кельи Хранителя, представлявшей собой нечто среднее между спальней, кухней и кабинетом, где стояли полки с книгами, стол, стулья, кровать, два кресла и кухонный комбайн, проявился светлый силуэт гостя, приобрёл цвет, плотность и форму.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал Тарас, прижимая руку к сердцу. — Прошу прощения за вторжение. Однако ситуация требует совета.

— Садись, — кивнул на кресло Матфей.

Тарас откинул полы белого пиджака, сел.

Повторилась процедура магического разлива напитка: кувшин всплыл над столом, налил в стакан (прилетевший из кухонного шкафчика) жидкости, тот подлетел к гостю. Тарас сделал глоток, посмаковал:

— Да, это мескалинго. Очень старый рецепт, сейчас уже и не сыщешь тех, кто его знал. Не рассол, конечно, однако тоже хорошо. — Он посмотрел на Юрьева. — Какими судьбами, господин гексарх? Спасаетесь от Зверя?

Юрий Венедиктович улыбнулся.

— Зверь мне практически не страшен. Это мощная, но недостаточно вариативная и масштабная программа.

— Ну, не скажите, Зверь уже многим доказал, что он далеко не так прост, как кажется. К тому же у меня появились определённые опасения, что он получил доступ к Материнской реальности.

Иерарх и Хранитель с одинаковым недоверием посмотрели на бывшего учителя и спутника Матвея Соболева.

— Вы шутите? — шевельнул бровью Юрьев.

— С ним встречался Рыков и, похоже, перенёс файл сущности Зверя в свою психику. В таком виде Зверь может пересекать границы «розы». В связи с этим у меня есть к вам обоим просьба.

— Слушаем тебя.

— Надо натравить их друг на друга — Рыкова на Котова-младшего. Оба они являются наёмниками Монарха, но преследуют разные цели. Этим надо воспользоваться. Идея не моя, я случайно подслушал разговор приятелей, но хорошая. Надеюсь, Юрий Венедиктович, вы в курсе событий?

— Уже в курсе. Однако что это вам даст?

— Ни много ни мало — время. Плюс внимание Монарха. Для прояснения ситуации ему тоже понадобится время. Мы успеем подготовиться.

— К чему?

— К оборудованию новой тюрьмы для господина Конкере.

— А поконкретней? — прищурился Юрьев.

— Поконкретней не могу. Вы же знаете, озвученные планы и прогнозы сбываются редко.

— Хорошо, чего ты хочешь от нас? — проговорил Матфей.

— Предлагаю взорвать парочку МИРов.

В келье стало тихо.

Хранитель и Юрьев обменялись выразительными взглядами.

— Зачем? — поинтересовался Матфей. — МИРы — не просто

сейфы для хранения Великих Вещей, они ещё и базовые элементы единой энергетической сети, поддерживающей физическую основу земной реальности. Их можно использовать и как резонаторы психодинамического катарсиса, и как образцы идеальных геометрических структур, и как примеры иных логико-эстетических подходов к формированию жилых пространств.

— Всё это так, — кивнул Тарас, допивая напиток. — Но что важнее — потерять два-три «модуля», сохранив всю систему в целом, или ничего не трогать, но потерять всё?

— Ещё неизвестно, пойдёт ли Конкере на перестройку всей матричной реальности.

— Вы хотите рискнуть? Так сказать, посмотреть издали на то, что будет происходить? Продолжать политику невмешательства в дьявольские замыслы?

— Ты знаешь мою позицию, — спокойно сказал Матфей.

— И всё же, коллеги, — заговорил Юрьев, — уничтожать МИРы как-то неэтично... Найдите другой способ натравить Рыкова на Котова-младшего.

— Этот — самый действенный и быстрый. Естественно, Великие Вещи придётся из обречённых МИРов перенести в другие «модули». В конце концов можно будет впоследствии воссоздать уничтоженные МИРы в материале, сохранив их голографические копии.

Матфей задумался.

Юрьев покачал головой, с любопытством рассматривая невозмутимое лицо Горшина.

— Вы действительно возглавляете службу безопасности «розы», Граф?

— Скажем так — временно исполняю ещё и обязанности начальника этой службы.

— Раньше этим занимался декарх Александр.

— Всё изменилось, отшельник, пришла пора менять условия существования Матрицы и её отражений в «розе». Итак, сударь мои, я могу надеяться на вашу помощь?

— Я подумаю, — сказал Матфей. — Но ничего не обещаю. Не все Хранители понимают, что происходит на самом деле. Их надо убедить.

— Хорошо, я оставлю звоночек для связи. — Тарас, как фокусник, сжал пальцы в кулак, растопырил, и в его ладони возник маленький полупрозрачный шарик. Шарик слетел с ладони Горшина, опустился на блюдечко перед Матфеем.

— До встречи, друзья.

Кресло, в котором сидел гость, опустело.

Юрьев и Матфей молча смотрели на шарик, думая о человеке, ставшем когда-то учителем и ближайшим помощником аватары — Матвея Соболева.

— Вы действительно собираетесь ему помочь? — спросил Юрьев рассеянно.

— У меня нет выбора, — грустно усмехнулся Хранитель. — А вы по-прежнему предпочитаете политику нейтралитета?

— Ещё не знаю, — улыбнулся в ответ Юрий Венедиктович почти так же грустно. — Если моя дочь погибла...

— Нет смысла вмешиваться, так?

— Совершенно верно. А если она жива, но находится в плену у Конкере...

— Боюсь, надо готовиться к худшему варианту. Обе «половинки души» инфарха — Светлада и Светлена — сейчас находятся в «виртуально-несвязанном» состоянии, то есть не привязаны к носителям, а это говорит о том, что...

— Ни Машки, ни Кристины, жены Соболева, нет в живых?

— Вероятнее всего. Хотелось бы ошибаться. Есть шанс... мизерный... не всё так просто и однозначно... но он мал.

— Я всё понял, мастер. Мне тоже надо о многом подумать. Навещу кое-кого из старых приятелей и позвоню вам вечером. И вот ещё что... — Юрьев помолчал. — Вам не кажется, мастер, что Граф чего-то не договаривает?

— Не кажется, — скупо усмехнулся Хранитель. — Он многого не договаривает. Служба такая.

Юрьев засмеялся и, не вставая с кресла, исчез.

* * *

Марат Феликсович вернулся из похода по «розе» в отвратительном настроении.

Погоня за Посвящёнными, осмелившимися бросить ему вызов, освободившими заложников и убившими ближайших помощников — секретаршу и Вахтанга Ираклишвили, не удалась. Котов-старший со товарищи исчезли, растворились в пространствах Вселенной, и даже Зверь, «собаку съевший» на охоте за иерархами и знавший «розу реальностей» как свои пять пальцев, не смог сразу обнаружить след беглецов. Поэтому Меринов, пометавшись по «лепесткам розы» и слегка поостыв, оставил там

«охотничью часть» Зверя и злой как чёрт вернулся домой. В душе он поклялся страшно отомстить обидчикам, ничуть не сомневаясь, что легко справится с ними при любых обстоятельствах. К тому же у него теперь появился дополнительный козырь — бывший Ликвидатор, он же Истребитель Закона, а ныне Зверь, жаждущий крови иерархов, обладающий немалым психоэнергетическим запасом.

Тем не менее, чтобы успокоиться, Марат Феликсович проник в опечатанное спецслужбами помещение лаборатории, самолично запустил «Большой глушак» и поверг в шок чуть ли не половину Москвы, отсосав энергию у всех пассажиров наземного транспорта. В результате произошло множество автоаварий, в том числе со смертельным исходом, потому что многие водители потеряли сознание прямо за рулём. Естественно, Управление «пси» ФСБ тут же занялось расследованием этого беспрецедентного психофизического нападения, уже имея опыт работы с психотронным оружием типа суггесторов «удав» и «пламя». Однако это обстоятельство Меринова не обеспокоило, противника в лице российских спецслужб — и мира в целом — он не видел.

Девятнадцатого августа, в пятницу, после обеда, он решил вновь заняться МИРами с целью захвата хранившихся в них Великих Вещей. Узнав, что под Парижем, в «модуле иной реальности» — замке царя Гемиптеров, «клопов разумных», хранится Инфран, называемый иерархами Искателем Тьмы, Рыков направился во Францию.

МИР, созданный Гемиптерами, располагался под Трафальгарской площадью столицы Франции, на глубине двухсот метров. Его форма слегка напоминала двух вставших на задние лапки и обнявшихся клопов. С другой стороны, это было совершенное произведение искусства, шедевр архитектуры, и у наблюдателей, в том числе и у Меринова, не возникало чувство отторжения и неприятия, несмотря на мерзкий облик кусачих потомков Гемиптеров — клопов.

Марат Феликсович обошёл стометровой высоты замок царя Инсектов, светящийся по всей массе угрюмым вишнёвым светом, принюхался к тонкополевой ауре подземелья. Аура ему не понравилась. Недавно в пещере побывал кто-то из Посвящённых Внутреннего Круга и оставил неприятный след, сигнализирующий об опасности. Однако, что это за след, определить сразу не удалось.

Меринов вошёл в состояние *самадхи*, позволяющее контро-

лировать пространство подземелья на всех психоэнергетических уровнях, постучал в стенку замка кулаком, заставив его вибрировать.

— Габриэль, выходи! Я знаю, что ты меня видишь.

— Я с предателями и убийцами не общаюсь, — раздался под куполом пещеры глухой бас; говорили по-французски.

Меринов улыбнулся, перешёл на французский:

— Можешь не общаться и впредь. Мне нужен Инфран. Открой к нему канал и живи как жил.

— Ни за что!

— Уговаривать не буду. Сначала я убью твою жену, потом детей, потом родственников. Тебя не трону, ты и сам повесишься, зная, что стал причиной гибели всей семьи. Устраивает тебя такой исход нашей беседы?

— Ты мерзавец!

— Это ещё слабо сказано, — осклабился Меринов. — Даю не размышление минуту. Мне некогда с тобой рассусоливать. Если дорожишь жизнью близких, соглашайся, нет — я начну их «мочить». И будь уверен — я это сделаю.

Невидимый собеседник Меринова замолчал.

Марат Феликсович демонстративно поднёс к глазам руку с часами.

Минута прошла.

— Не слышу ответа.

Кто-то вдруг тихо рассмеялся.

Меринов с недоумением поднял голову, чувствуя странные колебания пси-поля в пещере.

— Габриэль, если ты вздумал шутить со мной...

— Чёрта лысого ты получишь, а не Инфран! — донёсся чей-то голос — не Хранителя! — Прощай, ублюдок!

В следующее мгновение замок Гемиптеров взорвался!

Во все стороны полетели обломки стен, струи огня и дыма.

Если бы Меринов не был готов к скоростному оперированию пространством и временем, он был бы неминуемо травмирован, а может быть, и убит. Но сторож организма сработал бессознательно и быстро, и тхабс унёс маршала СС в глубины «розы реальностей», подальше от взорвавшегося замка Инсектов.

Вышел Марат Феликсович «недалеко» от Земли — на поверхности спутника Сатурна Энцелада. Почему тхабс «высадил» его именно здесь, было не совсем понятно, однако в данный момент Меринов думал о другом.

— Б...ь! — выругался он по-русски, изумлённый случившимся. — Вот б...ь, а?! Он осмелился поднять на меня руку!

Сатурн, опоясанный изумительной красоты кольцами, равнодушно смотрел на человека с неба малой планетки.

* * *

Встреча с Матфеем, координатором Схода Хранителей, заставила Хранителя Лю Чэна задуматься и пересмотреть своё отношение к происходящему в мире. Хранителем он стал недавно, всего девять лет назад, поэтому не успел привязаться к МИРу, перешедшему под его опёку после смерти старого Хранителя, знавшего ещё Лао Цзы. Да и речь Матфея, нарисовавшего удручающую картину деградации Круга, произвела впечатление. В результате всех встреч, бесед и переговоров с Матфеем и другими Хранителями, согласившимися присоединиться к эгрегору Согласия и выступить против Монарха Тьмы сообща, Лю Чэн тоже вступил в «новое братство» и приготовился выполнить предложенную ему миссию.

Девятнадцатого мая он вышел в ментал и сыграл роль испуганного адепта Круга, ищущего защиты у коллег и желающего поскорей снять с себя обязанности Хранителя.

Расчёт оказался верным.

Лю Чэна услышали не только коллеги, но и те, кому и предназначалась его мольба. Поэтому уже ранним утром двадцатого мая в МИР, расположенный под столицей Китая, заявился первый претендент на перехват Великой Вещи, хранившейся в «модуле». Им оказался Стас Котов.

Хранитель, нервно расхаживающий по залу с замком царя Инсектов — здесь стояло сооружение Анофелесов, «комаров разумных», похожее на гигантскую личинку комара, — с опаской отступил к замку с овальной дырой входа. Замок, созданный из наплывов стекловидного коричневого материала, не светился, в отличие от большинства подобных сооружений, но по его стенам змеились тоненькие световые прожилки, отчего казалось, что весь объём пещеры вибрирует и сотрясается.

— Я пришёл тебе помочь, — сказал посланец Монарха бесстрастно. — Отдай Вещь и уходи. Никто не станет тебя преследовать.

— Я не могу отдать тебе Вещь, — промямлил Лю Чэн, делая испуганное лицо.

— Почему?
— На неё уже есть претендент.
— Кто?
— Куратор Союзов Неизвестных...
— Рыков?!
— У него другое имя.
— Значит, это Рыков перебежал мне дорогу?!
— Он гарантировал мне жизнь.
— А я гарантирую смерть!

В руке Котова-младшего появился меч, лезвие которого мгновенно достигло груди Хранителя. И тем не менее он успел воспользоваться «колодцем» тхабса, растворяясь в воздухе.

А вслед за этим замок царя Анофелесов взорвался!

Стены замка треснули, в образовавшиеся щели ударили струи пламени и дыма.

Конечно, бывший оруженосец Воина Закона Справедливости не пострадал, зная приёмы защиты от любых космических катаклизмов. Но пребывал в бешенстве. Второй раз в жизни ему не только возразили, отказались сотрудничать, но буквально плюнули в лицо, и сделал это — по всем признакам — приспешник Рыкова, китаец Лю Чэн, заманивший Стаса в ловушку.

В таком настроении он стартовал из подземелья в тхабс-режиме, твёрдо наметив немедленно разобраться с маршалом СС.

Поиски Рыкова привели Стаса Котова в приёмную вице-спикера Госдумы Меринова. Не обращая внимания на охранника (ментальный раппорт привёл молодого мордастого парня в состояние ступора) и на жалобные причитания юной секретарши («Куда вы, гражданин? Марат Феликсович занят!»), даже не сменив костюм на цивильный — чешуйчатый комбинезон представлял собой защитную оболочку из магически настроенного материала, — Стас вошёл в кабинет Меринова и наткнулся на светящиеся нити, опоясывающие кабинет вице-спикера по периметру. Они напоминали лазерные лучи, идущие параллельно полу, однако на самом деле представляли собой п р о я в л е н н о е магическое поле, заклинание «от ворот поворот», не пропускающее к хозяину кабинета ни одно живое существо.

Меринов сидел на краешке стола, сложив руки на груди, болтая ногой, и мрачно смотрел на непрошеного гостя. Страха в его глазах не было. В них клубилась т ь м а и с и л а да изредка проглядывал некий призрачный зверь, хищник, «беззвучно раскрывающий клыкастую пасть».

Стас дотронулся пальцем до одного из лучей, озабоченно посмотрел на задымившийся палец.

— Кусается? — растянул губы в насмешливой гримасе Меринов. — Стой, где стоишь, не то произойдёт несчастный случай.

Котов-младший снова дотронулся до «лазерной сетки», нажал, не обращая внимания на побежавшие по ладони к локтю язычки огня и струйки дыма. «Лазерная стенка» прогнулась, но выдержала.

Стас отдёрнул почерневшую руку, лизнул, восстанавливая сгоревший слой кожи, достал меч.

Меринов перестал улыбаться, слез со стола.

— Синкэн тебе не поможет, мальчик, я всегда успею уйти. Чего ты хочешь?

— Прекрати вскрывать МИРы! Ещё раз попытаешься помешать мне, и я спущу на тебя Стаю!

Меринов иронически поднял бровь, но в речи Котова не было бахвальства и фальши, он говорил, что думал, а это означало, что хозяин дал ему очень высокие полномочия. Во всяком случае до этого никому из иерархов не удавалось подчинить себе Стаю — прайд хищных гарпий — магических птиц-драконов со старушечьими головами, некогда исполнявших личные поручения Конкере.

— Плевать я хотел на твою Стаю и на тебя лично! Это ты мне мешаешь, а не я тебе! Хозяин дал мне задание собрать Великие Вещи...

— Мне тоже!

— И я выполню задание любой ценой! Не посмотрю, что ты его эмиссар! И не надейся на свой «устранитель препятствий», у меня тоже найдётся оружие такого уровня.

— Чушь!

Меринов оскалился.

Матово-белый шкаф за его спиной рассыпался грудой стеклянных осколков, в воздух взлетели и закружились вокруг Меринова странные предметы: многосегментный браслет из тусклого металла, напоминающего серебро, ажурная пирамидка из ярко-красного материала, кинжал и пистолет с шестигранным дулом. Кроме того, на груди Марата Феликсовича просиял квадратик мандалы.

— Узнаёшь?

— Меркаба... — проговорил Стас с ноткой удивления в голосе. — Гхош... кодон... байё-вайё...

— Совершенно верно, друг мой. Так что, будем соревноваться в армрестлинге или заключим пакт о ненападении?

— Я должен передать эти Вещи хозяину...

— Обойдётся твой хозяин. Я сам их ему передам. Кстати, зачем тебе понадобилось взрывать МИР под Парижем? Хотел меня убрать?

— Я не взрывал МИР под Парижем. Это ты взрываешь МИРы! Я только что стал свидетелем взрыва МИРа под Пекином. И взорвал его ты!

— Бред! — отмахнулся Меринов, вылавливая из воздуха рукоять меркабы. — Мне это ни к чему. Зачем бы я стал взрывать «модули» с находящимися внутри Вещами, если я их собираю?

— Ты лжёшь!

Марат Феликсович навёл ствол меркабы на гостя. Зверь в его глазах на мгновение оформился в призрачную фигуру, объявшую тело маршала, и снова спрятался в плывущей шевелящейся ауре Меринова.

— Пошёл вон!

Меч в руке Стаса призрачно-огненной струёй пронзил «лазерную» преграду, обесцветился, наткнулся на расплывшийся у груди Меринова световой зонтик. Глаза Марата Феликсовича расширились в испуге. Он так надеялся на защиту Великих Вещей, что отреагировать на выпад не успел. Но гость не собирался его убивать.

— Прекрати переходить мне дорогу! Ещё раз взорвёшь МИР — я вернусь со Стаей!

— Да не взрывал я МИРы! — Меринову вдруг пришла в голову хорошая мысль. — Это твой дядя их взрывает! Прячется в «розе», потом появляется и уничтожает. Так что разбирайся с ним сам.

Стас несколько мгновений не сводил с маршала зловещих ч ё р н ы х глаз, затем исчез.

Меринов с облегчением расслабился, злобно и трусливо рассмеялся.

— Ищи своего дядю, ищи, дурачок. Мне одной заботой меньше. Глядишь, вы прикончите друг друга.

В кабинет заглянула секретарша, совсем юная, красивая, длинноногая, растерянная. До Инны ей было далеко — в деловом плане, но как любовница она вполне устраивала вице-спикера.

— Ой, где ваш посетитель?!

— Выпрыгнул в окно, — пошутил Марат Феликсович, усили-

ем воли снимая «лазерную» защиту и возвращая висящие в воздухе Великие Вещи в невидимый силовой сейф. — Сделай кофе, Наташа.

— Сейчас принесу, Марат Феликсович.

Меринов сел за стол и вдруг трезво подумал: чёрт побери, кто же и в самом деле взрывает МИРы, если это не Котов-младший?

Глава 27

ЛОКОН АМПАРЫ

Возможно, погоня за ними продолжалась бы долго, не предложи Ульяна спрятаться в «мире локона Ампары». Поэтому, покинув Материнскую реальность, беглецы «свернули» с «тропы», ведущей в глубь сакуалы — системы всевозможных метавселенных — и нырнули почти на «дно розы реальностей», отделённое от *Брахмана* — вечного и неуничтожимого Абсолютного Хаоса — «тонкой» прослойкой «адовых миров».

Реальность «локона Ампары» не описать с помощью слов земных языков. В этом удивительном континууме пересекаются прошлые и будущие времена «розы реальностей», а также «эманации дыхания» *Брахмана,* Большой Вселенной, Матери-Отца всех метавселенных вроде «розы» и родины Творцов Мироздания.

Многомерное «шевеление» абсолютно разных миров и времён разной физической природы невозможно не только описать, но и воспринять, причём не только человеку ординарному, сросшемуся с телевизором, но и Посвящённому в тайны Круга. Ибо то, что глаза человеческие принимают за вспышки молний, зарницы, призрачные фонтаны и пляску огней, на самом деле является отражением и реализацией эмоций живущих в прошлом и будущем существ. А гигантские чёрные реки, пронзающие причудливые горные ландшафты, превращающиеся в потоки огненных шаров, в стаи светящихся птиц, колючие заросли и змеящиеся прозрачные дымы, на самом деле представляют собой эффекты бесед каких-то разумных исполинов. Может быть, даже Творцов Вселенных, собравшихся отдохнуть на «пикнике». И вряд ли сознание человека способно оценить и понять неподвижность и молчание многоцветной тверди, напоминающей поверхность недавно остывшей планеты, покрытой миллионами

спаянных основаниями пирамид, увидеть в ней «тупики реальностей», где времена текут «под разными углами» друг к другу, образуя своеобразный бесконечный «веер миров».

Естественно, Посвящённые Внутреннего Круга, в том числе Котов-старший, Иван Терентьевич Парамонов, Самандар и Ульяна, знали и видели больше обыкновенных людей, будучи подготовленными к восприятию иных пространств, но и они не воспринимали «мир локона Ампары» в полном объёме, «цепляя» его многомерные ландшафты краешком сознания.

Вышла команда Василия Никифоровича из тхабс-канала в центре вылизанной древним взрывом котловины, окружённой отвесными дымящимися стенами. И все сразу вспомнили, как год назад именно в этом месте произошло сражение людей с воинством пентарха Удди, закодированного Монархом Тьмы. Дно этого гигантского колодца, проделанного в континууме «локона Ампары» деструктурирующими заклинаниями, так и осталось гладким, расплавленным магическим огнём, усеянным остатками армии Удди. Эта армия включала в себя когда-то и гигантских насекомых — от многоножек до тараканов, и других монстров, живущих во множестве миров-«лепестков» «розы реальностей».

— Такое впечатление, будто бой закончился вчера, — нарушил молчание Иван Терентьевич, разглядывая проломленные и разбитые вдребезги хитиновые панцири погибших Инсектов. — Неуютное зрелище.

— Отвратительное! — тихо проговорила Ульяна.

Матвейка на её руках зашевелился, открыл глаза, посмотрел на вихрящуюся световую вуаль небес и снова уснул, зачмокав губами.

— Парень явно родился воином, — одобрительно кивнул на него Самандар. — Ничего не боится.

— Лучше бы он стал человеком мирной профессии, — проворчал Василий Никифорович.

— Размечтался. В наше время это невозможно, уцелеть может только человек боя, способный постоять за себя и за своих близких.

— Но ведь когда-нибудь войны закончатся? — робко возразила Ульяна.

— Конечно, — кивнул Самандар с преувеличенной серьёзностью. — Когда человечество вымрет, закончатся и войны.

— Помолчите, — сказал Парамонов, прислушиваясь к колебаниям эфира. — Сейчас не до философских диспутов.

Василий Никифорович, также ощупывающий мыслью местный ментал, вопросительно посмотрел на него.

— Что-нибудь слышишь?

— Ничего, Рыков отстал, но, если мы будем торчать здесь, как три тополя на Плющихе, нас засекут сторожевые псы, а вслед за ними явится и Герман.

— Что предлагаешь?

— Надо поискать здесь тихое местечко, заэкранироваться и отдохнуть.

Василий Никифорович окинул местность критическим взглядом.

Изредка в воздухе, то вдали, то совсем близко, проявлялись какие-то сложные полупрозрачные конструкции и тут же таяли, как дым. Континуум «локона Ампары» продолжал жить своей жизнью и не обращал внимания на гостей.

— По-моему, это и есть самое устойчивое образование здешней реальности, — сказал Самандар. — За границами колодца идёт война физических законов, ничего хорошего мы там не найдём.

— Предлагаю позвать Асата, — сказала Ульяна, державшаяся только на воле и запасе внутренней силы. — Эта программа защиты «розы» благосклонна к нам, пусть поработает во имя добра ещё раз.

— Если только её не нейтрализовал Монарх, — проворчал Самандар.

— Попробуем, — принял решение Котов.

Они объединили психоэнергетические поля, вышли в ментал, позвали сторожа границ.

Мир «локона Ампары» отреагировал на это судорожным сокращением слоистых стен колодца, по дну впадины побежали трещины, с грохотом развалилась на куски самая большая пирамида со стёсанной вершиной. В воздухе засверкали облака искр, с неба пошёл странный светящийся снег, не долетавший до поверхности впадины.

— Не слышит... — с разочарованием сказал Парамонов.

— Я же говорил, Асат уничтожен, — развёл руками Самандар.

И в этот момент гулко лопнула стена колодца, в образовавшуюся щель вырвалась струя золотисто светящейся пыли, пре-

вратилась в четырёхрукого гиганта, закованного в блистающие изумрудами доспехи.

Люди попятились.

Таким когда-то явился на свет Первочеловек, вылупившийся из вида Блаттоптера в вид хомо сапиенс. Только этот гигант был в сто раз больше.

— Удди?! — прошептала Ульяна.

Мужчины промолчали. Они помнили последнюю схватку с пентархом, также выбравшим носителем своей «проекции» форму тела Первочеловека, и были уверены, что Удди погиб. Хотя в душе каждый подсознательно готовился и к самому худшему варианту.

Однако тревожились они напрасно. Асат услышал-таки землян и поспешил на зов, приняв облик четырёхрукого рыцаря в соответствии с какими-то своими «движениями души».

— Слушаю вас, иерархи, — пробасил он гулко. — Прошу прощения за опоздание. Я теперь не сторожу границы «розы», выполняю другие задания инфарха.

— Инфарха? — удивился Самандар. — Какого ещё инфарха? Насколько нам известно, место Мастера мастеров вакантно.

— Вы ошибаетесь.

— Кто же он?

— А вот этого я не знаю, — сокрушённо покачал головой великан. — Я всего лишь исполнительная программа, не обладающая системой накопления информации. Инфарх есть, и он делает своё дело.

Земляне переглянулись.

— Это новость! — сказал Парамонов.

— И очень хорошая, — улыбнулась Ульяна. — Знать бы, кто занял место инфарха. Уж не Хранитель Матфей ли?

— Рассуждать будем потом, — очнулся Василий Никифорович. — Асат, нам нужно кратковременное убежище, помоги найти.

— Я организую необходимую структуру, но она и в самом деле будет кратковременной. Её постоянно надо будет поддерживать энергетически, а я не смогу находиться рядом с вами долго.

— Сделай, что сможешь.

Гигант приблизился к пирамиде с плоской вершиной, на которой теснились беглецы, протянул одну из средних конечностей.

— Залезайте.

Земляне устроились на ладони, Асат прижал руку к выпук-

лым пластинам груди, с хрустом и грохотом зашагал к трещине в стене колодца.

Дымы, возникающие и пропадающие серо-сизые крылья, чёрные струи, темнота, странное ощущение распада тел на атомы. Но вот трещина осталась позади, и по глазам людей мазнуло горячим оранжевым светом. Горизонт распахнулся, стал виден постоянно меняющийся грандиозный ландшафт «локона Ампары» — не поверхность планеты, а бесконечный объём всевозможных плывущих взаимопроникающих структур, создающих удивительно красочные световые и геометрические эффекты. Больше всего поражали текущие в этом мире дымящиеся чёрные реки, накрытые «шубой» электрических молний.

— Ужас! — проговорила Ульяна с дрожью в голосе.

Матвейка снова проснулся, распахнул глазищи, начал вертеть головкой, разглядывая проплывающие мимо картины. Судя по всему, никакого страха он не испытывал, только интерес и любопытство.

Вдали показалось синее озеро, не меняющее очертаний по мере приближения к нему, единственная неизменная деталь среди всех изменчивых текучих ландшафтов.

— Здесь есть настоящие моря? — поинтересовался Самандар.

— Это не море, — отозвался Асат, — это Энфор, Лагерь Порядка, созданный очень давно одним из Архонтов, который останавливался здесь.

— Поподробней, пожалуйста.

— Подробней не могу, сообщаю лишь то, что заложено в моей памяти. Насколько мне известно, Лагерь был создан как форпост для проникновения в Абсолютное будущее *Брахмана*. Но смог ли Архонт осуществить свой замысел, я не знаю.

— Кем был этот Архонт? Аморфом, человеком, Предтечей?

— Одним из иерархов.

— Ну, это понятно, а конкретней?

— Я знаю только его имя — Матви.

— Оба-на! — проговорил Самандар. — Уж не Матвей ли Соболев?

— Вряд ли, — покачал головой Парамонов, озадаченный не меньше остальных. — Асат сказал — Лагерь создан очень давно, а Соболев ушёл в «розу» всего одиннадцать лет назад.

— Кто знает, что такое время и куда оно течёт? Как говорил один академик: из всех относительностей нет ничего относи-

тельнее времени. Тем более что Соболев свободно мог опуститься в прошлое на пару-тройку миллиардов лет и создать форпост.

— Странно...

— Что странно?

— Что Лагерь попадается на нашем пути именно в тот момент, когда мы нуждаемся в передышке.

— Случайность.

— Может быть.

Асат побежал по щиколотку в огне и лаве, свернул, огибая дымящийся кратер.

— Вулкан? — указал на кратер Самандар. — Или метеорит?

— Откуда здесь метеориты? — засомневался Василий Никифорович.

— Это провал во времени, — пояснил Асат. — В прошлое. А вот те скалы с фонтанами — выбросы в будущее. Мы всё время идём по взаимодействующим временам.

— Понятно, — пробормотал Иван Терентьевич. — Без тебя мы бы и шагу не смогли ступить, не провалившись в другие измерения и времена. Как же ты ориентируешься в этом хаосе?

— В меня вложена система ориентации и вся география «розы», иначе я не смог бы сторожить её границы.

— А до «адовых миров» отсюда далеко?

— Один шаг.

Асат действительно сделал один широкий шаг и вышел к краю озера. Но синяя гладь на самом деле оказалась не водой, а стеклом. Или материалом, похожим на синее прозрачное стекло.

— Я почему-то был уверен, что это настоящее озеро, — разочарованно сказал Самандар.

— Зачем тебе озеро? — не понял Парамонов.

— Искупаться хочу, не люблю ходить потным и грязным.

— Потерпи немного.

— Так эта стеклянная плешь и есть Лагерь? — обратился Вахид Тожиевич к Асату. — Или его крыша?

— Лагерь создан из особо организованной субстанции, исключающей все виды энергетических процессов.

— Интересно, как же мы в таком случае сможем находиться внутри него? Ведь внутри нас идут те же самые энергетические процессы — химические, биохимические, электрические...

— Пока мы внутри тхабс-режима, нам ничто не грозит, — сказал Парамонов.

— Не беспокойтесь, людям в Лагере действительно ничто не грозит, — заверил всех Асат. — Здесь уже отдыхали земляне.

— Кто?! — в один голос воскликнули Василий Никифорович и Ульяна, подумав о Марии, жене Стаса.

— Человек по имени Юрий Венедиктович.

— Юрьев... — пробормотал Самандар. — Жив-таки наш кардинал, шатается по «розе» в поисках развлечений.

Четырёхрукий великан с пассажирами на ладони ступил на синюю поверхность «озера», и она тотчас же ожила, превратилась в самую настоящую — с виду — водяную гладь с барашками волн. Асат вошёл в эту «воду» по колено, по грудь, предупредил:

— Возможны неприятные ощущения.

— Потерпим, — буркнул Самандар.

Гигант погрузился в «воду» по плечи, окунулся с головой.

Вокруг людей прозрачной плёнкой обозначилась сфера тхабс-защиты. Синяя мгла сгустилась, стала фиолетовой, потом чёрной. Асат продолжал идти дальше, преодолевая вязкое сопротивление среды. Наконец тьма стала рассеиваться, и носильщик со своей живой ношей с тугим треском прорвался в пространство, свободное от синей субстанции.

Зал кубической формы, с закруглёнными углами, с квадратной дырой в полу и такой же дырой в потолке. Пол и потолок — синие, «стеклянные», а стены — из материала с жёлтыми, коричневыми и красными разводами, напоминающего агат.

— Здесь вы будете в безопасности, — сказал Асат, выпуская пассажиров на пол. — К отверстию в полу зала не подходите. Время существования данного объёма — около двенадцати земных часов.

— Это и есть Лагерь? — хмыкнул Самандар.

— Лагерем является вся данная локальная интрузия, то, что вы назвали озером. Я сформировал лишь объём пространства с параметрами близкими земным. Прошу прощения за отсутствие удобств.

— Я думал, это апартаменты создателя Лагеря.

— К сожалению, мне они недоступны.

— Ладно, спасибо и за это.

— Прощайте, земляне.

Четырёхрукий исполин повернулся и с треском разорвавшейся оболочки резинового шара вошёл в стену зала. Исчез.

Беглецы посмотрели друг на друга.

— Уюта тут никакого, — сказал Парамонов. — Может, напряжёмся и соорудим какую-нибудь мебель?

— Из чего?

— Сделал же Асат этот зал из «агата»? Значит, и мы сможем.

Василий Никифорович встретил усталый взгляд Ульяны, перестал колебаться:

— Попробуем.

Они снова объединили индивидуальные пси-сферы, порядком истощённые в результате непрерывных энергозатрат, с усилием перешли на уровень с и л *сарваса-убхагья-дайака*[1], позволяющий реализовать мыслеволевые раппорты Посвящённых в материале.

Стены зала содрогнулись.

Пол конвульсивно дёрнулся, из него вылезли прозрачные синие «глыбы льда» и превратились в кровать, диван, кресла и стол. И всё успокоилось. Ещё некоторое время земляне держались вместе, готовые к бегству отсюда в тхабс-режиме, затем расслабились.

— Отдыхаем, — сказал Парамонов, снимая рюкзак. — Есть-пить хотите?

— Пить, — слабо улыбнулась Ульяна, прижимаясь к сыну лицом. — Родной мой, всё позади! Сейчас я тебя напою.

Василий Никифорович подошёл к ней, взял Матвейку на руки.

Иван Терентьевич открыл жестянку с березовым соком, подал ему.

Самандар направился было к дыре в полу, но остановился, принюхиваясь.

— Палёным пахнет...

— Не подходи, — недовольно сказал Иван Терентьевич. — Асат же предупреждал.

— Как ты думаешь, что это такое?

— Вентиляционная шахта какая-нибудь.

— Ну и воображение у вас, патриарх! — фыркнул Вахид Тожиевич. — Что же перекачивает эта вентиляция и куда?

— Прошлое в будущее.

Самандар озадаченно взялся за подбородок. Парамонов, конечно же, пошутил, но идея оказалась интересной.

— Знаешь, над этим стоит подумать.

Словно иллюстрируя слова Ивана Терентьевича, колодец в полу зала ожил.

Края дыры подёрнулись дымком, а затем из дыры с тихим свистом вырвалась струя прозрачно-лилового пламени, очертания которой смахивали на деформированное и растянутое тело

---

[1] С а р в а с а - у б х а г ь я - д а й а к а — «царство возможностей в духовном восхождении» (инд. йогич. практики).

человека, и втянулась в квадратное отверстие в потолке. Зал содрогнулся, стены и пол пошатались немного и успокоились.

— Что это было?! — прошептала Ульяна, покачивая на руках проснувшегося малыша.

— Явление путешественника во времени народу, — пошутил Самандар.

— Я серьёзно.

— Если гипотеза Ивана Терентьевича верна, мы и в самом деле стали свидетелями перехода объекта из прошлого в будущее.

— Разве такой переход можно увидеть?

— Вероятно, в зоне Лагеря виртуальные процессы становятся локально реализованными, визуально наблюдаемыми. Сюда бы мою аппаратуру притащить, параметры зафиксировать...

— Зачем? — полюбопытствовал Парамонов.

— Ради исследовательского интереса, — усмехнулся Самандар. — Да и практического тоже. Вдруг отсюда можно будет спуститься в самый низ земной истории, встретиться с самим Творцом матричной реальности?

— Замахнулся, — ворчливо произнёс Василий Никифорович. — Нам бы наши насущные проблемы порешать.

— Порешим, — легкомысленно отмахнулся Вахид Тожиевич. — Раз мы до сих пор вместе, живы и строим планы, никакой Рыков нам не страшен.

— Оптимист...

— Это похвала или ругательство?

— Есть хорошее высказывание на эту тему, — улыбнулся Парамонов. — Оптимист — тот, кто верит, что конец света наступит после его смерти.

Улыбнулся и Котов.

— Это как раз про него.

— Шутите, шутите, если больше нечего сказать, — пробурчал Самандар. — Слабого может пинать ногами каждый.

— Тебя попинаешь.

— Всё, джентльмены, — остановил пикировку Василий Никифорович. — У нас не так много времени для отдыха. Предлагаю всем лечь спать, дежурить будем по очереди. Сначала я, потом Вахид, последним Иван Терентьевич. Возражения есть?

Возражений не последовало.

Через десять минут все спали, расположившись кто на диване, кто на кровати. Василий Никифорович посидел возле жены и сына, глядя на них с задумчивой мягкостью, потом прошёлся

по залу и сел в кресло, со вздохом вытянув ноги. Ему досталось больше всех, особенно если учесть пережитый во время освобождения Ульяны страх за жизнь жены и сына. Но думал он о другом — куда направиться после отдыха и когда выбрать момент возвращения в родную «запрещённую реальность».

* * *

Асат не обманул.

Никто команду беглецов за время отдыха не потревожил. А поскольку Посвящённым достаточно было для восстановления тонуса поспать спокойно всего два-три часа, то к концу отведённого бывшим сторожем границ срока все чувствовали себя достаточно бодрыми и отдохнувшими.

— Куда теперь? — осведомился Самандар, чей исследовательский пыл так и не угас; во время своего дежурства он таки осмелился подобраться к самому краю колодца и заглянуть в него, но увидел — по его словам — только глухую черноту.

— Асат говорил, что здесь отдыхал Юрьев, — напомнил Василий Никифорович. — Давайте спросим у него, не знает ли он координаты резиденции Юрия Венедиктовича. Было бы славно остановиться у него на пару дней. Надеюсь, нам он в приюте не откажет.

Парамонов и Самандар посмотрели друг на друга, перевели взгляды на Котова.

— Допустим, мы его найдём, — сказал Иван Терентьевич. — И он нас приютит на какое-то время. Но ведь это не решит проблемы.

— Мы ему расскажем, что творится в «розе», и предложим присоединиться к нам.

— А если он откажется? — предположил Самандар.

— Вот тогда и будем коллегиально соображать, как жить дальше. Сколько времени у нас осталось до отмеренного Асатом срока? Пора уходить отсюда.

— Минут двадцать, не больше.

— Пожалуй, не грех будет обратиться к Асату ещё раз, — пожал плечами Вахид Тожиевич. — На Землю нам всё равно рановато соваться. Поживём у Юрьева.

— Если он...

— Отставить гадание на словесной гуще! — перебил Парамонова Котов. — Включаемся!

Мужчины в который раз объединили трансперсональные по-

ля, к ним присоединилась Ульяна, и в «мир локона Ампары» полетел псиэнергетический вызов, «взбаламутивший» одновременно и весь ментал «розы реальностей».

Ждать бывшего стража границ пришлось около пяти минут.

Он действительно был занят по горло, выполняя задания нового инфарха, но всё же выкроил время, чтобы примчаться на вызов землян. На этот раз Асат принял другой облик.

Беглецы уже начали терять терпение, с тревогой поглядывая на вздрагивающие стены и конвульсии пола и потолка убежища, готового раствориться в толще «синего льда» Лагеря Порядка. Самандар даже предположил, что Асат встретился с ними в последний раз и не обязан отвечать на вызовы. А Парамонов стукнул себя по лбу ладонью, обозвав растяпой.

Все посмотрели на него.

— В принципе, может быть, ты и прав с самооценкой, — сказал Вахид Тожиевич с подчёркнутой вежливостью. — Однако что имеется в виду конкретно?

— Надо было сразу попросить его доставить нас к инфарху, — ответил Иван Терентьевич. — Решили бы все проблемы.

— В таком случае все мы растяпы, — вздохнул Василий Никифорович. — Я тоже не подумал о таком целеполагании.

— Хороша компания, — хмыкнул Самандар. — На три головы — одна мысль, да и та, как всегда, приходит не вовремя.

— Можно подумать, эта мысль твоя.

— Не отрицаю, я тоже мыслю не всегда. Привык, знаете ли, к комфортным условиям работы.

— Как сказал один старый человек: иногда я мыслю, следовательно, иногда я существую.

Внезапно весь зал заходил ходуном, будто по нему, как по мячу, ударил гигант-футболист.

Беглецы взялись за руки, собираясь активировать тхабс-канал, и в этот момент одна из стен убежища выпятилась горбом, лопнула, в зал сквозь дыру влетела огромная птица, напоминающая четырехлапого орла.

— Прошу прощения за опоздание, — гулко возвестила птица, садясь на пол и складывая крылья. — Я был далеко.

— Мы сами готовы просить прощения, — расслабился Василий Никифорович, покосившись на захныкавшего малыша. — Всего две просьбы... или одна, если она выполнима.

— Слушаю.

— Сможешь отнести нас к инфарху или хотя бы указать координаты его резиденции?

Гигант-орёл склонил голову налево, посмотрел на людей одним янтарно светящимся глазом, в котором на миг проявилось вполне человеческое чувство снисходительной иронии. Впрочем, Котову это могло и показаться.

— К сожалению, друзья, адрес резиденции инфарха мне неизвестен. Я получаю от него распоряжения через ментал.

— Очень жаль. Передай ему при следующем контакте, что мы хотели бы с ним встретиться.

— Непременно передам.

— И ещё одна просьба, последняя: ты знаешь Юрьева, он наш... приятель... а координаты его схрона тебе известны?

— Он мне их не давал, я с ним лично не встречался, но координаты его стройки мне известны.

— Какой стройки?

— По моим данным, он строит объект наподобие «локона Ампары».

— Зачем?

— Для соединения «лепестков розы» с разными временами.

— Странное намерение...

— Юрий Венедиктович всегда отличался умом и сообразительностью, — усмехнулся Самандар. — Да и амбиции у него будь здоров!

— Отнесёшь нас на его стройку?

— Садитесь. — Орёл подставил крыло.

Земляне с некоторым трудом взобрались на встопорщившееся перьями крыло, потом на шею птице, устроились между перьями.

Асат подпрыгнул и всем телом ударился о ставшую водной гладью стену зала, заставив седоков невольно зажмуриться.

Долгое время — по их ощущениям — летели в синем сумраке сквозь желеобразную субстанцию Лагеря, поднялись над озером, в мерцающий, вспыхивающий, расслаивающийся и взрывающийся мир «локона Ампары», после чего Асат наконец смог включить свой межконтинуальный «двигатель», и люди временно ослепли. В «колодце» тхабс-режима человеческие органы чувств не работали.

Через несколько долгих минут — опять же по внутренним ощущениям пассажиров — в глаза брызнул бледный лунный свет, и птица с седоками зависла в воздухе над удивительным ландшафтом, состоящим, казалось, из одних толстых и высоких белых стен с плоскими поверхностями. Больше всего этот ландшафт напоминал фундамент грандиозной стройки, каковым,

наверное, и являлся, если принять во внимание слова Асата о том, что Юрьев затеял сотворить второй «локон Ампары».

Вдали, у самого горизонта, просияла золотом тонкая тростинка — не то антенна связи, не то шпиль башни.

Асат высадил пассажиров на одну из стен, взмыл в воздух.

— Мне пора возвращаться, дальше вы сами.

— Что это за антенна? — показал Самандар на золотистую тростинку.

— Я здесь никогда не был, — признался орёл, — но по моим ощущениям, это скорее всего замок господина Юрьева. Если он дома, он вас услышит. Прощайте, земляне, удачи вам на вашем пути.

Орёл замахал гигантскими крыльями, кругами пошёл в бледно-жёлтое, с перламутровым отливом небо планеты с двумя бледными планетными дисками (хотя, возможно, мир Юрьева планетой и не являлся), превратился в точку, исчез.

— Кого-то он мне напоминает, — пробормотал Парамонов, глядя вслед птице.

— Орла, — пожал плечами Юрьев, — разве нет?

— Нет, конкретного человека. Его речь...

— Это же мысленная речь.

— Всё равно его речь поразительно человечна. Такое впечатление, что он знает каждого из нас лично. А ведь Асат — всего лишь программа защиты границ «розы».

Василий Никифорович промолчал. Ему тоже изредка казалось, что речь Асата действительно напоминает речь знакомого всем Тараса Горшина, Графа, спутника Матвея Соболева, но, с другой стороны, Горшин, если бы захотел, мог бы встретиться с ними и в своём естественном облике, а не в образе гигантских существ.

— Потопаем пешком? — кивнул на далёкую башню Самандар. — Или позовём хозяина?

— Он должен был сам почувствовать, что у него гости.

— Молчит же.

— Придётся звать.

Однако Посвящённые не успели собраться с силами и вызвать Юрьева в мысленном диапазоне.

Совсем недалеко из воздуха проявилась ещё одна громадная птица, точнее, дракон с огнедышащей пастью и четырьмя длинными, суставчатыми, когтистыми лапами. Лишь на мгновение люди приняли эту тварь за вернувшегося Асата. Потом пришло понимание ситуации.

— Зверь Закона! — сдавленным голосом произнёс Парамонов. — Переходим в с и л у Эл!

Произошла почти мгновенная перестройка коллективных энергетических сфер небольшого эгрегора землян. Все они были воинами по опыту и складу ума и знали цену промедлению. Именно поэтому первый ментальный удар, нанесённый охотником за иерархами, был отражён, а второй они нанести ему не дали, ответив контратакой на уровне с и л ы «божественного возмущения». И дракон-Зверь отлетел назад, распадаясь на несколько зыбких силуэтов, не успев защититься.

— Он слаб! — быстро сказал Самандар. — Можем добить!

— Он не слаб, — возразил Иван Терентьевич, — перед нами просто проекция Зверя, ослабленная законами местной реальности. Если появится п р о я в л ё н н ы й Охотник, нам несдобровать!

— Надо срочно звать Юрьева!

— Раз он до сих пор не отозвался, его здесь нет.

Дракон в это время «собрал» все свои призрачно-зыбкие тела в одно, поднялся повыше, метнулся к людям.

— Уходим! — скомандовал Василий Никифорович.

И очередной псиэнергетический выпад Зверя обрушился уже на пустую стену.

Люди исчезли.

Дракон сделал круг над местом короткого сражения, вглядываясь в провалы-ущелья между стенами, заработал крыльями, поднимаясь в небо, посмотрел на далёкую золотистую тростинку. Оттуда дул странный в е т е р, ток силы и угрозы, вызывающий ощущение колоссальной мощи, и дракон предпочёл не связываться с хозяином башни. Поворочал головой, как бы прислушиваясь к чему-то, и растаял в воздухе.

Глава 28

ЩИТ И МЕЧ

Дом-башня Юрьева не только поразил воображение гостей, но и оказался настолько сложным геометрическим лабиринтом, что в нём запросто можно было заблудиться.

Артур и Светлана с трудом разобрались в его компоновке, да и то лишь после того, как сообразили позвать невидимого управляющего и тот вежливо объяснил им, на каком этаже и в каком

«закоулке» многомерного сооружения располагаются комнаты отдыха, туалеты, ванные комнаты и гостиные.

Перед началом похода у них произошёл разговор.

Артур запомнил восклицание Стаса: «Ты?!» — относящееся к Светлане, и спросил её, что это значит. Девушка широко раскрыла ясные глаза, удивлённая не столько смыслом вопроса, сколько тоном, каким он был задан.

— Не понимаю, о чём ты говоришь!

— Стас Котов тебя узнал!

— Конечно, узнал, он ведь уже видел нас вдвоём.

— Он н е т а к тебя узнал!

— А как?

Непонимание ситуации Светланой было таким неподдельно искренним, что Артур смутился.

— Ну, не знаю... мне показалось, что он тебя как-то по-особому узнал... удивился даже...

— Значит, я, по-твоему, вру? — возмутилась девушка.

— Нет, я этого не говорил. — Артур пожалел, что начал разговор, но ему и в самом деле показалось странным поведение Стаса во время последнего столкновения и его необычная нерешительность, позволившая Суворову и подруге вовремя отступить.

Светлана обиделась, надув губы.

Пришлось её поцеловать, и ещё раз, и ещё, пока она не сочла инцидент исчерпанным. После этого они и направились изучать жилище Юрьева, исполненные детского, но вполне оправданного любопытства. Несмотря на то что Юрий Венедиктович уже водил своего гостя по дому, Артур многого не увидел, поэтому интерес его к тайнам гигантского сооружения не иссяк.

В конце концов поход по огромной башне, имевшей не меньше сотни этажей, закончился в одной из гостиных, расположенной на самой вершине башни. Вид отсюда открывался широкий, но однообразный. Лишь в одной стороне, под бледным пятном светила, виднелся на горизонте искристый белый массив, похожий на айсберг. Артур даже предложил слетать к нему, использовав транспорт хозяина, однако Светлана отказалась, сославшись на усталость. Тогда и он, искупавшись под вполне земным душем, расположился на удобном диване рядом с подругой и приказал управляющему принести обед.

Юрьев, как маг, владеющий процессами автотрофии, мог вообще обходиться без пищи, получая всё необходимое из воды и воздуха. Мог он питаться и «чистой» энергией. Но Артур уже знал, что Юрий Венедиктович гурман и предпочитает европей-

скую кухню. Поэтому в меню хозяина входили блюда немецкой, французской, английской, итальянской и чешской кухонь. Слабо в этом разбираясь, Артур в прошлый раз выбирал себе что попроще, чтобы не выглядеть провинциалом. На этот раз он заказал себе фуа-гра из гусиной печёнки, морские гребешки и трюфели на пару, зная по отзывам знакомых, что это «настоящее царское» блюдо.

Светлана выбрала греческий салат и фондю из черепашьего мяса.

На третье они заказали белый китайский чай «серебряные иглы» и мороженое.

Вопросом: откуда здесь, так сказать, на краю света, у чёрта на куличках, берутся свежие овощи, хлеб, мясо и сливки, — не задавались. В замке Юрьева работала изощрённая магия, и все блюда казались натуральными, а главное, вкусными.

После обеда у Артура взыграло мужское, да и Светлана загорелась, чувствуя бурю страсти в душе спутника. Поэтому час времени у них просто выпал из сознания, равно как и заботы о насущных делах. Потом Артур вспомнил о своём последнем поединке с Котовым, и настроение путешественника испортилось.

— Что с тобой? — заметила Света сдвинувшиеся брови Суворова.

— Я всё-таки не боец, — признался он виновато. — Чего-то мне не хватает. Да и оружия такого нет, как у этого козла — Котова.

— У тебя есть Щит...

— Дзи-но-рин не спасёт от меча Котова, да и не простой это меч, а «устранитель препятствий». От его удара нет защиты.

— Ты говорил, что Тарас мог дать тебе другой Щит...

— Их всего пять, он упросил Хранителя дать мне Дзи-но-рин, олицетворяющий «кольцо земной мощи». А есть ещё Щит Универсума — Дзюмон.

— *Рин-хэй-то-ся-кай-рэцу-дзай-дзен.*

Артур приподнялся на локте, с удивлением посмотрел на девушку.

— Откуда ты знаешь?!

— Сама не поняла, — смутилась она. — В голове вдруг возникло.

Он пожевал губами, разглядывая умиротворённое чистое лицо подруги, хотел снова завести разговор о Стасе Котове, странным образом обратившем внимание на Светлану, однако передумал.

— Тарас тоже называл длинное имя щита, но я почти ничего не запомнил. Вполне возможно, он бы нам помог.

— Так давай найдём Хранителя... как его звали?

— Иакинф.

— Найдём Иакинфа и попросим Дзюмон.

— А он нас пошлёт... куда подальше.

— Вдруг не пошлёт? Дал же он Дзи-но-рин, почему не поменяет Щит на более мощный?

Артур заколебался, не зная, стоит ли следовать совету.

И в этот момент в гостиной, где они остались после обеда (невидимые слуги убрали со стола), раздался тихий гудок.

Оба встрепенулись, оглядываясь.

— Чего тебе? — поинтересовался Артур, сообразив, что это напомнил о себе управляющий. — Хозяин вернулся?

— Посмотрите на восточную плоскость Картана.

— Куда посмотреть? — не понял Артур.

— В окно.

Суворов натянул штаны, подошёл к стеклянной стене гостиной, венчающей вершину башни, и на ребристой поверхности «стройплощадки», километрах в десяти от владения Юрьева, увидел шевелящиеся точки. Напряг зрение.

— Вот это сюрприз!

— Что там такое? — подошла к нему Светлана, торопливо застёгивая комбинезон.

— Люди! Трое мужчин и женщина... с ребёнком!

— Откуда они тут взялись?

— Спроси что-нибудь полегче. Тарас говорил, что миры «розы» могут посещать только Посвящённые Внутреннего Круга.

— Значит, это Посвящённые. А давай пригласим их сюда?

— Зачем? Может быть, это какие-нибудь мерзавцы...

— С ребёнком?

— А что, мерзавцы не рожают детей?

— Мне почему-то кажется, что они такие же беглецы, как и мы.

Артур максимально «приблизил» к себе группу незнакомцев, вгляделся в их лица. Лица ему понравились. Один из мужчин был постарше, лет шестидесяти, второй лет сорока пяти, с жёстким волевым лицом, спокойный и несуетливый, третий — смуглолицый, с усиками — был скорее всего узбеком. Женщина выглядела усталой, судя по её бледному измученному лицу, но красотой обделена не была.

— Что молчишь? — постучала Светлана кулачком по плечу Суворова.

— Вообще-то они не мерзавцы, — очнулся он. — Вроде бы нормальные люди...

— Ты согласен пригласить их к нам? — обрадовалась девушка.

Ответить Артур не успел.

Внезапно неподалёку от группы землян в воздухе проявился громадный дракон и напал на людей.

Вскрикнула Светлана, вцепляясь в локоть Артура. Он машинально потянулся к пластинке щита.

Однако вряд ли они успели бы что-либо предпринять, даже если бы управляющий замком Юрьева согласился предоставить им какой-нибудь транспорт.

Бой команды людей с хищным монстром закончился буквально через полминуты.

Он чем-то ударил их — до замка долетело слабое ментальное эхо удара (Артур его почувствовал). Люди ответили тем же (ещё один всплеск ментала). Дракона отнесло в сторону, он разделился на несколько колеблющихся призраков, а когда обрёл прежнюю форму и плотность, люди исчезли. Вслед за ними испарился и дракон.

Ещё какое-то время Артур и Светлана зачарованно вглядывались в ландшафт «фундамента стройки», надеясь, что люди вернутся, но этого не произошло.

Артур расслабился.

— Я знаю, кто это был...

— Кто?

— Зверь Закона! Тарас рассказывал о нём. Он охотится в «розе» за иерархами.

— Жуть какая!

— Несимпатичная тварь, согласен, лучше с ней не встречаться. Знаешь что, давай действительно вернёмся на Землю и попросим у Иакинфа Дзюмон. Чувствую, он нам пригодится.

— Как скажешь, мой господин, — смиренно сложила ладошки перед грудью Светлана.

Артур засмеялся, обнял девушку, подхватил сумку и сориентировал тхабс на возвращение домой.

Переодеваться не стали. Прошлись по комнатам, приглядываясь к обстановке, не побывал ли кто-нибудь здесь из непрошеных гостей. Но всё оставалось нетронутым, чужими в квартире не пахло, и Артур снова включил тхабс, давая ему задание найти МИР под Ташкентом, контролируемый Хранителем Иакинфом.

Переход в нужную подземную полость дался неожиданно легко. То ли подсознание Артура окончательно подстроилось под

его волевые внутренние раппорты, то ли активация тхабса превратилась в инстинкт, то ли кто-то подсказал ему, как находить МИРы по «пси-запаху» владельцев. Последняя мысль была неприятной, так как Артур не хотел подчиняться чужим командам и действовать по чужим программам, но он тут же забыл об этом, оказавшись перед замком Акарин, «клопов разумных».

Форма замка — гигантский, свернувшийся в спираль «червь» — осталась прежней, а вот светился он иначе — в сине-фиолетовом диапазоне. Артур чувствовал, что мавзолей царя Акарин накрыт магическим заклятием и приближаться к нему опасно. Хранитель выполнил просьбу Тараса, заблокировал МИР, и теперь попасть внутрь замка не смог бы и Посвящённый.

— Зря пришли... — пробормотал Суворов.

— Какая странная форма у него... — простодушно отметила Светлана. — Совсем не похожа на клопа... — Спохватилась: — Почему зря?

— МИР заблокирован, Хранитель не согласится открыть его.

— Мы попросим.

Артур невольно улыбнулся.

— Действительно, почему бы и нет? — Он поднял вверх сжатый кулак, резко выбросил пальцы веером, как учил Тарас. — Господин Иакинф, отзовитесь!

Пальцы метнули сноп искр, с шипением разлетевшихся по пещере.

«Взгляд» замка Акарин стал тяжелее. Магическая печать начала негативно реагировать на пришельцев. Но второй раз звать хозяина МИРа не пришлось.

— Что вам нужно? — раздался знакомый глуховатый голос; говорили с небольшим акцентом.

Из стены пещеры вышел пожилой толстяк в халате и тюбетейке, смуглолицый, с глазами-щёлочками. Он глянул на Светлану, приподнял бровь, будто узнавая девушку и одновременно сомневаясь в этом.

— Простите, что нарушили ваш покой, уважаемый Хранитель, — поклонилась Светлана, толкнула спутника локтем.

— Да, извините, — очнулся он. — Мы не хотели... но нам очень нужен Дзюмон... э-э... Щит Универсума...

— *Рин-хэй-то-ся-кай-рэцу-дзай-дзен*, — добавила Светлана скороговоркой.

Хранитель снова посмотрел на неё с необычным сомнением, не торопясь отвечать.

— Мы вернём вам Дзи-но-рин. — Артур доропливо достал из

кармашка на груди коричнево-зелёный кружок, похожий на подставку под пивную кружку. — Это хороший Щит, но... слабый, непрочный... мне его недостаточно.

— Зачем тебе Дзюмон?

Артур неуверенно оглянулся на спутницу.

— Понимаете, нам... мне придётся спускаться в прошлое, встречаться с... Предтечами и другими... а там на нас может напасть Зверь Закона...

Иакинф погладил пальцами подбородок, задумчиво глядя на молодого человека, снова посмотрел на Светлану. Девушка кивнула:

— Пожалуйста, доверьте нам Щит, мы его обязательно вернём.

Хранитель потоптался на месте, странно нерешительный и колеблющийся. Он явно не знал, как себя вести и что делать.

— Я понимаю... — начал Суворов.

— Хорошо, — перебил его Иакинф, забрал у Артура Дзи-норин. — Я дам вам Дзюмон. Если только вы его удержите. Щиты Дхармы могут носить только герои. Но если он вам не подчинится...

— Испытайте!

Иакинф пожевал губами, всё ещё пребывая в нерешительности, покачал головой и направился к замку Акарин.

Цвет свечения мавзолея изменился, стал зеленоватым. Хранитель снял с него «печать отталкивания», скрылся внутри сооружения.

Артур передёрнул плечами, криво улыбнулся.

— Я его почему-то боюсь.

— Что в нём страшного? Обыкновенный старый человек.

— Обыкновенный! — фыркнул он. — Хранители — маги очень высокого класса! И вообще он согласился дать Щит только из-за тебя.

— Не городи чепухи!

— Если бы я пришёл сюда один, он бы отказал, будь уверена. Может быть, ты ведьма в каком-нибудь поколении?

Светлана засмеялась.

— Разве плохо в наше время быть ведьмой?

— Я хочу понять...

Девушка шагнула к нему, прижала палец к губам.

— Ищи ответы, не задавая глупых вопросов, и поймёшь суть происходящего. Тебе поручили важное задание, от которого за-

висит, может быть, судьба Вселенной, вот и выполняй его, прикладывая все силы, через преодоление.

— Преодоление чего?

— Прежде всего самого себя, своих устоявшихся привычек и оценок. Это удаётся далеко не каждому, зато тот, кто достигает успеха на этом пути, становится мастером жизни.

— Миссия спасения мира мне... — Артур хотел сказать: «не по плечу», — но вгляделся в загадочно мерцающие глаза девушки и передумал. — Ладно, я постараюсь соответствовать. Но и ты...

Она опять прижала палец к его губам.

— Обо мне потом. Думай о деле.

Он поцеловал её палец, обнял, но в это время в пещере появился Иакинф. Исподлобья глянул на смущённую пару.

— Вам бы жить в довольстве и согласии, детей побольше завести... да нет в мире покоя. Возьми Щит, человек ветра, и будь достоин его. Не допусти, чтобы он попал в недобрые руки.

— Обещаю!

Артур принял из руки Хранителя ослепительно белый кружок с тонким муаровым рисунком на поверхности: вписанные в квадрат окружности и треугольники, вязь более мелких геометрических фигур, складывающихся в рунный орнамент.

— Лёгкий...

— Великие Вещи, как правило, свёрнуты по всем измерениям, кроме трёх, поэтому размеры и вес для них не главное. Сможешь открыть его?

Артур сосредоточился на созерцании фигур, поймал фокус трёхмерного восприятия картинки, и над белым кружком встала изумительной красоты объёмная световая конструкция из пересекающихся и переходящих друг в друга геометрических фигур. Одновременно руку свело, как от электрического удара, к плечу и дальше — к шее, к голове, по телу побежала волна мелких мышечных сокращений. Лишь громадным усилием воли Артуру удалось погасить тремор мышц и удержать отозвавшийся на его мысленный приказ Щит Дхармы. При этом ему показалось, будто кто-то поддержал его под локоть.

— Он... слушается! — пробормотал Суворов с удивлением и ноткой торжества в голосе, глядя на вставшую над кружком призрачно-световую «антенну». — Вы видите?!

— Поразительно! — качнул головой Иакинф. — Впервые вижу, чтобы Щиты Дхармы подчинялись непосвящённому. Впрочем, — он с прищуром покосился на замершую Светлану, усмехнулся, — я уже ничему не удивляюсь. Отступник... э-э... диарх

прав: мир кардинально изменился. Пора меняться и нам. Больше вам ничего не нужно, молодые люди?

— Нет, спасибо, — поблагодарила Хранителя Светлана.

— Тогда прощайте.

Иакинф отступил к стене пещеры, превратился в тающий призрак, исчез.

— Спасибо... — запоздало очнулся Артур.

«Антенна» над кружком Щита погасла.

— Как он работает? — заинтересовалась Светлана, разглядывая кружок.

— Тарас говорил что-то о слое высокоамплитудных осцилляций вакуума...

— Я, конечно, в будущем физик, но... — засмеялась она.

— В общем, все Щиты Дхармы формируют вокруг обладателя защитные оболочки. Понимаешь? Но если Дзи-но-рин создавал оболочку только из «тяжёлого» вещества, представляя собой «кольцо земной мощи», то универсальный Дзюмон, по идее, должен формировать защиту из всех существующих видов материи, в том числе из всевозможных силовых полей. Интересно, выдержит он удар синкэн-гата или нет?

— Не выдержит! — сказал кто-то уверенно.

Артур, за мгновение до этого почуявший дуновение холодного ветра, живо обернулся и не особенно удивился появлению знакомой чешуйчатой фигуры с мечом в руке.

— Котов!

— Отдай эту Вещь мне! — продолжал гость, подходя ближе; лезвие его меча то удлинялось, то укорачивалось, то распадалось на отдельные стеклянно-дымчатые ромбы. — Не испытывай судьбу!

— Как ты меня находишь?! — изумился Артур. — Это же невозможно! Никто не знал, что я буду здесь!

— Достаточно того, что ты гудишь, как трансформатор. — Стас растянул губы в пренебрежительной усмешке. — Издалека слышно.

— Что значит — гудишь? При чем тут трансформатор?

Меч устремился к груди Артура.

— Щит!

Артур облизнул губы, испытывая странное желание доказать всем, в том числе себе самому, что он — мужчина, равный среди равных. Уйти тхабс-каналом ему почему-то не пришло в голову.

— Попробуй отними!

— Я просто убью тебя, идиот!

Лезвие меча отступило, но тут же прыгнуло вперёд.

В то же мгновение на пути клинка сформировался переливчатый прозрачный зонтик, в который острие меча воткнулось, как в упругую пластиковую плёнку. Раздался гулкий металлический звон, будто прозвонил колокол. «Зонтик» засиял золотом. Меч тоже вспыхнул ручьём зеленого пламени, задымился, но «пластиковую» плёнку «зонтика» пробить не смог.

Тем не менее удар был все же так силён, что Артура отбросило в сторону, он выронил кружок Щита и упал на колени, оглушённый, потерявший способность видеть и соображать.

Силовой зонтик — эффект сработавшего Щита Дхармы — растаял.

Стас озабоченно посмотрел на свой пульсирующий меч, вернувший прежнюю длину, перевёл взгляд на противника. Глаза его сделались пустыми, подёрнулись патиной безумия.

— Я тебя предупреждал!

Острие меча устремилось к поверженному Артуру. Но за мгновение до этого на пути меча возникла Светлана, переместившись чудесным образом сразу на десяток метров, как призрак. Глаза её тоже вспыхнули внутренним огнём, поднятые на уровне плеч руки заискрились сеточкой электрических молний.

— Не смей! — Голос девушки, неожиданно сильный и звучный, взлетел под купол пещеры, отразился от стен замка Акарин, вернулся удивительно гармоничным аккордом эха:

— Не смей... смей... мей... эй!..

Котов вздрогнул.

Меч сам собой вернулся в исходную позицию.

— Снова ты?!

— Не я — тень! — качнула головой девушка, продолжая закрывать телом зашевелившегося Артура. — Забудь!

— Я думал...

— Уходи!

Котов провёл ладонью по лицу, на котором сквозь равнодушие и безразличие ко всему на свете проступило нечто человеческое, отражение борьбы чувств.

— Я... не могу... освободиться...

— А ты попробуй!

— Он... внутри... сильнее...

— Тогда убей нас обоих!

Артур внезапно ожил, тряхнул головой, цапнул с пола кружок Дзюмона, вскочил.

— Никого он не убьёт! И Щит не получит!

Глаза Котова, в которых плавились боль и мука, то и дело перекрываемые злобой и бешенством, снова п о ч е р н е л и. И перемену в его настроении почувствовал синкэн-гата, управляемый инстинктами владельца. И всё же какие-то остатки человеческой воли задержали клинок на мгновение, и этого оказалось достаточно, чтобы Артур успел запустить тхабс.

Меч пронзил воздух, с треском вспорол стену основания замка, проделывая дымящийся шрам.

И тотчас же в пещере объявился ещё один гость, словно специально дождавшийся финала схватки наёмника Монарха с молодыми людьми.

— Похоже, не всё решает «устранитель препятствий», мой злейший друг? — раздался насмешливый голос Марата Феликсовича Меринова. — Или у тебя вовсе не синкэн, а его заменитель?

Из-за округлости нижней спирали замка вышел Меринов в пятнистом комбинезоне, руки сложены за спиной, в глазах — сомнение и вопрос, но ни капли страха.

— Почему ты их не убил, оруженосец? Кишка тонка?

Брови Котова сомкнулись у переносицы, глаза метнули молнии.

— Опять ты! Я же предупреждал: не мешай мне!

— А то что? — осклабился Меринов, не меняя позы.

— Я вызову Стаю!

— Ну так вызывай.

Котов не сделал ни одного движения, но в пещере резко похолодало, с потолка сорвалась молния и превратилась в двенадцать гигантских птиц с чёрно-красным оперением. Вместо птичьих клювастых голов птицы имели странные, «усохшие» головы, напоминающие старушечьи.

Но и Меринов не остался в долгу.

Его глаза также метнули пламя, фигура заколебалась, как отражение в воде, и разделилась на две — человеческую и фигуру гигантского зверя — полудракона-полуптеродактиля.

— Потягаемся? — ухмыльнулся Меринов, и в самом деле не испытывая страха. — Твои старушонки против моего Зверя.

Котов шевельнул рукой, и птицы метнулись вперёд...

Между тем Артур со Светланой уже приходили в себя в гостиной суворовской квартиры, куда их перенёс тхабс. Поддерживаемый подругой, он поплёлся в ванную, но на пороге остановился.

— Почему он назвал меня трансформатором?

— Ты гудишь, — слабо улыбнулась девушка.

— В каком смысле?

— Ну, или светишься...

— В ментале? — догадался он, застревая в дверях ванной, как между деревьями лось с рогами. — А ведь точно! Мне и Тарас говорил об этом, советовал учиться блокировать пси-сферу.

— Почему же ты пренебрегаешь советом?

— Потому что постоянно забываю. — Он очнулся, с подозрением посмотрел на Светлану. — Откуда ты всё знаешь?! И вообще... Котов снова удивился, когда ты пыталась защитить меня! Кто ты на самом деле? Говори!

— Шпионка кардинала.

— Я серьёзно!

Светлана перестала улыбаться, лицо её странным образом отвердело и одновременно опечалилось.

— В данный момент я... не одна. Ты готов понять?

— Что?

— Что всё гораздо сложнее, чем ты себе представляешь.

Артур поймал во взгляде девушки отблеск грустной иронии, насупился.

— Готов. Но прежде признавайся, откуда тебя знает Котов.

— Он знает не меня.

— А кого?!

— Граф тебе не рассказывал, кто такой инфарх?

— Какой Граф?

— Тарас Горшин, Граф — его... м-м... оперативный псевдоним.

— При чем тут инфарх?

— Иди мойся, потом поговорим.

Светлана подтолкнула Артура в спину, и он вошёл в ванную, сбитый с толку, включил душ. Вышел буквально через три минуты, на ходу вытирая голову.

— Мне непонятно... — Слова застряли у него на губах.

В гостиной стояли... две Светланы! Одна — из плоти и крови, другая — прозрачно-светящаяся, как привидение, в белых одеждах. И эта вторая Светлана была как две капли воды похожа на незнакомку с берегов реки Джелиндукон.

— Здрасьте... — промямлил Артур, переводя взгляд с одной Светланы на другую. — Кажется, мы встречались...

— Прошу прощения за вторжение в твою личную жизнь, — тихим шелестящим голосом проговорила Светлана-«привиде-

ние»; да и не голос то был, а мыслеречь. — Так получилось, что я увидела вас в тайге и вы мне понравились.

Артур покраснел, беспомощно глянул на «живую» Светлану. Та улыбнулась.

— Познакомься, её зовут Светлена. Она — «светлая часть» духовного образа ушедшего на покой инфарха. Как и Светлада — вторая «светлая» ипостась. До этого Светлена избрала своим материальным носителем Марию, жену Стаса Котова, твоего преследователя. А когда Маша погибла, Светлена нашла меня. Теперь я её авеша. Вот почему Котов узнавал меня. Точнее, во мне он узнавал Марию. Понимаешь?

— С ума сойти! — честно признался Артур.

Обе девушки посмотрели друг на друга.

— Он поймёт, — кивнула Светлана-«привидение». — Прощай, берегиня, держись, тебе несладко придётся. И прости меня за всё. У меня просто не было другого выхода.

— Я понимаю.

Призрачная фигурка Светлены засияла сильней. Она приблизилась к замершему Артуру.

— Я знаю, что ты до сих пор колеблешься в душе, правильно поступил или нет. Но когда-нибудь ты действительно поймёшь, что лучше стать человеком, ответственным за судьбы мира, нежели оставаться пользователем благ цивилизации. Простым смертным.

— Я уже...

— Помолчи, — сказала «настоящая» Светлана.

— Твой путь, — продолжало «привидение», — только начинается. Сможешь подняться на вершину — честь тебе и хвала.

— А если не смогу? — хрипло выдавил Артур.

Светлена улыбнулась, и была эта улыбка так чарующе светла, нежна и мудра, что он заулыбался в ответ.

— Я в тебя верю, экстремал.

— Мы в тебя верим, — добавила Светлана.

«Привидение» отступило, подняло перед собой ладонь, прощаясь с молодыми людьми, и растаяло в воздухе.

— До свидания... — запоздало пробормотал Артур, спохватился: — Ах ты, ёлки-палки, не успел спросить...

— Может, я отвечу? — подошла к нему Светлана.

— Что мне делать дальше?

Светлана положила ему руки на плечи, заглянула в глаза:

— Тебе многое дано... в том числе — от природы, надо отрабатывать.

— Снова идти на поклон к Предтечам? — криво улыбнулся он.

— Может быть, и к ним, и не только к Предтечам, а ещё выше... или ниже, смотря как посмотреть.

— Что ты имеешь в виду?

— И до Предтеч были те, кто думал и творил.

— Боги?

— Существа, достигшие вершин самореализации. Это уже люди превратили их в богов.

— А Творец? Я имею в виду того, кто создал Вселенную.

— Он — дитя иных масштабов и глубин. К тому же надо знать, какого именно Творца ты имеешь в виду. Спектр их весьма широк. Аморфы тоже Творцы в значительной мере, в том числе — Монарх Тьмы. Предтечи — Творцы. Их Отец — Создатель. Но все они — Вторые, главным был и остаётся Безусловно Первый, тот, кто сотворил Матрицу Мироздания.

— Землю?

— Земля — первый уровень этой матричной реальности.

Артур осоловело поморгал, переваривая услышанное, поднял голову.

— Ты всегда это знала, до знакомства со мной?

— Нет, все эти знания мне передала Светлена, пять минут назад.

— С ума сойти!

— Не надо.

— Сам не хочу.

Светлана засмеялась. Улыбнулся и Артур, приходя в себя.

— Столько новостей... башка кругом! Она сказала, что делать дальше?

— Идти в «розу», шуметь, отвлекать на себя слуг Монарха — Стаса Котова, Рыкова, всяких псов, монстров и мерзавцев.

— Зачем?

— Ты ещё не понял? Чтобы тот, кто заботится о сохранении «розы», успел собрать силы и остановить Монарха.

— Вот, значит, каков мой крестный путь?

— Таков был замысел инфарха.

— А разве не Тараса Горшина, то бишь Графа? По-моему, это он предложил мне «интересные приключения».

— Граф только озвучил идею инфарха.

— Страшный человек!

— Согласна.

— Куда предлагаешь отправиться на этот раз? Может быть, вернёмся в реальность Юрьева?

Светлана не успела ответить.

В гостиной похолодало, и вместе с порывом морозного ветра из воздуха выпал человек в зеленоватом чешуйчатом трико — Стас Котов. За ним появился еще один гость, в пятнистом комбинезоне.

Артур отреагировал на вторжение адекватно, несмотря на смятение чувств. Всё-таки путешествия по «многоэтажному» Мирозданию, называемому «розой реальностей» или сакуалой, не прошли для него даром, в конце концов он научился с х в а т ы в а т ь опасную ситуацию на лету, без включения сознания, интуитивно.

— Как вы мне надоели! — бросил он, активируя тхабс.

Спустя мгновение они со Светланой были далеко от дома, от Москвы, Земли, Солнечной системы и всей земной реальности.

Глава 29

ЗВЕРЬ ПЛЮС ЗВЕРЬ

У них ещё была возможность договориться, остановить бой, разобраться в ситуации и достичь компромисса. Но ни Стас, ни Рыков-Меринов о такой возможности даже не подумали. Оба настолько верили в свои силы, неуязвимость, непогрешимость решений и вседозволенность, что забыли о своей службе одному хозяину.

Впрочем, если Котов-младший действительно выполнял приказы Монарха, не имея собственных целей, то Рыков лишь делал вид, что подчиняется бывшему Создателю рода человеческого, имея свои расчёты и планы.

— Хочешь пари? — предложил Марат Феликсович. — Ставлю свой кодон против твоего меча, что мой Зверь уделает твою Стаю, как бог черепаху!

Котов боднул лбом воздух, и стая гарпий с визгом бросилась на дракона, выпущенного Мериновым на свободу из тайников психики.

В понимании обывателя, бой — это стрельба из всех видов оружия, взрывы, огонь, пулемётные и автоматные очереди, бомбы, снаряды, гранаты, ракеты, летящие пули, рукопашные по-

единки, драки с применением мечей, ножей, дубинок или без применения какого-либо оружия. Однако магический бой — это иное дело. В ход идут в первую очередь заклинания, инициирующие те или иные физические процессы, а также мыслеволевые приказы — раппорты, управляющие всеми видами полей и «тонких» энергий. Поэтому бой магических существ может быть как совсем незрелищным — умер человек или просто испарился, так и очень эффектным, с демонстрацией потоков огня, тех же взрывов, мгновенных искажений формы предметов либо с потрясающим воображение исчезновением-появлением разного рода объектов — животных, людей, стен, скал и целых горных хребтов.

Бой в пещере с МИРом Акарин между магическими тварями, олицетворяющими собой а б с о л ю т н о е Зло, созданными только для разрушения и убийства, не входил в разряд особо зрелищных, однако мощь противников была очевидна, а отсутствие огня и взрывов совсем не означало, что они играют в военную игру. Отнюдь! Гарпии и Зверь Закона дрались насмерть!

Стая потому и называлась Стаей, что действовала как единый разумный «диффузный» организм, нападая на противника сразу со всех сторон, используя все его просчёты в обороне, уязвимые места и щели. Поэтому дракон-Зверь в первые мгновения боя получил не меньше десятка «пробоин» в защите и потерял часть лап, клыков, когтей, хвоста и крыльев.

Конечно, все эти атрибуты физического облика Зверя, проявленного в реальности в виде дракона, не имели абсолютного значения, а раны на его теле не кровоточили и не были фатально смертельными. Хотя и отражали потери дракона — с и л о в ы е, сущностно-энергетические, снижающие его мощь, подвижность и вероятностную вариативность контратак.

Однако уже спустя сотую долю секунды Зверь проанализировал тактику врага, изменил собственную стратегию и тут же нанёс удар, сокративший численность Стаи.

Четыре его лапы (точнее — три, одна была сломана гарпиями) цапнули вёрткую гарпию и разорвали в клочья, а ещё одна визжащая тварь была перекушена пополам и проглочена.

Правда, бой на этом не закончился.

Гарпии тоже умели извлекать уроки из неудач, перестроились и снова бросились в атаку на «израненного» противника.

А вот повелители поединщиков вели себя по-разному.

Котов стоял у стены пещеры, нагнув голову, опустив руки, угрюмо наблюдая за схваткой.

Меринов же вёл себя как футбольный болельщик, азартно хлопая в ладоши или вскидывая руки над головой, когда его бойцу крепко доставалось от соперника. Он первым и начал помогать Зверю, задержав волевым раппортом опасную атаку гарпий.

К этому моменту замок Акарин был уже сильно повреждён, в стенах пещеры появились ниши, дыры и трещины, зал заполнили клубы дыма и пыли, что тем не менее не мешало бойцам сражаться, а зрителям наблюдать за боем.

Зверь-дракон скушал ещё три гарпии, взамен потеряв лапу и часть крыла.

Меринов снова вмешался в бой, подтолкнув одну из летучих тварей Стаи к пасти дракона.

Котов наконец заметил это и взялся за меч.

— Мерзавец!

— Не тебе судить! — оскалился Марат Феликсович. — У самого рыльце в пушку! Отдавай синкэн, твоя Стая проигрывает!

— Это твой Зверь проигрывает! Верни Вещи!

Меринов сделал неприличный жест, означавший: хрен тебе!

— А это не хочешь?!

Клинок меча с тугим шелестом пронзил пространство зала, наткнулся на просиявшую зелёным огнём плёнку магической защиты Меринова. Сфера защиты лопнула мыльным пузырём, меч превратился в струю светящегося дыма и белых электрических искр, опаливших комбинезон Меринова. Он отпрыгнул в сторону.

— Полегче, приятель! Хозяину нужны мы оба!

— Ты лишний!

— Это ты лишний!

Меч снова прыгнул к Меринову, разделяясь на струю прозрачно-стеклянных ромбов.

Но в этот момент Зверь снова поймал одну из гарпий, и оставшиеся пять птиц отступили. Дракон, потерявший крылья и хвост, с рёвом бросился на них. И меч Котова, изменив направление, снёс ему полголовы.

Дракон с гулом и грохотом рухнул на пол, мотая уцелевшей частью черепа; из раны ударил в потолок фонтан оранжево светящегося дыма. Гарпии как по команде устремились к нему, начали рвать когтями и пастями его плоть.

— Ах ты, сволочь! — изумился Меринов, ошеломлённый поражением гаранта своей защиты. — Мы же так не договаривались!

По стенам зала пробежала волна искривления, с потолка на сражавшихся тварей посыпались каменные глыбы.

Котов снова взмахнул мечом, перечеркивая фигуру Меринова — и осевший замок Акарин заодно — смертоносным лезвием. Но Марат Феликсович уже давно перешёл в диапазон с и л Элохим Гибор и превратился в магическое существо, управляющее мощными потоками энергии и реагирующее на изменение обстановки в течение миллионных долей секунды.

Он вдруг исчез — меч прочертил только воздух — и возник снова за спиной противника, олицетворяя собой демона ярости. Ударил! Весь объём пещеры с о д р о г н у л с я от псиэнергетического импульса, зашатались стены, с потолка снова обрушились камни и целые пласты горных пород, грозя засыпать замок Акарин, а заодно и всех сражавшихся.

Котов, обладая такой же реакцией, что и противник, успел защититься силовым пузырём с и л ы Эл, но удар всё же был так внезапен и тяжёл, что бывшего оруженосца Воина Закона унесло в угол пещеры.

Меринов снова исчез и объявился через мгновение слева от Стаса, собираясь продолжить бой в метафизическом плане, обрушиться на противника всей «массой», отобрать меч и добить. Однако ему помешали.

Внезапно дымящийся, полуразрушенный замок Акарин ожил!

Пещера снова содрогнулась, но иначе — изнутри, будто каждый атом, каждая молекула горных пород обрели вдруг глаза и одновременно посмотрели на сражавшихся.

Затем замок потёк струями и пузырями, превратился в дышащий вибрирующий слиток жидкого стекла, приобрёл форму гигантского человеческого черепа. Глазницы черепа наполнились фиолетово-багровым свечением, и на замерших поединщиков, гарпий и покалеченного Зверя, посмотрел н е к т о, гораздо более могучий, чем каждый из них.

«Остановитесь, идиоты! — раздался в головах Меринова и Котова гулкий и одновременно шипящий мыслеголос. — Что вы не поделили?!»

— Хозяин! — пробормотал Котов.

— Конкере! — изменился в лице Меринов.

Одна из гарпий сорвалась с места, сделала пируэт и атаковала

израненного Зверя, но, не успев коснуться его, рассыпалась облачком сизого дыма.

«Отвечайте!»

— Он мешает мне выполнять ваши... — начал Котов.

— Я начал собирать Великие Вещи раньше! — перебил Стаса Марат Феликсович. — А он пытается...

«Прекратите выяснять отношения между собой! Вы оба служите мне! Вместо того чтобы отслеживать ситуацию и выяснять планы врага, вы занялись личными делами!»

— Я не занимаюсь... — попытался оправдаться Стас.

«Молчи, дебил! Ты не однажды перехватывал эмиссара инфарха и каждый раз упускал его!»

— Вы имеете в виду этого парня с девицей? — оживился Меринов.

«Он опасен! У него не только Щит Дхармы, его снабдили Иерихонской Трубой! Последствия её включения могуть быть самыми печальными!»

— Для вас, — ухмыльнулся Марат Феликсович.

«Для всех! Немедленно отправляйтесь в погоню за ним, оба! Ещё раз посмеете устроить личные разборки, я брошу вас псам!»

— Я всё сделаю, хозяин! — поклонился Котов.

— Вообще-то я предпочитаю действовать один... — проговорил Меринов осторожно.

«Заткнись! Будешь делать то, что я прикажу! После того как вы догоните и уничтожите эмиссара, найдите МИР, в котором хранится Трансформатор. Пора его включать!»

— Но ведь вы хотели соединить все Вещи и все МИРы в одну систему... — возразил Котов.

«Нет времени, ищейки инфарха идут по пятам, перекрывают все пути отхода. Их надо опередить».

— Но инфарх низложен, — поддержал спутника Меринов.

«Инфарх — не личность, это с о б о р н а я система. Враг перехитрил меня. Чем быстрее вы выполните задание, тем раньше я его уничтожу! За дело!»

Грозная сила искривила пещеру и всё, что в ней находилось. Жуткий череп — «проекция» Монарха Тьмы на МИР Акарин — начал оплывать, как стеариновая свеча, глазницы его перестали светиться, и через несколько секунд в центре пещеры образовалась многосладчатая тускнеющая стеклянная гора, всё, что осталось от замка царя разумных клещей. Конкере вытащил своё пси-щупальце из земной реальности.

Котов и Меринов оценивающе посмотрели друг на друга.

И тот и другой остро хотели закончить «разборку», но приказ хозяина проигнорировать не решились.

— Побеседуем в другой раз, — растянул посиневшие губы в кривой улыбке Марат Феликсович.

— Обещаю! — глухо ответил Стас.

— Кстати, каким образом Щит Дхармы оказался в руках непосвящённого? Далеко не каждый иерарх способен его включить.

— Щит Суворову передал помощник инфарха.

— Что ещё за помощник? Хранитель Матфей, что ли?

— Нет.

— А кто?

— Это не имеет значения.

— Надо же знать, с кем придётся столкнуться в «розе». А какой именно Щит подарили этому малому, Суворову?

— Дзюмон.

— Недурно! — покачал головой Меринов. — Этот Щит не возьмёт, наверное, и твой синкэн.

— Посмотрим.

— Ладно, приказы хозяина надо исполнять. Где будем искать этого поганца со Щитом?

Котов задумался на мгновение, прислушиваясь к вечному шёпоту ментала.

— Он сейчас в Москве, у себя дома.

— Никак ты его пометил?

— Он «светится» в пси-диапазоне, я запомнил частоту.

— Тогда веди. Покончим с этим по-быстрому и вернёмся к своим проблемам.

— Ты должен отдать Вещи...

— Да пошёл ты! Хозяин ничего не сказал насчёт передачи, так что обойдёшься. Лучше найди Трансформатор. И хватит дискутировать! У меня полно дел.

Котов смерил фигуру бывшего соперника уничтожающим взглядом, но спорить не стал, поманил пальцем поредевшую Стаю, и гарпии одна за другой растаяли в воздухе.

Тогда и Меринов позвал искалеченного Зверя.

Дракон перестал зализывать раны, превратился в призрачный силуэт и эффектно втянулся в палец Марата Феликсовича.

— Следуй за мной, — буркнул Стас, исчезая.

Через несколько мгновений оба вышли из тхабс-канала в квартире Суворова.

Однако объект погони оказался проворнее Котова и Меринова.

Не успели они определиться и отреагировать на встречу должным образом, как Суворов и его подруга исчезли.

В ярости Марат Феликсович р а з м а з а л по квартире всю её мебель и превратил в пыль шкаф с одеждой.

Котов повёл себя сдержанней. Прошёлся по комнатам, принюхиваясь, присматриваясь к деталям обстановки, нашёл женский халат, постоял в непонятной задумчивости, держа его перед собой в вытянутой руке.

— Чего остановился? — окрысился на него Марат Феликсович. — Кайф ловишь? Женских гормонов не хватает? Могу поделиться своей секретаршей.

Котов пропустил слова спутника мимо ушей.

— Я знаю, где их искать.

— Знамо дело, в «розе», только где именно? Придётся обшаривать ментал.

— Не придётся. Я встречался с Суворовым в реальности Юрьева.

— Какого Юрьева? Уж не Юрия ли Венедиктовича, бывшего кардинала?

— Он добился шестой ступени самореализации.

— Так Юрьев теперь гексарх? Растёт бывший советник президента, замах у него хороший, да и амбиции будь здоров. Значит, ты думаешь, беглецы отправились туда?

Котов отбросил халат.

— Проверим. Цепляйтесь за меня.

— Юрьев не обрадуется.

— Плевать! — И Стас включил тхабс.

Вышли преследователи в «локоне Ампары № 2», который вознамерился создать Юрьев. Глазам обоих предстала бесконечная «строительная площадка», толстые стены и фундаменты которой сливались к горизонту в ребристую «стиральную доску». Золотом просияла на горизонте тоненькая тростинка — штаб-квартира хозяина реальности.

— Я в эти края еще не забредал, — с некоторым удивлением сказал Меринов, озираясь. — Что это он здесь возводит?

— Выход, — равнодушно ответил Котов.

— Какой выход, куда?

— В *Брахман.*

— Зачем?!

— Не знаю.

Марат Феликсович с новым интересом принялся разглядывать однообразный ландшафт.

— Юрий Венедиктович всегда был не от мира сего... Кстати, в «розу» удрал и твой бывший воспитатель. Вот бы его отыскать! Сильно он меня огорчил.

Стас озабоченно сдвинул брови.

— Дядя Вася в «розе»?

— Плюс его приятели, плюс жена с дитём. Я послал за ними охотничью сущность Зверя, но что-то от него ни слуху ни духу. Поможешь найти своих родственничков липовых? Я в долгу не останусь.

Стас прошёлся по толстой белой поверхности «фундамента», думая о чём-то своём.

— Ну что, по рукам? — поторопил его Меринов.

— Они здесь, — напомнил Стас о деле.

— Кто? — не понял Меринов.

— Суворов и девчонка.

— Тьфу, чёрт! — сплюнул Меринов. — Я ему про Фому, он мне про Ерёму! Договорились, спрашиваю? Поможешь найти Котова-старшего, я отдам тебе одну из Вещей.

— Все!

— Э-э, нема разговору! — покачал пальцем Марат Феликсович. — Он того не стоит.

— Посмотрим.

— Посмотрим да посмотрим... слепой сказал: посмотрим! Ладно, подожду, пока ты отелишься. Так где они, говоришь, Суворов с девкой?

Котов ткнул пальцем в золотую тростинку на горизонте.

— Ясно. Однако, если их приютил господин Юрьев, придётся встречаться с ним самим. А мужик он крутой.

— Я вызову Стаю.

— Твоя Стая — фуфло!

— Я вызову другую Стаю.

— Тогда вызывай, иначе Юрий Венедиктович не станет с нами разговаривать, он уважает только силу.

— Вот — сила! — Стас потянул меч за рукоять.

Меринов усмехнулся.

— Что-то он у тебя больно ласковый стал. Или боишься использовать синкэн на всю мощь?

— Не ваше дело!

— Не моё так не моё, тебе видней. Итак, вызываем Юрьева или попытаемся прорваться силой? Учти, его владения наверняка защищены всякой магической хренью и системами наблюдения. Нас давно засекли.

— Выпускайте Зверя.

— Что? Зачем?

— Проверим защиту иерарха.

Меринов подумал, почесал темя, махнул рукой.

— В конце концов, почему бы и нет? Мы ничего не теряем. Но и ты в таком случае вызывай своих псов.

— Уже вызвал.

Марат Феликсович прислушался к сонной тишине местного энергоинформационного поля, скомандовал сидящему внутри «файлу» Зверя реализоваться материально и выпустил изо рта колечко огня, которое в течение секунды развернулось в гигантского четырехлапого дракона. Этот дракон как две капли воды походил на первого, покалеченного в бою с гарпиями, но так как Зверь представлял по сути бестелесную психоэнергетическую матрицу и умел восстанавливать первоначальную программу, вид он имел грозный.

Примерно теми же параметрами обладала и Стая. Только на этот раз особи Стаи выглядели не гарпиями, а гигантскими летучими мышами с кошмарными мордами. Они вынырнули из ниоткуда, закрутили было карусель над ощетинившимся драконом, но по мысленной команде Стаса успокоились и сели на стены, сложив кожисто-перепончатые крылья.

— Уточним задачу, — предложил Котов.

— Пусть разнесут этот замок вдребезги, — пожал плечами Меринов. — А мы попытаемся во время атаки проникнуть внутрь и перехватить беглецов.

Стас кивнул.

Стая тотчас же сорвалась с мест и понеслась к золотой тростинке резиденции Юрьева.

— Вперёд! — махнул рукой Марат Феликсович.

Дракон раскрыл пасть, показав два ряда кинжаловидных зубов, и устремился вслед за Стаей. Обогнал её, первым приблизился к башне владыки реальности и... налетел на серебристо вспыхнувшую плёнку, накрывшую куполом башню. Вслед за ним

в эту внезапно возникшую преграду воткнулись и «летучие мыши».

Стас и Меринов переглянулись.

— «Печать отталкивания», — сказал Котов.

— Бери выше, это «заклинание горы», — качнул головой Марат Феликсович. — Такой уровень оперирования доступен лишь иерархам первой десятки. Внутрь замка Юрьева нам не прорваться даже тхабсом.

— Любое заклинание можно нейтрализовать.

— Хлопотно это, — почесал затылок Меринов. — Да и связываться с Юрием Венедиктовичем не хочется.

— У нас приказ!

— Ничего не попишешь, надо выполнять, — вздохнул Меринов, добавил мысленно: «До поры до времени...»

Стая и Зверь принялись штурмовать защитный бастион владений Юрьева, изменяя уровни и принципы нейтрализации магических полей.

— Попробуем пройти по «краю» тхабса, — проговорил Котов. — В одной связке, подстраховываясь.

— Я бы всё-таки... — Меринов не закончил.

Недалеко от них на стене вспыхнуло перламутровое облачко, оформилось в фигуру человека в строгом чёрном костюме.

— Прошу прощения, господа, я управляющий этим частным владением. Хозяина нет дома. Чего вы хотите?

— С вашим хозяином приятно иметь дело, — усмехнулся Меринов. — Он всегда отличался обходительностью и вежливостью. Мы знаем, что у вас в гостях сейчас находятся молодые люди, так вот выдайте их нам, и мы не станем ломать ваш дом.

— Я не уполномочен решать такие вопросы в отсутствие хозяина.

— Ну так передай им, — вмешался Котов, — что, если они не выйдут добровольно, мы разнесём этот ваш сарай на куски!

— Вряд ли это возможно, — ответил невозмутимо управляющий. — Но я передам гостям вашу просьбу.

Он поклонился, рассыпался облачком искр, исчез. Однако отсутствовал недолго.

— Прошу извинить, господа, но гости хозяина не пожелали познакомиться с вами и ушли.

— Куда? — одновременно спросили Котов и Меринов.

Управляющий развёл руками.

— Мне они не сказали.

— Гадёныш! — процедил сквозь зубы Марат Феликсович.

— Извините, у меня дела. — Управляющий ещё раз поклонился и пропал, но тут же появился снова. — Не могли бы вы отозвать своё войско, господа? Хозяину это может не понравиться.

— Плевать мы хотели на твоего хозяина!

Управляющий исчез и больше уже не появился.

— Ну, куда теперь? — осведомился Меринов.

— Я догадываюсь, где они могут быть, — сказал Котов.

— Где?

— В «локоне Ампары».

— С чего ты взял?

— Предчувствие.

Меринов скептически хмыкнул, ощупал равнодушно-угрюмое лицо спутника заинтересованным взглядом.

— Конкере дал тебе «седьмой глаз»?

Марат Феликсович имел в виду способность видеть мыслесферы любого человека в любом «лепестке розы реальностей».

— Не имеет значения, — сухо ответил Стас.

— Что ж, веди, Сусанин.

Оба отозвали своих магических бойцов и покинули реальность Юрия Венедиктовича Юрьева.

Глава 30

УСИЛЕНИЕ КОМАНДЫ

— Ох и надоело мне бегать! — со вздохом признался Артур, глядя на тучу монстровидных летучих мышей и дракона, штурмующих защитный купол убежища Юрьева. — Ей-богу, будь у меня соответствующее оружие, уложил бы всю эту гвардию безвозвратно!

— Укладывать надо не Стаю и не Зверя, — возразила Светлана, — а тех, кто ими командует.

— Легко сказать! Они вооружены лучше, чем я. К тому же все они маги, а я простой искатель приключений.

— Не такой уж и простой, — улыбнулась девушка, — коль тебе подчиняются Дзюмон и тхабс.

— Ты думаешь, этого достаточно?

— На первых порах.

Помолчали. Потом Артур кивнул на таранивших прозрачный силовой колпак жутких созданий.

— Ну и твари! Кто их только придумал!

— Наше воображение.

— Не понял.

— Магические существа многолики, их воздействие на сознание людей тоже многосторонне, поэтому такими уродинами их делают наша фантазия да стереотипы, заложенные воспитанием, литературой и кино.

— Я думал, они всегда такие...

— В другой реальности они будут выглядеть иначе.

Снаружи в башню проник глухой гул, здание содрогнулось. Это дракон нанёс по защитному куполу особенно мощный удар.

— Надо уходить, — озабоченно сказал Артур.

В гостиной бесшумно объявился управляющий Юрьева.

— Прошу извинить, дорогие гости, но эти господа просят вас выйти.

Артур посмотрел на подругу.

— Что-то они больно вежливы, ты не находишь? Могли ведь сразу прорваться сюда по тхабс-линии.

— Не могли, — вежливо возразил безликий управляющий. — Хозяин поставил трансперсональную векторную защиту, ориентированную на определённые личности. Никто, кроме них, не сможет проникнуть в замок хозяина без его разрешения.

— Это здорово! И всё же нам пора уходить.

— Передайте хозяину нашу благодарность за гостеприимство, — добавила Светлана.

Артур бросил взгляд на свору летучих мышей, изменивших тактику: теперь они не бросались на защитный купол каждая в отдельности в поисках «щели», а как таран били по очереди в одну точку, так что прозрачно-«стеклянный» купол начал шататься, искриться и дымиться.

— Ты готова?

Светлана подняла глаза на спутника, храбро кивнула с улыбкой:

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Артур погладил её по волосам, улыбнулся в ответ:

— Поживём ещё назло всем врагам.

Через мгновение их не стало.

Из тхабс-«колодца» они вышли в мире «локона Ампары».

То есть место, куда беглецов перенёс волевой импульс Арту-

ра, лично ему было незнакомо, однако Светлана определила его быстро, питаемая информацией, оставленной ей Светленой.

Ландшафт напоминал кратер вулкана или же гигантский колодец с вертикальными дымящимися стенами. По всему дну кратера валялись какие-то камни, кучи странных обломков и детали машин. Затем Артур пригляделся и понял, что это не детали и не обломки, а останки гигантских насекомых и скелеты погибших когда-то существ.

— С ума сойти! — проговорил он с дрожью в голосе. — Куда это мы попали?!

— Здесь недавно произошло сражение Сил Тьмы с Силами Света, — задумчиво сказала девушка.

— А поточнее?

— Иерархи, поддержавшие инфарха, и просто Посвящённые бились здесь с армией пентарха Удди, принявшего сторону Монарха Тьмы.

— И кто победил?

— Инфарх и его друзья. С помощью светлого аватары Матвея Соболева.

— Почему же они допустили, что Монарх вырвался из тюрьмы?

— Этого я не знаю. Оба потом куда-то ушли, по слухам — искать выходы в *Брахман*.

— Зачем?

Светлана пожала плечами.

— Они достигли вершин самореализации, мне трудно представить, какие планы и цели возникают у таких людей.

Артур кивнул, соглашаясь, огляделся.

— Что это за мир?

— Реальность «локона Ампары», где встречаются прошлые и будущие времена.

— Как это?

Светлана смущённо развела руками.

— Я сама не всё понимаю. Но за стенами этого колодца мир настолько сложен и неустойчив, что нам туда не пройти.

— Взглянуть бы хоть одним глазком...

— Ничего ты там не увидишь, кроме мелькания световых струй и пляшущих геометрий.

— Сама же утверждала, что я чуть ли не маг.

— Даже Посвящённые высоких ступеней не смогут ориентироваться в «локоне Ампары», это доступно, наверное, только иерархам первой десятки.

— Жаль, ты задушила мою инициативу в зародыше. Хотя в душе я уверен, что смог бы там определиться.

— Лучше не рисковать.

— Уговорила, не буду. Странно, что тхабс перенёс нас сюда, я заказывал самое «глубокое дно» «розы».

— Мир «локона Ампары» в принципе располагается у трансфизических границ «розы», глубже — только «адовы миры».

— Это там, где тюрьма Монарха?

— Примерно.

— А давай махнём туда! — загорелся Артур. — Посмотрим, что это за тюрьма такая, откуда бегут маги-уголовники.

Светлана засмеялась и вдруг прижала ко рту ладошку.

Артур обернулся.

В сотне метров от них возникли знакомые фигуры Котова и его мерзкого спутника с глазами ядовитой змеи.

— Бежим! — схватил Артур Светлану за руку, включая тхабс.

«Падение» в бездны «розы» длилось долго — по внутренним ощущениям Артура. Поэтому он буквально «запыхался», как после продолжительного бега, когда наконец в глаза брызнул унылый серый свет, а ноги ударились о твердь.

С минуту беглецы стояли, не дыша, озираясь, ожидая появления преследователей. Потом чуть-чуть расслабились. И Артур впервые в жизни увидел «ад», в котором сотни миллионов лет назад могучие Вершители создали тюрьму для экспериментатора — Аморфа Конкере, получившего по деяниям своим второе имя — Монарх Тьмы.

Бугристая чёрная, с красными и серыми проплешинами, равнина от горизонта до горизонта, усеянная кратерами и дырами, как головка сыра, а также скалами, похожими на почерневшие от копоти витые свечи. Складки, трещины, горы пепла. Мутное серое небо с фиолетовыми размытыми струями. И гигантская стеклянная стена, перегородившая равнину из конца в конец.

Пейзаж за стеной был практически таким же, разве что ещё угрюмей и черней. Кроме того, за горизонтом в той стороне вставало дымное оранжевое зарево, будто там горела степь.

— Монарх сидел за стеной? — мотнул головой Артур, налюбовавшись пейзажем.

— Наверное.

— Как же он выбрался? Стена целая...

— Где-то должна быть дыра.

— Поищем?

Светлана передёрнула плечами, продолжая разглядывать ландшафт магической тюрьмы. Её поразил не столько «ад», сколько его угрюмая, давящая на психику атмосфера.

— Мне здесь не нравится...

— Мне тоже, но коль уж мы попали сюда, в самый «низ» «розы», давай хоть погуляем немного, будет что рассказать детям.

— Хорошо, погуляем, — вздохнула девушка, — только недолго.

Артур взял её за руку, направился к ближайшему холмику, обходя цепочку мелких дымящихся кратеров. Потом остановился, глядя на стену из-под козырька руки.

— Что ты там увидел? — поинтересовалась Светлана.

— Попробую поколдовать.

Она с любопытством глянула на спутника.

— Ты умеешь колдовать?

— Тарас немножко учил меня пси-сканированию местности. Можно попытаться определить, в какой стороне находится дыра в стене, через которую выбрался Монарх.

Он закрыл глаза, приводя в порядок мысли и чувства, сосредоточился на внутренних энергетических центрах. Вокруг него спиралью завертелись тонюсенькие электрические змейки, над головой тонким обручем засветился воздух, погас. Артур открыл глаза, уверенно ткнул пальцем в одну из уходящих в бесконечность сторон стены:

— Там.

— Ты уверен?

— Абсолютно!

— Идём.

— Нет. — Артур прищурился. — Колдун я или не колдун? Пешком идти слишком долго, полетим на метле.

— На какой метле? — не поняла Светлана.

Он засмеялся, притянул её к себе и активировал тхабс.

Через несколько секунд они снова вынырнули из «колодца» трансфизического движения на той же равнине, усеянной струйками дымов. Всё здесь было таким же, как и в том месте, где вышли беглецы в первый раз. Только в стене, пересекающей равнину «ада», появилось гигантское звездообразное отверстие с застывшими в виде стеклянных фестонов краями.

— Не промахнулся, — с облегчением сказал Артур. — Такое впечатление, будто мне кто-то мешал.

Светлана с тревогой посмотрела на него.

— Монарх мог оставить здесь следящие системы, и нас запеленговали!

— Да чёрт с ними! Оглядимся и сбежим. Кстати, это происходило здесь.

— Что?

— Я видел сон... двое подошли к стене, парень ударил по ней мечом, она лопнула...

— Стас Котов!

— Он.

— Мне его почему-то жаль.

— А мне нет. Возомнил себя непобедимым, оруженосец хренов! Жену погубил...

— Не суди его строго, ещё неизвестно, как бы ты поступил на его месте.

— Уж точно не стал бы рисковать, — фыркнул Артур, — пробуя на стене остроту меча.

— Это правда, — согласилась Светлана.

Он порозовел.

— Ты меня неправильно поняла... я не трус!

Светлана улыбнулась.

— Я не обвиняю тебя в трусости. Но, к счастью, ты тоже способен ошибаться.

— Почему — к счастью? — удивился Артур.

— Потому что я не люблю непогрешимых людей, ещё при жизни превратившихся в памятники. У тебя же есть одно несомненное достоинство: ты учишься на своих ошибках.

— Спасибо, — пробормотал он, не зная, как относиться к словам подруги: как к похвале или как к тонкому упрёку. — Идём?

Светлана поёжилась.

— Страшно...

— Не бойся, я в любой момент готов запустить тхабс.

— Идём, упрямец.

Они спустились с холма к стене, обходя трещины, груды камней и вставшие дыбом пласты горных пород — результат схватки Стаса Котова с Монархом Тьмы. Казалось, до сих пор в воздухе витает д р о ж ь пространства, взбитого, как сливки, «миксером» магического обмена мощными энергоударами. Артур даже остановился на мгновение, почуяв «запах жареного вакуума»: в непосредственной близости от дыры в стене и в самом деле ещё не рассосалась «опухоль зла». Но любопытство пересилило.

Подошли к громадной бреши в толстой «стеклянной» стене.

Конечно, стена стеклянной не была, таким периметр тюрьмы

Монарха представляла фантазия зрителей. Но выглядела она так натурально, что не вызывала никаких сомнений в консистенции материала.

— Хороша дырка! — проговорил Артур, ёжась в душе от подсознательного ощущения опасности. — Это его меч её проковырял?

— Синкэн-гата не меч по предназначению...

— Знаю, это «нейтрализатор высших непреодолимостей», «устранитель препятствий» и так далее. Однако выглядит он как меч.

— Таким его нашли люди.

— Кто именно, не знаешь?

— Воспитатель Стаса Котова.

— Котов-старший?

— Он Посвящённый четвёртой ступени Круга, а может быть, и выше.

— Где он сейчас?

— Может быть, тебе ещё и бар показать, где он пиво пьёт?

— Почему пиво?

— Я шучу, — сердито сказала девушка. — Но я не знаю, где сейчас Котов-старший.

Артур хотел задать ещё вопрос, потом понял, что просто-напросто боится идти дальше, разозлился.

— Ну-с, посмотрим, что собой представляет «тюремная камера» Монарха. Держись рядом, не отходи ни на шаг.

— Можешь не сомневаться, не отойду.

Взявшись за руки, они двинулись вниз по склону холма, поднимая облачка летучей чёрной пыли, приблизились к фестончатому краю дыры.

У Артура появилось ощущение зуда на коже лица и вибрации в нервных окончаниях глаз, отчего острота зрения слегка снизилась.

Те же ощущения возникли, наверное, и у Светланы, так как она покосилась на спутника и сильнее сжала его ладонь. Всё-таки защитные возможности тхабса не являли собой абсолют безопасности, и она это чувствовала.

Перелезли через гладкие, омерзительно скользкие и очень холодные фестоны нижнего обреза дыры. Ступили на чёрно-коричневую, спёкшуюся, пористую, как пемза, почву. Медленно двинулись дальше, всматриваясь в давящиеся мёртвой тишиной низкие горбы и скалы монарховой тюрьмы. Подсознание Артура

автоматически включило пси-сканирование местности, и он стал слышать низкий клокочущий «инфразвуковой» гул, доносившийся из недр плато, и магнитное «шатание» пространства, потревоженного дыханием сбежавшего пленника.

— Как он здесь обитал, хотел бы я знать, — проговорил Артур. — Неужели под открытым небом?

— Едва ли это можно назвать небом, — заметила Светлана, глянув на твердый и блестящий — в отличие от неба за стеной — купол над равниной, по которому изредка змеились чёрные, быстро исчезающие трещины.

— Я имею в виду, что у него должно быть какое-то убежище.

— Аморфы не нуждались в крыше над головой. Разве ты не помнишь, как они выглядят?

— Как часть пейзажа.

— Совершенно верно, за это их наши предки называли Первоформами. Предтечи вовсе были бесформенными.

— Тогда ничего примечательного мы тут не отыщем.

— И я так думаю. Предлагаю вернуться.

Артур остановился, приставил ко лбу ладонь, глядя на ландшафт, действительно напоминающий преисподнюю. И вдруг ему показалось, что кто-то удивлённо посмотрел на него: будто оглянулся одинокий путник, почуяв, что его догоняют.

— Чёрт!

Светлана сильнее вцепилась в его руку.

— Что ты там увидел?

— Похоже, мы здесь не одни...

— Снова Котов?!

— Аура не та...

— Здесь никого не должно быть!

— Тем не менее нас обнаружили.

— Бежим?

— Погоди, интересно, кто это... убежать мы всегда успеем.

Артур вытянул вперёд мысленное «щупальце», наткнулся на встречное «мыследвижение», отпрянул, ощетинился, но, уловив заинтересованность незнакомца (похоже, их там трое-четверо) и его доброжелательный настрой, снова протянул «щупальце дружбы».

В голове сквозь шелесты пси-фона раздался тихий прозрачный голос:

«Кто ты?»

«А вы кто?» — агрессивно ответил Артур вопросом на вопрос.

В голове вспыхнул фонтанчик искрящегося недоумения, любопытства и удивления.

«Ты не человек Круга!»

«Я просто человек».

Ещё один пузырчатый фонтанчик эмоциональных «световых» проявлений.

«Как тебе удалось пройти в «розу»?»

«А вам?»

«Ершистый, однако... покажись, если не боишься».

«Где вы?»

Новый световой фонтанчик, включающий нотки смеха и тонкие «шипы» сомнений.

«Если уж ты добрался до тюрьмы Монарха, тебе ничего не стоит найти нас».

«Сколько же вас?»

«Мы ждём».

Артур очнулся, встретил взгляд спутницы, скривил губы.

— Они хотят встретиться...

— Они? Их много?

— Человека три... или четыре.

— Что ты решил?

Артур покраснел.

— Они... предлагают... чтобы я их сам нашёл.

— Так в чём дело?

— Никогда не пробовал искать людей по их мысленному излучению.

— А ты попытайся, — серьёзно, без насмешки предложила Светлана.

Артур заставил себя успокоиться, сбросить «пар» эмоций, сосредоточился на энергетическом центре на горле, называемом вишуддха-чакра.

Мир вокруг приобрёл вдруг глубину и плотность голубой водной бездны, затем распался на клочковатое туманно-облачное пространство, в котором тускло высветились — очень далеко! — золотистые паутинки «живых» мыслей.

— Есть!

— Нашёл?

— Летим!

Артур привычно сориентировал тхабс... и получил довольно ощутимую оплеуху! Схватился за ухо.

— Собака бешеная!

— В чем дело?! — встревожилась Светлана.

— Меня не пускают...

— Как это — не пускают? Кто?!

— Не знаю... получил по уху... и вообще всё время чувствую дискомфорт, голова тяжёлая, горло пересыхает...

— Понятно, — с облегчением вздохнула девушка. — Мы уже находимся внутри тюрьмы, которая призвана удержать пленника, вот она и создаёт атмосферу психического давления, а может быть, и физического, чтобы Монарх не сильно тут гулял.

— Значит, нам не удастся пройти туда глубже?

— Попробуй ещё раз. Прошли же тут те, кто тебя вычислил.

Артур снова погрузился в недра своей психики, вызвал состояние самадхи, включил тхабс.

На сей раз никто его по уху не бил, лишь показалось, что тело с натугой продавило некую упругую плёнку и «упало» в привычный «колодец» темноты.

Вынырнули молодые люди из него посреди всё той же равнины-тюрьмы Монарха, но уже без прозрачной стены: она осталась далеко позади.

Сначала пришло разочарование: никого живого поблизости не оказалось.

Потом на вершине пологого холма из-за развалин какого-то сооружения показались люди, и Артур с облегчением расправил плечи.

— Не промахнулся...

Их было четверо взрослых: трое мужчин и женщина с ребёнком на руках. Спустились к молодым людям, остановились напротив, разглядывая беглецов.

— Здравствуйте, — проговорила Светлана смущённо.

— Привет, — сказал смуглолицый мужчина восточного облика.

Артур понял, что именно этих людей он видел вблизи замка Юрьева.

Кто-то погладил его по волосам (таково было ощущение), попытался просунуть в голову «усик антенны». Артур напрягся. Ощущение прошло.

Смуглолицый усмехнулся.

— Неплохо, просто человек. Кто обучал тебя премудростям М-оперирования?

— Погоди, Вахид, — остановила его женщина, оценивающе глядя на Светлану. — Давайте знакомиться. Меня зовут Ульяна, это Вахид Тожиевич, Иван Терентьевич и...

— Котов, — сказала Светлана.

Стало тихо.

— Похоже, нас знает уже по крайней мере полмира, — хмыкнул Вахид Тожиевич.

— Я не ошиблась? — продолжала Ульяна. — Ты авеша Светлены? Уж очень похожа.

— Светлена дала мне информацию... и ушла. Меня зовут Светлана.

— Что ж, это знак. — Ульяна посмотрела на спутников. — Что скажете, комиссары?

— Странно всё это... — проговорил смуглолицый.

— Что именно?

— Такие встречи случайными не бывают.

— Значит, она не случайна. Пойдёмте поговорим.

Мужчины беспрекословно начали подниматься на холм, к развалинам, обмениваясь короткими фразами. Артур и Светлана двинулись за ними в сопровождении женщины с ребёнком, назвавшейся Ульяной. Почувствовав их волнение и смущение, она ободряюще улыбнулась:

— Давно с Земли?

— Несколько часов, — ответила Светлана. — Пришлось бежать...

Она замялась, посмотрела на Артура.

Ульяна снова показала свою обаятельную улыбку. Ребёнок у нее — головка на плече — зачмокал губами, но не проснулся.

— Я не прошу выдавать секреты, но кое-что услышать от вас хотелось бы. От кого вы бежите, если не секрет?

— От Стаса Котова, — отрывисто бросил Артур.

Брови Ульяны сдвинулись.

— Вы его знаете?

— Пришлось познакомиться.

— Где, когда?

— Долго рассказывать.

— Для меня это сюрприз. — Ульяна кивнула на спину одного из мужчин. — Это его дядя, Василий Никифорович.

— Поистине мир тесен, — криво усмехнулся Артур. — Для нас встреча с вами тоже сюрприз.

Ульяна некоторое время поглядывала на него вопросительно, потом догнала спутников. Те остановились у гигантских каменных глыб правильной — кубической и пирамидальной — формы. Артур и Света, переглядываясь, остановились тоже.

— Расскажите, как вы познакомились со Стасом, — сказал тот, кого Ульяна назвала Василием Никифоровичем. — Это важно.

Артур посмотрел на подругу. Светлана кивнула.

— Можете опустить подробности, — сказал Вахид Тожиевич. — Только главное.

Артур набрал в грудь воздуха и начал рассказывать о том, как на берегу Джелиндукона он встретился с женщиной в белой одежде.

Рассказ длился четверть часа.

Его не прерывали, слушали молча, ни одним жестом не выдав своего отношения к истории рассказчика.

— Так мы оказались здесь, — закончил Артур с облегчением.

Мужчины переглянулись.

— Граф, — сказал тот, кого назвали Иваном Терентьевичем. — Чувствуется его рука. Но я не знал, что он стал диархом. Это почти Ангел в иерархии Круга.

— Начальник службы безопасности всей «розы», — хмыкнул Вахид Тожиевич. — Весьма высокая должность. Но я кое-чего не понимаю. Зачем ему понадобилось вводить в игру новую фигуру?

— Какую фигуру? — не понял Артур.

— Вас, друг мой.

Артур смутился, почуяв скрытый подтекст ответа: вас — дилетанта, мало знающего и мало понимающего, что происходит.

— Не знаю...

— Разберёмся, — сказал Иван Терентьевич. — Уверен, наша встреча и в самом деле не случайна, коль в игре замешан ещё и Рыков. Предлагаю разбить здесь временный лагерь и отдохнуть. Тхабс не сможет защищать нас долго в условиях постоянного давления Тьмы.

— А я бы зашёл поглубже в эту пустыню, — сказал Вахид Тожиевич. — Интересно посмотреть, чем занимался здесь господин Конкере.

— Развалины, наверное, его работа? — осмелился спросить Артур, кивнув на горы каменных блоков.

— Это скелет, — равнодушно сказал Котов-старший.

— Какой скелет? — удивился Суворов.

— Конкере экспериментировал и в тюрьме, — усмехнулся Иван Терентьевич. — Создавал разные формы нежити. А те, что ему по каким-то причинам не нравились, уничтожал. Развалины — один из таких уничтоженных псевдоживых гигантов.

Артур сглотнул, по-новому разглядывая геометрически правильный контур «скелета».

— Вот неплохое местечко. — Самандар остановился перед спуском в круглую впадину, отгороженную со всех сторон клыкастыми скалами. — Можем поставить палатку и накрыть «непроглядом».

— Пожалуй, — согласился Василий Никифорович.

И в этот момент все, в том числе и Артур, почувствовали дуновение холодного пронизывающего ветра — на инстинктивном, ментальном плане. В местном пси-поле проявились некие мощные источники энергии, имеющие не техногенное происхождение.

В кармане куртки Артура сам собой шевельнулся Дзюмон, реагируя на всплеск поля: он как бы «открыл глаза» и «осмотрелся» в поисках источника опасности.

— Нас догнали, — хладнокровно проговорил Самандар. — Похоже, наш новый приятель оставил след.

Мужчины посмотрели на Артура. Он покраснел.

— Я не виноват... мне поставили задачу...

— Какую?

— Отвлекать на себя слуг Монарха...

— Понятно. — Вахид Тожиевич с усмешкой глянул на спутников. — Граф, как всегда, играет по своим правилам. Не удивлюсь, если окажется, что и мы входим в его игровые расчеты в качестве жертв. Или пешек.

— Не преувеличивай, — буркнул Иван Терентьевич. — Что будем делать, парни? Отступим или попробуем дать бой? Наверняка это Рыков или Стас. Бойцы мощные, но вряд ли непобедимые.

— Отступим пока, — очнулся от странного полузабытья Василий Никифорович. — Примерно в полумиллионе километров отсюда я засёк город... или скопление каких-то построек... что-то необычное... Предлагаю перепрыгнуть туда и сразу накинуть шапку-невидимку.

— Вряд ли этот маневр остановит Германа, — усомнился Иван Терентьевич.

— Он даст нам время на подготовку адекватного ответа. Да и надоело мне бегать от солдат Конкере, пора давать отпор.

— Вася... — тихо сказала Ульяна.

Котов шагнул к ней, обнял, прижался щекой к щеке.

— Я всё понимаю, родная, и не стану рисковать без надобности ни тобой, ни Матвейкой. Будет тяжко, но мы пробьёмся.

Новое дуновение морозного ветра накрыло землян.

— Они близко, — оценил ситуацию Вахид Тожиевич. — Веди.

— Объединяемся, тхабс-перенос здесь требует больших затрат энергии. — Котов посмотрел на Артура. — Сможешь подключиться к общему эгрегору?

— Смогу... наверное...

Артур сосредоточился на вхождении в пси-сферу, объединяющую Посвящённых, кто-то помог ему (лишь позже он узнал, что это была Светлана!), и он неожиданно для себя самого приобрёл свойство солитонно-модулированной псиэнергетической структуры, стал частью мини-эгрегора Посвящённых.

— Порядок, — похлопал его по плечу Самандар. — Из этого хлопца выйдет толк.

— Прыгаем, — скомандовал Котов.

И семёрка землян нырнула в «колодец» тхабс-режима.

Глава 31

ПРАВАЯ РУКА ТЬМЫ

То, что увидели беглецы, преодолев за пару мгновений пятьсот тысяч километров, городом назвать было трудно. И всё же, несомненно, это был город. Только ни одно здание этого колоссального архитектурного заповедника не повторяло другое, а строили их, судя по геометрии, Инсекты. Или же тот, кто хорошо знал особенности строения разумных насекомых Земли, а также их предпочтения, логику и психологию. Даже Артур, повидавший не так уж и много законсервированных в подземельях МИРов, легко узнал замки царей Акарин, Акридидов и Симелидов. Всего же город насчитывал сотни тысяч замков, принадлежащих самым различным видам насекомых: от шмелей — Бомбусов до клопов — Маргинатусов.

— Вот так музей! — нарушил молчание Самандар, налюбовавшись городом. — У Конкере явно был приступ ностальгии, когда он его создавал.

— Может быть, это не его рук дело? — робко спросила Ульяна. — Может, он просто перебросил сюда Инсектов-строителей?

— Каким образом?

— Через мир «локона Ампары».

— Едва ли это целесообразно — перемещать сюда целые армии строителей МИРов. Я думаю, Монарх поступил иначе: воссоздал копии всех мавзолеев Инсектов.

— Зачем?

— Ну, логика Аморфов мне недоступна. Кто знает, что взбрело ему в голову.

— Если ещё учесть, что головы как таковой Аморфы не имели, — проворчал Иван Терентьевич. — Но вид потрясающий, не правда ли? — Он посмотрел на Артура и его спутницу.

— Красиво! — отозвалась задумчивая Светлана.

Артур промолчал, хотя и его ужаснула и восхитила грандиозная, потрясающая воображение панорама «мультиархитектурного города».

— Красиво, — подтвердила Ульяна, зачарованная пейзажем не меньше девушки.

Котов отобрал у нее проснувшегося сына, оглядел горизонты, но ничего не сказал. Мысли его были заняты другим.

Тхабс высадил весь отряд на вершине горы, нависающей над городом подобием бивня мамонта. Ещё три таких же горы располагались на равном расстоянии одна от другой по его периметру. Возможно, это были наблюдательные пункты самого Конкере, возможно, он создавал их как защитные бастионы или же антенны силовых полей. Хотя истинные цели создания столь странных часовых знал только сам конструктор.

— Сорок тысяч, — сказал Самандар, встретив его взгляд.

— Чего сорок тысяч? — оглянулся на него Парамонов.

— Площадь города — сорок тысяч квадратных километров. Около двух миллионов зданий! Наш враг — великий строитель!

— У него было время, чтобы построить здесь любое количество монументов и памятников.

— Вопрос: почему он выбрал именно архитектурные сооружения Инсектов? Он же уничтожил их цивилизацию на Земле.

— Может быть, он осознал свою вину? — нерешительно проговорила Ульяна.

— Наши эмоциональные оценки к нему неприменимы, — не согласился Самандар. — Вряд ли Монарх Тьмы способен чувствовать что-либо, кроме тяги к экспериментированию. Способность осознавать свою вину изначально не была заложена в психику Аморфов. Их нельзя судить с точки зрения человеческой логики.

— Инсекты тоже отличались от людей способами обработки информации, — сказал Парамонов, — однако именно из них Монарх трансмутировал род хомо сапиенс. Не значит ли это, что он привнёс в психику Блаттоптера чисто человеческие качества? В таком случае он должен был хотя бы знать, что это такое.

— Или же ему кто-то помог, — тихо сказала Светлана.

Мужчины озадаченно посмотрели на неё.

— Девушка... — начал Вахид Тожиевич.

— Не забывай, она — авеша Светлены, — остановил его Иван Терентьевич. — Ей должны быть доступны иные запасы информации — из библиотеки инфарха.

Светлана искоса посмотрела на Артура, как бы приглашая его присоединиться к беседе, но он не решился, понимая, что знает принципы мироустройства хуже всех.

— Вам что-то известно? — изменил тон Вахид Тожиевич. — По натуре я скептик и всегда ищу прямые доказательства любых утверждений.

— Монарх — представитель расы холодного интеллекта...

— Расы Аморфов.

— До Аморфов на Земле жили Предтечи, они тоже представляли собой «живые конструкции» формальной математики, не обладающие сферой чувств и мистических озарений.

— Насколько мне известно, именно Предтечи — прямые потомки Люцифера.

— Вахид, помолчи, — оборвал Самандара Василий Никифорович, поглядывая на сына, засунувшего в рот палец.

— В общем, Конкере — далеко не первый корректор Мироздания, — продолжала Светлана, немного смущённая вниманием слушателей. — Перед ним были Предтечи, а перед ними — тот, кого вы называете Сатаной, Денницей и Люцифером. Земная реальность, в том виде, каким мы её видим, его детище. Он считал, что его Замысел лучше Замысла Творца Вселенной, и перекроил Мироздание по своему усмотрению. В результате появились...

— Расслоённые реальности, — подхватил Самандар, — временные тупики и норы, пересечения противоположностей, иерархия земных отражений, «размазанные неопределённости» и «высшие непреодолимости». Вот, кстати, зачем был создан впоследствии синкэн-гата — «устранитель препятствий» и нейтрализатор этих самых «высших непреодолимостей». Но я хотел выяснить другое: является ли человек последней ошибкой в цепи

других Великих Ошибок? Кто придёт нам на смену? Что задумал Монарх? Кого он избрал в качестве нашего преемника?

— Крокодилов, — пошутил Иван Терентьевич.

— Я не знаю, — беспомощно развела руками Светлана.

— А что, если нам вернуться в мир «локона Ампары»? — воодушевился вдруг Самандар.

— Зачем?

— Найдём нужную временную линию и рванём в будущее! Узнаем, кто там командует парадом.

— Ты серьёзно?

— Разве я похож на шутника? — Вахид Тожиевич подмигнул Артуру.

Парамонов с сомнением покачал головой.

— Тебе вредно долго путешествовать по «розе», флюиды оставшихся в ней иерархов начинают бить в голову.

— А между тем идея неплохая, — пожал плечами Самандар. — Когда-нибудь я её осуществлю.

— Тише! — поднял руку Василий Никифорович, передавая сына Ульяне.

Все замерли.

Артур прислушался к тишине «адовой реальности», миллионы лет служившей тюрьмой для Монарха Конкере, одного из величайших оппонентов Творца, и на грани ментального слуха уловил дыхание непреодолимой злобной силы.

— По запаху — сторожевые псы, — заметил Самандар. — Наша маскировка их не обманет.

Вахид Тожиевич имел в виду «шапку-невидимку» — купол защитного магического поля, которым они накрылись при появлении возле города.

— Это не псы, — тихо возразила Светлана.

Артур посмотрел на неё и поразился изменению облика девушки: она как будто стала выше и светлее, глаза засияли внутренним огнём.

Почувствовали изменение и Посвящённые.

— Вернулась? — прищурился Иван Терентьевич.

— Я нужна здесь, — улыбнулась Светлана; впрочем, это была уже скорее улыбка Светлены — мудрая и слегка печальная.

— Я рада, что ты с нами, — дотронулась до её руки Ульяна, добавила еле слышно: — Отступать-то больше некуда, впереди только *Брахман*.

— Вот он! — вытянул вперёд руку Самандар.

Над городом показалась чёрная точка, превратилась в воробья, увеличилась, стала коршуном, затем гигантским чешуйчатым драконом.

— Зверь! — пробормотал Артур.

Иван Терентьевич покосился на него.

— Ты уже встречался с этой тварью?

Артур кивнул.

— Он летит прямо к нам, — сказал Вахид Тожиевич. — Неужели видит нас сквозь «непрогляд»?

— Он не один, — заметил Василий Никифорович. — Обратите внимание на его пассажиров.

— Рыков! — сжал зубы Самандар.

— И Котов, — добавил Артур торопливо, узнав одного из седоков на шее дракона.

Парамонов и Самандар оглянулись на Василия Никифоровича, стоявшего со сложенными на груди руками.

— Отступаем?

— Куда? — глухо ответил Котов-старший. — Они везде нас найдут. Не они, так другие псы Монарха.

— Значит, будем драться?

— Давай отпустим женщин, — предложил Иван Терентьевич. — Зачем рисковать?

— Мы не уйдём! — в один голос воскликнули Ульяна со Светой.

Дракон в этот момент сделал круг над «бивнем мамонта», сел на самый кончик «бивня», сложил крылья. Стас Котов и Меринов-Рыков соскочили с него на пористую серую поверхность горы, повернулись к группе землян, всё ещё накрытой заклинанием «непрогляда».

— Эй, там, под «шапкой», — позвал Меринов с пренебрежительной гримасой, — выходите, обговорим условия капитуляции.

— Выходим? — вполголоса проговорил Самандар.

Василий Никифорович не ответил, стоя в прежней позе.

Стас Котов вытащил меч.

— «Непрогляд» не выдержит удара синкэн-гата.

— Снимайте «шапку».

Прозрачная стена магического поля, делавшая отряд невидимым, исчезла.

— Это правильно, — кивнул Марат Феликсович. — У вас всё

равно нет никаких перспектив. Надеюсь, вы не станете сопротивляться, а тем более прятаться за спины дам?

— Что тебе нужно? — процедил сквозь зубы Вахид Тожиевич.

Василий Никифорович хотел что-то добавить, но не стал, разглядывая воспитанника, в свою очередь не спускавшего глаз со Светланы.

— В принципе, ни ты, ни старший Котов, ни его жена и сын мне уже не нужны. Но мне нужен этот молодой человек, — Меринов перевёл взгляд на Артура, — который украл у меня кое-какие Вещи, и его подружка. Отдайте их нам и можете уходить.

— Я ничего не крал! — огрызнулся Артур.

— Это наши друзья, — ровным голосом произнёс Василий Никифорович.

— В таком случае тебе придётся выбирать. — Меринов ухмыльнулся. — Кто дороже, эти двое или твоя жена и сын.

— Послушай, ты, омоложенный-отмороженный! — сказал Вахид Тожиевич с ледяной учтивостью. — Как там тебя теперь зовут? Маразм Феликсович? Прежнее имя звучало несколько приятней. Ну да не суть. Рыков ли, Меринов — форма разная, а содержание одно — дерьмо! У меня к тебе лишь один вопрос: ты уже купил билет?

Ухмылку на лице Меринова сменила гримаса досады.

— Какой билет?

— На кладбище. — Самандар перевёл взгляд на Котова-младшего. — Стас, по молодости лет мы все совершали ошибки, однако никто из нас никогда не связывался с предателями. Неужели ты не видишь, кто твой друг?

Меч Стаса с шелестом вырос в размерах, острие прыгнуло вперёд... и наткнулось на серебристую паутинку Щита Дхармы, породив целый сноп шипучих искр.

Артур, успевший закрыть собой Вахида Тожиевича, упал на колено, оглушённый ударом.

— Стас! — вскрикнула Светлана, бросаясь вперёд, раскинув руки. — Остановись!

Синкэн-гата втянулся обратно, пульсируя струёй прозрачного пламени. В глазах Стаса впервые промелькнула тень сомнения.

— Слабак! — прошипел Меринов. — Смотри, как это делается!

Он выбросил вперёд кулак, обрушил на отряд беглецов ливень ядовито-зелёных молний.

Однако и на этот раз Дзюмон Артура, усиленный энергопо-

токами Посвящённых, не сплоховал, отбил мощный психофизический импульс, способный изменить атомарную структуру любого объекта.

Артур получил ещё один потрясший сознание удар, уронил голову на грудь, борясь с приступом слабости.

В то же мгновение все трое Посвящённых метнули в Меринова «изделия абсолюта», созданные в земной реальности: звездочки сякенов, иглы сюрикенов и нож. Их движения были столь стремительными, что на них не успел отреагировать даже владеющий темпом Стас.

Меринов вскрикнул.

Ни одна метательная звезда не прошла мимо, все попали в цель, поразив грудь, щёки, шею и лоб наёмника Монарха. И хотя раны его смертельными не были, сам факт атаки вызвал у него шок. И приступ бешенства.

— Убей их! — прохрипел Марат Феликсович, вырывая из груди нож, а из шеи и лица — иглы и звёзды.

Дракон расправил крылья, взлетел. Но атаковать отряд Котова-старшего не успел.

Внезапно неяркая молния прошила воздух, за ней вторая, и рядом с Посвящёнными возникли фигуры двоих мужчин в плащах разного — синего и серого — цвета. Это были Хранитель Матфей и Юрий Венедиктович Юрьев. Не говоря ни слова, они вспыхнули на уровне сил «божественного укора», и дракон, зависший над горой с людьми, взорвался! Во все стороны полетели чёрные, бурые и алые клочья, струи дыма и крошечных радуг. Через несколько мгновений от Зверя Закона не осталось ничего!

Все замерли. Застыл и Меринов, открыв рот, глядя на то место, где только что парил Зверь, воплощённая в материале программа ликвидации иерархов Круга. Кровь перестала сочиться из ран на его лице, раны затянулись, но теперь сквозь маску Марата Феликсовича Меринова проявилось прежнее лицо иерарха, лицо Германа Довлатовича Рыкова, перекошенное злобой и... страхом!

Стас Котов поднял над головой удлинившийся меч, но Светлана снова проговорила-пропела: «Ста-а-ас!» — и он в нерешительности опустил синкэн-гата.

— Глубоко же вас занесло, — заметил как ни в чём не бывало Юрий Венедиктович, повернув голову к комиссарам «чистилища». — Мы еле вас нашли.

— Гексарх... — пробормотал Рыков-Меринов, очнувшись.

— И триарх, — добавил Юрьев, кивнув на Матфея. — Тебе с нами не справиться, Герман. Мы уполномочены объявить тебе шактипат.

— Убей их, Котов! — оглянулся на Стаса Рыков. — Вызывай Стаю! И хозяина!

Все посмотрели на бывшего оруженосца Воина Закона, в душе которого явно происходила какая-то борьба.

— Не вмешивайся, друг мой, — качнул головой Юрьев. — Не стоит умирать ради подонка, способного предать кого угодно. Он и тебя предаст, как только представится случай.

— Убей их! — оскалился Меринов-Рыков, озираясь. — Хозяин уничтожит тебя, если ты нарушишь приказ!

Стас поднял меч, опустил, поднял снова. Рука его дрожала.

В небе бесшумно лопнул световой шарик, и на город спикировали жуткие птицы с крокодильими головами и змеиными хвостами. Стас всё-таки вызвал Стаю — одно из уцелевших в «розе» подразделений личной гвардии пентарха Удди.

— Превосходно! — захлопал в ладоши Меринов. — Попробуйте посражайтесь с этими птичками.

— Держитесь плотнее! — спокойно сказал Матфей, отходя к группе землян. — Мы берём вас в свой уровень. Подключайтесь.

Произошла очередная мгновенная перестройка полевого «организма», созданного пси-сферами Посвящённых. Запоздал лишь Артур, не сразу сообразивший, что от него требуется. Но Светлана помогла ему мысленным усилием, и у него «выросли крылья»: Артур почувствовал, как волна энергии перестроила его тело, насытила каждую клеточку, каждый нерв, и ему захотелось прыгнуть вверх и взлететь.

— Полное отражение! — скомандовал Матфей.

Воздух над горой вспыхнул чистым смарагдовым пламенем, превратился в два десятка копий, эти копья устремились к приближающимся крокодило-птицам и разнесли их в световые брызги.

Ещё одна Стая программ-убийц перестала существовать.

— А теперь твоя очередь, Герман, — произнёс Юрьев гулким вибрирующим голосом. — Мы сошлём тебя в «тюрьму героев», хотя ты и не герой. Посиди там пару миллионов лет, поразмышляй над смыслом жизни. Шакти... — Юрий Венедиктович не договорил.

Небо над мультигородом Инсектов вдруг пошло волнами, как море под порывом урагана, и потекло вниз струями жидкого светящегося стекла! Равнина содрогнулась.

Все замерли, глядя на непонятное явление.

Перекошенное от страха при чтении приговора лицо Рыкова разгладилось, он злобно и презрительно рассмеялся.

— Что, законники, дождались?! Вот и сам хозяин прибыл! Но я, в отличие от вас, жалеть никого не стану! Всех уничтожу! Всех! А тебя, — скрюченный палец Рыкова указал на Василия Никифоровича, — помучаю особенно! Помнишь своё обещание Соболеву? «Рыков — мой!» Ну, вот он я, и что ты сделаешь?

Никто не успел двинуться с места.

Василий Никифорович исчез. И проявился рядом с Германом Довлатовичем, торжествующим победу. Удара никто не заметил, даже мастера боя Самандар и Парамонов. Кулак Котовастаршего пробил тело Рыкова насквозь — с выплеском энергии «смертельного касания», на физическом и ментальном плане одновременно, а на обратном пути вырвал сердце Германа Довлатовича!

Изумлённо ахнув, Рыков ещё несколько мгновений смотрел на противника, державшего в руке его пульсирующее сердце, попытался перейти на другую частоту психического состояния и сбежать по тхабс-линии, но все его психофизические и эфирные оболочки уже лопнули, как мыльные пузыри, и внутренние защитные программы не сработали. Рыков перестал быть магом. Да и сердце восстановить уже не мог.

Из глаз его вынеслись струйки чёрного тумана, поднялись вверх, метнулись к «водопаду жидкого стекла». Качнувшись, он упал навзничь, стал сморщиваться, сохнуть, будто к нему возвращались его годы. Застыл мумией.

Василий Никифорович проводил его т ё м н ы м взглядом, посмотрел на трепыхнувшееся в руке окровавленное сердце иерарха, сжал пальцы.

Полыхнул алый огонь.

Василий Никифорович разжал пальцы, высыпал из ладони горсть праха.

— Аминь предателю! — прокомментировал вполголоса Вахид Тожиевич. Поймал взгляд Ульяны, добавил хладнокровно: — Он того заслужил.

Между тем метаморфозы «стеклянного водопада» продолжались.

Потоки и струи жидкого стекла завертелись в косичку, превратились в огненно-жидкий смерч, соединивший небо и землю. Основание смерча коснулось города и начало всасывать в себя удивительно красивые строения Инсектов. Смерч качнул-

ся, потускнел, стал наливаться чернотой, лишь внутри пробивалась сквозь эту муть пульсирующая багровая молния. Затем он с гулом двинулся к горе, на вершине которой стояли земляне. Изредка его передёргивали судороги, и тогда форма столба приобретала черты диковинных существ, сменявшихся карикатурно искажёнными ликами людей.

— Конкере! — первым догадался Вахид Тожиевич.

— Нет ещё, — возразил Юрий Венедиктович. — Это пока лишь проявление эффекта оптимизации реальности, канал для просачивания солитонно-модулированного потока сознания, который и есть Конкере.

— Уходим? — посмотрел на Василия Никифоровича Самандар.

— Поздно, — шевельнул тот окаменевшими губами. — Это тюрьма. Её границы непреодолимы для тхабс-магии, а до пробоины в стене мы добежать не успеем. Наёмник перехватит нас.

Словно услышав его слова, Стас, до сих пор испытывающий какие-то трудности в акцентировании своих намерений, вздрогнул, выпрямился, глаза его загорелись свирепым беспощадным огнём. Монарх Тьмы вдохнул в своего слугу новые ч ё р н ы е силы.

Меч текучей струёй металла рванулся к тесной группке людей.

И снова на его пути возникла преграда: Артур, успевший прийти в себя, не задумываясь закрыл собой Светлану и Василия Никифоровича, прыгнув вперед и включая Дзюмон.

Вспышка чистого золотого света!

Тяжкий звон, будто по бронзовому блюду ударили дубинкой!

Сначала все подумали, что лезвие меча разлетелось на мелкие осколки. Потом стало видно, что синкэн-гата не пробил Щит, а распался на рой прозрачно-светящихся ромбов, тут же скрутившийся в спираль.

Артур отлетел на несколько шагов назад и упал бы, не подхвати его Василий Никифорович.

— Стас! — отчаянно крикнула Светлана, бросаясь к Суворову. — Остановись! Ты не наёмный убийца!

— Здесь нет Стаса! — гулким басом проговорил Котов-младший; спираль вспыхивающих язычками пламени ромбов распрямилась, обретая форму меча. — Я выполняю приказ!

Смерч за его спиной полыхнул зарницей, показал в глубине дергавшееся оскаленное лицо, наполовину человеческое, наполовину звериное, и меч Стаса снова метнулся к группе тех, кто недавно был с ним по одну сторону баррикад.

Неизвестно, смогли бы Посвящённые и их соратники — Мат-

фей, Светлана-Светлена, Юрьев — отбить удар «устранителя препятствий», даже соединив энергосферы, но делать этого им не пришлось.

Молния слетела с «жидких» качающихся небес тюрьмы Конкере, и перед Стасом возник человек в белом костюме, с белыми как снег волосами. И Котов-младший удержал удар.

— Граф... — расслабился Самандар.

— Тарас! — прошептала Ульяна.

— Диарх... — почти беззвучно выговорила Светлана.

— Здоровеньки булы, шановны панове, — белозубо улыбнулся Горшин, поклонился, — и гарни жинкы. Давно мы с вами не встречались в таком составе. А что это с господином Рыковым?

— Он не пережил счастья встречи с хозяином, — пошутил Самандар.

— С хозяином. — Тарас мельком посмотрел на приближавшийся смерч. — Его душа давно уже там, во Тьме.

— Осторожнее, сзади!

Тарас оглянулся на Стаса, игравшего мечом, перестал улыбаться.

— Оруженосец... правая рука Монарха... так ты и не освободился от чёрной зависимости.

— Я... вас... убью! — с натугой проговорил-проклокотал Стас.

— Попробуй, — кивнул Горшин, и в руке его появился меч, такой же, что и у противника.

Мечи — струи прозрачного огня — столкнулись, породив удар молнии и грозный грохот. Гора под ногами людей содрогнулась.

Стас отступил, озадаченно глянув на свой меч. Снова прыгнул вперёд, нанося сразу несколько сверхбыстрых ударов-вспышек с разных направлений.

Тарас отбил выпады, двигаясь легко и непринуждённо, будто показывал урок фехтования ученику.

Стас опять отступил, с недоумением переводя взгляд с лезвия меча на меч противника и обратно.

Самандар, Парамонов и Василий Никифорович, Юрьев и Матфей обменялись взглядами, начиная догадываться об истинном положении вещей.

Стас потемнел, его фигура стала двоиться, плыть, пульсировать, светиться. Он снова бросился в атаку, яростно рубя воздух мечом, оставляя дымящиеся шрамы на поверхности горы и тающие сеточки молний в воздухе.

Тарас невозмутимо парировал выпады, затем сделал неуловимое глазу движение и выбил меч из руки бывшего оруженосца.

Стас кинулся за мечом, но отпрянул, избегая укола острием меча противника. Его меч, зашипев, как рассерженный кот, расползся струёй дыма, превратился в обычный стальной клинок и словно заржавел, покрылся красноватой коростой.

— Стас! — слабо воскликнула Светлана, порываясь бежать к проигравшему бой, но Матфей остановил её:

— Не мешай им, Светлая.

Тарас, продолжая держать меч острием к груди Стаса, прыгавшего то вправо, то влево, пытавшегося сойти с вектора удара, проговорил медленно, свистяще-гулким голосом:

— Иногда мне кажется, что я напрасно взялся за эту работу.

— Какую? — ощерился Котов-младший.

— Работу чистильщика. Гордыня человеческая неистребима. Смертные грехи бессмертны. Никто не хочет учиться на своих ошибках. Тьма всё время находит своих апологетов. Бросить всё к чёртовой матери, что ли?

— Ты не сможешь меня убить! — Стас оглянулся, ткнул пальцем в колонну смерча. — Он не позволит!

— А я никого не собираюсь спрашивать. К тому же ты напрасно надеешься на него. Увы, друг мой, хозяева редко ценят и защищают своих слуг, а тем более такие, как Аморф Конкере.

— Не убивай его, диарх, — проговорил Юрьев.

Горшин качнул головой.

— Иногда приходится стрелять в человека, чтобы убить в нём Зверя.

— Граф! — прошептала Светлана.

И только Василий Никифорович и Матфей промолчали.

Меч Тараса вдруг изменил форму.

Он превратился в спиральный рог, затем в кристаллическую друзу, в язык огня, в копье с ледяным наконечником, в рогатину, в кружевной веер, в лазерную нить, в цепь сверкающих ромбов, в суковатую дубину. Дубина выросла в размерах, становясь дымно-прозрачной, воздух сотрясли четыре сложнейших, музыкальных, нежно-сладостных и одновременно грозных аккорда, четыре «трубных гласа», потрясших пространство и сознание людей.

— Синкэн-гата! — пробормотал Самандар. — Настоящий!

Тарас поднял «дубину» и опустил на голову не сумевшего увернуться Котова-младшего.

Раздался звук гонга, чистый и ясный.

Вскрикнули Светлана и Ульяна. Малыш на руках матери заплакал, но тут же перестал.

Стас схватился за голову, покрываясь тонким слоем чёрного дыма, упал. Дым собрался над ним кисейно-прозрачным облачком, и облачко вдруг метнулось змеёй к грозной колонне смерча, продолжавшего пожирать творения Инсектов.

Движение на вершине горы прекратилось. Люди молча смотрели на человека в белом и лежащего в десятке шагов от него человека в чешуйчатых зелёных доспехах.

Дубина Тараса превратилась в обычный стальной меч, потом в нож, который он небрежно сунул за пояс. Подошёл к противнику, склонился над ним, выпрямился, отступил.

Стас зашевелился, сел, держась за голову, открыл глаза.

— Что... это... было?

— Дурной сон, — усмехнулся Горшин.

Глаза Котова-младшего наполнились светом, он увидел рассматривающих его бывших друзей и близких, всё понял. Встал, пошатываясь.

— Маша...

— Погибла.

— Господи! — Стас прижал к ушам ладони, побледнел до синевы. — Я... считал... что она...

— Ты убил её! — безжалостно сказал Горшин.

Стас оглянулся на крутящийся смерч, на свой меч, покачал головой и вдруг заплакал, тихо, молча, только слёзы лились по щекам, но он их не вытирал.

Тяжкий удар потряс город.

Смерч напомнил о себе рождением внутри колонны жуткого звероподобного лика, ускорил движение, круша всё на своём пути.

— Граф, сейчас здесь будет Монарх, — сказал Юрьев негромко.

Горшин, прищурясь, посмотрел на смерч, перевёл взгляд на Артура.

— Что ж, давайте встретим его как подобает. Артур, друг мой, дунь-ка в свисточек.

Артур, чувствуя на локте вздрагивающую руку Светланы, очнулся, достал из кармана нагревшуюся «свирель».

Глава 32

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

— Что это? — полюбопытствовал Вахид Тожиевич.

— Иерихонская Труба, — небрежно ответил Горшин.

— Вы шутите, Граф? — удивился Юрьев.

— Т а к я ещё не шутил. — Тарас подошёл к Артуру. — Спокойно, Суворов, мы ничуть не рискуем. Отойди чуток и дуй.

Артур, бледнея, глянул на Светлану, в глазах которой сквозь пламя с и л ы вдруг пробился удивительный свет любви. Вздрогнул, выпрямился, сделал несколько шагов к краю обрыва на негнущихся ногах. Приложил «свирель» к губам. Губы свело, как от электрического разряда. Но он всё же героическим усилием удержал трубочку у рта и дунул в отверстие изо всех сил.

Раздалось тусклое шипение.

Лицо Артура пошло красными пятнами.

«Успокойся, Артурчик, милый!» — прилетела чья-то тёплая мысль.

Тогда он глубоко вздохнул, уже не обращая ни на кого внимания, сосредоточился на в ы з о в е, успокоил сердце и дунул ещё раз.

Всё пространство монаршей тюрьмы потряс мягкий, чем-то похожий на голос синкэн-гата, трубный певучий звук. Даже не звук — нечто большее, «музыка сфер», трансцендентное сотрясение психики и глубин материи, перехватившее дыхание, вызвавшее у всех невольное рыдание и слёзы! В этом звуке чудесным образом сплелись птичьи трели, звон капели, шум водопада, треск огня в костре, певучий вскрик затачиваемой оселком косы, детский смех и женский голос, допевший печальную песню.

И стало совсем тихо.

Чёрный смерч остановился, закрутился сильнее, перемешивая в спиральных струях образы и хищные оскалы невиданных зверей.

А с другой стороны горы ударил вдруг в небо огненный фонтан и превратился в смерч, только ослепительно белый, и все почувствовали его великодушную и в то же время грозную силу.

Артур выронил «дудочку», покачнулся.

Светлана бросилась к нему, поддержала, обняла, шепча на ухо какие-то слова.

— Я же сказал, он справится, — сказал Тарас, посмотрев на молчаливого Матфея. Подошёл к Артуру, похлопал его по плечу, поднял «свирель». — А эту вещицу надо поберечь до лучших времён.

— Что происходит? — кивнул на белый искрящийся смерч Василий Никифорович.

— Явление Ангела.

— А конкретнее? — не выдержал Самандар.

— Сейчас всё выяснится.

— И всё же я не понял: у Стаса был не настоящий синкэн?

— Идеальная копия — *нун*, сакральный модус, воплощение силы Даат. Если бы у него был настоящий синкэн-гата, мы бы с вами тут не стояли.

Стас сел на корточки, закрыв лицо ладонями.

Все посмотрели на него, кто с жалостью и сочувствием — женщины, кто с осуждением и неприязнью, кто с грустью и верой.

— Как же вам удалось подменить синкэн копией? — продолжал допытываться Вахид Тожиевич. — Я так понимаю, произошло это ещё до встречи Стаса с Монархом?

— Правильно понимаешь.

— Значит, всё было рассчитано заранее? Поход Стаса, выход из тюрьмы Монарха? Наши скитания?

— Ошибка оруженосца запланирована не была. В нашу задачу входило создание в «розе» «божественных» духовно-этических структур для программирования будущих цивилизованных форм человеческой расы. Но тайная деятельность Монарха — все эти «просачивания, вселения и внедрения», скупка человеческих душ, попытки изменить матричную реальность, находясь в тюрьме, — мешала нам. Пришлось пойти на применение стратагем, неизвестных господину Конкере, чтобы вернуться к Изначальному Плану Бытия. А поскольку мне доверили возглавить службу безопасности «розы», пришлось разработать и применить режим скрытой защиты Материнской реальности. Поэтому корректировка почти не коснулась социума Земли. Это доверено сделать вам.

— Кем доверено?

Тарас кивнул на сияющий белый смерч.

— Им.

— Значит, это правда? Иерихонская Труба действительно может вызвать... Создателя?

Горшин улыбнулся.

— Создатель не придёт. Пришёл Аватара, материальное воплощение Творца. Или вас это не устраивает?

Самандар смешался, не зная, что сказать, пожевал губами.

— Хотелось бы повидаться с Самим... А мы знаем этого... Аватару?

— Конечно, — кивнул Тарас, посмотрел на Котова-старшего. — Василий Никифорович, у тебя не пропало желание стать разработчиком технологий Согласия? Помнишь разговор с Юрием Венедиктовичем в квартире Анны Павловны?

— Помню, — тихо ответил Котов. — Мне предлагали стать кардиналом Союза Неизвестных...

— Но ты отказался, затронув тему баланса сил. У тебя есть возможность стать воспитателем Архитектора Согласия.

Василий Никифорович непонимающе прищурился.

— Сын, — кивнул Горшин на малыша, которого укачивала Ульяна. — Он вполне может вырасти Архитектором.

Котов посмотрел на жену, на сына, изменился в лице.

— Матвейка?! Архитектор Согласия?!

— Почему бы и нет?

Ульяна прижала к себе сына, глаза её стали большими и тревожными.

— Не хочу! Не хочу, чтобы он вечно воевал и вечно скитался по «розе»!

— Никто вас не неволит. И никто не говорит, что ему придётся воевать и скитаться. Архитектору и на Земле полно забот.

— Не знаю... — тяжело сказал Василий Никифорович. — Социум Земли болен... без драк и войн не обойтись... хотелось бы, чтобы эта судьба обошла моего сына.

— Не уверен, что это достижимо. Зло неуничтожимо, но, если его не ограничивать, мы потеряем всё.

— Я никому не желаю зла. Я не желаю зла даже моим врагам. Я просто хочу, чтобы их не было.

— Это правильная философия. Но мы ещё поговорим на эту тему, ладно? Вот она останется для связи. — Тарас указал на Светлану, всё ещё поддерживающую Артура. — Подскажет место встречи.

— А что будет с ним? — Ульяна зябко повела плечиком, глянув на Стаса.

— Я только убил в нём з в е р я — зомби-программу Монарха, но ему нужно время, чтобы осознать цену ошибки, найти в себе силы преодолеть боль и отчаяние и вернуть душу. Какое-то время ему придётся побыть одному.

— Vae soli[1], — проговорил Самандар, кинув странный взгляд на Ульяну. И только Василий Никифорович понял значение этого взгляда. Вахид Тжиевич продолжал любить его жену и поэтому был обречён на одиночество.

Сияющий белый смерч остановился.

Стало совсем тихо, как в подземелье.

Затем на краю обрыва соткалось переливчатое световое об-

[1] Тяжко одинокому *(лат.)*.

лачко, приобрело форму человека в таком же белом костюме, что был на Горшине.

— Матвей! — выдохнул Котов-старший.

— Соболев! — проговорил Парамонов в унисон с Юрьевым.

— Хранитель, — почтительно склонил голову Матфей.

— Почему Хранитель? — удивился Самандар.

— Потому что он инфарх, — ответил Горшин. — Мастер мастеров. И ещё Ангел-Хранитель «розы».

— Здравствуйте, — звучным голосом произнёс Матвей Соболев; он практически не изменился со времени последней встречи с бывшими соратниками, только в глазах плескался о г о н ь знания, мудрости и... печали. — Рад видеть вас, друзья.

— Здрасьте... привет... добрый день, — недружно ответили ему.

Соболев посмотрел на Тараса.

— Выход перекрыт?

— Разумеется, Мастер, всё готово.

Соболев сделал несколько шагов к замершим людям.

— Вы сделали своё дело, друзья, теперь моя очередь. Подождите меня где-нибудь, я скоро.

Он превратился в облачко света, облачко вытянулось лучом и исчезло внутри белого смерча. Смерч бесшумно двинулся к замершему посреди мультигорода чёрному вихрю.

— Идёмте, подождём его на Земле, — сказал Тарас. — Здесь нам оставаться опасно. У кого можно остановиться?

— У меня, — ожил Артур.

— Отлично, поехали.

— Один маленький вопрос, — поднял руку сомневающийся Самандар. — Ты только что заявил, что выход перекрыт. Я правильно понял? Отсюда никто теперь не сможет выйти?

— Мы сможем. Монарху же в эту щель не пролезть. Он останется здесь навечно.

— Что вы собираетесь делать?

— Объявить ему абсолютный шактипат.

— Разве это возможно?

— Ну, если иметь то, что у нас имеется, да настроить его соответствующим образом...

— Что?

— Игла Парабрахмы.

— Умертвие?!

— Рыков так долго подбирался к нему, что мы успели напра-

вить его по ложному пути — собирать Великие Вещи, якобы необходимые для включения Умертвия, и перехватили инициативу.

— Вы действительно всё рассчитали...

Тарас вдруг сделался строгим и серьёзным, оглядел смятённые лица беглецов и иерархов, прижал руку к сердцу.

— Прежде чем мы отправимся на Землю, хочу выразить вам огромную благодарность и извиниться за все беды, тревоги, потери и боль! Только благодаря вам — вы стали силой! — мы вынудили Монарха вернуться в свою тюрьму. Возможно, были и другие варианты остановить Монарха, более оптимальные, но я их не нашёл. Простите ещё раз!

Тарас поклонился, застыл в полупоклоне.

— Вы меня удивляете, Граф, — покачал головой Юрьев. — Никогда бы не подумал, что вы способны признать свои ошибки и просить прощения.

Горшин выпрямился. На миг его глаза стали растерянными и несчастными, полными муки и страдания. Всего лишь на один миг. И всё прошло.

— Я — человек, — просто, без обычной мягкой иронии ответил он. — И остаюсь им, несмотря на соблазны. Хотя, может быть, зря. — Он улыбнулся. — Поехали?

— А... он? — кивнула на Котова-младшего Ульяна.

Все одновременно посмотрели на Стаса.

— Если он захочет, я возьму с собой и его. Поторопимся, друзья.

Смерчи столкнулись!

Земляне подняли глаза, разглядывая два крутящихся гигантских смерча, и на всю оставшуюся жизнь им запомнилась эта картина: чёрная равнина, «жидкое» серое небо, золотые замки и два столкнувшихся смерча — чёрный и белый, олицетворяющие силы Света и Тьмы...

Москва, май 2005 г.

ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ

Роман

Глава 1

О ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ

Их ждали!

Их ждали практически на всех станциях метро Солнечной системы, взяв под контроль даже правительственные транспортные линии и метро Управления аварийно-спасательной службы. Но они, как и предполагали в Федеральной службе безопасности, вышли из кабины метро, куда намеревались попасть по своим расчётам, уверенные в том, что их сеть не раскрыта. Таким образом, Оскар Мехти, Гарри Ширер и тип, выдававший себя за Яна Лапарру, бросив «солнечного крота» в глубинах Солнца вместе с его экипажем, просчитались.

Безопасники у с п е л и переориентировать линию метро, принадлежавшую резиденту Дьявола в Солнечной системе, и беглецы и убийцы, ставшие агентами чёрных сил, попали в ловушку.

Линию метро вывели в бункер региональной — китайской службы безопасности в Рангуне. Командовала и лично участвовала в операции Юэмей Синь, начальник сектора Федеральной контрразведки. Именно поэтому обошлось без стрельбы.

Юэмей, одетая в обтягивающий тело серебристый уник официала службы, вышла в бункер через мембрану замаскированной двери, и мужчины замерли, опустив оружие и глядя на красивую женщину, а она с улыбкой предложила им сдаться.

Переглянувшись, агенты Дьявола бросились было к кабине метро, наткнулись на силовое поле, заблокировавшее кабину, попробовали перейти на «струну» сети метро через тайфы, но и это им не удалось: бункер был накрыт анизотропным защитным полем, не позволявшим использовать личные порталы метро. Тогда все трое оглянулись на стоявшую спокойно китаянку и направили на неё стволы «универсалов».

— Не стоит сопротивляться, — качнула она головкой с той же улыбкой. — Мы всё знаем. Жизнь каждого из вас перестала быть

сверхценной. Малейшая попытка открыть огонь будет пресечена — из стен бункера на вас смотрят два десятка бойниц.

Беглецы начали озираться, не видя в гладких с виду стенах ни одного отверстия.

Однако лидер группы, являющийся по сути не человеком, а витсом и поэтому обладавший большими возможностями по анализу обстановки, первым оценил ситуацию и принял решение.

Он был заминирован — на случай провала — и, отступив к стеклянно-кристаллической глыбе метро, привёл в действие механизм самоликвидации.

К счастью, оперативники контрразведки предусмотрели подобное развитие событий, и взрыв, разнёсший тело псевдо-Лапарры на куски, не причинил вреда Юэмей Синь. За мгновение до взрыва её закрыла силовая завеса.

Не сильно пострадали и Оскар Мехти с Ширером, хотя их прилично шмякнуло о стену бункера взрывной волной.

После этого оперативники быстро спеленали обоих и отправили в СИЗО Рангуна, откуда агентов силы, пытавшейся погасить Солнце и названной Дьяволом, впоследствии перевели в тюрьму Игуанамо на одном из островов Тихого океана у берегов США — Старых Штатов Америки.

Вечером того же дня в кабинете директора УАСС Филиппа Ромашина состоялось совещание руководителей тревожных служб и силовых структур Земной Федерации. На совещании присутствовали восемь человек, включая директора: комиссар Федеральной службы безопасности Владилен Ребров, восстановленный в правах решением ВКС после ареста министра безопасности Артура Мехти, начальник сектора контрразведки Юэмей Синь, командор Погранслужбы Игнат Ромашин, ведущий ксенопсихолог Института Внеземных Коммуникаций Герман Алнис, специалист Института физики Солнца Оксана Свияш, заместитель министра безопасности Правительства Людвиг Казийски и руководитель сектора Федеральной криминальной полиции перуанец Хо Кецаль.

Все присутствующие разместились за круглым столом эксклюзивных заседаний, что случалось нечасто и подчёркивало важность встречи (обычно совещания подобного рода проводились по видеоселектору). Филипп Ромашин, привычным жестом пригладив блестящий голый череп, оглядел всех и сказал:

— Все вы знаете, что происходит в Системе. Официальные

средства массовой информации муссируют тезисы СЭКОНа, где говорится, что мы якобы эти права нарушаем. За последние несколько дней этот крик правоблюдоносцев усилился до такой степени, что наше заседание вполне может оказаться последним.

Филипп глотнул минералки, ещё раз оглядел лица присутствующих, усмехнулся.

— Я имею в виду, что возможны скорые отставки любого из нас. В том числе и моя. А это в свою очередь означает, что, несмотря на короткое затишье в стане врага и временную победу с нейтрализацией «огнетушителя Дьявола» — сферозеркала в ядре Солнца, агентура Дьявола продолжает своё чёрное дело. Будем делать своё и мы, до тех пор, пока это возможно официально и открыто.

Директор УАСС сделал глоток.

— А потом — и в закрытом режиме, если придётся. Заявляю также следующее: если о нашем сегодняшнем совещании станет известно приспешникам Дьявола, это будет означать, что кто-то из вас работает на него. Со всеми вытекающими. Все это понимают?

— А если утечка произойдёт не по нашей вине? — угрюмо спросил Людвиг Казийски. — Вы уверены, что соблюдены все меры безопасности?

Филипп внимательно посмотрел на замминистра. У него имелись подозрения, что Казийски закодирован резидентом Дьявола, как и его бывший шеф, но уверенности не было. Правда, с недавних пор за Казийски контрразведчики уже вели скрытое наблюдение, и Филипп надеялся, что в скором времени ситуация разрешится. В ту или иную сторону.

— Мой кабинет заблокирован от всех видов прослушивания и подсматривания. Запись не ведётся. Инк защиты нас не слышит. Поэтому я вправе с уверенностью сказать, что, кроме присутствующих, здесь о нашей беседе не узнает никто.

— Разве что Наблюдатель, — хмыкнул Ребров.

По кабинету прошло движение. Приглашённые директором невольно бросили по взгляду на стены помещения, словно ожидая появления хронозеркал. Было не раз подтверждено, что эти объекты, играющие роль видеопередающих устройств и одновременно порталов с «петлевым временем», могли возникать в любой точке пространства.

— Не пугайте коллег, комиссар, — недовольно качнул голо-

вой Филипп. — Даже если Наблюдатель вывесит зеркало, он не на стороне Дьявола. Оксана, будьте добры, доложите присутствующим, чем располагает ваша служба.

Женщина привстала, поклонилась, села на место. Это была строгая дама пятидесяти лет с короткими светлыми, с проседью, волосами и неулыбчивым лицом, которого практически не касалась косметика. Оксана Свияш представляла собой тот тип женщин-исследователей, которые не обращали внимания на свой облик и занимались только работой. Как правило, семьи такие женщины не заводили.

— Прошло мало времени, — начала специалист в области физики Солнца, — чтобы делать далеко идущие выводы, но уже можно заметить некие тенденции. Зона «вакуумного вымораживания» в ядре Солнца прекратила расширение. Температура пошла вверх. Возможно, скоро там возобновятся реакции протон-протонного цикла. Однако термоядерный «котёл» заработает в полную силу ещё не скоро.

— Сколько нам ждать?

— Думаю, не меньше двух лет. Диаметр замерзшей зоны достиг восьмидесяти тысяч километров и превысил предел Кюре. Чтобы разогреть это ядро до прежних температур...

— Чем это грозит Федерации?

Оксана Свияш достала тонкую коричневую пахитоску с алым ободком (цвет ободка говорил, что никотин в таких папиросах не нейтрализован), закурила, не обращая внимания на коллег.

— Понижение температуры верхних слоёв солнцетела начнётся уже через два-три месяца, хотя будет незначительным, всего на сто градусов, не больше. Но это влечёт за собой интереснейшие физические эффекты. Изменится вся система взаимосвязей, конвекция, массо- и энергоперенос, увеличится размер грануляции плазмы, светимость, конфигурация магнитных полей...

— Всё это хорошо, — перебил Оксану Людвиг Казийски, — но мы говорим о влиянии этих процессов на наши космические поселения.

— Боюсь, просчитать это влияние будет трудно.

— Обрисуйте положение в общих чертах.

— Произойдёт глобальное снижение солнечного энергопотока, что в первую очередь приведёт к «эффекту сумерек» на всех планетах Системы.

— То есть Земля замёрзнет?

— Не замёрзнет, но потеряет значительную часть тепла. Вполне вероятно, что начнётся самый настоящий ледниковый период.

Присутствующие за столом обменялись красноречивыми взглядами.

— Хорошенькая перспектива, — проворчал Ребров. — Что мы можем сделать, чтобы избежать столь тяжёлых последствий?

Оксана выпустила тонкую струйку сладковатого дымка, пожала плечами.

— Боюсь, ничего.

— А если запустить в ядро Солнца ещё одного «крота» с мощной ядерной бомбой? Не сможет ли она выполнить роль запала для возрождения термоядерных реакций?

— Едва ли.

— Но ведь вы не просчитывали такой вариант? — не унимался Казийски.

— Не просчитывали, потому что в этом не было необходимости. Я считаю, что мы не в состоянии...

— Не надо делать поспешных выводов, госпожа Свияш, — снова перебил женщину Казийски. — Сделайте необходимые расчёты, смоделируйте процесс, тогда и решим.

Оксана поджала губы, посмотрела на холодно-недовольное лицо замминистра прищуренными глазами, однако возражать не стала.

— Разумеется, господин Казийски, мы это сделаем.

— Спасибо, Оксана, — сказал Филипп. — Представьте нам все расчёты последствий «вакуумного вымораживания» недр Солнца как можно скорее. И вы свободны.

Женщина докурила пахитоску, — мужчины смотрели, как она это делает, — встала и вышла, бросив на прощание:

— Будьте здоровы!

— Теперь о другой проблеме, — сказал директор УАСС. — Комиссар, вам слово.

Хо Кецаль, на которого посмотрел Филипп, склонил голову с великолепной гривой иссиня-чёрных волос. Его медное неподвижное лицо с резкими чертами и орлиным носом, типичное лицо индейца, осталось невозмутимым.

— Мы провели анализ криминогенной обстановки по всей Федерации, включая внешние планеты, — начал главный полицейский гортанным голосом. — Результаты необычны. Но прежде позволю себе небольшое отступление. Население Федерации вне зависимости от сословий, каст, рангов, этносов и народно-

стей состоит в основе своей из обывателей. То есть из людей, не имеющих широкого спектра желаний и не стремящихся к достижению высоких целей. Они просто живут, соблюдая заданный цивилизацией уровень потребления, и всё. Так вот в среде обывателей появление Наблюдателя и Дьявола было воспринято больше с любопытством, чем со страхом, так как их психология допускает суждения типа «ежели что и случается, то где-то далеко и не со мной». Хотя их-то как раз легче всего довести до паники. А вот в слоях социума с иным спектром устремлений и оценки ситуации произошли изменения. Резко возросло количество суицидов в среде творческой интеллигенции и количество преступлений среди населения, занятого в сфере обслуживания. Особенно — неспровоцированных убийств.

Хо Кецаль замолчал.

Филипп подождал продолжения.

— Ваш вывод, комиссар?

— Нас ждёт криминальный кризис, — всё так же невозмутимо ответил Хо Кецаль. — Меняется шкала ценностей жизни, меняется отношение людей друг к другу, меняется их форма зависимости от механизма защиты, то есть от постгосударственной системы власти — Федерации.

— У вас есть просчитанные варианты развития событий? Конкретные предложения?

— Разумеется. Но я подотчётен только Правительству Федерации, господин директор.

— Я знаю, — спокойно кивнул Филипп, — и не требую отчёта. Однако нам вместе придётся выпутываться из этого опасного положения и очень тесно взаимодействовать.

— Только после согласования позиции с непосредственным руководством и аппаратом Правительства.

— Разумеется, — ответил директор УАСС тем же тоном.

— Я бы не полагался на непогрешимость решений чиновников, — проворчал Владилен Ребров. — Правительство по сути своей — хитроумный механизм для получения личной выгоды без личной ответственности.

— Браво, комиссар, — дважды хлопнул в ладоши Людвиг Казийски. — Вы очень образно выразили и моё мнение. Хотя не все чиновники одинаковы.

— Третья проблема, — напомнил о теме заседания Филипп. — Выявление сети агентов Дьявола. И хотя это проблема контрразведки, она касается всех здесь сидящих. Ведомство госпожи

Синь разработало систему, позволяющую безошибочно определять запрограммированных нашим врагом людей. Вам придётся очень осторожно, тихо, без шума и согласования с общественностью внедрить эту систему в ключевые министерства и организации, вплоть до уровня ВКС.

В кабинете стало тихо.

Потом шевельнулся Казийски.

— Это решение требует созыва Совета безопасности ВКС и оценки его комиссией СЭКОНа...

— Исключено! — твёрдо сказал Ребров.

Заместитель министра в замешательстве посмотрел на него:

— Вы понимаете, чем это может закончиться, господин федеральный комиссар?

— А вы понимаете, чем может закончиться экспансия Дьявола в Солнечную систему? С одним его «огнетушителем» мы справились, хотя и с превеликим трудом, ценой жизни многих людей. Что, если он атакует Федерацию иным способом? В особенности если узнает о наших планах? А он обязательно узнает, как только мы начнём «советоваться» с общественностью и комиссиями СЭКОНа, где наверняка сидят резиденты Дьявола!

— И всё же я против такой постановки...

— Предлагаю не ломать копья зря, коллеги, — сухо сказал Филипп. — Я буду рад работать с компетентными органами СЭКОНа. Я буду рад вдвойне, если благодаря этому сотрудничеству враг рода человеческого вовсе уберётся из Системы. Но во избежание печальных последствий необходимо перестраховаться. Вы согласны?

— Вы ставите меня в неловкое положение, — буркнул Казийски. — Я официальный представитель Правительства...

— А вы решите для себя, что важнее, — мягко проговорила Юэмей Синь. — Быть официальным представителем или человеком, готовым драться с врагом до конца.

Казийски скривил губы, собираясь ответить, но встретил взгляд командора Погранслужбы и передумал. Встрепенулся, глянув на соседа китаянки:

— Что здесь делает этот молодой человек?

Под взглядами присутствующих Герман Алнис смешался, покраснел.

— Он член нашей команды... — начал Ребров.

— Герман Алнис — ведущий ксенопсихолог Института Внеземных Коммуникаций, — сказал Филипп веско. — Он многое

сделал для более глубокого изучения действий и намерений Дьявола. Именно на основе его рекомендаций контрразведка обнаружила послание негуман человечеству, после чего была разработана программа ликвидации резидента и план адекватного ответа.

— В связи с происходящим, — добавила Юэмей Синь обманчиво воркующим голоском, — а именно — столкновением Федерации с представителем негуманоидного разума, возникла потребность перехода господина Алниса в сектор контрразведки, где его опыт изучения нечеловеческих логик будет весьма полезен.

— Понятно, — поморщился Казийски. — Что ещё на повестке дня?

— Вы можете быть свободны, — сказал Филипп. — Остались вопросы, касающиеся сугубо работы Управления.

Казийски поднялся, на полпути к двери обернулся:

— Куда вы поместили захваченных... э-э... террористов? Сына Мехти и Ширера?

— В настоящий момент они находятся в Игуанамо, — ответил вместо Филиппа Ребров. — На территории пенитенциарного объекта федерального значения для особо опасных преступников.

— Вина их доказана?

— Доказательств больше чем достаточно. Тем не менее их судьбу решит суд.

Казийски кивнул, вышел.

Игнат Ромашин посмотрел на отца:

— Как ты думаешь, он ещё свободен или уже зомбирован?

— Если он закодирован, — сказала Юэмей Синь виноватым тоном, — то наши определители агентуры Дьявола гроша ломаного не стоят. Система включена, однако Людвиг, судя по её показаниям, чист.

— Будем надеяться, что это соответствует действительности.

— Теперь главное, — сказал Филипп, и лицо его на мгновение стало мрачным и старым, словно вспомнило о возрасте. — Судьба экипажа «крота».

— На допросе Оскар Мехти признался, — угрюмо сказал Ребров, — что наши парни и внучка Лапарры были ещё живы... когда беглецы покидали борт солнцехода.

— Прошло уже больше десяти часов... от них ни слуху, ни духу.

— Но свою работу они выполнили, судя по исчезновению

«огнетушителя» и остановке процесса «вакуумного вымораживания».

— Может быть, «крот» так и остался в ядре Солнца? И они живы? — робко предположила Юэмей.

— Если бы они остались живы, давно нашли бы способ связаться с нами, — мрачно проговорил Ребров.

— Что говорят наблюдатели? — поинтересовался Хо Кецаль.

— Мы не имеем локаторов, способных разглядеть в недрах Солнца тело таких относительно малых размеров, как «крот», — заговорил Игнат Ромашин. — Но по косвенным эффектам можно судить, что солнцеход ещё там. Во всяком случае расчёты показывают, что точно в центре погасшего солнечного ядра находится некий сферический объект диаметром в полкилометра, обладающий странными характеристиками.

— Какими?

Игнат посмотрел на отца, тот кивнул.

— Объект «дышит». То поглощает энергию, как абсолютно чёрное тело, то излучает.

— Может быть, там образовалась чёрная дыра? — вежливо спросил Хо Кецаль.

Герман Алнис косо посмотрел на комиссара полиции: тот явно не понимал физики таких объектов, как чёрные дыры.

— Нет, это не чёрная дыра, — терпеливо сказал директор УАСС. — Возможно, мы наблюдаем эффекты взаимодействия магнитоплазменной полевой защиты солнцехода с материей Солнца.

— Раньше такие эффекты наблюдались?

— Нет, — нехотя ответил Игнат. — Однако после «вакуумного вымораживания» условия в ядре Солнца изменились. Давление сохранилось, несмотря на отсутствие ядерных реакций, но излучение стало принципиально другим. Приборы учёных фиксируют мощные потоки элементарных частиц, в том числе самых экзотических.

— И после этого вы утверждаете, что «крот» уцелел?

— Я надеюсь! — сцепил зубы командор Погранслужбы.

— Прошу прощения, — поднял вверх ладони комиссар Федеральной полиции. — На борту солнцехода, кажется, находится ваш сын?

— И ещё четыре человека, — добавила Юэмей Синь. — В том числе девушка, внучка Яна Лапарры.

— Того самого, что командовал группой агентов Дьявола?

— Командовал десантом Дьявола его двойник, который решился на самоликвидацию.

— А где настоящий Лапарра? Он ведь тоже когда-то был комиссаром безопасности?

— Он долгое время работал экспертом Управления, — проворчал Ребров, — но незадолго до... м-м... исчезновения ушёл на покой.

— Но он жив?

— Этого никто не знает, — сказала с ноткой сожаления в голосе Юэмей Синь. — Мы надеемся, что резидент Дьявола не уничтожил такой ценный источник информации. Его где-то прячут. Мы ищем.

Хо Кецаль кивнул, откинулся на спинку кресла, как бы давая понять, что больше не намерен задавать вопросы.

— Я могу быть свободен?

— Естественно, — сказал Филипп. — Спасибо, что согласились принять участие в совещании. Ваша помощь будет неоценима.

Руководитель Федеральной полиции откланялся.

За столом остались только те, кто первым начинал бой с агентурой чёрных сил, задумавших погасить Солнце.

Филипп включил видеопласт кабинета, и золотистые стены с мерцающими внутри искрами растаяли, показав панораму сумеречной зоны Меркурия и гигантский алый купол Солнца с более светлыми вихрями и фонтанами протуберанцев.

Некоторое время все внимательно разглядывали дневное светило, словно пытаясь обнаружить на нём предсказанные учёными изменения. Потом директор Управления выключил видеосистему.

— Последнее, о чём я бы хотел поговорить с вами. Есть идея послать к ядру второй солнцеход. Он будет готов через пару недель. Но боюсь, нам не позволят это сделать.

Каменное лицо Владилена Реброва пошло морщинами: он улыбнулся.

— Что ж, в таком случае мы сделаем это и без чьего-либо разрешения. Итак, судари и сударыни, будем готовиться к худшему?

— Зачем же к худшему, сяньшэн? — сморщила носик китаянка. — Давайте помечтаем о лучшем, и пусть наши мечты сбудутся.

При этом она посмотрела на Германа Алниса, и тот слегка порозовел, пытаясь сохранить невозмутимость.

Ребров спрятал усмешку под ладонью. Он знал, как и все ос-

тальные, впрочем, что между молодым учёным и грозным начальником контрразведки начался роман.

— Мечты, которые сбываются, тайтай, не мечты, а планы. Однако я с вами полностью согласен. Давайте помечтаем.

В тот же вечер, точнее, ночью, семьи старших Ромашиных собрались в доме Филиппа в Одоеве. Этот дом принадлежал ещё прадеду Филиппа и вообще роду Ромашиных, насчитывающему более полусотни поколений, и располагался он на улице Маши Порываевой, в центре старинной части города. Современные жилые комплексы высотой до двух километров здесь не строились.

Дом стандартно охранялся, имея встроенные системы защиты и ограничения «несанкционированного» доступа, особенно с тех пор, как его владелец стал директором УАСС, однако его архитектура и внутреннее убранство почти не претерпели изменений в угоду моде, сохраняя дух старины и дружелюбного уюта.

Мужчин, одетых в рабочие уники официалов соответствующих служб: серо-голубого цвета, с серебристыми отворотами — Филипп, серо-зелёного — Игнат, — встретили женщины — Аларика и Дениз, бабка и мать Кузьмы, чем-то похожие друг на дружку, а в последнее время еще сильнее сблизившиеся чувством печали и ожидания. Несмотря на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте, они казались сёстрами, разве что седины и морщинок на лице у Аларики было чуть больше.

— Ну, что? — в один голос спросили они.

Мужчины переглянулись.

Филипп поцеловал жену в щеку, прошагал в туалетный блок.

Игнат, также мимолётно обнявший жену за плечи, развёл руками.

Женщины всхлипнули, Аларика вытерла слезу на щеке.

— Немедленно прекратите! — строго приказал командор Погранслужбы. — Не надо хоронить их раньше времени! Они всего лишь пропали без вести. Вернутся! Накрывайте на стол, мы есть хотим.

Он тоже ушёл в туалетную комнату.

Аларика и Дениз посмотрели ему вслед, переглянулись и, притихшие, заторопились в гостиную, не переставая думать о сыне и внуке, который ушёл на солнцеходе и до сих пор не вернулся. Только уверенность мужей в благополучном исходе рейда вселяла в их душу надежду на возвращение Кузьмы. И они ждали...

Глава 2

ГДЕ МЫ?

Никаких особых ощущений он не испытывал, в том числе — неприятных.

Темно, тихо как в подземелье, лишь слуха изредка касается удаляющийся шелест, будто по слою опавших листьев бежит прочь лесной зверёк...

Кузьма напрягся, попробовал шевельнуть руками, и это ему удалось. Ноги тоже послушались приказа, упёрлись во что-то твёрдо-неподатливое и холодное.

— Свет! — сказал он вслух, обнаруживая, что может говорить.

Вокруг разлился приятный, струящийся, призрачно-лунный свет, и он сразу сообразил, где находится: в коконе рубки управления солнцеходом! Свет же испускали ставшие полупрозрачными, как слой мутного стекла, стены рубки.

Кузьма резко подался вперёд, и упругие лепестки кокона, спеленавшие его и служившие устройствами обработки информации и защитой одновременно, послушно развернулись, отпуская оператора. Однако рядом стоявшие кресла экипажа «крота» так и остались глыбами тёмного стекла, похожими на «тюльпаны», не спеша открываться.

— Катя! — позвал Кузьма. — Хасид!

Никто не отозвался.

Сидевшие в креслах спутники всё ещё находились без сознания.

Кузьма наконец пришел в себя окончательно, вспомнил о броске «крота» в недра «огнетушителя Дьявола», глянул на овальное зеркало центрального локатора, абсолютно чёрное, без единой паутинки света.

— Дэв, включи видеосистему внешнего наблюдения.

— Она включена, — глубоким бархатным баритоном ответил инк солнцехода.

— Почему же виомы ничего не показывают?

— Вокруг аппарата сверхплотная «замороженная» зона солнечной плазмы. Температура — около абсолютного нуля.

— Почему? — не понял Кузьма.

— Из-за отсутствия ядерных реакций.

— Значит, мы никуда не провалились?! Остались там же, в

ядре?! — Кузьма растерянно оглянулся на товарищей в креслах. — Сферозеркало... «огнетушитель»... продолжает работать?!

— По моим данным, процесс «вакуумного вымораживания» прекратился. Однако мы находимся там же, где и были — в центральной области ядра Солнца.

— Чтоб тебя! Связь с поверхностью есть?

— Нет.

— Что с экипажем?

— Ваши друзья спят.

— Спят?! — поразился Кузьма. — Ничего себе нервы! Я тут психую, прикидываю варианты их спасения, а они спят! Разбуди немедленно!

— Слушаюсь, сэр.

Одно из кокон-кресел, принадлежавшее раньше драйверприме «крота», шевельнулось как живое, свернуло лепестки, открывая тело Хасида Хаджи-Курбана. Глаза полковника открылись, затуманенные сном.

— Ты здесь?

— А где я должен быть? — фыркнул Кузьма.

— В пещере с сокровищами... тебя захватили разбойники и начали пытать... Значит, мне это приснилось. — Хасид окинул рубку управления быстрым взглядом, глаза его прояснились, в них загорелся огонёк тревоги. — Что случилось? Почему виомы не работают? Трюк не удался?! Мы остались в ядре Солнца? Или... где?

— Или где, — скривил губы Ромашин. — Мы всё ещё в Солнце, друг мой. Похоже, «огнетушитель» выплюнул нас обратно, и мы теперь торчим в погасшей солнечной топке, как... — Кузьма поискал сравнение, — как косточка в яблоке.

— Как червячок в косточке, — уточнил Хасид, начиная разминать руки, посмотрел на соседний кокон. — Что с Катей?

— Спит.

— Вовсе я не сплю, — раздался голос девушки, и она выпрыгнула из кокона стремительно и гибко, будто специально ждала этого момента. — Я всё слышала! Странно, конечно, что нас не занесло куда-нибудь в другую галактику или вообще в прошлое, зато мы живы и здоровы! Предлагаю повернуть «крота» и срочно выбираться из Солнца. Дед в опасности! Надо предупредить безопасников! Возражения есть?

Хасид и Кузьма переглянулись. Хасид хмыкнул. Кузьма засмеялся, чувствуя облегчение: «боевая подруга» не спасовала, не

запаниковала, осталась деятельной и энергичной и не собиралась сдаваться.

— Ты одна?

Брови девушки прыгнули вверх, потом она поняла: Ромашин-младший имел в виду подселённый к ней «информационный файл Наблюдателя», который объяснил ей ситуацию и позволил помочь друзьям выжить перед атакой «огнетушителя».

— Я и была одна, если ты имеешь в виду психику. Мне дали определённую информацию, я передала её вам. Больше я ничего не знаю.

— Жаль. Я думал, ты подскажешь, что делать дальше.

— Увы, мистер Ромашин, прорицателем я не стала. Если бы я могла предвидеть, в кого превратится... — Девушка замолчала, помрачнев.

Кузьма понял, что она заговорила об Оскаре.

Вспомнил о предателе и Хасид.

— Надеюсь, наши наверху перехватили этого подлеца. Кстати, может быть, заработала линия метро? Могу проверить.

— Вряд ли, — качнул головой Кузьма. — Если бы метро «крота» функционировало, здесь бы уже появился наш спецназ. Дэв, линию метро можно восстановить?

— К глубокому сожалению, это не в моих силах, господа, — ответил инк.

— Тогда включай бур, мы возвращаемся.

— Слушаюсь, сэр.

На «кактусе» вириала управления перемигнулись цветные огоньки.

В кабине на миг установилась невесомость, и тут же вернулся нормальный вес. Чёрный овал центрального виома расцвёл огненным фонтаном. Дэв запустил аннигиляционный бур. Солнцеход сориентировался и устремился вверх, точно по вертикали к поверхности Солнца, набирая скорость. Ему предстояло преодолеть почти семьсот тысяч километров сквозь раскалённые до немыслимых температур и сжатые до немыслимых давлений недра звезды, дающей свет всем планетам Системы.

* * *

Через несколько часов, когда экипаж «крота» с помощью инка проверил работу всех систем солнечной машины и возбуждение сменилось усталостью, Хасид предложил своим спутникам отдохнуть.

— Я — за, — согласился Кузьма, глянув на Катю и гадая, как воспримет предложение внучка Лапарры.

Однако ей тоже требовалась разрядка после колоссальных нагрузок и психологического стресса последних дней перед нырком в сферозеркало, и никаких намёков Кузьме делать не пришлось. Катя соскучилась по его ласкам, и, оставшись одни в отсеке отдыха, они вдруг оказались в объятиях друг друга, а потом сам собой загорелся костёр страсти, и оба не заметили, как очутились в кровати совершенно раздетыми...

Время отдыха пролетело незаметно. Спали они всего часа три. И хотя Хасид о себе не напоминал, никого не торопил, Кузьма всё же, чувствуя угрызения совести, решил его сменить.

— Я с тобой, — сонно вскинулась Катя.

— Спи, — погладил её по голому плечу Кузьма. — Я тебя разбужу, если что.

Хасид встретил его в отсеке управления возгласом:

— Ты вовремя: прошли ядро! Скоро начнётся свистопляска.

Кузьма шлёпнул ладонью по подставленной ладони, нырнул в своё кресло. Безопасник имел в виду то обстоятельство, что им предстояло пройти всю толщу солнечного чрева, сотрясаемую миллиардами ядерных взрывов. По сути, солнцеход находился внутри непрерывно длящегося о б ъ ё м н о г о в з р ы в а, сдавленного со всех сторон потоками плазмы, элементарных частиц и излучений, и преодолеть этот кипящий, сотрясающийся, безумно горячий, сверхплотный слой было непросто.

Несколько минут Кузьма рассматривал огненные «пейзажи» в растворе локатора и боковых видеокамер, слушал доклад Дэва и комментарии Хасида. Положение вырисовывалось следующее.

Солнцеход действительно преодолел первые сорок пять тысяч километров и вышел за пределы замёрзшей зоны ядра. По мере его продвижения к поверхности температура солнечных недр росла и наконец достигла миллиона градусов, то есть того предела, за которым и начиналась реакция превращения водорода в гелий. Следующие четыреста тысяч километров «крот» должен был идти через слои так называемой лучистой зоны — слои плазмы, где шли ядерные реакции синтеза и в которых энергия от более горячих слоёв к менее раскалённым передавалась путём лучистого переноса. Именно в этом слое, насколько помнилось пассажирам солнцехода, и возникали те самые грозные силы, бросающие машину из одного очага в другой как ни-

чтожную пылинку, грозя превратить её в язычок огня, в пар, в ничто.

— Иди отдыхай, — сказал Кузьма, убедившись, что Дэв контролирует работу всех агрегатов солнцехода. — В принципе, делать нам здесь по большому счёту нечего, вряд ли мы сможем помочь Дэву советом в той или иной ситуации.

— Порядок есть порядок, — возразил Хасид, выбираясь из кресла с осоловелым видом. — Хотя эта техника и в самом деле может обходиться без людей. — Он вдруг хихикнул.

Кузьма оглянулся на него с подозрением:

— Ты чего?

— Вспомнил старую шутку одного юмориста на этот счёт.

— Что он сказал?

— На заводе завтрашнего дня будут всего два работника — человек и собака.

— Не понял. Ну, человек, ясен пень, нужен...

— Чтобы кормить собаку.

— А собака?

— Чтобы не подпускать человека к оборудованию.

Хасид скрылся за пластиной люка.

Кузьма засмеялся, оценив подтекст шутки. Ходя просто пытался поднять тонус друга. Он вообще в любой компании был своим человеком и мог поддержать любую беседу, весёлую или серьёзную, с распитием спиртных напитков или без оных, хотя сам в рот не брал ни капли — как истинный мусульманин.

Солнцеход содрогнулся.

Кузьма сосредоточился на движении, подключая кресло к операционному полю инка. Теперь он видел лишь огненное горнило со всех сторон, пронизанное вихрями излучений — более светлые волокна — и потоками ионизированного сверхплотного газа — более тёмные волокна. Впрочем, называть эту среду газом не поворачивался язык, хотя солнцеход и в самом деле буравил сейчас смесь водорода и гелия, плотность которой в полсотни раз (в самом ядре — в сотню) превосходила плотность воды.

Скорость движения возросла. «Крот» проглатывал уже почти сто метров в секунду и, по расчётам, мог преодолеть оставшееся до поверхности расстояние всего за восемь суток.

Заворожённый панорамой бушующего огня, Кузьма замер, забыв и о времени, и о себе, и о подстерегающих их опасностях, и о судьбе экспедиции. Он находился внутри адской термоядерной топки, и от размаха стихии, являвшей собой целую микровселенную, захватывало дух!

* * *

Вопреки прогнозам Дэва и ожиданию самих соларнавтов зону лучистого переноса «крот» пересёк без особого напряжения.

Машину трясло, раскачивало, бросало из стороны в сторону, но всё же не так, как в прошлый раз, когда она шла в обратном направлении — к ядру Солнца. Лишь когда солнцеход пересекал тахоклин — относительно тонкий, толщиной всего в два километра, слой плазмы, разделяющий лучистую и конвективную зоны, иными словами — область сдвига (слой конвективного переноса вращался вокруг ядра с другой скоростью, нежели слой лучистого переноса), Дэву пришлось напрячь все свои «мускулы», чтобы удержать солнцеход на траектории возвращения и не сбиться с курса. Однако обошлось.

На пятый день пути «крот» достиг второго обращающего слоя, где термоядерные реакции шли уже неохотно, лишь в редких узлах уплотнений, и до поверхности Солнца, точнее, до его фотосферы, осталось всего сто сорок тысяч километров. Или, иначе, около тридцати пяти часов времени.

Пассажиры теперь почти не покидали отсек управления, в нетерпении ожидая конца пути, и спускались в отсек отдыха лишь по неотложной надобности и для того, чтобы торопливо поесть. Разговаривали мало, но не потому, что надоели друг другу, а в силу того, что понимали друг друга с полуслова.

Впрочем, иногда Ходя ради психологической разгрузки затевал какую-нибудь дискуссию типа той, которая привлекла даже внимание Катерины. Тему дискуссии можно было назвать приблизительно так: «О пользе клаустрофобии для поддержки многовариантной любви при почти полном отсутствии противоположных полов». Что понимал под «многовариантной любовью» сам Хасид Хаджи-Курбан, человек железных моральных устоев, выяснить не удалось, но спорили азартно, особенно Катя, сообразившая, что Ходя имеет в виду их положение: двое мужчин и одна женщина в условиях полной изоляции, и как бы развивались их отношения в случае, если пришлось бы находиться втроём долгое время. Сошлись на том, что, как поётся в песне: «Уйди с дороги, таков закон, третий должен уйти». Иначе какой же ты друг? Применительно к ситуации внутри «крота» «третьим лишним» был Хасид, затеявший дискуссию, он же и уступил в конце концов, дав выговориться спутникам, отношения между которыми уже вполне можно было назвать семейными.

А однажды солнцеход выполз на край удивительного плазменного массива, похожего на снежный склон гигантской горы, и Хасид, остановив машину, тут же вспомнил о своём опыте спортсмена-экстремала.

— Красиво, правда? Вы никогда не спускались с горы на лыжах или на сноубордах?

— И не один раз! — заявили в один голос Кузьма и Катя. — На лыжах.

— Где?

— В Куршевеле, в Альпах, — сказала Катя.

— На Кавказе, — добавил Кузьма.

— Это не то. Я спускался на сноуборде с Эльбруса, — похвастался полковник.

— Первый раз от тебя слышу, — с сомнением проговорил Кузьма. — Когда это было?

— Я был молод, горяч, любил пошалить. Да и сейчас люблю. Хотите, научу вас кататься на досках? Вместе спустимся с Эльбруса.

— Надо ещё добраться до Земли.

— Куда мы денемся?

Катя начала выспрашивать у Хасида подробности спуска, а Кузьма вновь подумал, что Ходя нарочно затевает подобные разговоры, не ради хвастовства, а исключительно ради психологической поддержки друзей. Дружбой такого человека нужно было дорожить.

— Как там Герка? — вспомнил вдруг Ромашин ксенопсихолога, третьего члена их мужской компании, оставшегося на Земле. — Жив ли, здоров?

— А что ему сделается? — пожал плечами Хасид. — Он теперь в надёжных руках контрразведки, сыт, одет, обут и в полной безопасности.

Катя фыркнула.

— Вы думаете, что он уже перешёл из своего института в контрразведку?

— Даже если и не перешёл, то его китаянка всегда найдёт способ проконтролировать, где он, с кем и какая ему угрожает опасность.

Посмеялись и снова дружно увлеклись созерцанием солнечных недр, пытавшихся раздавить, расплавить и испепелить корпус «крота». Но машина, созданная человеческим гением, выдерживала пока все удары огненной стихии.

На седьмые сутки пути с момента старта из замёрзшего ядра Солнца они вошли в кипящий слой фотосферы и впервые увидели над океаном жидкого огня красивую дугу протуберанца.

— Ура! — закричала Катя, хлопая в ладоши.

Мужчины промолчали, не беря на себя ответственность предсказать, что ждёт их впереди.

* * *

Фотосфера и хромосфера Солнца никаких неожиданных сюрпризов не преподнесли, если не считать того, что их температура немного отличалась от той, какую измеряли датчики солнцехода перед погружением в Солнце. Так температура фотосферы оказалась на двести двадцать градусов выше — пять тысяч девятьсот градусов, а температура хромосферы «зашкаливала» за семьдесят тысяч градусов Цельсия вместо прежних шестидесяти тысяч. И всё же, по мнению экипажа вынырнувшего «крота», это были несущественные изменения обстановки, вполне объяснимые воздействием «огнетушителя Дьявола» на физические процессы Солнца.

Чудеса начались чуть позже, когда солнцеход пронзил корону светила и приблизился к Меркурию.

Во-первых, в эфире царило странное молчание! На всех диапазонах связи, как в электромагнитном, так и в «струнном».

Во-вторых, инфраструктура космических поселений в поясе Меркурия отсутствовала! Точнее, если раньше, всего две недели назад, до броска в Солнце, любой космический путешественник мог наблюдать на орбите вокруг светила пояс солнечных батарей и целую систему спутников разного назначения, а на самом Меркурии — гигантские решётки энергозаводов, купола исследовательских станций и обсерваторий, то сейчас ничего этого не было и в помине!

Впрочем, какие-то сооружения в сумеречном поясе Меркурия оптика солнцехода обнаружила, да и в космосе летали какие-то совсем редкие объекты, но такого странного вида, что оторопь брала! А главное, выглядели они так, будто подверглись мощной метеоритной бомбардировке. Одним словом — как развалины!

Дэв по просьбе Кузьмы увеличил изображение одного такого объекта, крутившегося вокруг Меркурия, и соларнавты некоторое время сосредоточенно рассматривали трёхосный эллипсоид,

пронизанный пучком труб длиной в два километра. В явно металлическом корпусе эллипсоида зияли неровные бреши, трубы кое-где выглядели так, словно их пробила шрапнель, и от всего этого непонятного сооружения веяло такой угрюмой обречённостью, что у землян сжимались сердца.

Точно так же выглядели и другие космические объекты, в основном — шары, эллипсоиды и бублики, плюс строения на поверхности Меркурия — купола и всё те же шары из какого-то зеленоватого металла. Назвать их творениями рук человеческих было трудно.

— Ничего не понимаю! — очнулся от созерцания Кузьма. — Куда мы попали? Дэв, это Солнечная система?

Инк с минуту молчал, анализируя поступающие данные, потом доложил:

— С вероятностью ноль восемьдесят семь — это Солнечная система.

— Что значит — с вероятностью ноль восемьдесят семь?

— Количество планет, их орбиты и видимые характеристики ближайших к нам соответствуют моей базе данных. Но есть отличия.

— Какие?

— Масса видимого Меркурия меньше базовой на четыре процента. Масса Венеры больше на шесть с половиной, альбедо — на два порядка меньше. Третья планета не имеет спутника. И так далее.

— Что ты сказал насчёт третьей планеты? Это же наша Земля!

— Формально — да. Однако Луны у неё нет. Зато между орбитами Марса и Юпитера нет пояса астероидов.

— А что есть? — спросил изумлённый Кузьма.

— Ещё одна планета примерно такой же массы, что и Марс.

Сидящие в креслах соларнавты переглянулись.

— Что скажешь? — пробормотал Кузьма, сглатывая ком в горле.

— Война, — ответил Хасид, провожая глазами удаляющийся в колодце виома чужой объект.

— Конкретнее.

— Хронозеркало продержало нас в петле времени много лет и выбросило в будущее. За это время в Системе началась и закончилась война.

— Кого с кем?!

— Человечества с Дьяволом. И, судя по всему, он победил.

— Ерунда! Наблюдатель в таком случае не смог бы с нами контактировать, предупреждать и помогать.

— Почему?

— Потому что его самого не существовало бы! А раз он есть — там, в каком-то далёком будущем, значит, Дьявол нас не победил.

— Предложи свой вариант.

— Это не наша Солнечная система!

— Дэв говорит — наша.

— Он ошибается! Дэв, рисунок созвездий соответствует нашему?

— К сожалению, у меня нет такого рода информации, — ответил инк.

— Мальчики, не спорьте, — тихо сказала присмиревшая Катя. — Рано делать выводы. Давайте осмотримся. Солнцеход, конечно, не спейсер и по «струне» ходить не может, но до Земли дотянет. Слетаем туда, посмотрим...

Кузьма достал пластет минералки, отпил.

— Дэв, линию консорт-связи в Управление.

— Никто не отвечает, сэр, — с сожалением ответил инк. — На всех разрешённых диапазонах — тишина.

— Попробуй другие диапазоны.

— Я принимаю какие-то сигналы в низком «инфра» и сверхвысоком «ультра»-радиодиапазонах. «Струнная» полоса молчит.

— Выведи звук.

— Слушаюсь.

Отсек управления заполнили странные звуки: серии свистов различной тональности, гулкие вздохи, шёпот и шипение, приближающиеся и удаляющиеся визги, бормотание.

— Расшифруй.

— К великому сожалению, моя программа не столь совершенна, как необходимо для дешифровки посланий.

— Ты думаешь, это послания?

— С очень большой степенью вероятности. Прослеживаются повторяющиеся группы импульсов с явно искусственной обработкой сигнала. Ничего похожего на стандартную кодировку, обработка носит не линейно-фазовый, а частотно-энергетический характер, наша связь такую не использует, однако я уверен, что мы слышим чьи-то переговоры.

— Чьи, чёрт побери?!

— Извините, не могу знать.

— Успокойся, — сказал Хасид хладнокровно. — Катя права, надо идти к Земле... к третьей планете, не имеющей спутника. Сразу станет видно, Земля это или нет. Но прежде я посоветовал бы Дэву включить режим «инкогнито».

— Зачем?

— Мало ли кто нам встретится в космосе... или на Земле.

— Вряд ли создатели «крота» предусмотрели режим невидимки. Для похода сквозь Солнце такой режим не нужен. Дэв, ты нас слышишь?

— Я всё понял, сэр, но программы «инкогнито» у меня нет.

— Ты же ТФ-конструктор, — сказал Хасид, обращаясь к Ромашину. — Объясни Дэву, что это такое, он соответствующим образом сориентирует защитные экраны, чтобы нас никто не мог запеленговать и увидеть, вот и получится «инкогнито».

— Попробую, — с сомнением сказал Кузьма. — И всё-таки я не понимаю, что случилось. Если это наша родная Солнечная система...

— В будущем.

— Не верю я в будущее, да и сам ты не веришь. Это не наша техника. — Кузьма кивнул на очередной объект, похожий на железную бочку, пролетающий мимо солнцехода. — Вчерашний день!

— Может быть, мы попали в прошлое? — робко предложила Катя.

Кузьма мотнул головой.

— Я неплохо знаю технику прошлых лет вплоть до двадцатого века. Даже в те времена спутники и ракетные корабли имели не столь примитивную форму. Не удивлюсь, если нас и в самом деле вывернуло в другую планетную систему.

— Так похожую на нашу?

— Космос велик, в нём хватит места и дублям.

— Да я не возражаю, — миролюбиво сказал Хасид. — Может быть, все так и есть на самом деле. Хотя в этом случае вернуться домой будет весьма проблематично. Дэв, держи курс на Зем... на третью планету и врубай форсаж. Кузя, садись к вириалу, поработай с Дэвом в режиме «один-на-один» на предмет создания «шапки-невидимки» для «крота».

— С чего это ты раскомандовался? — агрессивно огрызнулся Кузьма.

— Четвёртый пункт инструкции СРАМ, — веско проговорил Хасид.

— Что ещё за срам какой-то?!

— Аббревиатура слов: «сведение риска к абсолютному минимуму». Как должностное лицо при исполнении обязанностей, то есть как полковник особого отдела СБ, в экстремальных условиях я имею право брать командование на себя.

— Я тоже должностное лицо...

— Но не полковник Службы.

— Опять вы спорите, — вздохнула Катя. — Кузьма, Ходя прав, он имеет право... — Она сбилась и закончила: — У меня есть предложение: давайте причалим к одному из спутников над Меркурием и посмотрим, что у него внутри. Вдруг там остался кто-то живой?

Мужчины посмотрели друг на друга.

Кузьма подмигнул другу:

— Командуй, полковник.

— Дэв, — позвал Хасид, — догони-ка вон ту колымагу с дырами в корме.

В глубине виома засветилась бочкообразная конструкция, орбита которой оказалась недалеко от летящего вокруг Меркурия солнцехода.

— Слушаюсь, сэр, — ответил инк.

* * *

Солнцеход не был приспособлен к маневрам в безвоздушном пространстве и не имел ни десантной мульды, ни причальной автоматики. Тем не менее его пассажирам удалось выбраться из машины наружу в тех скафандрах, которые имелись на её борту, и переправиться на корпус «железной бочки», обвитой самыми настоящими с виду «железными обручами».

В дне бочки и в корпусе зияли две большие пробоины, отсвечивающие фестончатым серебром зазубренных краёв, и через них Кузьма и Хасид проникли внутрь странного сооружения, диаметр которого равнялся ста метрам, а длина достигала четырёхсот.

Оба ждали каких-то сюрпризов, необычных встреч, Кузьма нервно поглядывал по сторонам, Хасид с виду был совершенно спокоен, однако именно он отвечал за безопасность десанта и в разведку шёл, точнее — плыл — первым.

Скафандры, к счастью, имели встроенные «бижо»-системы — комплекты жизнеобеспечения, и к невесомости привыкать не

пришлось. «Бижо» поддерживали для владельцев нормальную и правильно ориентированную — от головы к ногам — гравитацию в любых условиях.

Катя после долгих споров с мужчинами осталась на «корабле». Она, естественно, нервничала, переживала, но бодрилась и советами и вызовами не надоедала.

Как оказалось, на борту солнцехода хранилось оружие, что позволяло экипажу не чувствовать себя беззащитным. Из всего довольно обширного арсенала, доступ к которому им открыл Дэв, мужчины выбрали оружие по вкусу, и теперь Кузьма нёс на плече турель аннигилятора «шукра», а Хасид — «глюк». Мощней были только свингеры — генераторы свёртки пространства в «струну» и бризантные «макеры» — мини-коллапсары с тротиловым эквивалентом в два миллиона мегатонн. Однако для их переноски требовалась специальная платформа или робот-витс, поэтому друзья решили их в разведку не брать.

На полках арсенала обнаружилась и парочка «драконов» — ракетных карабинов, способных пробивать десятиметровой толщины бетонные стены. Кузьма даже примерился к одному, но не взял: карабин существенно снижал маневренность и стеснял движения.

Внутри «бочки» царила темнота. А поскольку лучи нашлемных фонарей не позволяли оценить объёмы и убранство трюма левиафана, Хасид вернулся на борт «крота» за «универсалом», который послужил им ракетницей.

В центре гигантского бочкообразного ангара вспыхнул «кусочек звезды», и стало светло как днём.

Однако ничего особенного разведчики не увидели.

Шпангоуты, напоминающие грудную клетку кита. Рёбра. Колючие ежастые наросты на стенах. Перепонки — все в дырах, с бахромой и рваными краями. И медленно плывущий куда-то реденький поток серебристых изогнутых пластин, похожих на китовый ус.

— Кит, лопни мои глаза! — проговорил Кузьма. — Очень похоже, да?

— Внутри кита я никогда не был, — хладнокровно ответил Хасид. — Но вполне вероятно, что эта штука была когда-то живым существом. Такие спутники ни мы, ни наши предки не запускали.

— Я тоже так думаю! — обрадовался Кузьма.

— Хотя мы можем и ошибаться, — всё так же хладнокровно добавил полковник.

Полюбовались на струю «китового уса», подчинявшуюся каким-то своим законам движения в вакууме в отсутствие гравитации, потом Хасид ловко поймал одну пластину длиной в локоть, узкую и плоскую, повертел в пальцах.

— Не металл.

— Кость?

— Чёрт его знает. Подсунем Дэву, пусть сделает структурный анализ. Делать тут нечего, возвращаемся.

— Если это и в самом деле не спутник... не искусственное сооружение... а живое существо...

— Уже не живое.

— Значит, я прав? Нас занесло... в другую Систему?

— Разберёмся! — твёрдо пообещал Хасид, оставаясь человеком дела, решительным и уверенным, не боящимся брать на себя ответственность за исход дела.

Глава 3

ГРЕХИ НАШИ ТЯЖКИЕ

Ему снилось, что он бежит по длинному коридору, обвивающему центральные отсеки солнцехода, чтобы успеть прыгнуть в кабину метро и перелететь на Землю, но двери кабины закрываются, он ударяется о них всем телом, а в следующий миг солнечная плазма прорывается внутрь машины и...

С криком Герман подхватился на кровати в поту, с бурно колотившимся о рёбра сердцем, не сразу соображая, где находится.

На плечо легла узкая прохладная ладошка, прозвучал знакомый милый голосок:

— Что с тобой, сяньшэн?

Герман зажмурился, потряс головой, посмотрел на встревоженное лицо Юэмей Синь, подсевшей к нему на кровать в наспех накинутом кимоно. По китайскому обычаю они спали отдельно друг от друга, хотя и в одной комнате.

— Тебе приснилось что-то плохое?

Герман криво улыбнулся, опрокинулся навзничь, раскинув руки.

— Солнцеход... и я внутри... нас раздавило...

— У тебя слишком богатое воображение.

Ксенопсихолог кинул взгляд на грудь женщины. Китаянка смущённо запахнула полы кимоно. Однако он медленно, но непреклонно развёл её руки, распахнул полы атласного розового халата и снова залюбовался невысокой упругой грудью никогда не рожавшей женщины. Она замерла, не понимая его порыва. Герман как бы заторможенно погладил вздрогнувшие груди рукой, поцеловал, потом вдруг вспыхнул, загорелся, сбросил с Юэмей кимоно, и уже через минуту они занимались любовью, забыв обо всём на свете, в том числе и о солнцеходе, в котором остались друзья Германа...

Спустя час они искупались в бассейне, позавтракали почти в молчании, поглядывая друг на друга. В глазах Юэмей стоял вопрос, который она никак не решалась задать любимому, и он начал первым:

— Давай сыграем свадьбу, Ю.

Лицо китаянки зарделось, глаза наполнились изумлением.

— Ты... хочешь... узаконить... наши...

— Разве ты против?

— Но я... мне сорок четыре... а тебе...

— Разве это главное? Я люблю тебя. И хочу от тебя ребёнка.

— Ты хочешь... — Юэмей задохнулась, прижала руку к груди. — Гера, я не... повтори...

— Я хочу ребёнка, от тебя, — терпеливо повторил он. — А лучше двух. Один вырастет и станет ксенологом, как я, второй — врачом.

— Почему не контрразведчиком, как я? — невольно улыбнулась женщина.

Герман мотнул головой.

— К тому времени эта специальность станет не нужной никому. Мы уничтожим Дьявола, и человечество заживёт мирной жизнью.

Юэмей снова улыбнулась, покачала головой.

— Ты ещё совсем мальчик, сяньшэн, мечтатель...

Герман легкомысленно пожал плечами.

— Это обстоятельство не мешает мне жить, и работать, и думать о тебе. Так ты согласна?

— А если родятся девочки?

— Тогда они обе станут специалистами в области физики Солнца.

— Почему?

— Потому что это очень интересная область науки.

Юэмей засмеялась.

— Чисто мужской взгляд на вещи. Ты не находишь, что и кроме науки в жизни немало интересного?

Герман тоже рассмеялся, потом стал серьёзным.

— Ты права, дети и без нас решат свою судьбу, а вот Кузя с Катей, Ходя... где-то они сейчас, что с ними? Хочется верить, что они живы.

— Спасатели скоро запустят в Солнце второго «крота».

— Это ещё сколько ждать, пока он стартует, пока нырнёт в Солнце. Доползёт до ядра...

— Другой дороги нет.

— Я знаю. — Герман вздохнул, отодвинул чашку с зелёным чаем. — Хочется, чтобы всё это поскорее закончилось.

Юэмей обошла стол, прижала голову молодого человека к груди, проговорила с нежным сомнением:

— Я хочу того же, сяньшэн. Только не все мечты достижимы.

— А про детей? — пробормотал он, не отодвигая губ от кожи женщины, вдыхая её волнующий запах.

— А про детей мы ещё поговорим.

Юэмей отстранила Германа и превратилась в руководителя сектора контрразведки СБ, решительного, жёсткого и целеустремлённого. Такого, каким ее привыкли видеть коллеги по работе и другие должностные лица.

— Чак, сними с дома блокировку.

— Выполнено, тайтай, — отозвался инк-домовой на китайском языке.

— Новости на консорт-линию.

— Включаю.

— Ты со мной? — Юэмей посмотрела на Германа, одновременно вслушиваясь в то, что ей передавала служба информации УАСС по каналу «спрута».

— Нет, в институт, — ответил ксенопсихолог. — Хочу поработать над одной проблемой.

— Чак, «эшелон» Герману Алнису. — Начальница контрразведки имела в виду вызов группы охраны. Снова обратилась к другу: — Над какой проблемой?

— Почему Дьявол решил уничтожить именно нас, человечество? Почему он не затронул ни Маат, ни Орилоух, ни Дайсон?

— Работай на наших машинах, наш Стратег ничуть не уступает вашему.

Герман виновато шмыгнул носом.

— Я уже привык к своему Умнику, да и база данных ИВКа засекречена, пока от вас достучишься...

— Хорошо, освободишься — позвони, пообедаем вместе.

— Лучше давай поужинаем. Есть ещё одна проблемка, которая меня волнует, не менее интересная. Она связана с первой. Попробую решить и её.

— Конкретно?

— Почему именно к нам обратился Наблюдатель? Тот, из будущего?

— По-моему, это просто. — Юэмей скрылась в спальне, откуда послышался её голос: — Потому что, на мой взгляд, ни одна цивилизация не имеет такого опыта войн, борьбы, разведки и контрразведки, как наша, человеческая. Всё, я побежала, отец моих будущих детей. До встречи.

Она появилась в столовой уже одетая в официальный уник, поцеловала Германа в висок и умчалась. А он остался сидеть за столом в расслабленном состоянии, вовсе не горя желанием куда-то бежать и что-то делать. Поразмышлял над словами китаянки. Почесал в затылке:

— Чёрт побери! Хорошая мысль! Она права! Интересно, кто из нас больше психолог, она или я?

— Конечно, она, сяньшэн, — вежливо ответил домовой, воспринявший сентенцию Алниса за конкретный вопрос.

Герман засмеялся и поплёлся переодеваться, на ходу обдумывая пришедшую в голову идею.

Через час он уже сидел в своём рабочем модуле, запрятанном в недрах Института Внеземных Коммуникаций.

* * *

День пролетел незаметно.

Герман даже удивился, когда рация «спрута», которой он пользовался как внештатный (пока) сотрудник контрразведки, принесла голос Юэмей:

— Господин аналитик, вы не забыли, что мы встречаемся в девятнадцать часов по среднесолнечному в Москве?

Герман подскочил как ужаленный, сорвал с головы эмкан[1]:

— Господи, Ю, прости! Сейчас же всё бросаю...

---

[1] Эмкан — устройство индивидуальной связи с инком (интеллект-компьютером).

— Не торопись, планы меняются. — В голосе китаянки послышались холодные нотки.

— Я понял, исправлюсь, буду где скажешь, сделаю как скажешь...

Голосок Юэмей Синь потеплел: она явно улыбалась сейчас.

— Естественно, тебе придётся просить прощения. Но у нас недобрые новости, поэтому встречаемся не в ресторане, а дома у Владилена Реброва, через час. Доберёшься?

— Без проблем.

— Тогда до встречи.

Связь прервалась.

Алнис, удивлённый и встревоженный, посидел за рабочим столом, размышляя над словами «у нас недобрые новости», потом побежал в туалетную комнату и принял душ. Через сорок минут он уже выходил из метро Южно-Сахалинска в сопровождении витса охраны, привыкнув к своему положению «особо важной персоны», которую надо охранять денно и нощно.

Владилен Ребров, нынешний комиссар Службы безопасности УАСС, жил на Сахалине, в собственном бунгало. Станции метро этот старинный дом, выстроенный ещё в прошлом веке в стиле древнерусского терема, не имел, да она была и не нужна владельцу, в любую секунду имеющему возможность воспользоваться тайфом. Однако гостям приходилось добираться до усадьбы Ребровых на обычном воздушном транспорте. Чем Герман и воспользовался. Он взял двухместное такси-пинасс, которое и доставило его в нужную точку острова за четверть часа.

Не будучи специалистом в области наблюдения за противником, ксенопсихолог не заметил, что за их жёлтым пинассом следует машина посерьёзней — бело-синий куттер с эмблемой МЧС. Это работал «эшелон» прикрытия «важной персоны», прикреплённый к Алнису по приказу руководства СБ.

Май на Сахалине — время пышного цветения багульника и других кустарниковых при почти полном отсутствии молодой травы, и контраст серо-буро-жёлтых склонов сопок с яркими белыми и розовыми полосами цветущих кустов создавал необычный эстетический эффект.

Здесь уже было утро, в отличие от европейской части материка, откуда прибыл Герман. Поэтому ужин с Юэмей теперь превращался в завтрак.

Полюбовавшись на остров, пролив, морскую гладь и сопки с высоты, он вызвал китаянку и выяснил, что его уже ждут.

Пинасс опустился на лужайку напротив дома Реброва, поджидавший Алниса молодой человек в строгом синем костюме (витс, разумеется) отступил в сторону, повёл рукой:

— Проходите, пожалуйста.

С любопытством озираясь — у комиссара Федеральной Службы безопасности он ещё ни разу не был, — Герман последовал за молодым человеком.

В холле его встретила Юэмей, похожая в обтягивающем её фигурку унике на девчонку.

— Как настроение?

— Нормально, — расплылся в улыбке Герман, вспоминая о теме своей работы, и похвастался: — Я, кажется, разгадал замысел Дьявола.

— Прекрасно, — усмехнулась главная контрразведчица Земной Федерации. — Сейчас и расскажешь всем о своём решении.

Герман почувствовал скрытую озабоченность Юэмей, перестал улыбаться.

— Что случилось? Ты говорила — у нас неприятности...

— Сейчас всё узнаешь, идём.

Они поднялись на второй этаж дома, вошли в просторную гостиную Ребровых, отделанную под старину: дерево, мебель в стиле ретро, резные панно, витейры, похожие на окна в иные миры, коллекция старинной утвари, подсвечники из бронзы, волейбольная сетка вдоль одной из стен и летающий у потолка волейбольный мяч — атрибуты тех времён, когда отец Владилена Май Ребров был волейбольным тренером сборной команды Русских Равнин, за которую когда-то выступал дед Кузьмы Филипп Ромашин.

В зале у одного из витейров — объёмных цветных голографий — с изображением меркурианского пейзажа стояла группа мужчин и женщин. Герман поздоровался. На вошедшую пару обратили внимание, ответили на приветствие. Среди гостей Реброва находились оба старших Ромашина, Филипп и Игнат, Станислав Томах, бывший премьер-министр Правительства и средних лет мужчина с тяжёлым мрачноватым лицом, одетый в обычный серый уник без знаков отличия. Женщин было двое: Дениз, жена Игната и мать Кузьмы, и совсем молодая особа в ярком наряде, с пышной причёской, красивая, с великолепно развитой фигурой гимнастки.

— Знакомьтесь, — сказала Юэмей Синь. — Герман Алнис,

ксенолог, ведущий специалист Института Внеземных Коммуникаций, нештатный сотрудник Федеральной контрразведки.

Герман неловко поклонился.

— Ты почти всех знаешь, — сказал Владилен Ребров, очень похожий на своего отца в молодости. — Кроме Саши (девушка-«гимнастка» кивнула, оценивающе разглядывая Алниса) и Ивана (мужчина с лицом гладиатора тоже кивнул). Они работают на СВР. Прошу за стол, сударь и сударыни. Времени у нас мало.

Герман хотел спросить: что такое СВР? — но не решился.

Все без суеты заняли места за овальным столом из тёмного от времени дуба.

Герман поёрзал на твёрдом деревянном кресле: оно и в самом деле было сделано из дерева, но сидеть это не мешало.

Бесшумная витс-прислуга выяснила, кто что будет пить, быстро расставила чайные и кофейные приборы, исчезла. Но начинать завтрак никто не торопился. Владилен поговорил с кем-то неслышно, оглядел гостей.

— Начнём, пожалуй. Пейте и слушайте. Многие из вас уже в курсе событий, для тех же, кто не в курсе, я дам короткую справку. Произошло то, чего мы и опасались. Мы не успели задавить в Системе всю агентуру Дьявола, занимаясь более важными делами спасения Солнца и, по сути, всей цивилизации. Она первой перешла в наступление. Премьером два часа назад избран бывший заместитель председателя СЭКОНа Рюйтель. Он был в нашем списке подозреваемых в сотрудничестве с Дьяволом кандидатурой номер два. Увы, он теперь у власти и сделает всё, чтобы ему никто не смог помешать. Кроме того, решением Совета безопасности ВКС отстранены от исполнения обязанностей все здесь присутствующие.

Герман изумлённо глянул на сидящую рядом Юэмей, ответившую ему понимающей полуулыбкой.

— Таким образом, — продолжал негромко Ребров, — мы все по сути превратились в изгоев и не можем влиять на события в мире, которые естественно станут развиваться по сценарию, разработанному в стане врага.

— Час назад были освобождены из тюрьмы в Игуанамо, — добавил роскошным басом мрачнолицый «гладиатор» Иван, — оба Мехти и Гарри Ширер.

Ребров кивнул.

— Понимаете, чем это нам грозит?

Никто ему не ответил.

Комиссар взял стакан с искрящейся сомой, отпил.

— Однако мы никуда не уходим, как вы понимаете. Просто переходим на иной режим работы. К делу подключается СВР, о существовании которой Правительство не осведомлено. Кроме пары-тройки человек в СБ и ВКС. В связи с создавшимся положением всем нам придётся какое-то время скрываться, изменить привычки, образ жизни, а если понадобится, — Ребров помолчал, взвешивая слова, — то и внешность. Уверен, атака на всех, кто может помешать замыслу Дьявола, не за горами.

Герман открыл рот, собираясь задать вопрос, но встретил предупреждающий взгляд Юэмей и передумал.

— Ты что-то хотел сказать? — заметил его движение Ребров.

— Д-да... н-нет...

— Смелей, Гера, — тихо сказала Дениз, знавшая Алниса много лет как друга Кузьмы.

— Он пытался обосновать интерес Дьявола к человечеству, — пояснила Юэмей. — По-моему, у него есть решение.

— Так-так. Что за решение?

Герман засмеялся.

— Я ещё не вполне уверен... мне кажется... хотя могу доказать... что цель Наблюдателя, пытавшегося нас предупредить, кроется в сохранении единственной гуманоидной цивилизации в Галактике. То есть нашей, земной. Ну, а цель Дьявола, соответственно, её уничтожить.

Некоторое время все молчали, разглядывая молодого учёного. Потом «гладиатор» Иван посмотрел на Реброва:

— Нам эта информация пригодится?

— Боюсь, что да, — сказал бывший комиссар безопасности. — У тебя всё?

— Что такое СВР? — неожиданно для себя самого спросил Герман.

Ребров остался невозмутим:

— Служба внутренних расследований. Иван Славин руководит ею. Саша де Лорм разрабатывает необходимые режимы. Нам всем придётся соблюдать все её рекомендации. Ты готов стать членом команды?

Герман, не ожидавший такого предложения, косо глянул на Юэмей Синь, в свою очередь ободряюще улыбнувшейся ему, выпрямился:

— Готов!

— Ну и отлично! Теперь давайте займёмся конкретикой. Контр-

разведка установила, где в настоящий момент находится Ян Лапарра. Его прячут в бункере, принадлежащем американской военной базе Гуантанамо. Пора освободить патриарха, а заодно показать всей этой своре холуёв Дьявола, что мы живы, готовы к беспощадной войне с ними и не остановимся на полпути. Саша, доложи нам о разработке операции.

Блондинка с роскошным телом гимнастки гибко выскользнула из-за стола, воткнула флэш-иголку в «кактус» вириала домашнего инка, и компьютер послушно развернул виом, отразивший схему операции и видеоснимки места действия.

Герман и Юэмей вернулись домой (китаянка жила не в Китае, в отличие от своих ближайших родственников, а в Эквадоре) поздно вечером — по времени Эквадора. Их сопровождала одна бригада «эшелона», выделенная уже не в официальном порядке с разрешения руководства УАСС, а с ведома службы СВР. Впрочем, на качестве сопровождения это обстоятельство никак не сказалось, парни охраны знали своё дело и вели подопечных с безупречной тактичностью.

— Так я и не успел стать штатным сотрудником контрразведки, — сказал Герман с улыбкой, когда влюблённая пара уединилась в доме Юэмей.

— Это хорошо, — серьёзно ответила китаянка. — Ты не проходишь ни по одному нашему документу как сотрудник СБ, поэтому никто искать тебя как носителя тайн службы не станет. Но, боюсь, агенты Дьявола рано или поздно узнают о твоей деятельности в ИВКе на благо Службы и попытаются убрать.

— Я же ничего особенного не сделал.

— Ты правильно разобрался в ситуации с хронозеркалами и помог нам справиться с первой атакой Дьявола. Вряд ли он это забудет. Тебе не нужно ходить на работу в институт.

— Но меня тогда уволят...

— Возьми отпуск, мы сочиним тебе болезнь и отправим на лечение за пределы Системы.

Герман невольно улыбнулся.

— Я же захандрю без ежедневной порции ксенопсихологии.

— Без работы не останешься, обещаю. Нам еще разбираться и разбираться в психологии Дьявола и его подручных. В СВР есть свои мощные инк-системы, Стратеги и Умники, с ними и будешь контактировать.

— Без базы данных ИВКа я не смогу развернуть проблему.

— Линию связи с базой данных института мы тебе устроим.

— Тогда я не возражаю.

Юэмей устало сняла уник, не стесняясь откровенного взгляда Германа, и он шагнул к ней, разом отбрасывая все сомнения и мысли...

* * *

Смена руководства силовых структур Земной Федерации резко изменила приоритеты спецслужб. Им было предложено «повернуться лицом к простому народу» и заботиться о каждом человеке, а не только о «важных персонах», обеспечивая безопасность личности и достойный уровень жизни. Были отменены многие программы, направленные на заботу об экологии Солнечной системы, на борьбу с тёмными силами и на соблюдение законов и моральных принципов «божественной этики». С Дьяволом теперь надо было не воевать, а договариваться с целью «уважения его прав», воспитывать толерантность к негуманоидным формам жизни и готовиться уступить ему часть свободных планетных территорий, если он захочет обосноваться в Системе.

Однако самым печальным следствием столь радикальной смены политики в отношении Дьявола — толком никто не знал, кто это и как выглядит, из какого «измерения» он высунулся, — стало уголовное преследование бывших руководителей спецслужб, без предъявления им обвинений и без соблюдения процессуальных юридических норм. Мало того, на Земле возникла некая странная организация, назвавшая себя «Мучениками службы безопасности», якобы пострадавшими от деятельности Федеральной СБ и Управления аварийно-спасательной службы в целом. Своей задачей «мученики» поставили ликвидацию бывших сотрудников безопасности и начали с главных действующих лиц — бывшего директора УАСС Филиппа Ромашина и бывшего комиссара Федеральной Службы безопасности Владилена Реброва.

Однако «мученикам» дали неожиданный отпор, в результате которого они потеряли несколько боевиков, и «восстановители справедливости» вынуждены были умерить свой пыл.

Естественно, средства массовой информации подняли по этому поводу дружный вой, перевернули всё с ног на голову, обвинили Ромашина и Реброва во всех смертных грехах и задурили головы обывателям до такой степени, что люди поверили в сказку об «истинных носителях Зла, являющихся эмиссарами Дьявола».

Семьи Ромашиных вынуждены были перейти на крипто-режим жизни, сменить место жительства и не показываться на людях.

Ребров от этого образа жизни отказался, сделал заявление по каналу Всемирных новостей, что не считает себя виноватым ни по одному пункту обвинений и будет жёстко пресекать все попытки давления на него лично и на его соратников.

Его поддержал новый глава УАСС Ги де Лорм (мало кто знал, что дочь де Лорма является руководителем особого отдела СВР), и на какое-то время преследователи бывших безопасников приутихли. Хотя уже было известно, что возглавляет отряд «мучеников» сын бывшего министра безопасности Оскар Мехти, человек злопамятный, агрессивный и, по слухам, добровольно служивший агентом Дьявола. Но освободили его как героя, едва не погибшего во время похода в недра Солнца «ради спасения человечества» — нейтрализации «огнетушителя Дьявола». Об истинных героях операции — Кузьме Ромашине, Хасиде Хаджи-Курбане, Кате Лапарре и водителях солнцехода в официальных хрониках даже не упоминалось.

Как и предсказывал Ребров, события в Солнечной системе начали развиваться по плану Дьявола, хотя для работников секретной службы СВР это не стало неожиданностью. Не помешали им добровольные, а также и невольные пособники Дьявола развернуть в полном объёме и свои порядки, что позволило предугадать многие действия противника и сработать на опережение.

А в понедельник тринадцатого мая на бывшую военную базу Старых Штатов Америки на острове Гуантанамо было совершено дерзкое нападение неизвестных, в результате которого был освобождён бывший эксперт УАСС Ян Лапарра. Произошло это следующим образом.

Базу — сорок два металлических ангара, подземные бункера для ракет (давно утилизированных) и прочего оружия, энергостанция, подсобное хозяйство, сеть камер наблюдения, двадцать пять гектаров каменистой почвы, изгороди из колючей проволоки, сорок вышек с прожекторами, комплекс радиосвязи — охранял батальон морских пехотинцев США. О том, что в одном из бункеров, имеющих выход в современное метро, содержится пленник, охрана, естественно, не знала. Поэтому служба здесь казалась контингенту лёгкой и необременительной, тем более что пехота ни за что не отвечала. Да и охрана древней базы явля-

лась скорее данью традиции, направленной больше на воспитание молодых парней в духе «приверженности моральным устоям и ценностям свободного общества».

Тринадцатого мая командир базы полковник Джон Малхолм получил по консорт-линии приказ министра обороны США подготовить вверенный ему объект к ревизии. Для этого на остров откомандировывался полномочный представитель министерства адмирал Свен Фишер в сопровождении группы спецназа.

Джон Малхолм, никогда прежде не слышавший ни о каких ревизиях, тем не менее приказ начальства выполнил и лично встретил адмирала-проверяющего, мрачнолицего мужчину с ёжиком блестящих красных волос, одетого в черно-сине-серебристый уник официала Военно-морских сил США. Проверяющего сопровождали четверо таких же угрюмых парней в форме морского спецназа США; эту форму не меняли уже больше трёхсот лет. Они были вооружены «универсалами» и кортиками на поясах.

— Для чего вы это делаете? — полюбопытствовал командир базы, недоумевая по поводу визита. — Оружие у нас давно вывезено...

— База будет трансформирована в павильон кинокомпании «Раша бразерс», — веско ответил адмирал. — Через неделю начнётся вывод военного контингента и вывоз имущества. Мы должны осмотреть все объекты базы, чтобы ничего не забыть. Задача ясна?

— Так точно! — вытянулся полковник, озадаченный перспективой.

— Начнём с подземного хозяйства, — продолжал проверяющий. — Показывайте все казематы, доки, бункера, оружейные палаты, складские помещения.

— Но я не уполномочен... — заикнулся Малхолм.

— Вот карт-бланш. — Свен Фишер небрежно сунул полковнику кругляш особых полномочий, высветивший в воздухе объёмную фигуру «разрешения высшей степени доступа», которым пользовались только спецпредставители военно-морского командования США.

— Слушаюсь, — кинул два пальца к козырьку Малхолм. — Лучше всего начать осмотр с южного крыла базы.

— Начнём с центра, — сухо отрезал Фишер.

— Как скажете, — пробормотал сбитый с толку полковник.

Группу проверяющих, к которой присоединился ещё один

офицер в сопровождении киба (универсальный инструментарий в форме блестящей полусферы с десятком глазков на антиграве), повели к центральному зданию штаба базы. Полковник сослался на занятость и оставил комиссию у лифта, который опустил всех на уровень подземных сооружений базы.

В ухе адмирала проклюнулся бестелесный голос спецсвязи «спрута»:

— Он побежал советоваться с командованием.

«Всё под контролем, — ответил адмирал абоненту, не разжимая губ. — Мы успеем».

Лифт выгрузил отряд в широком тоннеле с проложенными по дну рельсами древней железной дороги. Дорогой этой давно не пользовались по прямому назначению, но рельсы не сняли.

Появился запыхавшийся крупногабаритный негр в сопровождении двух «чёрно-синих беретов» охраны, козырнул:

— Майор Кессиди. Я в вашем распоряжении, господин адмирал. Сейчас подадут транспорт.

В тоннеле загорелись прожектора, освещая бетонный пол, бетонные стены, стальные щиты, закрывающие входы в бункеры, и чёрные дыры боковых коридоров. На стенах высветились стрелки и транспаранты, указывающие направления: сплошные цифры и символы.

— Сюда, — ткнул пальцем Свен Фишер в красный транспарант возле ближайших ворот, металлических, наглухо закрытых, без единого отверстия или какого-то замка.

— Э-э, господин адмирал, — замялся Кессиди, — это особая зона. Там находится... э-э... находится...

— Откройте!

— Я не имею доступа...

— Мы имеем право вскрывать любое помещение! Доложите командиру, немедленно!

Вспотевший негр подвинул ко рту бусинку рации, связался с Малхолмом:

— Господин полковник, они хотят осмотреть шерифат...

— Я доложил наверх, всё в порядке, — ответил командир базы. — У них особые полномочия.

— Но я буду вынужден... сообщить... нашим инвесторам...

— Это ваше право, майор.

Кессиди бледно улыбнулся инспектору:

— Прошу прощения, господин адмирал, данный бункер при-

надлежит особому подразделению базы, доступ к нему нам не разрешён.

— Я полномочный представитель министра...

— Увы, этого мало, — развёл руками майор. — Необходимо согласовать ваше присутствие здесь с департаментом охраны высшего офицерского состава...

— Приступайте, — кивнул адмирал подчинённым, не дослушав майора.

В то же мгновение офицер, управляющий кибом, выстрелил в негра из парализатора. Кессиди потерял сознание и осел на бетонный пол тоннеля. Та же участь постигла и двух «чёрно-синих беретов», схватившихся за оружие.

Полусферу киба развернули к металлическим воротам бункера, отступили назад, к лифту.

Киб выстрелил из неймса — нейтрализатора межатомных связей, в луче которого любое материальное тело распадалось на атомы.

Невидимый пучок энергии вонзился в ворота, и те превратились в облако мгновенно тающих острых игл.

Под сводами тоннеля закурлыкал сигнал тревоги.

В воротах образовалось неровное овальное отверстие высотой в два и шириной в полтора метра. Хмурые спецназовцы адмирала нырнули в отверстие. Он последовал за ними, бросив офицеру с кибом:

— Задержи их на три минуты и уходи.

В бункере, куда проникла молчаливая «ревизионная» команда, вспыхнул неяркий оранжевый свет. Бункер оказался круглым, с грубо обработанными каменными стенами, в которых виднелись прямоугольники металлических дверей. Посреди бункера торчала кристаллическая глыба — кабина метро, рядом — многорукая статуя контролёра режима. Её тут же расстреляли из «универсалов». Бросились к дверям, не имеющим видимых запорных устройств. Очевидно, двери открывались по команде с монитора охраны.

Однако ворвавшиеся внутрь парни не стали тратить время на знакомство с линиями управления замками. Они расстреляли двери одну за другой, заглянули в каждую открывшуюся комнату — это были самые настоящие камеры для изоляции людей — и вынесли из одной такой камеры тело человека в сером балахоне, исхудавшего до скелетообразного состояния, бритоголового, с закрытыми глазами.

— Жив? — крутанул желваки на щеках «адмирал Свен Фишер».

— Дышит, — ответили ему.

— Уходим!

В тоннеле началась стрельба: офицер, прикрывающий отход группы, и киб, запрограммированный соответствующим образом, отреагировали на прибытие охраны базы.

Отряд «проверяющих» в перестрелку ввязываться не стал. Тайфы послушно унесли их из бункера в систему метро, и тюремный шерифат опустел.

Посопротивлявшись несколько минут после этого, киб самоликвидировался.

Ворвавшиеся в бункер «чёрно-синие береты» молча разглядывали пробитые двери и пустые камеры, в одной из которых еще недавно находился важный пленник.

Глава 4

АУ-У!

Дэв прекрасно понял объяснения Кузьмы — как из «подручных средств» соорудить «шапку-невидимку» для солнцехода.

Спустя два часа после стыковки с бочкообразным спутником Меркурия, запущенным неизвестно кем и неизвестно с какой целью, инк солнцехода создал такую суперпозицию защитных полей, которая почти стопроцентно поглощала любое излучение (для похода в недра Солнца требования к защите были диаметрально противоположными), и «крот» скрылся от взоров всех возможных наблюдателей за «накидкой» режима «инкогнито». После этого Кузьма скомандовал Дэву взять направление на третью планету системы, которую они между собой продолжали называть Землёй.

По-прежнему не было никакой ясности, куда их выбросил взбесившийся «огнетушитель Дьявола». Рисунок созвездий отличался от известного, хотя кое-какие из них и казались знакомыми. А Дэв действительно не имел необходимых данных для сравнения рисунка с картой неба Солнечной системы. Для «бурения» солнечных недр эта информация ему была не нужна. Создатели «крота» и не закачали её в память инка.

Спор же о том, где они находятся: в будущем, в прошлом

(идея Кати) или в другой звёздной системе, прекратился, как только солнцеход набрал скорость и устремился прочь от Меркурия и от грозного светила с его красивыми фонтанами жидкого огня и света. Буквально через несколько минут вектор движения «крота» пересёк ещё один неизвестный объект — дынеобразной формы, утыканный колючками, пробитый насквозь каким-то чудовищным выстрелом, и пассажиры солнцехода молча проводили его красноречивыми взглядами. Ни на одно творение рук человеческих эта «дыня» длиной в шесть километров не походила.

Конечно, солнцеход не предназначался для полётов по «чистому» космосу с релятивистскими скоростями. Тем не менее эта машина имела мощный двигатель, способный проталкивать её сквозь раскалённую сверхплотную плазму солнечных недр, и при отсутствии сопротивления «крот» мог двигаться гораздо быстрее. Когда он помчался вперёд со скоростью около двадцати тысяч километров в секунду, пассажиры повеселели. Теперь, чтобы достичь ближайших планет, им не нужно было томиться взаперти месяцы и годы. По расчётам Дэва, до Земли (слабенькая система ориентации солнцехода всё же позволяла ему обнаруживать планеты) им предстояло лететь всего два-три часа.

— Мимо Венеры мы не будем пролетать? — обратился Кузьма ко всем сразу.

Ответил только инк:

— Если вы имеете в виду вторую планету системы, то она в данный момент находится вне вектора нашего движения.

— Зачем тебе Венера? — спросил Катя.

— Можно было бы сравнить, та это Венера или не та, которую мы знаем.

— Резон, — согласился Хасид.

— Дэв, далеко до Венеры? Может, пройдём мимо?

— Как прикажете, сэр. По моим данным, расстояние до этой планеты не превышает тридцати пяти миллионов километров.

— Полчаса пути, — быстро прикинул Кузьма. — Летим?

— Ну, если ты так хочешь... — сдалась Катя.

— Дело не в том, хочу я или нет. Должны же мы определиться?

— Дэв, поворачивай к Венере, — скомандовал Хасид.

— Слушаюсь, командир, — вежливо ответил инк.

Пассажиры ничего не почувствовали, хотя по перемещению звёздного узора в виоме было видно, что солнцеход изменил курс.

Полчаса в рубке управления было тихо.

Всё так же солнцеход обнимала пустота, всё так же сияли

далёкие звёзды, пересекала «небо» сверкающая полоса Млечного Пути и плавился сам в себе постепенно удаляющийся шар Солнца.

Впереди из сонма более мелких искр выделилась звёздочка покрупнее, стала расти. Через несколько минут она превратилась в опаловую каплю, в теннисный мячик, затем в пушистый воздушный шарик всех оттенков жёлтого и оранжевого цвета.

Дэв притормозил корабль, чтобы он не пролетел мимо за несколько секунд, и пассажиры с недоумением принялись рассматривать стремительно растущую глыбу планеты.

На известную всем Венеру она походила мало.

Во-первых, у планеты напрочь отсутствовал облачный слой.

Во-вторых, наличествовало весьма заметное газо-пылевое кольцо, в которое были погружены и вращались вместе с ним какие-то угловатые тела, похожие одновременно на каменные обломки и искусственные сооружения.

В-третьих, поверхность лже-Венеры была покрыта морями и озёрами расплавленного вещества, предположительно — серы с добавками каких-то легкоплавких веществ, и всю её усеивали многочисленные вулканы.

— Дэв, увеличение! — приказал Хасид, заметив движение на одном из плоскогорий планеты.

Инк послушно вырезал в общем виоме окно дальновидения, и экипаж увидел круглую дыру на плато, окружённую кольцом сверкающих ферм явно искусственного происхождения. Из дыры то появлялся дымок, то исчезал, а иногда вдруг просверкивал округлый бок какого-то механизма.

— Шахта! — прошептала Катя.

— Надо спуститься туда! — очнулся Кузьма.

— Зачем?

— Ну, выясним, что это за шахта, кому принадлежит...

Из дыры снова высунулся механизм, стал вытягиваться в высоту, одновременно раскрывая множество члеников, пока не превратился в гигантскую гусеницу, бросившуюся с обрыва плато в ближайший серный «водоём».

— Ты с этим владельцем шахты хотел познакомиться? — хладнокровно спросил Хасид.

— Это машина...

— Возможно. А если нет?

— Всё равно нам необходимо с кем-нибудь поговорить...

— Но не с такими «гусеницами», я полагаю. Её длина — два километра!

— Вон ещё! — воскликнула Катя. — Левее!

Дэв вырезал ещё одно окно дальновидения, и люди увидели нечто вроде ажурной клешни, то всплывающей, то погружающейся в море расплавленной серы.

— Жизнь, однако, — хмыкнул Хасид. — Симпатичные тут насекомые живут. Но это не Венера.

— Сам понял. Хотя, если принять концепцию Катерины...

— Всё-таки прошлое?

— Да.

— Что-то я не припомню в истории Венеры период, когда она была такая... жидкая.

— Все планеты системы были когда-то жидкими.

— Миллиарды лет назад.

— Значит, нас и вывернуло в прошлое на миллиарды лет назад.

— Но везде видны следы войны. Неужели и миллиарды лет назад в Системе были цивилизации, затеявшие между собой разборки?

— Чему ты удивляешься? Если мы, потомки Предтеч, всю жизнь воюем, то почему они, Предтечи, должны отличаться от нас? Не они у нас переняли всю генетическую базу с «военными» генами, а мы у них.

— Не уверен...

— Опять вы спорите, — рассердилась Катя. — Давно известно, что человек — это величайшая скотина, наделённая умом. Так что нечего пенять на зеркало, то есть на предков. Кстати, мы до сих пор не знаем, чьи мы потомки.

— Может быть, вы и не знаете, — буркнул Кузьма, — а лично мой род идёт от богов.

— А наш, значит, от обезьян? — осведомился Хасид.

— Я этого не утверждаю.

— Ромашин! — сдвинула брови Катя.

— Что Ромашин? — огрызнулся молодой человек. — Он первым начал. Будем садиться на Венеру?

— Не вижу смысла, — пожал плечами Хасид.

— Я тоже не горю желанием, — согласилась с ним Катя. — Жизнь там есть, мы это видим, но... — она замялась, — чужая, непонятная. Не наша. А главное, людей не видать.

— Тогда продолжаем путь. Дэв, шпарь к Земле.

— Слушаюсь, сэр, — ответил инк, не став уточнять смысл слова «шпарь».

Солнцеход устремился прочь от планеты, почти сплошь покрытой морями расплавленной серы, омывающими раскалённые до багрового свечения скалы и плоскогорья, плато, вулканы и затвердевшие чёрно-коричневые купола тугоплавких пород с дымящимися кратерами на вершинах. Возможно, это были жерла недавно потухших вулканов, а возможно — следы метеоритной бомбардировки. Или войны.

Кузьма склонялся именно к последнему выводу, но делиться им со спутниками не стал.

Венера затерялась на фоне звёздных россыпей, окружённая кольцом пыли, газа и мелкого щебня, которого у неё не должно было быть.

Пассажиры «крота» притихли, переживая неуютное чувство потерянности и забытости. Казалось, само пространство Солнечной системы смотрит на них с неудовольствием и подозрением, как на пришельцев, подготавливая какие-то пакости и неприятные сюрпризы.

— Предлагаю позавтракать, — сказал Хасид. — До Земли лететь не меньше трёх часов, ещё и отдохнуть успеем.

— Правильно, чего тут зря торчать, — выпорхнула из кресла Катя. — Потом будет не до отдыха.

— Я здесь посижу, подежурю, — мрачно сказал Кузьма. — Соку мне принесите.

Катя и Хасид переглянулись.

— Пусть подежурит, — сказал полковник. — Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не писалось.

— Ой-ой-ой! — скорчил рожу Кузьма. — Съюморил!

Хасид и Катя засмеялись, исчезли.

Кузьма устроился в кокон-кресле поудобней и принялся «гонять» комплекс наблюдения Дэва по всей Системе, искать знакомые планеты и базовые искусственные сооружения землян, вынесенные в космос и во многом формирующие инфраструктуру космической «усадьбы» человечества.

Дэв порылся в своей памяти, обнаружил кое-какие «залежи» полезных сведений и с их помощью начал поиск. Вскоре были найдены на своих орбитах Марс, Юпитер, Сатурн и Нептун, что косвенно подтверждало принадлежность этих планет к «родной» Солнечной системе. Однако нашлись и отличия.

Пояса астероидов между орбитами Марса и Юпитера не бы-

ло, о чём уже докладывал инк солнцехода. Вместо него по орбите мчалась планета размером с земную Луну. Стандартная система дальновидения «крота» не позволяла ему разглядеть эту планету в деталях, но всё же кое-какие параметры удалось определить.

Планета имела приличную массу, атмосферу, температура которой оказалась неожиданной высокой — до двухсот градусов Цельсия, а кроме того, она излучала в инфракрасном и радиодиапазонах как маленькая звезда типа коричневого карлика, а не как планета.

— Фаэтон... — пробормотал Кузьма, вспомнив земную легенду о планете, неосторожно приблизившейся к гиганту Юпитеру и разорванной приливными силами (в результате чего и образовался пояс астероидов)[1].

— Что? — отозвался инк.

— Это не наша Система... В нашей не было коричневого карлика за орбитой Марса.

— Не имею возможности ни возразить, ни подтвердить.

— Сколько спутников ты насчитал у Юпитера?

— Двадцать восемь.

— Их должно быть не меньше двух сотен.

— Мои системы наблюдения не предназначены для ориентации в пространстве.

— Да знаю, не оправдывайся. Из тех спутников, что ты обнаружил, есть близкие по параметрам самым крупным? Я имею в виду Галилеевы спутники[2].

— Так точно, сэр, все четыре спутника идентичны тем, сведения о которых имеются в моей памяти. Хотя есть и мелкие отличия.

— Какие?

— Все четыре имеют атмосферу. В моей же базе данных атмосферу, очень разреженную, имеют только Ио и Европа. Кстати, альбедо последней также не соответствует моим данным. Оно на порядок меньше.

— Европа покрыта льдом...

---

[1] По последним научным данным, пояс астероидов между орбитами Марса и Юпитера представляет собой «строительный мусор» — поток вещества, не слипшегося в планету во времена зарождения Солнечной системы.

[2] Ио, Европа, Ганимед и Каллисто обнаружены ещё Галилеем в XVII веке.

— Похоже, эта Европа покрыта океаном.

— Значит, права Катя.

— Не понял, извините.

— Мы всё-таки попали в глубокое прошлое Солнечной системы. Насколько я знаю историю астрономии, сотни миллионов лет назад Европа не была подо льдом, её покрывал океан.

Инк промолчал, не имея аргументов для продолжения дискуссии.

— Хорошо, что ещё?

— Я не вижу Урана и Плутона. Хотя, возможно, мой видеокомплекс их просто не может определить на таком расстоянии.

— Между орбитами Земли и Венеры расположена верфь, где выращиваются спейс-машины для всего нашего космофлота.

— Не вижу.

— А обсерватории над плоскостью эклиптики? Космические поселения с хиларитами[1]? Заводы по производству МК-батарей? Большой Телескоп?

— Не вижу.

— Великий Дробитель? — вспомнил Кузьма о гигантском адронном коллайдере, кольцо которого было сооружено над плоскостью эклиптики, подальше от обитаемой зоны космоса.

— Некий объект на этом месте в наличии, но это не Великий Дробитель.

— А что?

— Посмотрите.

В окне дальновидения выросла необычная конструкция: три гигантских «стрекозиных крыла» на ажурном «банане». Вокруг всей конструкции вилась свёрнутая в спираль прозрачная труба, внутри которой пульсировало голубоватое сияние.

— Что это за бандура?!

— Не знаю, — виновато ответил Дэв. — Я не могу идентифицировать данный объект. Длина конструкции — сорок семь километров, высота «парусов» — семнадцать, диаметр трубы — сто шесть метров.

— Прямо-таки парусник... дырявый... Шхуна, что ли?

— Вам виднее, сэр.

— Покажи Землю.

В растворе виома вспыхнуло перекрестье визира, плавно переместилось вниз, накрыв крупную голубую звезду. Вокруг звез-

[1] Хиларитты — башни удовольствий.

ды обозначилось световое колечко, и звезда скачком превратилась в пушистый серо-голубой, с зелёными крапинками, шарик. Издали планета действительно походила на Землю, хотя и без «вечного» своего спутника — Луны.

— Сколько нам ещё тащиться?

— Один час тридцать семь минут.

— Попробуй увеличить скорость.

— Форсирование силовой установки не предусмотрено.

— Дай мне схему твоей энергосистемы, попробую выстроить необходимые режимы.

— Слушаюсь, сэр.

Дэв подключил Кузьму к своему операционному полю, и через полчаса тот вывел формулы преобразования энергосистемы солнцехода в режим векторной отдачи. Инк не был «воспитан» в духе уважения к тем, кто его проектировал, создавал и эксплуатировал, но в его эвристо-программе были заложены законы робототехники, базирующиеся на человеческой логике и этических нормах, поэтому он «прищёлкнул языком» и с уважением сказал:

— Сэр, вы настоящий мастер!

— Настраивайся, — ответил польщённый Кузьма.

Спустя четверть часа скорость солнцехода возросла до сорока тысяч километров в секунду.

Вернулись Катя и Хасид.

— Что тут у вас плохого? — весело спросила девушка, у которой повысилось настроение.

— Мне удалось вдвое форсировать наш движок, — скромно сказал Кузьма. — Мы ещё не можем летать по Системе со скоростью света, но время в пути существенно сэкономим. До Земли осталось минут двадцать пять.

— Ты просто гений! — Катя подбежала к Ромашину, обняла, поцеловала в ухо и нырнула в своё кресло.

— Молодец! — одобрительно качнул головой Ходя, разворачивая соседний кокон. — Вернёмся, я лично подам ходатайство в Комитет по наградам, чтобы тебя наградили рыцарским крестом.

— Не издевайся, — отмахнулся Кузьма, довольный тем не менее похвалой друга. — Посмотри лучше, что мы с Дэвом обнаружили. У меня сильное подозрение, что Система населена, но не людьми.

Хасид вывел на кресло коммуникации информсети солнцехода, и Дэв сообщил ему, а также сгорающей от любопытства Кате всё, что знал сам.

— Впечатляет! — заметил полковник, рассмотрев бананообразную «шхуну» со «стрекозиными парусами». — Интересно, что это за произведение искусства? Чему служит?

— Это местный хиларит, — хихикнула Катя. — Для венерианских «гусениц».

Мужчины оценили шутку, но промолчали.

Земля впереди из звезды превращалась в шарик, затем в ощутимо массивный глобус и наконец развернулась в округлую гору, загородившую половину сферы обзора.

Дэв сбросил скорость.

Земля перестала увеличиваться в размерах, и пассажиры солнцехода, затаив дыхание, принялись рассматривать планету, с которой были связаны все их надежды на возвращение домой.

По-прежнему на всех диапазонах связи царила странная шелестящая, потрескивающая тишина, и по-прежнему Дэв принимал какие-то «шумопередачи» в краевых зонах электромагнитного спектра, на которых никогда не работали земные системы связи.

Планета по массе была близка Земле. И по размерам. Но всё же на Землю, на которой жили люди, она походила мало.

Рисунок материков был иным.

Их цвет был скорее коричнево-жёлтым, нежели зелёным.

По морям и океанам плавали не корабли, а гигантские пятна, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся скопищами зеленовато-жёлто-голубой пены.

Но главное, э т а Земля не имела цивилизационной инфраструктуры!

Какие-то редкие поселения были. Однако мегаполис, покрывающий Землю в конце двадцать четвёртого века, исчез!

Мало того, все материки, покрытые зарослями чудовищного по размерам леса, оказались усеянными множеством кратеров, большинство из которых было ударного происхождения. И все они были свежими, дымящимися, будто планета совсем недавно подверглась метеоритно-болидной атаке. Впрочем, это могла быть и ядерная бомбардировка, если предположить, что в Системе шла война планет.

— Боже мой! — прошептала Катя. — Здесь всё уничтожено!

— Спокойно, девушка, — откликнулся Хасид. — Думаю, что

ваша гипотеза соответствует действительности, и мы бродим по Системе прошлых времён. На Земле ещё не возникла человеческая цивилизация. Может быть, и динозавров ещё нет.

— Там есть какие-то постройки...

— Они возведены не человеческими руками.

— Всё равно жалко...

— Согласен.

— А где Луна?

— Земные легенды рассказывают о тех временах, когда Луны не было, — сказал Кузьма. — А это означает, что она появилась внезапно ещё при становлении человечества.

— Кто же построил вон те сооружения?

— Скоро увидим. Но скорее всего они возведены не человеческими руками.

— Почему ты так думаешь?

— Вглядись повнимательней: в очертаниях строений просматривается логика и вурфы насекомых. Примерно так строят свои жилища термиты.

Дэв дал вариацию увеличения, и все трое увидели удивительной формы ажурный замок, похожий на скелет радиолярии, но в десятки тысяч раз больше. Он венчал вершину куполообразной горы, светло-серый, с жемчужным отливом, и при долгом разглядывании создавал впечатление живого организма. Однако, судя по рваной пробоине, разрушившей бок исполинской «радиолярии», если она и была организмом, то скорее всего мёртвым. А так как вся гора и долина под ней были усеяны разного размера кратерами, данный участок суши также подвергся интенсивной обработке потоком метеоритов. Или бомб.

— Круто с ним разобрались, — пробормотал Кузьма. — Неужели везде одно и то же?

— Дэв, займи круговую орбиту, — бросил Хасид. — Не ближе двухсот километров до поверхности. Заметишь движение — дай знать.

Солнцеход круто изменил курс.

Совсем близко показался идущий навстречу объект, чем-то похожий на «радиолярию»: он был такой же ажурный, асимметричный и с дырой в боку.

Люди проводили кувыркающийся спутник глазами, испытывая гнетущее чувство тоскливого недоумения. Всё было понятно без слов: пока что им встречались лишь следы былой жизни, сама жизнь была уничтожена в результате какой-то масштабной

катастрофы. Не хотелось думать, что причиной этого была война. Однако всё указывало именно на такой исход событий.

— Вижу шевеление, — доложил инк.

В окне дальновидения возник край песчаной пустыни, переходящий в гористую местность. Пустыню действительно пересекал хвост опадающей пыли и песка. При большем увеличении люди увидели странный экипаж, похожий на бегущего скорпиона величиной с земной танкер. Понять, искусственная это машина или живое существо, было трудно. Однако суть происходящего выяснилась чуть позже.

Катя вдруг заметила движущуюся впереди «скорпиона» точку, которая оказалась ещё одним объектом, обладающим явными признаками искусственности. Дэв добавил увеличения, и пассажиры солнцехода увидели настоящий гусеничный экипаж, нечто вроде танка, только без пушки.

— Люди! — ахнула Катя. — Эта тварь гонится за ними!

— Сомневаюсь, — хмыкнул Хасид. — То есть погоня имеет место, но вряд ли это люди. Посмотрите внимательнее: это не вездеход, это две черепахи, несущие на себе третью.

— Ну, на черепах они не похожи, — возразил Кузьма. — Гусеницы крутятся вокруг каких-то ежей.

— Наши машины тоже подчас имеют звериный вид.

— Что ты предлагаешь?

— Давайте спасём их от скорпиона! — воскликнула Катя.

Мужчины переглянулись.

— Почему бы и нет? — неуверенно сказал Кузьма.

— Дэв, садимся, — скомандовал Хасид. — Опустись так, чтобы отсечь вон того скорпиона от «черепахи на гусеницах».

— Постараюсь, сэр.

Солнцеход пошёл на снижение, выписывая в пространстве красивую глиссаду входа в атмосферу планеты. Хотя со стороны его могли видеть разве что существа, обладавшие гравитационным зрением.

Маневрирование и посадка заняли около двадцати минут.

За это время расстояние между беглецом и преследователем сократилось до двухсот метров, и «скорпион» начал стрелять: с его изогнутого хвоста-жала (аналогия с хвостом настоящего скорпиона была полная) сорвалась яркая жёлтая молния, и сбоку от «гусеничного вездехода» вырос веер песка, пыли и огня.

«Вездеход» вильнул, уворачиваясь от второго выстрела, но было видно, что он обречён.

И в этот момент между ним и «скорпионом» в сиянии электрических молний возникла чёрная гора солнцехода. Во все стороны прянула волна песка и пыли. «Скорпион» резко затормозил, уткнувшись носовой частью в песчано-пылевой вал. Он был очень велик — около ста десяти метров в длину, однако земная машина всё же превосходила его размерами, внушая страх и уважение.

«Вездеход» между тем продолжал улепётывать во все лопатки, пока его водители не сообразили, что произошло. Тогда он тоже остановился и вдруг разделился на три объекта: два одинаковых «бублика», только что играющих роль «гусениц», и одну «черепаху», вокруг лап которой и крутились «бублики-гусеницы».

— Я же говорил, — удовлетворённо произнёс Хасид. — Самый натуральный симбиоз. Хотя странно...

— Что? — не понял Кузьма.

— Если это прошлое Земли, то где всё-таки динозавры?

— Ты же сам только что предложил идею, что мы свалились на Землю ещё до динозавров.

— Ты хорошо помнишь историю?

— В рамках школьного курса. А что?

— Такие симпатичные зверюги, как этот скорпион, существовали?

— Вроде нет.

— Вот именно.

— Ты снова пытаешься доказать, что мы попали в другую планетную систему?

— Я это вижу.

— Спорный тезис. На Земле вполне могли появиться звери абсолютно неизвестного науке облика. От которых потом ничего не осталось, ни одного следа.

— Как ты себе это объясняешь?

— Очень просто. Динозавров погубило столкновение Земли с ядром гигантской кометы. Это общепризнанный факт. От удара поменялись полюса планеты, облака дыма и пыли закрыли её всю, наступила «ядерная зима». Точно так же этих «насекомых» могла уничтожить другая катастрофа.

— Какая?

— Да хотя бы появление спутника — Луны.

— Или война, — тихонько вставила слово Катя. — Смотрите!

Мужчины перестали спорить.

«Бублики», оказавшиеся самостоятельными существами, сде-

лали три-четыре манёвра, поднимаясь на песчаные барханы, словно пытаясь получше рассмотреть чёрную гору солнцехода, потом снова соединились с «черепахой» в один «вездеход», и тот дал стрекача, сообразив, что лучше быть отсюда подальше.

В свою очередь и «скорпион» попятился назад, поводя хвостом туда-сюда, словно прицеливаясь, а затем вдруг разделился на множество более мелких «деталей», которые ринулись в разные стороны, как муравьи от муравьиной кучи!

— Здорово мы их напугали! — невольно засмеялась Катя.

Однако она ошиблась. Напугал местных жителей не солнцеход.

— Вижу искусственный объект, — доложил Дэв. — Завис над нами на высоте восьми километров.

— Люди? — нерешительно предположила Катя. — Нас заметили? Надо с ними познакомиться!

— Дэв, полная защита! — неприятным голосом бросил Хасид.

Тотчас же с небес, пробив желтоватую дымку атмосферы, слетела яркая радужная молния и вонзилась в корпус солнцехода.

Глава 5

ГОСТЬ ИЗ ДРУГОЙ ВЕТВИ

Солнце умирало на горизонте, роняя капли алого сияния, похожие на капли крови.

Артём прищурился, глядя на солнечную дорожку из алых бликов, протянувшуюся через всё озеро к песчаному откосу, где он лежал. Пора было одеваться и уходить в палатку, из которой слышались музыка и женский голос: Зари-ма готовила ужин и подпевала известной лайф-группе «Кисс амур».

Бросив последний взгляд на далёкие пологие холмы — такими на Марсе казались даже высочайшие горные системы, Артём поёжился и побежал к палатке.

Внутри было тепло, светло и уютно, пахло грибным супом и пригорелым молоком.

— Каша? — понюхал он воздух.

— Сбежало молоко, — сморщила носик Зари-ма; она была беременна, хотя животик был ещё едва заметен. — Купался?

— Уже холодно, — махнул он рукой. — Почти ноль. Ночью будет под минус двадцать.

— А нам тепло, — засмеялась молодая женщина. — Очень хорошая палатка, можно всю жизнь в такой прожить. Как у вас говорится? С милым рай и в шале?

— В шалаше, — улыбнулся Артём, обнимая жену. — Хотя в шалаше мы жить не станем. У нас будет классный домик на Земле, на берегу речки, со всеми мыслимыми удобствами. Будет где разгуляться малышу. Как он там, не беспокоит?

Зари-ма погладила себя по животу.

— Нет, тихий.

— Ну и хорошо. Давай ужинать. Потом погуляем, звёзды на небе посчитаем. Тебе обязательно надо гулять, тем более что марсианская гравитация меньше земной.

— Ты мне это уже третий раз говоришь.

— Потому что ты меня не слушаешься. Сидишь целыми днями в палатке и смотришь видео.

— Совсем даже не целыми днями, — запротестовала полюсидка. — Я утром гуляла. Потом мне стало грустно.

— Почему?

— Дом вспомнила, деревню, маму с папой... На Полюсе такая же природа, воздух, даже цвет гор и песка.

— Можем слетать туда. Иксоидский маяк не работает. Спайдер-система отключена.

— Давай слетаем! — загорелась Зари-ма. — Давно не виделась с Марой, с дедушкой. Они обрадуются.

— Без проблем. Побудем здесь ещё пару дней и устроим экскурсию на Полюс. Там сейчас работают коммуникаторы и безопасники, проверяют, не осталось ли на планете могильников с живыми джиннами и моллюскорами. Но я попрошу отца, и нам разрешат посетить твоих родственников.

Зари-ма обняла мужа, и он пошёл умываться и переодеваться.

Затем они ужинали, смотрели новости, обнимались, любили друг друга, отдаваясь страсти бережно и осторожно, чтобы не «помять» будущего ребёнка, потом гуляли под лиловато-фиолетовым марсианским небом, считая редкие звёзды. В отличие от Земли, звёзд здесь было видно по ночам гораздо меньше. А когда утомлённая, но довольная Зари-ма уснула, зазвонил инфор.

Артём вышел из палатки, включил обратку. Над квадратиком наручного инфора вырос объём видеосвязи.

— Привет, внук, — сказала голова Игната Ромашина. — Не разбудил?

— Ещё нет, — мотнул головой Артём, озадаченный и обрадованный звонком деда.

— Как отдыхается?

— Нормально. Собираемся махнуть на Полюс, пообщаться с родичами Зари-мы.

— Дело хорошее. Но у нас тут появилась одна неожиданная проблемка. Не желаешь подключиться?

Артём оглянулся на купол палатки.

— В принципе, я готов... если Заря не обидится. Я обещал ей две недели спокойного отдыха. А что случилось?

— С одной стороны, ничего особенного, с другой — весьма интересная информация. Приходи в Управление, к Калаеву, поговорим.

— Как же я брошу Зарю?

— За ней присмотрит дружина Гаутамы, пока ты будешь у нас. Думаю, часа хватит на рандеву. Подключись к «спруту».

Артём подумал, кивнул.

— Хорошо, буду минут через двадцать.

Он вернулся в палатку, поколебался немного, предупреждать ли жену о том, что его не будет рядом какое-то время, и решил не беспокоить. Зари-ма спала, и лицо у неё было спокойное и ясное, лицо человека, не отягощённого никакими дурными мыслями.

Артём нашёл в багаже бусинку личной рации, закрепил в ухе слуховой сенсор, на губе — ларинг, на виске — мнемослинг, и под черепной коробкой развернулся тихо шелестящий объём комплексной связи «спрута», позволяющей оперативно выходить на доступные уровни Службы безопасности УАСС. А поскольку Артёму недавно присвоили звание федерального подполковника, он имел доступ к очень высоким чиновникам СБ, включая директора.

В ухе проклюнулся мужской голос:

— Седьмой, я Гаутама, готов к обслуживанию.

— Привет, Гау, я нахожусь на юге Дрим-каньона...

— Я в курсе, мы над вами.

— Последите за палаткой, пока я буду отсутствовать. Не подпускайте никого.

— Без проблем, Седьмой, можешь на нас положиться.

Артём бросил взгляд на небо, где просиял тонкий лучик све-

та — сигнал зависшего над Марсом спейсера «Зоркий», и нырнул в палатку. Переоделся в уник официала Службы. Послал жене воздушный поцелуй. Тихонько нашептал домовому приказ — попросить у жены прощения, если она проснётся раньше, чем он вернётся, и вышел из палатки. Включил микрик — портал индивидуального пользования, который перенёс его в кабину ближайшего терминала метро. Через минуту он уже выходил из кабины метро Управления.

* * *

В кабинете Калаева, друга и соратника деда Игната, его ждали трое: старший Ромашин, хозяин кабинета с роскошной седой шевелюрой и ксенолог ИВКа Гилберт Шоммер, похудевший, загорелый, удивительно изменившийся после того, как он побывал в шкуре ангелоида, послужив его представителем. Игнат был одет в необычного фасона уник, темно-серый, с серебряными нитями, и выглядел как-то странно. Артём даже не понял сразу, что его смутило, пока не обратил внимание на волосы деда: прическа у Ромашина-старшего была другая.

Игнат усмехнулся, оценив взгляд внука.

Артём опомнился, бросил два пальца к виску:

— Подполковник Ромашин по вашему приказанию...

— Проходи, садись, — сказал Калаев.

Артём пожал руки присутствующим, сел за стол.

— Как жена? — благожелательно посмотрел на него Шоммер.

— На пятом месяце.

— Мальчик, девочка?

Артём посмотрел на деда, спрашивая взглядом, отвечать на вопросы или нет, потом кивнул:

— Мальчик.

— Как назовёте?

— Я хочу Аристархом, жена — Радобором.

Мужчины переглянулись.

— На ком остановитесь?

Артём улыбнулся, бросил ещё один взгляд на деда.

— Разберёмся.

— К делу, милостивые государи, — потер руки Калаев. — Артём, мы тебя вызвали по очень необычному делу. Не знаю даже, с чего начать. Ты что-нибудь слышал о теории Фрактальной Вселенной?

— Н-нет, — отрицательно покачал головой Артём.

— О Древе Времён?

— В институте мы изучали теорию времени...

— Это не совсем то, — вставил слово Шоммер, глянул на Калаева. — Можно я объясню ему на пальцах?

Начальник службы безопасности кивнул.

— Во-первых, время может быть многомерным, — начал учёный. — Во-вторых, в разных Вселенных время представляет собой разные материальные инсталляции. Оно может быть транзитивным, субстанциональным, жидким, твёрдым, газообразным, объёмным, конформным, многомерным, выражать разные системы движений...

— Гилберт, — сказал Калаев.

— В общем, время — исключительно разнообразная категория, — закончил Шоммер. — Так вот, наша Вселенная представляет собой одну из Ветвей Фрактального Дендроконтинуума, или Ветвь Древа Времён, «повёрнутую» относительно других Ветвей на определённый «угол» — квант поворота.

— Откуда это известно?

Шоммер прищурился, косо глянул на молчавшего Игната Ромашина, подмигнул ему.

— Эту теорию начали разрабатывать ещё в двадцатом веке, в частности — физик Курт Гёдель, потом продолжили в двадцать первом, да и в наше время над этой теорией работают люди. Однако она так бы и осталась теорией, не подтвердись на практике.

Артём недоверчиво посмотрел на учёного:

— Каким образом?

Шоммер снова оглянулся на старшего Ромашина.

— Как ты думаешь, этот человек похож на твоего деда?

Артём нахмурился, перевёл взгляд на Игната и встретил его ответный взгляд — странно-задумчивый, благожелательно оценивающий, заинтересованный.

— Это и есть... дед... — Артём вгляделся в лицо Игната, и ему показалось, что перед ним совсем чужой человек. — Кто вы?!

— Игнат Ромашин, — кивнул тот с мягкой усмешкой. — Но — из другой Ветви.

— К-какой другой?

Внезапно открылась дверь кабинета, вошёл ещё один гость. Все оглянулись на него, Артём тоже. И замер с открытым ртом: это был второй Игнат Ромашин, но — знакомый, с коротким седым ёжиком волос, с тёмным от «пустотного» загара лицом, в стандартном голубом унике.

— Дед?! Что происходит?!

— Дед, дед, — проворчал второй Игнат Ромашин. — Извините за опоздание. Вы ввели его в курс дела?

— Вводим, — коротко сказал Калаев.

— Ясно. — Настоящий Игнат сел рядом с «чужим», и теперь Артём окончательно убедился в том, что «первый дед» отличается от второго. — Итак, внучек, что тебе непонятно?

— Откуда... как он... если это не грим... Почему он здесь оказался?

Мужчины переглянулись.

— Правильный вопрос, — проговорил Шоммер одобрительно. — Мне он тоже пришёл в голову первым.

— В принципе, это неважно, — сказал настоящий Игнат. — Хотя если бы не существовало способа перехода из Ветви в Ветвь, никто к нам не пожаловал бы. Считай, наши «дубли» кое в чём нас опередили. Но суть в другом. У них там свои проблемы и свои герои, однако они сумели проникнуть в другие Ветви и познакомиться со многими «родственниками» по генетическим линиям, насчитывающим целые «клоны». К примеру, генетическая линия Ромашиных насчитывает... — Игнат посмотрел на своего визави. — Сколько нас всего?

— Примерно тринадцать миллиардов копий, — ответил «первый» Ромашин.

— Понял?

— Не совсем, — мотнул головой Артём. — Откуда копии? Как они получаются?

— Каждая Ветвь, или проще — Метавселенная, — ответил Шоммер, — делится на копии каждый последующий квант времени. Копий получается столько, сколько потенциальных вариантов развития может допустить физическая ситуация. Затем последующие копии тоже делятся, и так почти до бесконечности, пока полностью не исчерпаются все вероятностные вариации. Понимаешь?

— Как будто...

— Представь, что наша реальность разделилась на две, а в каждой есть мы. Но в нашей ты ответил «как будто», а в копии промолчал. Эти отличия постепенно накапливаются, пока не произойдёт качественный переход или обрыв линии. В результате Большая Вселенная представляет собой непрерывно растущий «ком мыльной пены» — Фрактал Времён. Мы живём в одном таком «пузырьке», а твой дед — второй — в каком-то из со-

седних. Кстати, насколько я понял, в той Ветви у него нет внука. Так?

Игнат-«гость» кивнул:

— Внучка.

Шоммер посмотрел на ошеломлённого Артёма.

— Поздравляю, у тебя есть «фрактальная» сестра.

— Давайте вернёмся к делу, — сказал озабоченный Калаев. — У него ещё будет время обдумать устройство Вселенной и побеседовать со своим родичем из соседней Ветви.

— Да, — заговорил «настоящий» Игнат. — Хотя мы и будем говорить о времени, у нас его мало. Артём, у твоей Зари-мы сохранилась связь с Лам-кой?

— Что? — Артём не сразу понял смысл вопроса. — А-а... не знаю, не спрашивал... может быть.

— Если нет — вообще отпадает смысл вникать в суть проблемы, — мрачно сказал Калаев. — Да или нет? Зари-ма знает, где его искать?

Артём заставил себя успокоиться под взглядами старших, помедлил:

— Думаю, знает.

— В таком случае продолжим.

— Проблема вот в чём, — начал «настоящий» Игнат, покосился на «гостя». — Давай лучше ты.

— Наша хроноразведка, — продолжил «второй» Игнат, — случайно вышла на Ветвь, где обосновался один деятель — Дьявол, по терминологии её жителей, который вознамерился избавиться от конкурента — земного человечества, единственной гуманоидной цивилизации в той Ветви. Сам Дьявол, естественно, представляет собой конгломерат негуманоидных цивилизаций, базирующийся на нелинейных логиках абсолютной волевой нетерпимости. Мы бы хотели помочь нашим родичам выжить. Если у вас и в самом деле есть выход на таких могучих помощников, как «джинны», то есть боевые суперроботы иксоидов и гиперптеридов, то задача решаема. Если нет — мы попробуем найти помощников в других Ветвях. Но, похоже, ваша Ветвь в этом смысле уникальна. Во всяком случае в соседних Ветвях мы «джиннов» не нашли.

— Что скажешь? — поинтересовался у внука «настоящий» Игнат.

— А что нужно? — Артём внутренне поёжился (все продол-

жали разглядывать его) и торопливо добавил: — Я, конечно, согласен помочь... Только не понимаю, что мы обязаны сделать.

— Конкретную задачу тебе поставит он, — кивнул Игнат-«настоящий» на Игната-«гостя». — Вообще же надо будет найти Лам-ку, перейти с ним в ту Ветвь, где Дьявол гасит звёзды, пытаясь в первую очередь погасить солнце, и вежливо попросить его успокоиться. С Лам-кой это можно будет сделать проще.

Артём покачал головой.

— Боюсь, он не станет нас слушаться.

— А вот это уже твоя проблема, — сказал Калаев. — Поговори с женой, пусть она убедит «джинна» послужить доброму делу.

— Попробую, хотя...

— Я могу пойти с ним, — сказал Шоммер. — Интересно было бы сравнить параметры той Ветви с нашими.

— В этом нет необходимости.

— Хочется.

— Перехочется.

— А-а... э-э... — промямлил Артём. — Такой вопрос... Чем та Ветвь отличается от нашей? В глобальном... э-э... плане.

— Время в той Ветви, как и у нас, — ответил «первый» Ромашин, — есть динамическая характеристика континуума. Иными словами — это количественная и качественная мера движения. Однако есть глубокое отличие базовых параметров.

— Ну-ну? — заинтересовался Шоммер.

— Если главный этический закон нашей Метавселенной, да и вашей тоже, можно сформулировать так: «Везёт сильнейшему», — то у них он звучит так: «Везёт влюблённому».

В кабинете наступила тишина.

— Это правда? — хмыкнул Калаев.

«Первый» Игнат с улыбкой кивнул.

— Можно сформулировать эти законы иначе, но смысл будет тот же.

— А какому физическому состоянию они соответствуют? — живо заметил Шоммер. — Как их различие сказывается на различии физических параметров континуума?

— Могу ответить лишь в этическом плане. В наших Метавселенных жизнь возможна, однако требуется определённое усилие, чтобы она развивалась и не уничтожила себя. В той Ветви, где в дела человечества вмешался Дьявол, разумная жизнь ограничена таким нелогическим параметром, как любовь. Разум, преступающий этот закон, в конце концов исчезает.

— И всё же я не понял...

— Подискутируем на эту тему потом, — прервал Шоммера Калаев. — Вернёмся к насущным вопросам.

— Я бы хотел задать ещё один вопрос нашему гостю, — не унимался учёный. — Вполне конкретный. Каким образом вам удаётся путешествовать из Ветви в Ветвь?

— Это длинная история, — сказал «первый» Игнат.

— Хотя бы в двух словах.

— Ну, если вы не возражаете... — Ромашин-«чужой» бросил взгляд на Калаева. — В одной из Ветвей была создана своеобразная шахта для «бурения» времени. Мы назвали её Стволом. Неожиданно для его создателей Ствол внедрился в уже существующую транспортную сеть — трансгресс, — соединяющую абсолютно все Ветви. С тех пор мы имеем возможность с помощью этой сети посещать почти все Метавселенные Древа Времён.

— Почему почти?

— Потому что существуют Ветви с такими физическими законами, которые не позволяют жить в них человеку. Многие Ветви вырождаются, схлопываются в сингулярность. Ну и так далее.

— Кто создал трансгресс?

— Самые первые разумники, чьё рождение скрыто в безднах времён. Наши учёные называют их Корневыми.

— Зачем это им понадобилось?

— Гилберт, остановись, — сказал Калаев. — Успеешь потешить свою любознательность. Итак, ваше решение, милостивые государи. Артём?

Младший Ромашин сжал губы, сдерживаясь, чтобы не показаться легкомысленным.

— Я... готов.

— Хорошо. Мы со своей стороны сделаем все возможное. — Калаев перевёл взгляд на «второго» Игната. — Ты не в курсе, чем сейчас занимается Селим фон Хорст?

— В курсе, — усмехнулся Ромашин-старший. — Выращивает кактусы у себя на участке.

— Кактусы? — Калаев озабоченно поскрёб пальцем переносицу. — Зачем?

— Наверно, ему нравится это занятие. До похода с Артёмом он выращивал цветы. Теперь кактусы.

— Странное увлечение для полковника особого отдела контрразведки.

— Бывшего полковника.

— Мы можем привлечь его для участия в походе?

— Не знаю, не уверен. Ты же знаешь, он дважды побывал в шкуре негуман и едва ли сохранил все человеческие качества.

— И всё же поговори с ним. Лучшего напарника нам не найти.

— Я сам поговорю, — пробормотал Артём.

Все изучающе посмотрели на него.

«Настоящий» Игнат пожевал губами, но ничего не сказал.

Игнат-«гость» спросил:

— О ком идёт речь?

— Полковник фон Хорст занимался расследованием истории с «джиннами» почти с самого начала, — нехотя произнёс Калаев. — Ему удалось проникнуть на планету с могильниками, внутри которых были захоронены гиперптеридские боевые роботы... но давайте лучше поговорим об этом отдельно. Я дам всю имеющуюся по этому делу информацию.

— Я могу идти? — осведомился Артём.

— Иди, — сказал «настоящий» Игнат. — Поговори с Заримой, я загляну к вам через пару часов.

— Мы отдыхаем на Марсе...

— Знаю.

Артём коротко поклонился, вышел.

«Первый» Игнат задумчиво смотрел ему вслед.

— Хороший внук у тебя, дубль.

— Не жалуюсь, — усмехнулся Игнат-«настоящий».

* * *

Зари-ма всё поняла как надо. Уговаривать её не понадобилось. Хотя она и поставила условие:

— Я полечу с тобой!

— Но это опасно! — начал отговаривать её Артём. — Ты беременна, тебе противопоказаны волнение и тревоги, экстремальные нагрузки!

— Я пойду с тобой! — заявила полюсидка, и он понял, что или придётся уступить жене, или не браться за задание вообще.

Дед Игнат, прилетевший к ним, как и обещал, через два часа, тоже попытался отговорить Зари-му от рискованного мероприятия, но и ему это не удалось. Волей полюсидки можно было дробить камни. В конце концов мужчины согласились с её доводами, — их было всего два: «я так хочу» и «без меня он пропадёт», —

и Зари-ма приступила к главному вопросу повестки дня — вызову гиперптеридского робота Лам-ки.

Женщина уединилась в спальном отсеке палатки, не желая, чтобы за ней наблюдали.

Артём поколебался немного, не зная, чем помочь жене, потом махнул рукой Игнату, и они выбрались из палатки.

По среднесолнечному времени было семнадцать часов, но для той местности Марса, где молодожёны разбили лагерь, ещё только-только начинался рассвет.

— Вы договорились с Лам-кой, что будете поддерживать связь? — негромко спросил Игнат, выдыхая облачка пара: температура за стенками палатки упала до минус шестнадцати градусов.

— Специально нет, — мотнул головой Артём. — Подразумевалось, что Лам-ка «услышит» вызов, если Заря его позовёт.

— Лучше бы вы сообразили соорудить какой-нибудь маячок. Кстати, я видел у вас бриллиантиду. Она не может послужить передатчиком? Всё же Лам-ка тоже когда-то вылупился из бриллиантиды.

— Это скелет бриллиантиды... как кусочек коралла... Хотя всех её свойств я не знаю.

— Будем надеяться, Заре удастся.

Помолчали. Потом замёрзли (на обоих были летние уники, не имеющие встроенных систем кондиционирования) и вернулись в палатку.

Зари-ма выглянула из «спальни», виновато развела руками и снова скрылась за прозрачной перегородкой.

Дед и внук обменялись взглядами.

— Возможно, тебе и не придётся никуда лететь, — усмехнулся Игнат.

— Да я уже, честно говоря, приготовился, — ответил ему улыбкой Артём. — Интересно было бы посмотреть, как живут наши двойники в другой Вселенной.

— У тебя там нет двойника.

— Всё равно интересно. Там ведь тоже есть Ромашины?

— Мой дубль есть, да и копия твоего отца. Однако, насколько я понял, у отца-два ещё нет детей.

— Дед... твой двойник говорил, что есть внучка.

— Это у них, в той Ветви, откуда сам Игнат-два, а там, куда надо лететь, у Кузьмы нет детей.

— Значит, это как бы прошлое? Та Ветвь отстаёт в развитии?

— Всё не так просто. По-моему, трансгресс «вморожен» в Древо Времён и представляет собой своеобразный скелет Большой Вселенной, ну, или позвоночник. Но почему он соединяет Ветви именно таким образом, мне неизвестно.

— Гилберт, наверно, замучил твоего тёзку вопросами.

— Еле отбили.

— Где он? Я имею в виду твоего двойника.

— Калаев забрал его к себе домой. Вечером мы встретимся. — Игнат глянул на инфор, высветивший точное время. — Не буду ждать. Если у вас получится, позвони.

Артём обнял деда, и тот исчез, включив свой микрик.

Снова выглянула Зари-ма, огорчённая и смущённая.

— Ушёл?

— У него куча дел.

— Я понимаю... а у меня ничего не получается.

— Попробуй помедитировать с бриллиантидой.

— Думаешь, поможет?

— Лам-ка оставил её с какой-то целью. Почему не попробовать?

Зари-ма подумала, порылась в своих вещах и достала красивую коробочку, внутри которой лежала бриллиантида — сросток «космических алмазов», частичка «икры джиннов», сохранившейся в кольцах Сатурна. Она перестала искриться радужными переливами и казаться живой и всё же была очень красивой, напоминая изумительной работы «веточку» кораллов и алмазов одновременно.

Зари-ма забралась в кресло с ногами, поставила бриллиантиду перед собой на валик кресла и замерла.

Артём, завороженный игрой света в кристаллах, тряхнул головой, мысленно позвал: Лам-ка, дружище, отзовись!

И словно дождавшись этого момента, могучий боевой робот гиперптеридов, который помог людям справиться с их же соотечественниками, завладевшими другим боевым роботом — моллюскором, вдруг ответил.

В палатке похолодало. С потолка просыпалась струйка искрящейся изморози. В воздухе родился тонкий хрустальный звон.

— Лам-ка! — ахнула, подхватываясь, Зари-ма.

— Я вас приветствую, человеки, — прозвучал чей-то голос глубокого баритонального тембра. — Вы меня звали?

— Выходи!

— В каком облике вы предпочитаете меня видеть?

— В любом!

Палатка качнулась, в воздухе просияла ещё одна струйка тающей изморози и превратилась в мужчину, очень похожего на отца Артёма, а также ещё на кого-то, в ком смутно угадывались черты полюсидки.

Зари-ма захлопала в ладоши:

— Рада-мил! Мой па!

— Отец... — пробормотал Артём.

— Не совсем, — улыбнулся гость.

Фигура его потекла струйками, в течение секунды-двух претерпела множество трансформаций, перетекая из фигуры в фигуру — людей, зверей, иных существ, и снова обрела облик человека, соединяющего в себе черты знакомых Артёму и Зари-ме личностей.

— Рад тебя видеть! — искренне сказал Артём.

— И я! — захлопала в ладоши Зари-ма, обрадованная и ошеломлённая. — Рассказывай, где ты был, что делал.

— У вас есть ко мне предложение, — сказал Лам-ка (точнее, его представитель, созданный для прямого контакта) утвердительно.

Зари-ма и Артём переглянулись.

«Ему не нужен стандартный «радушный» приём, — говорил взгляд Ромашина. — Он не человек».

— Ты торопишься? — огорчилась полюсидка.

— Чисто человеческое понятие, — улыбнулся гость. — Нет, я не тороплюсь, но живу иначе. И готов вас выслушать.

— Тогда садись, — предложил Артём. — Поговорим. А заодно выпьем по глотку шампанского за встречу.

— Зачем?

— Традиция!

— Ну, если традиция... — «Призрак» Лам-ки глянул на скупой интерьер тесной палатки и сел на выскочивший из воздуха стул.

Глава 6

ОХОТА НА ГЕРОЕВ

По лику Солнца бродили пятна. Их было больше, чем обычно, да и параметры пятен — размеры, температура, состав излучения — отличались от давно известных, и становилось понят-

но, что вторжение «огнетушителя Дьявола» в недра земного светила не прошло бесследно.

Ребров отвернулся от виома, показывающего алую гору Солнца над плоскогорьем Меркурия, и глухо сказал:

— Нас ждут суровые зимы.

— Это расчёт или предположение? — осведомился Игнат, не сводя глаз с пылающей горы.

— Предчувствие.

— Свияш утверждает, что результаты воздействия «огнетушителя» на общие характеристики Солнца скажутся еще не скоро. Зона охлаждения сокращается, солнечный «реактор» уже включился.

— И всё же нас ждут невеселые времена. Пусть через год, через два, через десять, но этого не избежать. Температура фотосферы упадёт, поток излучения сократится, и Земля замёрзнет.

— Не замёрзнет. Мы уже в состоянии регулировать атмосферные процессы. Зажжём пару небольших солнц над полюсами или одно над экватором, чтобы создавалась смена дня и ночи, и ледниковый период не наступит. Хотя, конечно, придётся поднапрячься всем.

— В первую очередь нам, нашей Службе.

— Не привыкать, — усмехнулся Игнат.

Ребров с усилием отвёл взгляд от алого купола с чёрными пятнами и более светлыми фонтанами протуберанцев, оглянулся на вход в зал визинга. В зале, принадлежавшем меркурианской базе УАСС, они были одни, но должен был подойти Филипп Ромашин, а он опаздывал.

— Полчаса, — пробурчал Ребров. — Может, случилось что?

— Нам бы доложили. Он пошёл на приём к премьеру, может, не сразу добился аудиенции, там любят мурыжить нашего брата. Ты же знаешь чиновный люд, каждый прыщик считает себя господином мира.

Ребров поморщился.

— Зря он пошёл на это рандеву. Остался бы премьером Томах, это имело бы смысл, а новый премьер не из нашего круга.

— Ты его знаешь?

— Рюйтель — тёмная лошадка, и я уверен, что сам он ничего особенного не представляет, но за ним стоят кукловоды, связанные с Дьяволом, которые и будут управлять им.

— Плохо.

— Чего уж хорошего.

В зал стремительно вошел Филипп Ромашин. В свои девяносто пять он выглядел на полтинник и держался хорошо. Лишь голый блестящий череп говорил о возрасте, да морщины у губ и под глазами.

— Положение меняется, джентльмены.

Ожидавшие его мужчины молча ждали продолжения.

— С одной стороны, премьер дал согласие помочь нам остаться в обойме Управления в качестве экспертов с правом голоса, с другой — все мы попадаем в распоряжение господина Казийски. А он у нас под сильным подозрением.

— Нам обещали разработать анализаторы агентуры Дьявола, — мрачно сказал Ребров. — Где они?

— Люди работают, — сказал Игнат. — Герман внёс кое-какие коррективы, Юэмей контролирует изготовление. Через пару дней датчики будут готовы.

— Но пока их нет, мы рискуем.

— Ничего, риск неизбежен, а наши молодые энтузиасты только приветствуют трудности. Неявный враг делает их жизнь насыщенней.

— Кто-то сказал: враги делают нашу жизнь насыщенней, но короче.

Филипп улыбнулся.

— Это верно.

— Что у тебя ещё? Солнцеход не нашли?

Лицо Ромашина-старшего сделалось каменным.

— В ядре Солнца обнаружена странная зона диаметром всего в несколько сот метров. Это не чёрная дыра, но всё же какая-то «дырка» в метрике с целым рядом интересных характеристик.

— Хрен с ними, с характеристиками. Где «крот»?

Филипп отвернулся.

— Я надеюсь, он там, в этой зоне.

— Надо запускать готовый солнцеход, немедленно! Может, ещё успеем вытащить ребят... если они живы.

— Доступ к «кроту» нам перекрыли.

— Ребята Ивана в любой момент могут взломать любые коды и пароли и захватить солнцеход.

— Ещё не время.

— Смотри, не оказалось бы поздно. Что ещё?

— Есть информация от Ивана: на горизонте появился ЮЮ.

Игнат и Ребров обменялись взглядами.

— Он же как будто погиб, — озадаченно проговорил Ребров.

— Жив, сволочь! ЮЮ видели в компании с Оскаром Мехти и его выжившим папашей. А это означает одно: жди вспышки террора в отношении наших близких и друзей. ЮЮ и Оскар злопамятны и к тому же на свободе.

— Хорошо бы упредить их, — буркнул Ребров.

Филипп покачал головой.

— Нам нельзя начинать первыми. Любой прокол сразу же поставит нас вне закона. Ты хочешь, чтобы за нами началась настоящая охота?

Ребров оскалился.

— Она и так уже началась. Двое наших бывших сотрудников убиты, исчез куда-то Шандор, эфаналитик императив-центра, кто-то пытался убить Алниса, за нами следят, нам звонят, угрожают...

— И всё-таки будем терпеть и делать своё дело, выявлять агентов Дьявола, искать главного резидента, выяснять его задачи. Первую фазу войны с человечеством Дьявол проиграл, вторую — внедрение агентуры в управленческие структуры — выиграл. Посмотрим, чем закончится третья.

— Какая?

— Стратегический перехват власти. Когда мы поймём, что собирается делать Дьявол, обзаведшийся бандой приспешников, мы нанесём удар. А пока — терпение и еще раз терпение.

Все трое посмотрели на купол Солнца, на краю которого вырос ещё один сияющий факел. Он разделился на два, образовав латинскую букву V, символ победы, словно подчеркнув последние слова бывшего директора УАСС, и мужчины невольно развернули плечи, словно почуяв поддержку огненной стихии.

* * *

Охота на бывших руководителей спецслужб и членов их семей началась с нового нападения на Игната Ромашина и его жену Дениз.

Так как Филипп с Аларикой переехали в своё бунгало на Камчатке, по соседству с коттеджем Ребровых, Игнат занял дом отца в Одоеве, не желая жить в Строгинской ветви мегаполиса. Ему казалось, что так он быстрее заметит наблюдение и угрожающее безопасности дома движение. Однако налётчиков это не смутило и не остановило, действовали они быстро, и спасли Ромаши-

ных лишь опыт Игната и его умение ориентироваться в экстремальных ситуациях.

Сначала кто-то позвонил ему на мобильный, не включая обратку.

Игнат попытался выяснить номер звонившего, но не смог. Тогда он включил сканер связи, которым обладал как руководитель высокого ранга (эта аппаратура была доступна лишь трём десяткам человек из федеральных спецслужб), и компьютер доложил ему, что звонили из Японии, предположительно — из Дворца Правосудия. А поскольку знакомых японцев у Ромашиных не было, Игнат почувствовал раздражающее беспокойство, заставившее его задуматься о своём положении.

Будучи директором Погранслужбы, он никогда не размышлял о людях, занимающихся другими делами. А тут вдруг, оказавшись не у дел, понял, что жизнь намного шире того горизонта, который открывался ему с высоты статуса, и содержит гораздо больше проблем, чем могло бы показаться. Некоторые проблемы были приятными, некоторые странными, смешными или пустыми, хотя и не требовали оценки с точки зрения полезности; разного рода шоу он не любил, хилариты не посещал и гурманством в клубах Витановы не занимался. Однако то и дело в жизнь бывшего пограничника врывались разные люди с разным отношением к миру вообще и заставляли его делать то, чего он никогда прежде не делал. К примеру, вежливо отвечать на приветствия и выслушивать жалобы соседей на неправильные действия местных властей. С этим можно было соглашаться, так как чиновничьи структуры мало изменились за последние столетия, привыкнув жить для себя. Но случались и неприятные встречи, оставлявшие в душе осадок и неуютное ощущение причастности к творящемуся беззаконию. И Ромашин всё больше склонялся к мысли, что народ живёт иначе, проще и безответственней, чем ему казалось раньше.

Неведомый абонент позвонил ещё раз, и это было его ошибкой. Через несколько минут подключенная система безопасности подсказала Игнату, что за домом наблюдают, и он сделал правильный выбор: не стал ждать продолжения событий, не стал просить у СВР помощи, анализировать свои ощущения, а просто вскрыл запасник отца и обзавёлся оружием — парализатором «шах-и-мат» и карабином «дракон». Через минуту начавшиеся события показали, что он был прав.

В одиннадцать часов утра к дому подлетел почтовый флайт, и

водитель-витс передал Игнату небольшую посылку аж с Каллисто, точнее, с одной из баз Погранслужбы, начальником которой был давний приятель Ромашиных Слава Шутов. Именно он в звуковом письме сообщил Игнату об открытии в кольцах Сатурна странных возмущений, явно говорящих в пользу их искусственного происхождения. Пограничники слетали туда, проутюжили кольцо Е, состоящее из достаточно крупных булыжников: от одного метра до полусотни в диаметре, — и обнаружили «стеклянные брызги». Эти «брызги», похожие на сростки кристаллов длиной до трёх сантиметров, вряд ли могли заинтересовать людей, несмотря на схожесть их с земными кристаллами полевого шпата, но они имели плоские срезы, отражавшие свет как идеальные зеркала. А так как вся деятельность спецслужб Федерации так или иначе касалась «больших» хронозеркал, Слава Шутов решил показать «брызги» бывшему шефу.

В другое время Игнат вскрыл бы посылку немедленно, убедившись в правильности обратного адреса и узнаваемости характерного окания абонента. Однако в душе зашевелилась тревога, вспомнились случаи нападений на соратников со стороны агентов Дьявола, и он проявил благоразумность. То есть вызвал домового и велел ему вскрыть посылку в хозблоке дома.

Результат превзошёл все ожидания.

Посылка — вес — двести граммов, размеры — двадцать на пятнадцать и на четыре сантиметра, — взорвалась, как только домовой потянул за кончик упаковочной термоленты!

Взрыв был не сильным, он даже не повредил кибера, но газ, вырвавшийся на волю, оказался из разряда «саморазмножающихся изомеров пятого порядка», он проникал во все щели и почти мгновенно занял весь цокольный этаж коттеджа, вытеснив обычный воздух. А поскольку дышать в атмосфере агрессивной и бурной рекомбинации кислорода было невозможно, любой человек, попавший в зону преобразования, неминуемо погиб бы.

Игнат успел отреагировать на взрыв, хотя и в самый последний момент: всё-таки у него оставалось время — около четырехпяти секунд, и нервная система была готова к экстремальному возбуждению. Он кинулся на второй этаж коттеджа, понимая, что Дениз просто не успеет понять, что происходит, схватил жену, собравшуюся купаться, почти голую — в охапку и прыгнул в панорамное окно гостиной.

Лёгкие резанула колючка боли — сверхлетучий газ, чуть осла-

бевший, добрался-таки до второго этажа, — потом был недолгий полёт, удар в ноги и кувырок.

Дениз вскрикнула.

Игнат, слегка оглушённый ударом, оглянулся на дом и сел, упираясь кулаками в траву усадьбы. Хотел было крикнуть жене: беги! — но голос сел.

Впрочем, всё уже закончилось. Изомер-газ прореагировал с кислородом воздуха и утратил свою силу, превратившись в двуокись углерода, в углекислый газ. Но концентрация углекислоты была уже не смертельна для человека.

— Ты с ума сошёл! — пришла в себя ошеломлённая подруга жизни, поднялась на ноги, закашлялась. Недоумённо принюхалась к ароматам участка. И глаза её расширились:

— Что происходит, Игнат?!

— Иди в дом, — сквозь зубы приказал Ромашин, с трудом встал и, чтобы успокоить жену, добавил с кривой улыбкой: — Стар я стал, однако, для таких подвигов.

— Такие, как ты, не стареют, — расслабилась Дениз, вдруг сообразив, что муж спас её от гибели. — Старость тебе не грозит.

Он потрогал исцарапанную грудь, спину, покачал головой, продолжая делать вид, что ничего особенного не случилось.

— Старость — это когда падаешь в обморок от прогноза погоды. Я как раз в этом возрасте.

Дениз улыбнулась, но обнаружила, что на ней из одежды только трусики, и поспешила к коттеджу.

— Стой! — рявкнул он.

Дениз споткнулась, остановилась, прижав ладони к груди.

Он в три прыжка догнал её, прижал к себе.

— Подожди, надо проверить.

— Что?

Игнат отодвинул жену, осторожно двинулся вперёд, зашёл в коттедж.

Дом был заполнен странным запахом, но углекислый газ уже начал расползаться, оседать, исчезать, и его концентрация постепенно становилась не опасной.

— Заходи.

— Что это было? — прошептала Дениз.

— Одевайся, уходим.

Жена перевела взгляд с лица мужа на мёртвую кошку, лежащую на полу холла, лицо её изменилось, и она быстро побежала в спальню одеваться.

Но оказалось, что атака на Ромашиных не закончилась.

Дениз только-только успела накинуть на себя халат и скрыться в ванной, как заявились гости.

По-видимому, они решили, что хозяева дезорганизованы нападением и не способны оказать сопротивление; даже сам факт их неожиданного спасения (наверняка они наблюдали за домом) не смутил уверенных в своей безнаказанности парней, получивших приказ довести операцию по «нейтрализации клиентов» до конца.

На газон в центре ухоженного сада Ромашиных свалился бело-красный куттер службы доставки с нарисованными на бортах бигмаками, и в дом ворвались четверо молодых людей, одетых в чёрно-жёлтые уники, с масками на лицах. Они были вооружены «универсалами» и действовали быстро, не тратя много времени на осмотр помещений. Но, во-первых, хозяин дома оказался жив и даже бодр, а во-вторых, новичком в таких играх назвать его было нельзя. Поэтому, когда началась стрельба, пришельцы промедлили и проиграли.

Двух первых Игнат обезвредил из парализатора, так что они не успели понять, что происходит.

Оставшиеся, оправившись от неожиданности, открыли огонь по невидимой цели, используя «универсалы» как лазеры, а потом как плазменные излучатели (ущерб зданию они нанесли существенный), но Игнат быстро успокоил обоих, ответив из «дракона». Понадобилось всего два выстрела: ракетные пули нашли прятавшихся по углам коридоров террористов, и те, получив серьёзные ранения, поспешили ретироваться, понимая, что шансов победить человека с «драконом» у них нет.

Преследовать их Игнат не стал.

Ещё через минуту на территорию усадьбы упал серебристый куттер службы охраны, который вызвал домовой Ромашиных. Десантники Ивана Славина забрали безвольные тела террористов, находившихся «в прострации холостого режима» после разрядов парализатора, хотели оставить дежурную смену, однако Игнат отказался, и куттер улетел.

Вернувшись в гостиную, бывший командор Погранслужбы наткнулся на жену, кутавшуюся в халат. Некоторое время они смотрели друг на друга. Потом он кивнул на следы разгрома:

— Придётся чинить.

— А дальше? — тихо спросила Дениз. — Ждать ещё одного нападения? Прятаться?

Лицо Игната на мгновение стало виновато-растерянным.

— Ты же всё понимаешь, Низа, я не могу гарантировать тебе...

— Ничего не надо гарантировать, — так же тихо сказала женщина, подходя к нему и пряча лицо на груди.

Допрос оставшихся в живых террористов, напавших на Игната Ромашина, дал интересную информацию.

Руководил нападением Оскар Мехти, которому удалось скрыться. Но главным организатором нападения был бывший начальник секьюрити Правительства Юзеф Юзефович, прозванный коротко и энергично — ЮЮ. Он же оказался и главарём нового союза «борцов за справедливость», получившего многозначительное и пышное название «Комитет оперативного регулирования социума». Методы, которыми он собирался «оперативно регулировать» жизнь Земли и всей Федерации в целом, не отличались от чисто террористических операций наподобие той, что была проведена в отношении бывшего командора Погранслужбы. Но главное, что Комитет получил поддержку в Правительстве и ВКС, где засели агенты Дьявола. Если бы такими методами начали действовать существующие спецслужбы, включились бы все правозащитные организации Земли. Однако они, узнав о начале охоты за бывшими борцами с Дьяволом, промолчали.

На следующий день после нападения на Игната группа неизвестных попыталась повторно напасть на Германа Алниса, продолжавшего заниматься в Институте Внеземных Коммуникаций изучением целеустановок Дьявола. Руководство Института сочло его доводы по эфанализу обстановки в мире существенными и отказалось урезать права и нормы работы со Стратегом организации. После гибели Дикушина он стал единственным специалистом, разбирающимся в логике Дьявола — в частности и негуман — вообще, который мог дать правильные рекомендации, как избавиться от опасного конкурента. Посчитав молодого учёного заслуживающим уважения противником, Комитет оперативного регулирования бросил на его ликвидацию серьёзные силы. Они рассчитали векторы его движения, спланировали акцию и напали на Германа, когда он собирался посетить базу Института Солнца на Меркурии.

В принципе, делать это было необязательно, необходимые данные по спектрам излучения светила и другим характеристикам ему выдали бы и после запроса из ИВКа. Но Германа захо-

телось посмотреть на Солнце вблизи, проникнуться его мощным дыханием и кипением и понять истинный смысл усилий Дьявола, задумавшего погасить этот сферический «костёр» жизни.

Юэмей Синь в этот момент находилась где-то в Китае и не могла последовать за любимым человеком, тем более что он не докладывал ей каждую минуту, что делает и куда следует. Однако она была опытным специалистом своего дела и подстраховалась, послав дополнительную обойму оперов контрразведки для охраны Германа.

За ним наблюдали.

Поэтому маршрут его движения был вычислен быстро, и на второй меркурианской базе исследователей Солнца сразу вслед за ним появились ещё гости: трое парней в чёрно-жёлтых униках работников бытового обслуживания населения. И ещё трое — в костюмах спасателей УАСС.

Герман сначала постоял в зале визинга, рассматривая гигантскую глыбу Солнца над горизонтом; база Института располагалась недалеко от сумеречного пояса планеты, так, чтобы светило было видно целиком. Потом в зал вошли какие-то молодые люди, разговаривающие на диалекте Мексиканского Союза, и ксенолог решил заняться делом.

Однако стоило ему обозначить свои намерения, как один из «мексиканцев» преградил ему дорогу, а второй достал парализатор «глушак», мало похожий на оружие, хотя и не менее опасный.

— Герман Алнис?

— Что? — спросил Герман, возвращаясь из мысленного путешествия в глубь проблемы.

— Нам бы хотелось ознакомиться с материалами вашей последней работы.

— С какими материалами? — не понял Герман, вдруг зацепившись взглядом за необычной формы излучатель в руке парня. — Кто вы?

— Практически коллеги, — осклабился парень.

— Джабин! — одёрнул его третий, без оружия, постоянно оглядывающийся. — Теряем время!

— Успеем. — Парень поднял оружие, но заколебался, будто вспомнил что-то важное. — Я бы всё-таки посмотрел...

— Стреляй! Уведём и допросим в другом месте!

Рука парня снова поднялась, и вдруг он завалился лицом вперёд, словно его выключили. В спине дымилось узкое и длинное лезвие метательного ножа.

Герман изумлённо перевёл взгляд с ножа на внезапно объявившихся в зале двух мужчин и женщину. Только теперь он начал понимать, что стал объектом разборки двух разных служб.

Однако его недоброжелатели сориентировались быстрей.

Черноволосый и смуглый молодой человек, играющий роль старшего, мгновенно исчез, использовав тайф.

Второй парень замешкался, доставая оружие — плазмон, и был остановлен тем же приёмом: в висок ему врезался молнией сверкнувший нож.

Лишь потом Герман понял, что метала ножи женщина, оказавшаяся витсом охраны особо важных персон. В эту обойму входил и он.

И ещё одну интересную деталь узнал впоследствии ксенолог.

Его могли убить в любой момент, и должны были сделать это, ликвидировать, а не допрашивать, требуя некие «материалы», но террористам из группы Комитета оперативного регулирования помешал небольшой приборчик в виде значка, нацепленный на лацкан уника. Это сделала Юэмей Синь. А «значок» представлял собой мощный пси-излучатель «спайдер», создающий у всех, кто хотел убить ксенолога, особое состояние «комфортности и вседозволенности», мещающее им адекватно оценивать ситуацию. Все они начинали наслаждаться своей исключительной «мощью и умом», теряя драгоценные секунды. После чего и подключалась охрана VIP-объекта, успевая обезвредить киллеров.

Об этом рассказала Герману сама госпожа Синь, когда он поделился с ней своей оценкой событий.

Впрочем, средства наподобие «спайдеров» не могли обеспечить стопроцентной защитой всех нуждающихся в ней, а живая охрана могла отследить лишь считаных людей, поэтому руководство СВР забило тревогу и предложило всем бывшим профессионалам спецслужб придумать способ борьбы с комитетом «охотников».

Через два дня способ был найден.

Его предложил пришедший в себя Ян Лапарра, дед пропавшей без вести в недрах Солнца Кати, подруги Кузьмы Ромашина.

Способ был совсем прост: погрузиться в практически готовый к запуску солнцеход и нырнуть в Солнце. Аппарат мог взять на борт двенадцать человек, при экономном размещении — почти тридцать, и этого было достаточно, чтобы семьи всех бывших сотрудников структур безопасности, Погранслужбы и Управления аварийщиков-спасателей смогли в нём укрыться.

Сначала к предложению Лапарры отнеслись весьма скептически, особенно Калаев и старший Ребров. Формально они продолжали работать в Правительстве и СЭКОНе, исполняя функции советников Министерства безопасности, и пользовались всеми привилегиями лиц с высоким социальным статусом. Однако за время, прошедшее с момента прихода к власти нового премьера, развернулась нешуточная охота за всеми «бывшими», были убиты и покалечены сотрудники СБ, работавшие с Ромашиным, в контрразведке с Юэмей Синь, а также члены их семей, и Филипп Ромашин отдал приказ готовить «акцию спасения».

На подготовку операции по захвату солнцехода-2 — он получил собственное имя «Финист» — ушло ещё три дня, за которые были убиты Виктор Чалый, бывший глава департамента спецтранспорта УАСС, и ранены жена и дочь Станислава Томаха. Охотники Комитета оперативного регулирования пытались атаковать в Исфахане и многочисленную родню Хасида Хаджи-Курбана, также пропавшего в недрах Солнца вместе с Ромашиным-младшим, но получили такой отпор (потеряв трёх боевиков), что вынуждены были отступить и с Исламским Содружеством больше не связываться.

Тридцатого мая на верфь завода «Красный пролетарий», вынесенную в космос, нагрянула делегация СЭКОНа, которую возглавлял новый председатель Комиссии Людвиг Казийски. Кроме того, по секретному решению Правительства в тот же день был заменён весь состав манипула охраны верфи, якобы — «для перехода на режим «СРАМ», отсекающий несанкционированный доступ к разработкам спецтехники».

Пока недоумевающие чиновники «Красного пролетария» чесали в затылках и перезванивались друг с другом, удивлённые причинами своих неожиданных отставок, верфь с её центральным объектом на стапелях оказалась в руках новых назначенцев.

Те действовали быстро, заблокировали все подходы к солнцеходу, загрузили в его чрево гору контейнеров неизвестного назначения, используя штатные станции метро, а через три часа после прихода комиссии «Финист» исчез. Вместе с четырьмя членами комиссии. Пятый, оказавшийся настоящим работником СЭКОНа, лишь растерянно развёл руками, когда его спросили, что произошло. Он был уверен, что делает нужное дело.

Через час солнцеход заметили сотрудники станции наблюдения за Солнцем, расположенной «над» светилом (над плоскостью эклиптики) всего в десяти миллионах километров. «Фи-

нист», мало отличавшийся по форме от своего предшественника, вынырнул из тьмы пространства (потом обнаружили, что аппарат имеет совершенные системы режима «инкогнито»), какое-то время маневрировал, словно намечая вектор движения, и снова исчез.

Больше его не видели.

Естественно, управляли им профессионалы из подразделения Саши де Лорм, появившиеся на борту через особым образом сориентированную линию метро. Точно так же на борт аппарата были переправлены и семьи беглецов, согласившиеся обменять риск постоянного преследования на риск путешествия через горнило Солнца к его ядру. Всего набралось двадцать человек, среди которых были жёны Игната и Филиппа Ромашиных, дети и жёны Реброва, Лапарры, Томаха и сами патриархи. Мужчины — Игнат Ромашин, Владилен Ребров и Герман Алнис — остались на Земле, чтобы довершить начатое. Хотя в любой момент и они тоже могли укрыться от охотников на борту «Финиста», нырнувшего в Солнце, как подводная лодка в глубины океана.

Доказать, что солнцеход захватили помощники и друзья бывших руководителей спецслужб Федерации, юристам ВКС и СЭКОНа не удалось. Но всё же Филипп Ромашин и Владилен Ребров были допрошены следователями СБ УАСС и ограничены в правах. Отныне они не имели права покидать свои коттеджи на Земле, и за ними было установлено гласное наблюдение — как за людьми, совершившими попытку незаконного захвата власти. Пользоваться тайфами и системой метро они не могли, что в свою очередь означало: охотникам давалась хорошая возможность ликвидировать обоих при полной поддержке правоохранительных органов.

Впрочем, они были готовы к этому.

Как и служба СВР.

Глава 7

ГОН

Если бы солнцеход не был подготовлен к движению внутри «непрерывного ядерного взрыва», которым по существу являлось Солнце, он был бы разрушен первым же выстрелом из вы-

сокочастотного электроразрядника, имевшегося на вооружении у неизвестного агрессора. Но корпус машины защищал слой нейтрида — особого вида материи, состоящей из «чистых» нейтронов, и разряд электрической пушки (очень мощной, способной разъять на атомы гору размером с Монблан) только «прогнул» эту броню, заставил принять дополнительную массу и заряд, что вызвало своеобразную экзореакцию: нейтроны в месте удара превратились в протоны и антипротоны, произошла спонтанная аннигиляция пар элементарных частиц, и в воздух рванул растущий гриб термоядерного взрыва.

Стрелок, озадаченный результатом стрельбы, прекратил огонь, и это дало возможность солнцеходу спрятаться за силовой завесой режима «инкогнито». Спустя две секунды после атаки он исчез из поля зрения агрессора. Но далеко не улетел. Пассажирам «крота» захотелось узнать, кто так решительно напал на них, вместо того чтобы начать переговоры. Хасид скомандовал Дэву сделать петлю в атмосфере и выйти над тем районом, откуда был нанесен энергетический удар по аппарату.

Они увидели необычной формы конструкцию длиной около двух километров: три гигантских ажурных «паруса» были посажены на «сучковатое полено». Из отверстий в «полене» шёл дым, будто внутри него горели костры. Паруса шевелились, принимая разные позы и наклоны, словно всматривались в поверхность Земли под лёгкими перистыми облаками. Одного взгляда на это чудище было достаточно, чтобы понять, кто им владел: н е л ю д и!

— Ну и корыто! — пробормотал Кузьма. — Представляю, кто им командует! У вас есть желание вступить с ним в контакт? У меня нет!

— Разве у нас есть выбор? — робко спросила Катя.

— С этими «братьями по разуму» лучше не связываться. Самые настоящие бандиты! К тому же у нас нет оружия.

— Зато есть антипротонный «бур», — сказал Хасид. — Чем не оружие? Действует на километр-два. Хотя я бы всё же попытался начать с переговоров. Не они к нам прилетели, а мы к ним.

— Как хотите, — буркнул Кузьма. — Для контакта нужна специальная аппаратура, целевые программы... Или вы собираетесь помахать им руками?

— Зачем руками? На борту есть два АРМа, запустим один, снабдим автопилота инструкциями, пусть попробует представить нас хозяевам этого дредноута.

— Почему они сразу начали стрелять?

— Выясним.

— Как хотите, всё равно лучшей идеи у нас нет.

Хасид посовещался с Дэвом, объяснил ему суть проекта, и солнцеход через несколько минут запустил АРМ — автономный разведмодуль, способный самостоятельно выполнять несложные задания и нести на борту группу десанта в количестве десяти человек.

Естественно, пришлось выключить силовую защиту.

И тотчас же «крылатое полено», обнаружив противника совсем не там, где он до этого находился, устроило показательные маневры, используя какие-то свои энергоисточники и методики.

Оно сложило «паруса», превратившиеся в своеобразные «юбки», прыгнуло вверх, выходя из верхних слоёв атмосферы, и повернулось к солнцеходу более узким торцом «полена». Дым из отверстий в его корпусе, напоминавших вулканические конусы, повалил гуще, словно кто-то внутри подбросил в костёр дров.

— Сейчас оно шарахнет из своего излучателя! — мрачно предупредил Кузьма.

Однако он ошибся.

Буквально в километре от них из тьмы пространства проявился сияющий корпус ещё одного «дредноута» такой сложной формы, что его трудно было описать словами (у наблюдателей при взгляде на это сооружение возникло чувство гадливости), и с ходу атаковал «парусное полено».

Засверкали пронзительно зелёные лучи, пространство стеганули молнии разрядов неведомой энергии. В корпусе «полена» расцвели пламенные цветы взрывов. Оно ответило несколькими выстрелами из своей «пушки», но было уже поздно: пришелец одним из выстрелов удачно поразил центральный энергоузел «полена» или, возможно, крюйткамеру, и оно взорвалось.

Во все стороны потекли ручьи жидкого огня, сменившиеся бурным извержением сначала светящегося, а потом чёрного дыма.

«Полено» стало разваливаться на части, которые начали медленно падать в атмосферу планеты, волоча за собой дымные хвосты.

Победивший пришелец — больше всего он походил на гигантскую каракатицу — добил огрызающиеся огнём обломки «полена» и лишь после этого обратил внимание на чёрный эллипсоид солнцехода, пассажиры которого молча наблюдали за боем. Он встопорщил все свои «перья и чешуи», исчез на мгно-

вение и оказался уже над «кротом». В центре огромного многостворчатого тела гиганта засияла жёлтая звезда.

— Сейчас он выстрелит! — прошептала Катя.

— Надо вернуть АРМ! — очнулся Кузьма.

— Нет времени, — ответил Хасид. — Дэв, полная защита!

— Уже сообразил, — отозвался инк.

Солнцеход окутался слоем «анизотропно развёрнутого» вакуума.

«Каракатица» выстрелила!

Первый огненный просверк развалил АРМ надвое, и каждый осколок разлетелся вихрем более мелких обломков, вплоть до атомов.

Два последующих огненных клинка прошлись по корпусу солнцехода, «завёрнутого» в саван защитного поля, но погасли, наткнувшись на непреодолимую преграду. К тому же сам земной аппарат исчез из поля зрения хозяев «каракатицы». Она сделала ещё один мгновенный скачок, говоривший о владении конструкторов «каракатицы» ТФ-режимами и «струнными» технологиями, поискала пропавший аппарат («чешуи и перья» на её корпусе интенсивно повернулись из стороны в сторону) и так же бесшумно исчезла.

В атмосфере Земли медленно расплывались дымные струи — следы упавших догорающих осколков «полена».

— Финита! — прокомментировал Кузьма, разжимая вспотевшие ладони. — Интересно, кто это был? Земляне или чужаки? Марсиане, к примеру?

— Какая разница? — невесело повела плечиком Катя. — Они сражаются между собой, не предъявляя никаких требований.

— Война и не предполагает никаких дополнительных требований, — рассудительно сказал Кузьма. — Вот почему на планетах много воронок и кратеров.

— Самое плохое, — сказал Хасид, — что они и нас принимают за врагов. Причём обе стороны.

— Надо выйти в эфир на тех частотах, которые они используют, и попытаться объяснить, кто мы такие.

— Наши передатчики не работают на тех частотах.

— Значит, надо перенастроить генераторы.

— Ты знаешь, как это делается? Я — нет.

— Могу попробовать.

— Подождите, мальчики, — поморщилась Катя. — Если мы

для них всего лишь мишень, то как мы с ними установим контакт? Есть у нас передатчики или нет?

Кузьма промолчал.

Хасид тоже помолчал немного, посматривая на тающие дымные хвосты. Потом сказал:

— Давайте облетим Землю. Если увидим, с кем можно поговорить, сядем.

Его предложение приняли без обсуждения.

Дэв развернул солнцеход, превращённый в своеобразную машину пространства, направил в атмосферу планеты. На высоте пятидесяти пяти километров зависли, вглядываясь в её поверхность, и «крот» поплыл над планетой невидимым, но массивным облаком, насторожив все свои системы наблюдения и физического анализа.

Пассажиры, жаждущие увидеть следы разумной деятельности, желательно — человеческого уровня, притихли в креслах, на сводя глаз с виома, в котором то и дело появлялись заинтересовавшие инка участки поверхности Земли.

Плоскогорья, усыпанные всё теми же кратерами, старыми и молодыми, дымящимися, где изредка появлялись чёрные провалы с мигающими внутри огнями.

Куполообразные горы, изборождённые ручьями светящейся лавы, на вершинах которых виднелись разрушенные сооружения непривычных глазу форм.

Пустыни, все в кратерах, выжженные небывалым огнём, с полурасплавившимися песчаными барханами.

Обширные буро-жёлтые леса, под сводами которых мелькали какие-то тени. Причём деревья оказались абсолютно неузнаваемыми, так как не были похожи ни на один вид земной растительности.

Кипящие воды морей и океанов, в которых также появлялись и исчезали непонятные объекты, не то искусственные конструкции, не то живые существа, не похожие ни на одно животное, известное людям.

Жизнь на Земле существовала. Её не смогла уничтожить и бомбардировка, покрывшая всю поверхность планеты сплошным ковром шрамов, дыр, трещин и кратеров. Но эта жизнь мало чем напоминала ту, о которой на «настоящей» Земле были написаны учебники по палеобиологии и палеоботанике. Водители солнцехода надеялись увидеть динозавров либо примитивных существ, живших на Земле — по свидетельству учёных — милли-

ард лет назад. Вместо этого они увидели странные движущиеся объекты, не похожие ни на динозавров, ни вообще на каких-либо известных науке животных, назвать которые «машинами» не поворачивался язык.

Большинство из «машин» представляли собой конгломераты «машин» поменьше, наподобие «вездехода» из «бубликов» и «черепахи», но встречались и гиганты, живущие в пещерах или шахтах, разглядеть которых в деталях не удавалось, так быстро они исчезали из поля зрения.

Один из таких великанов, с виду — ходульная конструкция величиной с земной хиларит, неосторожно вылез из своего убежища и был тут же атакован «каракатицей», выпавшей из воздуха буквально в полукилометре от него. Сверкнули тонкие зелёные лучи, каскад молний, и непонятный «агрегат» на ходулях развалился на части, которые самостоятельно попытались скрыться в складках местности. Часть из них успела это сделать, часть была уничтожена.

«Каракатица», похожая на искусственный аппарат, атаковавший «полено с парусами», порыскала над горами в поисках новых объектов для уничтожения, несколько раз выстрелила в глубь шахты и исчезла. По-видимому, она играла роль надзирателя за жизнью планеты и уничтожала всё, что выходило за рамки определённых размеров и видов деятельности.

Это происшествие произвело на свидетелей угнетающее впечатление.

— Не понимаю, за что они их... — зябко поёжилась Катя.

— Обычный контроль побеждённых, — сказал Хасид. — Была война, Земля проиграла, и теперь её контролируют те, кто победил. Хотя я могу и ошибаться.

— Об этом ещё Высоцкий писал, — усмехнулся Кузьма.

— Кто?

— Был такой поэт в двадцатом веке, он ещё пел.

— Бард, что ли? Я знаю одного, в Питере живёт.

— У Высоцкого есть классные стихи.

— Песни.

— Пусть песни. Я вспомнил одну, она странным образом очень близка к нашей ситуации.

Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд.
Осторожно с прошлым, осторожно, —
Не разбейте глиняный сосуд.

— Почти о нас, — бледно улыбнулась Катя.

Солнцеход продолжал двигаться над планетой, и пассажиры снова примолкли, увлечённые созерцанием пейзажей. Потом Кузьме это надоело:

— Здесь мне всё понятно. Нет смысла садиться и искать встреч с местными жителями. Нас не поймут — это раз, появятся надзиратели и нападут — это два. Предлагаю найти метрополию, то есть планету, которая командует парадом. Это явно не Меркурий и не Венера, мы их видели. Значит, либо Марс, либо Фаэтон.

— Либо вообще спутники Юпитера или Сатурна, — сказал Хасид безразличным тоном.

— Ты против? — прищурился Ромашин.

— Нужна стратегия.

— Я и предлагаю стратегию — найти место обитания агрессоров.

— А потом?

— Потом будет видно.

Хасид посмотрел на Екатерину:

— Ваше мнение, леди?

— Кузьма прав, — вздохнула девушка. — Надо у кого-то выяснить, что здесь происходит. Лучше всего у тех, кто понимает суть вещей.

Мужчины посмотрели друг на друга.

— Тебе не кажется, что у неё прорезается командирский голос? — бесстрастно спросил Хасид.

— Она видит себя начальником, — ответил Кузьма таким же ровным голосом.

— Дадим ей такую возможность?

— Если не дадим, она возьмёт сама. Хотя матриархат — вещь положительная.

— Где-то я слышал, что начальниками становятся сильные, подчинёнными — слабые, а заместителями — умные.

— Будем умными?

Катя не выдержала, засмеялась.

— Болтуны! Вам в театре играть, а не серьёзными делами заниматься. Чем плохо моё предложение?

— Всем хорошо, — успокоил подругу Кузьма. — В нашем положении это лучшее решение. Командуй Дэву, что он должен делать.

— Я всё понял, дамы и господа, — мягким баритоном ответил инк солнцехода. — Курс — на Марс!

— Йо-хо-хо, и бутылка рому! — добавил Хасид хладнокровно.

«Крот» устремился прочь от Земли, ещё не имеющей своего спутника и потому странно одинокой и беззащитной. Её обитатели, кем бы они ни были, сопротивляться агрессорам, представителями которых была «каракатица», уберечь поверхность планеты от разрушительных ударов из космоса не могли.

* * *

Полёт до четвёртой планеты Системы, предположительно названной Марсом, занял всего час с минутами. Однако на известный землянам Марс она походила мало.

То есть масса и размеры планеты были примерно такими же, что и раньше, а вот состав атмосферы и ландшафты изменились так, что узнать Марс было трудно. Да и спутников он не имел — таких, какими их привыкли видеть люди конца двадцать четвёртого века.

Фобос и Деймос были открыты земным астрономом Холлом в тысяча восемьсот семьдесят седьмом году и представляли собой неправильной формы каменные глыбы, повёрнутые к Марсу одной и той же стороной. Фобос имел размеры двадцать семь на двадцать два и на восемнадцать километров, Деймос — пятнадцать на двенадцать и на десять. Во времена войны с Дьяволом оба марсианских спутника использовались землянами лишь в качестве рекреационных зон: для домов отдыха и хиларитов.

Пассажиры солнцехода увидели два языка мелких камней, вращавшихся вокруг планеты, отнюдь не красной из-за песчаных и каменистых равнин, а скорее лимонно-жёлтой, и несколько сооружений, напоминающих по форме «скелеты радиолярий», а также «каракатицу» и уничтоженное ею «полено».

Было ясно, что строили их те же существа, что создали воюющие между собой аппараты. Вот только увидеть обитателей этих странных станций не удалось. В космос они не выходили. А если и жили за стенками «желудков и кишок» (такими они казались издали), то не торопились показываться людям на глаза.

Поверхность Марса также не соответствовала тем характеристикам, какие были известны землянам.

Во-первых, он был покрыт морями, напоминающими с высоты листы тёмно-синего металла.

Во-вторых, исчезли системы разломов коры, каньоны и горные страны, прежде хорошо различимые из космоса.

Горы и плоскогорья существовали, но не придавали облику планеты дикую силу и угрюмость умершего мира. Наоборот, этот мир был наполнен жизнью, хотя назвать её разумной с точки зрения сведущего человека было нельзя. Повсюду были видны обитатели планеты, но ни динозаврами, ни млекопитающими они не были.

Насекомые!

Или очень близкие к ним существа!

Хотя при ближайшем знакомстве невозможно было определить точно, как они выглядят. Не бабочки, не осы, пчёлы, шмели, мухи, стрекозы и не черви, медведки, клещи и другие бегающие и ползающие представители мира насекомых, но очень близкие к ним существа, сочетавшие в себе множество «параллельных» признаков. Больше всего они походили на некие универсальные организмы, способные жить в воде, летать и скрываться под землёй. Они не строили никаких жилищ, зато вполне организованно рыли какие-то извилистые «каналы» и расчищали площадки, превращая их в идеальные «посадочные платформы». На которые, впрочем, никто не садился.

— Что они делают?! — удивилась Катя, налюбовавшись странной «разумной» деятельностью гигантских — до шести метров длиной — «насекомых». — Кто ими управляет?

— Я никого не вижу, — отозвался не менее удивлённый Кузьма. — Может быть, это работают инстинкты?

— Вот кто ими управляет, — кивнул Хасид на дрейфующее неподалёку двадцатикилометровое сооружение, насторожившее огромные «уши». — Я думаю, здесь выполняется определённая программа по переделке Марса. Никакие это не жители планеты, а рабочие. Поэтому они такие все одинаковые. Выполнят свою миссию и самоуничтожатся.

— Для кого же они стараются, перестраивают Марс? — скептически хмыкнул Кузьма.

— Для тех, кто победил в войне.

— Конкретнее?

— Не для землян, это точно. Землян мы видели, они явно побеждены, за ними до сих пор ведётся охота. Но кто знает, что делается на других планетах? Вполне вероятно присутствие разума на спутниках Юпитера или на Фаэтоне.

— Летим туда?

Хасид посмотрел на Катю, сказал тактично:

— Я бы полетел. На Марсе нам делать нечего.

— Согласна, — кивнула девушка серьёзно.

— Тогда и я не возражаю, — сказал Кузьма.

Ответный взгляд Хасида был скептичен и лукав, отчего Кузьма заёрзал на месте и неожиданно для себя самого по-мальчишески показал другу язык.

Хасид улыбнулся. На этом политика и закончилась.

— Вперёд! — проговорила повеселевшая Екатерина, неисправимая оптимистка.

Солнцеход рванул в темноту космоса.

* * *

Фаэтон, а точнее — пятая планета местной... Системы, напоминающей Солнечную и при этом серьёзно отличающейся от неё, оказался маленькой звездой.

Ошеломлённые открытием водители «солнечного крота» долго разглядывали тускло светящиеся раскалённые горы на ночной стороне небольшого небесного тела, вулканы и моря жидкого расплавленного вещества на дневной стороне, соединённые реками и ручьями ещё более жидкого материала.

Солнцеход имел систему датчиков и приборов для спектрального анализа солнечных «пород», поэтому инк без особого труда определил состав вещества верхнего слоя планеты. Оно оказалось идентичным лунному реголиту, только расплавленному, и Катя сразу же выдала идею, что Фаэтон и является будущей земной Луной.

Каким образом эта планета должна была переместиться на место земного спутника, гипотеза умалчивала.

Облетев расплавленную, сотрясаемую продольными и поперечными колебаниями, бурлящую, сопящую, испускающую раскалённые газы планету два десятка раз, солнцеход поднялся выше, и пассажиры раскрыли кресла для совета.

— Здесь нет жизни, — сказала Екатерина. — Даже спутников нет, которые могли бы наблюдать за Фаэтоном. Странно. Неужели никому не интересно, что тут происходит?

— Мы не знаем истинных жителей Системы, — пожал плечами Хасид. — Скорей всего это насекомые, а у них своя логика и своё отношение к миру.

— Насекомыми тех тварей, что мы видели, назвать трудно, — возразил Кузьма.

— Какая разница? Пусть они какие-нибудь лягушки или помесь саксаула с тарантулом, симбиоты, наконец, нам от этого не легче. На нас сразу нападают, что нехарактерно для гуманоидных рас. Здесь живут негуманы.

— Что ты предлагаешь?

— Лететь дальше, к Юпитеру, потом к Сатурну, Урану, если понадобится. Пока не найдём, кто командует парадом. Катя права, ничего лучшего придумать нельзя.

— А не вернуться ли нам к Солнцу?

— Зачем? — уставились на Ромашина спутники.

— Попробуем нырнуть в Солнце, добраться до ядра и...

— И дальше? — хладнокровно поинтересовался Хасид.

— Поищем выход в петлю времени. Может быть, он сохранился.

— Сумасшедший! — фыркнула Катя. — А если никакого выхода нет? Что мы будем делать?

— Вернёмся...

— К Солнцу мы всегда успеем, — сказал Хасид. — Хотя я не уверен, что это оптимальное решение. Давайте доведём поиск до конца. Сдаётся мне, нас ждут интересные открытия.

— Ладно, уговорили, — сдался Кузьма, споривший только ради самоутверждения. — Действительно, к Солнцу вернуться мы всегда успеем.

— Вижу необычный объект, — доложил вдруг Дэв. — Движется в нашу сторону.

— Боевая тревога! — отреагировал Хасид. — Беру командование на себя!

Кузьма промолчал, закрываясь в кокон-кресле. Он понимал, что боевого опыта у полковника спецотдела СБ больше, чем у него.

Объектом оказалось... сферическое хронозеркало!

Его диаметр был около ста километров, и оно точно так же отражало свет, как сферические зеркала — «мячи», «мотоболы» и «теннисные шары» Дьявола, с которыми боролись земляне в «настоящей» Солнечной системе.

Пассажиры «крота» молча рассматривали зеркальный шар, пока он не скрылся в клубах пара и дыма, врезавшись в поверхность Фаэтона. В этом месте так и осталась отметина — коричнево-багровое пятно, напоминающее остывший плоский кратер

с центральной горкой. Именно такими кратерами была усеяна земная Луна.

— И здесь зеркала! — тихо проговорила Катя. — Кто-то утверждал, что мы находимся в другой звёздной системе...

— В прошлом нашей Солнечной системы, — уточнил Хасид. — Задолго до того, как она приобрела известный нам вид.

— Миллиард лет назад? — хмыкнул Кузьма. — Полтора? Больше?

— Два, а то и три. Не знаю, как это случится, но Фаэтон остынет и займёт место Луны. Солнце чуть разогреется, Земля тоже изменится, появятся известные нам формы жизни.

— Неужели мы не сможем вернуться? — так же тихо, с дрожью в голосе, проговорила Екатерина. — Так и останемся здесь?

— Вернёмся! — твёрдо заявил Хасид. — Если и здесь существуют хронозеркала, между ними и теми, что появились в наше время, должна быть какая-то зависимость. Надо её найти!

— Где?

— Без паники, граждане спасатели цивилизации! Предлагаю не задавать лишних вопросов. У нас ещё всё впереди, мы не обследовали и тысячной доли местной Системы. Решили идти к Юпитеру? Идём к Юпитеру!

Катя и Кузьма встретились глазами.

— Железная логика! — веско сказал Ромашин.

Катя фыркнула.

— Я рада, что ты не возражаешь. Полетели к Юпитеру.

— Дэв, ты всё понял? — обратился Хасид к инку.

— Джентльмены, прошу пристегнуться, — ответил компьютер, включая двигатель «крота».

Глава 8

БОЛЬШОЙ ПАНЬТАО

Одновременное исчезновение группы людей, приближенных к бывшим руководителям УАСС и СБ, и похищение солнцехода наделало шуму.

Включились механизмы криминальной полиции и Министерства безопасности Федерации. На розыск семей патриархов спецслужб были брошены дополнительные силы Службы безопасности, по всеобщему информвидео был объявлен всемирный

розыск исчезнувших людей, которые обвинялись во всех смертных грехах и в том числе в угоне «Финиста».

Филипп Ромашин и Владилен Ребров были вынуждены обратиться к руководству ВКС с просьбой оградить их от самодеятельных «следователей», которые мешали им работать и почти ежечасно угрожали «снять головы, чтобы другим неповадно было заниматься противоправной деятельностью».

Комиссар криминальной полиции Хо Кецаль, не посвящённый в детали операции «Ход конём», как назвали специалисты угон солнцехода, вынужденно обратился к руководству Министерства безопасности Федерации и получил «добро» на личный допрос бывшего директора УАСС и бывшего комиссара Службы безопасности. В среду тридцать первого мая они были вызваны в резиденцию главы земной кримполиции в Мехико и дали показания.

Естественно, ни о каком сговоре с целью похищения солнцехода речь не шла. Ни Филипп Ромашин, ни Владилен Ребров ничего об этом не знали. Как не ведали и об исчезновении других сотрудников спецслужб и членов их семей. Жёны же их, по словам патриархов, «отдыхали» на курортах Федерации и не желали, чтобы их тревожили.

Хо Кецаль догадывался, что оба отлично знают о происходящем в Системе, но так как он дал слово работать с СВР индивидуально (пусть его пока и не трогали), то вёл себя соответствующим образом, делая вид, что сильно озабочен действиями «неизвестных» угонщиков «крота». А вот Людвиг Казийски, пришедший на смену Реброву в Службу безопасности УАСС, повёл себя так, словно точно знал детали операции «Ход конём». Его агенты начали расследование инцидента именно с тех слабых звеньев, в частности, с охраны верфи «Красный пролетарий», которые и позволили «террористам» угнать «подсолнечную машину».

В течение двух суток были найдены кое-какие свидетели и доказательства сговора охраны, руководства верфи и Службы безопасности, после чего к расследованию подключился комитет оперативного регулирования, который без лишних проволочек задержал подозреваемых лиц. Они были допрошены с помощью психотронных генераторов «удав» и выдали то, что знали. Немногое, конечно, только то, что захват солнцехода был подготовлен какой-то сверхсекретной организацией. Но и этого хватило, чтобы Артур Мехти, бывший министр безопасности Феде-

рации, а ныне преуспевающий бизнесмен, выступил по видео с заявлением, что эта «сверхсекретная организация» по сути и является «агентурой Дьявола», которую надо обезвредить.

С его подачи был созван Совет безопасности, который поставил деятельность всех «борцов с Дьяволом» вне закона, а комитету дал особые полномочия по ликвидации угрозы перехвата власти в Системе. Которая уже была в руках агентов Дьявола.

Третьего июня в тайном бункере Филиппа Ромашина, которого пока оставили в покое, состоялось совещание СВР, на котором присутствовали семь человек. Вёл совещание сам Ромашин-старший.

Бункер был перестроен в связи с последними событиями в Системе (находился он в недрах Саянского хребта на глубине двух километров) и в настоящее время представлял собой органеллу с нишами индивидуальной информационной аудиовидеообработки, создающими впечатление безраздельной власти над всеми объектами космоса. Когда включалось инк-сопровождение, у человека возникало удивительное ощущение парения над Землёй.

Точно такое же ощущение возникало у водителей спейсеров, только в ещё большей степени. По сути бункер Ромашина-старшего играл ту же роль и мог короткое время путешествовать в космосе: при необходимости он имел возможность катапультироваться по особой линии метро, заканчивающейся на одном из объектов пояса Койпера диаметром около двухсот километров.

— Времени мало, — начал Филипп; он был виден каждому из присутствующих так, будто сидел напротив. — Поэтому будем краткими. Сначала статистика. Войтек, тебе слово.

Перед совещателями возник молодой человек с приятным лицом — изображение Умника СВР, оперирующего всеми базами данных.

— Температура фотосферы Солнца уменьшилась на двадцать два градуса, — начал Умник ровным бархатным голосом; рядом с ним возникло изображение земного светила с медленно шевелящимися волокнами факелов и протуберанцев. — Размеры гранул также уменьшились на семь-восемь процентов, что говорит о снижении конвективной активности. Поток солнечного излучения изменился несущественно, на сотые доли процента, однако идёт медленное падение интенсивности солнечного ветра, что увеличивает радиус базового поля и как следствие...

— Опусти подробности.

— Качественные выводы, — тут же сменил тему Умник. — Вожможность магнитных бурь увеличивается. Идёт смена цикличной активности Солнца. Падение температуры фотосферы и хромосферы начнётся уже через три-четыре месяца. Необходимо срочно перестраивать энергетические комплексы...

— Достаточно, — снова перебил докладчика Филипп. — Это и так понятно. Что у нас делается вокруг Солнца?

— Отмечено изменение активности у трёхсот звёзд ближайшего звёздного окружения. Их свет будет идти до Земли ещё от ста лет до семи тысяч лет, но они находятся в поле зрения наших исследовательских и квартирьерских экспедиций, и уже сейчас заметен масштаб вмешательства Дьявола, нанёсшего удар по Галактике.

— В число этих звёзд входят известные нам как источники жизни негуман? — спросил Иван Славин. — Орилоух, Дайсон, Маат?

— Разумеется, не входят, — буркнул Ребров. — Дьявол уничтожает только энергоисточники гуманоидных рас.

— В таком случае все три сотни звёзд, о которых идёт речь, являются источниками энергии для гуманоидных цивилизаций?

— Даль-разведка уже направила к некоторым из них своих посыльных, но результата ждать не стоит. Думаю, агентура Дьявола побеспокоится о судьбе экспедиций, они не вернутся.

— Надо немедленно предупредить экипажи!

— Пытаемся.

— Каков прогноз?

— Дьявол не остановится на достигнутом, это очевидно. Однако до тех пор, пока мы не узнаем координаты его внутреннего и внешнего императив-центров, незаметная экспансия врага продолжится, а мы будем вынуждены работать скрытно, в «подполье».

— Что ты имеешь в виду под внешним императив-центром? — спросил Игнат.

— Если внутренний управляет силами Дьявола в Системе, то внешний развернул свою деятельность в Галактике. Если мы хотим избавиться от Дьявола, нужно ликвидировать оба центра.

— Вряд ли мы справимся с внешним, — с сомнением сказала Саша де Лорм. — Он замахнулся на гашение жизни в таких масштабах, какие нам не под силу.

— Надо объединиться, — сказал Игнат.

— С кем? — скептически шевельнул бровью Ребров. — Даже

если в число тех трёхсот звёзд, которые начали гаснуть, входят звёзды с гуманоидными цивилизациями, они уже ничем не смогут нам помочь.

— Твоё предложение — сидеть и ждать?

— Не ждать, искать центры управления.

— А потом?

— Внутренний мы раздолбаем своими силами, внешний... — Филипп помолчал. — Попробуем применить Большой Паньтао. Векторно, с целевой направленностью.

— Вы уверены, что это подействует? — спросил Иван Славин. — Не уничтожим ли мы собственные позиции? Насколько мне известно, Паньтао — всего лишь гигантский ТФ-эмиттер и воздействует на все вакуумные структуры.

— Не на все, — качнул головой Игнат. — Мой сын... — Он пожевал губами, с усилием преодолел чувство тоскливой неопределённости. — Мой сын рассчитал параметры Большого Паньтао, установленного на первом солнцеходе. Результат вы видели. Хронозеркало исчезло.

— Но исчез и солнцеход.

— Мы не знаем причин...

— Стоп! — повёл рукой Филипп, останавливая спор. — Суть не в этом. Второй Большой Паньтао охраняется так, что нам к нему не подступиться. Зато все забыли о Потрясателе Мироздания, оставшемся на Тритоне. Если его немного подреставрировать, сменить резонансные контуры и правильным образом настроить, он вполне способен послужить в качестве оружия.

— Мои люди уже начали копать к нему тоннель, — сказал Игнат. — С другой стороны Тритона, чтобы никто не видел. Пока что пройдено сорок четыре километра.

— А диаметр Тритона почти равен диаметру Луны, — проворчал Ребров.

— Через месяц мы будем у Потрясателя.

— Умник, ваши предложения по поиску внешнего императив-центра? — сказал Филипп.

— Мы ищем закономерности в системе гаснущих звёзд, — подключился к разговору инк СВР. — Результаты таковы. Распределение звёзд на первый взгляд не имеет вектора. Откуда запускаются шары хронозеркал — «огнетушители звёзд», мы пока не знаем. Из похода вернулся самый дальний наш разведкорабль «Мехико», который привёз данные по гаснущим звёздам в галактике Андромеды и в Магеллановых Облаках. Их анализ даёт

примерно одинаковую вероятность появления «огнетушителей» для каждой звезды.

— То есть выделить центр невозможно? — уточнил Ребров. — Вы это хотите сказать?

— Мы имеем странные колебания вероятности, чуть выше фоновых значений, которые указывают на Солнечную систему и на центр Галактики. Но статистических данных мало для окончательного вывода.

— Если вектор движения хронозеркал указывает на Солнечную систему, — сказала Саша де Лорм, — означает ли это, что «мячи Дьявола» создаются у нас?

— Большинство «мячей» наблюдатели ловят за орбитой Юпитера. Лишь первое сферическое хронозеркало было зафиксировано на границе Системы, за орбитой Нептуна, да и оно связано с погоней за кораблём мантоптеров, которые хотели предупредить нас о появлении «огнетушителей Дьявола».

— Может быть, портал их выхода и в самом деле находится в самой Системе? — заговорил молчавший до сих пор Станислав Томах. — Сможем ли мы это определить?

— Попробуем, — кивнул «призрак» Умника. — Но без активной фазы сделать точный анализ действий Дьявола в Системе невозможно.

— Мы обязаны это сделать до активной фазы, потом будет поздно.

— Дьявол настраивает структуру управления таким образом, — сказал Филипп, — чтобы одним ударом покончить с Солнцем. И с нами, соответственно. Нужно знать, сколько времени ему понадобится для полного перехвата власти.

— Кто-нибудь считал такой вариант? — спросил Ребров.

— Есть приблизительный расчёт, — сказал Иван Славин. — Ум, ваша оценка?

— Два месяца, — ответил инк. — Плюс-минус две недели.

— Значит, в нашем распоряжении максимум полтора месяца, — мрачно сказала Саша де Лорм. — Иван, мы успеем?

— Должны успеть! — не менее мрачно сказал Ребров.

Славин покосился на заместительницу, но промолчал.

— С этим разобрались, — сказал Филипп. — Однако нам уже пора выходить на сцену. Комитет оперативного регулирования, ведомый господином ЮЮ, перешёл все границы. Необходимо ощутимо снизить его активность.

— И сократить численность, — усмехнулся Игнат. — Ваня, твоя команда готова к удару?

— Давно, командор, — ответил Славин.

* * *

Оскар Мехти мало изменился со времени первой встречи с Кузьмой Ромашиным. Он был всё таким же высокомерным, уверенным в своей безнаказанности, нетерпеливым и задиристым, как и раньше. Разве что прибавилось бесшабашности и злости по отношению к тем, кто, по его мнению, пытался мешать ему жить. Первым в этом списке стоял Кузьма Ромашин, вторым Хасид Хаджи-Курбан, третьим — Ян Лапарра и его внучка Катя, которая должна была — по убеждению Оскара — следовать за ним, выполняя все его приказы.

Но поскольку ни Кузьмы, ни Кати «под рукой» не оказалось и было неизвестно, остались ли они живы, внимание Оскара сосредоточилось на родственниках врагов, поэтому в первую очередь он искал выходы на семьи Ромашиных, Ребровых и Лапарры. Естественно, ему помогала целая бригада помощников, также увлечённых охотой на «неугодных власти» лиц. Среди них были и сотрудники криминальной полиции и даже Службы безопасности УАСС, которые получили негласное разрешение начальства на самостоятельный поиск «преступников».

Четвёртого июня руководителю Комитета оперативного регулирования доложили о том, что бывший командор Погранслужбы Игнат Ромашин замечен с женой в одном из игровых залов подводного хиларита «Фор сизонс», расположенного на дне Тихого океана, недалеко от побережья Старых Американских Штатов.

Тотчас же заработала достаточно мощная система отработки команд комитета, к хилариту были брошены оперативники «группы быстрого реагирования», которую возглавил лично Оскар Мехти. На замечание Юзефа Юзефовича: «Друг мой, тебе не кажется подозрительным, что Ромашин всплыл именно в игровом клубе и именно в такое неподходящее время?» — Оскар ответил:

— Он всё ещё надеется на свой статус важняка, тем лучше для нас, мы его сейчас очень сильно огорчим.

Группа для охоты собралась за двадцать минут.

Хиларит был взят под контроль, а все линии метро к нему были заблокированы.

Тихоокеанский подводный хиларит «Фор сизонс», один из тысячи разбросанных по всей Системе клубов развлечений и отдыха, принадлежащих известному сибирскому бизнесмену Геннару Свинь-Прошковичу, открылся более тридцати лет назад. Он представлял собой колонну из прочного керапласта с прозрачными стенами, диаметром в сто метров и высотой в полтора километра, опущенную в складку дна на глубину трёх километров. В начале эксплуатации это был клуб семейного отдыха с полным комплектом морских развлечений — от обычного дайвинга до путешествий по красивейшим подводным каньонам и охоты на осьминогов и акул. Впоследствии ассортимент предлагаемых отдыхающим приключений постепенно расширился, и в настоящее время хиларит «Фор сизонс» насчитывал около трёхсот разного рода игровых салонов, в том числе чисто «сухопутных», таких, как рулетка, карточные и спортивные игры.

Игнат Ромашин предпочёл «тихий», но сосредоточенный на психологических нюансах вид развлечений: он играл в «дурман» — новомодную карточную игру, продолжавшую традиции старинного преферанса, но в трёхмерном варианте.

Жена бывшего командора Дениз, редко появлявшаяся в свете, но весьма эффектная особа, пила горячий маниак и с интересом наблюдала за баталией, которой были увлечены шесть человек. Двое из них — перуанец Базиль Головейра и китаец Си Ми Кор Ней Фу — в настоящее время работали в филиалах СЭКО-На своих стран и были достаточно известны. Остальные партнёры, молодые и постарше, никакой роли для Оскара и его группы не играли. Они были неизвестны.

Однако младшего Мехти подвела его обычная самоуверенность. Он не стал проверять игроков, не подстраховался, не попытался проанализировать ситуацию, а сразу окружил игровой зал силами группы, насчитывающей тринадцать человек, и ворвался туда, расстреляв охрану — двух витсов и живого охранника, не успевшего потребовать у него предъявить полномочия на ношение оружия.

Если бы Оскар был просто исполнителем чужих приказов, ему бы не было цены. Действовал он всегда быстро, энергично, рискованно и нестандартно, выбирая практически единственно верную тактику для решения той или иной задачи. Однако при этом он оставался человеком эмоций, любил нравиться всем, независимо от их моральных позиций, и лёгкость, с какой добивался своей цели, кружила ему голову. Будучи сыном министра

безопасности Федерации, Оскар привык к безоговорочному подчинению друзей (он сам подбирал себе компанию, где все зависели от него и выполняли все приказания), а главное — к молчаливому одобрению своих поступков всеми должностными лицами. И это стало основой всей его жизни.

Важно и значительно прошагав в игровой зал, за столами которого застыли ошеломлённые нападением посетители — всего за игровыми столами сидели восемнадцать человек, включая партнёров Ромашина, — Оскар Мехти остановился напротив сидевшего с каменным лицом Игната. Ухмыльнулся:

— Привет, командор. Не ожидал меня увидеть?

Ромашин покосился на боевиков комитета, державших всех игравших на прицеле, взглядом успокоил Дениз, но на вопрос не ответил.

— Язык проглотил? — с издёвкой продолжал Оскар. — Неужели думал, что я тебя никогда не найду? Ты не первый и не последний в этом деле, командор. Мы и Лапарру вычислим, и всех твоих родственничков-долгожителей. Папаша твой тоже задержался на этом свете, а ведь ему уже девяносто пять.

Игнат снова промолчал.

Оскар оглядел компанию игроков, которые казались потрясёнными до глубины души, усмехнулся:

— Запомните, господа: мы всего лишь уничтожаем крыс, мешающих нам жить. Господин бывший командор Погранслужбы многое сделал, чтобы испортить мне биографию, засадить в тюрьму. Но я на свободе, а он, — Оскар помахал стволом «универсала» перед носом Ромашина, — он останется здесь в качестве обжаренного тоста. Тебе нравятся обжаренные с двух сторон тосты, командор?

В дверях зала появился спешащий боевик комитета, лицо которого закрывала маска. Он подбежал к Оскару, шепнул что-то ему на ухо.

— Что ты сказал? — удивился сынок министра безопасности. — Почему не работает?

— Не знаю, — растерянно пожал плечами могучий парень в коричнево-серебристом унике транспортной полиции.

— Хиларит накрыт слоем анизатроп-поля, — негромко проговорил Игнат. — Никто вас не услышит.

— Ты... сказал... — изумлённо повернулся к нему Оскар и вдруг побледнел: тайф, которым он попытался воспользоваться для бегства, не сработал.

— Тайфы тоже не смогут выйти на режим, — качнул головой Ромашин. — Система метро хиларита заблокирована, и — не вами.

Оскар отступил, наведя «универсал» на Игната, завертел головой.

— Держите их на стволах! Они блефуют! Кто дёрнется — огонь на поражение! А вы, мадам, — Оскар подскочил к Дениз, — пойдёте со мной!

— Контроль-два! — бросил Игнат тем же ровным голосом.

Дениз, сидевшая до этого момента неподвижно, улыбнулась. Затем лицо женщины неуловимо быстро изменилось, и на остолбеневшего Оскара Мехти глянули узкие раскосые глаза Юэмей Синь.

— Сдайте оружие, сяньшэн! — сказала она нежным голоском.

— КОТ![1] — процедил сквозь зубы Оскар, глядя на китаянку ставшими бешеными невидящими глазами. В следующее мгновение он направил ствол «универсала» в лицо Юэмей, и... тут же прозвучал выстрел!

Стреляли из «дракона».

Ракетная пуля калибра шестнадцать и пять десятых миллиметра оторвала руку Оскару, а самого отшвырнула назад, к выходу из зала.

Все замерли.

— Оружие на пол! — раздался гулкий голос, сотрясший не только воздух, но и пол, и стены, и тела всех присутствующих.

Боевики попятились, оглядываясь по сторонам.

Раздался ещё один выстрел из «дракона», — казалось, стреляет сама стена помещения, — и второй боевик с воплем отлетел к столу с дымящейся дырой в плече.

— Оружие на пол! — ещё яростней проговорил невидимый стрелок.

Все оставшиеся на ногах спутники Оскара побросали оружие — «универсалы», плазмоны и скорчеры, подняли руки.

— Увести! — коротко приказал Игнат.

Поднявшиеся из-за соседних столов мужчины, совсем молодые и постарше, одетые по моде последнего сезона в свободные блузоны и трансформные уники — один из них оказался тем самым стрелком из «дракона», — в течение нескольких секунд по-

[1] КОТ — копия-отвлекатель, устройство голографического копирования.

добрали оружие, увели задержанных. Вызванная платформа скорой помощи увезла раненых Оскара и его боевика. В игровом зале остались только те, кто сидел за столом вместе с Ромашиным, плюс его «жена».

Игнат поднял карты, посмотрел, сравнил с играющей огнями «розой виртуального расклада», небрежно бросил на стол:

— У меня «длинный» мизер. Доиграем в следующий раз.

— Можно и сейчас доиграть, — бесстрастно заявил его партнёр Си Ми Кор Ней Фу. — Тем более что у меня хорошие шансы на девять.

— Нет времени, — улыбнулся Игнат. — Сейчас сюда прибегут охранники комплекса.

— Метро разблокировано, — доложил второй партнёр, совсем молодой, с румянцем во всю щеку.

— Уходим, друзья. Юэмей, вы первая.

Бывшая руководительница контрразведки исчезла.

За ней с интервалом в доли секунды пропали и все свидетели короткой драмы. Зал опустел. И только после этого в него ворвались охранники «Фор сизонс», одетые в серебристо-золотые защитные уники. Они увидели пустые столы, кровь на полу, карты и виртуальные поля игры на столах и молча оглянулись на вошедшего следом начальника охраны.

— Что здесь произошло? — осведомился начальник, толстый, важный, с красивой голубой бородкой.

Никто ему не ответил.

* * *

Оскар очнулся в комнате без окон, по-спартански голой и чистой, не имеющей ни одной лишней детали.

Кровать, столик с медицинским комбайном, капельница, вириал инка в углу, стул.

— Эй, кто-нибудь! — хрипло позвал младший Мехти, не сразу сообразив, где находится.

— Слушаю, сэр, — ответил инк любезным голосом; возле стены объявилось его инкарно в полный рост — призрачная фигура в белом медицинском унике.

— Где... я?

— Не смею знать, сэр. Я всего лишь функциональный киб с линией обслуживания.

Правой руке стало щекотно, и Оскар попытался её почесать, но не смог. Левая рука была пристёгнута к кровати блестящими

скобами и не двигалась. Правая висела свободно, поддерживаемая системой рычагов, на бицепсе у плеча виднелся синий шрам с красными точечками.

— Что это?!

— Ваша рука была оторвана и пришита, — с готовностью сказал мед-киб. — Пошевелите пальцами.

Оскар машинально пошевелил.

— Отлично! — кивнул киб одобрительно. — Операция прошла успешно.

Оскар вспомнил свою неудачную акцию по уничтожению Игната Ромашина, попытался встать, но тело тоже оказалось пристёгнутым к кровати.

— Дьявол! Освободи меня!

— Не имею права, сэр. Для полноценного выздоровления вам необходимо лежать ещё четыре дня.

— Дай мне консорт-связь с... э-э... одним знакомым.

— Не могу, сэр, не обижайтесь. Я создан лишь для лечения пациента, которым являетесь вы. Связь с другими лицами мне недоступна.

— Освободи меня! — взвыл Оскар и едва не потерял сознание.

К нему придвинулись две паучьи лапки, в нос шибануло запахом лимквелы, голова прояснилась.

— Не дёргайтесь так сильно, сэр, — укоризненно покачал головой инк. — Вам это не пойдёт на пользу.

— Вызови кого-нибудь, с кем я мог бы поговорить!

— Не имею права, сэр.

— Ты всего лишь машина! Слушайся, когда тебе приказывают!

— Я всего лишь функ...

Оскар попытался освободиться, и надвинувшаяся темнота беспамятства освободила его от мучений.

Очнулся он через полчаса.

Та же комната, ничего лишнего и никого, кроме тут же бесшумно выросшей у кровати белой фигуры.

— Что прикажете, сэр?

— Мне... нужно... позвонить...

— Это невозможно, сэр. Могу только включить информ.

Оскар полежал, глядя перед собой тусклыми глазами, кивнул:

— Давай.

На стене вспыхнул жемчужный прямоугольник, провалился в глубину, превращаясь в виом.

— ...таким образом, — закончил появившийся в объёме передачи диктор, — мы имеем дело с хорошо спланированной акцией агентов Дьявола, рассчитавшихся с самыми смелыми и честными борцами с Дьяволом. Вот их фамилии.

Диктор прочитал список фамилий, среди которых оказалось и имя Оскара Мехти.

Оскар заплакал, внезапно осознав, что с этого момента он для всех — мёртв...

* * *

Филипп Ромашин выслушал очередное сообщение Славина о ликвидации ещё одной группы комитета, повернул голову к собеседнику:

— Остался ЮЮ.

— Найдём, — проворчал лысый, с серым застывшим лицом, но с живыми глазами Ян Лапарра; он по шею был закрыт «саркофагом» реанимации. — Жизнь продолжается, спасатель?

Филипп усмехнулся.

— Я слышал, что жизнь — вредная штука, от неё умирают.

Лицо Лапарры осталось неподвижным как маска, но в глазах мелькнула усмешка.

Глава 9

ЗАВОД

Так как Юпитер находился по ту же сторону Солнца, что и «крот», это обстоятельство сочли несущим оптимистический заряд, и экипаж солнцехода отправился отдыхать в полном составе.

Расстояние до самой большой планеты местной системы мало отличалось от радиуса орбиты Юпитера, поэтому лететь до него солнцеход должен был около четырёх с половиной часов. Достаточно, чтобы пассажиры пришли в себя после исследований «жидкого» Фаэтона.

Однако их блаженное состояние путешественников, ждущих приятных открытий, длилось недолго. Уже через час Дэв вызвал «старшего» и сообщил, что вслед за машиной мчится какая-то многокилометровая «коряга». Пришлось прервать светскую бе-

седу в кают-компании, за чашкой горячего маниака, и вернуться в кокон-рубку «крота».

«Коряга» действительно совершала в кильватере солнцехода какие-то манипуляции, исчезала, возвращалась, рыскала из стороны в сторону, словно «принюхивалась» к следу аппарата, и, возможно, она и в самом деле чувствовала, что космос пашет чей-то невидимый, защищённый силовыми полями крейсер.

Выглядела она приблизительно так же, как и «полено», что дало возможность наблюдателям принять его за спутника уничтоженного «каракатицей» космического судна. У Кати даже родилось предложение связаться с хозяевами «коряги» и выяснить ситуацию. Но мужчины её инициативу не поддержали, считая эволюции чужой машины угрожающими. Уж очень целенаправленно она маневрировала в космосе, топорща какие-то «уши», «сучья» и «паруса».

Через какое-то время «коряга» исчезла.

Но следом за ней появилась другая, не менее странной формы, названная «вилкой». Длина её достигала одиннадцати километров, а четыре зуба длиной около пяти километров угрюмо стегали пространство лиловыми молниями, уносящимися далеко назад исполинскими огненными деревьями. «Вилка» тоже что-то долго искала, потом её заметила объявившаяся незаметно «коряга» и ринулась в бой. Чем он закончился, экипажу «крота» выяснить не удалось. Оба бойца скрылись где-то в темноте пространства на полпути между Фаэтоном и Юпитером.

Около часа солнцеход мчался к гигантской планете в одиночестве. Пассажиры заскучали. Кузьма предложил дежурить в рубке по очереди, но тут одна за другой пошли встречи, и все остались на своих местах.

Сначала солнцеход обогнул необычную конструкцию, напоминающую корявую изгородь. Какую роль она играла для обитателей местной Системы, трудно было понять. Но «столбы» её, неровные, сучковатые, с грубо «обрубленными» сучьями, длиной около тридцати с лишним километров, соединенные колючими «лианами», производили впечатление г р а н и ц ы, отчего у землян появилось неуютное ощущение воришки в чужом огороде.

Это ощущение ещё больше усилилось, когда им встретилась рыскающая «каракатица», посылающая впереди себя веера жёсткого гамма-излучения. На радушный приём это никак не походило, и земляне притихли, порассуждав на тему пограничных дозоров, существовавших на Земле во времена прямого государ-

ственного разделения. «Изгородь» и «нюхающая» космос «каракатица» очень сильно напоминали земные аналоги.

Однако основные встречи были впереди.

Когда до Юпитера осталось около получаса лёта в прежнем режиме, непонятные сооружения стали появляться чаще, а потом пошли одно за другим: ажурные колонны, шары, ползучие «лианы», «заросли хмеля», «грибы» и тому подобные объекты, при виде которых хотелось сглотнуть и прополоскать рот. Сооружения казались живыми и неживыми одновременно, но главное — они были обсыпаны ползающими по ним и летающими вокруг «насекомыми», отчего становилось ясно, что солнцеход приближается к обжитой зоне космоса. Оставалось неясным лишь одно: на каком из спутников Юпитера находится сама метрополия.

— Дэв, что ты видишь? — поинтересовался Кузьма.

— Искусственные конструкциии...

— Я имею в виду спутники. Сколько ты насчитал?

— Более тридцати. Больших всего семь, из них четыре близки по параметрам Галилеевым.

— На каком-то из них живут местные хозяева. Европу видишь?

— Спутник, по массе равный Европе, вращается над вторым пылевым кольцом, плохо виден.

— Летим к нему.

— Подожди, Кузя, — сказал Хасид. — Мы как раз находимся над каким-то объектом в атмосфере Юпа. Давай посмотрим?

Кузьма перевёл взгляд на появившийся в окне дальновидения сетчатый неровный диск, кивнул:

— Давай, всё равно нам в ту же сторону.

Юпитер, освещённый солнцем слева, загородил половину сферы обзора. Над ним полосой вились какие-то более мелкие объекты, создавая рябь «технологической инфраструктуры». Не оставалось сомнений, что на спутниках, если не на нём самом, живут разумные существа, создавшие эту впечатляющую структуру. При этом количество спутников, определённое инком «крота», в шесть с лишним раз было меньше того, какое насчитывала свита Юпитера в конце двадцать четвёртого века. И ещё одна деталь отличала этого гиганта от «настоящего» Юпитера: отсутствие Красного Пятна.

Оно было открыто земными астрономами в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году и благополучно дожило до конца два-

дцать четвертого века, являясь устойчивым атмосферным вихрем с размерами сорок на тринадцать тысяч километров. По выводам учёных, вихрь образовался много тысяч лет назад в результате некоего «объёмного фазового сдвига континуума», привязанного к определённому месту на поверхности планеты — на широте около двадцати градусов. Объяснить, почему вихрь держится так долго, учёные не смогли, хотя предложили ряд гипотез, одна экзотичнее другой.

Дэв знал две из них.

Первая: взрыв породил некую «трещину» в вакуумном поле планеты, через которую в физическую реальность Солнечной системы просачивалась энергия, поддерживающая вихрь.

Вторая: в результате взрыва была создана масса «отрицательной» материи, отличающейся от антиматерии тем, что её протоны, нейтроны и другие элементарные частицы представляли собой те же частицы, но зеркально отражённые.

Но в этой Системе Юпитер н е и м е л Красного Пятна!

Зато в его атмосфере плавал гигантский ажурный диск диаметром почти в десять тысяч километров и толщиной более двух тысяч.

— Дэв, подойди к нему поближе, — приказал заинтригованный Кузьма.

Солнцеход сбросил скорость до тысячи километров в секунду, изменил направление движения.

Диск висел на границе атмосферы гиганта и казался лёгким, ажурным, игрушечным, пока не занял собой всё поле обзора. Стали видны ползающие по его конструкциям «насекомые», то и дело скрывающиеся в частых отверстиях «пены» диска. Что они делали, понять было невозможно. С виду — ничего.

Внезапно совсем рядом с «кротом» высветились тела двух «каракатиц», истекающие медово-розовым огнём.

— Назад! — приказал Хасид.

Солнцеход погасил инерцию движения, двинулся обратно.

«Каракатицы» порыскали вокруг, то падая к торцу диска, то поднимаясь над ним, явно встревоженные чем-то, потом унеслись во тьму космоса стремительными призраками.

— Быстрее! — поторопил инка Хасид. — Отверни от центра сооружения.

Дэв повиновался.

Диск сместился вбок и назад.

И тотчас же какая-то странная судорога передёрнула весь го-

ризонт видения аппарата, в центре диска протаяла чёрная дыра, и в неё проскользнул гигантский зеркальный шар, колышущийся как мыльный пузырь!

— Хронозеркало! — ахнула Катя.

Шар торжественно прошёл мимо убегающей в сторону пылинки солнцехода, устремился прочь от диска и от Юпитера, увеличивая скорость. Через минуту его не стало. Хотя система дальновидения аппарата позволяла ещё какое-то время наблюдать за ним. Судя по вектору движения, его путь лежал к границам местной Солнечной системы.

— Завод! — процедил сквозь зубы Кузьма.

— Что? — не поняла девушка.

— Это завод хронозеркал.

— Совершенно верно, — подтвердил Хасид. — Здесь делают зеркала и запускают в Галактику.

— Почему в Галактику?

— А куда ещё?

— К нам, в будущее! Это же очевидно! Теперь окончательно ясно, откуда в нашей родной Системе берутся шары зеркал! Их завод — в прошлом! Мы просто сделали хронопетлю на своём солнцеходе и попали в те времена, когда в Системе работал завод!

— Не знаю, возможно, ты и прав.

— Я прав на все сто процентов!

— Но кому это надо?! — возмутилась Катя. — Неужели Дьявол живёт здесь?!

— Он из нашего прошлого. Наблюдатель предупреждал нас, чтобы мы были осторожны в экспериментах с «галактическим просвечиванием» и реализацией ТФ-теории. Дьявол уже вовсю пользуется её следствием.

— Что ему надо?

— Как что? Ты же сама была в шкуре Наблюдателя, тебе дали информацию о деятельности Дьявола. Он принял меры, чтобы в будущем гуманоиды проиграли, вымерли как динозавры.

— Но если Наблюдатель всё же нашёл способ предупредить нас, значит, мы не проиграем?

— Для этого нам ещё надо потрудиться, стать честнее, умнее и справедливее, отбить атаки Дьявола.

— Красиво говоришь, Ромашин! — сказал Хасид с восхищением. — Тебе надо было учиться на социолога или эфаналитика. Подскажи лучше, что нам делать.

— Уничтожить этот завод! — вырвалось у Кузьмы. — К чёртовой матери!

В рубке управления стало тихо.

Спутники Ромашина оценивали его эмоциональное решение.

Впрочем, как и он сам.

Потом Катя проговорила с сомнением:

— Ты авантюрист, Ромашин!

— Можно подумать, вы не из того же теста, — не обиделся Кузьма.

— Но мы не сможем уничтожить такую махину! Хорошо, если повредим какую-нибудь важную часть. Хотя я лично против! За нами начнут охоту эти твари, и нам придётся...

— Нырнуть в Солнце! Уверен, хозяева Системы не имеют таких машин, как наш «крот».

— Ходя? — позвала Катя. — Ты тоже так думаешь?

— Вообще-то он прав. И ты права, — тактично добавил Хасид. — С другой стороны, нас занесло сюда не зря. Я даже подумываю, уж не замысел ли это Наблюдателя?

— И у меня бродят по башке такие же мысли! — обрадовался Кузьма.

— По башке обычно бродят не мысли, а насекомые.

— Шутник!

— Нет, я серьёзно, — сказала Катя. — Мы не сможем уничтожить завод. А с другой стороны, Ходя прав: возможно, это наша миссия. Надо думать.

— Давайте поищем способ избавиться от завода, — предложил Хасид. — Мы ещё не всю Систему обследовали. Дэв, ты хорошо рассмотрел спутники Юпитера?

— Самые большие. Всё же мои возможности ограниченны. По массе они близки известным, но в отличие от наших имеют атмосферы.

— Все?

— Так точно.

— Странно, в наше время атмосферы у Галилеевых спутников слабенькие. Впрочем, за миллиарды лет может исчезнуть любая атмосфера. У Марса она была когда-то весьма значительной. Дэв, что у нас на траверзе ближайшее?

— По массе — Европа.

— Дуй к ней!

— Слушаюсь, сэр.

Солнцеход начал маневр.

* * *

В конце двадцать четвертого века Юпитер имел больше двухсот спутников, из которых только восемь считались регулярными, так как вращались по устойчивым круговым орбитам. Остальные, диаметром от сотен метров до двух сотен километров, вращались по так называемым нерегулярным орбитам, которые менялись с течением времени в некоторых пределах, так как имели наклон к экватору планеты и были сильно вытянуты.

Европа была открыта в тысяча шестьсот десятом году Галилеем и долгое время являлась претендентом на звание «обитаемой» планеты, поскольку была покрыта льдом и гигантским тёплым океаном толщиной до двадцати километров. Обследовать этот спутник земляне начали ещё в конце двадцатого века с помощью автоматических станций, а первая экспедиция посетила Европу в конце двадцать первого века, обнаружив на ней следы какой-то древней цивилизации. Не остатки сооружений, но странную инфраструктуру на поверхности льда и на дне океана, которая не могла быть естественным образованием.

В земные телескопы было видно, что поверхность Европы сложена двумя типами структур — гладкими равнинами и пятнисто-сетчатыми областями, названными х а о с а м и.

Затем мимо Юпитера пролетели американские исследовательские станции, в начале двадцать первого века много лет в его системе работал космический аппарат «Галилей», и снимки спутников Юпитера стали доступны всем любителям астрономии. На них рельеф Европы оказался странно упорядоченным, хотя и фрактальным, были открыты парные и более сложные борозды, переплетённые «косички» и линейчатые образования, многие из которых были, как выяснилось... пакетами ледяных «труб»!

Земляне бросили на Европу всю свою технику, в её изучении приняли участие европейцы, русские, японцы и китайцы, не считая американцев, однако, кроме «труб» и линейной структуры разломов льда, долгое время не удавалось обнаружить ничего более интересного. Пока к Юпитеру не отправилась третья пилотируемая экспедиция, которая пробурила льды планеты на экваторе и проникла в её океан, покрывающий всю Европу многокилометровым слоем. Тогда-то и были найдены следы древнего разума — в виде бесконечных, связанных между собой клетчатых «тессер» — то ли остатков выращенных искусственно «кораллов», то ли водорослей.

С тех пор под лёд Европы спустились десятки и сотни специалистов, там были развёрнуты исследовательские станции, построены долговременные научные базы и даже парочка хиларитов. Однако учёные так и не смогли предъявить общественности прямых доказательств присутствия на планете разума. Все длинномерные, линейные, цепочечные, упорядоченные структуры вполне укладывались в прокрустово ложе гипотезы о существовании на Европе «обычной» биологической жизни, не связанной с разумной — с точки зрения землян — деятельностью.

Однако то, что увидели пассажиры солнцехода, мало сходилось с мнениями учёных конца двадцать четвёртого столетия.

Европа имела плотную кислородно-натриевую атмосферу и была покрыта водой! Ни одного ледяного поля или айсберга Дэв на её поверхности не увидел. Зато люди могли полюбоваться на загадочные системы, образованные «мостами» и длинными многосоткилометровыми «шлейфами», а также «водорослевыми бородами», по которым деловито сновали всё те же «насекомые», карикатурно напоминающие «личинки жуков» и земных кузнечиков.

Понять, чем они занимаются, так и не удалось. Но в том, что их деятельность подчиняется какой-то своеобразной логике, сомневаться не приходилось. «Крот» трижды облетел Европу на высотах от пятисот до пятидесяти километров и везде видел одно и то же: гигантские стройные сети «водорослей» рыжего и синевато-багрового цвета и миллионы «насекомых», ползающих по этим сетям, скрывающихся внутри замысловатых петель или в желтовато-коричневых водах океана.

— Ну, и с кем прикажешь устанавливать контакт? — осведомился Кузьма, которому первому надоело всматриваться в довольно однообразные водные ландшафты спутника Юпитера.

— Надо нырнуть в океан, — несмело предложила Катя.

— Мы можем искать их правителей годами. И не найти.

— Может быть, надо приземлиться где-нибудь на острове и открыться? Должны же они заинтересоваться.

— А если нами заинтересуется их охрана? «Каракатицы», к примеру, или ещё кто посерьёзней?

— Надо же что-то делать.

— Честно говоря, я не верю, что «насекомые» и есть хозяева Европы, — сказал Хасид. — Они больше похожи на наших роботов и витсов.

— Их много и на том дисковидном заводе.

— Ну и что? Поэтому и можно предположить, что это искусственные существа или машины.

— В таком случае где их хозяева?

— Внутри «каракатиц».

Кузьма хмыкнул, ища в ответе друга нелогичность.

— «Каракатицы» слишком примитивно себя ведут, сразу стреляют, вместо того чтобы оценить, кто перед ними появился.

— Логика негуман отличается от человеческой. К тому же они воюют друг с другом, а военные всегда сначала стреляют, а потом разбираются — в кого.

— Тебе виднее. Что предлагаешь?

— Давайте попробуем проверить идею Екатерины: сесть на какую-нибудь твёрдую «сушу» и объявиться, чтобы нас увидели и услышали.

Кузьма помолчал.

— Надеюсь, нам удастся сбежать, если интерес обитателей Европы окажется чисто гастрономическим. Дэв, садимся.

Солнцеход пошёл вниз, к поверхности юпитерианского спутника, пронзил слой атмосферы толщиной всего в тридцать пять километров, опустился ниже поверхности облаков, напоминающих скорее более плотную серебристую дымку из молекулярно связанного водяного пара. Океан, изменивший цвет с грязно-коричневого на жёлтый, лёг перед пассажирами «крота» чешуйчатой от мелких волн простынёй с длинными «бородами водорослей».

Выбрали самый прямой участок одной из «прядей водорослей», начали снижение.

«Прядь» распалась на ряд параллельных «мостов», опирающихся на длинные многосотметровые «ходули». Солнцеход завис над ними, прицеливаясь. Инк не был уверен в прочности «мостов» и «ходуль», к тому же он мог уместиться только на трёх «мостах» сразу, и посадка требовала учёта многих параметров «космодрома».

Бегающие по «фермам мостов» «насекомые» вдруг замерли, каким-то чудесным образом почуяв приближение пришельца. Возможно, их коснулось антигравитационное «дыхание» солнцехода. Затем все они посыпались в воду, освобождая конструкции «мостов».

— Всё-таки они нас видят, — пробормотал Кузьма с сожалением.

— Скорее ощущают, — не согласилась Катя.

Солнцеход опустился на решетчатые полотна «мостов», постепенно снижая мощность поддерживающего поля. «Фермы мостов» начали прогибаться, потрескивать, растягиваться.

— Ничего не выйдет, — проговорил Кузьма. — Мы тут всё поломаем.

— Какая тут сила тяжести? — поинтересовалась Катя.

— Ноль сорок две земной, — ответил Дэв.

— В два с половиной раза меньше, чем на Земле.

— Всё равно «крот» весит здесь почти полмиллиона тонн! Вряд ли строители этих железяк рассчитывали на посадку таких махин.

— Может быть, просто зависнем над водой? — предложила Катя.

— Дэв, начнут ломаться опоры, — бросил Хасид, — взлетай!

Солнцеход продолжал снижаться, отпуская силу, держащую его на весу.

Ходули «мостов» прогнулись, как и конструкции-«фермы» всего «пучка водорослей». Наступила томительная пауза.

— Сидим, — сказал Дэв.

— Будь готов взлететь в любой момент.

— Снимай защитное поле, — добавил Кузьма. — Пусть жители полюбуются на наш транспорт и доложат кому надо.

— Ты думаешь, они сообщат властям? — нерешительно сказала Катя.

— Кому же ещё? Наши аборигены так бы и поступили. Прилетели бы пограничники, потом безопасники, потом контактеры.

— Случись это на Земле — согласна, так бы всё и произошло, но мы не на родной планете, и живут здесь совсем даже не люди.

Солнцеход сбросил с себя саван защитного поля и стал виден всем, кто в данный момент рассматривал прогнувшиеся под его тяжестью опоры «мостов»: стодвадцатиметровая чечевица непередаваемо чёрного, с фиолетовым отливом, цвета, бархатно гладкая, без единой детали, поглощающая свет и потому кажущаяся издали зыбкой горой дыма.

В жёлтой полупрозрачной воде под «фермами мостов» показались «насекомые», похожие на личинки земных жуков. Многие из них начали выползать по «ходулям» наверх, на «фермы», медленно двинулись к земной машине.

— Ну вот, а ты говорила — не люди, — проворчал Кузьма. — Они тоже любопытны, значит — не машины.

— Это ещё надо доказать.

— А мне кажется, что это живые существа.

— Внимание, вижу приближающиеся объекты, — доложил Дэв. — Уровень эксклюзивной негативности близок к единице.

— Готовность один! — отреагировал Хасид.

Вином отразил один из объектов, очень близкий по размерам и по форме знакомой «каракатице».

— Общую картину!

Инк мгновенно перестроил изображение, стало видно, что к сидевшему на «мостах» солнцеходу мчатся с трёх сторон три «каракатицы» разного уровня сложности. Самая маленькая из них в десять раз превосходила земной аппарат по диаметру.

— Что будем делать, сеньоры?

— Ждать, — спокойно сказал Хасид.

— А если они начнут стрелять?!

— Мы ходили внутри Солнца, так что нам не страшен никакой энергетический удар.

— Даже разряд «глюка»? — с сомнением спросила Катя.

— При включённом защитном поле «кроту» не страшен и «глюк». Другое дело — «паньтао» или «делитель». Но эти парни скорее всего не имеют ни того, ни другого.

— Ты уверен?

— Будь у них «делитель», они применили бы его не задумываясь. А судя по количеству кратеров на всех обследованных нами планетах, их оружие — бомбарды, оставляющие ударные воронки. Или специально направляемые в нужное место болиды.

«Каракатицы» приблизились и разом затормозили, загородив солнцеходу дорогу.

«Насекомые», вылезшие из воды на «мосты», дружно нырнули обратно в воду.

И тотчас же над «кротом» просиял огнём выпавший из космоса корпус ещё одной «каракатицы».

— Жаль, — произнёс Хасид хладнокровно.

— Чего?! — не поняла Катя.

— Что «крот» не умеет ходить по «струне». Кузя, ты не можешь перестроить наши ТФ-генераторы так, чтобы мы могли бегать по космосу в таймфаговом режиме?

— Я об этом не думал, — сознался Кузьма.

— Подумай на досуге. Однако, леди энд джентльмены, нам перекрыли все пути отступления. Попытаемся уйти через таран или продолжим переговоры?

— Мы их ещё не начинали, — фыркнула Катя.

— Так давайте начнём.

— Дэв, создай над корпусом «крота» наше изображение. Пусть хозяева этих монстров посмотрят на нас. Может, проникнутся уважением?

Инк без возражений выполнил команду.

Над линзой солнцехода возникла группа людей двадцатиметровой высоты: Катя и двое мужчин, обнявшие её с обеих сторон. Они улыбались.

«Каракатицы» отработали назад, словно хотели разглядеть гостей с более удобного расстояния.

Повисла пауза, длившаяся несколько секунд.

Затем самая большая «каракатица» раскрыла «клюв» и плюнула длинной ветвистой молнией (всё тот же высокочастотный энергоразряд) с напряженностью поля до одного миллиарда вольт. И Дэв тут же накрыл солнцеход завесой силовых полей. Второй разряд вонзился уже в «пустое место», окатив ливнем более мелких молний двояковыпуклую линзу «крота».

Внутри солнцехода родился глухой гул, вызванный резонансом корпуса и всех переборок при отражении первого энергоразряда. Заколебались стены рубки, возбуждая потрескивания и стоны в материалах аппарата.

— Отмечаю нерасчетные ВЧ-колебания геометрии объёма! — озабоченно доложил Дэв. — Разряды с такими характеристиками я гасить не обучен.

Словно в ответ на его признание все четыре «каракатицы» испустили красивые шлейфы мощнейших электрических разрядов. Вокруг солнцехода разразилась самая настоящая световая буря. Ходули «мостов» не выдержали энергетических ударов, подкосились, солнцеход вместе с «фермами мостов» сунулся в воду. Сознание пассажиров в рубке, защищенных, казалось бы, от любого внешнего воздействия, помутилось.

— Отмечаю расползание метрики в пике миллиона гравитуд... — начал инк.

— К черту! — просипел Кузьма. — Уходим отсюда!

— Если они нанесут еще один удар, — быстро сказал Хасид, — обшивка «крота» поползёт!

— Что ты предлагаешь?

— Надо уходить вниз! В недра Европы! Они за нами не полезут, уверен!

Кузьма думал недолго.

— Дэв, ныряй и включай бур!

Через несколько мгновений над солнцеходом сомкнулись взбаламученные жёлтые воды океана, преградившие путь «каракатицам», хищно кружащим над «мостами».

Глава 10

ЧУЖАЯ СИСТЕМА

Бывший полковник особого отдела СБ Селим фон Хорст, дважды побывавший в шкуре негуманоида, сначала — Червя Угаага, затем — моллюскора, жил в собственном коттедже на окраине берлинского мегаполиса. Если до последнего полета на Полюс он выращивал цветы, то в настоящее время — кактусы, что говорило о каких-то изменениях в психике полковника. И теперь его усадьба представляла собой самый настоящий колючий дендрарий, заполненный кактусами всех возможных видов и форм. Прилетевшие к нему Артём и Зари-ма долго рассматривали заросли мексиканских суккулентов, сибирских молочаев и опунций, выращенных без всяких видимых оранжерей и теплиц. Наконец Артём проговорил:

— Похоже, полковник стал интеллектуалом.

— Почему? — удивилась полюсидка.

— Один наш древний писатель сказал, что интеллектуал — это человек, который нашёл в жизни нечто более интересное, чем секс.

Зари-ма засмеялась:

— Ты обижаешь человека, не зная его настоящих привычек.

— Не я — Олдос Хаксли. К тому же я уверен, что вырастить такое изобилие кактусов за короткое время, построить микроландшафт с рокариями — видишь те каменистые горки? — можно только при полной самоотдаче.

— Благодарю за теплые слова, — раздался знакомый глуховатый голос, и за высоким сочным базиларисом появился Селим фон Хорст.

Он был одет в шорты и майку с изображением подсолнуха, на голове красовалась шляпа с широкими полями, и когда он её снял, стала видна блестящая, абсолютно лысая голова, загоревшая на солнце до цвета меди.

— Здравствуй, — пробормотал Артём, чувствуя смущение.

— Доброе утро, рада-ил, — учтиво присела Зари-ма, делая книксен.

— Гутен таг, — ответил бывший полковник, разглядывая их прозрачно-серыми глазами, в которых плавали искры сдержанного изучающего интереса. — Чем обязан?

— Надо поговорить, — сказал Артём.

Селим вскинул голову, прищурился, осматривая небо, прислушался к себе.

— Странно... мне кажется, что мы не одни. Ты на службе?

— Это не служба, — качнул головой Артём. — Нечто другое.

— Красиво, — сказала наивная Зари-ма, кивая на кактус неподалеку.

— Эониум арбореум, — сказал Селим, бросив мимолетный взгляд на цветущую желтым розетку кактуса. — Что ж, проходите.

Он неторопливо направился по песчаной дорожке к двухэтажному красивому коттеджу, вполне современному, несмотря на его почтенный возраст. Гости, переглядываясь, последовали за ним.

— Проходите в гостиную, — пропустил их хозяин, скрываясь в другом крыле здания.

Артём и Зари-ма сняли обувь, надели тапочки (всё в доме было вылизано до блеска), прошли в гостиную, также уставленную кадками и плошками с кактусами. Их было великое множество, и стояли они не как попало, а в соответствии с неким композиционным замыслом, поэтому рассматривать посадки было интересно.

— Семпервивум, — сказал появившийся бесшумно фон Хорст, переодетый в домашний холщовый костюм белого цвета с искрой.

Зари-ма, разглядывающая вьющийся стебель кактуса с тремя розово-оранжевыми цветами, оглянулась:

— Удивительные цветы! Я не знала, что эти колючки так красиво цветут!

В глазах Селима мелькнуло одобрение, но они тут же стали бесстрастными.

— Присаживайтесь. Напитки?

— Черничный сок, — попросил Артём.

— Горячий шоколад, — добавила, стесняясь, Зари-ма.

Селим ничего не сказал, но через несколько секунд в гостиную вплыл поднос с графинчиками и чашками, и гости, взяв за-

казанные напитки, сели в старинные с виду, под кожу и дерево, кресла с резными «звериными» ножками.

Селим тоже взял в руки чашу с прозрачной зелёной жидкостью, отхлебнул.

— Слушаю, молодые люди. Или я должен сначала поблагодарить вас за то, что остался жив? Это ведь вы упросили ангелоида вернуть мне человеческий облик?

Артём и Зари-ма в замешательстве переглянулись.

— Не надо нас благодарить, — пробормотал Ромашин-младший.

— Мы от чистого сердца, — сказала полюсидка с обычным своим простодушием. — Мы рады, что вы остались человеком.

Селим усмехнулся.

— Благодарю, девочка. Или будущая мать?

— Да, я скоро стану мамой, — гордо заявила Зари-ма. — У нас будет мальчик.

— Это славно. Однако не пора ли позвать вашего друга Ламку? Я чую, что он где-то близко, а войти не решается.

— Как вы догадались? — удивилась полюсидка.

Селим снова показал свою специфичную беглую усмешку.

— По запаху.

— Лам-ка, выйди, — приказала молодая женщина.

С потолка гостиной просыпалась струйка снежной изморози, и напротив сидевшего хозяина показался мужчина средних лет с короткой седой шевелюрой. Лицо его неуловимо быстро менялось, пока не приобрело схожесть с лицом самого фон Хорста.

— Здравствуй, патриарх. Рад видеть тебя живым и здоровым.

— Гутен морген, человеческий выкормыш. И я рад тебя видеть.

Некоторое время гость и хозяин смотрели друг на друга, как бы сравнивая ощущения, потом Селим повёл рукой:

— Сядешь?

— Постою.

— Соки пить научился?

— Отчего же не выпить?

— Может быть, ты и алкоголь принимаешь? Ради такого случая могу предложить настоящее кактусовое вино.

— Мескалин, пейотль? — прищурился Лам-ка.

— Не без этого. Не скажу, что полезно, однако веселит.

— Наливай.

Селим расслабленно шевельнул рукой (судя по всему, со сво-

им домовым он разговаривал мысленно), и в гостиную неторопливо прошествовал кибер с прозрачным подносом, на котором стояла запечатанная сургучом бутылка вина с чёрно-золотой этикеткой «Нагуаль». Кибер ловко вскрыл бутылку, разлил вино по бокалам.

Фон Хорст посмотрел на Артёма:

— Не хочешь пригубить?

Артём смешался, но, чтобы не выглядеть смешным, кивнул:

— Попробую.

Ему налили вина.

— За встречу! — поднял свой бокал фон Хорст.

Ламка-ка и Артём подняли свои.

Селим заметил взгляд Зари-мы, погрозил пальцем:

— Тебе нельзя, фрау.

Зари-ма покраснела:

— Я знаю...

Выпили.

Лам-ка подержал в руке бокал, как бы прислушиваясь к своим ощущениям.

— Очень даже неплохо. Говорю со знанием дела, так как пил нечто подобное пару месяцев назад. Активный углерод, кислород, ряд микроэлементов...

— Состав — не главное для вина. Это по сути мескалиновый коктейль, влияющий на нервную систему как наркомиметик, но — практически неопасный. Ещё?

— Благодарю, достаточно.

Под Лам-кой возник стул, он сел.

Селим кивнул, поставил свой бокал.

— Итак, я вас слушаю.

— Могу рассказать, — проговорил Артём, — но это займёт много времени. Вот флэшка, здесь суть предложения.

Селим взял бусину с записью, покрутил, рассматривая игру света в кристалле, хмыкнул и сунул в ухо. Посидел несколько секунд с полузакрытыми глазами, вынул бусину, вернул Ромашину.

— Очень интересная информация. Хотелось бы взглянуть на этого вашего «параллельного родича». Но что вы хотите конкретно от меня?

— Мы хотим помочь людям, — всплеснула руками долго сдерживающаяся Зари-ма. — Против Дьявола. Он чудовище!

— Дружить против — это нормально, — кивнул Селим бесстрастно. — Особенно не зная сути противостояния.

— Почему не зная? — сказал Артём, стараясь выглядеть таким же солидно-сдержанным. — Нам дали полную картину событий в той Ветви Древа...

— Всю — с их точки зрения.

— Естественно, мы соберём информацию дополнительно.

— Допустим, вы это сделаете. Вопрос: зачем? Что это изменит в нашей реальности?

Артём и Зари-ма переглянулись.

— В нашей реальной... сти, — заговорила полюсидка, — может, и не изменится ничего, но как же мы будем жить после, зная, что могли помочь выжить другим и не помогли?

Селим качнул головой, рассматривая зардевшееся лицо женщины с неопределенным интересом.

— Помочь другим... чисто инстинктивный подход... разум не должен вести себя на грани инстинкта.

— Ты против? — почти без выражения сказал Артём.

Фон Хорст налил себе еще вина, встал, походил по гостиной, поглядывая на цветущие кактусы, остановился напротив Лам-ки, благожелательно наблюдавшим за ним.

— Ты тоже с ними?

— Мне интересно, — растянул губы в странной ухмылке «призрак» гиперптеридского боевого робота. — Этот интерес не равнозначен человеческому, но кое-что я хотел бы уяснить.

Селим допил вино, поиграл бокалом, смял его в ком.

— Не понимаю, но готов принять. Хотя никогда не думал, что во мне ещё живут ощущения типа этого твоего «интересно». А ведь я практически не человек, несмотря на эту форму. — Фон Хорст небрежно очертил свою фигуру.

— Это ответ? — прищурился Лам-ка.

Фон Хорст засмеялся.

— Не помню, кто сказал: я могу справиться со всем, кроме искушения[1]. Сколько у меня времени на сборы?

Артём с облегчением расправил плечи, улыбнулся, встал.

— Полдня тебя устроит?

— Хватит и часа.

— Мы ждем тебя в Управлении у Калаева в семнадцать по среднесолнечному. Заодно познакомишься с моим псевдодедом Игнатом.

Лам-ка поднялся, ничем не отличимый от живого человека.

---

[1] О. Уайльд.

— Буду рад пообщаться, червемоллюскор.

— Я тоже, гиперптерид.

Они церемонно пожали друг другу руки.

— До встречи.

— Чао! — Селим вскинул вверх сжатый кулак.

И гостей не стало. Гиперптеридский робот унёс их домой, минуя сеть метро.

* * *

Перед тем как отправиться в другую Ветвь, а по сути — в другую Метавселенную, мало чем отличавшуюся от той, где он был создан, Лам-ка с интересом обследовал местную станцию трансгресса, через которую проник к ним «параллельный» Игнат Ромашин. Будь он обыкновенным человеком, гиперптеридский боевой робот наверняка попросил бы время на более глубокое изучение сети трансгресса, пронизывающей всё Древо Времен. Однако доводы опытных людей, профессионалов в области аварийно-спасательной службы человеческой цивилизации, попросивших его повременить с изучением, возымели действие, и Лам-ка согласился заняться этим делом позже.

Уходили в поход одновременно: Игнат Ромашин, похожий на «дубля» как брат-близнец, и команда в составе Артёма, Зари-мы, Селима фон Хорста и Лам-ки.

Провожали их только те, кто был посвящён в замыслы спасателей: семьи Ромашиных, Калаев и его суровые замы по снабжению.

Особой экипировки, правда, не потребовалось.

Селим фон Хорст надел стандартный уник безопасника, отказавшись от специального костюма. Из оружия он взял только аннигилятор.

Лам-ке вообще ничего не требовалось, он сам мог превращаться в любой материальный объект, воплощая самые смелые мечты людей.

Артём и Зари-ма облачились в индивидуальные «кокосы» экстремального пользования, способные долгое время поддерживать достаточно комфортные условия для владельцев почти при любых внешних нагрузках. При этом спецкостюмы не выглядели громоздкими, что было немаловажно, так как Зари-ма надела свой «кокос» только под давлением Артёма, согласившегося надеть такой же костюм. Желая уберечь беременную жену от всевозможных потрясений, Артём согласился.

Лам-ка никак не выразил своего отношения к действиям людей. Возможно, желания его были настолько далеки от человеческих, что их нельзя было выразить словами. Хотя при этом он казался учтивым, вежливым и понимающим свое положение — положение особого рода «няньки», получившейся из мощнейшего боевого робота гиперптеридов.

Портал трансгресса, как оказалось, не занимал какого-либо специального места в Солнечной системе. Он был везде и нигде, как «размазанный» по космосу гравитон. Достаточно было настроить соответствующим образом «контур входа». Что и сделал прямо в транспортном отсеке спейсера «Тиртханкар» Игнат Ромашин, посланец из другой Ветви бесконечно сложного Древа Времён.

В отсеке возникла ниоткуда сетчатая труба — таким видели портал трансгресса почти все люди без исключения; неясными оставались лишь ощущения Селима фон Хорста, побывавшего в свое время в облике Червя Угаага и моллюскора, боевого робота иксоидов, с которыми воевали гиперптериды. Впрочем, его впечатления интересовали разве что любознательного Лам-ку, который начал общаться с бывшим полковником неслышно для остальных.

Все слова были сказаны, планы обсуждены, напутствия произнесены, и Калаев обратился к уходящим, глядя с сомнением на огромную ажурную трубу трансгресса:

— Идите. И возвращайтесь.

— Живыми и невредимыми, — тихо добавила Катя, мама Артёма.

— Вернёмся! — пообещал с улыбкой младший Ромашин, обнимая жену.

В то же мгновение они оказались внутри сетчатой трубы, подхваченные неизвестной силой, и труба исчезла вместе с ними. В ангаре неподвижно остались стоять провожающие, испытывая неуютное чувство расставания и утраты.

Женщины — мать, бабушка и прабабушка Артёма — обнялись.

— Идёмте, — буркнул Калаев, направляясь к выходу из ангара.

Выход из трансгресса напоминал выход из метро: темнота, тишина, облако искр в глазах, невесомость и удар в ноги. Потом из мрака протаяли слабо светящиеся стены какого-то помещения.

— Все дошли? — осведомился Игнат Ромашин-«параллельный».

Ответил ему только простодушный, как и его хозяйка, Лам-ка:

— Я здесь.

— Осваивайтесь, осматривайтесь, собирайте информацию. Это и есть та Ветвь, где расположился Чёрный Конгресс Гасителей Звёзд, получивший образное название Дьявол. Пользоваться трансгрессом научились?

— Без проблем, — ответил Лам-ка, принявший облик не человека, а гигантского кота; чем-то он сейчас напоминал булгаковского Бегемота, хотя вёл себя намного скромней.

— Тогда я с вами прощаюсь. — Игнат посмотрел на Артёма: — Желаю удачи, внук. Однако не рискуйте ради лихости и куража, с Дьяволом надо вести себя как с очень серьёзным и мощным противником. Возможно, даже вам не удастся ничего сделать. Тогда возвращайтесь, будем думать, что делать дальше. Адрес я вам оставил.

— Мы справимся! — нетерпеливо пообещал Артём.

Ромашин из другой Ветви улыбнулся, помахал рукой и (на миг мелькнула смазанная тень сетчатой трубы) исчез.

Миссионеры остались в небольшом кубическом помещении с янтарно-медовыми стенами, внутри которых бродили огоньки. Воздуха здесь хватало, хотя запахи стояли незнакомые, чужие, неземные, пыльные. И сила тяжести в этом мире отличалась от земной, была явно ниже.

— Где мы? — тонким голоском спросила Зари-ма.

— Марс, — ответил Селим, принюхиваясь к местным запахам с закрытыми глазами.

— Верно, — подтвердил «кот» Лам-ка, исчезая, так что слова его прозвучали из воздуха. — Область Арпир, кальдера вулкана Чехова, станция слежения за составом атмосферы.

— Подожди, ты куда? — попыталась остановить робота Зари-ма.

— Изучу обстановку и вернусь.

В камере стало тихо.

Селим фон Хорст открыл глаза.

— Предлагаю выйти отсюда. Это обычная кабина метро, ничем не отличающаяся от наших. Станция заброшена, ей лет сто, никто её не посещает.

— Откуда вы знаете? — округлила глаза Зари-ма.

Хорст не ответил, разглядывая стену перед собой, потом вытянул вперёд руку, и в стене возник прямоугольник двери.

Небольшой коридорчик вывел отряд в круглый зал диаметром около десяти метров, с прозрачными стенами в форме купола. Зал был пуст, если не считать горы мусора посреди и вскрытых коробок ядовито-зелёного цвета слева от входа.

Путешественники увидели сквозь стены жёлтое небо с редкими перьями красноватых облаков и дикий пейзаж Марса: каньон справа, горы, каменистые осыпи, ни одного зелёного кустика, ни следа воды. Штырь станции, увенчанный залом визинга, торчал на самой высокой горе с округлой вершиной и позволял обозревать окрестности до самого горизонта.

— У нас марсианские пейзажи поинтереснее, — хмыкнул Артём.

— Всё относительно, — заметил фон Хорст, прислушиваясь к своим ощущениям. — Это не самый заселённый уголок Марса.

— Здесь нам делать нечего. Надо искать моих родственников.

— Подождём возвращения Лам-ки. — Селим поворошил носком ботинка пустые коробки, направился к выходу. — Подождите здесь, я пошарю внизу.

Он скрылся за неконформной — обычная панель — дверью.

Зари-ма посмотрела на Артёма, слабо улыбнулась.

— Неуютно... всё старое, заброшенное... пыль...

— Да, на рай это похоже мало, — ответно улыбнулся Ромашин.

— Рай? Что это есть?

— Ты не читала наших мифов? — догадался он. — Рай — место для отдыха праведных и добродетельных душ, как утверждает одна легенда. Другая говорит, что это библейская каторга для ленивых.

— Чего только вы, люди, не навыдумывали!

— Много, — согласился Артём. — Лично мне нравится высказывание древнего философа[1] на эту тему: только через рай порока можно достигнуть ада добродетели.

— Что есть ад?

— Очень плохое место.

— А порок?

— Объясню в другой раз.

Зари-ма засмеялась. Её смех взлетел под купол зала и вернул-

[1] Ф. Кафка.

ся дребезжащим скрипом, похожим на хруст шагов. Она вздрогнула, оглянулась.

— Мы не одни?

— Здесь такая акустика, — успокоил ее Артём.

Вернулся фон Хорст, сосредоточенный и спокойный.

— Никого и ничего. Хорошо, что метро работает. Отсюда мы сможем добраться до любой точки местной планетной системы.

— Мы могли бы обойтись и без метро.

— Не стоит все время нагружать Лам-ку, наше положение не критично.

— Согласен, — кивнул Артём. — Я бы попробовал подсоединиться к местной информсети.

— Лам-ка сделает это быстрее.

— А можно погулять вокруг станции? — просящим тоном проговорила Зари-ма.

— Температура за стенками станции около двух градусов тепла. Плотность воздуха соответствует плотности земной атмосферы на высоте шести километров. Все равно придется использовать фильтры.

Зари-ма посмотрела на мужа. Тот пожал плечами, понимая чувства жены. В речи бывшего напарника звучали нотки инка.

— Погуляем где-нибудь в более подходящем месте.

Зари-ма надула губки, но перечить не стала.

В этот момент со струйкой холода и снежной пыли в центре зала объявился спутник отряда, на сей раз — в виде молодого человека в чёрном унике.

— Я все узнал.

Остальные сгрудились вокруг него.

— Положение очень интересное, — продолжал Лам-ка, гримасничая; заметил сдвинутые брови фон Хорста, превратился в пожилого седого мужчину. — Вот что я узнал.

Рассказ робота длился несколько минут.

Лам-ка закончил.

Стало тихо. Все размышляли над словами бывшего гиперптерида.

— Дьявол! — едва слышно прошептала Зари-ма, повернула голову к Артёму. — Твои родственники вне закона...

— Мы должны встретиться с ними, — хмуро сказал Артём. — А что с первым солнцеходом? Где он?

— В ядро Солнца я не проникал, — виновато пожал плечами Лам-ка. — Могу сходить сейчас.

— Успеешь, — качнул головой Селим. — Поскольку никто из слуг Дьявола здесь не знает о нашем существовании, будем и дальше держать их в неведении. Работаем инкогнито. План такой. Ищем местонахождение твоих родичей. — Взгляд на Артёма. — Корректно беседуем с ними. Ищем императив-центр Дьявола в Системе. — Взгляд на Лам-ку. — Это твоя забота. Решаем, что с ним делать. И пытаемся найти пропавший солнцеход.

— С твоим отцом, — улыбнулась Зари-ма, сжав руку Артёма.

Селим и Лам-ка тоже посмотрели на него.

Ромашин усмехнулся.

— Здесь он мне ровесник. Интересно будет пообщаться.

— План принимается?

— Так точно, товарищ полковник! — вытянулся Артём.

Селим кивнул как ни в чем не бывало, лишь в глазах мелькнули и погасли иронические искорки.

— Тогда вперед, спасатели!

* * *

Филипп Ромашин побросал в сумку кое-какие личные вещи, кассеты, книги, сувениры, оглядел гостиную.

Уходить не хотелось. Но и другого выхода не было. Озверевший от потерь единомышленников ЮЮ устроил настоящую резню среди бывших безопасников, заручился поддержкой федералов, и теперь даже статус бывшего директора УАСС не мог защитить Ромашина от мести бывшего начальника охраны Артура Мехти.

— Оружие, — напомнил домовой.

— Оно мне не понадобится, — буркнул Филипп.

В этот момент в доме кто-то появился, минуя все запоры и системы ограничения доступа.

Филипп прислушался к ставшей живой тишине комнаты, подошёл к стене, приложил к ней ладонь и достал из открывшейся ниши «универсал».

— Оружие не пригодится, — раздался из воздуха мягкий благожелательный голос.

Филипп склонил голову к плечу, прислушиваясь к тихому говору видео в столовой, бросил пистолет в сумку.

— Входите.

В центре гостиной образовалось темное облако и распалось

на четверку людей. Филипп с любопытством оглядел их всех, задержал взгляд на молодом парне, похожем на внука Кузьму.

— Мы случайно не родственники?

Гости переглянулись.

В очень светлых глазах совершенно безволосого, как и сам Ромашин-старший, мужчины мелькнули веселые искры.

— Вы угадали.

Филипп оглядел гостей более внимательно, покачал головой.

— К сожалению, мне пора уходить. Здесь задерживаться небезопасно.

— Мы знаем, — кивнул парень, похожий на Кузьму. — Но вам не о чем беспокоиться. Лам-ка никого сюда не впустит.

— Странное имя. — Ромашин-старший посмотрел на седого мужчину с неподвижным лицом. — Витс, что ли?

Мужчина неуловимо быстро превратился в гигантского белого кота и обратно, улыбнулся.

— Вообще-то я боевой гиперптеридский робот. Но вы правы, по большому счету я высокоинтеллектуальная искусственно выращенная система.

— Он наш друг! — с неуловимым акцентом проговорила красивая незнакомка.

— А вы кто? — поинтересовался Филипп.

— Её зовут Зари-ма, она аборигенка планеты Полюс, — произнес молодой человек. — Мой спутник — Селим Базил Мария фон Хорст, бывший полковник Службы безопасности. Меня зовут Артём, фамилия Ромашин.

Он посмотрел на хозяина, ожидая его реакции.

— Значит, мы и в самом деле родственники? — хмыкнул Филипп. — Это интересно. Я не знал, что у меня есть неизвестный мне родич.

— Таких родичей у вас много, — глуховатым баском проговорил фон Хорст. — Не слишком ошибусь, если назову число в десяток миллиардов. А то и больше.

Филипп с сомнением посмотрел на бывшего полковника:

— Вы говорите загадками.

— Мы все объясним, — сказал Артём.

— Внимание! — раздался звонкий голос домового. — На усадьбу пикирует десантный когг класса «ВВ»[1].

---

[1] Аббревиатура слов «всегда» и «везде».

— Черт! — вздрогнул Филипп. — Немедленно уходим! Это по мою душу!

— Мы могли бы пресечь атаку, — остался спокойным Артём. — Но лучше не демонстрировать наши возможности раньше времени. У вас есть защищённое помещение, где мы могли бы поговорить несколько минут?

Филипп заколебался.

— Без тайфов и кода доступа вы туда...

— Посмотрите на меня! — сказал Лам-ка.

Филипп повернул к нему голову.

— Идите, мы за вами.

Филипп включил тайф, исчез.

Вслед за ним покинули дом и гости.

Объявились все четверо уже в бункере Ромашина под Саянами, в маленьком коридорчике перед кабиной метро.

Филипп оглядел гостей, покачал головой, пряча вспыхнувшее в душе волнение, и сделал приглашающий жест.

Глава 11

ПАЛЛИАТИВ

Теренсу Пачикаду исполнилось сорок девять лет, но день рождения он не праздновал. Выслушал поздравления коллег по институту, коротко поблагодарил всех. Побеседовал с директором ИПФП на тему: что ему мешает завести семью? Мешало все, в особенности — работа, но Теренс, бородатый, худой, не любящий суеты, сосредоточенный на самом себе, об этом заявлять не стал. Он вообще не понимал, как можно «жить просто так, ради кого-то», не думая о проблемах физики. Одну из них он и решал сейчас, изучая наследие Кузьмы Ромашина, талантливого физика, специалиста по ТФ-теории, погибшего недавно где-то в недрах Солнца.

Пятого июня Теренс Пачикад решил наконец проверить свои теоретические исследования сферозеркал на материальном уровне и после разглядывания подарков (комплекс ухода за телом «Кредо», мужской одеколон «Олень», микрик, инфор, какие-то ремешки, коробочки с сувенирами, кристаллы) отправился на базу Института пограничных физических проблем на Плутоне.

Его ждали двое «живых» техников и два витса, способные без

всякой видимой защиты работать в открытом космосе при температуре минус двести семьдесят градусов по Цельсию. Они споро разгрузили контейнер с установкой, которую Пачикад сконструировал в согласии с идеями Ромашина, и смонтировали на вершине ледяного утёса посреди полигона, освещаемого слабыми лучами яркой звезды: таким здесь казалось Солнце. Пухлая гора Харона медленно уползала за горизонт. Космос торжественно и тихо наблюдал за работой учёных.

Полигон ИПФП использовался людьми редко. На нём испытывали ТФ-эмиттеры, «глюки», эймсы, оставившие в ледяном панцире планеты впечатляющие шрамы, а также «кололи» элементарные частицы, пытаясь поймать экзотические бозоны Хиггса, «ломали» пространство в поисках «тёмной энергии» и проводили когда-то первые запуски «струнных» звездолетов.

Однако в конце двадцать четвертого века «громкие» эксперименты с гигантскими энергиями сошли на нет, и люди почти перестали появляться на Плутоне. Потом в Системе началась возня с Наблюдателем, перешедшая в войну с Дьяволом, Служба безопасности напрягла все физические институты в поисках метода остановки «мячей» и «огнетушителей» Дьявола, но полигон так и остался невостребованным, так как появлявшиеся установки для хронозондирования и отражения атак агрессора испытывались прямо «на поле боя» — в пространстве между планетами.

Война закончилась (как думало большинство населения Солнечной системы) победой человечества, средства массовой информации перестали муссировать слухи о «мячах» и «огнетушителях» Дьявола, и жизнь в Системе вернулась в привычное русло. Если не считать начавшейся охоты за «агентами» Дьявола, которыми оказались бывшие руководители спецслужб.

Но все же кое-кто понимал сложность момента, в том числе директор ИПФП, и специалисты института продолжали работать по прежней тематике, хотя и негласно. Теренс Пачикад был из их числа.

Установка, напоминающая с виду старинную пушку, нацелилась «стволом» на Солнце. Другая почти такая же машина в этот момент находилась на Меркурии. По сути это были два ТФ-эмиттера, излучающие таймфаговые «пакеты» в противофазе. Меркурианский играл роль сферического хронозеркала, эмиттер на Плутоне — нейтрализатора «хронопетли». Если расчеты Пачикада были верны, «пакет» ТФ-волн, посланный с Меркурия, дол-

жен был полностью превратиться в ничто, в вакуумное поле. Если учёный ошибался, установка на Плутоне должна была взорваться.

— Всем в укрытие! — скомандовал Теренс, когда группа института «вылизала» всю конструкцию и провела тестовую проверку систем.

Помощники Теренса послушно двинулись к капониру в сотне метров от места установки. Один витс задержался на несколько мгновений, но быстро догнал ушедших вперёд людей. Все укрылись в капонире.

— Начинаем, — сказал Пачикад и, внезапно заволновавшись, потёр руки. — Меркурий, вы готовы?

— Отсчёт пошёл! — ответили ему.

Под сводами капонира затикал метроном.

На счете «ноль» установка Пачикада взорвалась!

Оторопевшие физики, вытянув шеи, смотрели на виом, показывающий истекающий пламенем и дымными струями утёс.

— Что происхо... — начал Теренс, не осознавая смысла вопроса.

В тот же момент витс, который и подложил в установку взрывное устройство, выстрелил в учёного из «универсала». Сгусток плазмы разнёс ему голову.

— Прошу прощения, — равнодушно проговорил витс, расстреливая своего напарника и помощников Теренса. — У меня задание, ничего личного.

После этого он привёл в действие ещё одну мину.

Капонир со всем его содержимым перестал существовать.

* * *

Ребров с каменным лицом выслушал сообщение о гибели Теренса Пачикада. Игнат Ромашин посмотрел на него и отвернулся.

— Надо кончать с этим беспределом! — негромко, но с нажимом сказала Юэмей Синь. — Мы знаем, кто возглавляет комитет и планирует операции. Этот человек должен предстать перед нашим судом.

— ЮЮ! — сцепил челюсти Ребров.

— И вся его команда! — бесстрастно добавил Игнат.

— Над чем работал Пачикад? — спросил Иван Славин.

— Над проблемой остановки сферозеркал.

— Чего он достиг?

— Разбираемся, — нехотя ответил Игнат. — Похоже, Теренс

разработал устройство для нейтрализации сферических гедели-ан — «петель времени», кое-какие материалы мы успели перехватить. Остальное уничтожено.

— Дьявол работает оперативно, — усмехнулась бывшая руководительница контрразведки.

— Мы поздно подключились к проблеме, — сухо заметил Славин.

— Я вас не осуждаю, сяньшэн, просто констатирую факт.

— Завтра я представлю план ликвидации комитета.

— А вот этого делать не следует, — качнул головой Ромашин. — Эмиссар Дьявола поспешит создать новую структуру для контроля ситуации, и нам придётся попотеть, чтобы установить ее состав. Согласен, что деятельность комитета надо ограничить, но не так громко. Правозащитники снова завопят во весь голос, а на нас повесят всех собак, предадут анафеме, и все окончательно укрепятся во мнении, что мы и есть агенты Дьявола.

— Хорошо, решайте, — сказал Славин, крутанув по обыкновению желваки на щеках.

— Надо убрать ЮЮ, — сказала Юэмей Синь. — Он вдохновитель и организатор всех атак на наши семьи. Дважды покушался на Германа... — Юэмей помолчала. — Мало того, его разведка ищет выходы на метро солнцехода, а хороших специалистов этого дела в министерстве хватает.

— И всё же ликвидация одного ЮЮ — паллиатив, — упрямо покачал головой Игнат. — Нужен выход на резидента.

— На центр управления.

— Именно.

— Я бы нейтрализовал сначала ЮЮ, а потом будем думать о ликвидации комитета.

Славин посмотрел на Игната:

— Хотелось бы знать мнение вашего отца.

— Филипп уполномочил меня говорить от его имени.

— Тогда решение принимается.

Четверо профессионалов, отвечающих за организацию сопротивления агрессии Дьявола, молча смотрели друг на друга.

* * *

Командора Погранслужбы вызвал к себе федеральный министр безопасности в тот же день, когда произошла трагедия на плутонианском полигоне.

— Уходите в отставку, — предложил он ему прямо, не выходя из-за стола. — Иначе всё это плохо для вас кончится.

— Я ни в чём не виноват, — спокойно ответил Гийом де Лорм, ставший командором всего два месяца назад.

— Мы должны успокоить общественность, — веско бросил Людвиг Казийски. — Я знаю, что вы не виноваты. Но если мы не предпримем каких-либо быстрых мер, начнётся паника. Понимаете, что может произойти?

— Понимаю, но в отставку не уйду, — упрямо заявил де Лорм. — На Плутоне уже работает комиссия УАСС, к ней присоединились наши специалисты, и работа идёт полным ходом. Уже сейчас известно, что это диверсия. Наши разработки не имеют к взрыву никакого отношения.

Людвиг Казийски откинулся на спинку кресла, изучая твёрдое непроницаемое лицо командора прозрачными голубоватыми глазами.

— Вы любите рисковать, господин командор?

— О чём вы? — не понял де Лорм.

— Разве вам не известно о деятельности комитета оперативного регулирования? — вкрадчиво поинтересовался Казийски. — Вы наверняка войдёте в число его клиентов.

— Спасибо за предупреждение, господин министр, — усмехнулся де Лорм. — Надеюсь, ваша структура не откажет в защите нашей службе? Я имею право на охрану?

— Разумеется.

— В таком случае разрешите откланяться.

— Идите.

Гийом де Лорм кивнул и стремительно вышел из роскошного кабинета, обставленного ещё в бытность министром Артуром Мехти.

Казийски склонил голову набок, задумчиво побарабанил пальцами по светящейся панели стола, по которой ползли строки бланк-сообщений, изредка вставая над столешницей объемными гроздьями света.

Открылась замаскированная дверь в стене кабинета, за спиной министра, оттуда вышел сосредоточенный, налитый угрюмой силой Юзеф Юзефович.

— Слышали? — бросил ему министр, не оборачиваясь.

— Слышал.

— Он все понимает.

— Он понимает слишком много. Его надо убрать.

— Постарайтесь, чтобы к вечеру он был ликвидирован. Плюс те, кто копается в разработках Теренса Пачикада.

— Мои люди уже ведут де Лорма. Я могу взять его прямо сейчас.

Казийски с любопытством посмотрел на злое заостренное лицо ЮЮ:

— У него наверняка есть тайф.

— Мы заблокируем метро.

— А если кто-нибудь увидит, как вы его...

— Никто не увидит!

— Ну, попробуйте, если вы такой прыткий.

ЮЮ бросил в бусину рации короткую фразу, направился к выходу из кабинета.

— Вы уверены, что Теренс не нащупал формулу обратной петли?

— Все данные о конструкции его «щита» у нас, — ответил Юзеф, не оборачиваясь. Вышел.

Казийски встал из-за стола, взял с подплывшего подноса стаканчик с чёрной жидкостью, отхлебнул, поморщился. Подошёл к панорамному окну и с минуту любовался пейзажем с высоты двухсот метров. Ждал доклада о захвате де Лорма. Однако не дождался. Вместо этого над столом бесшумно вырос световой столбик консорт-связи.

— Слушаю, — буркнул министр, допивая прекрасную нижегородскую водку.

— Деятельность Ромашиных становится опасной для дела, — заговорил гнусавым тягучим голосом невидимый абонент. — Их надо убрать!

— Я уже и сам над этим думаю, — признался Казийски.

— Даю два дня на разработку акции.

— Два дня мало, они умело скрываются от слежки, а прокуратура не даёт санкции на арест.

— Председатель СЭКОНа готов дать положительное заключение по данному вопросу. Поговори с ним.

— Хорошо, Гаситель. Однако у меня возникла потребность побеседовать с вами в другой обстановке, лучше на отдыхе...

— Мой отдых отличается от вашего.

— В приватном режиме общаться легче...

— Вы будете разочарованы, господин министр. — Консорт-драйв испустил вполне человеческий смешок. — Тем не менее я готов устроить вам отдых, если вы его заслужите. Два дня! Вы поняли?

Казийски вспотел, вытянулся в кресле, встал было, но тут же рухнул обратно.

Столбик консорт-связи погас.

Казийски ткнул дрожащей рукой в стол.

Напротив возникло голографическое изображение молодого человека в синем унике.

— Слушаю.

— Поймали?

«Призрак» инка покачал головой:

— Нет, сэр. Он использует нестандартные двойные торсионные резонансы, которые наша аппаратура перехвата не в состоянии отделить от «шума».

— Ищите возможности! Времени у нас нет!

— Слушаюсь, сэр. — Молодой человек втянулся струйкой в стол.

Казийски налил себе еще чёрной российской водки, опрокинул стаканчик в рот, ощерился.

— Так и спиться недолго! Стол, работай!

Над столешницей встали пульсирующие лучики важных вызовов: министра федеральной безопасности вызывали сразу два десятка абонентов.

Казийски с силой потёр лоб, протянул руку к дуге эмкана, и в этот момент в углу тонко заблеяла сирена тревоги. Министр вздрогнул, глаза его расширились...

* * *

Гийом де Лорм никогда не был кабинетным деятелем и всё понял как надо.

Прямо из здания Министерства он позвонил дочери, коротко рассказал ей о причине вызова и получил категорический приказ никуда за пределы Министерства не перемещаться. Зная, чем занимается Саша де Лорм, командор Погранслужбы счёл её слова правильными и расположился в кафе на третьем уровне здания, сопровождаемый витсом охраны.

Витс отлично играл роль «живого» спутника, заведя разговор о перспективах нанотехнологий для выращивания любых механизмов и конструкций, но при этом он так же прекрасно разбирался в обстановке и каждые две минуты докладывал спутнику о передвижениях случайных или не случайных прохожих, а также об интересе к гостям со стороны неких структур, часть из кото-

рых представлялась сотрудниками Министерства, а часть являлась невидимой неопытному глазу техникой наблюдения.

Через двадцать минут «приятного» времяпровождения за чашкой горячего маниака с фруктами в ухо де Лорма проник голос дочери:

— Папа, можешь выходить, всё под контролем. Но ни в коем случае не пользуйся тайфом!

— Хорошо, — скупо ответил Гийом, кивнул витсу, и они неспешно направились к выходу из зала, почти пустого по причине начала рабочего дня.

За ним последовали и зашедшие недавно мужчины в серо-фиолетовых униках официалов Министерства. По случайности их пути совпали. Во всяком случае они шли за гостями до зала метро.

— Задержитесь у второй кабины, — сориентировала отца дочь; он уже давно пользовался спецаппаратурой особой системы «спрут-2», которой его снабдила Саша.

Командор Погранслужбы и витс вошли в просторный зал, отделанный под мрамор, послушно подошли к свободной кабине метро под номером «2». И в этот момент началось движение, уже не зависящее от воли самого Гийома.

Зал метро Министерства безопасности Федерации представлял собой треугольное помещение с рядом резных красивых каменных колонн, которые и являлись порталами сети мгновенного транспорта. Он имел три входа-выхода и зону отдыха в центре с фонтаном и небольшим бассейном. Охранялся он системой наблюдения и витсами, появляющимися в зале по тревоге за считаные секунды.

Однако кто-то умело отключил систему наблюдения за станцией метро, и охрана здания в этом районе временно ослепла. Поэтому те, кто спланировал это сверхнаглое нападение на командора прямо в недрах Министерства, вполне могли рассчитывать на успех, несмотря на мощную структуру охраны этого учреждения. Они надеялись уничтожить витса охраны, парализовать волю Гийома де Лорма и исчезнуть вместе с ним. Начавшиеся события показали, что любой идеальный план можно нейтрализовать встречным контрпланом, ещё более неожиданным, изощрённым и быстрым.

В зал торопливо вошли «сотрудники Министерства», что последовали за де Лормом из кафе. Один, постарше, вырастил на плече турель с «универсалом», второй вынул пси-генератор «удав». Тот, что постарше, выстрелил в витса охраны директора,

опередив его на долю секунды (он тоже оказался кибером), помоложе направил ствол «удава» на Гийома, но выстрелить не успел, как и те, кто находился в данный момент в зале: всего группа захвата насчитывала пять человек.

Внезапно из второй кабины метро выметнулась струя текучего мрака, оформилась в паукообразное существо, воздух искривился, пропуская невидимые трассы выстрелов из «глюка» (Саша де Лорм не церемонилась с противником), и все участники нападения были мгновенно убиты. Лишь на «пожилого» витса «пауку» пришлось потратить два «патрона»: части его рассеченного тела продолжали движение, выцеливая объект поражения.

Боевики и витсы комитета ещё падали на пол помещения, а «паук» уже подскочил к замершему де Лорму, схватил его «в объятия» и так же стремительно скрылся в кабине метро. Дверь кабины закрылась. Мелькнули красный и зеленый транспаранты: «Занято» и «Свободно», — и движение окончательно прекратилось. На полу зала остались лежать дымящиеся тела боевиков и остатки витсов Юзефа Юзефовича. Сам он появился в зале только через несколько минут, когда по тревоге были подняты все силы охраны Министерства.

Но сделать что-либо было уже нельзя. Объект нападения исчез вместе с защитившей его супермашиной.

Впоследствии следователи Министерства установили, что такие боевые машины создавались когда-то в России и использовались при ликвидации террористических группировок. Но в данном случае это обстоятельство никак не могло помочь ЮЮ, о чём он и доложил министру, ошеломлённому происшедшим не менее командира почти разгромленного комитета по контролю.

* * *

— Всё равно это паллиатив, — сказал Игнат, выслушав сообщение Саши де Лорм. — Надо думать, как взять под контроль всю ситуацию, а для этого необходимо найти резидента Дьявола.

— У нас не было времени на «тихую» операцию, — виновато ответила руководитель оперативного подразделения СВР. — Отец сообщил о приглашении в Министерство слишком поздно.

— Почему он не воспользовался тайфом?

— Потому что это небезопасно. Нам стало известно, что разработан особый метод контроля сети метро с использованием вакуумных осцилляций. Тайф переносит клиента не вообще в сеть, а в ближайший портал, понимаете? Оттуда его можно по-

слать куда угодно, причём не по указанному адресу, а в нужную точку пространства.

— Вы хотите сказать, что, стартовав в Министерстве, Гийом мог оказаться в бункере, принадлежащем боевикам комитета?

— Не исключено.

— Но тогда мы все становимся заложниками этой системы!

— Пока что её можно использовать только в определённых учреждениях, негласно, потому что СЭКОН никогда не одобрит применение системы в широких масштабах.

— Иначе под контролем окажутся сами инспекторы.

— Совершенно верно.

— И все же это плохо. Нам срочно надо обсудить возникшую опасность. Можем провалить всё дело.

— Наши спецы работают с тайфами, есть уже положительные решения проблемы. Хотя рисковать ещё рано.

— Объявите всем.

— Хорошо.

Саша де Лорм кивнула, и вином свернулся в световую нить, погас.

Игнат задумчиво походил по миниатюрному кубрику солнцехода — в данный момент он находился на его борту вместе со всей группой беглецов, — включил видеопласт и оказался над пузырящейся расплавленной равниной Солнца. Но полюбоваться земным светилом ему не дали. Сработала линия консорт-связи.

— Командор, по Системе объявлена тревога, — мрачно доложил Ребров. — Снова появились зеркала.

— Какие зеркала? — не сразу понял Ромашин.

— Те самые, плоские, с которыми столкнулся ещё твой отец.

— Наблюдатель?!

— Не знаю, — ещё более мрачно ответил бывший комиссар Федеральной безопасности.

Глава 12

ВЫ МУЖЧИНЫ ИЛИ ГДЕ?

Идея оказалась плодотворной.

«Каракатицы» не рискнули сунуться в воду вслед за солнцеходом, потеряв его даже как источник гравитационного поля, порыскали над прогнувшимися «мостами» и вскоре исчезли. Маневр земной машины оказался для них неожиданным.

Но и возвращаться хозяева «крота» тем же путём не стали.

— Пройдём через ядро Европы, — решил Кузьма. — Заодно посмотрим, кто живёт в океане.

Однако интерес землян к жизни в глубинах океана спутника «местного» Юпитера быстро увял.

Сначала вокруг то и дело мелькали всплывающие и погружающиеся «насекомые», соединяющие в себе признаки водоплавающих насекомых Земли всех видов, затем в поле зрения появились знакомые «водоросли», соединявшиеся в целые панцирные сети, и на этом движение в глубинах океана вокруг погружающегося солнцехода прекратилось. «Сети» ушли вверх, «насекомые» пропали, мрак завладел бездной, воды океана опустели.

В такой темноте «крот» опускался сквозь толщу воды до самого дна. Затем на мгновение показались какие-то фосфоресцирующие «акулы», стремительно проскочившие мимо, гигантские грибообразные сооружения, больше похожие на выращенные специально продукты питания, и океан Европы кончился.

— Я думал, мы встретим строителей «мостов», — пробормотал разочарованный Кузьма.

— А я рассчитывала познакомиться с друзьями, — приуныла Катя.

Хасид промолчал. Он был самым прагматичным из всех и разглагольствовать впустую не любил.

Солнцеход включил бур. Вокруг него сомкнулись сначала ледяные пласты, а потом силикатно-реголитовые породы верхнего слоя планеты.

— Пойдём медленно или быстро? — спросил Дэв.

— Нет смысла идти медленно, — проворчал Кузьма. — Мы не исследователи.

— В таком случае прошу вводную по выходу из тела спутника, так как мы выйдем на другой стороне через тридцать пять секунд.

— Сквозь воду пойдём медленно.

— Как прикажете.

Солнцеход увеличил скорость, и пассажиры оказались как бы в коричневом, постепенно краснеющем и светлеющем тоннеле; скорость аппарата не позволяла видеть горные породы Европы. Мелькнула ослепительно жёлтая сфера — ядро планеты, «тоннель» начал гаснуть, темнеть, стал коричневым и почти чёрным. Затем вокруг разлился зеленоватый «кисель» придонного

слоя, освещенного струёй распада материи, и скорость движения упала. Инк выключил бур. «Крот» вошёл в воду океана, пронзив всю планету меньше чем за минуту.

Мимо потянулись какие-то дырчатые полотнища, узловатые «лианы», складывающиеся в мощную систему «водорослевых сетей» океана. Проплыли сферические и дынеобразные объекты, светящиеся и тёмные, показались суетливые «насекомые». С каждой минутой мрак раздвигался, сменившись сперва зеленовато-коричневой жижей, которая вскоре посветлела до прозрачной желтизны, и солнцеход вынырнул из воды в сотне метров от опоры «моста», уходящего в обе стороны до близкого горизонта. Солнца не было видно, и поверхность океана освещала пушистая жемчужно-зеленоватая громада Юпитера.

— Так мы ничего не выясним, — сказала Катя сожалеющим тоном.

— Может быть, центр цивилизации находится вовсе не на Европе? — предположил Кузьма.

— А где?

— Дальше, на спутниках Сатурна или Урана, на них самих.

— Мы вообще не можем понять, кто с кем воюет.

— Ходя рассудил правильно, мы появились здесь уже после войны, где победила цивилизация этих «каракатиц». Она уничтожила жизнь на Земле...

— Мы не можем утверждать это стопроцентно.

— Согласен, не можем. Зато мы нашли завод по изготовлению сферозеркал.

— Ну и что?

— Одно из них сидело в Солнце, мы через него и вышли.

— Всё равно неизвестно, кто его создал и для чего.

— Понятно для чего — запускать в звезды, имеющие гуманоидные цивилизации.

— Зачем же владельцы запустили зеркало в местное солнце, если тут нет гуманоидной цивилизации?

— Может быть, они уже знают, что появится человечество. Или же здесь была гуманоидная цивилизация.

— Всё равно они вредят сами себе!

— Не спорьте, гуманоиды, — заговорил Хасид. — Катя права, надо определить, что же тут происходит. Предлагаю следующий план. Летим к Сатурну, ищем центр всего этого безобразия, пытаемся договориться. Если понадобится, слетаем и к Урану, и к

Нептуну. Ну, а коль не получится установить контакт, придётся захватить «языка» и допросить.

— Какого ещё языка? — фыркнула Катя.

— Пленного, — буркнул Кузьма.

— Я против!

— Баба-яга всегда против... Предложи свой вариант.

— Не знаю, лучше все же договориться с ними мирным путём.

— А ежели не удастся?

— Тогда и решим, брать «языка» или нет.

Мужчины раскрыли коконы кресел, глянули друг на друга.

— Что бы мы без неё делали? — глубокомысленно сказал Кузьма.

— Не знаю, — столь же философски ответил Хасид.

— Шутники, — грустно улыбнулась Катя.

Кузьма внимательно посмотрел на девушку, вылез из кокона, подошёл, обнял.

Хасид понаблюдал за обоими, потом что-то сказал Дэву.

Через минуту ловкий киб приволок поднос с напитками.

Хасид самолично налил в бокалы вина, подал друзьям.

— Предлагаю выпить за удачу.

— Ты же не пьёшь, — хмыкнул Кузьма.

— Иногда необходимо себе позволить.

Они сдвинули бокалы.

Катя задумчиво посмотрела на бокал, играющий рубиновыми искрами, пригубила.

— Вкусно...

— «Крузейро», — сказал Хасид. — Я случайно в баре обнаружил.

— Наверное, это запасы Оскара, — помрачнел Кузьма. — Он умел выбирать себе вина.

— Какая разница?

— И то правда.

Вино допили.

— Куда теперь? — вздохнула Катя.

— К Сатурну! — твёрдо заявил Хаджи-Курбан.

* * *

По сведениям Дэва, вокруг Сатурна вращалось более ста двадцати спутников, из которых только восемнадцать имели имена. Самыми маленькими из них считались двенадцатикилометро-

вый Пан и двадцатичетырёхкилометровая Телесто — обыкновенные астероиды, не имеющие определённой формы. Самыми крупными были Япет, Рея и Титан. Последний вообще слыл самым крупным спутником Солнечной системы, чей диаметр превышал диаметр земной Луны и равнялся пяти тысячам ста пятидесяти километрам. Остальные спутники представляли собой обыкновенные булыжники, покрытые множеством кратеров и не имеющие атмосферы.

Сатурн «местной» Системы тоже обладал свитой из спутников разного размера, в том числе десятком больших, многие из которых напоминали те же Рею, Фебу и Титан. Но все они имели атмосферы и были покрыты «водорослями», как Земля — лесами.

Однако не это обстоятельство стало главным сюрпризом гиганта. Здешний Сатурн имел всего два слабеньких кольца — пылевое и каменное, состоящее из мелких обломков величиной с полметра. Издали эти кольца вообще трудно было разглядеть, да и вблизи они не производили того впечатления, какое оказывали на людей великолепные кольца Сатурна Солнечной системы.

И тем не менее именно эти кольца оказались заселены «насекомыми», протянувшими внутри них своеобразные пучки труб и построившими округлые, напоминающие панцири черепах, жилища. Таким образом, вокруг планеты вращались не просто кольца, а «эфирные» города или, скорее, заводы по производству тех же «насекомых», так как земляне заметили, что к «панцирям черепах» часто пристыковываются гигантские «банановидные» транспорты, в которые грузятся толпы «насекомых».

— Ещё одна производственная структура, — заметил Хасид, когда солнцеход достиг Сатурна и облетел его пятнисто-полосатый пушистый шар кругом. — Здесь делают роботов, которых потом используют внутри Системы.

— Я надеялся, что «насекомые» представляют собой местное население, — признался Кузьма. — А это солдаты!

— Точно! — всплеснула руками Катя. — Их используют в качестве рабочих и солдат! Но кто? Где сидят сами хозяева, управляющие солдатами?

— Наши аналитические возможности ограниченны, — пожал плечами Хасид. — Мы не в состоянии ни расшифровать их передачи, ни выявить центр управления. Предлагаю действовать по намеченному плану.

— Взять «языка»?

— Ты против?

— Катя против.

— А если ваш «язык» ни черта не скажет? — язвительно заметила девушка.

— Возьмём другого.

— Потом третьего, четвёртого...

— Предложи свой план.

— Если бы он был, — со вздохом призналась Екатерина. — Дэв, пошли по спутникам, начни с самых крупных. Не обнаружим метрополию, полетим дальше, к Урану.

Солнцеход послушно отвернул от колец Сатурна, посверкивающих «трубами водорослей» в лучах звёзд и далекого Солнца, нашёл ближайший спутник и направился к нему.

Это был пятисоткилометровый шар из водяного льда, напоминающий знакомый всем Энцелад. Но если «настоящий» Энцелад имел довольно слабенькую атмосферу из водяных паров, азота и углекислого газа, то «местный» был едва виден сквозь толстый воздушный слой, давление которого у поверхности планетоида достигало почти трети земного. Правда, жизни на нём не было, судя по практически пустым ледяным равнинам, покрытым гейзерами и водяными вулканами. Лишь изредка глаз натыкался на отдельные строения, похожие всё на те же «панцири черепах», но никто вокруг них не бегал, не суетился, «насекомые» отсутствовали, и этот небольшой мирок явно не годился для заселения либо только готовился к заселению неведомыми хозяевами Системы.

Затем солнцеход посетил псевдо-Мимас, также имеющий плотную атмосферу, и псевдо-Титан.

«Насекомые» там шевелились вовсю, что-то делали, но что — понять было невозможно. Зато на Титане, окруженном метаново-азотной атмосферой, обнаружилась настоящая «цивилизация», создавшая заметную из космоса инфраструктуру. Земляне обрадовались, разглядывая в окнах дальновидения странные ажурные башни и грибообразные сооружения, скученные вокруг действующих вулканов, но найти «столицу» Титана не смогли.

Во-первых, все «города» мало чем отличались друг от друга.

Во-вторых, стоило «кроту» сунуться в атмосферу спутника, как рядом мгновенно выросли грозные «каракатицы», рыщущие в поисках невидимого, но обладающего мощным гравитационным полем пришельца. Вероятно, они получили от других сторожей цивилизации необходимые данные и целенаправленно

искали чужака, проникшего в их владения. Во всяком случае обнаружили они солнцеход быстро и тут же устремились в атаку, верно определив его координаты. Снова рубку управления «крота» накрыла волна необычных вибраций, от которых не спасала колоссальная ядерная защита аппарата, рассчитанная на пребывание внутри звезд.

Пришлось бежать.

Вряд ли «каракатицы» могли преодолевать пространство с такой же скоростью, что и земная машина. Им достаточно было «струнных» технологий, которыми они владели не хуже земных спейс-машин. Однако Хасид счёл обычное отступление опасным и направил «крот» испытанным путём — вниз, в недра Титана.

Выдержали ещё одну резонансную встряску от выстрелов «каракатиц», погрузились в одно из метановых озёр, потом в верхний слой тектоносферы планеты, остановили солнцеход. Вылезли из кресел посовещаться и размяться.

— Сторожа озверели, — озабоченно сказал Кузьма. — Не означает ли это, что центр местной жизни располагается на Титане?

— Мне так не кажется, — сказала Катя.

Они одновременно посмотрели на спутника.

— Энергии у нас много, но мы плохо защищены, — сказал Хасид рассудительно. — Либо надо искать защиту от оружия сторожей, либо способы выхода на «струнные» режимы.

— Мы говорим о другом.

— Титан мало чем отличается от Марса. Катя права. Здесь нет местного правительства.

— Однако на нас сразу напали!

— Это означает лишь одно: спутник Юпитера играет какую-то важную роль в цепи других планет и спутников, где занято большинство киберов-«насекомых».

— Ты же хотел одного из этих киберов взять в плен.

— Я бы хотел взять «языка» из команды «каракатиц», но вряд ли это достижимо.

Кузьма потёр переносицу пальцем, покачал головой.

— Ёлки-палки! Это же идея! Надо подкараулить одну из «каракатиц», протаранить и взять кого-то из экипажа в качестве «языка»!

— Идея, может быть, и хорошая, — с сомнением проговорила Катя. — Но нас только трое...

— Не имеет значения. Расконсервируем витсов, вооружимся психотроникой, они и пикнуть не успеют!

— Насчёт «пикнуть» не знаю, — сказал Хасид, подумав, — но попробовать можно. Хотя я бы всё же сначала махнул к Урану, посмотреть, что там делается. А ты за время похода поработал бы с Дэвом над экранировкой. Против оружия «каракатиц» у нас нет защиты.

Кузьма хотел по привычке возразить, что до сих пор они справлялись, однако передумал. С трудом удержал зевок, виновато улыбнулся.

— Спать хочу...

— Идите отдыхайте, — великодушно предложил Хасид. — Я подежурю.

— Не хочу, — сердито сказала Катя. — Пусть идёт один.

— Тогда с твоего разрешения я тоже пойду.

Катя бросила на друзей уничтожающий взгляд.

— Слабаки! Можете спать, пока не надоест! Я и без вас обойдусь!

— Только не экспериментируй с аборигенами, — проворчал Кузьма. — Не вмешивайся в их жизнь.

— Сама решу, что мне делать.

Мужчины обменялись взглядами, вышли.

— Как ты думаешь, она не станет рисковать? — спросил Кузьма.

— Дэв за ней присмотрит, — ответил Хасид, — и даст нам знать. Ты действительно устал?

Кузьма сморщился.

— Надоело всё...

— Мне тоже. Но ведь нам некуда деться.

— Обратно в Солнце, искать дорогу назад.

— Здесь надо разобраться. Завод сферозеркал не должен существовать.

— Да понимаю!

Они добрались до отсека отдыха, вымылись в душевых кабинах, улеглись в спецгамаках.

Кузьма тут же уснул.

Хасид какое-то время вслушивался в тишину отсека, лёжа с открытыми глазами, подсоединился к Дэву:

— Что нового?

— Ничего, — коротко доложил инк. — Вошли в воды озера.

— Наблюдается что-нибудь интересное?

— Водоросли. Если это, конечно, водоросли.
— Разбудишь меня через два часа. Если ничего не случится.
— Слушаюсь, сэр.
— Кто тебя научил отвечать «сэр»?
— Человек по имени Оскар Мехти.
— Не называй меня больше сэром, лучше — сударь.
— Хорошо, сударь.
Хасид уснул.

* * *

Кузьма проснулся сам, вяло поинтересовался:
— Ты ещё спишь?
Никто ему не ответил.
Он повернул голову, обнаружил пустой гамак и рывком сел. Помассировал шею, помахал руками, встал, оделся, на ходу беседуя с Дэвом, и через несколько минут поднялся в рубку солнцехода.
Его встретила тишина.
В рубке никого не было!
— Не понял! — пробормотал он, озираясь. — Дэв, где они?
— Вышли, — ответил инк лаконично.
— Куда?!
— Наружу.
— Зачем?!
— Изучают сюрприз.
— К-какой сюрприз? Что за ерунда?!
— Насколько мне известно, у вас сегодня день рождения. Они вспомнили об этом, а потом обнаружили сюрприз. Полковник Хаджи-Курбан сказал, что для вас, сударь, это будет сюрпризом.
Кузьма открыл рот и закрыл, внезапно осознавая, что ему и в самом деле исполнилось тридцать лет.
— Чёрт побери! Забыл!
— Поздравляю, сударь.
— Благодарю... раньше ты называл меня сэром...
— Ваш друг изменил установку. Называть вас как раньше?
— Нет, не нужно. — Кузьма заторопился. — Я тоже выйду. Где они сейчас?
— Мы нашли небольшой островок в местном море. На острове обнаружены необычной формы развалины. Похоже, что это след другой цивилизации.

— Гуманоидной?!

— Затрудняюсь ответить, сударь.

Кузьма бросился вон из рубки, добрался на лифте до десантного отсека, натянул спецкостюм, позволяющий находиться в открытом космосе, и упругий язык инвертора вынес его сквозь лопнувший корпус солнцехода в мир «местного» Титана.

«Крот» сидел в породах острова выпуклым щитом, припорошенным пылью и присыпанным мелким гравием. Он не садился на остров сверху, как космический корабль, а вылез из-под земли и потому казался просто «деталью» ландшафта, хотя и очень ровной, геометрически правильной.

Сам остров был невелик: два на три километра — и совершенно пустынен, если не считать какой-то полуразвалившейся постройки на его вершине, смахивающей на шлем хоккеиста. Высота этого «шлема», отливающего желтоватым металлом, достигала двадцати метров, диаметр — десяти. Никого возле постройки не было видно.

Чувствуя непривычную лёгкость во всём теле — сила тяжести в этом мире была едва ли не втрое ниже земной, Кузьма вприпрыжку направился к «шлему», отмечая боковым зрением другие детали пейзажа: груды камней, ложбины, редкие скалы, округлые ямы, похожие на метеоритные кратеры.

Небо здесь имело густо-синий цвет, с розовыми прожилками, ничуть не напоминающими облака. Солнце — яркая звезда над горизонтом — казалось жёлтой лампочкой. Вода метанового моря приобрела вблизи острова тёмно-зелёный цвет, наливаясь синью к близкому горизонту.

И ещё одну любопытную деталь заметил Кузьма: остров был окружён самой настоящей изгородью из гнутых «жердей» и «водорослей», соединяющих «жерди» в единый «забор». Но размышлять об этом он стал позже, когда встретился с друзьями.

Катя и Хасид вылезли из «шлема» через дыру в его основании, замахали руками.

— Поднимайся, — послышался голос девушки.

Кузьма послушно взобрался на холм.

Вблизи «шлем» ещё больше был похож на строение, возведенное человеческими руками.

— Как вам удалось найти это чудо?

— Случайно, Дэв увидел, показал, — объяснила Катя. — Мы решили сначала исследовать находку, а потом рассказать тебе. Кстати, поздравляю с днём рождения.

— Спасибо.

— Целовать буду дома, здесь температура под минус сто двадцать и костюмы не позволяют. Желаю всегда всего добиваться.

— Вместе с тобой, если ты позволишь.

— Позволю, — милостиво согласилась внучка Лапарры.

— Я тоже поздравляю, — присоединился к ней Хасид. — Подарком эту конструкцию назвать трудно, и все же мы её тебе презентуем.

— Что это?

— Внутри практически пусто, но моя интуиция подсказывает, что строили башню не «насекомые».

— Люди?

— И не люди. Но близкие к ним по восприятию мира существа.

— Может быть, гуманоиды, — добавила Катя. — Дэв оценил пропорции башни, они близки нашему «золотому сечению». Все постройки «насекомых» созданы в соответствии с другой геометрией.

— Какой?

— Я слабо разбираюсь в терминах, но Дэв сказал, что все «мосты» и даже вон тот «забор», — девушка ткнула пальцем в недалёкую «изгородь», — изготовлены по законам «отстающего вурфа».

— Чего-чего?

— Вурф — это математическое отношение частей конструкции, — сказал Хасид. — Наши мечети и ваши православные храмы построены по законам «золотого вурфа». Здесь же почти везде используются фазовые гармоники вурфа.

— Зачем?

— Наверное, они дают какое-то преимущество для создателей.

— Это не главное, — перебила мужчин Катя. — Мы наткнулись на некий след другого разума, с которым можно было бы завести дружбу.

— Вы заметили, что остров окружён? — сказал Хасид. — Не значит ли это, что хозяева Титана создали нечто вроде «индейской резервации»?

— К чему ты клонишь?

— Надо поискать другие острова с такими же сооружениями, где ещё живут аборигены.

— А если это просто древний храм? Культурное наследие предков, так сказать?

— Вполне допускаю. Можем ничего не искать, сразу направимся к Урану.

— По-моему, идея Ходи имеет право на существование, — сказала Катя. — Времени у нас много, почему бы не облететь спокойно Титан и поискать «резервации»?

Кузьма помолчал, разглядывая дырчато-металлическую башню, напоминающую человеческие сооружения. Показалось вдруг, что она шевельнулась.

— Осторожнее, сударь и сударыни! — напомнил о себе инк солнцехода. — Объект излучает в инфрадиапазоне.

— Что это значит? — насторожился Хасид.

— Внутри объекта объявился источник энергии.

— Почему ты нас не предупредил?

— Излучение появилось только сейчас, и оно усиливается.

— Уходим! — скомандовал безопасник.

Однако отступить земляне не успели.

«Шлем» внезапно шевельнулся как живой и упал на людей!

Вскрикнула Катя.

Хасид мгновенно развернул турель плечевого «универсала», дал очередь.

Кузьма отстал от него на долю секунды.

Плазменные «пули» прошили металлические фермы башни, но особого вреда «шлему» не причинили.

Не успели люди включить и антигравы костюмов, способные унести их подальше от этого места.

Вокруг землян выросли стены башни, стемнело. «Шлем» перестал двигаться.

— Все живы?! — сдавленным голосом произнес Кузьма. — Не стреляйте!

— Я не могу двинуться с места, — пожаловалась Катя.

— Да, зажало хорошо, — отозвался Хасид. — Надо было взять эймсы. Хотя освободиться можно. Настройте «универсалы» на лазерные импульсы.

— Подождите, ничего не предпринимайте! — торопливо проговорил Кузьма.

— В чём дело?

— Башня не просто упала... она ожила!

Хасид помолчал.

— Допустим, и что?

— Подождём, что будет дальше. Если бы этот «индеец» хотел нас убить, мы, наверное, были бы уже мертвы.

— Ходя, потерпи, — поддержала Ромашина Катя. — Освободиться мы всегда успеем, Дэв поддержит. Неужели ты ничего не чувствуешь?

— Что я должен... — начал Хасид, замолчал.

В следующее мгновение в головах землян прошумел холодный потрескивающий разрядами «ветер», и они услышали странный дрожащий г о л о с...

Глава 13

ПЕРВАЯ ИНКОГНИТО-СХВАТКА

Лам-ка принёс очередную порцию информации, и «отряд диверсантов», призванный избавить «местное» человечество от Дьявола, больше часа обсуждал положение в Солнечной системе.

Сошлись на том, что Служба внутренних расследований включилась в игру вовремя, но её возможностей явно не хватало для перехвата инициативы. Все рычаги воздействия на человеческую цивилизацию оказались в руках резидента и агентуры Дьявола, которая и «командовала парадом», подставляя истинных защитников человечества, выставляя их в невыгодном свете. И обыватель поверил средствам массовой информации, что бывшие руководители спецслужб из героев превратились в отщепенцев-изгоев, которых надо было ловить, сажать в изоляторы и вообще уничтожать без суда и следствия.

— Надо им всё объяснить, — робко предложила Зари-ма, потрясённая коварством пришельцев.

— Все СМИ находятся в руках агентов Дьявола, — мрачно сказал Артём. — Ничего никому ты не объяснишь.

— Но помочь же надо?

— Всем не поможешь, — рассеянно возразил фон Хорст.

— Но мы же не можем их бросить? Они ни в чём не виноваты!

— Ситуацию надо решать кардинально, — качнул головой Артём. — Мы спасли Филиппа Ромашина, но это часть дела.

— Тогда мы напрасно сюда прилетели.

— Не напрасно. — Губы фон Хорста сложились в едва заметную усмешку. — Но даже Лам-ке пока неизвестен командный пункт всей этой грёбаной атаки на твоих соотечественников.

Поэтому надо наметить аккуратную акцию и выманить резидента Дьявола на открытую площадку. Где его можно было бы взять за жабры.

— Каким образом? — хмыкнул Артём.

— Нужна «подсадная утка».

Артём озадаченно взялся за подбородок.

— Ты думаешь, Дьявол клюнет?

— Дьявол — как негуманоид, может быть, и не клюнет, а его резидент, вживлённый в кого-то из людей, захочет одним ударом покончить с сопротивлением в лице СВР.

— «Утка» нужна очень и очень солидная.

— Согласен.

— О каком утке вы говорите? — удивлённо спросила Зарима. — Это же такой маленький животный... птичка с клювом... разве нет?

Артём улыбнулся.

— Речь идёт о другом животном.

— А что такое «грёбаная»? Он сказал — «грёбаная атака». — Зари-ма кивнула на Селима.

Полковник посмотрел на неё в некоторой растерянности.

— Он имел в виду слишком сильную атаку, — поспешил Артём объяснить жене смысл слова «грёбаный». — Кого ты хотел бы видеть в качестве «утки»?

— Всё руководство СВР.

Артём присвистнул:

— Круто!

— Иначе не выманим резидента. А захватим его — узнаем координаты дьявольского КП.

Артём походил по небольшой кают-компании — они пользовались бункером Филиппа Ромашина как своей базой, остановился напротив сидящего фон Хорста.

— Это рискованно.

— Зато беспроигрышно.

— Но захочет ли руководство СВР участвовать в операции в качестве «подсадной утки»?

— Соберём всех, представимся, поговорим, предложим план. Рискнут — значит быть сему.

— Даже старший Ромашин сомневается в возможностях Лам-ки.

— Выручим кого-нибудь из наших — поверит.

Со струйкой изморози в кают-компании бесшумно сформи-

ровалась фигура красивой девушки — новое визуальное «оформление» Лам-ки.

— Комитет собирается десантировать группу захвата в солнцеход. Их спецы смогли расшифровать код метро.

Селим поднялся.

— Вот и шанс продемонстрировать им нашу силу. Время у нас есть?

— От силы полчаса, — нежно проворковала девушка и тут же под взглядом фон Хорста превратилась в кота, отдавшего честь. — Принимайте командование, партайгеноссе!

— Где в настоящий момент находится солнцеход?

— Пересёк границу тахоклина, погрузился в нижнюю конвекционную зону.

— Мы можем перенестись туда, минуя метро?

— Раз плюнуть! — лихо рявкнул кот.

— И чтобы нас никто не увидел.

— Без проблем, герр фюрер!

— Отставить представление!

— Слушаюсь! — Кот превратился в седого мужчину. — Больше никаких представлений!

— Поехали.

Кают-компания ромашинского убежища опустела.

* * *

Они собрались в недрах старого завода по производству жестяной тары для пива: семеро боевиков комитета плюс Юзеф Юзефович, принявший решение самолично «раздавить гнездо сопротивления», обосновавшееся на борту угнанного солнцехода.

Все семеро облачились в «кокосы» — компенсационные костюмы спасателей, оборудованные целым рядом приспособлений и способные нести оружие: на плечах всех участников операции торчали турели с «универсалами» и плазмонами. Кое-кто из боевиков порывался взять аннигиляторы и даже «глюки», но ЮЮ отказал им в удовольствии «пострелять»: разряд «глюка» мог запросто пробить корпус солнцехода, и тогда вместе с его обитателями могла погибнуть и вся группа. В том числе командир. А этого допустить ЮЮ не хотел. Поэтому «глюк» был только у него, плюс мощный пси-излучатель «морок», разработанный ещё в прошлом веке медиками России для лечения шизофренических синдромов. В качестве оружия этот суггестор первыми исполь-

зовали корейцы и китайцы, а потом и все спецслужбы мира. В конце двадцать третьего века «морок» попал в список оружия, подлежащего безусловной ликвидации, как ядерное и другие виды оружия массового уничтожения и зомбирования. Но и до сих пор те, кто смог уберечь образцы психотронных генераторов от уничтожения, продолжали хранить его «на всякий случай».

ЮЮ знал, где оно хранится, и имел к ним доступ.

— Задача всем ясна? — спросил он перед отправкой.

В задачу входили захват солнцехода и полная ликвидация его экипажа. Кроме семей Ромашиных, которых ЮЮ считал своими личными врагами.

— Понятно... ясно... всем, — вразнобой ответили боевики команды.

— Приготовились! Стартуем одновременно! Кто не уместится — подождёт на линии финиша приёмной системы. Техники, линия готова?

— Так точно, сэр! — ответили ему.

— В кабину!

Все вошли в кабину метро, замаскированную под плавильную печь. Дверь кабины закрылась.

— Отсчёт!

В ушах каждого раздался звук метронома.

На счёте «ноль» группу швырнула в тоннель короткого беспамятства неудержимая сила. И тотчас же они оказались в тесной кабине солнцехода.

— Начали! — скрипнул зубами возбуждённый ЮЮ. — Спецура — вперёд!

Первыми из кабины выбежали спецтехники команды, блокирующие с помощью особой скремблер-аппаратуры всю связь гигантской машины. Затем выскочили бойцы оперативного авангарда, которые должны были уничтожить витсов охраны, если таковые находились на борту солнечного «крота». И последними выбрались двое преданных Юзефу соратников и он сам.

Витсы охраны отсутствовали.

Люк из отсека метро в другие помещения солнцехода оказался закрыт.

Техники вырубили связь, отчего даже инк солнцехода, управляющий движением, не смог бы теперь доложить командиру о появлении на борту машины отряда гостей.

Люк выбили с помощью плазмона.

— Начинайте зачистку! — бросил ЮЮ. — Лука, Джим, за мной!

Боевики выбежали в коридор, направляясь каждый к своей цели.

Все изучили интерьеры машины, её узлы и геометрию, лифтовую систему и знали, что должны делать. ЮЮ вместе с помощниками поднялся в рубку управления аппаратом, предполагая именно там встретить своих главных врагов.

Однако боевики не встретили на своём пути ни одного обитателя огромной солнечной машины!

Мало того, трое из них, проверявшие отсеки машинного отделения, внезапно оказались взаперти и потеряли сознание, не успев сообразить, что произошло.

Ещё двоих, получивших приказ уничтожить всех поселенцев в жилой зоне солнцехода, ждал сюрприз: в кают-компании на них кинулась многолапая механическая тварь, спеленала обоих липкой, быстро застывающей массой и усыпила. Ни один из них не смог ни воспользоваться оружием, ни сбежать, ни сообщить о случившемся командиру.

ЮЮ почувствовал смутную тревогу, когда не смог открыть люк в рубку. Коды управления всеми дверями солнцехода были уже известны десантникам, но люк тем не менее не открылся.

— Врываемся и стреляем в каждого, — процедил он сквозь зубы, — кто окажет сопротивление! Ромашина-старшего я обезврежу сам.

«Глюк» на плечевой турели развернулся блестящим срезанным рылом к гладкой панели с контуром входа.

И в этот момент люк разделился на две ушедшие в стороны пластины, и в коридор вышел молодой человек в странном унике, с турелью такого же «глюка» на плече. Он был очень похож на Кузьму Ромашина, исчезнувшего вместе с первым солнцеходом, и всё же чем-то отличался от него. Причёской. Прищуром. Цветом глаз.

Несколько мгновений ЮЮ и молодой человек смотрели друг на друга.

Потом в воздухе с тонким льдистым хрустом просыпалась струйка изморози, рядом с молодым человеком возникла быстро обретающая плотность фигура чёрного кота... и ЮЮ, проявив исключительные чутьё опасности и реакцию, включил тайф!

Его спутники не знали, что командир имеет особый тайф, способный «внедрить» хозяина в сеть метро через дальние кон-

туры системы. Что и продемонстрировал бывший начальник охраны Оскара Мехти, исчезая на глазах ошеломлённых соратников.

Кот сделал движение лапой.

Турели с «универсалами» на плечах помощников ЮЮ свернулись в трубочку, будто были сделаны из пластилина.

Парни посмотрели друг на друга, одновременно попытались включить тайфы... и упали, внезапно ослабевшие, не способные сделать ни одного движения.

— ЮЮ! — нахмурился Артём.

— Сбежал, — виновато развел руками кот. — Метро я заблокировал, но он нашёл лазейку.

— Надо было сразу лишить его воли.

— Не переживайте. — Кот превратился в девушку, обтянутую серебристым уником. — Я его найду, никуда он не денется.

Из рубки вышли Селим фон Хорст и Филипп Ромашин. Оба посмотрели на подающих слабые признаки жизни боевиков комитета.

— Ещё пятеро лежат в нижних отсеках, — доложила девушка.

— Надо было взять главного, — пробурчал Селим.

— Он исключительно реактивен, собака, — повела плечиком девушка. — К тому же его тайф позволяет пользоваться не ближайшей станцией метро, а удалёнными. Я этого не знал. И все же я его достану.

— ЮЮ опасен, — холодно обронил Филипп, глядя на Артёма с неопределенным любопытством; он никак не мог привыкнуть к «правнуку» из другой Ветви Вселенной. — Как бы он не натворил чего, пока мы его поймаем.

— ЮЮ наверняка примчится с отрядом для поимки главарей СВР, — сказал Артём. — Там мы его и успокоим.

— Навсегда! — вышла из-за спин мужчин воинственная Зари-ма.

Все посмотрели на неё.

Молодая женщина смутилась, спряталась за спину мужа.

— Уходим, — сказал Селим. — Надо разработать хороший сценарий для перехвата управления у клики Дьявола.

— В первую очередь надо изменить код метро солнцехода, — вспомнил Филипп.

— Уже сделано, — улыбнулась девушка. — Я внёс коррективы в память инка. Кстати, у него хорошее имя. Не знаете, чья это идея — назвать его Хароном?

— Не моя, — поморщился Филипп. — Шутников у нас хватает. Один вопрос: как нам избавиться от опасности нового проникновения на борт солнцехода?

— Об этом не беспокойтесь, код стохастичен и меняется каждую секунду. Найти его формулу невозможно. Вы будете знать только ключ. Остальное знает Харон.

— Понял.

— До встречи, — сказал Артём.

Филипп протянул ему руку, потом Селиму фон Хорсту.

Артём напрягся, но Селим невозмутимо пожал руку Ромашину-старшему, и никто ничего не заметил.

— Ваши родственники проснутся через несколько минут после нашего ухода, — добавил Лам-ка-«девушка» с восхитительной улыбкой. — Они ничего не знают. И пусть не знают. Мы ещё какое-то время побудем у вас инкогнито. Боевиков забрать?

— Не надо. Мы их допросим.

— Тогда до свидания.

Группа «альтернативных» землян исчезла.

Филипп задумчиво погладил пальцами подбородок, кивнул сам себе, бросил взгляд на лежащих помощников ЮЮ и поспешил в рубку.

* * *

Седьмого июня в шесть часов утра по среднесолнечному времени Юзефу Юзефовичу доложили о расшифровке сообщения, которое считалось информационной матрицей сети «спрут-2», используемой ушедшими в «подполье», то есть в режим инкогнито, защитных сил человечества. Проанализировав его, инкспециалисты Юзефа определили координаты предполагаемой базы Сопротивления.

Обозлённый неудачей с захватом солнцехода, ЮЮ тем не менее не ринулся сразу в атаку на обнаруженный центр СВР, а сообщил о случившемся министру.

— Вы уверены, что это и есть база Сопротивления? — осведомился Людвиг Казийски, которого давно не приглашал к себе Филипп Ромашин.

— Не уверен, — честно признался ЮЮ, пригладив пальцем щегольские усики, переходящие в кольцо узкой бородки, охватывающей губы и подбородок. — Но если мы сейчас не ударим по их сети, они сменят коды связи, перенесут базу, и мы никого не поймаем.

Казийски меланхолически съел мятную лепешку, запил ледяной феколой.

— Я готов дать разрешение на акцию, хотя не понимаю, каким образом вашим парням удалось выйти на сеть связи Сопротивления.

— Случайно.

— Надо всё перепроверить.

— Уже делается.

— Хорошо, базу мы берём. Но с одним условием: Филипп Ромашин нужен мне живым.

ЮЮ криво усмехнулся:

— Мне он тоже нужен... живым. Если удастся захватить базу СВР врасплох, что делать с начальниками рангом помельче?

— Меня они не интересуют. Сил хватит? Я слышал, что СВР сильно потрепала ряды комитета.

Губы ЮЮ побелели, но он сдержался.

— Я подтяну резервы.

— Оскара Мехти не нашли? Его помощь пришлась бы кстати.

— Ищем. Возможно, его прячут на базе.

— Если только это и в самом деле база.

— Разберёмся.

Казийски поднял светлые, ничего не выражающие глаза на своего главного исполнителя, по губам его скользнула бледная улыбка:

— Вы их так ненавидите, Юзеф?

Бывший начальник охраны Министерства сжал зубы, отвернулся.

— Это не имеет значения.

— Почему вы вообще нам помогаете? Насколько я знаю, вас не кодировали, вы перешли на нашу сторону добровольно.

ЮЮ бросил на министра загоревшийся и тут же погасший взгляд:

— Вы не поймёте.

— Почему?

— Как сказал кто-то из российских юмористов: если есть смертные грехи, то должны быть и бессмертные. Ромашины проповедуют именно последние.

— Это какие же? — с любопытством спросил Казийски.

— Они внушили всем, что заботятся о человечестве ради его блага. Чушь! Для них власть закона — всё! Основа собственной

власти! На самом деле они борются за личную власть — единственное зло, которое радует.

Казийски усмехнулся, покачал головой, разглядывая разрумянившиеся щёки помощника, допил феколу.

— Интересная концепция, моншер, хотя и ошибочная, на мой взгляд. Насколько мне известно, Ромашины бессребреники. Потому и опасны, как не устаёт напоминать Д.

— Дьявол? — вскинул голову ЮЮ.

— Я называю его Другом. Или просто Д. Хотя если перевести его имя на наш язык, то получится Останавливающий Иное Качество.

— Хрен их поймёшь, этих негуманов. Я могу с ним познакомиться?

— Он сам определяет свои контакты. Хотя можно попробовать. — Казийски поблуждал пальцами в световой инфраструктуре над столом, нашёл нужный узел. — Если он ответит, это будет удачей. Несмотря на то, что недавно он сам признался в желании познакомиться с вами.

Юзеф подобрался.

Над столом министра бесшумно вырос световой «кустик», развернулся в объёмное изображение Юпитера, ринувшегося навстречу. Чёрное поле космоса ушло за пределы изображения, приблизилось знаменитое Красное Пятно, тоже ушло краями за пределы объема. Камера устремилась вниз, обозначая тоннель движения. В этом тоннеле родилась чёрная паутинка, превратилась в объёмную сеть с чёрным ядрышком. Прыжок — и движение оборвалось внутри ядра.

Взору предстало странное помещение, напоминающее соты. Часть из них источала багровое свечение, некоторые — оранжевое и золотое.

В центре помещения показалась гигантская лоснящаяся улитка. Голова её с шевелящимися рожками и узкими фасетчатыми глазами повернулась к людям.

ЮЮ сглотнул.

— Приветствую тебя, Останавливающий, — сказал Казийски равнодушно.

В ответ послышалось тихое сопение, пыхтение, и транслятор перевёл сказанное короткой фразой на английском языке:

— Говорить нужное.

— Это Юзеф Юзефович, наш добровольный слуга.

ЮЮ дёрнулся, но возразить не осмелился.

Раздалось то же пыхтение:

— Он предать нет?

Казийски покосился на ЮЮ.

— Ну что вы, Останавливающий, он не предаст. Юзеф так сильно не любит наших врагов, что готов разорвать их на куски голыми руками.

— Это есть правильность. Достойность награда.

— Разумеется, мы его наградим. Хотя сам он считает, что лучшая награда — власть.

— Наши помощники быть сильно власть. Что есть важность ещё?

— Мы нашли базу Сопротивления.

«Улитка» вздрогнула, по её телу пробежали гладкие бликующие волны, рожки задвигались быстрее.

— Данность уверенность? Вы отвечать?

— Это его сведения. — Министр кивнул на Юзефа. — Он утверждает, что мы можем одним ударом покончить с Сопротивлением.

— Необходимость подтверждение! Срочность!

— Хорошо, мы проанализируем ситуацию и позвоним.

— Через час, — торопливо добавил ЮЮ.

— Идите, — бросил ему Казийски.

ЮЮ вышел.

«Улитка» в глубине виома снова пошла волнами, оплыла блестящей фиолетово-чёрной плёнкой с тела стоящего в помещении человека, одетого в уник официала Спорткомитета. У мужчины было длинное гладкое лицо с тяжёлым подбородком, глазами навыкате, длинные пепельные волосы. Казийски узнал главу Европейского Олимпийского комитета Лешека Збанацкого. Хотя не придал этому значения. Резидент Дьявола, которого он называл Останавливающим Иное Качество, каждый раз во время сеанса связи превращался в одного из руководителей Земного Правительства. Поэтому никто не знал наверняка, кто на самом деле является резидентом.

— Его надо запрограммировать, — сказал Збанацкий, пригладив волнистые волосы; на сей раз голос резидента звучал совсем по-человечески. — Я не верю людям, добровольно перешедшим на нашу сторону.

— На сторону Дьявола, — усмехнулся Казийски.

— Среди людей попадаются гораздо более свирепые индивидуумы.

— Я пошутил. Пусть проведёт операцию по уничтожению ба-

зы СВР, и мы его запрограммируем в зомби-солдата. Это несложно.

— Ты думаешь, сведения верные? Служба внутренних расследований прокололась?

— Я не думаю, я только выбираю варианты действий. Уверен в одном: пока СВР что-то делает, мы не можем быть уверенными в успехе всего дела.

— Огнетушитель уже запущен и скоро будет в Системе. Надо поторопиться с ликвидацией Сопротивления. Нам никто больше не должен помешать. Если сведения этого вашего ЮЮ подтвердятся, я лично приму участие в операции.

— Слушаюсь, господин Останавливающий...

Збанацкий вытянул вперед руку, и Казийски замолчал.

— Останавливающего здесь нет, господин министр, и ты это знаешь. Я всего лишь Контролирующий Решение Останавливающих.

— Да, я знаю, — смиренно кивнул Казийски.

— Жду сигнала.

Изображение жилища резидента, синтезированное системой защиты секретных сведений, пропало.

Казийски неторопливо налил себе стакан феколы, выпил и вспомнил, что не сказал резиденту о появлении хронозеркал.

* * *

Информация подтвердилась. Разведданные, полученные с помощью системной обработки сигнала, принадлежащего сети Сопротивления, однозначно говорили о наличии у СВР тайной базы. Ещё большую заинтересованность у оперативников Министерства и у самого ЮЮ вызвало предположение о скорой встрече на базе руководителей Сопротивления. Судя по всему, они собирались там регулярно, каждый вечер — по местному времени.

— Сахалин, — задумчиво повторил Казийски название места, где, по расчетам эфаналитиков, находилась база СВР. — Мыс Северный.

— Мы подключили к поисковым системам метеосеть «ГЛОНАСС», — добавил ЮЮ, поглаживая инкрустированную драгоценными камнями рукоять кинжала. — Так, чтобы никто не понял, какой объект нас интересует. На берегу стоит старая обсерватория, ей лет двести, если не больше. Обслуживается автоматикой. Собственной станции метро не имеет. Но, во-первых,

наблюдатели заметили там людей — мелькают изредка, а во-вторых, в том районе отмечается концентрация энергии.

— Энергосеть Сахалина проверили?

— Никаких секретных подключений, никаких региональных станций.

— Блок индивидуального пользования. Со своим метро.

— Абсолютно верно.

— Может быть, попытаться нащупать код этого метро?

— Потеряем время.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Наблюдение «ГЛОНАСС» выявляет скрытые подходы к объекту, подземные выработки и пустоты. Предполагаем устроить над мысом ослепляющий все молектронные системы кварковый взрыв, который на полчаса заблокирует всю систему метро Сахалина, и высадим десант.

Казийски меланхолично прожевал мятную лепёшку, глядя перед собой остановившимися глазами; он всё чаще выглядел заторможенным, что отмечал не только ЮЮ, но и все заместители министра. Но они, в отличие от Юзефовича, не знали причин такого поведения.

— Одни вы не справитесь, — обронил наконец очнувшийся Казийски.

— Комитет набирает новых членов...

— Нужны профессионалы, а не просто добровольцы.

— Так отдайте приказ своим операм! — обозлился ЮЮ. — А чтобы нас потом не упрекнули в несоразмерном применении военной силы, объявим во всеуслышание, что прошла акция по уничтожению базы агентов Дьявола.

— Всё равно я рискую креслом, не ставя в известность СЭКОН о проведении операции!

— А мы рискуем жизнью!

— Кому она нужна, такая жизнь? — усмехнулся Казийски, думая о своём. — Хорошо, давайте посмотрим, что вы приготовили для захвата лидеров СВР.

ЮЮ достал из кармашка на груди бусину видеозаписи.

* * *

Восьмого июня в двадцать один час две минуты по среднесолнечному времени и в шесть утра по времени Сахалина над северной оконечностью острова внезапно появился неопознан-

ный летающий объект и взорвался, породив «шатание основ материи» на кварковом уровне. Причина его взрыва так и осталась неизвестной. Для общественности. Да и для Управления аварийно-спасательной службы, поднятой по тревоге.

Вслед за этим над островом проявился спейсер «Брюссель», принадлежащий Федеральному Министерству безопасности. В войне с «мячами Дьявола» он участия не принимал, так как прикрывал столицу Европы.

В течение нескольких секунд с борта спейсера был выброшен десант — около ста бойцов украинского спецназа, в который вошла и группа Юзефа Юзефовича в составе десяти человек. У неё была своя задача — захватить собравшихся на базе руководителей СВР. Юзефу доложили, что в подземельях обнаружены плоские хронозеркала, но он отмахнулся:

— Зеркала нам не помеха, это всего лишь устройства слежения.

Операция по ликвидации опорной базы Дьявола прошла слаженно и успешно.

Спецназ блокировал все подходы к старой обсерватории, оказавшейся «убежищем террористов», перекрыл подземные коммуникации, уничтожил «живую» и «мертвую» охрану базы и дал возможность отряду ЮЮ подобраться к бункеру в глубинах земли, под обсерваторией.

Отряд быстро разобрался с люками подземелья, справился с какой-то военной машиной в виде механического паука (потеряв при этом половину состава) и ворвался в бункер.

В помещении, напоминавшем кают-компанию космического корабля, оказалось пять человек, явно не ожидавших нападения. Уйти в сеть метро с помощью тайфов они не смогли, вся сеть метро Сахалина временно вышла из строя. Среди них ЮЮ с радостью узнал Игната и Филиппа Ромашиных и с удивлением уставился на двух женщин: китаянку и очень красивую брюнетку, похожую на командора Погранслужбы Гийома де Лорма.

— Доброе утро, господа, — шагнул он вперед, широко улыбаясь, в то время как дуло его «глюка» на плече продолжало смотреть на тесно сбившихся у стены бункера руководителей Сопротивления. — Рад вас видеть! Давайте знакомиться. Меня зовут Юзеф, я начальник известного вам Комитета. Этих двоих я знаю. А вы кто? — ЮЮ благожелательно посмотрел на брюнетку.

— Саша де Лорм, — негромко ответила девушка, отнюдь не

выглядевшая испуганной. Правда, ЮЮ не обратил на это никакого внимания.

— Очень приятно. А вас?

— Иван Славин, — обронил светловолосый мужчина, сжав зубы.

— Бывший игрок в футбол, насколько мне известно. Уж не вы ли возглавляете СВР?

Мужчина не ответил.

ЮЮ включил ТФ-рацию.

— Господин Останавливающий? Они передо мной. Можете убедиться. — Он выслушал ответ. — Прекрасно.

Ромашины переглянулись.

— Сейчас я познакомлю вас с тем, кого вы так долго безуспешно искали, — осклабился ЮЮ, упиваясь победой. — Пожалуйста, не делайте резких движений, мои люди начнут стрелять без предупреждения.

В проём люка вошёл громадный витс, вооруженный с ног до головы, с двумя турелями на плечах.

А вслед за ним в бункер шагнул резидент Дьявола...

Глава 14

ИГРА В ПРЯТКИ

К живым существам, так, как это понимали люди, «шлем» не относился. Но и мёртвым назвать его было нельзя.

«Голос», раздавшийся в головах землян, представлял собой мыслепередачу, но, так как многие понятия цивилизации «шлема» не совпадали с понятиями людей, «голос» часто превращался в бессмысленное бормотание, в его речи возникали лакуны, и разобраться в сути беседы было трудно. И всё же пассажиры солнцехода поняли главное. А именно: «шлем» являлся «скелетом» одного из последних представителей самой первой разумной расы местной Солнечной системы, особи которой представляли собой переходную форму между живой и неживой материей. Можно сказать, что это были «коацерваты», «предвирусы», но очень большие. Возраст их цивилизации насчитывал миллиарды лет и был почти равен возрасту самой Системы. Вымерли же «предвирусы» не в результате войны, а вполне естественным путем, когда им на смену пришли подвижные носители разума,

которых «шлем» называл «Переделывателями». А уже вслед за «Переделывателями» пришли «насекомые», первая волна которых оказалась наиболее адекватно приспособленной к условиям жизни на холодных планетах.

Вторая волна «насекомых» уничтожила первую и начала перестройку Системы, но их «техника» внезапно вышла из повиновения и попыталась сбросить «иго хозяев». В результате началась затяжная война, следы которой — шрамы и кратеры — увидели пассажиры солнцехода.

Эта война длилась до сих пор. «Насекомые» добивали свою ставшую независимой «технику», а та отвечала агрессивными наскоками, огрызалась и превращала жизнь истинных владельцев Системы в кошмар.

— Но кто они?! — не выдержала Катя, выслушав «речь» древнего «скелета». — Как они выглядят?

— Они очень похожи на своих создателей, — был ответ. — И живут везде, на всех планетах и в открытом космосе.

— Как же отличить их от настоящих живых существ?

— Грань между теми и теми аморфна, зыбка, расплывчата, не абсолютна, и определить «кто есть кто» почти невозможно, — прошелестел в головах людей мыслеголос «шлема».

— Отпусти нас, — вежливо попросил Хасид.

Объятия «скелета» ослабли. Гладкие вздутия и «щупальца» убрались в бугристые стенки ажурных внутренностей «шлема». Голос его стал едва слышен.

— Ты нас видишь? — полюбопытствовал Кузьма.

— Как мыслящие сферы, — ответил «шлем». — Вы не умеете скрывать свои мысли. Я заметил вас ещё при выходе из Солнца и внушил идею посетить дальние планеты.

Все замолчали.

Катя неуверенно рассмеялась.

— Ты хочешь сказать, что мы здесь по твоей воле? Ты заставил нас прилететь на Титан?

— Не заставил. Предложил альтернативную идею. Вы бы всё равно действовали в соответствии со своими алгоритмами.

Слова «альтернативную» и «алгоритмами» прозвучали в мыслеречи «шлема» как дребезжащий шум, но земляне уже приспособились заменять лакуны своими терминами и поняли собеседника.

— Если и охотники за нами владеют внушением... — начал Кузьма.

— Не владеют, — успокоил его «шлем». — Пик их развития прошёл.

«Шлем» замолчал.

— Куда они запускают сферические хронозеркала? — спросил Хасид.

— Объекты, называемые вами сферическими хронозеркалами, представляют собой диполи времени. Они открыты в прошлое и будущее. Хозяева используют их в качестве средств контроля и коррекции развития разума, подобного собственному.

— А как же другие формы?

— Остальные виды разума уничтожаются.

— Это мы знаем, — сказал Хасид. — А что будет, если мы уничтожим завод по производству хронозеркал?

— Не уверен, что вы справитесь с этим.

— И все же мы попробуем.

— Подождите! — озарило вдруг Кузьму. — Выходит, в Системе нет ярко выраженного центра цивилизации?! На всех планетах одно и то же?

— Центр есть, но он управляет Системой иначе, как нервный узел. Вообще вся данная планетная Система является р а з у м н о й. Она самоподстраивается и саморегулируется. Война создателей «разумной техники», которая вовсе не похожа на вашу, с самой «техникой» и есть способ регуляции. Таких саморегулирующихся Систем в Галактике несколько. Данная Система поставляет диполи времени и для них.

Кузьма присвистнул.

— Ну конечно! Наблюдатель предупреждал нас об этом! В будущем все эти разумные «подсистемы» сольются в одну Суперсистему и попытаются задавить гуманоидов! Наших потомков!

— Их надо остановить!

— У нас только одно оружие — сам солнцеход. А он вряд ли сможет уничтожить завод хронозеркал.

— Где находится этот «нервный узел», который управляет Системой? — поинтересовался Хасид.

— Прошу прощения, человеки, — заявил вдруг заходивший ходуном «шлем». — Я чувствую негативное изменение энергопотенциалов. Вас вычислили. Уходите.

Хасид безмолвно бросился вон сквозь расширившиеся дыры в оболочке «шлема». За ним устремились Катя и Кузьма.

За время их беседы на острове ничего не изменилось. А вот

над островом стало заметно золотистое облачное сгущение, сквозь которое хищно проглянули знакомые контуры «каракатицы».

— Ходу! — скомандовал безопасник, включая антиграв.

Им понадобилось всего несколько секунд, чтобы достичь горы солнцехода и нырнуть в развёрстый люк. Но и «каракатица» не промедлила, спикировав на остров с похвальной быстротой и на ходу открывая огонь.

Первый же залп зеленовато-жёлтых молний угодил в «шлем» и разнёс его на мелкие металлические брызги.

Людям послышался тонкий ментальный вскрик, похожий на свист ветра в листве деревьев.

Второй попал в вершину холма, превращая её в дымящийся кратер.

Третий наконец накрыл купол солнцехода.

Неизвестно, что сделали владельцы «каракатицы» со своим оружием, но они его явно усовершенствовали.

Удара не выдержал даже верхний защитный слой корпуса машины — нейтридный, способный оставаться холодным даже при температурах в десятки и сотни миллионов градусов! Пробить сам защитный слой молниям неизвестной природы не удалось, но обшивка солнцехода пошла волнами, ломая внутренние перекрытия и геометрию, а пассажиры, не успевшие добраться до рубки управления, потеряли сознание.

Спас положение Дэв.

Не дожидаясь команды, он накинул «саван невидимости», сманеврировал, упреждая новый удар, и включил бур. Через несколько секунд солнцеход был уже на глубине четырёхсот метров.

«Каракатица» сунуться за ним в дымящийся тоннель не рискнула, хотя и попыталась уничтожить, сосредоточив огонь на дыре тоннеля.

Очнулись беглецы уже в медицинском отсеке, куда их перенесла команда кибов, поднятая инком.

Хасид рывком сел в прозрачном саркофаге медкомбайна, прислушался к шелестящей тишине отсека, вызвал мысленно Дэва и выбрался из саркофага.

— Где я? — послышался замирающий шёпот Кати.

Кузьма тоже сел, пытаясь унять головокружение, чувствуя слабость во всем теле, ватное токание сердца и вязкую сухость в рту.

— Все живы?

— Я в рубку. — Хасид исчез.

— Что это было? — чуть громче спросила Катя.

Стиснув зубы, Кузьма заставил себя вылезти из медкомбайна, приблизился к девушке. Она лежала не двигаясь и смотрела на него огромными потемневшими глазами. Он с трудом улыбнулся:

— Досталось нам.

— Жаль старика...

— Кого?

— Я о том древнем, на острове...

— Да, жаль. Он так и не успел сказать, где находится управляющий центр.

— Надо что-то делать...

— Отдохнём, посоветуемся, выработаем концепцию. Лежи пока.

— Хорошо...

Кузьма поцеловал любимую в щеку, вернулся в рубку.

Хасид уже закуклился в кресле и на появление друга не отреагировал.

— Что у нас плохого? — пробормотал Кузьма, забираясь в соседний кокон и включаясь в общее поле связи.

— Пытаюсь починить конформинг, — озабоченно доложил Дэв. — У нас парализовало верхний магнитный контур.

— Мышцы свело, — пошутил Хасид. — Повозись-ка с защитой, иначе в следующий раз нас размажут по земле.

— Не размажут. Дэв, записал параметры разряда?

— Не один раз.

— Чуть позже займёмся анализом и разработкой экрана.

— Всегда готов.

— Где мы сейчас?

— На глубине километра. Плотность пород семь и шесть десятых, температура около нуля, гравитация...

— Включай бур, направление — шестьдесят градусов к вертикали.

— Что ты задумал? — осведомился Хасид.

— Надо уходить отсюда. Не будем же мы сидеть под землей и ждать, пока сторожа научатся двигаться в глубинах Титана. Если тот древний «шлем» прав...

— Ты сомневаешься?

— Если он прав, искать столицу местного социума и догова-

риваться с хозяевами Системы нет смысла. Они даже живой артефакт не пожалели, оставленный на охраняемом острове.

— Жаль, что он не успел сказать, кто является Правителем Системы.

— Кузя прав, — присоединилась к мужчинам Катя, занявшая своё место. — Мы им ничего не докажем, не объясним и не понравимся. Они негуманы и действуют по своим логическим схемам. Врагов надо мочить, мы — враги, значит, не имеем права жить.

— Но и улетать вот так, ничего не сделав, не хочется.

— Почему ничего не сделав? Давайте протараним завод хронозеркал. Большого вреда мы ему, может быть, и не причиним, но на какое-то время выведем из строя.

— Отдельная атака малоэффективна, — проворчал Кузьма. — Ну, сделаем в заводе дырку, ну две, а потом нас отыщут «каракатицы» и...

— Ты против?

Кузьма помолчал, упрямо сжал губы.

— Одиночный удар — не стратегия, да и тактически он ничем не подкреплён. Мы только обозлим охрану завода и заставим его владельцев принять дополнительные меры по защите.

— Предлагай своё решение.

— Вернуться домой, разработать спецпрограмму ликвидации завода и вместе с нашими безопасниками нанести мощный удар.

— План хорош, — сказал Хасид хладнокровно. — Есть только одна небольшая неувязочка: мы можем больше сюда не вернуться.

— Мы вообще можем не вернуться домой, — поморщился Кузьма, — в наше время. Что тогда?

— Начнём партизанскую войну.

Кузьма невольно улыбнулся.

— Разве что...

— Итак, твоё окончательное слово?

Возникла ещё одна пауза.

Катя и Хасид ждали. Кузьма думал, хотя давно всё решил.

— А что? — сказал он наконец. — Партизанская война с этими насекомовидными идиотами — стоящее дело. Попробуем распотрошить завод. А потом — домой.

Катя засмеялась, послала ему воздушный поцелуй.

— Ты волюнтарист, — сказал Хасид строго. — За что я тебя и люблю. Завод, конечно же, надо уничтожить. Чтобы прошлое не

возвращалось к нам в виде будущего. Потом будем посмотреть. Катерина, поддерживаешь этого волюнтариста?

— Я за партизанскую войну. Не уничтожив завод хронозеркал, мы хозяев Системы не остановим.

— Тогда поехали к Юпитеру. Дэв, пройди километров сто поглубже, а потом вынырни из Титана на экваторе.

— Как скажете, сударь и сударыня.

Солнцеход без толчка устремился вниз, в глубины самого большого спутника Сатурна.

Однако преодолеть сто с лишним миллионов километров и подобраться к Юпитеру поближе оказалось непросто!

Солнцеход высунулся из горного хаоса Титана через час, поднялся над ним, окутанный силовыми полями, делающими его невидимым, наметил траекторию полёта к гигантской окольцованной планете... и был атакован «каракатицами», рыскающими вокруг Титана!

Сторожа местной цивилизации «насекомых», мало отличимых от «разумных технических систем», созданных ими же, быстро научились определять положение солнцехода — по его гравитационному полю, надо полагать, и почти безошибочно вычислили координаты земной машины.

К счастью, Дэв маневрировал так удачно, что колоссальной мощи удары, наносимые «каракатицами», проходили мимо. Но долго эта игра в кошки-мышки продолжаться не могла, и Хасид пришёл к выводу, что надо снова отступать, прятаться в глубинах Титана.

— Дэв, ищи спутник подальше от Сатурна! — опередил его Кузьма. — Будем идти от спутника к спутнику, если понадобится, а уж от самого дальнего помчимся к Юпитеру.

— Ближайший от нас — в десяти минутах лёта.

— Жми!

Солнцеход увернулся от очередного выпада самой настырной «каракатицы», почти мгновенно набрал крейсерскую скорость в двадцать тысяч километров в секунду и, стесав бок «каракатицы», не успевшей увернуться, пулей умчался в пустоту космического пространства, оставив позади разворошенный улей «насекомых», устроивших хоровод вокруг беспомощно кружащей над Титаном «каракатицы».

Сатурн «родной» Солнечной системы в двадцать четвертом веке имел больше ста двадцати естественных спутников, шесть из которых были внутренними, то есть вращались вокруг гиганта

внутри колец, восемь — главными, так как были самыми большими и вращались по стационарным круговым орбитам, а остальные представляли собой космические камни размерами от двухсот двадцати (Феба) до полукилометра в поперечнике.

Спутник, ближайший к Титану, орбита которого пролегала дальше от Сатурна, назывался Гиперионом. Размеры его были равны трёмстам пятидесяти на двести восемьдесят и на двести двадцать километров, и представлял он собой гигантский каменистый обломок, покрытый множеством кратеров и трещин.

Здешний Гиперион при тех же размерах имел атмосферу и выглядел пушистым шариком с озёрами и реками из метана. Хотя никакой инфраструктуры, говорящей о наличии на нем жителей, беглецы с борта солнцехода не заметили.

«Солнечный крот», оторвавшись от преследования, настиг планетку и вонзился в неё как невидимый снаряд, остановив движение почти в её ядре, плотность которого лишь в два раза превышала плотность льда.

Пассажиры выбрались из кресел, в молчании собрались в кают-компании, пообедали.

— Как настроение? — поинтересовался у соратников безмятежный Хасид.

— Я попробую найти формулу защиты, — поднялся хмурый Кузьма. — Предлагаю сделать привал.

Он вышел.

Хасид посмотрел на выглядевшую рассеянной Катю.

— Я не уверен, что ему удастся перенастроить нашу полевую защиту. Спецы на Земле сделали бы это быстро, но мы не на Земле.

— У него светлая голова, — сказала девушка без надежды в голосе. — Захочет — всего добьётся.

— Да здравствует светлая голова, — серьёзно сказал Хасид, — средоточие неожиданностей.

Катя слабо улыбнулась.

Два часа они стояли на месте.

Потом Кузьма вылез из кокон-кресла мрачный, бледный, усталый и побрёл в отсек отдыха.

Катя догнала его, взяла под руку.

— Пока ничего, — пробурчал он. — «Крот» — специализированное корыто, предназначенное для функционального решения — прохождения сквозь солнечные недра. Перенастроить его защиту так, чтобы она нейтрализовала хиггс-разряды, вряд ли

удастся. Я даже не могу задавить гравитационное поле «крота», чтобы нас вообще невозможно было обнаружить в пространстве. На Земле смог бы, формула достаточно проста, здесь — нет.

— Ещё не вечер.

— Я не волшебник.

— Все равно мы в тебя верим.

— Не успокаивай меня как маленького.

— Я и не успокаиваю. Что такое хиггс-разряды?

— Это те самые молнии, которыми стегают нас чёртовы «каракатицы». Они создают мощные амплитудные осцилляции вакуума, от которых нас ничто не спасёт.

— Значит, мы останемся без защиты?

— Не знаю. — Кузьма скрылся в душевой кабине.

Катя постояла в задумчивости у двери в отсек, потом вернулась в рубку.

— Кузя нервничает.

— А ты его не успокаивай, — сказал Хасид. — Когда он нервничает, переживает, он становится работоспособнее.

— Но он не нашёл способа защитить солнцеход.

— Возможно, эту проблему нельзя решить в наших условиях.

— Зачем же ему тогда ломать голову?

— Я знаю его почти десять лет, ему полезно напрягаться. Год назад именно благодаря встрече с тобой, заставившей его напрячься, он переродился и стал мужчиной.

Катя улыбнулась.

— Его долго били...

— Зато потом он побеседовал с твоим дедом...

— И тот разбудил его генетическую память.

— Кузьма стал классным бойцом, даже я с ним тягаться не в состоянии. Жаль, что нам не с кем драться.

— С «насекомыми», — засмеялась Катя.

— Против них нужны иные приёмы.

— Инсектициды?

— Нет у нас никаких инсектицидов, да и не боятся они ничего. Сражаются стадом, до последнего солдата.

— Сюда бы экспедицию биологов...

— Сюда бы хороший ТФ-эмиттер типа Потрясателя, и от их цивилизации остались бы рожки да ножки.

— Ты слишком несправедлив к ним, — пожурила полковника Катя. — Любое живое существо имеет право жить так, как хочет.

— Если только оно не мешает жить другим.

— Ты пессимист.

— Я реалист. Кстати, не направиться ли нам дальше? Чего мы ждём?

— Кузьма устал...

— Ну и пусть отдыхает. А мы пока попробуем незаметно перепрыгнуть к спутникам Юпитера. Дэв, кто там у нас поближе?

— Все внешние спутники, их до полусотни.

— Конкретнее?

— Я не знаю их названий. Первый и самый дальний от Юпитера — двухкилометровой длины.

— Тогда надо искать главные — Ио, Европу, Ганимед и Каллисто.

— Кто ближе?

— Ганимед.

— Идём к Ганимеду.

— Слушаюсь.

Полосатая чернота в носовом виоме сменилась коричневой, потом мелькнули белёсые дымы, и солнцеход вырвался из плато Гипериона, окутанный облаком пыли и дыма, пронзил атмосферу планетки и вышел в космос, направляясь во внутренние области Солнечной системы, к Юпитеру.

— Пойду посмотрю, чем он занимается, — выбралась из кресла Катя. — Не хочешь присоединиться? Отметим день рождения.

— У меня нет подарка.

— У меня тоже.

— Ты сама — подарок.

— Спасибо за подхалимаж. Недаром говорится: доброе слово и собаке приятно.

— Я думал совсем о другом, — запротестовал Хасид.

Катя засмеялась.

— Шучу я. Приходи через полчаса, я стол накрою праздничный. Дэв, сколько времени нам понадобится на бросок к Юпитеру?

— Два часа сорок две минуты.

— Успеем повеселиться.

— Если только нас не обнаружат «каракатицы», — хмыкнул Хасид.

— Типун тебе на язык!

— Благодарю.

— Не за что. — Катя убежала.

Хасид посидел бездумно несколько секунд, потом спохватился, вызвал сферу обзора. И космос обнял его со всех сторон, будто броня солнцехода исчезла со всем его хозяйством.

«Каракатицы» настигли земную машину через два с половиной часа, когда до Юпитера — равно как и до его самого большого спутника, Ганимеда, — осталось около двадцати миллионов километров пути.

Ганимед «настоящего» Юпитера представлял собой не только крупнейший спутник этой гигантской планеты, но и вообще самый большой спутник Солнечной системы. Его диаметр достигал пяти тысяч двухсот шестидесяти восьми километров. Во времена войны человечества с Дьяволом Ганимед был покрыт льдом — на полюсах и рассольными морями, состоящими в основном из сернистого марганца и гидрированных минералов. Кроме того, под его ледяной коркой также были найдены залежи рассолов, проникшие в глубины планеты и объединённые в целые подземные океаны.

Ганимед «местной» планетной Системы, при почти таких же размерах и массе, имел плотную атмосферу и был окружён «зарослями лиан», создающими некую астроинженерную конфигурацию — объёмную «паутину», миновать которую ни одному подлетающему космолёту было невозможно. Правда, эта «паутина» не являлась препятствием для земного аппарата, пассажиры которого с интересом принялись разглядывать «заросли». И тут объявились «каракатицы», выскочившие из тьмы пространства, как инспекторы Федеральной транспортной инспекции — из-за угла.

Однако они не бросились сразу на машину беглецов, а перекрыли ей все пути отхода, кроме одного — назад, по вектору движения. Надо было срочно что-то предпринимать.

— Уходим! — предложил приободрившийся после «праздничного обеда» Кузьма.

— Не нравится мне их перестроение, — задумчиво сказал Хасид. — Нас они не видят, но ведут себя так, будто знают, что мы никуда не убежим.

— Они не могут нас видеть!

— По гравитационному полю.

— Оно слабенькое и расплывчатое, как лужа киселя, точно определить наше местоположение нельзя.

— Я не понимаю, — заметила Катя, — почему «каракатицы» выстроились так странно — коридором? Всё-таки они нас видят.

— Если бы они нас... — начал Кузьма.

— Шар! — доложил вдруг Дэв. — Нас догоняет хронозеркало! Диаметр — около тысячи километров!

У всех ёкнули сердца, даже у Хасида.

— Дай картинку! — выдохнул Кузьма.

В окне дальновидения появилось зеркально бликующее зёрнышко, быстро превратившееся в футбольный мяч.

— Вот почему они выстроились коридором, — пробормотал Хасид. — Попытайся мы увернуться — наткнёмся на «каракатиц»!

— Тогда прорываемся к Ганимеду! Дэв, как скоро шар догонит нас?

— Через две минуты шесть секунд.

— Вперёд!

Хасид думал ровно два удара сердца.

— Подтверждаю приказ! Максимальная скорость! И маневрирование! «Качай маятник» с амплитудой в две-три сотни метров, чтобы в нас нельзя было попасть!

— Понял, выполняю, — ответил инк.

Пассажиры солнцехода почувствовали нарастание силы тяжести: «крот» начал разгон так интенсивно, что защита рубки перестала справляться со скачками инерции в режиме двойного ускорения. Сознание людей затуманилось...

Глава 15

КОНЕЦ РЕЗИДЕНТА

Несколько мгновений они смотрели друг на друга: Лешек Збанацкий, Президент Европейского Олимпийского комитета, и пятеро захваченных врасплох руководителей Сопротивления. Потом резидент Останавливающих — высокий, слегка сутулый, с белыми волосами, надменный, в глазах — необычное выражение подозрительности пополам с тоскливой недоверчивостью, — бросил взгляд на Юзефа:

— Обыскали?

— Они не вооружены, — шагнул к нему один из помощников ЮЮ. — Связь заблокирована на всех диапазонах.

— Надо было отнять у них рации.

Збанацкий пригладил волосы, прошёл на середину бункера.

— Рад приветствовать вас, пани и панове. Если кто меня не знает, прошу любить и жаловать: Лешек Вигдор Тадеуш Збанацкий, федеральный спортменеджер. Троих из вас я знаю. Вас, — взгляд на Славина, — и вас, — взгляд на Сашу де Лорм, — нет.

— Это Иван Славин и мисс де Лорм, — сказал ЮЮ.

— Кто ещё входит в руководство СВР?

Деятели Сопротивления повели себя вполне предсказуемо.

Женщины с подозрением посмотрели на мужчин, обменялись быстрыми многозначительными взглядами. Ромашины остались невозмутимыми, Славин, глядя на них, приподнял бровь.

— Не слышу ответа, — равнодушным голосом проговорил Президент Олимпийского комитета. — Владилена Реброва мы найдём, но должны быть ещё лица, допущенные к секретам СВР. Кто они?

— Скажите, пожалуйста, сяньшэн, господин Президент, — сказала китаянка, мило улыбнувшись, — что вам предложил Дьявол? За что он вас купил? Ведь вы добровольно ему помогаете?

Збанацкий бросил неприязненный взгляд на ЮЮ, по губам которого скользнула ехидная ухмылка.

— Похоже, вы не понимаете своего положения, госпожа Синь. Сопротивлению конец. Вы расскажете нам всё, и ваша организация скоро будет полностью устранена.

Юэмей покачала головой, с сожалением глядя на самодовольное лицо резидента, повернулась к Славину:

— Иван, нас подставили?

— И я даже догадываюсь — кто, — сказал тот, внимательно рассматривая бесстрастные лица Ромашиных.

— Ты о чём? — сухо осведомился Игнат.

— Вы неспроста настаивали на немедленном свидании, не так ли? Сеть «спрута» раскодирована, нам пришлось в срочном порядке менять коды и пароли, переходить на запасные частоты.

— Этого следовало ожидать, с нами воюют не дураки.

— Это я виноват, — сказал Филипп.

Все посмотрели на него, Збанацкий тоже — с любопытством.

— Что вы хотите сказать?

— Я допустил утечку информации.

— Зачем?! — растерянно воскликнула Саша де Лорм.

В воздухе над головами женщин просыпалась струйка изморози.

Збанацкий нахмурился, прислушиваясь к чему-то, потом быстро направился к выходу из бункера, бросив на ходу:

— Заканчивайте с ними!

— Допрашивать? — поглядел ему вслед сбитый с толку ЮЮ.

— Как хотите, они мне не нужны. — Резидент Дьявола скрылся из виду.

Юзеф повернулся к группе руководителей Сопротивления, пожал плечами.

— Ему видней. Хотя мне вы тоже не нужны. Жаль, господин бывший командор, что ваш сынок погиб в Солнце, с ним бы я с удовольствием устроил состязания на выживание. Но его нет, а вы все не в тех кондициях, чтобы мне было интересно возиться с вами.

— Может быть, мы поможем решить эту проблему? — раздался из воздуха мягкий баритон, и рядом с руководителями СВР протаяли фигуры двух мужчин, постарше и помоложе, одетые в уники необычного покроя.

Тот, что постарше, сверкал голым черепом, глаза его светились ледяной голубизной. Молодой очень здорово походил на Ромашиных, словно находился с ними в кровном родстве.

В бункере на несколько мгновений установилась тишина.

Бойцы Юзефа почему-то не отреагировали на появление нежданных гостей, не сделали ни одного выстрела, да и сам он растерялся, не понимая, откуда взялись гости. Однако тут же взял себя в руки:

— Огонь!

Бойцы отряда шевельнулись, и тут же лысый спутник молодого парня, похожего на Ромашина, дал очередь из аннигилятора, очень точную и быструю. Каждая «пуля» (прозрачный огненный лучик) нашла свою цель — голову бойца, и отряд Юзефа перестал существовать.

ЮЮ побледнел, заторможенно глядя на падающие тела соратников, хотел ответить ударом из «глюка» и замер, наткнувшись на ледяной взгляд лысого.

— Бежать тебе некуда, — негромко сказал молодой, — метро заблокировано, а твой тайф контролируется спецаппаратурой. Так что сбежать ты не сможешь. Тебе нужен достойный противник? Попробуй повозись со мной.

ЮЮ, оскалясь, глянул на лысого, на плечах которого шеве-

лилась, то появляясь, то пропадая, турель аннигилятора, перевёл взгляд на молодого, имевшего две турели с оружием необычного вида: оба дула смотрели на Юзефа с хищным ожиданием.

— К-кто вы?!

— В карты играешь? — усмехнулся лысый. — В покере есть такое понятие — джокер. Считай, мы и есть такой джокер.

— Фак ю! Откуда вы взялись?! Остров окружён!

— Мы из других времён, — сказал молодой. — Хотя эта информация тебе уже не понадобится. Драться будешь?

— Буду! — ЮЮ выстрелил из «глюка».

Но за долю секунды до выстрела на пути луча возникло плоское зеркало, и луч «раздирателя кварков» отразился от него, как луч света от обычного зеркала, ударил по стрелку.

Глаза ЮЮ широко раскрылись, какое-то время он стоял, замерев, не произнося ни звука, потом мягко осел на пол, разделившись на две части: голова, плечо и рука — отдельно от остального тела.

Рядом с пришельцами возник огромный чёрный кот, проговорил человеческим голосом:

— Прошу прощения, джентльмены, но этот риск не был оправдан. Я мог и не отразить разряд.

— Извини, дружище, — сконфузился молодой. — Я об этом не подумал. Проследил за резидентом?

— Теперь он от нас не уйдёт.

— Знакомьтесь, сударь и сударыни, — с облегчением сказал Филипп Ромашин. — Селим фон Хорст, Артём Ромашин.

* * *

Казийски узнал о провале операции только спустя час после её окончания. Командиру спецназа надоело ждать отбоя, связь по-прежнему не работала, и он послал командира отделения, стоящего в оцеплении вокруг обсерватории на Сахалине, вниз, в недра системы подземелий, где скрылся украинский батальон и отряд Юзефовича.

Когда лейтенант увидел мирно спящих коллег — весь батальон оказался в полной отключке, — а затем бункер с телами погибших бойцов Юзефовича, он обалдел настолько, что долго не мог объяснить командиру, что случилось. Тот вынужден был спуститься в подземелье сам, нашёл мёртвого ЮЮ и понял, что повышения по службе ему ждать не придётся.

Поэтому и министр получил сообщение о бесславной гибели своего порученца позже, чем следовало.

Несколько минут Казийски сидел в кресле в меланхолической задумчивости, решая, звонить или нет Збанацкому, потом всё-таки позвонил. Однако никто ему не ответил. Консорт-линия с резидентом не работала. И даже на аварийный сигнал, посланный министром вопреки всем инструкциям, никто не отозвался.

Людвиг Казийски, личность которого была изменена внедрённой программой, в прежней меланхолии съел мятную лепёшку, плеснул в стаканчик виски «Бруклади» стодвенадцатилетней выдержки, опрокинул в рот и приставил к виску ствол «универсала».

Он не знал, что произошло на самом деле, а если бы и узнал, это вряд ли изменило бы его решение. Жить дальше в положении предателя не хотелось. А такой силы воли, какую демонстрировал предшественник, Артур Мехти, у Людвига не было.

Выстрел из «универсала» был бесшумен...

Лешек Збанацкий, покинувший Сахалин в некотором сомнении, всё же не поверил интуиции и вернулся в свой кабинет в штаб-квартире Европейского Олимпийского Комитета в Брюсселе.

Рабочим модулем, как кабинеты других чиновников европейского уровня, назвать его было трудно.

Он занимал площадь в двести квадратных метров, что уже было огромной роскошью, мог трансформировать любую зону в широких пределах форм и по убранству, мебели и дизайну превосходил даже кабинеты премьер-министра Федерации и главы Всемирного Координационного Совета.

Збанацкий, занятый своими мыслями, прошёлся вокруг фонтана в центре зоны отдыха кабинета, с минуту погулял «по лесу» — автоматика визинга создавала по заказу любой уголок земной и неземной природы — и сел за рабочий стол. Поработал около часа, отвечая на вызовы и беседуя с важными людьми, многие из которых также были агентами Останавливающих. Но смутное беспокойство заставило его связаться с Юзефом, и президент ЕОКа долго не мог понять, почему тот не отвечает.

Тогда он связался с Министерством безопасности.

Человек, ответивший ему по консорт-линии Людвига Казийски, был незнаком.

— Мне нужен министр, — сухо сказал Збанацкий.

— Он умер, — так же сухо ответил молодой человек в безукоризненном унике официала Службы.

— Как умер?! — удивился Збанацкий. — Когда?!

— Несколько минут назад. Его нашли в кабинете. Вызвана следственная бригада. Я его заместитель по связям с общественностью. Могу я вам чем-то помочь?

— Да... н-нет! — сцепил челюсти Збанацкий, отключая консорт-линию.

Пришло странное пугающее ощущение лёгкой эйфории, будто сработал бокал водки, хотя Лешек не пил вообще. К нему добавилось струнное гудение внутреннего «сигнала тревоги». Что-то было не так! Министры безопасности любого уровня не умирали без причины. А уж те, кто работал на Останавливающих, вообще не имели права умирать!

С трудом избавившись от эйфорической заторможенности, Збанацкий вызвал охрану.

В кабинете появились двое: витс и личный телохранитель резидента, вечно улыбающийся, раздражающий шуточками, но профессионал до мозга костей Вацек Штыба. О том, что президент ЕОК является ещё и резидентом Дьявола, он не знал и даже не догадывался.

— Слетай на базу, — скупо распорядился Збанацкий. — Одна нога там, другая здесь. Проверь, как работают охранные системы, не ведётся ли за ней наблюдение.

— Кому мы нужны? — ухмыльнулся Штыба. — Разве что спортсменам. Хотите свежий анекдот? Возвращается джентльмен домой...

— Отправляйся!

— Слушаюсь, пан президент! — не потерял жизнерадостности телохранитель, кивнул на витса: — С ним или без?

— Один.

Штыба кинул два пальца к виску и исчез.

— Жди за дверью, — обронил Збанацкий.

Витс, внушающий уважение габаритами, молча вышел.

Несколько минут Збанацкий ходил кругами по кабинету, посматривая на стол, над которым бесшумно возникали и пропадали «воздушные замки» важных сообщений, отсеиваемых секретарь-автоматикой кабинета. Никому отвечать не хотелось.

Мелькнула даже мысль: не дать ли сигнал тревоги, по которому в Солнечную систему мог прибыть кто-нибудь из Останавливающих, зона обитания которых находилась где-то над ядром Млечного Пути. Но мысль мелькнула и исчезла. Вызов Хозяина был равнозначен провалу. Надо было попытаться самостоятельно справиться с ситуацией. А потом запустить в Солнце «огнетушитель», с которым уже не могла бы совладать существенно ослабленная Служба безопасности человечества.

Вернулся весёлый, неунывающий Вацек Штыба.

— Всё в порядке, пан президент. Наш оплот мира и стабильности незыблем как скала. Точнее, как дырка в скале. Никто к базе не приближался и наблюдение не вёл. Что прикажете?

— Бери команду и отправляйся обратно. Будем переезжать. Я иду следом.

— Зачем переезжать? — удивился Штыба. — Такое красивое место! Отличный пейзаж! Никаких соседей! Уран — как на ладони!

— Иди!

— Слушаюсь, пан президент! — Штыба включил тайф.

Збанацкий снова активировал линию связи с Министерством.

На этот раз ему ответил суровый мужчина с седым ёжиком волос, в форме официала прокурорского надзора. Збанацкий знал его — это был Иблис Али Ругова, комиссар полиции Европейского Централа.

— Кто вам нужен?

— Не вы, — ответил Збанацкий, уверенный в том, что система скремблинга консорт-линии не позволяет абоненту видеть его таким, какой он есть. — Что с министром?

— Он умер.

— Я знаю, что он умер! От чего он умер?!

Седой пожевал губами, разглядывая собеседника (его изображение в виоме, изменённое скремблером).

— С кем имею честь разговаривать?

— Я его брат Шлёцер.

— Никогда не слышал от министра, что у него есть брат.

— Ну так проверьте! — раздражённо бросил Збанацкий. — Мне позвонили пять минут назад, я провожу совещание...

— Людвиг Казийски застрелился, — сказал наконец седой. — Не могли бы вы...

Збанацкий выключил линию связи. Посидел, глядя перед собой остановившимися глазами. Выругался. Вызвал секретаря:

— Меня не будет до десятого. Переключите решение всех вопросов на первого зама.

После этого он включил тайф.

* * *

К началу две тысячи четырехсотого года людям было известно более семидесяти спутников Урана. Сорок из них имели собственные названия, остальные носили номера. Хотя случались и инциденты, когда кто-нибудь из потомков тех, кто в двадцатом и двадцать первом веках увековечивал своё имя, обратившись в автографическую службу. В те времена можно было свободно дать имя спутнику, планете или звезде, заплатив за это небольшую сумму. А поскольку астрономы открывали новые объекты часто и в каталогах хватало звёзд без названий, то к концу двадцать первого века тысячи звёзд вокруг Солнца носили имена: Джон, Эдик, Петя, Саша, Мишель, Нелла, Бен Фаради и другие.

То же самое творилось и с названиями спутников известных планет.

Довольно крупные спутники Урана с размерами от двух с половиной десятков километров до полутора тысяч[1] получили имена действующих лиц пьес Шекспира — Корделия, Офелия, Бианка, Джульетта, Белинда, Просперо и так далее или же были названы первооткрывателями — Лапласом, Гершелем и Койпером — в соответствии с их мировоззрением: Ариэлем, Умбриэлем, Титанией, Мирандой и Обероном. Самым малым небесным телом из них была Миранда, самым большим — Титания.

Свою базу резидент Останавливающих — настоящий, обладающий физическим обликом этого вида «насекомых», — после захвата его первой базы на спутнике Нептуна Тритоне соорудил на Титании, использовав для маскировки заброшенную исследовательскую станцию. И уж потом, спустя несколько месяцев, на базе появился резидент-человек, принявший условия Останавливающего. Им стал Лешек Збанацкий.

Он оборудовал для себя рабочий модуль, не трогая собственно обиталище Хозяина, зону отдыха, отсек управления и ангар для транспорта, всё это — в недрах Титании, под станцией, стоящей на краю древней метеоритной кальдеры. Однако Збанацкий

[1] Диаметр самого крупного спутника Урана — Титании равен тысяче пятистам восьмидесяти километрам.

по натуре был эстетом и не смог отказаться от постройки зала визинга — для наблюдения за текучим шаром Урана, его кольцами и за быстро меняющимися ледяными ландшафтами Титании.

Вацек Штыба, легко относившийся к жизни, прошёл хорошую школу спецназа, работая в Министерстве безопасности Польши. Он участвовал в подавлении «оранжевых революций» в собственном государстве и на Ближнем Востоке, уничтожал террористов и с успехом воевал с агентурой Дьявола, когда в Солнечной системе появились сферические хронозеркала.

Сначала Збанацкий хотел запрограммировать его и использовать как носителя информации и собственного телохранителя. Потом передумал. Штыба не интересовался делами начальника, выполнял все его поручения быстро и точно, несмотря на лёгкий характер, и не нуждался в кодировании. Кем на самом деле был Президент Европейского Олимпийского Комитета, как уже говорилось, он не знал. Мало того, Вацек даже не задумывался, зачем президенту ЕОК собственная база на спутнике Урана, лежащем вне интересов земных исследователей.

Збанацкий, находясь в дурном расположении духа, вышел из камеры метро базы (на всех её уровнях поддерживалась сила тяготения на пять процентов ниже земной) и направился в зал визинга. Вид Урана, заполняющего собой чуть ли не половину небосвода, действовал на него успокаивающе.

Штыба, энергично размахивающий руками, доложил ему о состоянии дежурных систем базы, хотел было спросить, куда они переезжают и чем это вызвано, однако глянул на явно не расположенного к общению босса и отстал.

Пропустив Збанацкого с витсом охраны, дверь в зал визинга тихо сгустилась, отгородив зал от коридора.

В коридор вылилась откуда-то волна холода.

И тотчас же кто-то деликатно постучал пальцем по плечу Вацека.

Полковник федеральной службы охраны «ви ай пи», размышляющий, что ему делать дальше, стремительно обернулся.

На него смотрели двое: молодой человек, смутно кого-то напоминающий, с открытым дружелюбным лицом, и высокий, жилистый, строгий мужчина неопределенного возраста с абсолютно голым, костистым, блестящим черепом. Одеты были оба в уники необычного вида, у молодого на плече турель с «глюком», его спутник не вооружен, но очень опасен, судя по его ледяному предупреждающему взгляду.

— Полковник Вацек Штыба, — сказал молодой приятным баритоном. — Служба VIP-охраны Спорткомитета. Так?

— Кто вы? — хрипло выговорил Штыба, понимая, что у него нет ни малейшего шанса взять ситуацию под контроль.

— Мы из службы внутренних расследований, — без выражения проговорил безволосый. — Метро блокировано, ваши люди обезврежены, сопротивляться нет смысла. Сдайте оружие.

Дверь в зал визинга вдруг выдулась пузырем, крякнула как живое существо, налилась «жидким» оранжевым свечением и стекла на пол пузырящейся лужицей.

Все посмотрели на неё: гости — внимательно, Штыба — с открытым ртом.

— Зайдите, — сказал безволосый. — Только не вмешивайтесь. Любое ваше действие будет расценено как попытка помешать представителям власти.

Полковник бросился в зал.

Он увидел замершие друг против друга фигуры: босс, разведя руки в стороны, будто собирался взмахнуть ими как крыльями и взлететь, смотрел на милую девушку в блестящем платьице, открывающем стройные ножки. Она улыбалась. А вокруг них вились струи огня, очерчивая восьмёрку — символ бесконечности!

— Тебе... не справиться... со мной! — проскрежетал Збанацкий. — Я... влияю... на все... процессы... в Системе...

— Ошибаетесь, господин чиновник спорта, — покачала пальчиком девушка. — С этого момента порядок в Солнечной системе будет контролировать боевой робот гиперптеридов.

— Кто... это... такой?

— Я! — весело упёрлась в бока кулаками незнакомка. — Вас это не устраивает?

— Я... вызвал... Хозяина...

— Врёте! — махнула рукой девушка. — Не вызвали. Не решились. Поэтому о вашем провале он не узнает.

— «Огнетушитель» запущен... и скоро будет в Системе...

— Мы его встретим. Однако пора заканчивать приятную беседу. Что вы можете сказать в своё оправдание? Предупреждаю: каждое ваше слово записывается.

— Я... вас... уничтожу!

— Попробуйте.

Збанацкий не сделал ни одного движения, но в стенах зала открылись невидимые до этого момента амбразуры, и помещение перечеркнули свистящие лучи аннигиляторов, породившие

цепочки ядерных микровзрывов. Они скрестились на фигуре девушки...

Вацек Штыба опомнился, турель на его плече развернулась, и «универсал» послал в цель веер смертоносных плазменных «пуль».

Костюм Збанацкого отразил очередь, но все-таки два-три прозрачных плазменных язычка коснулись его шеи, и Президент Олимпийского Комитета, схватившись за горло, шатнулся, захрипел, перебрал ногами и завалился на спину. Дёрнулся несколько раз, руки его ослабли, и он затих.

Стрельба прекратилась.

Клубы пламени опали, по залу разбежались дымные струи, свились в спирали у стен.

Лам-ка, принявший облик девушки, с виду не получивший никаких повреждений, развёл руками.

— Прошу прощения, джентльмены, я хотел только...

— Ты ни в чем не виноват, — сказал Артём Ромашин хмуро.

— Не надо было в него стрелять, — недовольно сказал Селим фон Хорст. — Он бы нам ещё пригодился.

— Нелюдь! — выдохнул Штыба. — Если бы я знал раньше...

— Нарубил бы дров.

— Он... служил... Дьяволу!

— Не он один, к сожалению. Лам-ка, дружище, я надеюсь, ты успел выявить его связи?

— На него работают почти полсотни чиновников в высших эшелонах власти. Можем всех их захватить и допросить.

— Это работа для ребят Вани Славина, — качнул головой фон Хорст. — Пусть начинают разматывать этот узел. У нас же свои задачи.

— Поделишься? — поднял бровь Артём.

— Одна — определить, погиб ли первый солнцеход или нет, и вторая — уничтожить главный оплот Останавливающих в ядре Галактики.

Девушка в платьице превратилась в кота, потом под взглядом фон Хорста в мужчину со строгим лицом; Штыба смотрел на эти трансформации, вытаращив глаза.

— Даже мне эта задача не по плечу.

— Ничего, надо слетать туда и посмотреть, что мы можем сделать.

— Разведрейд?

— Надеюсь, для тебя это не трудно? — Селим перевел взгляд

на Ромашина. — Только без твоей жены. Она не должна так рисковать.

— Хорошо, что она согласилась отпустить нас для этой операции, — проворчал Артём.

— Э-э-э... — произнес Штыба.

Все посмотрели на него.

— Я не всё понимаю...

— Сейчас я вызову сюда Службу внутренних расследований, — сказал Лам-ка, — и они вам всё объяснят.

— Красивый вид, — кивнул ставший задумчивым Артём на пушистую, нежно-сиреневую, с жёлтыми и синими разводами глыбу Урана.

Последние дымы рассосались, воздух в зале визинга стал прозрачным, и отражённые от облаков гигантской планеты лучи далёкого Солнца высветили неподвижно лежащее на полу тело резидента Дьявола.

Глава 16

НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ПОТЕРИ

Герман хандрил.

Оба его друга исчезли в ядре Солнца, он давно ни с кем не беседовал на темы, далёкие от работы, Юэмей заменить друзей не могла, хотя и старалась, и ксенопсихолог почувствовал себя одиноким.

Тогда Юэмей предложила ему слетать на базу резидента Дьявола, найденную оперативниками СВР на Титании, спутнике Урана, и он после недолгих колебаний согласился.

Им не нужно было подтверждать допуск, так как оба продолжали начатое дело, исследуя методы влияния Останавливающих на людей, поэтому обоих пропустили на Титанию без лишних вопросов.

Естественно, код метро базы был изменён, чтобы на Титании не мог появиться ни один посторонний человек. Да и о захвате базы знали всего несколько человек из руководства СВР плюс оперативники, изучающие наследство погибшего Збанацкого. Один из них и встретил гостей возле метро и проводил в кабинет бывшего владельца, где в это время находился Иван Славин.

— А-а, привет, проходите, — повёл рукой начальник СВР,

сидя в кресле хозяина и разглядывая стол, в развороченных внутренностях которого копались двое молодых парней.

— Извините, сяньшэн, — сказала Юэмей, с любопытством озираясь по сторонам. — С одной стороны, мы отдыхаем, с другой — решили посмотреть на базу глазами ксенопсихолога. Герман хочет сравнить свои впечатления с теми, что он получил при знакомстве с первой базой Останавливающих в Берне.

— Через полчаса я улетаю...

— Вы нам не нужны, — улыбнулась китаянка. — Нам нужен только доступ к жилищу резидента. Не Збанацкого, а того, кто приспосабливал помещения станции для своих нужд.

— В таком случае вас проводят к нужному уровню. Это на три этажа ниже. Очень любопытное зрелище, могу признаться. После изучения этого бункера Останавливающие вряд ли покажутся кому-либо симпатичными существами.

— Если не возражаете, мы пройдёмся сами.

— Пожалуйста, без проблем. Только ничего не трогайте руками, убежище этого зверя ещё не изучено в должной мере, могут быть сюрпризы.

Герман и Юэмей вышли в коридор.

База, созданная Останавливающим под поверхностью Титании, оказалась пятиуровневой.

Первые три, начиная с верхнего, представляли собой стандартные отсеки, заполненные вполне земным оборудованием и съестными припасами, которых хватило бы отряду в десять человек на год, а то и более. Четвёртый был ангаром, где хранились два десятка летательных аппаратов разных классов. На пятом располагалась резиденция эмиссара Останавливающих, дверь в которую пришлось взламывать.

Сгорающие от любопытства Герман и Юэмей прошлись по верхним отсекам базы, особых отличий от баз Управления аварийно-спасательной службы не нашли и спустились на самый нижний горизонт.

— Интересно, кто копал эти подземелья? — заметил рассеянно-задумчивый Алнис.

— Эмиссар Останавливающих, — ответила китаянка.

— Нет, физически. Он ведь сам ничего не строил? Работали какие-то механизмы? Люди?

— Что ты хочешь сказать?

— Если ему помогали люди, строители, куда они потом подевались?

Юэмей покачала головой.

— Поняла. Ты думаешь, он их... убил?!

— Насколько мне удалось понять мораль негуман, жизнь особи, а тем более гуманоида, для них ничего не значит. Они привыкли жить по законам стаи. Точнее — по законам роя.

— Как насекомые.

— Насекомыми их назвать можно только условно. А вот их логика и нравственные нормы «насекомовидны».

Остановились перед двухметровой брешью в стене коридора, проделанной молекулярным испарителем. Из бреши выглянула женщина в белом унике, окинула пару взглядом, узнала бывшую начальницу сектора контрразведки, отступила с улыбкой:

— Проходите, пожалуйста, госпожа Синь.

Поздоровавшись, Герман и его спутница проникли в резиденцию эмиссара Останавливающих.

Пещера с грубо обработанными угловатыми стенами.

Блестящие, похожие на металлические, звёзды разного калибра на стенах и на потолке. Очевидно, это были эффекторы защитного силового поля.

Три огромные полусферы, упирающиеся срезами в потолок, дымчато-непрозрачные, с рисунком жил и перетяжек, похожих на рисунок вен на человеческом теле. Возле одной полусферы возятся с аппаратурой двое сотрудников СВР.

Посреди пещеры странное сооружение, напоминающее одновременно скелет динозавра и кресло. Оно блестит, словно смазанное маслом.

Необычного вида вздутия на полу, напоминающие земные грибы.

Пачки тонких зеленоватых листьев, напоминающих листья табака, но в десять раз крупнее.

И груды контейнеров по углам пещеры явно земного происхождения.

Герман, забыв о жене, двинулся вдоль стены, разглядывая детали интерьера. Подошёл к работающим у полусферы.

— Добрый день.

— Добрый, — ответили ему, покосившись на гостя.

— Уже есть предположения, что это за сооружения?

— Камеры, — сказал техник помоложе. — Внутри — почти чистый азот. Возможно, это камеры поддержки определённых условий, заполненные очищающим газовым составом.

— Или воздухом той планеты, откуда родом этот монстр, — добавил техник постарше.

— Ни один организм не может дышать почти чистым азотом... — начал молодой.

— Почему? — заспорил напарник. — Вспомни кубоида. Тот мог дышать любой газовой смесью.

Герман переглянулся с Юэмей.

Вспомнился визит на базу Дьявола в Берне, где окопался резидент Останавливающих. Один из бункеров базы был заполнен «морской капустой» — метровой длины зелёными стержнями, кудрявившимися на концах. Впоследствии оказалось, что именно из этой «капусты» собирался носитель разума, его динамический зародыш. Стоило только поселить в этом корпусе-зародыше кластер микроорганизмов, и состояние кубоида резко изменялось: он превращался в разумную систему, которая и представляла собой эмиссара Дьявола.

Однако, судя по конфигурации сооружений и геометрии помещения, резидентом Дьявола на Титании был другой организм.

— Как он выглядел? Я видел кубоида. Но там всё было другое.

— Рано делать предположения, — буркнул тот, что постарше. — Возможно, он был дайсонианином.

— Дайсониане — теплокровные растения.

— Именно поэтому им не важно, какой газовой смесью наполнены их сооружения.

— Дайсониане действительно могут жить в азотной атмосфере, но всё же их комфортная газовая смесь — чистый кислород. Это не дайсонианин.

— Вы специалист? — скептически посмотрел на Германа молодой.

— Это Герман Алнис, — вмешалась Юэмей. — Он работал с кубоидом и предложил гипотезу метастабильных состояний в биологии.

Работники СВР обменялись взглядами.

— Мы изучали ваш опыт по реализации микробного кластера, — уважительно сказал молодой. — Кубоид на самом деле был симбиотом, «диффузным организмом», управляющим скелетообразным носителем.

— Но в данном случае это, наверное, не кубоид, — добавил старший. — Вы правы.

— Внутри пусто? — кивнул на полусферу Герман.

— Можете посмотреть.

Молодой повозился у развернутого компьютерного комплекса, и над панелью виома встало объёмное изображение внутренностей полусферы.

Германа передёрнуло.

Юэмей осталась спокойной, хотя и она почувствовала гадливость.

То, что находилось в полусфере, больше всего напоминало перемешанные коровьи внутренности. Кишки. Желудок. Кое-какие органы — селезёнку, печень, какие-то узелки и петли. И все они д ы ш а л и!

— Что это? — осведомился Герман спустя минуту.

Молодой засмеялся.

Его товарищ наметил улыбку:

— Мы назвали эту прелесть «заворотом кишок».

— Очень похоже, — заметила Юэмей. — Оно живое?

— Смотря как на это посмотреть. Метаболизма никакого не наблюдается, а энергообмен есть. Возможно, это зародыш Останавливающего, возможно, эмбрион какого-то робота или витса.

— В других банках то же самое? — кивнул на соседние полусферы Герман.

— Нет, форма другая.

Молодой поколдовал над приборной панелью, изображение в виоме сменилось на два объёма. В первом стал виден ноздреватый кусок какого-то серо-жёлтого вещества, похожий на горбушку сыра. Во втором росли колючие шишки, похожие одновременно на кактусы и на живых дикобразов.

— Странно... — проговорил Герман задумчиво.

— Такого мы ещё не видели, — добавила жена.

— Может быть, они дополняют друг друга? — предположил молодой техник, кивнув на полусферы. — Живут вместе?

— Симбиоз на макроуровне, — пробурчал его напарник.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Герман. — Одно лишь непонятно: зачем Останавливающим эти инкубаторы? На первой базе, в Берне, кубоид тоже выращивался и монтировался как механизм. Потом в него всовывали «душу» — облако микроорганизмов, и он оживал. Неужели здесь то же самое?

— А если этот симбиот действительно робот Останавливающих? — сказала Юэмей. — И оставлен здесь для выполнения какого-то задания?

Сотрудники СВР посмотрели друг на друга.

— Предполагать можно что угодно, — сказал старший. —

Точно известно одно: до нашего прихода здесь было тихо. Эта дрянь, — он кивнул на изображения, — активизировалась при нас. Такое впечатление, что мы запустили какой-то процесс.

— Пожалуй, я здесь останусь, — нерешительно глянул на супругу Герман. — Не возражаешь? Интересно, что произойдёт дальше.

— А я предупрежу Ивана. Мы должны полностью контролировать процесс роста Останавливающего.

— Ещё неизвестно, кто или что это будет.

— Чувствую, что он очень опасен. Я бы вообще предложила вам изучать его дистанционно.

— Пока ничего особенного не происходит, — махнул рукой молодой. — А завтра сюда высадится десант ксенологов и биологов, они и определят, опасен ли объект или нет. Мы же только собираем первичные данные для анализа.

— Как долго ты здесь пробудешь? — Юэмей взяла Германа под руку.

— Часа два... три.

— Не рискуй, я твою бесшабашную натуру знаю.

— Могу побожиться, — с преувеличенной серьёзностью сказал Алнис.

Юэмей засмеялась и пошла к выходу.

— Я буду дома.

— Хорошо.

Имелось в виду, что она будет ждать мужа на борту солнцехода, уже ставшего для беглецов домом.

Герман проводил жену нетерпеливым взглядом, подбежал к сотрудникам СВР. В нём проснулся интерес исследователя, заменявший для творческих людей любой наркотик. Остальное для него перестало существовать.

«Дома» — на борту солнцехода — ксенопсихолог не появился ни через два, ни через три, ни через четыре часа.

Юэмей успела за это время поработать с Сашей де Лорм, приняла участие в обсуждении дальнейшего плана действий СВР, побеседовала с Артёмом Ромашиным и Селимом фон Хорстом, прибывшими в Солнечную систему из другой Метавселенной, и попыталась дозвониться до Титании. Но не смогла. Тогда она доложила Филиппу Ромашину о своих сомнениях насчёт целесообразности прямого изучения жилища резидента и отправилась на спутник Урана.

На базе резидента Дьявола ничего практически не изменилось. Разве что добавилось народу. Сюда прибыли сотрудники Института Внеземных Коммуникаций, работающие на СВР, физики ИПФП, безопасники и пограничники, призванные обеспечить сохранность самой базы и тайну её захвата.

В помещении, где остался Герман, также появились новые люди, и Юэмей с облегчением увидела мужа, азартно споривше-го с целой группой ксенологов у огромного виома, показывающего внутренности полусфер.

— Ради чего вы ломаете копья, уважаемые? — подошла к ним контрразведчица.

Спорщики замолчали.

Раскрасневшийся, с блестящими глазами Герман обернулся.

— Мы тут обсуждаем одну идею. Знаешь, что это за сооружение? — Он ткнул пальцем в «динозавровидное кресло».

— Скелет Останавливающего, — пошутила китаянка.

Стало совсем тихо. Лишь из глубин базы доносились тихие трески, позвякивание и гулы каких-то механизмов.

— Вы очень проницательны, госпожа Синь, — с уважением сказала та самая женщина, что встретила их у входа.

Герман хлопнул себя по бёдрам.

— Умереть — не встать! Как ты догадалась?!

— Я пошутила... — улыбнулась Юэмей.

— Это и в самом деле скелет, хотя мы тут поспорили, чей именно — Останавливающего или же искусственного организма наподобие наших витсов. Но не суть! Все эти «внутренности», — Герман кивнул на виом, — отлично дополняют друг друга, если их поместить на «скелет»! Понимаешь? Здесь должна была произойти сборка негумана!

Юэмей снова почувствовала тревогу.

— Как далеко зашёл этот процесс?

— Не волнуйся, — понял её состояние Герман, — мы контролируем ситуацию. А появление негумана — мы назвали его титаноидом, раз уж он родится на Титании, — можно ждать часа через три-четыре.

— Это очень долго. Давай сходим поужинаем где-нибудь.

— Спасибо, меня покормили. Я останусь.

— Отойдём на минутку. — Юэмей извинилась, отвела мужа в сторонку. — Ты понимаешь, что это опасно?

— Да ничего не случится, — отмахнулся возбуждённый Гер-

ман. — Всё под контролем. Через пару часов мы накроем этот зал защитным полем и перейдём в другой отсек.

— Не поздно — через пару часов?

— Не переживай за меня, — ухмыльнулся молодой человек. — Безопасники перекрыли все входы-выходы, витсы сторожат каждое движение в зале. Оставайся с нами, это же так интересно — появление на свет негумана!

Юэмей заколебалась.

— Я не закончила кое-какие неотложные дела...

— Никуда твои дела не денутся, в лес не убегут, а случай уникальный.

Юэмей подумала, глядя на суетившихся учёных, и согласилась:

— Ладно, подожду.

Некоторое время она с любопытством смотрела на разбившихся по группам специалистов, работающих возле научных комплексов, понаблюдала за «внутренностями» в гигантских чанах-полусферах, представляющих собой по сути биологические реакторы, потом ей это наскучило, и Юэмей отправилась на второй этаж базы, в кабинет бывшего владельца, где обосновались компьютерщики и безопасники.

Здесь тоже образовались две группы учёных, по три-четыре человека в каждой, они не спорили, а вели тихие беседы, но слушать их было неинтересно, так как речь этих людей состояла почти из одних терминов. Заметив гримасу на лице женщины, Иван Славин, то появлявшийся в кабинете, то исчезавший, предложил ей кофе, и они уселись в уголке на синтезированных стульях, поглядывая на развернутые виомы. Сюда сходились все цепи управления исследователями, и виомы воспроизводили изображения практически всех уголков базы.

— Твой муж заразил наших ребят стремлением доказать свою правоту, — кивнул с улыбкой Славин на один из виомов. — У них начали появляться идеи, каких от них не ждали.

— Он хороший мыслитель, — кивнула Юэмей, берясь за чашку с кофе. — Ему давно пора защищать степень доктора наук.

— По-моему, ничто этому не мешает.

— Кроме его лени.

— Это дело житейское. Остепенится, станет экономить время и напишет диссер. Расшевели его.

— Он не любит корпеть над сбором и обработкой материала. Его стихия — нестандартный наскок на проблему и точный ди-

агноз. Кстати, почему бы нам не обратиться к нашим друзьям из другой... э-э... Ветви Вселенной? Этот их боевой робот мог бы поучаствовать в процессе выращивания негумана и обеспечить безопасность эксперимента.

— Мы сами справимся, — поморщился Славин, отпивая глоток кофе. — Вкусно... Не стоит отвлекать этих ребят на пустячные дела. Они сейчас занимаются зеркалами, пытаются выяснить, кто их активизировал, Наблюдатель или Дьявол.

— Наблюдатель, конечно.

— И «мертвяки» тоже?

Славин имел в виду хронозеркала, возвращавшие не живых людей, а их трупы.

— Возможно, плоские зеркала просто состарились.

— Они появились практически по всей Системе, только на Титании их нет, что весьма показательно. И больше половины из них — «мертвяки».

— Ну, не знаю, — развела руками Юэмей. — Думать надо. Герман решит эту проблему, надо его только сориентировать. Меня больше беспокоит заявление Збанацкого, что в Систему запущен очередной «огнетушитель». Откуда запущен? Кем? Когда? Чем он опасен?

— Разберёмся.

— Этим надо заниматься уже сейчас.

Кто-то позвонил Славину по системе «спрута», он сделал жест Юэмей.

— Извини...

Выслушав, сказал: «Сейчас буду», — повернулся к собеседнице:

— Посиди минутку, я сейчас вернусь.

Юэмей кивнула, попросила киба принести зелёный чай с жасмином, стала наблюдать за происходящим в зале с «зародышем» Останавливающего.

Между тем в отсеке началась суета, учёных потеснили безопасники, шум усилился, потому что никто не хотел уходить.

— Гера, — позвала Юэмей.

Однако Алнис не отозвался. Вместе с ещё двумя исследователями он остался в резиденции эмиссара, в то время как другие покинули помещение.

Юэмей прислушалась к себе: снова пришло ощущение тревоги. Чего-то они не учитывали в данной ситуации. И никто не мог знать, чем закончится финальная стадия «сборки негумана».

— Гера, уходи оттуда!

Герман наконец услышал призыв жены, улыбнулся в камеру:

— Мы тут побудем немного, помоделируем варианты. Все идет нормально. Для того чтобы сборка началась, нужна какая-то дополнительная система, а её нет...

Он не договорил.

«Скелет динозавра», похожий на жуткое стоматологическое кресло, придававший отсеку вид инфернальных декораций, вдруг ожил!

«Хвост» его, на котором он покоился, резко дёрнулся, взметнулся ввысь, отчего «скелет» приобрёл сходство со скорпионом, готовым к атаке. Затем, двигаясь так же быстро и скачкообразно, как гигантское насекомое, «скорпион» сделал два прыжка, не обращая внимания на попятившихся людей, и вонзил «жало хвоста» в ближайшую полусферу.

Та взорвалась фонтаном осколков, разлетевшихся по отсеку струями «шрапнели». Выросшие внутри неё до весьма внушительных размеров «кактусо-дикобразы» живой цепочкой п е р е т е к л и на «скелет», заняв центральное углубление — «сиденье кресла».

«Скорпион» прыгнул к соседней полусфере, разбил её «хвостом», и все «коровьи внутренности» живым потоком переместились на «кресло», заняли определённые места.

Точно так же, в течение долей секунды, «скорпион» достиг последнего «биореактора», воткнул в него «хвост», и созревшие там «органы» какого-то существа перебрались на «скелет», довершив формирование о с о б и.

Весь этот жуткий конгломерат какое-то время — опять же доли секунды — дышал и корчился, затем оброс слоем полупрозрачной «шерсти», и перед замершими людьми ожил некий монстр, мало напоминающий любое из живых существ, известных людям. Не динозавр. Не насекомое. Не млекопитающее. Но тварь хищная и опасная!

— Робот! — прошептал Герман. — Это вовсе не Останавливающий! Это их боевой робот!

Дважды развернув уродливую «голову» вправо-влево, словно осматривая помещение, гигант прыгнул на бросившихся наутёк людей.

— Гера! — ахнула Юэмей, метнувшись к выходу.

Она уже не видела, как ворвавшиеся в отсек безопасники открыли огонь из «универсалов», но ожившего монстра это не остановило.

Не смогли заставить его отступить и залпы из аннигиляторов, которыми управляли витсы. Пучки антипротонов, оставляющие в воздухе огненные трассы аннигиляции, просто-напросто отражались от мерцающей шкуры твари, оставляя на стенах отсека огненно-дымные шрамы.

Ни один из работавших в помещении учёных, а также трое безопасников не уцелели. Двигаясь так быстро, что глаза людей успевали замечать лишь смазанные от скорости контуры жуткой машины, робот Останавливающих разорвал свидетелей на части, одного за другим, в течение одной секунды, и бросился к выходу из отсека, намереваясь продолжить охоту. Но не успел.

Внезапно в разгромленном дымящемся отсеке похолодало, с потолка на пол просыпалась струйка изморози... и монстр замер, остановился, вывернул страшную морду, оглядываясь.

Сквозь опавший клуб дыма протаяло чёрное пятно, превратилось в кота и тут же — в такого же монстра, что стоял перед ним.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Потом «настоящий» робот прыгнул на собрата... и в полёте-прыжке начал разваливаться на мелкие обломки! До «второй твари» долетел только шипастый хвост «скорпиона», ударился о её грудь и упал на пол, вонзившись в него жалом.

Битва кончилась.

«Второй монстр» оплыл волнами тающей пены и превратился в кота, потом в сурового мужчину с ёжиком седых волос. Подошёл к дергающимся останкам инопланетной твари, наклонился, выдернул из пола зазубренную шпору.

— Голем...

Шпора попыталась вцепиться ему в руку, но расплылась бурым дымком, превратилась в струйку пыли.

Мужчина повернулся к людям, вбежавшим в помещение, развёл руками:

— Я опоздал.

— Ты не виноват, — сказал Иван Славин, тяжело дыша. — Виноват я!

Сквозь расступившуюся толпу безопасников и учёных протиснулась Юэмей, сделала два шага вперёд, прижав кулачки к груди.

— Гера?..

Никто ей не ответил.

Глава 17

ПРОРЫВ

Если бы они промедлили — атака сторожей местной Системы закончилась бы успешно, и тогда добить беззащитный солнцеход не составило бы «каракатицам» труда. Но блестящая идея, в последний миг посетившая Кузьму, была настолько хороша, что Хасид ни мгновения не колебался:

— Делай, что он сказал!

Дэв отреагировал немедленно. Всё-таки он был инком последнего поколения компьютерных машин, обладавших не только интеллектом, сродни человеческому, но и сферой неких «виртуальных чувств», также объединявших его с людьми, и соображал очень быстро.

Солнцеход, ринувшийся к Ганимеду практически в режиме шпуга — двойного ускорения, позволявшем земным космическим аппаратам набирать скорость убийственными темпами — от нуля до почти световой всего за несколько минут! — вдруг сделал мгновенный разворот и, не снижая скорости, помчался обратно к настигавшему его сферическому хронозеркалу.

«Каракатицы», создавшие своеобразный коридор в космосе (их набежало не меньше двух десятков), выстрелили, но вычислить траекторию «крота» не смогли. Их ветвистые молнии, меняющие структуру вакуума, унеслись к Ганимеду и, вероятно, обрушились на поверхность планетки неожиданными и мощными «метеоритами». Можно было представить, какие разрушения рельефа они нанесли спутнику Юпитера.

Огонь прекратился.

«Каракатицы» на время потеряли объект нападения из виду. Но вскоре обнаружили его у своего зеркального «мяча» и перестроились двумя клиньями, не давая возможности солнцеходу изменить траекторию без их ведома. Стало окончательно ясно, что они видят солнцеход как тело, обладающее массой и гравитационным полем. Пока только это обстоятельство и спасало пассажиров «крота»: точно вычислить координаты земной машины внутри «тяжелого облака невидимости» пилотам «каракатиц» до сих пор не удавалось.

«Пуля» сферозеркала, отражающего свет звёзд и далёкого Солнца, продолжала мчаться к Ганимеду. А впереди неё тенью скользил солнцеход, не давая возможности грозному отряду сто-

рожей прицелиться и накрыть его огненным залпом. К тому же на фоне тысячекилометрового шара обнаружить солнцеход в «шапке-невидимке» силовых полей стало практически невозможно. Сферозеркало при движении изменяло пространство, «вспучивало» континуум, и земной аппарат потерялся в слое «взбаламученного» вакуума, окружавшего чудовищный «хроновыверт».

— Они что, решили продырявить Ганимед? — поинтересовался Кузьма, сжав подлокотники кресла так, что побелели суставы пальцев.

— Нам это на руку, — отозвался Хасид.

— Почему «каракатицы» не стреляют? — спросила сжавшаяся в своем кресле Катя.

— Они нас потеряли, — ответил Кузьма.

— Или же боятся попасть в хронозеркало, — добавил Хасид. — Хотя думаю, они понимают, что деваться нам некуда.

— Мы не свалимся в эту сферическую дыру? — Катя оглянулась на бликующую сферу в километре за кормой солнцехода, закрывшую всю заднюю сферу обзора.

— Через пару минут мы воткнёмся в Ганимед!

— Внимание! — проговорил Дэв. — Зеркало увеличивает скорость и меняет вектор движения!

— Подстройся под него!

— Понял.

Пятнистая глыба Ганимеда ушла в сторону, перед солнцеходом распахнулась бездна космоса, пронизанная лучами мириад звезд.

— Нам навстречу летит ещё один шар! — доложил Дэв озабоченно. — Диаметр — три тысячи километров. До столкновения — две минуты двадцать пять секунд.

— Что они задумали? — удивилась Катя.

— Нас хотят расплющить! — процедил Кузьма сквозь зубы.

— Это же зеркала с петлёй времени! Мы нырнём в них и выйдем обратно через какое-то время...

— Значит, они считают, что мы уже не выйдем, — хладнокровно сказал Хасид.

— Почему?!

— «Мертвяки»! — сказал Кузьма.

— Совершенно верно, — сказал Хасид.

— Что за мер... — Катя осеклась, вдруг сообразив, что происходит. — Вы думаете, эти сферы — «мертвяки»?!

— Зачем же они с таким упорством загоняют нас в шар?

— Мы можем увернуться...

— И попасть под обстрел «каракатиц».

— Что же делать?

— Кузьма, о чём думает твоя светлая голова?

Ромашин не ответил, лихорадочно соображая, что предпринять за оставшиеся до столкновения минуты.

— Дэв, попробуй облететь вокруг сферы, занять позицию сзади неё.

— Мои возможности маневра ограниченны, — с сожалением ответил инк. — Скорость сферы пульсирует в пределах двух-трёх километров в секунду, могу случайно воткнуться в пульсацию.

— Нам уже нечего терять.

— А если всё-таки попытаться уйти от преследователей на маневре? — сказал Хасид. — Чуть-чуть переместиться, выбрать вектор прыжка, причём лучше всего — прямо на строй «каракатиц», и рвануть к ним по прямой.

Несколько секунд на волне связи слышалось только дыхание пассажиров.

Слева выросла синеватая, в жёлтых оспинах, покрытая белыми и более тёмными струями, округлая пушистая гора Юпитера. Стали видны его основные спутники: правее — Каллисто, левее — Европа, ещё чуть дальше, на фоне дымчатого кольца — Ио.

— Минута пятнадцать до столкновения, — напомнил Дэв.

— У нас есть резервы по скорости?

— Скромные, до семи тысяч километров в секунду.

— А если снять защиту?

— Это не намного увеличит нашу скорость.

— Конкретнее?

— Ещё на три-четыре тысячи.

Пауза.

— Кузя! — не выдержала Катя.

— Дэв, слушай приказ! — очнулся Ромашин. — Сними невидимость и сделай несколько быстрых рейдов туда-обратно, к встречному шару и назад. Надо создать впечатление, что мы не знаем, что делать, и мечемся в полной безнадёге. Потом рассчитай касание шаров и за несколько мгновений до столкновения, накинув невидимость, метнись прочь, к ближайшему спутнику Юпитера. Возможно, нас не заметят. Или заметят слишком поздно.

— Понял, командир, — сказал инк. — Выполняю приказ.

Солнцеход оторвался от преследующей его зеркальной туши, метнулся вперёд, однако заметил летящий навстречу шар и сделал безынерционный кульбит, направляясь к настигавшему его первому шару.

«Каракатицы» сопроводили «крота» хищным маневром, говорившим о том, что они понимают чувства пилотов «крота» и готовы нанести по нему сокрушительный удар. Стрелять они не стали, ожидая финала встречи сферозеркал.

Минута истекла в метаниях земной машины в узком коридоре между стремительно сближающимися «молотом» и «наковальней». Затем «каракатицы» начали расходиться в стороны лепестками тюльпана, уступая место сферозеркалам.

В тот же момент солнцеход накинул на себя «шапку-невидимку» режима «инкогнито» и прыгнул по перпендикуляру к прежней траектории, вслед за «каракатицами», контролирующими быстро сокращающийся коридор между зеркальными шарами.

Дальнейшие события развивались в течение секунд и долей секунд.

Шары столкнулись!

Скоростная видеоавтоматика солнцехода записала этот процесс, и впоследствии Дэв показал запись своим повелителям. Длился же сам процесс столкновения всего две секунды.

Первый шар диаметром в тысячу километров буквально в л и л с я в шар побольше, как капля воды — в небольшую лужу! При этом он образовал красивейшую интерференционную картину: по всей жидкой с виду поверхности большого шара разбежались сотни волн самой разной конфигурации! Затем в этом море образовалась увеличивающаяся воронка, в которую начали уплывать края шара, всё быстрей и быстрей, и он... вывернулся наизнанку необычной прозрачной медузой, которая мгновенно растрескалась на части и превратилась в факел ярчайшего радужного огня!

Возможно, именно финальная стадия столкновения, превратившая пустоту космоса в «сверхновую звезду», быстро погасшую, и не дала возможности «каракатицам» обнаружить ускользнувший от столкновения солнцеход.

В это же самое время, уложившееся в секунды, Дэв форсировал двигатель таким образом, что земной аппарат вылетел за «оцепление» и буквально пронзил пространство, отделяющее его от спутника Юпитера.

Выбрали не ближайший — Ганимед, а самый дальний от мес-

та сражения — Ио, до которого было около миллиона километров.

Солнцеход преодолел это расстояние всего за двадцать секунд. А так как удар ускорения превышал порог гравитационной защиты рубки управления, пассажиры в коконах операционных кресел перенесли прыжок болезненно. Все трое потеряли сознание.

Первым пришёл в себя Хасид. Вызвал Дэва, затем обслуживающего киба, который приволок из медицинского отсека целую батарею повышающих тонус лекарств.

Пришли в себя Кузьма с Катей, приняли из рук Хасида тюбики с адаптогеном и пластеты с черничным соком.

— Спасибо, — поблагодарила Катя едва слышно.

— Где мы? — угрюмо осведомился Кузьма.

— В ядре Ио, — с готовностью отозвался Дэв. — Прошу прощения за доставленные неприятные ощущения.

— Мы от них оторвались?

— Когда «крот» нырял в атмосферу Ио, врагов поблизости не было.

— Это хорошо.

Посидели в креслах, постепенно возвращаясь к жизни.

Хасид вернулся на своё место, включил запись столкновения сферических хронозеркал, и экипаж «крота» некоторое время рассматривал детали процесса.

— Впечатляет! — слабо улыбнулась Катя. — Вряд ли «крот» уцелел бы при столкновении.

— Сферы на самом деле — не материальные объекты, — проворчал Кузьма. — Это видимые границы свёрнутых объёмов с петлевым временем, способных поглощать энергию и физические тела.

— Чёрные дыры?

— Нет, чёрные дыры обладают мощнейшим гравитационным полем, которое способно остановить даже луч света. Хронозеркала же вообще не имеют массы, а значит, и гравитационного поля и представляют собой объекты с непрерывной инверсией ТФ-поля.

— Проехали, — сказал Хасид. — Я человек простой, и от твоих зубодробительных объяснений у меня мозг начинает работать как чёрная дыра: всё поглощает и ничего не возвращает. Предлагаю отдохнуть и поесть.

— И поспать, — добавил Кузьма.

Катя не возразила.

Они выбрались из кресел, спустились в отсек отдыха, привели себя в порядок и собрались в кают-компании слегка посвежевшие. Катя выбрала меню, бытовой комбайн приготовил блюда, и компания сосредоточилась на еде.

— Идея уничтожить завод зеркал не ушла? — поинтересовался Хасид безразличным тоном.

— Наоборот, окрепла, — усмехнулся Кузьма. — Жаль, что солнцеход не спейсер УАСС, мы бы показали этим тварям, кто в лесу хозяин.

— Подобраться к заводу будет нелегко.

— Ничего, подберёмся. Высунемся из Ио, Дэв проанализирует обстановку, выберет траекторию, и мы быстренько переберёмся поближе к заводу.

— Как? — недоверчиво посмотрела на него Катя.

— От спутника к спутнику. Мы сейчас сидим внутри Ио, но я знаю, что у Юпитера есть целая свита внутренних спутников диаметром от двухсот с лишним километров до двух и меньше.

— Ближайший к нам — Тебо, — сообщил Дэв, — если верить моим справочным данным. До него всего триста тысяч километров. Размеры этого камешка — сто десять на девяносто километров.

— Десять секунд лёта.

— А потом? — Хасид взялся за чашку с горячим маниаком.

— Следующий спутник — Амальтея...

— Я имею в виду — когда мы подберёмся к самому последнему спутнику. Разгонимся и протараним завод?

— Если нам позволят, — хмыкнула Катя.

— У меня есть идея получше, — сказал Кузьма. — Надо попытаться каким-то образом увлечь за собой хронозеркало. И протаранить завод вместе с ним.

В кают-компании стало тихо, слышалась лишь приятная объёмная музыка, включённая Дэвом.

— Ты сумасшедший! — выдохнула Катя, вставая и обнимая друга.

Хасид посмотрел на них благожелательно, допил маниак и вышел.

Отдыхали, то есть, в общем-то, спали, примерно семь с половиной часов.

Настроение повысилось.

Захотелось проявить активность, побродить по берегу моря,

поиграть в волейбол на песке, сделать что-нибудь хорошее. Но так как в данный момент эти желания были неосуществимы, решили продолжить игру в кошки-мышки с местными сторожами и добить-таки проклятый завод над Юпитером, запускающий зеркальные шары. Самые малые из них очень даже успешно использовались для погони за пришельцами, которыми стали земляне из будущего. Самые большие вполне могли гасить звёзды.

Дэв аккуратно высунул нос солнцехода из твёрдой коры Ио, запустил систему экспресс-анализа.

«Местная» Ио весьма существенно отличалась от «родной», оставшейся в будущем. Если та досталась людям как лишённое воды и воздуха, побитое метеоритами тело, то «здешняя» имела плотную аммиачно-азотную атмосферу и метановые моря. Но самое главное — здесь жили «насекомые», понастроившие грандиозных ажурных башен, вершинами упиравшихся в зелёно-коричневые небеса.

Впоследствии оказалось, что башни следят за восходом и заходом Юпитера, играя, очевидно, роль каких-то антенн.

— Никого? — с надеждой спросила Катя, имея в виду «каракатиц».

— Левее визира вижу чужой крейсер, — доложил Дэв. — Висит над плато на высоте сорока километров.

— Следят, паразиты, — хмыкнул Кузьма. — Не дураки, небось дежурят теперь над всеми спутниками, зная, что мы можем проникать сквозь литосферы планет.

— Как же мы переберёмся к другому спутнику?

— Если методично претворять в жизнь идею Кузьмы, — сказал Хасид, — то мы и не должны прятаться. Надо вылезти, принципиально обратить на себя внимание сторожей и бегать от них до тех пор, пока они не запустят за нами хронозеркало.

— А если не запустят? — засомневалась девушка.

— Тогда будем прорываться к заводу и таранить.

— Стрёмно, — улыбнулся Кузьма с простодушной неуверенностью.

— Если уж затеяли партизанскую войну, надо её продолжать, — рассудил Хасид.

— Партизаны из нас хреновые. Ладно, продолжим. Отступать некуда, за нами только Солнце. Дэв, ты всё понял?

— Так точно, командир.

— Включай невидимость, осторожненько поднимайся вверх, пока нас не заметят, и рви когти к ближайшему спутнику.

— Это Теба, Амальтея спряталась за Юпитер.

— Пусть будет Теба.

Солнцеход нырнул обратно под землю, прополз около десяти километров на глубине четырёхсот метров и вышел под одним из ближайших метановых озёр. В этом случае свой аннигиляционный бур он выключал под слоем метана, что увеличивало вероятность скрытного выхода из тела Ио.

Поднялись в воздух, пронизанный белёсыми струями испарений.

Ни башни, ни их строители и «обслуживающий персонал» («насекомые» продолжали бегать всюду как ни в чем не бывало) земную машину в «шапке-невидимке» не заметили.

Солнцеход медленно пробуравил трёхкилометровый слой воздуха — самую плотную его часть — и вышел в космос.

Над Ио вращались знакомые мостики из «водорослей», подмигивающие огненными искорками, а за ними прятались две «каракатицы», всматриваясь в поверхность планеты. Судя по всему, всплытие и выход «крота» в пространство остались для них незамеченными.

— Открываемся? — прошептала Катя.

— Нет! — решил вдруг Кузьма. — Пока нас не заметили, идём к Тебе! Вдруг удастся подобраться к заводу без боя?

— Не принимай позу страуса, — пошутил Хасид. — Я тоже не люблю воевать с кем бы то ни было, но иначе мы не добьемся нужного эффекта.

Кузьма досадливо поморщился:

— Все эти легенды про страусиные позы — брехня! Страус не прячет голову в песок!

— Я верю.

— Будь у нас «делитель»... — посетовал Кузьма, имея в виду генератор свертки измерений.

— Мы бы показали им кузькину мать!

Кузьма замолчал, потом прыснул. Засмеялась Катя. Хасид улыбнулся.

— Дэв, — сказал Кузьма. — А давай-ка атакуем «каракатицу»! Вдруг удастся застать её экипаж врасплох? Было бы неплохо сбить одну, чтоб другим неповадно было охотиться за нами.

— Попытаюсь, командир.

Солнцеход нацелился на один из «космических мостиков» и начал разгон.

Ему понадобилось всего полсекунды, чтобы преодолеть расстояние между атмосферой Ио и «мостиком».

Пилоты «каракатицы» или же её автоматика отреагировали на атаку спустя две десятых секунды, но увести гигантский крейсер от столкновения не успели. Дэв включил бур, использующий принципы генератора антиматерии, и распорол «каракатицу» от уродливого «носа» до «кормы». Взорвалась она, когда солнцеход был уже в сорока километрах от места встречи.

— Надо взять на абордаж и вторую! — быстро проговорил Хасид. — Пока они не опомнились!

Действительно, вторая «каракатица», явно ошеломлённая случившимся, прянула в сторону, потом начала облёт огненного фейерверка, в который превратилась напарница. Пилоты крейсера то ли не поняли, что произошло, то ли пытались спасти кого-то из экипажа.

— Атакуй! — бросил Кузьма.

Дэв развернул солнцеход, направил его на сторожа.

Но там наконец сообразили, в чем причина взрыва, «каракатица» метнулась прочь, не желая принимать бой, а когда намерения врага стали очевидными, она вообще исчезла «на струне».

— Сбежала! — зааплодировала Катя. — Ура-а-а!

— Дэв, теперь уходим!

— За нами погоня, — заметил Хасид хладнокровно.

Над облаками Ио просияли золотом два «тюльпанчика», затем ещё три, стали быстро увеличиваться. Это летели «каракатицы».

— Идём к Амальтее! — предупредил Кузьма. — Она побольше.

Дэв снова развернул солнцеход.

* * *

Два часа они просидели внутри Амальтеи — огромного камня, имеющего размеры двести шестьдесят два на сто сорок шесть и на сто тридцать четыре километра, покрытого метеоритными (а может быть, и не метеоритными) кратерами, льдом и снегом.

Дэв проанализировал их удачный прорыв и наметил следующий бросок — к Метиде, последнему из больших внутренних спутников Юпитера диаметром в сорок километров. Метида вращалась вокруг Юпитера в опасной близости от предела Роша, опуститься ниже которого она не могла, так как её тут же разорвали бы на части приливные силы.

Впрочем, были и ещё спутники, орбиты которых вплотную подходили к пределу Роша, но все они имели размеры от трёх километров и ниже, представляя собой крупные астероиды. Прятаться внутри них не стоило, «каракатицы» могли окружить каждый такой булыжник плотным кольцом осады и не выпустить солнцеход в космос.

Локаторы «крота» не являлись специализированными комплексами наблюдения за пространством, но всё же позволили Дэву оглядеть окрестности Амальтеи и доложить, что возле планетки крутится группировка «каракатиц». Сторожа Системы окончательно поняли, где прячется земной аппарат, и приняли ответные меры, поставив у каждого спутника Юпитера часовых.

— Придётся пробиваться, — угрюмо сказал Кузьма, изучив высвеченную инком картинку. — Сидеть внутри Амальтеи и ждать, пока снимут осаду, нет смысла.

— Где завод? — поинтересовалась Катя, разглядывая синтезированное инком изображение гигантской планеты.

— Сейчас он на другой стороне Юпа, — ответил Дэв.

— А что это за мусор? — Катина световая указка коснулась полосы необычного вида «шелухи», не похожей на пылевое кольцо. Полоса тянулась до самого Юпитера, до его облачного слоя.

— Это сооружения местных жителей, — сказал Дэв. — Я изобразил их схематично. Очень мощная инфраструктура.

— Чего они там понастроили?

— Не могу знать, сударыня.

— Вокруг Юпитера вообще много их конструкций, — заметил Хасид. — Всё-таки метрополия где-то здесь, в районе Юпитера, на каком-то из спутников.

— На Европе?

— На самом Юпе, — буркнул Кузьма.

— Почему бы и нет? — подумав, сказал Хасид. — Не думаю, что гравитация представляет для местных «насекомых» значительную помеху. Это нами, на три четверти насыщенными водой, повышенное поле тяготения переносится плохо. Для них же оно не столь существенно. Они и в невесомости чувствуют себя хорошо, и, наверное, на Юпитере.

— Проверим.

— Что?

— Предлагаю выскочить из Амальтеи, побегать вокруг Юпа и, если хронозеркало так и не появится, нырнуть в его атмосферу.

— Они не дадут нам прорваться к Юпитеру, — кивнула на «каракатиц» Катя.

— Вернёмся.

— Тогда мы вообще никогда больше не сможем показаться в пространстве. Они будут знать, где мы прячемся, и устроят нам блокаду Ленинграда.

— Что ты предлагаешь?

— Не знаю, — смутилась девушка.

— Будем пробиваться! — твёрдо решил Кузьма. — Кто не рискует, тот не пьёт!

— Шампанское?

— Не маниак же.

— Шампанское — наркотик! — назидательно сказал Хасид. — Хотя и слабый.

— Маниак тоже! — отрезал Кузьма. — Дэв, попробуй поиграть с этими ребятами в догонялки.

— Готов! — сказал Хасид, поднимая кулак с оттопыренным пальцем.

— Готова! — отчаянно сказала Катя, повторив жест.

Кузьма сделал то же самое, и солнцеход рванулся вверх, к поверхности Амальтеи.

Их заметили через несколько минут после выхода из атмосферы спутника.

Впрочем, на сей раз беглецы не прятались, а нарочно подставили корпус «крота» под лучи радаров «каракатиц». Конечно, они могли одним броском преодолеть разделявшее Юпитер и Амальтею расстояние, благо оно было небольшим, меньше ста тысяч километров — до облачного слоя. Однако земляне реализовывали идею выманить за собой хронозеркало и действовали согласно принятой программе.

«Каракатицы» ринулись в погоню, заходя «с флангов», чтобы перекрыть солнцеходу возможные пути отступления. К счастью, набирать скорость как земная машина они не умели, поэтому первый маневр солнцехода прошёл успешно. Он достиг нижней границы пылевого кольца гигантской планеты, сбив по пути как минимум две сотни «столбов изгороди» (сооружение «насекомых» действительно напоминало старинный забор), повернул вдоль него и помчался вокруг Юпитера.

«Каракатицы» отстали, но спустя несколько минут вызвали

подмогу, и впереди солнцехода проявились «кляксы» других сторожей, умело использующих «струнные» технологии.

— Шесть штук впереди, — доложил инк. — Пять сзади. Можем уйти в облака.

— Рано! — мотнул головой возбуждённый Кузьма. — Идём прежним курсом, а на дальности в два десятка километров делаем оверштаг и мчимся к преследователям. Убеждён, стрелять они не отважатся: попадут по своим.

Но Ромашин ошибся: «каракатицы» открыли огонь — и те, и другие! — что едва не погубило земной аппарат. Лишь каким-то чудом Дэву удалось славировать и пропустить мимо ветвистые молнии разрядов, от которых начинал «кипеть» вакуум. При этом «каракатицы» не боялись подставиться под выстрелы своих же собратьев, не уворачивались от молний, принимая их на себя, и продолжали упорно выцеливать вёрткого пришельца, не желающего стать лёгкой добычей.

— В Юпитер! — взял на себя управление солнцеходом Хасид.

Дэв развернул машину, и пушистая бездна Юпитера понеслась ему навстречу.

Глава 18

ТРЕВОГА

В пять часов утра по местному времени Филиппа разбудил дежурный сети «спрута-2»:

— Прошу прощения, монсеньор, по Системе объявлена тревога! В поясе астероидов замечен зеркальный объект...

— Хронозеркало?! — подхватился Ромашин.

— Так точно. Диаметр — двенадцать тысяч километров, направление движения — на Солнце.

Филипп помял лицо ладонями.

— Хорошо, Дик, я сейчас встану. Выведи мне на консорт-линию всю информацию.

Дежурный кивнул.

— Через минуту получите полный интенсионал.

Филипп посидел на кровати, сгорбившись, ощущая все свои девяносто пять лет, потом натянул спортивные штаны, дотронулся рукой до стены каюты, и она растаяла, открывая доступ к такой же каюте. Жена, спавшая у стенки, тут же проснулась, села:

— Что?

— «Огнетушитель»! — сказал он коротко.

— Боже мой! — всплеснула руками Аларика. — За нами?!

Филипп усмехнулся.

— Мы для него не объект. Его предназначение — потушить Солнце. И он ещё далеко, за орбитой Марса.

— Может быть, он ещё повернёт?

— Не тешь себя пустячной надеждой. Извини, что разбудил. Не удержался.

— Я и так не спала, — слабо улыбнулась Аларика. — Мы ничего не можем сделать?

— С нами боевой робот гиперптеридов. Он поможет.

— Ты уверен?

— Роботы вроде Лам-ки могли в своё время разрушать звёздные системы. Так что он должен справиться. Да и мы не будем сидеть сложа руки.

Филипп умылся, включил консорт-линию.

В течение получаса к нему поступала информация от наблюдателей и аналитиков СВР, контролирующих ситуацию в Солнечной системе. Солнцеход продолжал двигаться к ядру Солнца, все его системы работали нормально, и пассажирам иногда не верилось, что они находятся на борту машины, способной двигаться в среде, непрерывно сотрясаемой ядерными взрывами!

Ситуация складывалась следующая.

Власти Солнечной Федерации объявили военное положение, и навстречу гигантскому сферическому хронозеркалу были стянуты почти все силы космического флота человечества: от пограничников и безопасников до спасателей и сотрудников службы чрезвычайных положений. Однако спецслужбы Федерации управлялись в настоящий момент агентами Дьявола, поэтому в Системе царили разброд и шатание, организованные чиновниками, ответственными за принятие важных решений в сфере безопасности цивилизации. Сделано это было тонко и умело, со знанием человеческой психологии, и никто из представителей федеральных структур не догадался об истинном положении дел.

Зато всё прекрасно понимали работники СВР и потихоньку, исподволь начинали действовать, замещая неугодных службистов и чиновников, не догадывающихся, что за ними ведётся наблюдение.

И всё же положение в Системе складывалось незавидное. Те, кто мог помочь Службе безопасности, были нейтрализованы, а

против всех усилий безопасников, направленных на исправление ситуации, восстали все средства массовой информации, вопящие о «нарушении прав инакомыслящих» (под «инакомыслящими» понимались как раз те, кто по сути сочувствовал Дьяволу) и с успехом нивелирующие все благие порывы честных людей разрешить проблему с пользой для всего человечества.

О средствах, имеющихся у людей для нейтрализации «огнетушителя», по-прежнему знали только специалисты и безопасники. Применять их никто не собирался. Чиновничья среда, управляемая резидентурой Дьявола, сдалась самому Дьяволу, запустившему «гаситель ядерного огня» в самый подходящий для него момент.

Тем не менее иммунная система человечества, реализованная как Служба внутренних расследований Федеральной безопасности, продолжала свою деятельность, постепенно снижая степень вариативности Дьявола, и финал этой борьбы был уже виден. Осталось лишь сделать несколько точных операций, направленных на ликвидацию грядущих угроз. Одной из таких операций стала чистка чиновников в среде Федерального Министерства безопасности, где окопались тридцать шесть (!) агентов Дьявола, так или иначе саботирующих решения самого Министерства и вышестоящих организаций — Правительства и ВКС.

В то время как служба СВР расправлялась с фактическими предателями человечества, её особая группа начала подготовку к решающему испытанию — остановке хронозеркала и окончательному освобождению управленческих структур от влияния агентуры Дьявола. Правда, последняя задача оказалась для СВР наиболее трудной, так как для «изгнания Дьявола» из каждого запрограммированного человека пришлось создать особые психопрограммы, отключающие программы самоликвидации, которые внедряли в сознание агентов вербовщики Дьявола.

За первую же задачу взялся Филипп Ромашин, единственный из всех бывших безопасников, кто имел связь с гостями из другой Ветви Вселенной.

В то же утро, спустя три часа после известия о появлении сферического хронозеркала, летящего к Солнцу, он связался с «внуком из другой реальности», Артёмом Ромашиным:

— Доброе утро, Артём. Извините, что беспокою. Вы знаете о выходе в Систему хронозеркала?

— Конечно, — ответил Ромашин-младший.

— Есть подозрение, что это новый «огнетушитель».

— Возможно.

— Служба безопасности не справится с ним. Дьявол прибрал к рукам все эшелоны власти. По нашим расчетам, «огнетушитель» достигнет Солнца через двое суток.

— Меня уверяли, что у вас есть средство для нейтрализации хронозеркал.

Филипп помолчал, покосился на сидевшего рядом Реброва.

— Мы не уверены, что нам удастся получить к нему доступ. Если вы имеете в виду Потрясатель Мироздания на Тритоне.

— Разве это единственное средство?

Филипп сделал ещё одну паузу.

— Его изобретатель Теренс Пачикад погиб. Мы не успели получить всю информацию об этом методе.

Теперь замолчал Артём; обратку он не включил, объём связи играл перламутровым туманом, и было неизвестно, в каком месте находятся гости из другой Ветви Времён.

— Хорошо, мы поговорим об этом с нашим партнёром. Кстати, он выявил ещё два схрона Дьявола с зародышами каких-то механизмов.

— Где?

— На спутниках Юпитера и Нептуна. Предлагаю встретиться через час и обсудить общие проблемы.

— Жду звонка, — сказал Филипп, выключая консорт-линию.

Ребров с прищуром смотрел на него.

— Ты думаешь, этот Лам-ка справится с «огнетушителем»?

— Он не волшебник, — буркнул Филипп. — И даже не Наблюдатель. Геру Алниса он спасти не смог. И всё же я в него верю.

Ребров поморщился.

— Теряем людей... Жаль Германа... Юэмей безутешна...

— Для неё это страшный удар.

— А виноват, как ни крути, Ваня Славин.

— Он хочет сложить с себя полномочия координатора СВР. Но заменить его пока некем.

— А ты?

Филипп усмехнулся.

— Я слишком стар.

— Тогда Игнат.

— Он тоже немолод. Почему бы тебе не возглавить Службу?

Ребров отвернулся, помолчал, сказал глухо:

— Я устал, Филипп. Такое впечатление, что я всю жизнь воюю. Хочется выйти из этого состояния.

В глазах Ромашина-старшего на миг всплыла тоска, но держаться он умел и жаловаться на отсутствие сил не стал.

— Нам всем хочется выйти из состояния войны. Но не мы выбрали эту дорогу, она выбрала нас.

— А тебе никогда не хотелось плюнуть на все проблемы безопасности человечества? Ты не задавал себе вопроса: на кой хрен тебе защищать это самое грёбаное человечество, которое в большинстве своём не знает о тебе ничего, не хочет знать и запросто продаст кому-либо типа Дьявола?

Филипп хотел ответить, но в отсек вошла Аларика, и лицо патриарха разгладилось. По губам пробежала почти незаметная улыбка.

— Вот ради кого я напрягаюсь. Ради неё, ради детей, друзей и приятелей.

Аларика подняла бровь:

— Вы о чём?

— О своём, мальчишеском, — мрачно буркнул Ребров.

Филипп протянул жене руку, и она прижалась к ней щекой.

* * *

Когг следовал за мчавшейся к Солнцу сферой хронозеркала среди других машин космического флота человечества, но его никто не замечал. Лам-ка накинул на десятиместный летательный аппарат вуаль невидимости.

В органелле рубки управления сидели трое: Артём, Зари-ма и Селим фон Хорст. Молчали. Ждали, когда Лам-ка (его интеллектуальная «часть») выйдет на связь.

Наконец между тесно расположенными коконами органеллы, встроенными прямо в её стены, возникла струйка осыпающегося инея и превратилась в кота.

— Я к вашим услугам, эксплуататоры.

Брови Артёма прыгнули вверх.

— Лам-ка, ты откуда это взял?!

Кот п е р е т ё к в седого мужчину, виновато почесавшего затылок.

— Я просто пытаюсь шутить.

— Эксплуататором меня ещё не называли, — усмехнулся Селим.

— Прошу прощения, герр полковник. Я ведь не человек и даже не гуманоид, мне позволительно ошибаться.

— Не ёрничай. Что ты выяснил?

— Шаром никто не управляет. Во всяком случае — извне. Проникнуть внутрь можно, однако даже я не могу изменить законы физики, по которым работает эта петля времени. Она представляет собой очень глубокую потенциальную «хрононяму».

— Насколько глубокую?

— Не меньше чем на два миллиарда лет.

Фон Хорст и Артём переглянулись.

— Это уже не петля, настоящий временной провал. Что будет, если он воткнётся в Солнце?

— Глубины ямы достаточно, чтобы в неё «провалилась» вся массоэнергия Солнца.

— То есть Солнце погаснет.

— И достаточно быстро.

— Мы можем нейтрализовать хронозеркало?

Лам-ка сделался задумчивым, как живой человек, пригладил серебристый ёжик волос.

Артём мимолётно подумал, что их могучий союзник исподволь перенял манеру поведения фон Хорста.

— Это очень интересный объект, судари и сударыни. Я бы хотел его поизучать какое-то время. С объектами, имеющими такие энергетические характеристики, я ещё не сталкивался.

— В твоём распоряжении двое суток, — сказал Селим флегматично. — Хватит? Потом «огнетушитель» нырнёт в Солнце, и выколупнуть его оттуда будет уже невозможно.

— Ничего не придётся выколупывать. Местные физики давно разработали метод нейтрализации сферических хронозеркал. В любой момент его можно применить и остановить либо направить «огнетушитель» в другую сторону.

Фон Хорст с любопытством посмотрел на Лам-ку.

— Нам они сказали, что такой метод разработал один из Ромашиных, специалист по ТФ-физике, но он погиб. И расчёт оказался незавершённым.

— Во-первых, Кузьма Ромашин не погиб. Во всяком случае доказательств гибели ни у кого нет. Я исследовал центральную часть солнечного ядра, которая подверглась вакуумному вымораживанию. Там имеется странная аномальная зона, которая «дышит»: то поглощает энергию, то излучает. Долго находиться возле этой зоны я не могу, приходится потом восстанавливать свой матричный потенциал, поэтому дождёмся, когда к зоне

приблизится второй солнцеход, и я смогу изучить эту область более детально. Ждать осталось недолго.

— Почему ты считаешь, что Кузьма не погиб?

— Потому что наблюдаемые эффекты каким-то образом связаны с инверсией времени. Возможно, первая машина успела провалиться в хронозеркало и нырнула в будущее... или в прошлое. Конкретнее пока ничего сказать не могу. Во-вторых, у наших друзей здесь имеется Потрясатель Мироздания. Его когда-то создавали для галактического «просвечивания», и с тех пор он законсервирован на Тритоне. Но работать может. Надо лишь изменить кое-какие параметры генератора по новым расчётам.

— Которые сделал погибший Теренс Пачикад? Но эти расчеты утеряны.

Лам-ка подмигнул Зари-ме, самодовольно улыбнулся.

— Мне удалось добыть всю информацию по этой теме. Пачикад прятал её в базе данных Умника Института пограничных физических проблем. Никто её там не искал.

— Потрясающе! — хмыкнул Селим. — Ты растёшь не по дням, а по часам. Обычные боевые роботы не способны проявлять инициативу.

— В твоих устах это похвала, — расплылся в улыбке Лам-ка. — Хотя я не обычный боевой робот. Я её воспитанник. — Он кивнул на Зари-му.

— Надо сообщить твоим родичам, — смутилась полюсидка, глянула на мужа, — что у них есть средство против хронозеркал.

— Они знают, — сказал Артём. — Но у них нет доступа к Потрясателю.

— Уже есть, — сказал Лам-ка. — Насколько мне известно, оперативники СВР просверлили Тритон и подошли к Потрясателю с другой стороны. Захватить эмиттер я им помогу.

— Смотрите! — воскликнула вдруг Зари-ма.

Вокруг мчащейся впереди зеркальной махины возникла суета: корабли спасательного и пограничного флотов начали разбегаться, удаляться от шара. Остались лишь две спейс-машины Службы безопасности, отплывшие от хронозеркала на двадцать километров. Аппаратура когга синтезировала общую видеокартинку происходящего, и каждый из присутствующих в рубке видел шар с разных ракурсов: со стороны, сзади и спереди.

Корабли землян в этой синтезированной панораме обозначились зелёными огоньками разной световой интенсивности — в

зависимости от мощи каждого. В данный момент хронозеркало сопровождало около полусотни космических кораблей.

— Что они делают? — осведомился Артём.

— Хотят запустить в шар ТФ-эмиттер, известный под названием «паньтао», — ответил Лам-ка.

— Но ведь использование «паньтао» запрещено СЭКОНом. Его нельзя включать, может полететь вся сеть метро!

— Если нельзя, но очень хочется, то можно, — философски заметил Селим.

— Я серьёзно!

— Значит, какой-то из агентов Дьявола добился разрешения Совета безопасности на применение «паньтао». Дьяволу это выгодно: и зеркало уцелеет, и паника поднимется, и спецслужбы выключатся из процесса борьбы.

— Ну, спецслужбы не выключатся, — не согласился Лам-ка. — Там произошла очередная ротация управленческих структур, и к власти пришли ставленники СВР.

— Зачем же они разрешили запускать ТФ-эмиттер? — робко спросила Зари-ма.

— А их никто и не спрашивал, — пожал плечами Лам-ка. — Всё сделано под шумок, как эксперимент с остановкой зеркала. О том, что вместо генератора свёртки будет запущен новенький «паньтао», знают немногие.

— Надо срочно сообщить нашим!

— Не надо, — махнул рукой Лам-ка. — «Паньтао» не сработает. Я там кое-что переналадил, и при запуске он просто взорвётся.

— Я же говорил — этот головастый робот далеко пойдёт, — проворчал Селим.

Зари-ма рассмеялась.

Между тем суматоха возле гигантского сферического зеркального пузыря улеглась. Один отряд земных кораблей занял новые позиции, организовав кольцо вокруг исполина, второй образовал кильватерное заграждение. Два спейсера, «Олдбой» и «Латвияс», задействованные в операции «остановки огнетушителя», отошли от него ещё на двадцать километров.

Когг с делегацией из «альтернативной Метавселенной» по-прежнему никто не видел. «Корсет невидимости», наброшенный на него Лам-кой, действовал безотказно.

Спейсер «Олдбой» выстрелил красную искорку, которая резво побежала к зеркальной сфере.

В окне дальновидения стала видна зазубренная штуковина,

похожая на китобойный гарпун. Это и была «посылка для Дьявола», внутри которой сидел ТФ-эмиттер с «открытым концом», или «паньтао».

— Двадцать секунд до столкновения, — начал отсчёт инк когга. — Девятнадцать, восемнадцать...

— Ты не мог бы выяснить, кто принял решение о посыле «паньтао»? — спросил Селим. — А заодно и тех, кто это решение выполнял?

— Сделаю, — пообещал Лам-ка. — Для этого мне много времени не понадобится.

— Хочешь дать их имена парням из СВР? — сказал Артём.

— Хочу размяться сам, — буркнул фон Хорст. — Особенно если предателями становятся по собственной воле.

Артём и Зари-ма переглянулись.

Но в это время отсчёт закончился, и двадцатиметровый «гарпун» «паньтао» вонзился в зеркальную гладь сферозеркала.

Произошло нечто вроде падения камня в воду: по бликующей гладкой стене побежали концентрические волны, очертания «гарпуна» исказились, он превратился в череду тающих призраков, и в этот момент сработал таймер, включающий генератор «упрощения» метрики пространства. И одновременно — взрыватель, установленный Лам-кой.

Призраки «гарпуна» налились жидким сиянием и лопнули как мыльные пузыри!

По глади зеркала разлетелись струи огня, закрутились спиралями, сминая зеркальную оболочку шара в мелкую рябь, и погасли. По ставшей ровной поверхности сферы пробежала ещё одна кольцевая волна, и эксперимент с «остановкой хронозеркала» закончился. Колоссальных размеров — величиной с Землю! — сферозеркало невозмутимо продолжило свой бесшумный бег к Солнцу.

— Финита! — пробормотал Артём, глядя на поднявшуюся световую бурю вокруг зеркального шара. — Я только сейчас начинаю понимать, с чем они столкнулись.

— С «огнетушителем», — тихо проговорила Зари-ма.

— «Огнетушитель» только средство, я же имею в виду его хозяев. Какой неукротимой жаждой уничтожения жизни они обладают!

Лам-ка промолчал, затем внезапно исчез.

Селим фон Хорст пригладил костистой ладонью гладкий череп, сказал рассеянно:

— Каждая цивилизация ставит перед собой свою цель. Дьявол поставил такую — ликвидировать соперников своей расы любой ценой. Он не дурак. Просто Вселенная у нас такая.

Зари-ма фыркнула:

— Ты его оправдываешь?

— Нет, — спокойно ответил бывший полковник. — Но всем нам следует помнить: разум во Вселенной — это единство противоположностей. Уничтожать Дьявола нельзя. Его надо просто ограничить. Уничтожать следует лишь предателей, всегда и везде ищущих свою выгоду. За счёт других. А самое подлое — за счёт жизни других!

Зари-ма задумалась.

Артём улыбнулся.

— Ты философ, однако, человекочервь.

— А то, — согласился Селим. — Кстати, не самая худшая характеристика для наполовину негумана.

В рубке когга объявился кот.

— Предлагаю на время оставить эту машину и переселиться на солнцеход.

Фон Хорст недовольно посмотрел на кота, и тот спустя мгновение превратился в «живого человека».

— Ты обещал узнать, кто руководил запуском «паньтао».

— Только что занимался этой проблемой. Всё гениальное просто. Главный распорядитель — господин Жак Рюйтель, бывший премьер-министр Федерации, нынче — зампредседателя Международного трибунала. Его помощники — Вано Суукашвили, командующий первым пограничным флотом, и Тамико Усиевич, командир спецназа.

— Женщина? — удивился Селим.

— Трансвестит. Бывший мужчина Тарас Усиевич. Не знаю, для чего это делается. А что удивительного, если бы Усиевич был женщиной?

Фон Хорст покачал головой.

— В принципе, ничего. Наши Метавселенные действительно родственны. У нас тоже много тех, кто меняет пол как перчатки либо рекламирует однополую любовь.

— Что тут такого криминального? — пожала плечами Зарима. — Ты их не любишь, но ведь это личное дело каждого — кого любить и с кем жить.

— Тогда почему ты живешь с мужиком, а не с женщиной?

— Потому что я его люблю, — смутилась полюсидка. — И у меня правильная рио... оре...

— Ориентация, — подсказал Артём. — Глупая тема для беседы. Кто за предложение Лам-ки? Солнцеход вплотную приблизился к переходной зоне между замёрзшим солнечным ядром и слоем, где уже начались термоядерные реакции. Попробуем поискать моего будущего отца?

— Лам-ка, высади меня в Гааге, где сейчас расположена контора Международного трибунала, — сказал Селим. — Хочу поговорить с господином Рюйтелем лично.

— Стоит ли? — с сомнением сказал Артём. — Всех предателей не замочишь и не переделаешь. Это неизбежные отходы человечества.

— В нашей Ветви тоже существует господин Рюйтель. Порядочная сволочь. Мой сосед. Хочу сравнить того с этим.

Артём взялся за подбородок, разглядывая твёрдую складку губ человекочервя, кивнул:

— Хорошо, пойдём вместе, если ты не возражаешь.

— Если не будешь мешать.

— Я с вами! — заявила Зари-ма.

Мужчины посмотрели на неё с одинаковой озабоченностью, обменялись взглядами. Селим покачал головой:

— Нет!

Артём развел руками:

— Извини, Заря, ты останешься. Мы скоро вернёмся и вместе отправимся на солнцеход.

— Вы насильщики! — сказала Зари-ма с отвращением.

— Может быть, насильники? — уточнил Селим.

— Хрен редьки не гуще!

Артём засмеялся.

Зари-ма смерила его уничтожающим взглядом и отвернулась.

Глава 19

ОХОТА ЗА ПАРТИЗАНАМИ

Их догнали, но Дэв маневрировал так искусно, что пропустил лишь один энергетический удар. Правда, пассажирам хватило: они снова потеряли сознание, зато, когда очнулись, «крот»

сидел уже внутри Юпитера. Точнее — в его водородном океане на глубине трёхсот километров.

— Ещё пара таких встрясок, — вяло ощупал голову Кузьма, — и нас можно будет класть в психбольницу.

— До психбольницы надо ещё дожить, — заметил Хасид. — Неужели нельзя найти способ защиты от этого треклятого излучения?

— В нашем положении — нет, я уже говорил. Полевые генераторы «крота» не рассчитаны на такие режимы.

Помолчали, глотая таблетки адаптогена и запивая их черничным соком.

— Дэв, повреждения большие? — спросил Хасид.

— Я их уже залатал, — отозвался инк. — На прочности корпуса излучение практически не сказывается, нейтрид выдерживает и не такие энергоимпульсы, а вот внутренние конструкции плывут и отказываются восстанавливаться.

— Классное у них оружие!

— Хорошо, что не «глюки» и не «делители», — проворчал Кузьма. — От этих молний мы ещё можем увернуться, а от луча трансформатора измерений попробуй увернись.

— Не могу поверить... — проговорила Катя.

— Во что? — повернули к ней головы мужчины.

— Если это прошлое нашей Солнечной системы... почему мы нигде, если не считать Европы, не встречаем следы цивилизации предков?

— Была война... — начал Хасид.

— Существует закон затухания интеллектуальной деятельности, — перебил его Кузьма. — Мне об этом Гера говорил. Уже миллион лет — граница, ниже которой принципиально не сохраняются следы разумной деятельности. А мы выплыли в прошлое на два миллиарда лет! Какое искусственное сооружение может держаться так долго? Если за это время меняются не только ландшафты, но даже физические константы!

— Неужели изменение констант существенно влияет на мир? — засомневался Хасид.

— Ещё как! — заверил его Кузьма. — Измени гравитационную постоянную на десять процентов, и Вселенная станет «плоской» и пустой, в ней просто не смогут образовываться тяготеющие массы. Палеогеологи доказали, что в прошлом диаметр Земли, равно как и других планет, а также размер Солнечной

системы были гораздо меньше нынешнего. Да и вообще законы Вселенной были иными.

— Почему же мы не ощущаем ничего? — удивилась Катя. — Все размеры здешних планет, по оценке Дэва, примерно равны размерам планет в наше время.

— Потому что мы тоже изменились, стали меньше. Физические законы работают изнутри объекта, они «вморожены» в ткань Вселенной, в каждый атом, в каждую элементарную частицу, в вакуум.

— Я понял, — сказал Хасид. — При погружении в прошлое меняются эталоны измерений. Здесь метр уже не равен нашему метру, если их сравнить в одинаковых условиях. Так?

— Молодец, полковник, — похвалил друга Кузьма, чувствуя прилив сил. — Соображаешь. Я считал, полковники безопасности такими вещами не интересуются.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Хасид.

— Кузя! — строго сказала Катя.

— Что?

— Не обижай Ходю! Что бы ты без него делал?

— Без штанов бы бегал, — проворчал Кузьма. — Он не обижается.

— Иногда от вашего общения меня в дрожь бросает.

— Хорошо, больше не буду, — пообещал Ромашин. — Дэв, пока мы погружались в Юпитер, ты записывал картинку?

— Разумеется.

— Покажи.

Перед пассажирами солнцехода возникло изображение пушистой облачной стены, в которую солнцеход вонзился, как невидимая пуля.

«Каракатицы» некоторое время сопровождали его, но не стреляли, а потом исчезли в облачных струях. Зато вместо них появились какие-то летающие твари, похожие на змей с крыльями, тоже исчезли. Метановые облака ушли вверх, солнцеход повис на несколько секунд в сумеречном нигде без определённых ориентиров, пробил брешь в сетчатом сооружении, а может быть, в растительном монстре Юпитера, напоминающем ажурный гриб величиной с Марс, и ухнул в глубокий водородный океан гигантской планеты, которая на самом деле представляла собой колоссальную каплю из разных фракций водорода — газообразной, жидкой и твердой. Ядро Юпитера состояло из водородного льда, сжатого до твёрдости железа. Хотя, по расчетам астрофизи-

ков, температура внутри этого ядра достигала таких величин, что там вполне могли идти ядерные реакции.

К концу двадцать четвертого века «родной» Юпитер Кузьмы Ромашина был исследован достаточно хорошо. На «дно» его атмосферы опускались десятки экспедиций, многие из которых бурили скважины на «материках» или ныряли в океан. Однако биологическая жизнь планеты ограничивалась микроорганизмами, живущими в облаках. А разумная жизнь обнаружена не была. Как и её следы.

«Местный» Юпитер явно жил более активно. Хотя, кто был его хозяином, раса каких существ его населяла, осталось тайной. Какие-то «насекомые», если верить информации древнейшего представителя палеоразума в Солнечной системе, похожего на хоккейный шлем. Но их пассажиры солнцехода во время спуска в Юпитер так и не увидели.

— На какой мы сейчас глубине? — спросил Кузьма.

— Триста километров.

— Дай обзор.

Рубку «крота» заполнил мрак, сменившийся ровным синим свечением: Дэв раздвинул диапазоны видеосистемы до инфракрасного рубежа. В пределах трёх километров — радиус сферы прямого видения аппаратуры — водородный океан планеты был абсолютно однороден и чист.

— Поворочай лучом, — попросил Хасид.

Дэв послушно обшарил окрестности лучом локатора, способного обнаружить теннисный мячик на расстоянии до тысячи километров.

Несколько раз в поголубевшем окне дальновидения мелькали какие-то тени, паутинки, искры, луч возвращался назад, но анализ показывал, что это всё — сгущения в океане либо затонувшие метановые льдины. Видимо, жизнь в глубинах юпитерианского океана отсутствовала напрочь.

— Наши действия? — спросил Хасид, ни к кому особенно не обращаясь.

— План не меняется, — отрезал Кузьма. — Проходим сквозь Юпитер, ищем завод и пробиваем его снизу. Потом бежим к Солнцу.

— А если нас встретят «каракатицы»?

— Всё равно другого пути нет.

— Мы здесь уже почти месяц... — грустно проговорила Катя.

Мужчины замолчали.

— Ты это к чему? — не дождался продолжения Кузьма.

— Надоело... домой хочу...

— Все хотят.

— Отдохните, — посоветовал Хасид. — Оба. Я подежурю, пока «крот» будет идти сквозь Юпитер.

— Дело не в отдыхе.

— В самом деле, надо отвлечься, — делано бодрым голосом проговорил Кузьма, освободился от захватов кресла. — Пошли, выпьем вина, послушаем хорошую музыку, посмотрим какой-нибудь фильм, поиграем в лав-лав.

— Не хочу, — отказалась Катя. — У меня предчувствие, что мы уже никогда не вернёмся обратно, в своё время, так и будем жить здесь, в прошлом, пока нас не уничтожат эти твари.

— Ну что ты! — запротестовал Кузьма. — Мы живы, у нас классная машина...

— Внимание! — заговорил вдруг Дэв. — Вижу приближающиеся объекты!

Кузьма, собиравшийся вытащить подругу из кресла, метнулся к своему кокону.

В голубом окне радара появились чёрные точки.

— Раз, два, три... десять, — насчитал Хасид. — Что это за семечки?

— Сфероидальные тела, диаметр под триста метров, движутся к нам со скоростью двухсот метров в секунду.

— Сферы? Может, это хронозеркала?! — воскликнула Катя.

— Они поглощают почти сто процентов излучения радаров.

— Как же ты их видишь?

— По возмущению в жидком водороде.

— Точно, это хронозеркала!

— Неужели их запустили за нами?

— За кем ещё? Мы хотели устроить партизанскую войну? Мы её получили. Теперь за нами будут охотиться не только сторожа, но и разведчики местной цивилизации, и контрразведчики, и вся остальная хрень!

— Скорость уж больно мала, — засомневался Хасид. — Мы легко оторвёмся от них.

— Вижу ещё такие же объекты! — тут же сообщил Дэв. — Левее и ближе. Двенадцать штук. Диаметр, скорость — те же. Направляются к нам.

Кузьма и Хасид замолчали.

— Как они нас нашли? — растерялась Катя.

— Чёрт их знает! Уходим!

— Куда? — усмехнулся Хасид. — Они со всех сторон.

— Справа — двадцать, над нами семнадцать, — начал считать Дэв. — Впереди пятнадцать...

— А под нами?

Пауза.

— Пока никого не вижу.

— Вниз! Уходим к ядру Юпитера! Посмотрим, побегут ли эти шарики за нами.

В рубке ничего не изменилось, в том числе и направление и сила тяжести (инк поддерживал для пассажиров комфортные условия существования), но солнцеход уже не стоял на месте, он погружался в океан Юпитера с возрастающей скоростью. О том, что он движется, можно было судить лишь по череде сменяющихся цифр перед глазами каждого, указывающих на рост давления и температуры.

Чёрные точки, символизирующие сферозеркала, отстали.

Однако дойти до твёрдого ядра Юпитера солнцеход не смог. Локаторы «крота» зафиксировали прямо по курсу сеть новых чёрных точек. И тогда стало окончательно ясно, что за «партизанами» действительно началась безжалостная охота с применением самых необычных технических средств, какие только можно было придумать. Этими средствами были у п р а в л я е м ы е сферические хронозеркала.

— Левее, ниже нас на три километра, вижу щель между шарами, — сказал Дэв.

— Маневрируй сам, — отозвался Кузьма. — Продолжаем идти к ядру Юпитера.

— Слушаюсь!

Солнцеход устремился в разрыв между струями чёрных точек и успел прорваться, прежде чем они завершили окружение. Точки сдвинулись назад, теряясь на фоне уплотняющегося с каждой минутой водородного льда. Пока что скорость их движения была на порядок ниже скорости «крота», что вселяло в души водителей слабую надежду на благополучный исход событий.

— Оторвались? — робко спросила Катя.

— На какое-то время, — мрачно ответил Кузьма. — У них этих шаров немерено.

— Но ведь это просто хронозеркала...

— И что?

— Каждое зеркало — петля времени. Если даже мы протара-

ним его, ничего не случится. Вернемся через пару минут... или пару часов, может быть.

— Если бы это были простые хронозеркала, их бы не бросили за нами в таком количестве. Скорее всего это «мертвяки». Был бы у нас «паньтао»...

— Правее девять градусов... — начал Дэв.

— Видим, — перебил его Хасид. — Они идут широким фронтом не только за нами, но и высылают шары навстречу.

— С той стороны Юпитера?

— Там как раз и торчит завод зеркал. Нам перекрывают все пути отхода.

— По законам волчьего гона, — фыркнул Кузьма. — Ставят красные флажки. Причем флажки движущиеся.

— Соображения есть?

— Есть.

Катя и Хасид посмотрели на Ромашина сквозь прозрачные лепестки своих коконов.

— Продолжай, — не выдержала девушка.

— У нас есть оружие.

— Какое?! «Универсалы», что ли?

— Бур. По сути это мощный аннигилятор, хотя и близкодействующий. Предлагаю маневрировать и идти к противоположному краю Юпитера до тех пор, пока нам окончательно не перекроют дорогу. Тогда наметим шар и протараним его лучом бура. Не может быть, чтобы это не подействовало на структуру хронопетли.

В рубке установилась тишина.

Спутники Кузьмы обдумывали его слова.

Дэв очередной раз изменил курс солнцехода, уходя от встречной струи хронозеркал.

— Насколько мне известно, во время наших попыток остановить «огнетушитель» в Солнечной системе, — сказал Хасид, — на него не подействовал ни один аннигилятор.

— Диаметр «огнетушителя» был больше диаметра Земли. Эти шарики помельче, их размеры — от трёхсот до пятисот метров. Луч бура накроет любой из них целиком.

Хасид снова замолчал.

Впереди в сине-фиолетовой искрящейся среде появились очередные точки, сетью перекрывшие путь солнцеходу.

Дэв поискал проход, не нашёл, снизил скорость машины.

— Нас окружили со всех сторон.

— Где мы?

— На глубине четырнадцати тысяч километров.

— Найди место для прорыва.

— Ищу, но шары всё время перемещаются, прибывают, их уже больше трёх тысяч.

— В таком случае просто идём вперёд.

— Странно, — проговорила Катя. — Неужели им не жалко портить Юпитер? Ведь каждое хронозеркало поглощает сейчас тонны и тонны юпитерианского льда, оставляет в коре раны.

— Они своих не жалеют, — усмехнулся Кузьма, — а ты говоришь о каком-то льде. Юпитер большой, ничего ему не сделается. Но вы не ответили на моё предложение.

— У нас есть другой выход? — тихо спросила Катя.

— Похоже, что нет, — вздохнул Хасид.

— Тогда идём на абордаж!

— Может, залезем для страховки в спасательный модуль?

— Зачем? — пожал плечами Кузьма. — Он нас не спасёт, даже если мы успеем катапультироваться. Дэв, сделай вид, что мы потеряли голову и мечемся из стороны в сторону, как спасающаяся от мухобоя муха. Ищи брешь в сети шаров. Потом на форсаже ударь по ближайшему.

— Сделаем, командир! — лихо пообещал инк.

Глава 20

ДЫРА В СЕРДЦЕ СОЛНЦА

Лам-ка высадил их, минуя метро, прямо перед приёмной Генерального судьи Международного трибунала, поэтому Артёму и Селиму не пришлось добираться до места назначения по сложным переходам и предъявлять охране сертификаты допуска. Правда, их всё равно задержали — в самой приёмной, роскошной и большой, как волейбольная площадка, с прозрачными стенами из поляризованного стекла, одна из которых смотрела на старинный город.

— Вы записаны на приём? — соткался из воздуха «призрак» секретаря — молодой человек с прилизанными волосами, в костюме по моде «ворк».

— Нет, — честно признался Артём.

— В таком случае вам придётся записаться заранее и предупредить штатные службы проверки личности.

— Передайте хозяину, — сказал Селим холодно, — что у нас есть достоверные данные об агентах Дьявола в его епархии. Думаю, он нас примет.

— Не уверен, — заколебался «секретарь» как живой человек. — Назовите ваши имена.

— Селим Базил Дельвиг Мария фон Хорст. — Селим посмотрел на спутника. — И Артём Кузьма Игнат Филипп Ромашин.

— Я сообщу Генеральному судье. — Секретарь растаял в воздухе.

Однако между гостями и невысоким подиумом, за которым располагался вход в кабинет Рюйтеля, возникла мерцающая пелена: система безопасности кабинета давала понять, что доступ в святая святых Трибунала закрыт для непосвящённых.

— Позовем Лам-ку? — спросил Артём.

— Сами справимся.

Селим коснулся рукой пелены, и в ней образовался радужный водоворот, охвативший запястье полковника. Не поморщившись, хотя на его месте любой человек испытал бы сильнейшую боль, он шагнул в полыхнувшую светом завесу и прошёл её как сквозь плёнку водопада. Оглянулся:

— Забавная штука. Не хочешь попробовать?

— Как-нибудь в другой раз, — улыбнулся Артём.

Тотчас же сзади и спереди возникли молодые люди в синих униках с чёрными нашивками и отворотами. Оружия на их плечах и в руках не было видно, однако, судя по отсутствию мимики, это были витсы охраны, использующие встроенное в тела оружие скрытого ношения.

— Вам придётся сдать оружие, — бесстрастно заговорил один из них на английском языке.

— Не возражаешь? — повернул Селим голову к напарнику.

— Надеюсь, нам его вернут?

— На территории учреждения ношение оружия запрещено! — тем же ровным голосом сказал витс. — Вам его вернут в зале метро.

Артём заколебался.

— Прошу прощения, — сказал фон Хорст вежливо. — Вам придётся выполнить наши требования. Оружие остаётся в этом помещении, мы заберём его, как только закончится аудиенция.

— Невозможно... — начал второй охранник.

— Мы имеем право носить оружие в любом правительственном и частном учреждении. Вот карт-бланш. — Селим жестом фокусника извлёк из кармана серебристо-золотой квадратик, помахал им перед лицом витса, спрятал обратно. — Держите наши «пушки».

Аннигилятор на плече полковника сам собой скользнул из турели ему в руку. За ним последовал молик — нож с молекулярной заточкой.

Селим посмотрел на Артёма.

— Они нам всё вернут.

— Надо было дать задание Лам-ке выпустить нас прямо в кабинете господина судьи, — проворчал тот, отстёгивая «глюк» и передавая его и нож в руки витса.

— Ждите здесь! — звякнул Селим металлом голоса.

Витсы остались равнодушными.

— Проходите.

Дверь в кабинет Рюйтеля растаяла.

Гости вошли.

Рабочий модуль Генерального судьи Международного трибунала оказался ещё более роскошным, чем его приёмная. С виду это был и не кабинет вовсе, а кусочек морского пляжа с пальмами, белым коралловым песком, тихим морем до горизонта и ласковым солнцем. Стол хозяина, похожий на крыло орла, висел над песком в окружении каких-то усыпанных лиловыми цветами кустов. Рядом висели кресла, дополняющие «крылатый» интерьер.

Рюйтель, в белоснежном унике с золотыми эполетами, стоял на берегу моря, заложив руки за спину, и смотрел на воду. Когда гости вошли, он обернулся.

Оплывшая фигура, толстые щёки, седоватые космы в форме птичьих крыльев, по моде Евросоюза последних дней, маленькие глазки неопределённого цвета. На губах — выражение безмерной скуки.

Гости переглянулись.

— Он? — спросил Артём.

— Похож, но не он, — ответил Селим. — Мой сосед повыше и постройней. Хотя морда такая же надменная, кирпича просит.

То ли хозяин кабинета их не понял — разговор шёл на русском языке, то ли не расслышал, но заговорил он (по-английски) спокойно:

— Кто вы?

— Мы из страшно секретного департамента по борьбе с агентурой Дьявола, — веско проговорил фон Хорст, переходя на английский.

— СВР, что ли?

— Нет, ещё секретнее. И у нас к тебе, гнида, лишь один вопрос: чем тебя соблазнили вербовщики Дьявола, что ты взялся работать на него добровольно?

Лицо Рюйтеля осталось высокомерно-равнодушным, но в глазах мигнули колючие искры.

— Я не знаю, кто вы и зачем явились ко мне, но, уверяю вас, господа, отсюда вы уже не выйдете. Или же выйдете идиотами.

— Мы выйдем, — пообещал Селим. — Только ответь на вопрос.

Рюйтель склонил голову набок, нимало не обеспокоенный разговором и вопросом.

— Вас я где-то видел, молодой человек, а вас, господин грубиян, нет. По-видимому, вы и в самом деле служите в каком-то секретном подразделении СВР. Хотя вам это не поможет. Если не секрет: как вам удалось пройти в здание с оружием?

— Через канализацию, — усмехнулся фон Хорст. — А ведь ты, вошь толстомордая, так уверен в своей неуязвимости, что даже завидно. Откуда такая святая наивность? Ведь твой непосредственный хозяин Людвиг Казийски застрелился. Збанацкого мы обезвредили. Ты на очереди. Почему же ты так спокоен? Неужели думаешь, что резидент Дьявола — и с т и н н ы й резидент, а не его завербованный слуга, поможет тебе скрыться?

Рюйтель прислушался к шёпоту рации в ухе, кивнул, продолжая рассматривать гостей.

— Мне доложили, что вас только двое... странно... охрана не зафиксировала никаких приготовлений к штурму здания... Вы не из СВР.

— Не болван, — посмотрел на молчаливого Артёма фон Хорст, — но всё равно иуда. Пойдём отсюда, на него даже смотреть противно. Пусть им занимаются опера СВР.

Они пошли к двери.

— Задержать! — каркнул им в спины Рюйтель.

Навстречу гостям выбежали витсы охраны, а из скрытых люков в «коралловом песке» выдвинулись похожие на броненосцев кибы защиты.

Артём остановился.

Селим фон Хорст оглянулся на Рюйтеля, покачал головой.

— Всё-таки болван. Ты же понимаешь, тварь, что мы могли бы уйти отсюда в любой момент с помощью тайфов. Неужели захотелось повыёживаться?

— Оглушите их! — проговорил Рюйтель бесцветным голосом.

Из узких чешуйчатых морд кибов выдвинулись стволы парализаторов. Но выстрелить они не успели.

Селим фон Хорст исчез!

По «морскому пляжу» промчался вихрь, буквально обрезавший вытянутые морды кибов вместе со стволами парализаторов!

Затем один за другим начали разлетаться в разные стороны витсы — пробитые насквозь страшными сверхскоростными ударами!

Спустя несколько мгновений эфемерный вихрь прекратился, движение остановилось, в воздухе напротив Рюйтеля сформировалась фигура фон Хорста.

— Я этого не хотел, — сказал бывший полковник обыденным голосом, даже не запыхавшись. — Но в будущее тебе дороги нет!

Генеральный судья Трибунала побледнел, затряс щеками, лоб его заблестел от пота.

— Убейте... его!

— Некому, — развёл руками Селим и вдруг начал трансформироваться, изменяться, вытягиваться в высоту, превращаться в металлически бликующего гигантского червя!

Отпрянувший Рюйтель — у него отвисла челюсть — с ужасом смотрел на чудовищное существо, каких он ещё не видел. Попытался выдавить хриплое:

— Убе-бе...

— Жалкий гнусный слизняк! — гулко пророкотал человекочервь. — Неужели Дьявол выбирает холуёв по себе?

Металлическая кольчатая колонна сделала выпад, и Генеральный судья улетел к песчаному пляжу, упал бездыханным, закатил глаза.

Какое-то время гигантский червь нависал над ним грозной живой дубиной, потом начал течь, трансформироваться, уменьшаться, превратился в человека, одетого в спасательный костюм. Посмотрел на задумчивого Артёма т ё м н ы м взглядом:

— Извини, не сдержался.

— Ничего, я понял.

— Как ты думаешь, я бы понравился резиденту Дьявола?

— Главное, что ты нравишься мне, — усмехнулся Ромашин.

Селим усмехнулся в ответ, пошёл было к двери, обернулся:

— Поясняю на всякий случай: у меня теперь другая энергетика, физиология и прочее.

— Ты мало изменился, полковник, — качнул головой Артём. — По-прежнему ты по большому счёту человек. Живи долго.

Селим сверкнул глазами, ощупал ими лицо спутника, молча направился к выходу.

В приёмной они забрали своё оружие, лежащее на столике, вспомнили о своих возможностях.

— Тайфы? — предложил Селим.

— Лам-ка, — не согласился Артём. — Так будет быстрее.

Тотчас же над их головами засверкали искорки изморози. Кто-то деликатно кашлянул.

— Я к вашим услугам, — раздался из воздуха мягкий вкрадчивый голос.

— Лам-ка, ты подсматривал?! — возмутился Артём.

— Ни боже мой! — поспешно ответил голос. — Просто один из моих рецепторов всегда с вами...

— Как бы он помогал нам, не зная, где мы есть? — меланхолично заметил Селим.

— Неси нас домой.

Через несколько секунд они очутились в кабине когга.

— Что случилось?! — бросилась к мужу Зари-ма. — Почему вы так быстро?

— Всё в порядке, — успокоил он её. — Попьём горяченького и отправимся в гости к друзьям.

— Что вы сделали с Рюйтелем?

Мужчины обменялись взглядами.

— Он перешёл на другой уровень нежизни, — серьёзно сказал Селим. — Приготовь-ка нам пунш, милая фрау.

Зари-ма посмотрела на мужа.

— Вы оба какие-то странные.

— Мы просто задумчивые, — мягко обнял её за плечи Артём. — Рюйтель умер. Но он был не дороже своей одежды, не переживай.

— Слуга народа, — проворчал Селим, — считавший себя хозяином этого самого народа. Сделает мне кто-нибудь пунш или нет?

Зари-ма засуетилась, включила линию доставки, сделала заказ.

Через несколько минут они с удовольствием пили горячий

ароматный пунш с добавкой настойки золотого корня, поглядывая на звёзды и зеркальную стену сферозеркала впереди.

По-прежнему вокруг мчавшегося к Солнцу «огнетушителя» крутились корабли земного флота и по-прежнему на них никак не реагировал чудовищный посланец Дьявола, созданный для гашения Солнца.

Селим откинулся в кресле, погладил себя по животу.

— Отменное пойло! Я, конечно, готовлю пунш лучше, но в других условиях. Итак, действуем по плану?

— Мы им уже помогли, — сказала Зари-ма. — Осталось нейтрализовать этот шар, и можно будет возвращаться. Лам-ка, что ты можешь сказать по этому поводу?

Напротив землян возник кот — один из видеопризраков робота, призванный поддерживать визуальный контакт с людьми. В принципе, он мог бы разговаривать с ними и без посредников, используя ментальную связь.

— В Солнечной системе больше нет баз Дьявола. Я обшарил все её закоулки и ничего не нашёл. Агентуру я раскрыл не всю, но теперь с этим справится СВР и в конце концов очистит Систему от мусора.

— Не считал, сколько людей работает на Дьявола? — полюбопытствовал Селим.

— По моей оценке — около ста тысяч человек.

Артём присвистнул.

— Ни фига себе! Если ещё учесть, что всё это чиновники, занимающие определённые посты, то ничего удивительного в рыхлости структуры местного Правительства нет. С помощью такой мощной сети можно забодать любое положительное решение проблемы.

— Да, впечатляет, — кивнул фон Хорст. — Немудрено, что Дьяволу удалось подавить деятельность спецслужб и подготовить новый удар по Солнцу. Однако, майн либер югенд, пора двигаться дальше. Мы еще не решили проблему с пропажей первого солнцехода. Уничтожен он или нет?

— Скорее нет, чем да, — произнёс кот мяукающим голосом. — Мой эффектор постоянно ныряет в замёрзшее солнечное ядро, постепенно суживая горизонт поисков. В ядре Солнца обнаружена странная «дыра», я вам уже докладывал. Похоже, это вход в петлю времени. Можем рискнуть войти туда.

— И не вернуться, — хмыкнул Артём.

— Почему же? Насколько я понял оператора трансгресса, с

которым беседовал не раз, извините за любопытство, — во всех временах есть выходы трансгресса, соединяющего все Ветви Древа Времён. Не удастся вернуться через дырку в Солнце в данную Ветвь — используем трансгресс.

Артём озабоченно посмотрел на встрепенувшегося напарника.

— Погоди, погоди... я об этом не подумал... а ведь верно! Мы практически ничем не рискуем!

— Лам-ка умный! — гордо заявила Зари-ма. — Я всегда это знала!

— Само собой, — кивнул Селим, пряча усмешку. — Создатели вложили в него всё, что знали и умели сами, а ты включила его в нашу нравственную сферу. Теперь он почти человек.

— Ваша правда, герр полковник, — показал великолепную улыбку кот, исчезая. — Куда вас доставить?

— На солнцеход, — сказал Артём.

* * *

Население солнцехода, составлявшее уже без малого полсотни человек, не уместилось в кают-компании на встрече с гостями, поэтому многие просто смотрели трансляцию встречи, оставаясь в каютах.

Встреча прошла в тёплой и дружеской обстановке, сменившей удивление — о подоспевшем на помощь отряде из «альтернативной Ветви Вселенной» знали только несколько человек — и общую настороженность. Присутствие Зари-мы существенно повлияло на женскую половину населения солнцехода, а её удивительная история, связанная с рождением робота Лам-ки, заинтересовала и мужчин.

Вообще гиперптеридский боевой робот, абсолютно не похожий на известные всем высокоинтеллектуальные технические системы типа витсов, сначала воспринимался всеми через призму своего личного опыта и большого впечатления на беглецов не произвёл. И лишь рассказ Артёма о том, кто он такой и что может, а потом и демонстрация кое-каких возможностей Лам-ки возымели на слушателей должное действие.

Настроение экипажа «солнечного крота» повысилось. Впервые после многих бессонных дней и ночей, скитаний по Солнечной системе и пряток внутри дневного светила все почувствовали облегчение и состояние радости, близкое к эйфории. Хо-

тя руководители СВР и понимали, что им ещё предстоит сделать и что вытерпеть.

Через полтора часа общего собрания в кают-компании солнцехода остались только гости и непосредственные руководители СВР: старшие Ромашины, Владилен Ребров, Иван Славин и Саша де Лорм.

— Хочу поблагодарить вас за помощь, — сказал Филипп, за весь вечер проронивший буквально два-три слова. — Без вас мы бы не справились с новой атакой Дьявола. Но радоваться успеху рано. По всей Системе объявились маргинальные хронозеркала — «мертвяки». Есть жертвы. Эти зеркала надо нейтрализовать. Кроме того, к Солнцу мчится очередной «огнетушитель». Его надо останавливать, и чем быстрее, тем лучше. И, наконец, последнее...

— Кузьма... — негромко, но так, что его услышали все, проговорил Игнат, посматривающий на «внука» из другой Ветви с неопределённым ожиданием.

— Дьявол! — тяжело закончил Филипп. — Не Кузьма, конечно, а Система, уничтожающая гуманоидные расы! Судьба Кузьмы — частная проблема. Даже если мы, человечество в целом, отобьёмся от попыток гашения Солнца, Дьявол не бросит своё чёрное дело, пытаясь решить вопрос глобально, в масштабах Галактики, а то и всей Ветви. ОН — проблема! ЕГО надо останавливать!

— Как? — проворчал Славин.

Все почему-то посмотрели на фон Хорста.

Полковник усмехнулся.

— Мы не всесильны. Что могли — мы сделали.

— С нами Лам-ка! — не сдержалась Зари-ма и замолчала, смутившись под взглядом мужа.

— Лам-ка всего лишь уникальный боевой робот, — пожал плечами Селим. — Но и ему подвластны лишь частные задачи. Систему, каковой является Дьявол, может победить лишь другая Система.

По кают-компании разлилось неуютное молчание.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь... — начала Саша де Лорм.

— У вас есть конкретный план? — посмотрел Артём на Филиппа.

Старший Ромашин покачал головой:

— Плана нет. Есть мечта — уничтожить командный пункт це-

ленаправленной агрессии. Уверен, что он существует. По расчётам наших ксенологов, главная база Дьявола, откуда ведётся управление процессом гашения звёзд, находится в центре Млечного Пути.

— Там же чёрная дыра, — скептически поджал губы Славин.

— База может быть её спутником.

— Даже с помощью этого вашего робота оплот Дьявола одним наскоком не возьмёшь.

— Боевые роботы гиперптеридов и иксоидов тоже могли гасить звёзды, — тихо сказал Артём.

На лицах Ромашиных появилось одинаковое выражение: сомнение пополам с надеждой.

— Это правда! — с вызовом сказала Зари-ма. — Лам-ка ещё молод и не обрёл нужной формы, но он может...

— Заря! — остановил жену Артём.

Селим фон Хорст поднял бровь, глядя на него, но ничего не сказал.

— Вы нам поможете? — уточнил Славин.

— По крайней мере предложим решение.

— Вообще-то желательно посоветоваться, — добавил фон Хорст безразличным тоном.

Филипп встал из-за стола, за ним поднялись остальные члены руководства СВР.

— Не будем мешать.

В кают-компании остались только гости.

Однако они не успели обменяться своими впечатлениями от беседы, Филипп вернулся:

— Прошу прощения, друзья. — На лице Ромашина проступило не свойственное ему смущение. — Хотел бы поговорить с вашим роботом...

За столом возник Лам-ка в образе седого мужчины; он уже хорошо овладел правилами этикета и вёл себя не менее вежливо и корректно, чем живой человек.

— Слушаю вас.

Филипп, слегка оторопевший, пожевал губами.

— Извините... я всего лишь обыкновенный человек... отец и дед... и меня не может не волновать судьба внука...

Лам-ка посмотрел на Артёма.

— Мы понимаем, — кивнул тот. — Лам-ка исследовал центральную часть солнечного ядра и предполагает там наличие входа в петлю времени.

Филипп побледнел, по лицу его пробежала судорога.

— Петля времени... вы хотите сказать...

— Мы отдохнём и отправимся туда с полковником. — Артём кивнул на Селима. — Посмотрим, что и как.

— Мы пойдём втроём! — с великолепной уверенностью заявила Зари-ма с запылавшими щеками. — Или не пойдём вовсе!

Глаза фон Хорста и Артёма встретились.

— Заря... — в замешательстве начал Ромашин-младший.

— Я сказала — так и будет!

Артём поискал ответ, не нашёл, посмотрел на Филиппа. Тот поклонился, сделал шаг назад:

— Если дело обстоит таким образом, лучше не рисковать.

— Мы всё равно попытаемся нырнуть в ту дырку, — сказал Селим непривычно мягко. — Вдвоём или втроём, не важно.

Филипп сделал ещё один поклон и вышел.

Трое десантников из «соседней» Ветви Вселенной смотрели друг на друга, подбирая аргументы, но не решаясь начать первыми. Наконец Зари-ма сказала...

Глава 21

В ПЕТЛЮ С ГОЛОВОЙ

Лам-ка отсутствовал сутки.

Появился он в образе молодой уставшей девушки в коротком платьице, что добавило скепсиса присутствующим на очередном заседании руководителям СВР. Но говорила «девушка» строго, сурово, по-мужски, и скепсис вскоре уступил место заинтересованности пополам с удивлением: земные поисково-аналитические системы сделать столь подробный анализ состояния ядра Солнца были не в состоянии.

— Таким образом, мой вывод о существовании открытой хронопетли подтверждается, — закончила «девушка» Лам-ка. — Я запустил туда небольшой энергетический «коготок» с заданием вернуться обратно через определённый промежуток времени. Он вернулся.

— Что он там увидел?! — подался вперёд Игнат.

— О зрении как таковом речь не шла, — скупо улыбнулась «девушка». — Мой посланец принёс образцы ядра Солнца в точ-

ке выхода. Параметры близки тем, что определяют сейчас состояние ядра в наше время, но отличия есть.

— Это прошлое или будущее?

— Петля открыта в прошлое.

— Чего-то я не понимаю, — пробормотал Славин. — Хронозеркала должны поглощать энергию... материю вообще... но в Солнце ничего подобного не происходит.

— Во-первых, объект в ядре Солнца не является сферическим хронозеркалом. Он посложней и реализует одиннадцатимерный физический континуум. По сути это «огрызок» хронозеркала, «голая» временная петля. Во-вторых, её выход в прошлом также привязан к солнечному ядру. Поэтому ни поглощения, ни выброса материи солнечных недр не происходит. Энергообмен возможен лишь при наличии градиента давления и температуры, чего не наблюдается.

— Понятно...

— Что вы намерены предпринять? — спросил Игнат Ромашин, обращаясь к Артёму. — «Огнетушитель» пересёк орбиту Венеры.

— Вам по силам уничтожить его самим, без нашей помощи.

Славин недоверчиво посмотрел на Артёма, перевёл взгляд на его напарника, на Лам-ку:

— В нашем распоряжении только Потрясатель Мироздания... и то, если мы его захватим.

— Мы его захватим, — сказал Филипп Ромашин. — Но Потрясатель требует перенастройки.

— Я его перенастрою, — улыбнулась «девушка». — Ваши учёные сделали все необходимые расчёты. Кроме того, я переброшу Потрясатель на Меркурий, на одну из ваших старых баз. Оттуда будет нетрудно прицелиться в шар и уничтожить его одним импульсом.

— Вы можете... это сделать? — недоверчиво проговорила Саша де Лорм.

— Если он говорит, что может, — заметил Селим невозмутимо, — значит, может.

— Но это же... граничит с волшебством...

— Создатели Лам-ки достигли той стадии оперирования сложнейшими физическими процессами, которую вполне можно назвать технологическим волшебством. Но чему вы удивляетесь? В двадцатом веке никто не мог нырять в Солнце и жить в космической пустоте, а вы это делаете. Чем же это не волшебство?

— Я имела в виду... Потрясатель — огромное устройство...

— Это не имеет значения.

— Хорошо, мы вам верим, — сказал Филипп. — Но вы, наверное, оговорились? Зачем прицеливаться в хронозеркало? Потрясатель создаёт сферическую ТФ-волну...

— После перенастройки он будет формировать луч, искажающий метрику континуума. Поэтому понадобится точная фиксация положения «огнетушителя».

Филипп обменялся взглядом с Игнатом и Славиным.

— Мы готовы, — твёрдо заявил начальник СВР.

— Тогда давайте договоримся о сроках, — предложил Артём.

* * *

Двадцать первого июля две тысячи четырёхсотого года спутник Нептуна Тритон потрясла волна «тритонотрясения», подобная той, что сопровождает падение крупного метеорита. Однако служба наблюдения за пространством никакого метеорита не заметила, и новых кратеров на поверхности спутника не появилось. Лишь позже стало известно, что это взорвался тщательно охраняемый, смонтированный в толще льда на большой глубине гигантский ТФ-эмиттер, известный среди специалистов под названием Потрясатель Мироздания.

Причина взрыва осталась неизвестной. Чтобы добраться до места установки Потрясателя, оперативникам УАСС требовалось не менее месяца, поскольку тоннели, ведущие к Потрясателю, обвалились. А так как все спецслужбы Солнечной Федерации «стояли на ушах» из-за мчавшегося к Солнцу «огнетушителя», судьба Потрясателя никого особенно не взволновала, в том числе и руководство Министерства безопасности. Поэтому никто из высоких начальников и не отдал приказ начать расследование. Всех их в данный момент беспокоили совсем другие проблемы, в частности — проблема сохранения занятых кресел.

Между тем Потрясатель Мироздания — двухкилометровая «еловая шишка» с длинным шипом антенны — остался цел. Только переместился из недр Тритона на поверхность Меркурия, в один из кратеров ночной стороны планеты. Взрыв же в пещере, где он находился, был инициирован Лам-кой специально для того, чтобы какое-то время никто не мог добраться до пещеры и выяснить, что произошло на самом деле.

«Огнетушитель» в это время уже приблизился к орбите Мер-

курия и был виден с его поверхности как на ладони — колоссальная зеркальная махина величиной с Землю, отражающая пламень Солнца и свет звёзд.

Лам-ка не подвёл.

Спустя два часа после переноса Потрясателя он доложил Славину о перенастройке эмиттера, и начальник СВР срочно собрал короткое видеосовещание, на котором заявил о готовности своих подчинённых нанести удар по хронозеркалу.

— Мы тоже готовы, — проворчал Ребров. — Осталось решить одну небольшую проблемку: как заставить космофлот, вьющийся вокруг «огнетушителя», убраться подальше.

— Нет ничего проще, — сказал Селим фон Хорст. — Кто командует флотом в данный момент?

— Комиссар Федеральной СБ Медина, — ответил Игнат.

— Лам-ка проконтролирует, чтобы он на полчаса исчез, а мы передадим в эфир приказ комиссара удалиться всем кораблям на приличное расстояние.

— Его голосом? — уточнил Филипп.

— Вы правильно поняли.

— Действуйте, время не ждёт.

— Время, — усмехнулся фон Хорст. — Если бы вы знали, какое количество разных д л и т е л ь н о с т е й реализует Древо Времён! То, что вы называете временем.

— Изучение этой проблемы пока не занесено в план экстренных работ, — сухо буркнул Ребров.

— Начинаем операцию, — закончил совещание Славин.

...В девятнадцать часов по среднесолнечному времени все корабли космофлота землян, контролирующие продвижение «огнетушителя» к Солнцу, получили ТФ-грамму координатора контроля федерального комиссара Мединыпокинуть пространство возле хронозеркала и убраться от него подальше, не менее чем на миллион километров.

Командиры спейсеров погранфлота и Службы безопасности были людьми военными и послушались приказа беспрекословно. Отказались выполнять распоряжение начальства лишь капитаны трёх кораблей: двух, принадлежащих исследовательским коллективам Академии наук, и одного, давшего приют работникам СЭКОНа, руководитель которого подчинялся агенту Дьявола.

СЭКОН заволновался, комиссару Медине один за другим

понеслись запросы: что происходит? зачем ему понадобилось удалять флот? кто из высшего руководства Федерации позволил ему это сделать? — на что комиссар (на самом деле Лам-ка) честно ответил:

— «Огнетушитель» сейчас взорвётся!

И оказался прав!

Спустя минуту в зеркальной махине, целеустремлённо направляющейся к Солнцу, внезапно появилась растущая чёрная дыра, и сферозеркало начало выворачиваться наизнанку как гигантский цветок тюльпана! Всего за полминуты, то есть со скоростью четыреста километров в секунду (!), оно превратилось в продолговатую сморщенную дыню с разорванным тающим торцом, затем в сдувающийся воздушный шар и наконец лопнуло как мыльный пузырь!

Оба корабля Академии наук были отброшены от места взрыва с такой силой, что их экипажи едва не погибли от удара, превысившего порог антигравитационной защиты. Все шестьдесят пять человек впоследствии пришлось реанимировать.

Корабль с работниками СЭКОНа и чиновниками Правительства на борту просто исчез. От него не осталось ни малейшего следа.

Остальные корабли космофлота, вовремя отплывшие от зеркального шара, уцелели, хотя их и потрепал внезапный пространственный шторм.

Славин созвал срочное видеосовещание — сам он находился в этот момент на Меркурии — сразу после выстрела из Потрясателя. Поблагодарил Артёма, фон Хорста, не забыл Зари-му и исчез. Заканчивал совещание Филипп Ромашин, не покидавший борта солнцехода. Он был необычно рассеян, и лишь Зари-ма тонким женским чутьём поняла причину этой рассеянности: дед думал о внуке, но не решался сказать об этом вслух.

— Мы скоро нырнём в петлю! — заявила она, с состраданием глядя на Ромашина-старшего. — Вот увидите, мы найдём вашего Кузьму!

— Я бы хотел пойти с вами, — сказал Филипп, с усилием приобретая свой обычный уверенный вид. — Это возможно?

Артём посмотрел в потолок.

— Лам-ка, что скажешь?

С потолка просыпалась струйка снежных иголок, но сам робот не появился, вместо этого в головах людей послышался его мысленный голос:

— Решайте сами. Для меня нет разницы, сколько человек разместится в модуле перехода.

— В принципе, мы не надолго, — тактично заметил фон Хорст. — Но если вы настроены рискнуть...

— Мне уже девяносто пять лет, — усмехнулся Филипп. — И для меня это уже не риск.

— Собирайтесь, — сказал Артём. — Через час мы уходим.

— Буду готов. — Филипп поклонился, вышел.

— Похоже, все вы, Ромашины, без башни, — сказал Селим меланхолично.

Однако Артёма это не взволновало. Во-первых, сам полковник относился к породе людей «без башни». Во-вторых, что бы он ни говорил, действовал он всегда в высшей степени великодушно.

Через час все собрались в транспортном отсеке солнцехода, куда Лам-ка перенёс десятиместный когг, по горло заполненный энергией, питанием и оружием.

Славин постарался снабдить уходящих всем необходимым, СВР вскрыла все свои закрома, и хронодесантники теперь вполне могли продержаться без какой-либо поддержки два-три месяца.

Провожали команду только трое: Славин, Ребров и жена Филиппа Аларика.

Говорить было не о чем, все слова были сказаны, и даже Аларика молчала, стиснув руки так, что побелели костяшки пальцев.

— Мы вернёмся! — глухо сказал Филипп, поцеловал жену и полез в люк.

За ним двинулись остальные.

Отверстие люка загустело, приобрело твёрдость металла, исчезло. Какое-то время вокруг зализанной капли летательного аппарата вились струйки снежной изморози, затем он бесшумно растаял в воздухе.

Аларика прерывисто вздохнула.

Ребров обнял её за плечи, повел к выходу из отсека.

* * *

Бросок в чёрную дыру хронопетли ничем не отличался от путешествия по «струне» метро. Или от перемещения по линии трансгресса.

Путешественники даже не успели осознать, что от гигант-

ских давлений внутри начавшего разогреваться солнечного ядра их защищает лишь «волшебство» Лам-ки.

Темнота, падение в бездну, судорожный рывок сердца, покалывание в нервных узлах — и свет в глаза!

Десантники зашевелились, осматриваясь. Но все они по-прежнему находились в органелле рубки когга и видели только запотевшие от холода лицевые пластины шлемов.

— Лам-ка! — позвал Артём.

— Всё в порядке, ликвидаторы Дьяволов, — отозвался гиперптеридский робот сварливо. — Мы перешли границу ундуляции и упали по времени вниз, хотя и продолжаем оставаться в ядре Солнца. Кстати, я был прав, здешнее ядро практически не отличается от вашего, то есть оно тоже заморожено.

— Ты не промахнулся? — осведомился Селим.

— Исключено.

— Долго мы здесь будем торчать?

— Уже выбираемся. Как вы понимаете, мне здесь тоже неуютно.

Экипаж когга почувствовал ещё одно «падение в бездну», отсечку зрения — и аппарат оказался в открытом космосе: впереди — чернота пространства с мириадами звезд, позади — огненное горнило солнца.

— Вот мы и по ту сторону огня, — странным голосом произнёс Филипп.

Никто не понял, к чему он это сказал, но опять же никто и не переспросил, что он имеет в виду.

— Солнечная система, — хмыкнул фон Хорст.

— Неужели мы вернулись обратно? — опечалилась Зари-ма.

— Терпение, сударь мои, терпение, — сказал Лам-ка ворчливо. — Мне потребуется время, чтобы выяснить, куда мы попали. Могу перенести модуль на ближайшую планету.

— Не надо, — сказал Артём, — мы потерпим.

Селим вывел на блистер заднюю часть сферы обзора, и несколько минут они рассматривали пламенную стену Солнца, покрытую сыпью гранул и вихрями светящихся магнитных петель.

— Красиво... — проговорила завороженная Зари-ма. — Я никогда раньше не была так близко от Рада-ила... от Солнца. И этот негодяйский Дьявол хочет погубить такую красоту?!

— Мы ему не дадим! — жёстко пообещал Артём.

Филипп покосился на него — все уже свернули шлемы к плечам, — но ничего не сказал. По его лицу, как и по лицу фон Хор-

ста, нельзя было судить, о чём он думает. И всё же Артёму показалось, что его «прадед» сомневается в успехе экспедиции. Повторил с нажимом:

— Мы ему не дадим!

Лам-ку пришлось ждать больше трёх часов.

Появился он в образе кота: это земное животное почему-то нравилось ему больше, нежели человеческие образы, и лишь негативное отношение человекочервя к племени кошачьих не давало гиперптеридскому роботу насладиться «театром зверей».

— Есть интересные новости, господа спасатели.

— Не выламывайся! — буркнул Селим.

— Прошу прощения, — ответил кот виноватым тоном и превратился в знакомого седого мужчину, но — со змеиной кожей. — Вкратце дела обстоят таким образом. Мы упали на два миллиарда лет вниз по времени. Хотя это пока лишь предварительные прикидки. Вполне может быть, что это вовсе не прошлое Солнечной системы, а другая Метавселенная, очень похожая на вашу.

— Минуту, — нахмурился Филипп. — Вы хотите сказать, что мы попали... в другую Ветвь?

— Подчёркиваю: это всего лишь моё предположение. Мне не хватает информации для детального анализа обстановки. Потребуется некоторое время. Далее. Система населена. Но её хозяева — не гуманоиды.

— Не люди?! — тихо охнула Зари-ма.

— Положение весьма необычное. Жизнь здесь зародилась на спутнике восьмой планеты...

— Урана? — уточнил Артём.

— Нептуна. Между орбитами Марса и Юпитера существует ещё одна планета.

— Неужели Фаэтон? — удивился фон Хорст.

— Насколько мне известно, Фаэтон — одна из земных легенд, имеющая под собой реальную почву. Возможно, такая планета действительно когда-то существовала в Солнечной системе, но была разорвана на куски под влиянием Юпитера. Здесь такая планета есть, а пояса астероидов нет. Кстати, она заселена.

— Кем?

— Вот тут я вас удивлю. Жизнь возникла на самом большом спутнике восьмой планеты, имеющем аналог в Солнечной системе.

— На Тритоне?

— Совершенно верно. Разум здесь избрал переходную форму

от минерального к биологическому царству, и длилась эта фаза почти миллиард лет, породив интереснейшую расу «полуживых существ». Потом появились иные носители разума, которых вы, наверное, назвали бы насекомыми. Хотя различий между ними и земными насекомыми больше, чем сходства. Они постепенно колонизировали все планеты своей Системы от первой...

— Меркурия?

— ...до последней и даже начали посещать звезды. Но тут взбунтовались их бывшие рабы, искусственные организмы, выполняющие всю тяжёлую чёрную работу.

— Роботы, что ли? — хмыкнул Артём.

Лам-ка улыбнулся; слова младшего Ромашина имели обидный оттенок, но обижаться гиперптеридский робот не умел.

— Прошу учесть, что я тоже робот. И, кстати, тоже создан негуманами.

— Тебя формировала человеческая психика, — флегматично заметил Селим.

— Вам повезло, — лукаво улыбнулся Лам-ка. — В противном случае меня бы с вами не было. Боевые роботы гиперптеридов мало чем отличались от моллюскоров.

Артём посмотрел на Ромашина-старшего.

— В нашей Ветви произошла битва между иксоидами, создавшими моллюскоров, и гиперптеридами, создавшими так называемых джиннов, роботов-разрушителей, коллег Лам-ки. В результате войны были уничтожены многие звёздные системы и даже целые галактики. Потом оставшихся роботов-джиннов и моллюскоров заключили в особые могильники на планетах окраины нашей галактики Млечный Путь, а Лам-ка вырос на родине Червей Угаага...

— Из икринки, — заметила с улыбкой Зари-ма.

— Один из «джиннов», случайно попавший в Солнечную систему, — продолжил Артём, — оставил в кольцах Сатурна «икру» — бриллиантиды, из которой могли вылупляться зародыши «джиннов».

— Одна такая бриллиантида оказалась у меня. — Девушка искоса посмотрела на слегка порозовевшее лицо мужа.

— Ясно, — кивнул Филипп. — Лам-ка родился у вас, и вы его воспитали.

— Теперь он мой друг!

— Наш друг, — уточнил Артём. — Он помог нам... там, в наше время и в нашей реальности.

— Продолжай, — напомнил фон Хорст тему разговора Лам-ке.

— Таким образом, восставшие роботы-рабы здесь захватили в конце концов местную планетную систему и в настоящее время занимаются методическим уничтожением прежних хозяев. Мало того, они попали под влияние той самой разумной силы, которую вы назвали Дьяволом, и теперь являются проводниками его политики. У них даже есть собственный завод по производству хронозеркал — над Юпитером. Я стал свидетелем запуска одного большого сферического зеркала за пределы Солнечной системы и трёх сотен совсем маленьких.

Мужчины замолчали. В кабину когга спустилась тишина.

— Великолепно! — нарушил эту тишину фон Хорст, посмотрел на Филиппа. — Теперь вам понятно, откуда у вас появляются «огнетушители»?

— Непонятно, — качнул головой «параллельный прадед» Артёма. — Некоторые сферозеркала летели к Солнцу из-за пределов Солнечной системы. Лишь последнее зеркало появилось за орбитой Юпитера. Мы считали, что Останавливающие — это собирательное название конкурирующей с Наблюдателем разумной структуры, так называли Дьявола представители мантоптеров, которые летели к нам предупредить о зеркалах, — находятся где-то в другой галактике за пределами нашего звёздного скопления.

— Возможно, в каждой галактике существует некий объединяющий командный пункт Дьявола, которому подчиняются региональные базы. Но лично мне представляется, что главный императив-центр находится в д р у г о й Ветви.

Филипп, прищурясь, ответил на мрачный взгляд фон Хорста.

— Вы считаете...

— Этот центр находится здесь! Я имею в виду Ветвь. Лам-ка хороший исследователь, но он всего лишь колоссальных возможностей палочка-выручалочка! «Джинн»! Робот! Его не учили подходить к проблеме системно, мыслить широко и опираться на п р о з р е н и е!

— Благодарю за прекрасный отзыв, — поклонился седой «призрак» Лам-ки.

— Не за что.

— Прошу прощения, — проговорил Филипп смущённо, глянув на Лам-ку.

— Он прав, — усмехнулся седой. — Мои выводы всегда опираются на базу данных, в отличие от людей, на которых снисходит

просветление. Мне это недоступно. Однако я уже почти закончил, милые мои. Осталось оценить потенциал господствующей в данной планетной системе расы, потенциал их противника, возможные последствия противостояния и намерения владельцев по запуску «огнетушителей».

Филипп быстро поднял голову и опустил, не решаясь задать главный вопрос, ради чего он вошёл в состав экспедиции.

Артём понял его реакцию правильно.

— Солнцеход здесь?

— Не знаю, — сконфузился Лам-ка. — Я ещё не всю Систему обследовал. На первых пяти планетах его нет.

Все посмотрели на Ромашина-старшего, сидящего с каменным лицом.

— Они должны быть здесь, — проворчал фон Хорст.

— Мы их найдём, честное слово! — воскликнула Зари-ма.

— Подождите-ка, — сказал Артём задумчиво. — Они вышли раньше нас...

— И что? — поднял бровь Селим.

— Для нынешних хозяев Системы они — враги!

— Ну-ну?

— За ними наверняка начнут охоту.

— Допустим. Ты хочешь сказать, что солнцеход уже уничтожен?

— Лам-ка, ты проследил, куда запущены малые хронозеркала? По твоим словам, завод выбросил их не меньше трёх сотен.

— Нет, — озадаченно ответил «джинн».

— Проверь!

— Слушаюсь. — Седой исчез.

Селим фон Хорст смерил Ромашина-младшего оценивающим взглядом, покачал головой:

— Неплохая идея.

— Что ты задумал? — требовательно обратилась к мужу Зари-ма.

— Маленькие хронозеркала даже в большом количестве невозможно использовать в качестве «огнетушителей», — негромко сказал Филипп.

— Верно, — кивнул Селим. — А вот в качестве оружия или особого рода «охотничьих собак» при загоне крупного «зверя» — можно.

— Какого зверя? — не поняла девушка.

— Я имею в виду солнцеход. Если твой муж прав, местные

сторожа используют хронозеркала для поимки или уничтожения наших парней.

— Ой! — закрыла рот ладошкой Зари-ма.

Мужчины переглянулись, хорошо понимая друг друга.

Ждать Лам-ку пришлось больше часа.

В органелле рубки возникла фигура девушки в лёгком платьице и проговорила мужским голосом:

— Я их нашёл!

— Ура! — захлопала в ладоши Зари-ма.

Филипп Ромашин сцепил челюсти, взглядом выражая все свои надежды и сомнения.

— Солнцеход крутится в ядре местного Юпитера, — продолжала «девушка». — Малые хронозеркала преследуют его и не дают вырваться за пределы планеты.

— А ходить «по струне» он не умеет, — хмыкнул фон Хорст.

— Так чего мы ждём? — заторопилась Зари-ма. — Надо их спасать!

— Ради этого мы сюда и прибыли, — пожала плечами Ламка-«девушка».

Глава 22

СИГМАЛОГИКА

Игнат Ромашин выключил консорт-линию связи с Главным Стратегом Управления, потёр кулаками глаза, собираясь принять душ и лечь спать, и в это время ему позвонил Гилберт Шоммер:

— Не разбудил?

— Ещё нет, — ответил Игнат, внезапно настораживаясь: Шоммер прежде никогда не искал сотрудников Службы безопасности сам; наоборот, приходилось искать его. — Что случилось?

— От наших парней вестей нет?

Ксенолог имел в виду отправившихся в другую Ветвь Артёма, Зари-му и Селима фон Хорста.

Игнат внимательно посмотрел на коричневое от загара лицо Гилберта, но перед ним явно стоял «нормальный» человек, а не ангелоид, каким когда-то был Шоммер недолгое время.

— Пока нет.

— Это неправильно.

— Они и не должны были сообщать нам о своих действиях. С ними Лам-ка.

— Боюсь, гиперптеридский боевой робот не справится.

— Говори конкретнее, — не выдержал Игнат. — Что тебе известно?

— Я поработал с той базой данных по Дьяволу, которой меня снабдили наши визави из другой Ветви. Дьявол — негуман, а все негуманы используют сигмалогику, или, в переводе на дилетантский язык, контралогику.

— Без терминологии.

— А без терминологии всё просто. Ветвь, где живёт Дьявол, «засыхает». То есть если наши Метавселенные расширяются, а Ветвь, где живёт твой «параллельный» сын Кузьма, и вовсе расширяется с ускорением, то Ветвь Дьявола сжимается.

— Ну и что?

— Она тоже сжимается с ускорением. Понимаешь? Дьявол хочет жить долго, а законы его Метавселенной не разрешают ему жить долго. Что в таком случае он станет делать?

Игнат помолчал.

— Искать выход.

— Правильно! — обрадовался Шоммер. — Он начнёт искать выход, но не фигурально, а физически — в другую Метавселенную! Ту, которая расширяется. И он нашёл такой континуум! Дальше начинает работать его сигмалогика.

— Он начинает уничтожать конкурентов!

— Соображаешь, комиссар. Дьявол не хочет переселяться в другой дом, уже заселённый иными разумниками. Ему нужен п у с т о й дом! Отсюда его стремление уничтожить всех, кто живёт в месте переселения. Кстати, не факт, что он на этом успокоится. Завоевав Ветвь наших соседей, он наверняка обратит внимание на соседние Ветви, на нашу в том числе. А что это будет означать?

— Что нам следует ждать «огнетушитель»?

— Что нам надо задавить агрессию в зародыше! Мы правильно сделали, отправив наших ребят в мир Дьявола. Но им одним с ним не справиться. Ибо Дьявол — это разумная с и с т е м а!

— Мы сами только-только управились со своими бедами.

— Разве это снимает с нас ответственность за судьбы Вселенной? Как бы выспренно это ни звучало. Не знали бы о Древе Времён, о положении дел, жили бы спокойно. Но ведь мы знаем!

Игнат ещё раз пристально посмотрел на обманчиво-меланхо-

личное лицо учёного, никогда прежде не затрагивающего темы ответственности людей, обладающих знанием и властью. Однако ничего «ангелоидного» в облике Шоммера не было. Он говорил, что думал.

— Почему им не поможет Наблюдатель?

— Потому что он пока не родился. Наблюдатель ещё только б у д е т. Все его выходы в Ветвь с помощью хронозеркал — попытки виртуального предупреждения о том, что может случиться. Человечество в этой Ветви — еще не с и с т е м а.

— Мы тоже — ещё не с и с т е м а.

— Мы знаем больше. Но главное, что если мы объединимся с человеческой расой в других Ветвях, мы как раз и образуем мощную разумную Систему, с которой не справится ни один Дьявол!

Игнат заложил руки за спину, прошёлся по комнате, размышляя над словами учёного, тряхнул головой.

— Хорошо, я тебя понял. Объединение решит многие проблемы. Но мы пока ещё не объединились, а Дьявол ждать не будет. Что ты предлагаешь конкретно?

Шоммер ухмыльнулся, развёл руками:

— Извини, дорогой комиссар, я всего лишь ксенолог, специалист по логике негуман. Вы безопасники, вам и карты в руки. Игнат-два, уходя, дал вам линию связи? Можно с ним связаться?

Ромашин озабоченно поскрёб пальцем подбородок.

— С ним беседовал Калаев... должна быть какая-то связь. В крайнем случае мы можем связаться с их Ветвью через трансгресс.

— Вот и связывайтесь. Проблема Дьявола не терпит отлагательств. Либо мы найдём способ остановить его агрессивные устремления, либо в скором времени и нам придётся решать проблему защиты от «огнетушителей». А мы ещё не ангелоиды.

Игнат вздёрнул голову, встретил ухмылку Шоммера.

— Ты...

— Нет, — качнул головой учёный. — Я был проекцией ангелоида очень короткое время. Остался лишь его след... в уме... в душе... Просто я понял, что в любой ситуации надо оставаться человеком. Вспомни Селима. Сколько пришлось пережить полковнику, сражаясь с негодяями разных уровней? Кем он только не был! В том числе — человекочервем и человекомоллюскором. Но остался при этом человеком! Это — путь!

Игнат прошёлся вокруг виома, сосредоточенный на своих

размышлениях. Шоммер следил за ним, склонив голову к плечу. Наконец Ромашин принял решение:

— Дай мне свои расчёты.

— Уже послал.

— Я свяжусь с Калаевым, надо всё обсудить.

— Ты знаешь, как меня найти.

Вином связи погас.

В спальню вошла Дениз в мягком халатике. Несмотря на возраст, она была ещё восхитительно красива и женственна.

— С кем ты разговаривал?

Игнат не ответил, разглядывая жену по-новому, со странной нежностью и сожалением.

Она подняла брови, не понимая его реакции, подошла ближе, нахмурилась:

— Плохие известия? От Артёма?

— Он сказал — всё решает с и с т е м а... Любая система должна иметь базу... в нашей Ветви такая база есть — женщина...

— Ты о чём?!

Игнат улыбнулся, пряча в глазах грусть, мягко привлёк жену к себе:

— Мы победим! Потому что любим. Дьяволы не знают, что такое любовь...

Глава 23

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...

Пассажиры солнцехода поняли концепцию стратега, управляющего охотниками, когда вдруг оказалось, что земная машина окружена хронозеркалами со всех сторон.

Какое-то время Дэву удавалось маневрировать, сохраняя дистанцию между шарами, неутомимо группирующимися вокруг, и «кротом». Однако пришёл момент, и солнцеход превратился в мечущуюся мошку, на которую со всех сторон жадно бросались «летучие мыши» — зеркальные шары, поглощающие энергию и вещество юпитерианских недр, как Гаргантюа — макароны. «Мыши» не намного превосходили по размерам земной аппарат, но любое их касание могло закончиться гибелью экипажа, и Дэву ничего не оставалось делать, кроме как избегать «тесных дружеских объятий».

— Надо прорываться, — заметил Хасид, не спуская глаз с неровной сети чёрных «вишен» в окне дальновидения: шары хро-

нозеркал были близко, всего в десятке километров по радиусу. — Мы вспахали ядро Юпитера так, что на его поверхности скоро начнутся ураганы и тайфуны.

Кузьма не ответил.

— У нас скорость больше, — неуверенно сказала Катя. — Может, проскочим?

Кузьма молчал.

— В конце концов когда-то надо будет прорываться, — сказал Хасид тем же безразличным тоном.

Кузьма молчал.

— Иначе нас зажмут в угол, — хихикнула Катя.

— Расстояние до ближайшего хронозеркала семь километров, — сообщил Дэв.

Кузьма по-прежнему молчал.

— Заснул, что ли? — не выдержала девушка. — Надо что-то делать!

— У нас нет другого выхода, — заговорил наконец Кузьма. — Таран нас не спасёт. Вся надежда на маневренность «крота» и на реакцию Дэва. Вы готовы к смерти?

В рубке стало совсем тихо.

Потом Катя выбралась из кресла, подошла к креслу Ромашина. То же самое сделал Хаджи-Курбан. Кузьма подумал мгновение, вылез, и они обнялись. Потом так же молча заняли свои места.

— Дэв, — позвал Кузьма, — мы готовы. Попробуй прорваться. Я понимаю, их слишком много, и шансы невелики, но у нас и в самом деле нет другого выхода.

— Понял, командир, — ответил инк тоном озабоченного человека. — Сделаю всё, что смогу.

Солнцеход повернул, закручивая петлю в становящейся тесной сфере окружения, и вдруг прыгнул прямо навстречу ближайшей чёрной «вишне», словно собираясь пробить её насквозь!

Дальнейшие события развернулись в течение нескольких секунд.

Поскольку объект охоты сам ринулся «в объятия» ближайшей «охотничьей собаки», командир охот-группы не стал передвигать свою «стаю», лишь слегка сдвинул ряды хронозеркал за первой цепью, то есть — за сетчатой оболочкой сферы загона. Но солнцеход и не собирался таранить шар хронозеркала. Когда до столкновения оставались какие-то две сотни метров, — около четырёх десятитысячных доли секунды на той скорости, какую развил «крот», — он метнулся в сторону под прямым углом, не

меняя скорости (поглотители инерции сработали безотказно), обошёл трёхсотметровую «хроняму» и, врубив форсаж (скорость скачком возросла до пятнадцати тысяч километров в секунду, с такой быстротой солнцеход ещё не ходил внутри плотных планетных ядер), метнулся в щель между сферозеркалами первой цепи. А потом и второй.

Однако и направляющий сферозеркала «егерь» не дремал.

Скорость шары набирали медленнее, чем солнцеход, но их было много, и командиру охотников ничего не стоило бросить наперерез земной машине дополнительную сотню «охотничьих собак».

Время как бы остановилось.

Солнцеход увернулся от одной чёрной «вишни», точнее, от гигантской «тыквы», от другой, третьей, четвёртой, нашёл дыру между тремя летящими шарами и почти вырвался... но внезапно наткнулся на препятствие, которого не ожидал встретить никто.

Последний шар хронозеркала лопнул! Вернее, превратился в стремительно расширяющуюся плоскость! И Дэв не смог миновать край этого чёрного пятна, несмотря на крутой вираж.

Солнцеход «срикошетировал» от градиента кривизны пространства под острым углом (пассажиры в рубке аппарата потеряли сознание от инерционного удара, превысившего защитный потенциал), но всё же коснулся края чёрной плоскости! Что произошло дальше, никто из экипажа «крота» уже не увидел.

Солнцеход не провалился в «яму» хронопетли. Его просто «вывернуло» в обратном направлении, будто он и в самом деле отразился от зеркала как луч света.

Дэв практически оглох и ослеп, потеряв значительную часть своих интеллектуальных функций.

Скорость солнцехода резко упала, и на него хищно кинулись «загонщики», собираясь заключить в чёрный колодец инобытия.

Однако внезапно недра Юпитера передёрнула судорога, и земной аппарат исчез!

Напрасно искали его бестолково засуетившиеся шары хронозеркал. Объект безусловного уничтожения пропал, растаял в сверхплотном водородном льде, превратился в дым, в ничто!

Кузьма очнулся сразу же, как только в рубке восстановилась нормальная гравитация. Осмотрелся, ничего не видя сквозь кровавый туман в глазах. Отмахнулся от услуг медицинского киба, предложившего какие-то лекарства.

— Катя! Хасид!

Никто ему не ответил.

Кузьма раскрыл кокон кресла, вывалился из него на колени, с трудом встал и, шатаясь, добрался до кресла девушки.

В рубке вдруг объявились какие-то люди, но он не обратил на них внимания.

— Катя! Очнись!

Руки соскользнули с полупрозрачных лепестков защитного кокона. Лежащая внутри подруга не пошевелилась.

— Катя! — закричал Кузьма. — Вставай! Дэв, раскрой кресло!

— Она... умерла... — раздался под сводами рубки незнакомый вибрирующий голос инка.

— Не может быть! — Кузьма замолотил кулаками по упругим лепесткам. — Катя, очнись! Отключи систему! Дэв, быстро её в медицинский отсек!

— Успокойся, — раздался сзади ещё один голос. — Отойди на минутку.

Чьи-то руки легли на плечи Кузьмы, он обернулся, слепой от горя и отчаяния.

На него смотрели три пары глаз, принадлежащих незнакомой хрупкой девушке, парню и лысому старику со светящимися ледяными глазами.

— К-кто вы?!

— Отойди на минутку, — повторил парень; он кого-то смутно напоминал.

Кузьма вытер лицо тыльной стороной ладони, выпрямился.

— Как вы здесь оказались?

— Все объяснения потом.

Кузьма отступил.

— Лам-ка, посмотри, что с ней.

— Смотрю, смотрю, — прозвучал из воздуха чей-то ворчливый голос.

С потолка на людей просыпалась струйка снежных искорок.

Сами собой расслабились и опали помертвевшие лепестки Катиного кокона. Потом собрался в гармошку конусовидный шлем, открывая бледное, с синими тенями под глазами и заострившимся носом, лицо девушки.

Кузьма вскрикнул, бросился к ней.

Какая-то сила остановила его, он ударился всем телом о невидимую преграду, раскинул руки.

Молодой человек взял его под руку, оттащил назад.

— Подождите немного, вы ничем ей не поможете. Лам-ка, что молчишь?

Возле кресла Кати проявился колеблющийся призрак кота, перетекающий в призрак девушки и вслед затем в смутную тень седого мужчины. Призрак оформился в плотную фигуру, но пропал.

— Ничего хорошего, — раздался из воздуха знакомый мужской голос. — У неё разорвана сердечная сумка.

Кузьма изумлённо ахнул, но тут ему стало плохо, и он мягко опустился на пол, не видя, что вокруг захлопотали нежданные гости.

— Что с ним? — осведомился фон Хорст, подойдя ближе.

— Сердечный приступ, — отозвался Лам-ка. — У них у всех повреждены сердечные клапаны от резкого скачка давления крови.

— Их надо срочно в реанимацию! — буркнул Артём, склонившись над своим «параллельным отцом», который ещё не стал отцом.

— Я попробую подлечить их.

— Ты же... — Кузьма хотел сказать: «негуман», но сдержался.

— Я, конечно, совсем не врач, — седой собеседник появился вновь, — однако немного разбираюсь в человеческой физиологии. Приходилось в своё время постигать азы биологической конституции человека.

Лам-ка бросил взгляд на Зари-му.

Девушка смутилась.

— Он мне помогал... еду синтезировал...

Артём выпрямился.

— Екатерина будет жить?

Седой «призрак» Лам-ки расплылся дымком, растаял. Из воздуха прилетел его ставший тонким и ломким голос:

— Не знаю.

Раскрылся кокон соседнего кресла. На гостей исподлобья глянул зелёный от пережитого сердечного приступа Хасид Хаджи-Курбан.

— Спасатели?

Артём и фон Хорст обменялись короткими взглядами.

Филипп Ромашин, сидевший до этого момента на корточках возле сына, поднялся.

— Вы?! — изменился в лице Хасид. — Какими судьбами?!

— Я опоздал, — тихо произнёс Филипп. — Появись мы на минуту раньше...

— Никто не знал, что здесь происходит, — мрачно сверкнул глазами Селим. — Хотя, в принципе, можно было догадаться.

— Что с ними? — кивнул на друзей Хасид.

— Нечто вроде инфаркта.

Лицо полковника сделалось мучнисто-бледным. Он с усилием выпростался из кресла, прислушался к своим ощущениям. На лбу выступили капли пота.

— Ханна олалла... чёрт! Никогда ничего не болело...

— Вы коснулись разворачивающегося хронозеркала, — сказал Артём. — Лам-ка еле успел нейтрализовать горловину мёртвой хронодыры.

— Какой?

— Эти хронозеркала — «мертвяки». Назад они выпустили бы одни трупы.

— Мы так и подумали. С обычными хронозеркалами охотиться за нами нет смысла.

— Ну почему же? — хмуро возразил фон Хорст. — Вы застряли бы внутри зеркала на какое-то время, и охотники успели бы окружить шар, а потом расстрелять вас в упор. Разве, кроме шаров, за вами никто не гонялся?

— «Каракатицы». — Хасид заметил взгляды собеседников, добавил: — Это местные пограничные корабли. У них есть оружие, с которым наша защита не справляется.

— Вот они бы вас и накрыли. Хотя «мертвяки» лучше.

Лежащий навзничь Кузьма зашевелился, открыл глаза.

Хасид наклонился над ним, но сил не хватило, и он опустился на колени. Филипп присел рядом на корточки.

— Дед... — проговорил Кузьма едва слышно. — Там Катя...

— Лежи, тебе нельзя двигаться.

— Катя... — настойчиво повторил Кузьма, поднимая голову и ища глазами кресло девушки. Заметил Артёма, замер.

Артём приблизился.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Я тебя где-то видел...

— В зеркале, — кивнул Артём серьезно. — Я сын Кузьмы Ромашина, родившегося в другой Ветви Вселенной.

— Не понял...

— Потом объясним. — Филипп и Хасид помогли внуку сесть. — Мы перенесём тебя в медотсек.

— Не надо. — Кузьма вцепился в руку друга, с трудом встал, поковылял к креслу Кати, по-прежнему не подающей признаков жизни. — Она... умерла?

— Нет, — ответил невидимый Лам-ка. — Она в коме. Я подлатал её сердце, но моих знаний не хватает, чтобы произвести качественное лечение. Нужны какие-то реанимационные мероприятия.

— В таком случае мы возвращаемся, — твёрдо сказал Филипп.

— Одну минуту, — сказал Селим. — Лам-ка, сколько она может продержаться в таком состоянии?

— Я понизил температуру тела и могу контролировать жизненно важные функции несколько часов.

— Тогда у меня предложение: давайте уничтожим этот грёбаный завод хронозеркал над Юпитером. И вернёмся.

— Не стоит рисковать... — начал Филипп.

— Лам-ка сделает это без нашего вмешательства.

— Попробую, — ответил гиперптеридский робот вежливо. — Хотя понадобится пара часов для анализа ситуации.

— Подождём? — Селим посмотрел на мужчин.

Те в свою очередь обратили взоры на Кузьму, прижавшегося к Кате.

— Я за возвращение, — тихо проговорила Зари-ма, с состраданием глядя на «будущего отца её мужа».

— Нет! — невнятно произнёс Кузьма.

Все замерли.

— Полковник прав: завод надо уничтожить! Иначе он и дальше будет посылать в Галактику шары-убийцы! Этот беспредел надо остановить!

— Жду приказаний, — лаконично сказал Лам-ка.

Глава 24

ПРЯМАЯ АТАКА

Игнату показалось, что где-то разбился стеклянный бокал.

Он прислушался, вопросительно глянул на Реброва, сидевшего напротив за столом, и тот включил консорт-линию.

Над столом возник виом передачи.

— Объявлена тревога по форме АА! — доложил дежурный ин-

формационной службы СВР. — К Солнечной системе летят шары хронозеркал!

Ромашин и Ребров выдержали паузу.

— Сколько? — спросил охрипшим голосом бывший комиссар безопасности.

— Около сотни.

— Твою мать! Откуда они взялись?!

— Не могу знать.

— Форма «три нуля» всем нашим службам!

— Уже пошла в эфир.

— Славин знает?

— Так точно. Он сейчас вместе с мадам де Лорм перешёл на борт спейсера «Крадущийся тигр».

Вином погас.

Ребров шибко поскрёб макушку.

— Что это значит?!

— Не знаю, — угрюмо сказал Игнат. — Возможно, это реакция резидента Останавливающих на наши успехи. Возможно, Дьяволу надоело ждать, когда его команда справится с нашим сопротивлением. Ясно одно: с такой прямой массированной атакой нам не справиться!

Ребров вылез из-за стола, но снова сел.

— От Филиппа ничего?

— Прошло всего четыре дня.

— Поехали на «Крадущийся».

— Зачем?

— Посмотрим, что творится, своими глазами. И посовещаемся с Иваном.

Игнат молча включил тайф.

Через несколько секунд они вышли из отсека метро спейсера погранслужбы «Крадущийся тигр» и поднялись в зал визинга, где собрались руководители СВР.

Корабль шёл над поясом астероидов, и виомы зала показывали искристую полосу внизу, под спейсером, панораму космоса с полосой звёзд Млечного Пути вверху и яркую звезду — Солнце между ними.

В окнах дальновидения, оконтуренных красненькими пунктирчиками, виднелись «воздушные шарики», изредка бросающие звездные блики. Это были шары хронозеркал.

— Куда они направляются? — спросил Ребров.

На пришедших оглянулись; всего в зале визинга находились

пять человек, в том числе Саша де Лорм, Иван Славин и командир спейсера Рене Спиноза.

— Покажи схему, — обратился последний, черноволосый и черноглазый испанец, к инку зала.

В общей панораме обзора возникли паутинки орбит центральных планет Солнечной системы, вспыхнул светлячок — Солнце. Затем засветились оранжевым десятки стрелочек, нацеленные на планеты.

— Большинство шаров летит к Солнцу, — заговорил Спиноза. — К Земле направляются шесть штук, к Венере три, к Меркурию десять, к Марсу пять.

— Размеры?

— Самые большие — до тысячи километров в диаметре.

Ребров посмотрел на Игната, хмыкнул.

— Мелочь пузатая... Дьявол решил поиграть в бильярд?

— Шары маневрируют, — негромко заметила Саша де Лорм.

— Ну и что?

— Дьявол знает, что у нас есть Потрясатель Мироздания, работающий как снайперская винтовка. Из него надо целиться. Мы не сможем уничтожить все шары.

— Откуда Дьявол мог узнать, что мы передислоцировали Потрясатель на Меркурий и перенастроили?

— Это вопрос не ко мне.

— Мы работаем, — сухо заметил Славин, — ищем оператора, допустившего утечку информации, или лазутчика. Он явно среди нас. Я не имею в виду присутствующих.

— Может быть, вернуть Потрясателю былые возможности? — предложил Ребров.

— У нас нет специалистов такого класса. Нужен этот робот, Лам-ка.

Ребров покачал головой, разглядывая схему движения хронозеркал по Солнечной системе.

— Лам-ки нет. И когда он вернётся, неизвестно. Сколько у нас времени до прямой атаки хронозеркал на планеты?

— Два-три дня, — ответил Спиноза. — К Марсу они подойдут уже завтра утром.

— Паника...

— Что?

— Будет паника. Народ ломанётся штурмовать метро, искать убежище вне Солнечной системы.

— Нужно срочно послать гонца за Лам-кой и всей нашей командой, — проговорила Саша де Лорм.

— Каким образом?

— Дыра в ядре Солнца сохранилась. Значит, шанс есть. Могу пойти я. — Саша с вызовом посмотрела на Игната.

Но тот не обратил на её тон внимания.

— Пойду я. Готовьте машину.

— У нас нет второго «крота».

— Хватит того, что есть. Высаживайте всех наших на одну из запасных баз, и я поведу солнцеход в центр Солнца.

— Нам дали выход на трансгресс. — Славин кивнул на чёрное необозримое поле космоса. — Не лучше ли воспользоваться им и сообщить нашим друзьям из параллельной Ветви о возникших проблемах?

Игнат покачал головой.

— Потеряем время. Пока мы сориентируемся, пока там найдут решение, пока отыщется Лам-ка... Я сделаю это раньше.

— А если мы начнём отстрел хронозеркал?

— При первом же выстреле нас засекут, и на Меркурий кто-нибудь сбросит десант. Вряд ли наши парни смогут отбиться от федералов. Вернее, отбиться, может быть, и смогут, но Потрясатель наверняка будет повреждён.

— Если тебе не удастся разыскать группу поддержки вместе с Лам-кой в течение ближайших суток, нам всё равно придётся начать нейтрализацию зеркал, когда они приблизятся к Марсу.

Игнат сжал губы, помолчал.

Схема движения зеркальных шаров к Солнцу исчезла.

Вместо неё в окне дальновидения появился один из шаров, видимый на фоне звёздной россыпи как чёрное круглое пятно. Вокруг него роились светлячки земного космофлота, но они ничего не могли сделать с пришельцем, суть действий которого сводилась к одной функции — поглощать энергию, вещество, материю в любом виде. Всё, что он глотал, шар хронопетли потом возвращал, но уже иначе, концентрированно, узким направленным пучком. Возвращал он и биологические объекты, однако — неживыми! Как уже стало известно, к Солнцу и поясу внутренних планет летели «мертвяки».

— Нужно во что бы то ни стало найти центр управления хронозеркалами! — проговорил наконец Ромашин. — Найти и уничтожить!

Глава 25

ПОЕДИНОК

Как оказалось, Лам-ка не стал выдергивать солнцеход из недр Юпитера, а оставил его там же, только в другом районе, накрыв аппарат вуалью невидимости.

«Охотничьи псы» — шары хронозеркал — мгновенно потеряли его из виду и разбрелись кто куда, перестав подчиняться воле главного охотника. Об этом главном и зашла речь, когда все немного успокоились и пришли в себя.

Предположений — кто он такой и где свил гнездо в местной Системе — было предостаточно, однако никто так и не смог догадаться, что происходит в действительности. Лишь Селим фон Хорст пошутил, что их фантазия имеет пределы, в то время как мир намного сложней и необычней.

Он оказался прав.

Вернувшийся из поиска Лам-ка сообщил новость, от которой у всех случился лёгкий шок.

— Я знаю, кто здесь командует парадом. Не догадаетесь.

— Мы уже головы сломали, — признался Хасид, наблюдавший за Кузьмой, который не отходил от кресла Кати.

— Говори, — потребовал Селим.

— Разум в местной Системе избрал форму роя. Кстати, создатели взбунтовавшихся роботов мало чем отличаются от своих изделий. Так вот, управляет всем роем матка. Её солдаты — те самые «каракатицы», что преследовали вас и гонялись за бывшими хозяевами.

— Кажется, я догадываюсь, — сказал фон Хорст задумчиво.

Лам-ка (седой «призрак») посмотрел на него с прищуром:

— Ты подслушал мои мысли?

— Я не умею подслушивать то, чего нет. Зато я умею анализировать состояние вещей. Матка — это завод хронозеркал. Так?

— Если бы я был человеком, я бы зааплодировал.

— Вы серьёзно? — поднял голову Кузьма; он был бледен и тих.

— Это правда, — кивнул Лам-ка. — Завод хронозеркал представляет собой очень большое искусственно выращенное существо. И он же является единственным Правителем Системы, маткой роя. Солдат у неё много, поэтому она ими не дорожит.

— Каким образом она направляет шары зеркал на цель? — спросил фон Хорст.

— Это интересный процесс. Матка не управляет своей «икрой». Но внутри каждого шара сидит некая программа, или скорее датчик определённого материально-энергетического «запаха». Шар «нюхает» вакуум и направляется к источнику «запаха».

Кузьма и Хасид обменялись быстрыми взглядами.

— Сначала мы летали по Системе свободно... — начал Хасид.

— Потом «каракатицы» начали вычислять нас по гравитационному полю...

— Не только по гравитации, — сказал Лам-ка. — Солнцеход «прогибает» вакуум и в других диапазонах полей.

— Быстро эти «насекомые» научились нас вычислять, — сказал Хасид. — Мы думали, что если удастся подкорректировать режим «инкогнито», никто бы нас не увидел.

— Это заблуждение.

— Завод — матка? — отрешённо задал вопрос Кузьма, ни к кому не обращаясь.

— Да, — ответил Лам-ка. — Этот тип разума не имеет встроенных этических систем самоконтроля. К тому же он подчиняется какому-то эмиссару Дьявола. Я его не нашёл, но подозреваю, что эмиссар «вморожен» в саму матку как дополнительная управляющая структура.

— Завод надо уничтожить! — энергично махнула сжатым кулачком Зари-ма.

Селим посмотрел на Лам-ку:

— Ты сможешь это сделать?

— Я ещё не достиг нужной кондиции, — улыбнулся «призрак» гиперптеридского робота, — но возможности Правителя в данной реальности не превосходят мои.

— Тогда не будем медлить. Перенеси машину в пространство над Юпитером.

— Пожалуйста.

Лам-ка растаял.

По рубке солнцехода разлилась волна холода, стены её искривились, по ним пробежала судорога. На головы людей упала темнота. И тотчас же после секундной невесомости к людям вернулись способности видеть, слышать и говорить.

Виомы рубки показали всё ту же бездну космоса, но теперь в поле зрения слева виднелась гигантская, пушистая, зеленовато-жемчужная, с розовыми и синеватыми струями, округлая гора Юпитера. На её фоне засветились оранжевые и желтые паутин-

ки, складываясь в красивую дорожку-«изгородь», опоясывающую планету над верхним краем пылевого кольца.

— Что это? — поинтересовался Филипп.

— Сооружения «насекомых», — ответил Хасид. — Такие «изгороди» мы видели практически над всеми планетами и на их поверхности. Но что они означают, для чего создавались, неизвестно.

— Это своеобразные минные поля, — заговорил Лам-ка. — И одновременно радарные комплексы, позволяющие заметить противника на больших расстояниях. С их помощью Правитель-матка Системы следит за попытками бывших хозяев начать военные действия, а при возможности — уничтожает попавшие в сети военные корабли.

Хасид сокрушённо качнул головой.

— Мы этого не знали. Принимали «изгороди» за какие-то инфраструктурные сооружения типа дорог, систем связи и наблюдения. Они способны видеть тяготеющие массы?

— Именно для определения гравитационных полей они и созданы. Впрочем, всех их функций я не знаю.

— Вот почему они так быстро нас вычисляли, — горько сказал Кузьма.

— Смотрите, к нам кто-то летит! — показала рукой Зари-ма.

— Дэв, покажи, — приказал Хасид.

— Команда... не соответствует... — начал инк новым вибрирующим голосом.

— Его интеллект претерпел негативные изменения, — сказал Лам-ка. — Ваш драйвер уже не может управлять солнцеходом.

— Жаль, — огорчилась Зари-ма.

В растворе виома вспыхнула световая окружность, выделяя крупный светлячок, явно направляющийся к земной машине. Инк солнцехода всё же понял приказ и сумел сориентироваться в обстановке.

Светлячок скачком вырос в размерах. Стал виден необычной формы объект, напоминающий сучковатое полено.

— Кажется, мы уже встречались с подобными древовидными монстрами, — заметил Хасид.

— Местные пограничники? — осведомился фон Хорст.

— Скорее — корабли бывших хозяев. Те «каракатицы», что охотились за нами, бились и с ними.

Словно в подтверждение сказанного к летящему «полену» метнулась струя звёздочек поменьше, распалась на отдельные

светящиеся закорючки. Те в свою очередь выросли в размерах и превратились в чудовищных «каракатиц».

«Каракатицы» окружили гигантское — километров десять в длину — «полено» и начали обстреливать его ветвистыми молниями. «Полено» ответило стрельбой из «сучков» световыми пакетами. Начался нешуточный бой.

Поначалу орудия «полена» били точнее и поразили несколько «каракатиц», превратив их в вулканы дыма и огня. Но «каракатиц» было много, они сосредоточили огонь на «сучках», и вскоре те один за другим перестали стрелять. Стало ясно, что древовидный колосс обречён.

— Лам-ка! — окликнул робота фон Хорст.

— Помочь? — отозвался тот.

— «Полено» летит к нам. Оно нас видит?

— Исключено!

— В таком случае почему его полёт так точен?

— Не могу знать. Но мы сейчас завёрнуты в слой анизотропно ориентированного вакуума, поглощающего все виды электромагнитного излучения. Мы видим всех, нас не должен видеть никто.

— Странно... Складывается впечатление, что «полено» следует прямо к нам. Откуда оно появилось?

— Минуту... — Призрак Лам-ки исчез.

— Может быть, поможем ему? — робко предложила Зарима. — Они его сейчас добьют.

— Пусть сами разбираются со своими слугами, — отрезал фон Хорст. — Они тут хозяева. На Земле нашей Ветви тоже было нечто подобное, когда жрецы создали рабов-слуг по своему образу и подобию. А потом кусали себе локти, когда эти человекоподобные слуги разбрелись по миру и завоевали его к началу двадцать первого века.

— Ваша история, — усмехнулся Филипп, — мало чем отличается от нашей в этом вопросе.

— Все мы дети одного корня.

Появился Лам-ка в образе седого мужчины:

— «Полено» представляет собой квазиживой организм и управляется из центра, который находится на планете, называемой вами Фаэтоном. Очевидно, там ещё сохранились остатки прежней цивилизации хозяев Системы. Но летел он не к нам, а к Юпитеру. Точнее — к заводу. Я проследил его траекторию.

Головы мужчин повернулись к фон Хорсту.

Селим посмотрел на Артёма:

— Чем быстрее мы покончим с местным Правителем, тем быстрее покинем Систему.

— Я это понимаю. Лам-ка, — обратился Артём к роботу, — покажи, что ты можешь. Только подвинь нас таким образом, чтобы мы видели весь процесс.

«Полено» между тем начало дымиться, отвернуло в сторону и распалось на горящие куски и хлопья.

Бой кончился победой «каракатиц», не жалеющих для врагов молниеподобных «снарядов».

На несколько мгновений в глазах людей потемнело, затем Юпитер появился снова, но уже с другого ракурса. Лам-ка передвинул солнцеход таким образом, чтобы стало видно овальное дымчато-голубое пятно, плавающее в верхних слоях атмосферы гигантской планеты. Это и был пресловутый завод хронозеркал, он же — Правитель-матка взбунтовавшихся роботов, по воле Дьявола запускающий «огнетушители солнц» в будущее собственной Метавселенной, а также в другие Ветви Древа Времён. Завод был так велик — на его поверхности свободно могли разместиться три планеты размером с Землю, — что у наблюдавших за ним людей невольно родилось сомнение в успехе операции. Ни Хасид, ни Кузьма, ни Филипп Ромашин не видели Лам-ку в образе физического объекта, имеющего определённые размеры и массу, поэтому их сомнения имели основания. И лишь Артём с фон Хорстом да Зари-ма знали, на что способен их невидимый друг-«джинн».

— Покажись, — попросил его Артём.

— Зачем? — натурально удивился Лам-ка.

— Для эффекта, — раздвинул Селим губы в усмешке, поняв чувства партнёра.

— Что ж, смотрите.

Колебание прошло по корпусу солнцехода.

Стены его как бы растаяли, и замершие люди оказались в космосе на освещённой площадке рубки, накрытые чёрной бездной, истыканной иглами звёзд.

На этом фоне выделились серебристые паутинки и мостики космических сооружений возле Юпитера, принадлежащих рою «насекомых», которым управляла гигантская матка. Она была видна отсюда, с расстояния в десять тысяч километров, огромным островом, обманчиво спокойным и гладким. И лишь вьющиеся вокруг него туманные спирали и струи серебристых искр — ко-

раблей с «насекомыми» — намекали на другой, далеко не безобидный характер жизни этого о р г а н и з м а.

В поле зрения наблюдателей попала цепочка тусклых огоньков, устремившихся к солнцеходу. Больше всего она напоминала очередь из крупнокалиберных светящихся пуль.

— Что это? — прошептала Зари-ма.

— Хронозеркала, — уверенно отозвался фон Хорст.

— Неужели матка нас заметила? — вполголоса спросил Филипп.

— Без всякого сомнения. Лам-ка снял с «крота» защиту.

— Быстро она ориентируется!

Внезапно неподалёку от земной машины начало формироваться переливчатое световое облако, протягивая в разные стороны «перья» перламутрового свечения. Оно росло и росло, изменяя форму и плотность, пока не превратилось в колоссальных размеров невиданную птицу, распростёршую крылья на сотни километров, гордую и красивую.

— Орёл! — хмыкнул Хасид.

— Гиперптерид! — сказала Зари-ма с восхищением, уважением и страхом одновременно.

Филипп оглянулся на фон Хорста:

— Так выглядели создатели Лам-ки?

— Не уверен, — покачал головой Селим. — Я их никогда не видел. Хозяев моллюскоров... гм, гм... видел, а гиперптеридов — нет. Но знаю, что конструкторы редко придают функциональным механизмам форму своих тел.

— И всё же это гиперптерид! — сказал Артём.

Птица рядом с «кротом» взмахнула крылами и устремилась к пушистой сфере Юпитера. Задела «очередь» хронозеркал, и те закувыркались в тающих световых перьях, закружились на месте, потеряв ориентацию.

К птице наперерез метнулись чёрные зёрнышки, складываясь в стрелы и копья с дымными хвостами: это отреагировали на атаку «каракатицы», защищавшие своего господина. Но и сотни их молний разошлись в разные стороны причудливым букетом, отразились от птицы, как струи дождя от зонтика, а сами «каракатицы» закружились в «кильватерной струе» гиперптерида, затанцевали на невидимых гравитационных волнах, поражая молниями друг друга.

Контратака «каракатиц» оказалась неэффективной. Они ни-

чем не могли помочь своему патрону, почуявшему, что ему попался более сильный противник.

Гигантская птица между тем разметала защитные порядки — паутину искр — кораблей над заводом хронозеркал и вонзилась прямо в его середину, как ястреб в стаю птиц помельче.

Вверх ударили фонтаны неяркого зеленовато-жёлтого огня, полетели обломки, какие-то дымящиеся хлопья и струи огненных капель!

В центре завода возникла углубляющаяся фиолетовая, темнеющая на глазах воронка. Крылья гиперптерида взбаламутили верхний облачный слой Юпитера, создав удивительные, почти правильные геометрические арки. В них потерялись паутинки и мостики сооружений «насекомых», окружавших завод. Затем весь огромный массив завода потряс мощнейший взрыв, и он начал разваливаться на две половинки, которые в свою очередь засверкали вспышками внутренних взрывов, довершая общее разрушение. В космос понеслись длинные потоки огня, дыма и обломков, каждый из которых мог бы, наверное, вдребезги разнести такую планету, как Марс.

— Рада ма илла Са зом! — проговорила Зари-ма еле слышно.

Эта фраза на полюсидском языке означала то же, что и слова на русском: боже мой! Но понял их только Артём.

Солнцеход задергался.

Его тоже достала волна, отголосок той пространственной бури, что ломала сейчас матку роя — Правителя местной цивилизации «насекомых».

— Хорошо, что ваш Лам-ка на нашей стороне, — сказал со смешком Хасид. — Иметь такого врага не рекомендуется.

— Надеюсь, завод не удастся восстановить, — пробурчал фон Хорст.

— Этот — нет, — кивнул Артём. — Но им вполне по силам вырастить новый. Пока существует Дьявол, пока есть спрос на негодяев, всегда найдутся те, кто согласится выполнять его приказы. А он не отступит.

— В таком случае нам придётся его ограничить.

Филипп, посматривающий на внука, бросил заинтересованный взгляд на Селима. Но в это время из дымно-огненной тучи, в которую превратился голубоватый ранее овал завода, вынырнула сияющая п т и ц а, взмахнула крылами и понеслась к земному судёнышку. Миг — и её не стало!

Рубка солнцехода обросла стенами, проявились виомы, по-

казывающие глыбу Юпитера и «кратер воздушного вулкана» в его облаках.

В рубке похолодало. С перекрытий посыпалась алмазная снежная пыль. Напротив застывших людей, сбившихся в кучу, возник важный чёрный кот, нашёл глазами фон Хорста, поднял лапу к уху жестом военного человека:

— Ваше приказание выполнено, господин полковник! Завод хронозеркал уничтожен! Жду дальнейших приказаний!

— Вольно! — усмехнулся Селим. — Сил много потратил?

— Их защита неэффективна. Хотя потенциал очень большой. При другом раскладе, в других условиях и если бы нас ждали, мне пришлось бы выложиться полностью. В нынешней ситуации я потерял всего лишь треть энергозапаса.

— Готовься, будем возвращаться.

— Без проблем.

— Посмотри девушку.

— Я её не бросал. Она всё время находится под моим контролем, но по-прежнему в коме. — Кот неуловимо быстро превратился в стройненькую девочку в голубом халатике, которая подбежала к креслу Кати.

Все, вытянув шеи, наблюдали за ней.

Кузьма проглотил ком в горле, отодвинулся.

Лам-ка-«девочка» провела ручками над грудью Кати, покачала головой, виновато посмотрела на Кузьму:

— Я делаю всё, что могу.

— Благодарю.

— Вам тоже надо прилечь.

— Я потерплю.

Филипп Ромашин подошёл к внуку, обнял его за плечи:

— Скоро всё кончится. Наши медики быстро поднимут ее на ноги.

Кузьма слабо улыбнулся:

— Я знаю.

— Отнеси нас поближе к Солнцу, — сказал Артём Лам-ке. — На орбиту Меркурия.

Вином отозвался на его слова вспышкой чистого алого света, и все посмотрели на звёздчатую красно-бурую тучу дыма, вспухающую на месте завода хронозеркал.

— Такого противника тут не ждали, — проворчал фон Хорст.

— Потрясающая простота! — отозвался Артём. — Красиво и страшно!

— Издали действительно красиво.

— Интересно... — тихо проговорил Кузьма.

— Что? — обернулся к нему Хасид.

— Возможно, мы присутствуем при рождении знаменитого Красного Пятна на Юпитере.

— Мы находимся в другой Ветви.

— Никто этого не доказал. К тому же наличествует странное совпадение объектов — завода здесь, превращённого в тучу огня, и Красного Пятна там.

— Наши реалии взаимосвязаны, — философски пожал плечами Селим. — Все Ветви-Метавселенные Древа Времён так или иначе похожи друг на друга.

— К этому трудно привыкнуть.

— Согласен.

— Кто-то хотел вернуться, — напомнил Лам-ка тактично.

— Поехали, — очнулся Артём.

В рубку солнцехода хлынула тьма.

И тотчас же огненная стена Солнца встала перед ним, испещрённая световыми жилами, спиралями, фонтанами, покрытая зернистым слоем гранул. Видеосистема «крота» притушила накал светила таким образом, что на него можно было смотреть не отрываясь.

— Грандиозная структура! — с уважением заметил Хасид, покосился на Кузьму. — И гораздо красивее, нежели взорванный завод зеркал.

— Прошу всех занять... — начал Артём.

— Секунду! — перебил его Лам-ка. — Или я совсем поехал, или... слышу чей-то вызов!

— В каком диапазоне? — встрепенулся Филипп.

— Это ваша связь, диапазон ТФ-гармоник.

— Наши!

— Пропусти через свой декодер! — быстро проговорил фон Хорст. — И дай послушать.

В рубке послышались слабые звуки скрипки, сменились звоном колоколов, затем зазвучал густой металлический голос:

— Кто-нибудь меня слышит? Кузьма, Филипп, Хасид! Отзовитесь!

— Игнат?! — недоверчиво спросил Филипп в наступившей тишине.

— Ответьте на волне сто два и семь ТФ! Я Игнат Ромашин,

нахожусь на борту солнцехода в ядре Солнца, выхожу в пространство! Кузьма, Филипп, Хасид, ответьте!

— Игнат! — торопливо заговорил Филипп. — Что случилось?! Мы тебя слышим!

— Зато он нас не слышит, — сказал Хасид.

— Лам-ка, ответь ему, — скомандовал Артём.

— Не суетитесь, — недовольно буркнул фон Хорст. — Лам-ка перенесёт сюда солнцеход, а ещё лучше — нас на борт солнцехода, и все дела. Этот аппарат, на борту которого мы разместились, всё равно функционирует плохо, его надо бросать.

— Жалко! — огорчилась Зари-ма.

— Что решаем? — оглядел лица присутствующих Артём.

— Переходим! — выразил общее мнение Филипп.

— Катя... — начал Кузьма нерешительно.

— Не волнуйтесь, её состояние не ухудшится, — успокоил его Лам-ка, принявший облик мужчины.

— Вперёд! — махнул рукой фон Хорст.

Мягкая сила подхватила людей, погасила сознание и вынесла в кают-компанию второго солнцехода, на борту которого маялся ожиданием и неизвестностью Игнат Ромашин, отец Кузьмы.

Глава 26

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Встреча Ромашиных, проживающих в одной Метавселенной, получилась сдержанно-эмоциональной.

Все трое — отец, сын и внук — реагировали на неожиданности одинаково, хотя опыт у всех был разный и разная зависимость от условий. И всё же они были очень и очень похожи.

Кузьма обнял Игната, явно не ожидавшего такого финала своего броска в горнило солнца, Филипп обнял их обоих, и эта немая сцена длилась несколько секунд. Потом Игнат сказал:

— У нас беда!

В кают-компании второго солнцехода, мало чем отличающегося от первого, стало тихо.

— Рассказывай, — бросил Филипп.

Игнат посмотрел на Катю, неподвижно лежащую в коконкресле (Лам-ка перенёс её вместе с креслом), и начал рассказ.

Через пять минут все знали, что произошло в Солнечной системе после старта команды Артёма.

— Дьявол пошёл ва-банк, — прокомментировал известия Хасид. — Терять ему нечего.

— Но почему «огнетушители» такие маленькие? — задала вопрос Зари-ма. — Тысяча километров всего. Такие шарики Солнце не потушат.

— Возможно, это последние хронозеркала, имеющиеся у Дьявола в наличии, — предположил Артём.

— Либо последние зеркала, которые смогла запустить в Солнечную систему здешняя матка, — добавил фон Хорст.

— Не имеет значения, откуда взялись эти зеркала, — поморщился Филипп. — Если мы их не остановим, нас ждёт катастрофа! Шары нацелены в том числе и на планеты, которые они вполне способны разрушить, превратить в тучи пыли. Надо возвращаться.

— Лам-ка их остановит! — горячо заговорила Зари-ма. — Он сильный, не сомневайтесь!

По лицам мужчин промелькнули улыбки. Артём погладил жену по плечу. Полюсидка смутилась.

— Разве я не права?

— Полюсиды склонны верить в невозможное, — проворчал фон Хорст.

Лам-ка сосредоточенно посмотрел на него.

— Ты чем-то расстроен, полковник?

— Тем, что не ему отведена главная роль в ликвидации Дьявола, — пошутил Артём.

— У меня просто нехорошее предчувствие, — оскалился Селим. — Слишком гладко у нас всё прошло здесь.

— Вас не ждали, поэтому... — начал Хасид.

Лам-ка вдруг сделал предупреждающий жест, мгновение прислушивался к чему-то и пропал.

Солнцеход заметно вздрогнул.

— Отмечаю полевое воздействие неизвестной природы, — доложил инк машины; в отличие от инка первой он носил имя Юрген. — Нас влечёт в ядро Солнца сила неизвестного вида.

— Что за ерунда? — пробормотал Артём. — Лам-ка, в чём дело?

Никто ему не ответил, но пол кают-компании под ногами людей дёрнулся ещё раз.

Динамики помещения донесли отчётливый хруст и треск,

будто где-то рядом обломались и разбились ряды ледяных сосулек.

— Юрген! — бросил Игнат. — Полная защита!

— Я и так на пределе, — отозвался инк.

— Попробуй отойти от зоны вымораживания.

— Бур работает вовсю, системы в норме, однако нас всё равно сносит к дыре в центре ядра, откуда мы вышли.

— Включай форсаж!

Солнцеход содрогнулся.

Люди в кают-компании почувствовали секундную дурноту.

— Что происходит?! — повернул Артём голову к спутнику.

Фон Хорст закрыл глаза, кожа на его лице поголубела и приобрела вид змеиной кожи с муаровым рисунком. Над безволосым черепом метнулись электрические змейки.

— Дьявол!

— Что?!

— За нами вылез моллюскор!

Ромашины, Игнат и Филипп, вопросительно посмотрели на побледневшего «потомка».

— О чём вы?

— Не может быть! — выдохнул Артём. — Моллюскоры остались в нашей Ветви! И они все уничтожены!

— Значит, не все, — открыл ставшие сплошь чёрными глаза фон Хорст. — Дьявол нашёл одного и послал за нами! Иного объяснения я не вижу.

— Что же делать?! — воскликнула Зари-ма.

Над её головой возник столбик опадающей снежной пыли.

— Я перенесу вас за пределы Солнца, — донёсся тихий и хрупкий голос Лам-ки. — Возвращайтесь через трансгресс.

— А ты? — поднял голову Артём.

— Я прикрою ваш отход. Моллюскор... очень си... — Голос истончился, слился в неразборчивое бормотание, прервался.

В кают-компанию хлынула тьма.

Когда к людям вернулась способность чувствовать, они увидели под солнцеходом пламенную сетчато-зернистую поверхность Солнца. Лам-ка сдержал слово и переправил «солнечного крота» из ядра светила в его атмосферу.

— Юрген, защиту «инкогнито», поворот на девяносто градусов, полную скорость! — скомандовал очнувшийся Игнат.

— Выполняю!

Поверхность Солнца в виомах стала удаляться.

— Что же теперь будет?! — растерянно прижала к щекам ладошки Зари-ма. — Он... умрёт? Да?!

— Лам-ка уже бился с моллюскорами, — обнял её Артём, — и побеждал!

Солнцеход, набиравший скорость, бросило из стороны в сторону, словно лодку на водных буграх горной реки.

Из сияющей зернистой поверхности верхнего слоя звезды вырвалась чёрная струя в виде когтистой лапы, настигая солнцеход.

Земной аппарат начал раскачиваться и трещать, как настоящий деревянный барк в шторм, несмотря на свитую вокруг него вуаль защитных силовых полей.

Вскрикнула Зари-ма, теряя сознание.

Дурнота заставила мужчин согнуться, лечь на пол.

Устоял только Селим фон Хорст. Он шире расставил ноги, горящими глазами следя за приближающейся «кошачьей лапой». Человеческой в нём осталась только голова, остальные части тела превратились в маслянисто-чёрные отростки, напоминающие гофрированные тела червей.

Но «лапа» не достала солнцеход.

Сияющее крыло невиданной птицы вырвалось из недр Солнца необычной формы протуберанцем, ударило по «лапе» и разбрызгало веером дымящихся капель, каждая из которых была больше солнцехода.

Земная машина крутанулась спиралью, подхватываемая гравитационным ураганом, и люди окончательно потеряли сознание, так и не увидев, чем закончилось столкновение двух стихий: моллюскора и «джинна».

Артём и Кузьма пришли в себя быстрее всех.

За ними зашевелились остальные.

Виомы показывали звёздную пропасть. В кают-компании было тихо, уютно, ничто не напоминало разыгравшейся бури, словно корабль не испытывал только что разрушающих материалы силовых ударов.

Кузьма, шатаясь, подобрался к креслу Кати, взял её за руку, с тревогой изучая бледное лицо девушки.

— Где мы? — раздался невнятный голос Хасида.

— Прошли орбиту Меркурия, — угрюмо ответил ему фон Хорст.

Зрение у мужчин восстановилось, и они увидели стоящего у стены, руки за спину, полковника. Ничего демонического в его

облике уже не было, он рассеянно смотрел на звёзды, думая о чем-то своём.

— Лам-ка, ты нас слышишь? — позвал Артём.

Никто не отозвался.

— Лам-ка, ответь!

— Его нет, — шевельнул губами Селим.

Зари-ма беззвучно заплакала, по щекам побежали слёзы.

— Он... погибнул...

— Мы не можем знать это наверняка, — обнял её помрачневший Артём. — Селим подтвердит.

— Он прав, — ответил фон Хорст, — я не чую негатива. Лам-ка потерял достаточно сил при атаке на завод, но его возможностей должно хватить, чтобы справиться с моллюскором.

— Почему же он не отвечает? — в три приёма спросила Зарима, держась за живот.

— Возможно, оба они провалились в хронодыру и дерутся теперь в других временах. Или в других Ветвях. Думаю, он вернётся.

Зари-ма с благодарностью посмотрела на полковника, вытерла слёзы.

— Я не верю, но всё равно ихиллах... спасиба...

Артём вопросительно кивнул на её живот, и она ответила отрицательным покачиванием головы: всё в порядке.

— Однако, судари и сударыни, пора подумать о собственном возвращении, — сказал Филипп. — Трансгресс соединяет все Ветви Древа без исключения, есть он и в этой Системе. Надо лишь знать код вызова. Кто-нибудь его знает?

— Я, — спокойно сказал фон Хорст.

Артём посмотрел на него с удивлением, и полковник добавил, покривив губы:

— Его мне сообщил Лам-ка перед тем, как схватиться с моллюскором.

— А мне он ничего не сказал, — с печалью и сомнением проговорила Зари-ма.

— Не успел, — успокоил её Артём, повернулся к Селиму: — Вызывай трансгресс.

Фон Хорст склонил голову к плечу, губы его шевельнулись, но слов не было слышно. По-видимому, он вызывал трансгресс мысленно.

Несколько мгновений ничего не происходило.

Зари-ма с трудом подавила вздох разочарования.

И в этот момент кают-компанию наискось пересекла круглая ажурная труба диаметром в полтора метра, с виду — из дымчатого стекла.

Все замерли.

— Это и есть... трансгресс? — нерешительно спросила полюсидка.

— Он реализуется по-разному, — небрежно пояснил Селим. — В зависимости от условий заказа. В космосе он, наверное, превратился бы в какой-нибудь знакомый объект, в космический корабль, к примеру, на поверхности планеты — в здание или бункер. Однако лошади поданы, гейн вир их либе, пора ехать.

— Минуту, — остановил его дальновидный Игнат. — Неизвестно, куда нас вынесет, советую всем экипироваться. На борту «крота» есть всё необходимое, в том числе бижо-комплекты.

— Разумно, — согласился Хасид. — В каком отсеке всё это хранится?

— Провожу.

Игнат и Хаджи-Курбан вышли, но вскоре вернулись с антиграв-тележкой, нагруженной всякими блестящими разноцветными пакетами.

Все переоделись в комплекты индивидуального жизнеобеспечения, напоминающие «кокосы» спасателей.

Труднее всего пришлось Кузьме, переодевавшем Катю, но ему в конце концов помогли Зари-ма и Артём, и отряд выстроился у трубы трансгресса, терпеливо дожидавшейся пассажиров.

— Готовы? — окинул всех оценивающим взглядом фон Хорст.

— Командуй, — пробурчал Артём, унимая волнение.

— Делайте как я. — Селим коснулся рукой трубы и... оказался висящим по оси в её центре.

Зари-ма вцепилась в плечо мужа, потом устыдилась порыва и шагнула вперёд. Невидимая сила подхватила её, расположила рядом с фон Хорстом.

Кузьма с Катей на руках также приблизился к трубе и оказался внутри. За ним то же самое проделали остальные, зарастив шлемы защитных костюмов.

— Теперь главное — не промахнуться, — раздался в наушниках раций голос Филиппа.

— Не промахнёмся, — уверенно ответил Селим. — Дьявол атаковал лишь одну Солнечную систему из миллионов в ближайших Ветвях. Нас высадят там, где надо.

— Жаль, солнцеход нельзя взять с собой, — задумчиво сказал Хасид. — Хорошая машина. Лучше первой.

— Юрген, опустись в недра ближайшей планеты, — сказал Игнат, — законсервируй все системы и жди вызова. Вполне возможно, мы ещё вернёмся и заберём тебя.

— Будет исполнено, командир, — отозвался инк солнцехода.

— Поехали! — сказал фон Хорст.

Труба трансгресса опустела. Затем исчезла и она сама.

Солнцеход остался без своих повелителей и пассажиров.

* * *

Селим правильно сориентировал автоматику трансгресса: отряд вышел в нужной Ветви и прямо на поверхности Меркурия, неподалёку от базы СВР, где находился Потрясатель Мироздания.

Уже через несколько минут к озиравшимся десантникам примчался флайт, забрал всех и доставил на базу.

Катей сразу же занялись медики, но состояние девушки было столь тяжёлым, что её тотчас же отправили в медцентр УАСС под Рязанью. Вместе с ней убыли и Кузьма с Хасидом, которым тоже требовалась срочная медицинская помощь. Остальные расположились в отсеке отдыха базы, слегка ошеломлённые быстротой и простотой перехода из мира «насекомых» в мир «родной» Ветви.

Впрочем, через несколько минут группу вернувшихся покинули Филипп и Игнат Ромашины, торопившиеся успокоить своих близких, и члены маленького отряда Артёма остались одни.

— Хотелось бы знать, что здесь происходит, — мрачно заявил фон Хорст. — Или нас все бросили?

— Вернутся, — равнодушно сказал Артём, поглядывая на осунувшееся уставшее лицо Зари-мы.

Та почувствовала его взгляд, подняла голову, грустно улыбнулась:

— Лам-ки не хватает...

— Тебе надо поспать.

— Я не устала.

— А глаза слипаются. Давай разверну кровать.

— А ты?

— Мы тут побродим по базе, побеседуем с наблюдателями.

— Я одна не останусь!

— А мы никуда и не полетим без тебя.

Артём помог жене лечь, посидел рядом, дожидаясь, когда она уснёт, посмотрел на рассеянно прогуливающегося по отсеку Селима:

— Пойдём на КП? Или подождём возвращения моих «параллельных» родичей?

Фон Хорст не успел ответить.

В отсек стремительно вошёл Филипп Ромашин.

— Извините, я задержался. — Увидев уснувшую полюсидку, он понизил голос: — Можем лететь на Землю, нас ждут у одного из руководителей СВР.

— Есть новости? — поинтересовался Селим.

— Есть, и все плохие. — Филипп нерешительно посмотрел на Зари-му.

Гости переглянулись.

— Выйдем, — сказал Селим, направляясь к двери.

В коридоре с белыми ребристыми стенами они остановились.

— Хронозеркала разогнали весь наш тревожный флот, — начал Ромашин-старший. — Через пару часов они атакуют Марс. Мы вынуждены будем открыть огонь из Потрясателя.

— Не имея возможности точно прицелиться, — хмыкнул фон Хорст.

— У нас нет другого выхода. Постараемся нацелить эмиттер с максимально возможной точностью. Ваш Лам-ка не вернулся и уже не сможет помочь. Мало того, флот кто-то методично уничтожает, корабль за кораблем. Мы подозреваем, что это...

— Моллюскор! — сжал зубы Артём.

Селим скептически покачал головой:

— Второй моллюскор? Не много ли их на эту Ветвь, где никогда не существовало ни иксоидов, ни гиперптеридов?

— Это может быть маленький моллюскор, миним. Большой бросился в погоню за нами, оставив здесь свою микроособь.

— Об этом я не подумал. — Селим глянул на Филиппа. — Неужели никто из ваших парней не заметил агрессора?

— Какие-то записи столкновений есть, но лично я их не видел. Можно запросить.

— Запросите, посмотрим. За Солнцем ведётся наблюдение?

— Разумеется.

— Ничего такого... необычного... не отмечалось?

Филипп Ромашин понял, отрицательно мотнул головой:

— Ни Лам-ка, ни моллюскор не появлялись.

— Жаль. В смысле — жаль, если наш «джинн» не вернётся. С его помощью мы бы справились с агрессией.

— Я тоже надеялся на него, но... — Филипп развёл руками.

— Может быть, наш опыт войн с роботами уровня Лам-ки пригодится и здесь?

— Спасибо, специалистов... — Филипп хотел сказать: «специалистов такого класса у нас хватает», — но закончил проще: — хватает. Хотя будем иметь вас в виду. Извините, мне надо бежать. Отдыхайте пока.

Он удалился.

Артём с трудом сдержал зевок.

Селим внимательно посмотрел на его лицо:

— Ты совсем зелёный, иди отдыхай. Пара часов у тебя есть.

— Здесь такое творится, а я буду спать? — вяло запротестовал Артём.

— Ты же слышал, мы ничем не сможем им помочь.

— Ну, не знаю... сам-то что будешь делать?

— Погуляю по местным буеракам. — Селим похлопал Ромашина по плечу, скрылся за выпуклой стеной коридора.

Артём зевнул, торопливо прикрыл рот ладонью, потом побрёл обратно в отсек.

Через минуту он уже спал на соседней кровати, рядом с Заримой.

Однако поспать ему не дали.

Чья-то горячая рука коснулась его щеки, и он мгновенно поднял голову над подушкой.

— Идём, начинается, — прижал палец к губам фон Хорст.

Зари-ма сладко спала, по её лицу бродили тени, но она не проснулась.

Мужчины поднялись в централь управления базы, где уже собрались хмурые работники СВР. Руководил суетой Филипп Ромашин, не обративший на появившихся гостей особого внимания.

Виомы помещения показывали Марс, его космические сооружения с разных ракурсов, рой земного флота и бликующие шары хронозеркал, очередями летящие в чёрной пустоте. Одна из таких очередей уже была в минутах лёта от Марса.

Суета в зале управления улеглась.

— Готовность ноль! — произнёс в наступившей напряженной тишине Филипп Ромашин. — Цель видна?

— Так точно! — доложил оператор Потрясателя Мирозда-

ния. — Возможное отклонение импульса плюс-минус десять километров.

— Огонь!

Накрытый бугристым куполом под цвет окружающих пород в целях визуальной скрытности Потрясатель метнул ТФ-разряд, мгновенно достигший орбиты Марса.

В окне дальновидения, показывающем летящие к Марсу шары хронозеркал в сопровождении земных кораблей, всё время маневрирующих, меняющих позиции, произошла какая-то пертурбация, спейсеры Погранслужбы отскочили от шаров, как мыши от кошки, и два шара лопнули, истекая струями зеркальных осколков и полотнищ бледного сияния!

В зале базы раздались шумные возгласы, многие зааплодировали, бросились поздравлять друг друга.

— Залп! — скомандовал Филипп, сосредоточенный на деле.

Потрясатель нанёс очередной удар.

Лопнул третий шар, летящий к красной планете. Затем ещё один и ещё. Последним взорвался пятисоткилометровый посланец Дьявола, почти достигший поверхности Марса. От очереди, которая вполне могла продырявить планету, превратить её в кучу щебня, песка и обломков, не осталось ни следа.

— Мы победили! — обняла Реброва Саша де Лорм. — Надо немедленно уничтожить зеркала, летящие к Земле!

— Филипп, — обернулся к Ромашину-старшему Ребров.

— Ориентация! — бросил тот, стоя у ряда кресел со сложенными на груди руками. — Костя, поторопись!

— Делаю всё возможное, — невнятно отозвался оператор.

В зал вбежали Кузьма Ромашин и Хасид Хаджи-Курбан, нашли глазами стоящих за спинами сотрудников базы фон Хорста и Артёма.

— Что здесь происходит? — осведомился Кузьма, одетый в сине-белый уник официал-подполковника Службы безопасности. На поясе у него красовался «универсал».

— Воюем, — покосился на его «универсал» фон Хорст.

— Уничтожили шары, нацеленные на Марс, — добавил Артём. — Потрясатель меняет ориентацию на Землю.

— Успеем? — задал ненужный вопрос Хасид.

Никто ему не ответил.

Селим вдруг зашагал по залу, приблизился к Филиппу, сказал быстро:

— Поднимайте над Потрясателем всё, что может стрелять! Сейчас здесь будет моллюскор!

Филипп колебался всего одну секунду.

— Внимание! Всем кораблям резерва в секторе... — Он не договорил.

Судорога исказила очертания скал в кратере, на дне которого прятался Потрясатель Мироздания. Чёрное пятнышко возникло над куполом, выбрасывая во все стороны нитевидные отростки.

— Всем кораблям резерва в секторе икс-два! — закончил Филипп. — Открыть огонь по моллюскору!

В небе Меркурия (Потрясатель находился на его ночной стороне, и Солнца не было видно с поверхности) зажглись золотистые огоньки, спикировали на кратер. Это отреагировали на приказ командиры спейсеров, подчинявшихся Службе внутренних расследований.

— Продолжать уничтожение зеркал! Цель определена? Залп!

— Секундочку... — пробормотал оператор, управляющий Потрясателем вместе с инком базы.

— Это миним! — процедил Артём сквозь зубы. — Я был прав! Моллюскор разделился на несколько маневренных «капель»! Вот кто охотился за вашими кораблями в Системе!

— Эти минимы уязвимы? — спросил Хасид. — Их можно уничтожить?

— Моллюскоры создавались иксоидами, они отличаются от «джиннов»... то есть от роботов наподобие Лам-ки. Наше оружие на них действует.

— Значит, и наше тоже! — Хасид метнулся из зала, крикнув на бегу: — Я подниму «брандер»!

Однако, что он имел в виду под «брандером», осталось неизвестным. Дальнейшие события развернулись так быстро, что никто ничего не успел сделать.

Стены зала управления базой внезапно содрогнулись, людей качнуло странным ветром, и в центре зала соткалась из воздуха маслянисто-чёрная многогорбая глыба, непрерывно изменяющая форму, дышащая, горячая, живая, опасная.

Движение в зале замерло.

Иван Славин, оказавшийся ближе всех к чёрной туше, выстрелил из «универсала».

Сгусток плазмы вонзился в чёрную опухоль, и моллюскор тут же ответил стремительным броском хищного «щупальца».

Иван перелетел весь зал, сбил поручень, опоясывающий по-

мещение, и ударился о стену зала с такой силой, что лицо его превратилось в кровавую маску.

Люди подались назад, замерли «под взглядом» глыбы: глаз у неё не было, но впечатление взгляда было полным.

— Все вон! — раздался ставший чеканно-металлическим голос Селима фон Хорста.

Игнат и Филипп Ромашины оглянулись.

Полковник светился!

Кожа на его черепе покрылась муаровым «змеиным» рисунком, глаза ввалились, почернели, руки и ноги начали трансформироваться, превращаться в «дышащие» чёрные сгустки.

— Вон! — повторил фон Хорст густым, уходящим в инфразвук басом.

— Уходим! — спохватился Филипп, отступая.

За ним попятились к выходу из зала остальные. Лишь оператор, лихорадочно готовящий Потрясатель к новой стрельбе, остался сидеть в кокон-кресле рядом с вириалом инка, глядя расширенными глазами то на вином, то на чудовищного гостя.

Моллюскор метнул в него ручей чёрной субстанции, и оператор вместе с креслом оказались обтянутыми чёрной плёнкой, которая собралась в мускулистый рукав и влипла в тело робота. Моллюскор буквально проглотил их, как лягушка муху — на лету!

Артём и Кузьма встретились глазами.

— С разных сторон... — шевельнулись губы Артёма.

Оба прыгнули: один влево, другой вправо — и одновременно выстрелили.

Кузьма, вооружённый только «универсалом», избрал лазерный трассер.

Артём сразу использовал «глюк».

Оба импульса «увязли» в теле минима, однако заставили его «изменить позу».

Мини-моллюскор «расплескался» ажурными перепонками, как грязная лужа от брошенного камня, превратился в невиданный «чертополох», вырос текучей ротондой и метнулся к Артёму жидкой змеёй!

Но на пути у него встал Селим фон Хорст.

Точнее — человекочервь!

Ещё точнее — существо, соединившее в себе признаки человека, Червя Угаага и... моллюскора!

— Не торопись, тварь! — раздался его едва слышимый урчащий голос.

К Артёму, отлетевшему к поручню, бросилась появившаяся в зале Зари-ма:

— Артём-ма! Нет!

Новый рукав блестящей чёрной материи метнулся к ним, но его перехватила рука фон Хорста, удлинившаяся на несколько метров. Веером разлетелись чёрные брызги, покрываясь огнём и шипя, как рассерженная кошка.

Моллюскор на несколько мгновений превратился в гигантскую друзу горного хрусталя, внутри которого вились светящиеся жилы и вихри тумана. Затем начал меняться, приобрёл форму странного зверя с лапами-щупальцами, протянул обе к Селиму.

Фон Хорст отбил их своим «щупальцем», разбрызгивая на вееры вспухающих дымом капель.

Стены зала, а заодно и все находившиеся в нём предметы, в том числе тела людей, искривила чудовищная жестокая сила. Раздались крики боли и стоны. Люди попадали на пол, теряя сознание. Устояли, согнувшись, лишь Кузьма и Хасид да вставший на четвереньки Артём. Зари-ма тоже потеряла сознание, и Артём прижал голову к её груди, пытаясь определить, дышит она или нет.

Моллюскор прыгнул на противника, погружая его в своё текучее тело.

По залу пронёсся клубок свивающихся в немыслимые узлы и конструкции лоснящихся чёрных тел, разрушая всё на своём пути, давя не успевших увернуться людей. Виомы погасли. Стены зала тоже перестали светиться, передёргиваемые оранжево-лиловыми зарницами.

Вернувшийся в зал Хасид подхватил выпавший из руки Кузьмы «универсал», протёр кулаком глаза, выцеливая моллюскора. Но ему мешала то исчезавшая, то появлявшаяся голова фон Хорста.

— Помоги! — прохрипел Артём, поднимая Зари-му.

Кузьма подскочил к нему, взял девушку за ноги.

Хасид метнулся к ним, и втроём они потащили полюсидку вон из зала, сотрясаемого волнами вибраций.

Филипп и Игнат Ромашины, Ребров и Саша де Лорм поползли следом, упакованные в защитные комплекты «кокосов». Костюмы спасали их от огня, но от сумятицы полевого шторма, сопровождающего схватку н е л ю д е й, этой защиты не хватало, и люди то и дело теряли сознание.

— У тебя «глюк»! — прохрипел Хасид на ухо Артёму. — Стреляй!

— Там полковник! — прокричал в ответ Артём.

— Мы все погибнем! Стреляй!

— «Глюк» не поможет!

— Но хотя бы задержит его!

— Нет!

Они добрались до выхода из зала, однако автоматика, повреждённая силовым воздействием, заблокировала двери и отрезала путь отступления.

— Стреляй же!

Артём оглянулся.

Зал базы перестал олицетворять собой центр управления. Вся его аппаратура, мебель, встроенные агрегаты и системы были разрушены. По полу катался, распадаясь на части и соединяясь в единое целое, конгломерат чёрных пульсирующих глыб, в которых трудно было разобрать определённые формы.

Уцелевшие сотрудники базы и руководители СВР прижались к стенам, наблюдая за боем, но ничем не могли помочь своему защитнику. Впрочем, уже было ясно, что он проигрывает, так как метания моллюскора пошли на убыль. Робот иксоидов, пусть и уменьшенный в десятки раз, был сильнее человека.

И в этот момент в зале появился... ещё один моллюскор!

Он струёй чёрной жидкости пролился на пол с потолка, превратился в шевелящуюся чёрную полусферу и взметнулся ввысь гигантской пантерой с узкими светящимися глазами. Застыл, оглядывая зал, замерших людей и содрогающуюся глыбу собрата напротив.

Артём развернул турель «глюка» на плече в его сторону.

— Стреляй! — одними губами произнёс Хасид, силясь поднять ствол «универсала».

Внезапно «пантера» прыгнула... на моллюскора, не ожидавшего такого финта от «родича».

По залу пронеслась волна с и л ы, выгибая растрескавшиеся стены и тела людей.

Раздались крики и вопли умирающих!

И разом всё стихло!

Слившиеся в одну коническую фигуру моллюскоры приобрели вполне осмысленную форму некоего металлического механизма, но он тут же превратился в лоснящуюся тушу «бегемота» и медленно отодвинулся к стене.

Люди зашевелились, не понимая, что происходит.

В воздухе повеяло холодом, замелькали кристаллики снежинок.

— Лам-ка? — неуверенно проговорил Артём.

Напротив образовалось туманное деревце, уплотнилось, превращаясь в тело человека.

— Я, кажется, вовремя, — раздался знакомый голос.

Глава 27

ПРАВО ЖИТЬ

Моллюскоры, подчинившиеся Лам-ке, уничтожили хронозеркала в течение нескольких минут.

Впрочем, моллюскор был один. Именно с ним Лам-ка и сражался в другой Ветви, в ядре Солнца, пока не перепрограммировал, а затем вернулся в Солнечную систему к финалу драматических событий.

Селим фон Хорст не погиб.

Хотя, с другой стороны, человеком он тоже не остался. Селим Дельвиг Базил Мария фон Хорст, бывший полковник Службы безопасности «параллельной» Земли, стал интеллектуальной частью моллюскора и уже не мог возродиться в образе человека. А ангелоидов, способных вернуть ему человеческое тело, как в былые времена, рядом не оказалось. Катя Лапарра, которую всё же спасли врачи медцентра УАСС, в ответ на просьбу Зари-мы (её тоже пришлось лечить и спасать ребёнка) лишь виновато развела руками:

— Я уже давно не агент Наблюдателя и не ангелоид. Могу только пообещать, что, если встречу кого-нибудь из них, обязательно попрошу восстановить Селима.

— Если он захочет, — пробурчал Хасид.

— Почему он не захочет? — удивилась Катя. — Разве он не имеет права жить?

— Он имеет право жить в соответствии со своими целеустановками, — сказал Игнат Ромашин. — Насколько мне известно, Селим фон Хорст не изъявил желания обрести человеческую форму.

Все замолчали.

Встреча многих участников недавних событий происходила в

просторной палате медцентра, и сквозь прозрачную стену помещения были видны пойма Оки, леса, луга и шпили-здания Рязани над зелёными просторами, накрытыми сплошной облачной пеленой. Вид с высоты двухсот метров, на которой располагалась палата, открывался такой пасторально-идиллический, что не верилось ни в Дьявола, ни в его чудовищных слуг, ни в войны, грозящие погасить звёзды и уничтожить всякую жизнь.

В палате разместились восемь человек: старшие Ромашины, Игнат и Филипп, в серо-серебристых костюмах официалов, Кузьма, присевший прямо на кровать Кати, Артём с Зари-мой, Саша де Лорм и Хасид Хаджи-Курбан. Не было Реброва, проходившего курс лечения в московской клинике СВР, и не было Ивана Славина. Он погиб. Спасти его не удалось.

Не пришла на встречу и Юэмей Синь. Потеряв Германа, она потеряла и смысл жизни и теперь не участвовала ни в одном мероприятии спецслужб.

— Где он сейчас? — посмотрел на задумчивого Артёма Хасид, подразумевая фон Хорста.

— Селим как человек не существует...

— Я имею в виду моллюскора.

— Не знаю, — после паузы нехотя ответил Артём.

— Он с Лам-кой изучает трансгресс, — заявила Зари-ма. — Хотите, я их позову?

— Не стоит, — проворчал Игнат, поднимаясь, посмотрел на отца. — Нам пора.

Филипп тоже поднялся.

— Да, не люблю опаздывать.

— С кем вы встречаетесь? — полюбопытствовал Кузьма.

— В десять по среднесолнечному состоится заседание Федерального Совета безопасности. Мы докладчики.

— Просто докладчики? — подмигнул другу Хасид.

Филипп поймал косой взгляд Игната, пожевал губами, но ничего не сказал. Оба вышли.

Кузьма улыбнулся, глядя на Артёма, кивнул на дверь:

— Твои отцы и деды тоже такие... скрытные?

— Ромашины, — пожал плечами Артём с великолепным апломбом.

Все засмеялись.

— Хотелось бы всё-таки уточнить, — продолжил тему Хасид. — Ну, уничтожили мы хронозеркала, похватали агентов Дьявола, почистили ряды Службы безопасности, но сам-то Дьявол где-то

отсиживается? Лелеет свои планы? Звёзды в Галактике до сих пор продолжают гаснуть.

— У тебя есть предложение? — хмыкнул Кузьма.

— Конечно, я долго думал и... — начал Хасид, но не закончил.

В палате внезапно повеяло холодом, и прямо из стены вышел... лоснящийся чернотой, текучий, шевелящийся призрак, двуногий и двурукий. Но — не человек!

Мужчины схватились за оружие.

— Моллюскор?! — прошептала Катя недоверчиво.

— Успокойтесь, — махнула ручкой Зари-ма. — Это же Лам-ка!

Однако она ошиблась. В палате объявился...

— Полковник! — пробормотал Артём.

Голова непрерывно «текущего» существа стала почти человеческой. Он тяжело, так, что дрогнул пол, шагнул вперёд, оглядывая компанию. Откуда-то из середины его «жидкого» туловища прозвучал искажённый металлическими модуляциями голос:

— Я вас приветствую, фрау унд геррзиг. Все живы-здоровы?

— Селим! Рад тебя видеть! — искренне воскликнул Артём, бросаясь к гостю.

Тот вытянул вперёд руку отталкивающим жестом:

— Без сантиментов, подполковник. Прикасаться ко мне опасно. Мы, собственно, зашли спросить.

— Мы?

Рядом с фигурой человеко-моллюскора проявился седой мужчина, небрежно козырнул:

— Гиперптеридский боевой робот Лам-ка к вашим услугам, судари и сударыни. Мы тут с моим другом хотели бы слетать к центру Галактики, поискать резиденцию одного нехорошего парня, Дьявола. Не желает ли кто присоединиться?

Зари-ма взвизгнула и бросилась к седому с криком:

— Лам-ка, я тебя люблю!..

Может быть, и мы присоединимся к ним, друзья?..

Апрель 2006

СОЛО НА ОБОРВАННОЙ СТРУНЕ

(из цикла «Приключения Дениса Молодцова»)

1

Первый китайский космонавт — во всём мире их стали называть тайконавтами — совершил свой героический полет в две тысячи третьем году. После чего китайцы заявили, что к две тысячи десятому году они создадут свою собственную орбитальную станцию и запустят к Луне исследовательский модуль, а затем и построят на спутнице Земли жилой комплекс.

Поначалу программа китайского Космического агентства вызывала у журналистов и ученых лишь скептические усмешки и порождала массу колких анекдотов, смысл которых сводился к известной украинской поговорке: нашему теляти вовка б зъисты. Однако вскоре китайцы запустили ещё один «Волшебный корабль» (так назывались их ракеты — «Шэнь Чжоу» — «волшебный корабль», или «священная ладья») уже с тремя тайконавтами на борту, потом ещё и ещё, и в две тысячи одиннадцатом году действительно полетели на Луну.

К две тысячи пятнадцатому году Китай стал третьей державой мира, после России и США, имевшей собственные космические станции и поселение на Луне. А их корабли летали и на Марс, и на Венеру, и даже к Юпитеру, для изучения его спутников. Мало того, китайцы даже смогли послать экспедицию к объекту Окурок, оказавшемуся своеобразной горловиной связи с иной Вселенной, и попытались отогнать от него российских и американских космонавтов, желая объявить Окурок собственностью Китая.

Какими усилиями достигались позитивные результаты тайконавтики, знали только спецслужбы ведущих государств мира, для обывателей же был важен сам факт небывалого успеха Китая в освоении космоса, поставившего целью завоевать в скором времени всю Солнечную систему.

Третьего января две тысячи шестнадцатого года космический корабль «Шэнь Чжоу-105» с пятью тайконавтами на борту, запущенный в пояс астероидов между орбитами Марса и Юпитера

для поиска астероидов из чистого золота (существовала и такая китайская программа), внезапно обнаружил гравитационную аномалию, сбившую его с курса.

Командир корабля Ло Вейянь тотчас же включил двигатели маневра, пытаясь исправить возникшее расхождение между расчётной траекторией и реальным вектором движения, но это не помогло. Космолёт неудержимо влекло в сторону от курса, хотя на экранах не было видно ничего, кроме звёзд. Впечатление создавалось такое, будто наперерез двигалась невидимая протяжённая масса, обладающая гигантским гравитационным полем.

Ло Вейянь включил компьютер бортового исследовательского комплекса, но тот лишь констатировал факт появления гравитационной аномалии да нарисовал примерную конфигурацию поля, которая привела в состояние ступора весь экипаж китайского корабля. Космолёт сбила с курса прямая, колоссальной длины, но тонкая стена или лента, притягивающая к себе объекты как массивная планета!

— Этого не может быть! — проговорил с дрожью в голосе тайконавт-исследователь Цзянь Ке Мынь. — Это же настоящая Китайская Стена!

— К дьяволу твои восторги! — рявкнул Ло Вейянь. — Что делать?! Нас сносит прямо на эту стену!

— Я не специалист по тёмным силам. Запроси рекомендации у Кормчего.

Кормчим тайконавты называли главный компьютер корабля.

— Он даёт только одну рекомендацию — развернуться и включить двигатель на полную тягу.

— Значит, это единственный правильный выход.

— Кормчий, твой совет принимается. Разворачивай ладью и врубай форсаж! Цзянь, попытайся определить, что это такое. Зря мы, что ли, тащили с собой телескоп и всякую исследовательскую хрень. Лю Чен — радио на базу, пусть там поломают головы, как обойти эту чертову стенку.

«Шэнь Чжоу» ощутимо упёрся в пространство максимальным выхлопом двигателя, по-прежнему не видя впереди ничего, что бы соответствовало представлениям экипажа о массивных объектах. На планету или рой астероидов эта странная тонкая «лента», или «стена», не походила уж никак. Но притягивала к себе корабль не слабее достаточно крупной планеты.

Тайконавтов вдавила в кресла сила инерции, равная пяти «g». Однако терпели, понимая, что ничего хорошего встреча с «Китайской Стеной» не сулит.

Скорость космолёта упала почти до нуля. Некоторое время длилось зыбкое равновесие в положении корабля. Двигатель остановил падение на «стену», однако его мощности не хватало, чтобы отвести корабль от необычного «гравитационного волновода».

— Двигатели маневра! — прохрипел штурман. — Почти тонна тяги!

— Нас раздавит как слизней!

— Есть другой выход?

Ло Вейянь думал ровно три секунды, дыша, как вытянутая на берег рыба.

— Кормчий, маневровые на ось!

— Не рекомендую, здоровью экипажа может быть причинён...

— Запускай!

Но компьютер не успел включить двигатели маневра.

«Шэнь Чжоу» уже давно двигался в поясе астероидов. И хотя плотность небесных камней в поясе была невелика — можно пролететь его насквозь и ни разу не наткнуться на булыжник, — всё же камни эти имелись, иногда сбиваясь в струи и стаи, и один из них, размером с автомобиль, притянутый «Китайской Стеной», именно в этот момент и налетел на корабль, уже начавший удаляться от опасной аномалии.

Удар потряс космолёт!

Астероид свернул носовой обтекатель с антенной локатора, повредил следящие системы, сделал вмятину в корпусе, сломал верньеры маневровых ракет и разорвал лонжероны тангаж-крыла.

Двигатель отключился. Медленно кувыркаясь в пространстве, корабль устремился к невидимому, пролетающему мимо объекту, действительно имеющему сходство с тонкой и плоской стеной, но огромной длины — более четырёх тысяч километров, судя по оценке бортового вычислителя.

Странная сила начала скручивать космолет и всё, что находилось внутри: приборные панели, кресла, экраны, стены, тела людей. Тайконавты закричали.

— Кормчий... радио... на базу... — с трудом выговорил Ло Вейянь. — SOS...

— Выполняю, — отозвался компьютер.

В центре единственного работающего экрана обзора показалось какое-то мутно-белое пятно. Через несколько секунд оно заполнило весь экран, превращаясь в снежно-ледяную гору. «Шэнь Чжоу» крутанулся вокруг оси и врезался в гору кормой...

2

Собирались как по тревоге при объявлении войны.

Ровно в семь утра четвёртого января в Центре экстремального космического оперирования, располагавшемся на космодроме в Плесецке, началось совещание, на котором присутствовали шесть человек: начальник ЦЭОК генерал Зайцев, глава службы безопасности Российских войск космического назначения генерал Матвейкин, замминистра обороны Рагозин, командующий РВКН генерал-полковник Степчук, эксперт по космическим исследованиям, главный технический специалист профессор Черников и советник президента по науке Ферсман. Открыл совещание Матвейкин:

— Коллеги, мы только что получили оперативную информацию из Китая секретного характера.

— По закрытым каналам, я полагаю? — рассеянно заметил Ферсман, могучий, бородатый, с шапкой чёрных вьющихся волос. — Насколько мне известно, СМИ и открытые китайские каналы молчат.

Матвейкин пожевал губами, он не любил, когда его перебивали, но высказывать недовольство советнику не стал.

— Месяц назад китайцы запустили в пояс астероидов свой новый «Волшебный корабль» — для поисков астероидов из чистого золота.

— Они что, идиоты?

— Ну почему? — поморщился лысый, с огромными очками на пол-лица, профессор Черников. — Если в пространстве встречаются чисто железные метеориты и даже глыбы из дейтериевого и тритиевого льда, то почему бы в поясе астероидов не летать золотым метеоритам? Другое дело, что вероятность встречи с таким объектом чрезвычайно мала.

— Зато китайцы, судя по всему, встретили не менее интересный объект, — продолжил речь Матвейкин. — Четыре часа назад «Шэнь Чжоу-105» передал две радиограммы в китайский Центр управления полетами на Луне. В первой сообщается, что тайконавты наткнулись на невидимый массивный объект малого диаметра, но длиной более четырёх тысяч километров, из-за чего они и назвали его «второй Китайской Стеной»[1]. В последней радиограмме компьютер корабля доложил о столкновении с ледяной

[1] Длина Великой Китайской стены равна 4000 км. *(Примеч. автора.)*

горой, возникшей на пути. После этого китайцы замолчали и молчат до сих пор.

Находящиеся в кабинете начальника ЦЭОК ответственные лица российского Космического агентства переглянулись.

— Вы считаете, что они разбились? — поинтересовался Рагозин.

— Возможно.

— Тогда зачем вы собрали нас здесь?

— Во-первых, в любом случае требуется спасательная экспедиция, и только мы можем её организовать.

— А американцы?

— И американцы. — Матвейкин усмехнулся. — Именно по этой причине надо отреагировать быстро, иначе они нас снова опередят.

— Китайцы просили о помощи?

— Нет.

Командующий РВКН исподлобья посмотрел на замминистра.

— Мы не имеем права...

— Есть и другой аспект проблемы, Геннадий Сергеевич, — перебил его Матвейкин. — Объект, на который напоролись тайконавты, настолько необычен, что нашим специалистам не мешало бы посмотреть на него вблизи. Представляете, длина четыре тысячи километров, и при этом он тонкий и совершенно прямой!

— Я бы всё же запросил китайцев...

— Вообще интересная штука получается, — вмешался в разговор Черников. — Мы всё чаще сталкиваемся с удивительными явлениями в космосе, налицо статистическая концентрация артефактов. Сначала это был астероид Ирод, упавший на Венеру. Потом Окурок, занявший позицию между Меркурием и Солнцем. Наконец, Плутон с его таинственно пробудившейся жизнью. И теперь вот... гм, гм... «Китайская Стена»... которая скорее всего представляет собой искусственное сооружение. Напрашивается один неординарный вывод...

— Какой?

Черников помолчал.

— Пока я не могу его огласить, мне надо посоветоваться с коллегами. Да и данных не хватает. Вот почему я за экспедицию к объекту.

— С чего вы взяли, что эта... м-м... «Стена» является искусственным сооружением?

— А вы можете представить себе естественный массивный объект протяжённостью в четыре тысячи километров и ничтожно малого диаметра? Да ещё совершенно прямой? Я лично не могу.

— Как эта «стена» появилась в космосе? И что означает ваша «статистическая концентрация»?

— Этот термин предложил Глинич, летавший вместе с экипажем Молодцова... но опять же не хватает данных. Необходима исследовательская экспедиция.

— Прежде всего нужен спасательный рейд, — проворчал генерал Зайцев. — А уж потом можно будет думать об изучении «стены».

Все посмотрели на него, перевели взгляды на главу службы безопасности.

— Корабль готов — второй наш «Амур», — сказал Матвейкин. — Нужен экипаж.

— Пошлите команду подполковника Молодцова, — пожал плечами замминистра. — По моим сведениям, это наш лучший экипаж.

— Молодцов уже полковник.

— Прекрасно.

— Лучший-то он лучший, — почесал темя Зайцев, — но ребята всего десять дней назад вернулись из рейда на Плутон. К тому же у Молодца... у полковника Молодцова жена в больнице, он сейчас с ней.

— Что значит — с ней?

— Его жена — капитан-командор американских ВКС Кэтрин Бьюти-Джонс, он спас её во время рейда на Плутон. А лежит она, разумеется, в клинике НАСА, во Флориде.

— Вызовите его. Всё равно лучше Молодцова командира нам не найти. А рисковать нельзя. Объект, обнаруженный китайцами, может иметь огромную научную и практическую ценность для державы.

— Кто бы спорил. Но человек в стрессовом состоянии, ещё не отдохнувший как следует, может наделать ошибок.

— Что это вы так защищаете полковника Молодцова, Константин Петрович? — прищурился Рагозин. — Он же профессионал, должен справляться с любыми нервными потрясениями. Да и в команде у него не новички.

— Ему пора заняться другими делами, он мой зам...

— Одно другому не мешает. — Замминистра глянул на помалкивающего командующего РВКН. — Геннадий Сергеевич,

не теряйте время, посылайте «Амур» к... э-э... предлагаю назвать объект Космической Китайской Стеной. Первый «Амур» показал себя в высшей степени замечательно, думаю, и второй не подкачает.

— Слушаюсь, — буркнул Степчук.

3

Денис летел в Москву с тяжёлым сердцем.

Несмотря на то что состояние Кэтрин не внушало особых опасений, жена ждала ребенка — пошёл уже четвёртый месяц беременности, — и пережитый ею стресс на Плутоне не мог не сказаться на здоровье будущего отпрыска. Однако отказаться от полёта к объекту под названием ККС — Космическая Китайская Стена — он не мог. Как не мог и сообщить жене причину вызова.

Ровно через шесть часов после совещания в Плесецке с Плесецкого космодрома взлетел российский «челнок» «Амур-2» и направился к Ориону, откуда пришёл сигнал SOS, посланный китайским космолетом. Экипажу «Амура» не нужно было рассчитывать инерционные фазы полета и считаться с полями тяготения встречающихся планет и астероидов. Его траектория представляла собой луч, да и скорость он набирал почти равную скорости света благодаря удивительному изобретению академика Леонова, названному эграном, — электрогравитационному генератору, использующему поляризационные свойства вакуума.

Снедаемый нетерпением — хотелось вернуться домой как можно скорее, Денис решил дать эгран-двигателю полную нагрузку, и его надежды оправдались: «Амур» преодолел разделявшее Землю и пояс астероидов расстояние за двадцать восемь часов. Экипаж в составе капитана Славы Абдулова, космонавта-исследователя Феликса Эдуардовича Глинича и бортинженера Миши Жукова не возражал против инициативы командира. Мужчины понимали его состояние и верили, что принимаемые им решения непогрешимы.

Космическую Китайскую Стену они обнаружили задолго до прибытия в район её дрейфа.

Исследовательский комплекс на борту корабля, управляемый компьютером по имени Добрыня, был существенно мощнее того, что стоял на первом «Амуре», и позволял команде в минимальные сроки анализировать состояние среды в радиусе многих

тысяч километров. Гравитационное «дыхание» Космической Китайской Стены он уловил с расстояния в два миллиона километров.

Вскоре Добрыня смог оценить и другие параметры Стены, после чего синтезировал её объёмное изображение в экране обзора.

Китайцы перемудрили с названием открытого ими объекта, ни о какой «стене» речь не шла. Это была колоссальной длины нить или очень тонкая — диаметром в доли сантиметра, если не меньше, — трубка, совершенно прямая и очень массивная. Каждый метр её длины гравитировал как танкер в миллион тонн весом, а вся она притягивала к себе попадавшиеся по пути предметы как планета, равная по массе по крайней мере Земле.

— Ни хрена себе! — проговорил Слава Абдулов, оглядываясь на Глинича. — Феликс, я сплю или нет?

— Тогда мы спим все, — флегматично отозвался планетолог.

— Никакая это не стена!

— Абсолютно согласен.

— Тогда что это?!

— Струна.

— Что?!

— Ты знаком с космологическими теориями?

— В общих чертах, а что?

— По одной из них, считающейся самой адекватной, при фазовых переходах в ранней Вселенной в вакууме возникали топологические «трещины», или «дефекты».

— Точно, их назвали суперструнами!

— Нет, суперструны — это из другой физической епархии, связанной со структурой элементарных частиц и мерностью пространства. Я же имел в виду космологические струны, обладающие рядом интереснейших качеств.

— Долго объясняешь.

— Толщина этих струн лежит в интервале от десяти в минус двадцать девятой степени до десяти в минус тридцатой степени сантиметра, а масса...

— Короче, Склифосовский!

— Короче, возможно, мы имеем дело с такой гиперструной. Большинство из них по теории свернулось в кольца, мы же видим развернутую струну.

— Откуда она взялась в Солнечной системе?

— Спроси чего-нибудь полегче.

— А что это за узелки на ней?

— Скорее всего притянутые из космоса объекты — астероиды, ядра комет, камни, обломки планет и прочий мусор.

— Командир, мы входим в пояс астероидов, — напомнил компнавигатор корабля по имени Умник. — Необходимо снизить скорость.

— Мы не на прогулке, — мрачно отрезал Денис. — Если китайцы ещё живы, мы обязаны их спасти. Курс — на объект! Торможение в форсмажорном режиме!

— Слушаюсь.

«Амур» продолжал мчаться вперед с той же скоростью, догоняя Космическую Китайскую Стену, двигающуюся с приличной скоростью — около двухсот километров в секунду — почти точно поперёк плоскости эклиптики.

— Китайцам повезло, — со смешком сказал Миша Жуков, чаще других покидавший рубку для осмотра своего энергетического хозяйства. — Если их Стена будет шпарить с той же скоростью и в том же направлении, она проткнёт эклиптику за три дня и выйдет за пределы Системы.

Денис промолчал. Он думал лишь о том, чтобы спасательная экспедиция наконец достигла цели и, не мешкая, взяла обратный курс. Китайская Стена, оказавшаяся, по словам Глинича, «развернутой гиперструной», не показалась ему достойным для изучения объектом по сравнению с астероидом Ирод и горловиной входа в иной мир под названием Окурок, с которыми он познакомился во время прошлых рейдов.

Через два часа «Амур» приблизился к убегающей Стене на расстояние вдвое меньше, чем расстояние от Земли до Луны. И сразу начали сказываться эффекты нелинейности гравитационного поля сверхтонкой «струны», обладающей чудовищной массой.

«Амур» стал плохо слушаться управления.

Какая-то сила начала скручивать его в «бараний рог», изгибать по длине и одновременно по диаметру (!), из-за чего люди внутри испытывали странные ощущения и стали часто терять ориентацию. Лишь Умник, как машина, избавленная от физиологической информации и проявлений человеческой психики, продолжал контролировать движение корабля и не поддавался на «провокации» тороидального гравитационного поля Китайской Стены.

По мере приближения к ней экипажу удалось с помощью локатора и телескопа обнаружить более сотни разного размера тел,

«налипших» на космическую «струну». Среди них были и снежно-ледяные глыбы, и каменные горы, и целые рои камней, а также удивительные структуры, напоминающие кольца наподобие колец Сатурна, только в миниатюре.

— Интересно, из чего состоят эти кольца? — заметил Абдулов, успевая заниматься контролем состояния систем корабля, ориентированием и обзором космических панорам.

— Вероятнее всего, из частиц пыли, мелких камней и песчинок, — ответил Глинич.

— Почему же эта пыль не падает на Стену?

— Потому что она вращается вокруг «струны». Таких колец должно быть много. Кстати, возможно, что материал колец захвачен «струной» далеко от Солнечной системы, стоит попытаться взять образцы.

— Почему далеко?

— Потому что она наверняка путешествует в космосе не один миллион лет и нацепляла на себя столько артефактов, что стала бесценной. Вполне может быть, что мы найдем здесь даже обломки сооружений других разумных существ. Если только...

— Если что? Договаривай.

— Если только сама она не является частью искусственного сооружения.

— Ну это ты загнул, теоретик!

Денис тоже посмотрел на планетолога с удивлением. Под таким углом зрения он на Китайскую Стену не смотрел.

— С чего ты взял, Феликс Эдуардович?

— Если верить теории, космологические «струны» должны иметь гораздо большую длину, порядка сотен тысяч и даже миллионы световых лет. А тут всего четыре тысячи километров. Вот и родилась идея.

— М-да, фантазии тебе не занимать, — хмыкнул Абдулов не без уважения. — Не зря тебя на базе прозвали «некремлёвским мечтателем».

«Амур» заметно повело из стороны в сторону. Так он реагировал на очередное гравитационное завихрение.

Абдулов охнул.

— Командир, может, не будем подходить слишком близко? Уж очень тут неуютно, желудок постоянно наружу просится.

— Мы спасатели или где, капитан? Думай лучше, как нам снять с этой Стены китайцев. Умник, сообщение на базу: мы у цели...

4

Матвейкин ворвался в кабинет Зайцева как всполошенный охотниками лось.

Начальник ЦЭОК с недоумением взглянул на генерала, обычно сдержанного и порой даже меланхоличного.

— Что случилось, Владимир Федорович? На вас лица нет.

Глава службы безопасности РВКН сделал глубокий вздох, с трудом возвращая хладнокровие.

— Только что стало известно... китайцы направили в пояс астероидов еще один аппарат.

— Ну и что?

— Это их второй космолет с леоновским двигателем.

— Всё равно команда Молодцова стартовала раньше...

— В том-то всё и дело, что китайцы стартовали сразу же вслед за «Амуром», с разницей всего в пять часов.

Зайцев нахмурился, погладил гладкий коричневый череп, встал из-за стола.

— Ты полагаешь...

— Ничего я не полагаю. Самое плохое, что китайцы официально не признались в запусках своих «волшебных челноков» за орбиту Марса. А это говорит о том, что цели их далеки от благородных. Если они увидят наших ребят возле своей Китайской Стены...

— Положим, она им не принадлежит. Да и не станут же они нападать на спасателей?

Матвейкин выдавил бледную улыбку.

— Мы ведь тоже не афишировали полёт «Амура». Так что варианты контакта могут быть самыми разными.

— Так предупредите Молодцова или вообще отзовите, пусть китайцы сами спасают своих парней.

— «Амур» не отзывается на вызовы.

— Почему?

— Эксперты полагают, что радио и лазерные пакеты отклоняются тороидальным гравитационным полем Стены. Может быть, полковник нас и слышит, и отвечает, но ответные его передачи до нас не доходят.

— Хреново, генерал!

— Сам знаю. Одна надежда — на опыт и светлую голову Молодца.

— Ты ещё помолись.

— Да и помолился бы, коли б помогло.

— Что будем делать?

— Вызывать «Амур»... и ждать.

На столе начальника ЦЭОК зазвонил мобильный телефон.

Зайцев посмотрел на него с подозрением, поднёс к уху.

— Слушаю... добрый день... да, я...

Затем лицо генерала изменилось. Он в замешательстве прикрыл микрофон ладонью, повернулся к собеседнику.

— Кэтрин Джонс... жена Молодца... спрашивает, где её муж...

— Откуда у неё ваш телефон? — нахмурился Матвейкин.

— Наверное, Денис дал... Что сказать?

Начальник службы безопасности пожал плечами. Он не знал, что ответить американке, но был уверен, что разглашать государственную тайну не имеет права.

— Соври что-нибудь.

— Не хочу.

— Тогда скажи, что Молодцов отправлен в спасательный рейд.

— И всё?

— И всё.

Зайцев сдвинул ладонь, кашлянул и сказал казённым голосом:

— Полковник Молодцов выполняет задание командующего...

5

Мощь нелинейного гравитационного поля Китайской Стены превышала возможности «Амура», и, чтобы не свалиться на неё, Глинич предложил превратить корабль в своеобразный поперечный спутник «струны». После недолгих расчетов Умник сориентировал корабль таким образом, чтобы «Амур» не только вращался вокруг «струны», но и одновременно двигался вокруг неё по спирали, и космолёт начал наматывать витки на невидимую «струну», продвигаясь по её длине к одному из торцов.

Сначала радиус орбиты установили равным трёмстам километрам, затем поняли, что не в состоянии терпеть постоянные боли в нервных узлах от скручивания тел и общий дискомфорт (желудок отказывался принимать пищу в таких условиях, а глаза отказывались выполнять функции органов зрения), и корабль отвели чуть дальше, на пятьсот километров. Хотя это почти ничего не изменило в смысле улучшения физического состояния.

Но чем дальше от «струнной» Стены отдалялся «Амур», тем меньше деталей видели на ней космонавты, и вероятность обнаружения потерпевшего крушение китайского космолета падала катастрофически. Тем более что с такого расстояния увидеть двадцатиметровый китайский «челнок» визуально не представлялось возможным. Засечь и опознать его мог только локатор «Амура».

В общем, все понимали, что обречены работать в таких нестандартных условиях, и запаслись терпением.

Дважды Умник реагировал на яркие отражения сигнала локатора, заставлявшие экипаж останавливать продольное движение корабля и тщательно анализировать параметры отблеска.

В первом случае локатор обнаружил железистый астероид размерами с трёхэтажный дом, во втором — некий странный объект в форме ежа, отражающий луч локатора не хуже металлической болванки. Но всё-таки на китайский «челнок» этот «ёж» не походил.

— В сообщении китайцев говорилось, что их колымага врезалась в ледяную гору, — вспомнил Абдулов. — Давайте искать ледяные глыбы.

Денис кивнул, принимая совет.

Умник сориентировался быстро, отсортировал «мусор», налипший на «струну», и вскоре на экране стали появляться встречавшиеся на пути, нанизанные на «струну», как бусы, снежно-ледяные образования: снежинки размером со стадион, горы, облака, «снежные бабы» и угловатые «сосульки». Однако прошло достаточно много времени, прежде чем стали попадаться ледяные кружева с яркими вкраплениями металла. Каждую такую встречу приходилось долго анализировать, пуская в ход исследовательский комплекс, и продвижение «Амура» вдоль «струны» существенно замедлилось.

— Ну хорошо, допустим, мы их найдём, — заговорил Абдулов, бледный, заросший щетиной, с тенями под глазами; впрочем, примерно так же выглядели все члены экипажа. — Что потом? Как мы их вытащим?

— Придумаем что-нибудь, — оскалился Денис. — Главное — найти.

Абдулов скептически дёрнул щекой, снова приник к окулярам телескопа. Потом оглянулся на молчаливого бортинженера.

— Миша, мы сможем уйти от «струны» на форсаже?

— Эгран рассчитан на старт и посадку на такие планеты, как

Земля, — ответил Жуков. — Есть такое понятие — критическое сечение энергозахвата...

— Да или нет?

— Мы не пробовали форсажные режимы. Может быть, генератор справится.

— А если нет?

Жуков оттянул губу, нерешительно посмотрел на Дениса.

— Можно рискнуть...

— Запросим базу, пусть поломают головы эксперты.

— Забыл, что у нас нет связи?

— Работайте! — сжал губы Денис. — Потом будем прикидывать варианты спасения китайцев. А пока...

— Смотрите! — перебил командира Глинич, тыча пальцем в экран. — Похоже, я был прав.

Все уставились на экран обзора, в глубине которого виднелось синтезированное изображение Космической Китайской Стены: светящаяся зелёная линия и разного размера узелки и звёздочки на ней. Компьютер дал вариацию увеличения одного из узелков в левом сегменте экрана, стал виден прозрачно-голубой ледяной ком, а рядом вдруг возникла идеальная сфера, усеянная чёрными точками.

— Что это? — осведомился Абдулов.

— Китайцы... — начал Жуков.

— Это не китайцы. Размеры этого шарика — около двух километров. — Глинич нервно потёр ладонь о ладонь, чего с ним не случалось давно. — По-видимому, эту штуку «струна» подцепила где-то в космосе, пролетая мимо обитаемой звёздной системы. Командир, более ценной находки я ещё не видел! Надо стыковаться и...

— Остынь, Эдуардович, — буркнул Абдулов. — У нас нет ни времени, ни средств на изучение феномена. Здесь нужна хорошо подготовленная экспедиция.

— Стена скоро пересечёт диск эклиптики и навечно канет в пространство! Мы будем преступниками, если не воспользуемся случаем.

— Мы станем преступниками, если не выполним поставленную перед нами задачу.

— Вы не понимаете...

— Отставить базар! — бросил Денис. — Сначала — спасоперация, всё остальное потом!

— Но мы сюда больше не вернёмся, командир! Или вернёмся?

— Посмотрим на обстоятельства. Слава, попробуй всё-таки установить связь с базой.

— Есть, командир.

Однако связь с Центром управления на Земле им установить так и не удалось. Мешало «плавающее, вздрагивающее и шатающееся» гравитационное поле Китайской Стены с резко изменяющимся градиентом. Пока «Амур» находился рядом с ней, помочь его экипажу советом эксперты на Земле не могли.

6

Китайский корабль они обнаружили спустя сутки.

Корма «Шэнь Чжоу» торчала из огромной ледяной горы как исполинский подсвечник и была хорошо видна издалека. Спутать её с чем-нибудь ещё было невозможно, так как китайские ракетчики старательно копировали все российские разработки, в том числе и последнюю — «Ангару-Амур» с леоновским электрогравитационным двигателем.

Кроме «Волшебного корабля» на этом космическом ледяном айсберге размером с Эверест были видны еще какие-то предметы, отражавшие луч локатора так же сильно, как и корпус «челнока», но они скорее всего являлись деталями обшивки или же металлическими вкраплениями во льду астероида.

На вызовы, однако, тайконавты не ответили.

— Что дальше? — осведомился Абдулов скрипучим голосом. — Надо либо садиться рядом, либо...

— Что? — кинул на него Денис мрачный взгляд.

— Либо возвращаться домой! Какой смысл снимать китайцев с их разбитого корыта, если мы не сможем вернуться обратно? К тому же ещё неизвестно, живы они или нет. Небось разбились на хрен!

Денис стиснул зубы, чтобы не выругаться, потрогал щетину на подбородке: он, как и все, не брился уже трое суток.

— Подходим ближе. Готовимся к посадке. У нас будет всего несколько минут на проверку, живы китайцы или нет. Если да — режем корпус кабины управления, перетаскиваем их к себе и взлетаем. Если нет — стартуем немедленно. Миша, на тебя вся надежда.

— Сделаю всё, что смогу, — смутился бортинженер. — Выдержал бы эгран...

— Поехали!

«Амур» начал уменьшать радиус орбиты, приближаясь к «струне» Космической Китайской Стены.

Четыреста километров...

Рыскание и раскачивание корпуса увеличились. Космонавтов начало тошнить, как во время шторма на борту небольшого морского судёнышка.

Триста километров...

Боли усилились, особенно головные и в области сердца.

Двести километров...

Расстроилось зрение. Перед глазами людей начали вспыхивать странные видения. Рубку наполнили призраки, свободно проходящие сквозь стены. Ориентироваться стало труднее. Чтобы увидеть показания приборов, надо было чуть ли не уткнуться в них носом.

Сто километров...

Корабль стал дёргаться, словно человек от кашля.

Волны искривления побежали по стенам рубки быстрее. В цепях управления начались сбои, сама собой включилась сирена тревоги. Денис с великим трудом нашёл красный грибок отбоя тревоги на правой панели воклера. В кабине стало тихо.

Пятьдесят километров...

— Есть связь, командир! — изумлённо и обрадованно заорал Абдулов. — Нам пришло сообщение от Зайцева! Он говорит, что кто-то летит вслед за нами... Ах, черт, сорвалось! Не слышу больше ничего... вот незадача...

— Странно, что мы вообще их услышали, — пробормотал Глинич. — Кто там летит за нами?

— Да не понял я...

— Внимание! — раздался голос Умника. — Отмечаю появление неопознанного управляемого объекта!

— Где?! — в один голос воскликнул экипаж.

Компьютер переключил вектор обзора. В экране стала видна полусфера пространства со стороны кормы корабля. В поле обзора на фоне звёздных россыпей загорелся алый огонёк. В нижнем сегменте экрана протаяло изображение удлинённого овала с острым клювом и розеткой кормы.

— Космический «челнок» типа «Шэнь Чжоу-105», — снова заговорил Умник, в течение секунды определив принадлежность

корабля. — Расстояние — двадцать два километра, скорость — пять единиц.

— Китайцы! — пробормотал Абдулов ошарашенно. — Они таки послали своего спасателя! Во дают, узкоглазые! Лепят ракеты, как пирожки! А вообще, всё идёт отлично, командир! Пусть теперь и спасают своих сами!

— Выпей валерьянки, — посоветовал Жуков. — Разве мы их бросим?

— Умник, запроси их.

— Не отвечает, — доложил компьютер.

— Врубай аварийную волну, иллюминацию, опознавательные огни, лазерную связь.

— Есть!

Прошла минута, другая. Догнавший «Амур» китайский космолёт не отвечал, но существенно приблизился. Теперь корабли разделяло всего четыре километра, и расстояние продолжало сокращаться.

— Что они делают?! — прошептал Жуков.

— Слава, что сказал Зайцев?

— Я почти ничего не разобрал. Нас кто-то пытается догнать... теперь понятно кто. А в экипаже у них всего два человека. И ещё я вроде бы услышал странное слово «ведчики».

— Может быть, разведчики? — предположил Глинич.

— При чём тут разведчики? Тогда уж контрразведчики, коль речь идёт о китайцах. Они запустили вдогон за нами своих контрразведчиков.

— Зачем?

— Чтобы не допустить утечки информации.

— Мы же с ними сотрудничаем в космосе... с ними и с американцами...

— Каждая держава всё равно вынуждена охранять свои секреты. Наша, кстати, тоже. Так ведь, Феликс Эдуардович? Ты ведь у нас не только спец по космосу, но и контрразведчик.

— Без комментариев, — остался невозмутимым Глинич.

Корабли сблизились ещё на километр.

Китайский космолёт слегка замедлил скорость, но продолжал упорно держаться за кормой «Амура», словно собирался пристыковаться к нему.

— Может быть, он вообще без экипажа? — предположил Жуков. — Идёт на автомате...

— Китайская автоматика пока не в состоянии самостоятельно... — Денис не закончил.

Приближающийся космолёт выбросил яркий алый лучик.

— Лазерное нападение! — отреагировал Умник. — Мощность в импульсе девятьсот тераватт! Угроза повреждения энергокапсулы!

— Они с ума сошли?! — ахнул Абдулов.

Жуков начал выбираться из кресла:

— Если луч попадёт в эгран...

— Сиди! — приказал Денис. — Умник, маневр влево! Приготовить к выстрелу кормовой лазер!

Но ответить на атаку преследователей они не успели.

Китайский «челнок» испустил ещё один яркий лучик, корабль содрогнулся, и Умник хладнокровно констатировал:

— Прямое попадание в гондолу генератора! Повреждён эгран! Пожар в отсеке вакуумсоса! Отключаю двигатель!

— Я в отсек! — метнулся из рубки Жуков.

— Командир, мы падаем! — крикнул Абдулов. — Если они выстрелят ещё раз, нам кранты!

— Умник, ответь!

Компьютер, успевший навести кормовой лазер на чужой корабль, выстрелил.

Китайский «челнок» резко замедлил ход.

Но это не могло помочь «Амуру», двигатель которого отключился и уже не мог противодействовать силе притяжения Китайской Стены. Корабль неудержимо повлекло к «струне».

— Разворот кормой по вектору движения! Двигатели маневра на полную тягу!

Умник повиновался.

На тела людей упала чугунная плита экстренного торможения.

Выругался сквозь зубы Абдулов. Что-то пробормотал Глинич. Денис, почти ослепший от отлива крови от головы, не видя экрана обзора и панелей управления, откинулся на спинку кресла, чувствуя, как трещат кости и лёгкие судорожно пытаются вытолкнуть застрявший в них воздух.

Впереди выросла призрачная гора космоайсберга.

— Держитесь! Миша, садимся, хватайся за что-нибудь!

Удар, скрежет сминаемого металла, грохот сорвавшихся с мест кресел, острое шипение начавшего просачиваться сквозь трещины воздуха...

Больше Денис не услышал ничего.

7

Восстановлению и ремонту «Амур» не подлежал, несмотря на чудом уцелевшие системы навигации и обзора.

Это стало ясно после доклада Умника, проверившего состояние всех узлов корабля и сделавшего печальный вывод. Но экипаж практически не пострадал, хотя и чувствовал себя хуже некуда. Скручивающая тела гравитация «струны» была так сильна, что мышцы не справлялись с удержанием тел в равновесном состоянии, и космонавты вынуждены были всё время напрягать их, шевелиться, пытаясь найти позу, при которой мучившие их боли стали бы чуть слабее.

— Что будем делать, пацаны? — прохрипел синий от переживаемого Абдулов, извиваясь в своем кресле как червь. — Похоже, это наш последний рейд.

— Ещё не вечер, — возразил Денис, также ища положение, уменьшавшее боль в костях. — Феликс Эдуардович, есть идеи?

— Я понял, — отозвался планетолог после паузы; голос его был глух и невнятен, но, судя по всему, паниковать спец по непознанным космическим явлениям не собирался.

— Что ты понял?

— Что происходит.

— Китайцы, дышло им в печёнку, нас сбили! — выговорил Абдулов в три приёма. — Вот и все события.

— Я не об этом.

— А о чем?

— Я знаю, что происходит в Солнечной системе.

— Бардак!

— Не перебивай, Слава.

— Мы имеем ярко выраженный вектор воздействия на Систему. Астероид Ирод, объект Окурок, десант неизвестной формы жизни на Плутон, теперь эта проклятая Китайская Стена... целый шлейф артефактов!

— Короче, философ, сил нет терпеть!

— Я считаю, что Солнце в своём движении в коротационном круге Галактики вошло в обитаемую зону и наткнулось на следы древней цивилизации.

— Какие следы?

— Все объекты, которые мы же и исследовали, представляют собой искусственные сооружения. Надеюсь, возражать не будете? В крайнем случае это остатки искусственных сооружений и

объектов. Лично для меня нет сомнений, что мы все время сталкиваемся со следами разумной деятельности. Возможно, в Систему залетит еще не один удивительный объект со стопроцентной сфинктурой.

— Не каркай! Командир, Эдуардовича лечить пора.

— Нас всех пора лечить, — флегматично отозвался Глинич.

— Выходим! — наконец решился Денис после долгих мучительных поисков выхода из тупика. — Попробуем вскрыть китайский «челнок» или достучаться до них, если они еще живы.

— А те идиоты, что стреляли по нас, не помешают?

«Амур» внезапно содрогнулся.

Все замерли, прислушиваясь к затихающему гулу, чувствуя вибрацию стен и пола рубки. И словно в ответ на вопрос Абдулова, заговорил Умник:

— Стрелявший из лазера корабль упал в двух километрах от нас.

Космонавты переглянулись.

— Мы его всё-таки повредили, — пробормотал Абдулов, — при контратаке. Командир, давай-ка захватим на всякий случай оружие. Кто их знает, этих китайских контрразведчиков, они живучи, как тараканы. Да и намерения у них явно не дружеские.

Денис подумал и согласился.

— Берём личное оружие. Миша, погрузи в капсулу сопровождения гранатомёт и ПЗРК. Не забудьте НЗ, аккумуляторы, планинги и ЖК. Вперёд, спасатели!

Борясь с головокружением, а также с «кривой» силой тяжести, обливаясь потом, трепыхаясь как рыбы, вытащенные на берег, они выбрались из перекошенной рубки в тамбур, потом сошли на подсвеченный прожектором корабля голубовато-зелёный, с чёрными жилами и серебристыми вкраплениями, лёд космического айсберга, притянутого «струной». Саму «струну» — «голую», так сказать, увидеть было нельзя, но за время путешествия в космосе она обросла толстой «шубой» пыли и мелких частиц снега, льда и каменного материала, и космонавты некоторое время разглядывали в свете прожектора метровой толщины пушистую «трубу», протыкавшую ледяной астероид насквозь и уходящую в обе стороны в чёрные бездны пространства.

— Это и в самом деле не стена, — прошептал Жуков.

— Могила! — мрачно отозвался Абдулов. — Наша и китайцев. Кстати, я их не вижу.

— Вот они, — показал рукой Глинич, сумев отличить китайский космолёт от естественных торосов.

Хвост китайского «челнока» и в самом деле торчал изо льда в паре километров от разбившегося «Амура», отчётливо видимый на фоне слабо фосфоресцирующего свечения льда.

— Это те, ради кого мы прилетели? Или же те, кто нас догнал?

— Увидим. Не отставайте.

Денис первым направился к чёрному обелиску китайского корабля. Остальные, кряхтя, буквально поползли за ним, понимая, что сами находятся в таком же положении, как и тайконавты, но веря, что шанс спастись отыщется.

Ползли больше двух часов. Добрались до кормы «Шэнь Чжоу», изуродованного ударом о лёд, пытаясь по пути вызвать тайконавтов по рации. Но в эфире царила тишина, если не считать частые свисты, вой и треск помех. Не отозвались китайцы и на стук по корпусу корабля.

— Кирдык! — просипел Абдулов, вконец обессилев. — Китайская космонавтика в очень сильном упадке.

— Ты о чём, капитан?

— Я имею в виду, что грохнулись они прилично. В лепёшку! Кстати, искать второй «волшебный дредноут» я не пойду. Сил нет. Оставьте меня здесь.

— Отдохнём чуток, — Денис попытался придать голосу необходимую толику бодрости, — и попрёмся дальше.

— Не пойду! — упрямо заявил штурман. — К дьяволу всех китайцев, к дьяволу эту их Китайскую Стену, к чёрту эту жизнь! Всё равно нам отсюда не выбраться.

— Прекратить киснуть, капитан! Пока мы живы — шанс есть! Вставай!

— Давай я помогу, Слава, — подсунулся еле живой от перенапряжения Жуков.

Денис подставил Абдулову руку, Жуков взял его под локоть с другой стороны, и они поставили штурмана на ноги. Он выругался слабым голосом. Но сделал шаг, другой, третий...

— Эх, покопаться бы в этом льду! — мечтательно пробубнил Глинич. — Да и вообще по «струне» полазить... Столько интересного обнаружили бы...

— Фанатик... — выдохнул Абдулов. — Я с тобой больше не полечу.

— Почему?

— Дай тебе волю — ты и нас препарируешь.

— Смешно, — согласился Глинич.

Внезапно в наушниках раций послышался напряжённый женский голос:

— Эй, на айсберге! Есть кто живой?

Говорили по-английски.

Космонавты вздрогнули, останавливаясь.

— Кэтрин? — неуверенно проговорил Денис.

— Дэн?! — раздался в ответ ликующий вопль. — Ты жив?!

— Наполовину.

— Держитесь, мы уже близко!

Над головами космонавтов загорелась яркая звезда — прожектор американского шаттла.

— Не подходите близко! Это гравитирующая «струна»...

— Мы в курсе, нас предупредили.

— Кто, китайцы?

— При чём тут китайцы? Ваши учёные из ЦЭОК. А китайцев мы действительно встретили, час назад выловили спасательную капсулу, в ней два тайконавта...

— Свяжите их! Эти паразиты в нас стреляли!

— Что?!

— Не спускайте с них глаз! Кто знает, что у них на уме. А первые тайконавты, наверное, разбились, не отвечают ни на вызовы, ни на сигнализацию.

— Хорошо, — после паузы проговорила Кэтрин Бьюти-Джонс. — Я поняла. Всё под контролем. Ждите, мы что-нибудь придумаем.

Золотая звезда на фоне других звёзд Млечного Пути стала увеличиваться.

— Интересно, — со смешком сказал Абдулов, воспрянувший духом, — как долго вы будете спасать друг друга? Не пора ли просто зачислить твою жену в наш экипаж?

— Может быть, — улыбнулся Денис. — Может быть, после рождения сына.

РАССКАЗЫ

ГЛЮК

Открытия делаются по-разному.

Архимед едва не утонул в ванне с водой, после чего и открыл закон, названный впоследствии его именем.

Ньютону яблоко едва не проломило голову, в результате чего на свет появился закон всемирного тяготения.

Пусть это мифы, созданные склонными к юмору потомками великих мыслителей, но известно, что в каждой шутке только доля шутки. Ничего случайного в нашем мире нет. Просто случай, как теперь модно говорить, есть проявление ещё неизвестной нам закономерности.

К примеру, своё открытие Павел Смолин сделал тоже якобы случайно, после обидного проигрыша в шахматы своему напарнику. А произошло это на Луне, где работала созданная российскими специалистами российская же лунная станция «Мир».

Распорядок работы станции был такой: раз в два месяца на Луну прилетал корабль — «Ангара-2», привозил экипаж, забирал смену, и на станции всегда жили люди — от двух до пяти человек, в зависимости от сложности решаемых экспедицией задач.

Смолин и Гелий Тохтуев, чуваш по национальности (которого Павел обзывал чукчей и который никогда ни на что не обижался), прибыли на станцию второго февраля. В их задание входили геологоразведка и картирование района Луны в центре кратера Феофил, венчающего цепочку кратеров, самыми большими из которых были сам Феофил — диаметром около ста километров, Кирилл и Катарина. Кроме того, экипажу станции предстояло испытать новый вид вездехода, получившего кличку «луносипед».

Данный же район Луны (юго-восточный квадрант, западная оконечность Моря Нектара) был выбран для исследований не случайно. Ещё в середине прошлого века астрономы наблюдали здесь странные явления типа «лазерных вспышек» и перемеще-

ние по поверхности Луны каменных глыб и скал, а также необычные изменения ландшафта, которые объяснялись учёными как результаты лунотрясений. Вот в этом загадочном районе и «катался» на «луносипеде» экипаж станции «Мир», постепенно подбираясь к сети трещин и небольшому кратеру Феона, вокруг которого и происходили непонятные явления.

Пятого февраля, после обидного проигрыша «чукче», Павел Смолин оседлал вездеход, и в самом деле напоминающий большой велосипед с бубликообразными прозрачными колёсами, и направил его к ближайшему склону кратера Феона. С этого момента и начался отсчёт времени «случайного события», приведшего космонавта к величайшему из открытий, какие когда-либо совершали первопроходцы на Земле и в космосе.

В принципе, кратер Феона мало напоминал ударный метеоритный кратер. Скорее, это была какая-то дыра в дне Феофила или, может быть, жерло древнего вулкана. Именно по этой причине космонавтам и дали задание обследовать жерло, сулящее выход на какое-нибудь крупное месторождение полезных ископаемых или, того лучше, на подземные запасы водяного льда.

Смолин и Тохтуев уже сделали рекогносцировку местности, определив диаметр кратера — около восьмисот метров, — теперь им предстояло поближе познакомиться с валом кратера, представлявшим собой удивительно ровное кольцо, окружающее жерло. Кольцо это, шириной в двести метров, было разорвано трещинами, но всё же создавало впечатление искусственного, что, конечно же, только подогревало любопытство исследователей.

По плану Павел должен был объехать Феону по периметру, ведя видеосъёмку, и взять пробы лунного грунта на валу кратера. Но вместо этого он двинул вездеход к самому жерлу, прячущемуся в тени вала основного кратера, остановил «луносипед» на гребне и направил вниз прожектор.

К его удивлению, он и в самом деле увидел не кратер, а огромную круглую шахту, уходящую в недра Луны. Мало того, эта шахта была заполнена... прозрачной жидкостью, почему-то не замерзающей в условиях сверхнизких лунных температур. А так как тень кратерного вала надёжно скрывала жидкость от спутниковой аппаратуры и взора человека, увидеть её можно было только при освещении извне лучом света.

— Мама моя космонавтка! — проговорил Смолин.

— Что случилось? — тут же отозвался Тохтуев, по монитору

наблюдавший за манипуляциями напарника из кабины управления. — Почему ты изменил маршрут?

— Посмотри, что я обнаружил!

Смолин изменил наклон передней телекамеры вездехода, и «чукча», увидев шахту, заполненную «водой», не сдержал восклицания:

— Каток!

— Нет, это озеро.

— Ты хочешь сказать, что видишь это перед собой?

— Я не пил! — огрызнулся Павел. — И с ума не сошёл! Это шахта... по глотку заполненная водой... или каким-то жидким газом. Попробую подползти поближе.

— Не стоит, Паша. Опасно! Пойдём вдвоём, подготовимся сначала, возьмём тросик, скалолазное оборудование... да и в ЦУП надо сообщить о находке.

— Если они поверят... Неужели я не сплю?..

— Возвращайся.

— Я только загляну туда одним глазком и назад. Если я сплю, то это мне удастся.

— Тогда мы спим оба. Не суйся туда, умоляю!

Смолин, не отвечая, перешёл на ручное управление, тронул «луносипед» с места, подводя его к краю обрыва. И в этот момент плита, расколотая трещиной, венчавшая край, беззвучно обломилась, начала падать, увлекая за собой вездеход. Павел дал задний ход, но было уже поздно.

«Луносипед» ударился боком о ближайший скальный выступ, выбросил седока.

Смолин, и раньше не отличавшийся хорошей реакцией, растерялся и вместо того, чтобы включить ранцевый движок, способный вынести его наверх, на кромку обрыва, начал дёргаться, пытаясь дотянуться зачем-то до неспешно падающего рядом вездехода, и не заметил, как на него сверху свалился кусок отколовшейся плиты.

От удара в голове взорвался фейерверк. Павел судорожно схватился за шлем: показалось, что тот разбился вдребезги! — включил движок, но только усугубил положение. Рывок двигателя увлёк его вниз, в шахту, куда уже влетел «луносипед», плавно кувыркаясь и вращая прожектором. Космонавт со всего маху ударился о тот же обломок скалы. Последнее, что он успел ощутить и даже отчётливо услышать плеск! — был удар о поверхность озера. Сознание окончательно померкло...

В себя он пришёл благодаря действию скафандрового компьютера, включившего медицинский комплекс, который быстро привёл Смолина в чувство.

Павел открыл глаза, вспомнил о падении в озеро прозрачной жидкости, включил нашлемный фонарь... и понял, что всё еще продолжает падать! Никакого озера не было и в помине! Голова сладко кружилась и гудела, во рту появился странный пряный привкус, как после выкуривания сигары, но всё же сквозь мерцание в глазах он видел проплывавшие мимо стены шахты, и никаких следов «жидкости». Лишь изредка возникала и тут же исчезала тень сомнения в адекватности происходящего... и он снова видел себя падающим в пропасть.

«Хорошо, что я не на Земле», — мелькнула мимолётная мысль.

Это была вполне трезвая мысль, потому что слабое лунное тяготение не позволило развить ему большую скорость, а глубина шахты оказалась огромной. Во всяком случае за три минуты падения — ровно столько он был без памяти — Павел не достиг дна шахты, что давало ему шанс на спасение.

Он включил ранцевый движок.

Падение замедлилось. Прекратилось кувыркание. В свете нашлемного фонаря стали видны проплывающие мимо стены шахты — в полосах изморози, ребристые, с появляющимися и исчезающими более глубокими параллельными бороздами, будто прогрызенными зубьями каких-то чудовищных механизмов. В глаза брызнуло ярким светом: луч фонаря отразился от ряда выпуклых щитов, похожих на зеркала.

Шахта сузилась и внезапно изогнулась как кишка, превращаясь в наклонный тоннель. Не ожидавший этого Смолин не успел увернуться от приблизившейся стены, врезался в неё боком, движок отключился, и его понесло по тоннелю, как санки по ледяному жёлобу.

Долгое скольжение закончилось ударом о внезапное препятствие, и Павел в который раз потерял сознание. А когда пришёл в себя, поблагодарил создателя, что случилось это на Луне. На Земле он бы неминуемо разбился.

Препятствием, задержавшим «лунного ныряльщика», оказалась полупрозрачная многогранная колонна диаметром около двадцати метров, по оценке Смолина. Он поднялся, преодолевая головокружение, повертел головой во все стороны и обнаружил ещё ряд колонн — всего их насчитывалось двенадцать, — усеивавших всё пространство гигантской пещеры, высота которой

достигала не менее двухсот метров. Стены пещеры — насколько хватало луча света — искрились, покрытые сыпью мелких кристалликов соли, а может быть, льда, и были явно обработаны каким-то инструментом. Мало того, кое-где на стенах виднелись пояса выпуклых зеркальных щитов, соединявшиеся в непонятные узоры, а пол пещеры был выложен гладкими разноугольными — от треугольников до квадратов и двенадцатиугольников — плитами, также покрытыми кристалликами льда.

Поскальзываясь, Павел сделал несколько шагов, поражённый увиденным, вспомнил о напарнике, позвал, но рация молчала. Радиоволны не могли пробиться сквозь толщу лунных пород.

Мелькнула и пропала мысль: как же я обратно выберусь?!

За колоннами показался бликующий мыльный пузырь.

Смолин остановился, разглядывая возникший перед ним гигантский прозрачный шар с текущим внутри дымным кольцом. Дым казался живым существом, шевелящим тонкими ножками-струйками и отмахивающимся хвостом.

— Чтоб я сдох! — пробормотал Павел.

И, словно услышав его слова, дым внутри шара действительно ожил. В нём засверкали зеленоватые молнии, дымная струя резко сжалась в жгут, распалась на белёсые нити, образовавшие целую систему окружностей и эллипсов, а на нити оказались нанизанными туманные шарики разного цвета и размера. Спустя несколько мгновений в центре этой системы вспыхнул пламенный шарик.

— Мама моя... Солнце! — прошептал Смолин. — Солнечная система!..

Шарики двинулись с места, побежали по орбитам вокруг клубка пламени. Затем все они исторгли лучики света, прянувшие за пределы системы и шара, и вонзились в полупрозрачные колонны.

Колонны засветились изнутри, наполнились перламутровым туманом, туман пронзили сеточки молний, и колонны превратились в объёмные экраны, показывающие удивительные пейзажи.

Павел замер с открытым ртом.

Он ожидал увидеть ландшафты других планет — от Меркурия до Плутона, поверив, что и в самом деле видит Солнечную систему, то есть её схему, но лишь один пейзаж отвечал его пониманию сути происходящего — пейзаж третьей планеты, то есть Земли.

Зелёная долина, река, горы вдали и высокие перистые деревья, напоминающие пальмы или рододендроны, а также хвощи.

Остальные пейзажи никак не соответствовали тому, что знал и видел космонавт по фотографиям и фильмам, снятым автоматическими зондами землян. Они были разными, внутри колонн играли холодным огнём ледяные поля и хребты, плескались синие, фиолетовые, багровые и оранжевые моря, поднимались к небу скалы необычных форм, но все эти ландшафты были ж и в ы м и! В них присутствовала жизнь. От стай насекомых до могучих динозавров и сказочных тварей, вообще не похожих ни на одно животное Земли.

— Бред! — сказал сам себе Смолин.

И тотчас же колонны погасли.

Изменилась и схема планетарной системы.

Пропали все планеты, осталось лишь центральное светило, изменившее цвет на ослепительно белый и размер — вдесятеро больше прежнего. Затем на границе прозрачного шара, внутри которого и происходили чудесные метаморфозы, возникла красная искорка, двинулась к светилу, увеличиваясь в размерах. Вот она обросла светящимися нитями и превратилась в ажурный многоугольник, из центра которого вырвался серебристый лучик и вонзился в огненный шарик светила. И произошло нечто вроде взрыва, только взрыва направленного: светило вскипело и выбросило струю пламени, эдакий протуберанец, устремившийся прочь от светила, к прозрачной стенке шара. А затем эта струя вдруг начала распадаться на фрагменты, которые вскоре превратились в клубки жидкого багрового пламени.

Смолин охнул.

На его глазах рождалась Солнечная система! Только происходило это не естественным путём, как утверждали учёные, а искусственным! К юному Солнцу прилетело из глубин космоса н е ч т о и включило процесс развёртки планет!

— Чёрт побери! Что здесь происходит?!

Смолин не сразу сообразил, что слышит голос напарника. Оглянулся, ища глазами «чукчу» на фоне колышущихся стен пещеры.

Из-за поворота тоннеля блеснул луч фонаря, показался летящий на «колымаге» — так космонавты называли транспортное кресло аварийной системы спасения — Тохтуев.

— Слава Аллаху, ты жив! Что это?

«Колымага» приблизилась, двоясь и троясь, как отражение в

воде, опустилась на пол пещеры. Напарник Смолина выпростался из кресла, подплыл к нему.

Смолин оттолкнул его руку, повернулся к шару с картинками.

— Знаешь, что это такое?

— Что?

— Центр управления строительным комплексом!

— О чём ты?!

— Солнечная система была создана искусственно, и не богом-создателем, а какими-то разумными существами! Луна — их база!

— Ты с ума сошёл!

— Смотри!

Смолин сделал несколько шагов к хрустальному шару, внутри которого завершился процесс формирования планетарной системы. Голова закружилась, во рту появился привкус мыла. Но он преодолел приступ странной слабости и громко сказал:

— Повторите!

Развёртка Солнечной системы прекратилась. Процесс начался с начала: прилетел многогранник, выстрелил в Солнце, оно выбросило протуберанец, который начал распадаться на планеты. Многогранник полетал по образовавшейся системе и занял место возле третьей планеты. Для Земли он стал её спутником, который люди впоследствии назвали Луной.

— Понял? — оглянулся Смолин... и едва не потерял сознание от этого лёгкого движения. Голова закружилась сильней, наполнилась гулом и дымом.

А сзади никого не было! Тохтуев пропал вместе с «колымагой»!

— Чукча! Гелий! Где ты?!

— Здесь я, — послышался тихий, на грани слуха голос. — Лежи спокойно, я сделаю укол...

— Зачем?! — дёрнулся Смолин... и сквозь дым, мелькание огней и цветных пятен, сквозь меркнущее видение пещеры увидел лицо склонившегося над ним напарника. — Что это? Где я?

— Лежи, всё нормально, я тебя вытащил. Знаешь, куда ты провалился?

— В шахту... там база инопланетян...

— Ты упал в озеро сверхтекучей жидкости... это смесь газов — от гелия-три до гелия-четыре и ещё чего-то, спектрометр не берёт. Понимаешь?

— Нет...

— Ты бредил, никакой базы не существует, забавно было тебя слушать. Хотя я, честно говоря, испугался.

— Я... бредил?!

— Может, газ протёк через микротрещины в шлеме — стукнулся ты здорово, — он же сверхтекучий, даже я почувствовал эйфорию. Так что открытие ты всё же сделал.

— Я... думал... пришельцы... сделали Солнечную систему... Обидно! — Смолин разочарованно закрыл глаза. — Газ... ерунда...

Но он ошибался.

Так был открыт сильнейший в истории человечества галлюциноген, применение которого впоследствии изменило судьбу земной цивилизации, ускорив её конец.

Москва, пробка на Тверской, июнь 2005

ПОДЗЕМНАЯ ПТИЦА

Памяти ПВ-313

1

Олег Северцев возвращался из экспедиции буквально окрылённым: сбылись все его самые смелые предположения. Он убедился в истинности гипотезы академика Воробьева, что вся Земля пронизана искусственными тоннелями, прорытыми в толще земных пород на разных глубинах в эоцене, то есть десятки миллионов лет назад!

О тоннелях Северцев узнал ещё в юности, прочитав в газете сообщение о загадочном событии в Подмосковье, в окрестностях Солнечногорска.

Водитель Верешенской сельской администрации Владимир Сайченко обнаружил в озере Бездонном спасательный жилет Военно-морских сил США с идентификационной надписью, согласно которой он принадлежал матросу Сэму Беловски с эсминца «Колуэлл», взорванного террористами двенадцатого октября двухтысячного года в Аденском порту. Тогда погибли четыре матроса, а десять пропали без вести, в том числе и Сэм Беловски.

Каким образом спасательный жилет матроса из Индийского океана попал на территорию России, в Подмосковье, преодолев за три года четыре тысячи километров, объяснить так никто и не смог. Зато учёные, и среди них академик Воробьев, выдвинули свою версию, но она была настолько необычная, что показалась широкой общественности невероятной. Однако учёные не отказались от идеи, собрали факты и организовали несколько экспедиций. Постепенно идея из гипотезы начала превращаться в научную парадигму.

Северцев, известный путешественник и экстремал, присоединился к группе спелестологов — исследователей искусственных подземных пещер и ходов, в отличие от спелеологов, изучающих естественные пещеры, — уже после того, как были открыты тоннели в Крыму — Мраморная пещера в горах Чатырдага оказа-

лась частью такого тоннеля, на Кавказе и под легендарной Медведицкой грядой в Поволжье, детально обследованной экспедицией «Космопоиска» под управлением Вадима Черноброва.

После этого Северцев побывал на Новой Земле, на Алтае, на Урале, в Северной Сибири, на Дальнем Востоке и везде находил подтверждения тому, что существует гигантская система тоннелей, соединяющих материки.

В настоящий момент Олег возвращался из двухмесячной экспедиции, изучавшей горный массив Татры Бескиды на границе Словении и Польши, где был обнаружен вход в тоннель. Сомнений в том, что этот тоннель — искусственного происхождения, ни у кого не возникло. Часть хода сохранила первозданную трапециевидную форму, а стены его были такими гладкими и блестящими, будто их покрыли слоем стекла. Размеры же обнаруженной части тоннеля были таковы, что в нём свободно мог разместиться железнодорожный состав.

Такие же тоннели, соединённые колодцами и шахтами, были обнаружены и в Эквадоре, в провинции Морона-Сантьяго. Северцев там не был, но читал отчёт аргентинского исследователя Хуана Морица, в котором описывалась система подземных коридоров и вентиляционных шахт общей протяжённостью в сотни километров. На глубине более двухсот метров шахты входили в такие же гладкие, словно покрытые глазурью, тоннели, возраст которых зашкаливал за десятки миллионов лет.

Были открыты подобные выработки и в Чили — в сорока километрах от города Чичуана. Здесь побывал приятель Северцева Дима Храбров, который привёз из экспедиции впечатляющий фильм о спуске под землю в районе старых шахт по добыче медной руды. Храбров смог достичь глубины около ста пятидесяти метров и снять вход в тоннель, опускавшийся под углом в тридцать градусов в необозримые глубины земли.

Сам же Северцев исколесил практически всю территорию России и стран СНГ в поисках тоннелей и мог теперь с ответственностью заявить, что система эта существует с незапамятных времён. Не было лишь практического обоснования её создания. Северцев не раз беседовал с разработчиками гипотезы, но и доныне учёные только разводили руками, не зная, для чего кому-то понадобилось пробивать в толще горных пород такие ровные и длинные штреки.

Конечно, кое-какие идеи у спелестологов были. Но Северцев считал их некорректными. К примеру, спелестолог Павел Ми-

рошниченко утверждал, что тоннели созданы древней цивилизацией Земли, существовавшей в начале плейстоцена, в качестве транспортных артерий. Другие учёные говорили о пришельцах, спустившихся с небес и живших под землёй вследствие необходимости защиты от солнечного излучения, а также о «цивилизации минералов», которая и оставила после себя следы — тоннели, являвшиеся результатом её деятельности.

Сам Северцев склонялся к мысли, что тоннели создала предшествующая гиперборейской цивилизация, исчезнувшая как раз около тридцати миллионов лет назад. Тоннели были нужны создателям в качестве бомбоубежищ во время войн с другими цивилизациями Земли. Но уверенным в истинности этих идей Северцев не был и озвучивать их не торопился. Несмотря на множество свидетельств существования тоннелей, материала для выводов не хватало. Зато хватало стимулов, чтобы и дальше заниматься поисками подземных «червоточин». Северцев начал всерьёз подумывать о новой экспедиции на Урал, в район Нижнего Тагила, где по расчётам должны были сходиться четыре линии тоннелей, ведущих на Дальний Восток, на Запад, на Юг и на Крайний Север России, к Северному Ледовитому океану.

Из Татр он доехал до Санкт-Петербурга на машине экспедиции, а оттуда сел на «Красную стрелу». И надо же было такому случиться, что в вагоне он нос к носу столкнулся с Вадиком Сурковым, давним школьным приятелем, с которым он когда-то сидел за одной партой и которого не видел уже лет двенадцать.

Вадим его не узнал. И лишь когда Северцев напомнил ему кличку — Сурок, приятель наконец созрел:

— Олег?! Оглобля?!

— Он, — кивнул, улыбаясь, Северцев.

Сурков облапил его, притиснул к широкой груди.

— Осторожней, мужчина, — выдохнул Северцев. — Неправильную мы тебе кликуху дали — Сурок, Медведем надо было звать.

— Так я раньше худенький был, — виновато отозвался Сурков, бородатый, широкий, выпуклый со всех сторон.

— Зато ел больше всех, вот и результат.

Их потеснили входящие пассажиры, и приятели вынуждены были разойтись по своим купе. Потом поменялись местами так, чтобы ехать вместе, и принялись вспоминать былые годы, выставив на столик бутылку водки — Сурков и закуску — Северцев. Олег алкоголь не употреблял, но сделал глоток за встречу, а вот

Вадим пил с удовольствием, почти не хмелея, лишь глаза заблестели да щёки покраснели.

Разговорились о нынешнем житье-бытье.

Северцев рассказал о своих похождениях, признался, что археолог из него получился «нестандартный», так как он не любил месяцами сидеть на одном месте и раскапывать древние городища и могилы, зато повидал немало интересного.

— Ну, а сейчас ты чем занимаешься? — поинтересовался Вадим, успевший поведать свою историю: закончил геологический, женился, родил двух детей — мальчика и девочку, помотался с экспедициями по России-матушке.

Северцев оживился:

— Ты слышал что-нибудь о системе тоннелей, обнаруженных под землёй?

— Доносились слухи, — кивнул Сурков, стягивая рубашку; в купе было не жарко, но после выпитого Вадим вспотел. — Но я этим особенно не увлекался.

— Так вот, система существует! Видел бы ты Мраморную пещеру в Крыму! Я там был трижды, нашёл продолжение тамошнего тоннеля. А сейчас возвращаюсь из экспедиции в Татры, где также исследовал систему искусственных ходов.

Вадим с любопытством посмотрел на лицо Северцева.

— Серьёзно? Ты видел эти ходы?

— Не то слово — видел, я их заснял на видео. Жаль, что многие тоннели затоплены. Не хочется распаковывать сумки, но кое-что я тебе всё же покажу.

Олег достал цифровой фотоаппарат, включил, нашёл один из последних снимков Бескидского тоннеля, вывел на экранчик.

Вадим посмотрел, хмыкнул.

— Действительно, похоже на метро... А рельсов вы там случайно не нашли?

— Шути, шути, — не обиделся Северцев. — А между прочим, эти тоннели тянутся под всеми материками, образуя единую сеть! И строили их десятки миллионов лет назад!

— Кто?

— Не знаю. Может быть, перволюди, великаны, если вспомнить легенды, уж очень большие это коридоры. А может, другие разумные существа, что жили на Земле до людей. Или пришельцы.

Вадим махнул рюмку водки, захрустел маринованным огурчиком.

— Ну, и зачем это им понадобилось?

Северцев сконфузился, развёл руками.

— Загадка! Гипотез много, толку мало. Наш руководитель экспедиции профессор Васильев предложил гипотезу, что тоннели строили для жилья. Но мне кажется, что причина другая. Приеду домой, отдохну, пороюсь в архивах и снова махну в экспедицию.

— Куда?

— По всем нашим расчетам под Уралом на глубине в полкилометра должен находиться перекрёсток тоннелей, там сходятся три, а то четыре и пять подземных дорог. Попробуем добраться до него. Вдруг обнаружим там город?

— Шамбалу, блин! — фыркнул Вадим, как-то странно глянув на собеседника.

— Почему бы и нет? — пожал тот плечами. — Не Шамбала, конечно, но один из центров древних цивилизаций. Может быть, там и гиперборейцы жили после гибели Арктиды.

— А где точно располагается этот ваш «перекрёсток»? Есть расчёты?

— Могу нарисовать. Карта сети имеется, но она тоже в сумке.

— Нарисуй.

— Это западнее Черноисточинска, есть такой городишко недалеко от Нижнего Тагила.

Сурков, встопорщив редкие брови, перестал хрустеть огурцом.

Олег понял его по-своему:

— Там был Вадим Чернобров со своим «Космопоиском», а он очень точен в своих построениях.

— Нет, я верю, просто странно...

— Что?

— Ничего. Рисуй.

Северцев достал листок бумаги и принялся рисовать, сопровождая свои рисунки пояснениями. Сурков внимательно слушал, вдруг из скептически настроенного обывателя превратившись в журналиста, берущего интервью. Во всяком случае так мимолётно подумал Северцев, отвечая на вопросы Вадима.

— Ну, если это правда... — сказал Сурков, заканчивая «интервью».

— Конечно, правда, — рассмеялся Северцев. — Впрочем, я тебя понимаю. Поверить в такое трудно, а тем более — объяснить, зачем нашим допредкам понадобилось протягивать тоннели под всеми материками.

— Сам-то что думаешь?

— Понимаешь... — Северцев взъерошил волосы на затылке. — Фантазии не хватает! Все попытки объяснения причин стандартны, ни одна меня не устраивает. Чтобы создать такую разветвлённую масштабную систему ходов, нужна великая цель. Какая? Транспортные артерии? Не верю! Способ выживания? Может быть, но тоже не верю. Предки прятались в тоннелях во время войн с пришельцами? Бред! Тоннели строили сами пришельцы? Допустим. Но для чего? Чтобы там жить? Не понимаю.

— Ясно, — кивнул Сурков, продолжая разглядывать рисунок. — Интересная штука. А что, если я предложу тебе одну идею?

— Валяй.

— Я не просто геолог...

— Поздравляю. Начальник партии, что ли?

Вадим отмахнулся.

— Я не о том. Слышал что-нибудь о Нижнетагильском НПО?

— Я к нему никаким боком...

— На заводе обкатан первый в мире подземоход.

Северцев присвистнул:

— Ты серьёзно?!

— Я был на испытаниях. Мало того, я включён в состав экипажа второго испытательного похода.

— В качестве кого?

— Специалиста по геоморфологии. Я же по образованию геоморфолог. Так вот, к чему это я всё говорю? Не хочешь вместе с нами прогуляться по глубинам земли?

— Чего? — удивился Северцев. — Ты-то сам понял, что сказал? Я ведь по образованию археолог, а не геолог. Да и кто меня возьмёт? С какого бодуна? В качестве кого?

— Нам нужен СШП — специалист широкого профиля, — не обиделся на «с какого бодуна» Вадим. — Экипаж подземохода состоит из пяти человек, четверо есть, в том числе и я, пятый заболел. Я могу поговорить с начальником экспедиции Скорюпиным, и тебя возьмут.

— С ума сойти! — покачал головой Северцев, сражённый предложением. — Естественно, я «за»! Но что я буду делать?

— Поработаешь фотокорреспондентом, поваром и медбратом. А главное, побудешь проводником, покажешь путь к тому месту, где сходятся твои тоннели. Думаю, начальство заинтересуется твоим рассказом.

— И вы готовы направить туда подземоход? — недоверчиво спросил Северцев.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Сурков. — Нам всё равно, в каком направлении буравить землю. Конечно, в первую очередь мы выполним научную задачу по изучению мантийных плюмов под Уралом, однако один из них как раз и лежит под Черноисточинском. Я как услышал о нём — аж в груди ёкнуло! Бывают же совпадения!

— Да уж! — согласился Северцев. — Не зря-таки я тебя встретил. — Он подозрительно посмотрел на приятеля. — А ты не заливаешь — про подземоходы-то? Что-то я не слышал об их разработке.

— Я сам отреагировал примерно так же, когда узнал, — расплылся в улыбке Вадим. — Оказалось — правда! Но... ш-ш-ш! — прижал он палец к губам. — Это секретная техника! Тебе придётся подписать кучу бумаг о неразглашении гостайны. Да и вообще скорее всего тебя проверят в спецотделе, не шпион ли.

— Не шпион, — отмахнулся Северцев. — И родственников за границей нету. Все бумаги в порядке. А что такое «мантийный плюм»?

— Плюм — это от английского «plume» — перо. Физически же плюм выглядит как колонна разогретого газожидкостного флюида, похожая на пучок перьев, которая поднимается из глубин Земли и выносит на поверхность через вулканические жерла и трещины массы расплавленных пород. Корни плюмов находятся в нижней мантии, глубже, чем слой конвекции, и туда нам пока не добраться, а вот на глубину двух-трёх километров наш подземоход опуститься сможет.

— Но ведь на Урале нет действующих вулканов.

— А верхушка плюма — фазовая аномалия — есть, причём близко к сублатеральной границе коры. Урал — это вообще выдавленные десятки миллионов лет назад через разлом коры лавовые массы с запрятанными в глубине горячими очагами. Учёные до сих пор гадают, что произошло, по какой причине разломилась мощнейшая тектоническая плита.

— Война, — сказал Северцев.

— Что?

— Возможно, земля потрескалась в результате войны древних цивилизаций. Вот и возраст тоннелей тоже насчитывает тридцать с лишним миллионов лет. Вдруг правы спелестологи, и тоннели — самые настоящие бомбоубежища?

— Этот вопрос не ко мне, — фыркнул Вадим. — Я человек практический, фантазировать не умею. Ну, как, согласен?

— Абсолютно! — Северцев протянул ладонь, и Сурков ударил по ней своей ладонью.

2

Как оказалось, слова школьного приятеля не расходились с делом. Он в тот же день переговорил со своим начальством, предложил кандидатуру Северцева, и уже на следующее утро, второго августа, Олег имел беседу в Управлении геологоразведки, располагавшемся на улице Михеева, отдельно от Министерства природных ресурсов, с одним из руководителей проекта «Крот». Звали руководителя Борис Захарович Фрадкин, был он молод и энергичен и долго Северцева расспросами не мучил. Они сошлись в главном — в стремлении к постижению тайн и остались довольными друг другом.

В обед Северцев поговорил ещё с одним специалистом, теперь уже из другой прикладной области, оберегающей государственные секреты, был проверен на наличие родственников за границей (таковых не нашлось), подписал соответствующую бумагу о неразглашении государственной тайны и к вечеру освободился, слегка обалдевший от стремительного развития событий.

Вечером он встретился с Вадимом в ресторане, а на следующий день улетел в Нижний Тагил.

В то, что он и в самом деле взят в экипаж подземохода, Северцев поверил, лишь добравшись на вертолёте до полигона Нижнетагильского научно-производственного объединения и увидев этот самый подземоход.

3

Больше всего этот аппарат высотой с десятиэтажный дом походил на ракету со срезанным носом и без стабилизаторов. По его корпусу вился спиралью желобок, а материал корпуса, цвета кофе, отливающий вишневым накалом, напоминал керамику, а вовсе не металл, и выглядел маслянисто-гладким. Северцев даже погладил его пальцем, обходя подземную машину кругом, и убедился, что он и в самом деле гладкий как стекло.

— Корпус покрыт особым веществом, помогающим создавать слой плазмы, — пояснил главный инженер полигона, наблюдав-

ший за Северцевым. — Этот слой играет роль своеобразной смазки. Кроме того, корпус будет защищён магнитным полем, возбуждающим в слое плазмы такие отталкивающие силы, что подземоходу не страшны даже внутриядерные давления. Я имею в виду ядро Земли. Вообще при создании этой машины были использованы все новейшие технологии, так что перед вами самая настоящая техника завтрашнего дня.

— Ни одно государство в мире не имеет такого аппарата, — добавил Вадим, с гордостью поглядывая на приятеля, будто это он сам был создателем подземохода.

— А почему вершина тупая?

— Это не вершина, — улыбнулся инженер. — Это корма. Там стоит реактивный двигатель с тягой в две с половиной тысячи тонн, как на космических кораблях. Он будет толкать машину под землёй.

— Я не вижу буровых резцов...

— Их нет. Точнее, есть нечто вроде шнека для отвода породы при низких давлениях, а сам бур — энерговакуумный, он распыляет породу струёй направленного ядерного распада по методу Леонова.

— Кто это?

— Изобретатель теории упругой квантованной среды. Сам он уже совсем старик и в экспедиции не ходит, а вместо него в экипаж зачислен его ученик Белый. Ну, всё, я побежал готовиться к запуску, а ты проведи товарища внутрь, пусть осмотрится.

Инженер исчез за дверью ангара, в котором стоял подземоход, имеющий номер: ПВ-314.

Сурков хлопнул Олега по плечу:

— Пойдём, покажу интерьеры.

— Как вы его называете? Или у него нет имени, только номер?

— Почему, командир предложил называть его «Грызуном», мы согласились.

— Не слишком красивое имя.

— Какое есть.

У подножия подземной «ракеты» открылся щелевидный люк. На бетонный пол ангара упала полоса света.

Сурков первым полез в люк, призывно махнув рукой. С чувством странного стыдливого стеснения — будто его обманывали — Северцев последовал за товарищем.

Диаметр подземохода в самой толстой части сигары достигал

пяти с половиной метров. Там же располагались одна под другой — по оси машины — кают-компания и жилой отсек, оборудованный специальными койками, которые крепились к стенкам, потолку и полу множеством пружинных растяжек.

Весь подземоход пронизывала шахта подъёмника, имеющая выходы в отсеки управления, агрегатный, жилой, исследовательский — с аппаратурой, позволявшей дистанционно изучать горные породы, и десантный, через который можно было во время остановок выйти наружу для изучения попадавшихся по пути пещер и полостей.

Северцев потрогал рукой скафандры в боксе, предназначенные для выхода, похожие на космические, полюбовался дверью вакуум-ядерного бура в носу «Грызуна», — доступ в отсек бура был категорически запрещён, — и сомнения его потихоньку уступили место чувству восхищения. Подземоход существовал реально, он жил, дышал, следил за гостями и ждал команды начать движение. Мечта фантастов прошлого была воплощена в металле.

Вернулись в довольно тесную рубку управления, где располагался футуристического вида пульт, двухметровое вогнутое зеркало локатора овальной формы, напоминающее стеклянный колодец, уходящий в бесконечность, и три кресла со сложной системой амортизации.

— Здесь будут сидеть командир, пилот и оператор систем безопасности, — сказал Сурков.

— А мы где? — поинтересовался Северцев.

— Мы будем жить в исследовательском отсеке, рядом с камерой десанта.

— Там же тесно, как... в душевой!

Вадим хмыкнул.

— А ты привык к роскошным апартаментам?

— Да нет, это я к слову... Кстати, полигон и ангар не охраняются? Я что-то не заметил.

— Ещё как охраняются! — ухмыльнулся Вадим. — Везде камеры слежения понатыканы, датчики, системы опознавания. А что к нам никто не подходит и документы не проверяет, так это потому, что наши физиономии введены в компьютер опознавания, и охрана нас не трогает. Мы допущены к объекту. Вопросы по существу есть?

Северцев почесал затылок.

— Нет... хотя до сих пор не верится, что это все не сон.

— Стартуем — поверится, — рассмеялся геолог.

4

Старт «Грызуна» снимали телекамеры в ангаре и передавали экипажу, так что Северцеву удалось не только почувствовать его внутри подземохода, но и посмотреть со стороны. Правда, ничего особо впечатляющего он не увидел. Всё же подземоход стартовал не вверх, а вниз, и его ракетный двигатель включился лишь в тот момент, когда он погрузился в пол ангара и опустился под землю на глубину в полсотни метров.

Вакуумный бур работал практически бесшумно, поэтому внутри подземохода тоже было тихо. Те же, кто наблюдал за стартом издали, могли слышать лишь свистящий шорох и редкие скрипы, постепенно стихающие по мере удаления огромной машины. Вскоре передача с поверхности земли прекратилась, экраны в отсеках переключились на передачу изображения от локатора и боковых телекамер — через компьютер, синтезирующий видеокартинку таким образом, чтобы экипажу были видны все трещинки и пустоты в породах, а также сами породы, да ещё в объеме, и Северцев, затаив дыхание, сосредоточился на экране локатора и на своей аппаратуре, в которую входили фото- и кинокамеры, датчики подземных звуков, излучений и температур. Вопреки ожиданию, температура по мере погружения «Грызуна» в недра Земли росла медленно, и на глубине ста метров она составляла всего двадцать шесть градусов по Цельсию.

— Интересно, мы туда же вернёмся, откуда стартовали? — вспомнил он вопрос, который хотел задать ещё во время знакомства с подземоходом.

— Нет, развалим к чёрту ангар, — ответил Вадим, занятый работой со своим научным хозяйством; в отсеке их было всего двое. — «Грызун» возвращается на полигон, поближе к ангару, а потом его доставляют на базу на специальной платформе.

— Здорово! — сказал Северцев, не вдумываясь в ответ геолога. Эмоции перехлёстывали через край, нервная система «дымилась», о таком путешествии он и не мечтал, и в голове мысли не задерживались.

На протяжении часа картина в зеркале локатора и на боковых экранчиках не менялась.

Подземоход опускался строго по вертикали сквозь верхние слои почвы, наносные породы, слои песка и глины, и экраны показывали проплывающие мимо тёмно-коричневые трещиноватые стены с рисунком пересекающихся прослоек, более тёмных

или более светлых. Потом пошли твёрдые породы, граниты и гнейсы, и рисунок изменился, запестрел вкраплениями разного цвета, складывающимися в удивительные «мозаичные панно» и «пейзажи».

Изредка подземная «ракета» вздрагивала, как бы проваливалась и тут же замирала на месте, преодолевая более рыхлые породы, и вестибулярный аппарат Северцева начинал бастовать. Но вертикальная вибрация длилась недолго, и он тут же забывал о своих ощущениях, продолжая вглядываться в экраны отсека.

На глубине около двухсот метров подземоход отклонился от вертикали на тридцать градусов и остановился. Кресла в отсеке автоматически подстроились под это отклонение, и следить за экранами стало неудобно.

— Надень шлем, — посоветовал Сурков, натягивая на голову специальное устройство для прямого наблюдения: сигналы с телекамер подавались прямо на окуляры шлема, и операторы могли работать с аппаратурой, не приспосабливаясь к положению кресел.

Северцев взялся за шлем. Лицевая пластина шлема была непрозрачной, потом налилась светом и протаяла в глубину. Впечатление было такое, будто он вылез из отсека и находится впереди подземохода без защиты. Потом на внутренней стороне лицевой пластины показались стенки отсека, видимые как сквозь толстое стекло, визирные метки, и Северцев начал видеть одновременно внутренности отсека и изображение с видеокамер и локатора. Пришлось потратить какое-то время, чтобы привыкнуть к новому положению.

Подземоход продолжал стоять на месте, и Олег спросил:

— Почему стоим?

— Рекогносцировка, — ответил Сурков. — Надо определить дальнейший маршрут и доложить наверх о нашем положении.

Картинка на экране локатора изменилась ещё раз. Локатор в данный момент смотрел вперёд, точно по ходу движения, заглядывая на глубину до пяти километров, компьютер обработал полученный отражённый сигнал, и теперь экран казался иллюминатором подводной лодки, опускающейся в глубины океана.

— Успеем попить чайку, — добавил Вадим, — а то в горле пересохло.

Северцев с удивлением обнаружил, что с момента старта прошло два с лишним часа.

— Мы за это время прошли всего полкилометра? — с разоча-

рованием спросил он. — С какой же скоростью ползёт наш драндулет? Двести метров в час? Так мы далеко не уедем.

— Не забывай, что это всего лишь третий испытательный поход. Команда наверху пробует все режимы и следит за работой всех систем. Мы с тобой — только научный балласт.

— А не сбросят нас, как настоящий балласт, — фыркнул Северцев, — с борта подводной лодки?

— Не сбросят, — улыбнулся Сурков. — Тут захочешь — ничего за борт не выбросишь. Кстати, все отходы жизнедеятельности проходят напрямик в камеру распада, так что мы никоим образом не засоряем экологическую среду. Что касается скорости, то «Грызун» способен мчаться как рысак — со скоростью до сорока километров в час! Проверено.

— Круто! В таком случае мы дойдём и до ядра.

— До ядра не дойдём, у нас другие задачи. Но в маршрут заложены и координаты Черноисточинска. Посмотрим, существуют ли в действительности твои тоннели.

— Не мои.

— Какая разница? Доставай термос.

Они разлили чай по пластмассовым стаканчикам, съели по бутерброду, запили горячим напитком.

— Как настроение, пассажиры? — заговорил интерком отсека.

— Бодрое! — ответил Вадим командиру.

— Поехали.

Подземоход пришёл в движение.

5

Двенадцать часов бодрствования у экрана пролетели незаметно.

Северцев сделал около двух сотен фотоснимков спецаппаратурой отсека и почти заполнил флэшку фотоаппарата, выбирая довольно часто выплывающие на экране изумительно красивые «каменные пейзажи».

За это время подземоход останавливался ещё несколько раз, а однажды экипажу даже удалось выйти в подземный грот, через который проходил маршрут. Грот располагался на глубине километра и представлял собой газовый пузырь в магматической породе, венчавшей тот самый мантийный плюм, о котором говорил геолог.

Ничего интересного, кроме кристаллов пирита, в пещере отыскать не удалось, на тоннель она не походила, и Северцев остался слегка разочарованным, ожидая появления «объектов с явно выраженными признаками искусственного происхождения». Но тоннелями пока «не пахло», локатор не видел ничего похожего на прямые выработки или шахты.

Легли спать.

Вадим уснул мгновенно.

Северцев долго ворочался, привыкая к новому положению, прислушивался к тихим шелестам, доносившимся в отсек из-за обшивки, пытался представить толщу горных пород над головой, но не смог. Не хватило воображения. В конце концов уснул и он, а проснулся от толчка.

Подземоход резко остановился, койка-гамак закачалась на растяжках, ослабивших рывок.

Северцев подхватился на койке, прислушиваясь к тишине отсека, глянул на соседние койки. В одной спал бортинженер подземохода Андрей Чураков, остальные были пусты. Вадим тоже отсутствовал.

Северцев торопливо натянул рабочий комбинезон, спустился вниз, в свой отсек. Сурков встретил его возгласом:

— Садись за пульт. Похоже, мы наткнулись на тоннель. Честно говоря, я не верил в твои домыслы.

— Это не домыслы, — пробормотал Северцев, ныряя в кресло, и развернулся к экрану.

На экране на фоне малинового «ковра» виднелась чёрная полоска, пересекавшая экран наискось.

— Тоннель! — прошептал Северцев.

— До него около трёх километров, мы сейчас идём чуть выше, но командир готовится повернуть.

— На какой мы сейчас глубине?

— Почти два километра. До базы — шестнадцать, до Черноисточинска — двадцать три.

Северцев покачал головой.

— По нашим расчётам глубина залегания сети тоннелей не превышает полутора километров.

— Ты уверен?

Северцев помолчал.

— Нет.

— Вот и проверим ваши расчёты.

Подземоход, продолжавший двигаться прежним курсом, на-

чал поворот. Кресла снова изменили положение, удерживая ориентацию седоков по вертикали.

— Пойдём в кают-компанию, — предложил Вадим, — чаю попьём.

— А мы успеем?

— «Грызун» идёт в режиме «крота», минут сорок в запасе у нас имеется.

— Пошли, — согласился Северцев, ощутив голод.

6

Прямая линия в растворе локатора, похожая на искусственный штрек, оказалась вполне естественным разломом коры длиной около двадцати километров. Подземоход достиг его за час после обнаружения, какое-то время шёл параллельно, изучая геометрически правильное явление природы, и лёг на прежний курс.

Разочарованный Северцев нахохлился в кресле, переживая нечто вроде угрызений совести. Получалось, что его гипотеза об искусственном происхождении сети тоннелей неверна и он напрасно уговорил руководителя экспедиции двинуться к Черноисточинску, предполагая под этим городком наличие подземного «города», узла стыковки тоннелей. Добавил переживаний и Сурков, заметив, что для науки отрицательный результат — тоже результат. И Олег, не зная, куда себя деть, угрюмо занялся исполнением своих обязанностей, положенных ему как члену экипажа.

Однако переживания его длились недолго.

Уже через два часа подземоход достиг вершины древнего мантийного плюма под Уралом, расположенной чуть восточнее Черноисточинска, и обнаружил еще две прямые линии в недрах земли, похожие на коридоры. Или на более плотные рудные тела. Линии сходились в одном месте, а это по мысли Северцева подтверждало гипотезу о нахождении здесь узла соединения тоннелей, и он заявил об этом Вадиму.

— Подползём ближе — увидим, — ответил тот сочувственно.

Подземоход ненадолго остановился над горбом плюма, — температура горных пород вокруг сразу подскочила на полсотни градусов, — а потом устремился к удивительно ровным линиям,

которые могли быть как тоннелями, так и естественными границами разноплотностных сред или разломами коры.

Однако на этот раз Северцев мог праздновать победу: линии и в самом деле оказались искусственными выработками, ровными, неповреждёнными, а самое главное — снабжёнными системами вентиляции! Несмотря на то что штреки эти располагались под землёй на глубине трёх километров, заполняющим их воздухом можно было дышать.

Сначала подземоход остановился рядом с одним из тоннелей, выйдя в параллель с ювелирной точностью (пилот «Грызуна» был мастером своего дела), и экипаж, ошеломлённый открытием — в подземные тоннели мало кто верил, — с час гулял по громадному коридору, уходящему в глубины земли.

Затем подземоход достиг стыка тоннелей, аккуратно «пришвартовался» боком к подземной полости, так что люк выхода оказался прямо в пещере, и Северцев наконец увидел узел соединения четырёх тоннелей, о чём мечтал ещё до похода. Однако городом эту гигантскую подземную выработку назвать было нельзя.

Идеальный шар диаметром около двухсот метров!

Пористые стены, усыпанные кристалликами горного хрусталя, довольно крупными, с палец мужчины, трудно поддающимися напору. Геонавтам едва удалось выломать несколько штук, так крепко они сидели в породе стен.

Утомлённые слепящим глаза сверканием от включённых прожекторов, члены экипажа вернулись на борт «Грызуна», и Вадим сказал, прищурясь, когда они сняли скафандры:

— Ну, и где же твой город?

— Я надеялся... — ответил разочарованный и смущённый Северцев, вертя в пальцах кристалл.

Вадим засмеялся:

— Не переживай, всё равно это колоссальной важности открытие. Тоннели существуют реально, они образуют целую сеть, разве этого мало? Осталось только объяснить, ради чего предки её создавали, понеся огромные затраты. Ведь если тоннели пронизывают все материки — масштаб строительства настолько огромен, что невозможно представить цель!

Включился интерком отсека:

— Всех прошу подняться в рубку.

Сурков и Северцев переглянулись.

— Сейчас нам скажут, что мы возвращаемся, — предположил геолог.

— Я останусь, — буркнул Олег.

Вадим снова засмеялся, похлопал его по спине и двинулся к осевому лифту.

Он оказался провидцем.

Командир подземохода Скорюпин объявил им своё решение.

На все исследования «научной группе» давалось двое суток. После этого «Грызун» делал петлю вокруг узла стыковки тоннелей и поворачивал обратно к полигону.

— Но ведь мы не успеем даже... — заикнулся Вадим.

— Дискуссий не будет! — отрезал Скорюпин. — Тестирование систем «Грызуна» закончено, лимит времени исчерпан, собран большой объём данных, обнаружен целый ряд существенных недостатков машины, их надо устранять на базе. Только после этого можно будет думать о новой экспедиции к этому «воздушному шарику».

Скорюпин кивнул на мерцающий в экране сфероид пещеры.

Исследователи вернулись в свой отсек в невесёлом настроении, но времени оставалось так мало, что предаваться унынию не стоило. И они включились в работу, начав с составления плана выходов наружу для изучения тоннелей и «стыковочного города».

7

Двое суток пролетели практически незаметно.

Командир дал экипажу ещё два часа на итоговые разборки исследований, и подземоход двинулся в обратный путь, осторожно обходя искусственную полость и тоннели, созданные неведомыми строителями миллионы лет назад. На расстоянии в полкилометра от шаровидной пещеры «Грызун» повернулся к ней «спиной», устремился прочь, увеличивая скорость до максимальной... и тут же резко остановился!

Собравшиеся было отдохнуть Вадим и Олег — за двое суток они спали не больше четырёх часов каждый — замерли, прислушиваясь к шелестящей тишине отсека, посмотрели друг на друга.

— Неисправность? — высказал общее опасение Северцев.

Но он ошибся.

— Пассажиры, быстро в рубку! — раздался голос командира.

Северцев и Сурков, одинаково озадаченные и встревоженные, метнулись из отсека к лифту.

В рубке управления собрались все члены экипажа, с трудом разместившись между креслами командира, пилота и безопас-

ника, как они называли между собой Валентина Бирона, борт-инженера, отвечающего за работу систем защиты подземохода.

— Что случилось? — выдохнул Сурков.

Бирон молча ткнул пальцем в экран локатора.

В жемчужном «колодце» экрана виднелась «червоточина» с искрой на остром конце, и эта «червоточина»... росла! Искра двигалась!

— Что это?!

— Это мы у тебя хотели спросить, — скривил губы штурман «Грызуна» Андрей Чураков.

— Оно... движется?!

— Как видишь.

Командир пробежался пальцами по сенсорной клавиатуре управления, и на экране высветился алым столбец символов и цифр.

— Глубина три и две десятых... Размеры: двенадцать в диаметре, двадцать семь по длине... Судя по отражению — тело не металлическое... и движется почти нам навстречу!

— Обалдеть! — сказал Сурков.

— Может быть, мы спим? — эхом отозвался штурман.

— Неужели это ещё один подземоход?!

— Второй «Грызун» ещё только готовится к пуску...

— А если это не наш?

— А чей?!

— Американский, — буркнул Бирон, нервно теребя бородку.

— Чушь! — взорвался Скорюпин. — У американцев нет таких машин!

— Может, это японцы? — предположил Сурков.

— Ты еще китайцев вспомни.

— Зачем гадать? — не выдержал Северцев. — Давайте подойдём к этому «кроту» поближе и выясним.

Геонавты переглянулись.

— По местам! — решительно скомандовал Скорюпин. — Всем надеть скафандры! Быть готовыми к выходу!

Вадим и Олег скатились вниз, в свой отсек, натянули спецкостюмы, не надевая шлемы, приникли к экрану. Видеосистема «Грызуна» теперь показывала одну и ту же картинку: рябой буро-красно-коричневый «ковёр» гранито-гнейсовых пород и «червоточину» в нём — след чужой машины, продолжавшей двигаться прежним курсом — на двадцать градусов левее подземохода и чуть ниже.

8

С час ничего особенного не происходило.

Командир развернул подземоход и направил его к «червоточине», уходившей влево. Машина, проделывающая эту «червоточину», продолжала неутомимо грызть горные породы в прежнем направлении, словно не замечая собрата. Однако слепым этот «крот» или «червяк» не был. Когда расстояние между подземными машинами сократилось до полутора километров, чужак замер, а потом вдруг двинулся к «Грызуну», развернувшись почти на месте! «Грызун» так разворачиваться не умел. Минимальный радиус его разворота равнялся трёмстам метрам.

— Интересно, что он задумал? — пробормотал Вадим, давно перестав следить за своими приборами. — Неужели пошёл на таран?

— Подземный Талалихин! — фыркнул Северцев. — Японский камикадзе!

Но и Олегу стало не до смеха, когда чужак со сказочной быстротой преодолел полтора километра и вышел точно в лоб «Грызуну».

Командир подземохода остановил бур.

Чужая машина продолжала двигаться навстречу.

— Пассажиры, готовы к десанту? — раздался голос Скорюпина.

Вадим и Олег торопливо надели шлемы.

— Готовы! — доложил геолог. — Что надо делать?

— Если он не остановится — пойдём на таран!

Северцев глянул на спутника, но сквозь конусовидный шлем лица Суркова не увидел.

— Другого выхода нет?

— Предлагайте.

Чужой «крот» приблизился вплотную.

— Мы согласны!

— Внимание! Включаю бур! Приго...— Скорюпин не закончил.

Чужой подземоход остановился, носовым выхлопом уничтожив оставшуюся перегородку между собой и «Грызуном». На экране в облаке редеющего дыма обозначился его острый нос.

Командир прокашлялся.

— Экипаж... — Пауза. — Ваши предложения?

— Включай бур, — мрачно сказал Бирон т. — Если он включит первым...

— Посигналь, — предложил штурман.

— Я выйду! — сказал Северцев.

— Не сходи с ума... — начал Сурков.

— Я выйду и помахаю фонарём, чтобы там поняли, что у нас на борту есть люди.

— Рискованно, — пробормотал Скорюпин, размышляя над решением.

— Кто не рискует, тот не празднует победу, — усмехнулся Олег.

Скорюпин несколько раз включил и выключил боковые осветители; носового прожектора подземоход не имел.

Чужой «крот» не ответил. Боковые телекамеры «Грызуна» не видели его напрямую, но всё же геонавты могли оценить, что находившийся впереди механизм ничего в ответ не включает.

— Я тоже выйду, — мрачно сказал Вадим.

— Зачем? — возразил Северцев. — Уж если рисковать, то одному. Тем более что без меня вы обойдётесь.

— Ты у нас прямо пионер-герой, — усмехнулся Скорюпин. — Александр, так сказать, Матросов. Однако мы не на войне и впереди не амбразура дота с пулемётом.

Северцев покраснел, мысленно поблагодарив непрозрачную пластину шлема, сквозь которую Вадим не мог видеть его лица.

— Я имел в виду...

— Отставить базар! Выходим вдвоём! Андрей, возьмёшь управление на себя!

Штурман промолчал.

— В случае чего — уходите на базу на рысях, — продолжал Скорюпин. — Олег, три минуты на сборы.

Северцев молча метнулся к лифту.

9

Они стояли посреди грота, проделанного в толще горных пород бурами обоих подземоходов, и рассматривали чужую машину, освещённую лучами нашлемных фонарей.

Нос этой машины был острым, в отличие от тупо срезанного носа «Грызуна», и чешуйчатым. Да и вся она, точнее, видимая её часть напоминала морду земного зверька — броненосца, а также червя, каждое колечко которого вдобавок ещё было покрыто рыбьей чешуёй, отсверкивающей в лучах фонарей маслянистой малахитовой зеленью. Однако в сечении «броненосец» был трапециевидным, что сразу напомнило Северцеву форму уже виденных им тоннелей. Не было сомнений: те тоннели тоже делала

машина, подобная этой! Хотя тут же в голове возник вопрос: не могла же она прокладывать тоннели миллионы лет?..

— Или могла? — вслух подумал Олег.

— Что? — раздался в шлемофоне голос командира, стоявшего рядом.

— Подойдём ближе?

Скорюпин помигал фонарём, направляя луч на чешуйчатый нос подземной машины.

Ничего не произошло.

Тогда Северцев нагнулся, поднял камень и бросил.

Раздался глухой стук, будто камень попал в деревянную стенку.

— Он не металлический? — послышался в шлемофонах разведчиков голос Суркова; весь экипаж, затаив дыхание, сейчас приник к экранам и видел то же — через телекамеры скафандров, что и Северцев с командиром.

Олег поднял еще один камень, бросил: прозвучал тот же глухой деревянный стук.

— Странно... — Скорюпин не договорил.

Чешуи на носу подземохода вдруг встопорщились, по ним запрыгали синие электрические змейки.

— Назад! — рявкнул Скорюпин.

Геонавты бросились к своей машине, ожидая мощного разряда энергии в спину, однако этого не случилось.

Что-то лязгнуло, по гроту пронеслась серия тонких свистов.

Беглецы оглянулись.

Под острым носом чужого подземохода образовалось звездообразное отверстие, обрамлённое встопорщенными зеленоватыми чешуями.

Скорюпин и Северцев посмотрели друг на друга.

— Нас приглашают в гости, — хмыкнул Олег.

— Не ходите! — предупредил Бирон т. — Это ловушка! Вас не выпустят!

— Смысл? — пожал плечами Северцев.

— Всё равно не ходите! Они же не вышли к вам?

— Может, аппарат работает в автоматическом режиме? — робко предположил штурман.

— Проверим! — решительно обронил командир, направляясь к люку в чужой подземоход.

Они преодолели горы камней, обрушившихся на пол со свода пещеры, и, лишь подойдя вплотную, оценили размеры подземной машины, принадлежавшей неизвестно кому. Выглядела она

как гигантская ж и в а я гора, слепо взирающая на людей чёрным зрачком люка.

— Что, если это и в самом деле живое существо? — со смешком произнёс Северцев. — А это его рот?

— Мал больно, — хмыкнул Скорюпин, задрав голову к дыре люка. — Помоги-ка.

Они начали стаскивать камни в одну кучу, сооружая нечто вроде пандуса. Управились с этим нелёгким делом за двадцать минут. Северцев первым поднялся на импровизированный пандус и заглянул в тёмное отверстие люка, испытывая странное ощущение: страх пополам с любопытством.

Внутри коридора, уходящего в недра подземохода, вспыхнул неяркий лиловый свет, но по-прежнему никто не спешил встречать гостей.

— Я бы на вашем месте не рисковал, — снова напомнил о себе осторожный по натуре Бирон. — У вас же нет никакого оружия.

— Мы не воевать пришли, — буркнул Скорюпин. — Олег, давай я пойду первым.

— Я уже внутри, — сказал Северцев и ловко перелез через чешуйчатый «ошейник» люка на покатый пол коридорчика.

Дальнейшее произошло в течение секунды.

Коридорчик под ногами Олега, бугристо-гладкий, влажный, коричнево-бордовый, похожий на глотку кита, вдруг конвульсивно сжался, так, что разведчик не мог двинуться с места, и его понесла вперёд непреодолимая сила!

Что-то крикнул вслед Скорюпин.

Олег хотел ответить, но не сумел: перехватило дыхание...

10

«Глотка кита» вынесла его в какое-то тёмное помещение и оставила в неглубокой выемке в полу.

Северцев выдохнул, расслабил судорожно сжатые челюсти, выпрямился, вертя головой в полной темноте. Фонарь погас и не желал включаться. Лишь в глазах прыгали и вращались огненные колёса.

— Командир! — позвал Олег.

— Здесь я! — сдавленно ответил Скорюпин, и Северцева сбила с ног какая-то масса.

— Чёрт! Кто здесь?!

— Говорю же — я! — отозвался Скорюпин, оказавшись той самой массой. — Темно, а фонарь не работает.

Тотчас же стены помещения засветились изнутри нежным опалом, и геонавты наконец смогли оглядеться.

Они находились внутри помещения странной формы — посреди дольки апельсина, пересекающейся с ещё двумя такими же дольками. Мало того, в стенах этого помещения из матового стекла — с виду — виднелись перепоночки и зёрнышки, довершающие «апельсиновое» впечатление. Посреди срединной «дольки» из пола вырастало сооружение из того же материала, напоминающее оплывшую тушу слона и кресло одновременно. А в этом кресле сидел...

— Здрасьте! — пробормотал Северцев, сглатывая.

Существо в кресле не пошевелилось.

Больше всего оно напоминало слизня с головой крокодила из старых фантастических фильмов о «Чужом».

— Извините, что мы без спроса... — продолжил Скорюпин.

— Он... оно нас не слышит. Помнишь фильмы «Чужой» и «Чужие»?

— Не помню.

— Я видел в детстве, этот зверь — копия «Чужого»... Это пришельцы!

— Не знаю, пришельцы это или нет, но он, по-моему, мёртв!

Однако и Северцев, и Скорюпин ошибались.

Во-первых, то, что они приняли за кресло и за существо в нём, таковыми не были. Это стало понятно уже через минуту, когда «слизень-Чужой» заговорил с ними.

Во-вторых, к пришельцам с небес эта техника не имела отношения. Как будто...

«Слизень» вдруг покрылся слоем извилистых электрических змеек (Северцев и Скорюпин невольно отступили), над ним колечком всплыл световой нимб, и гости услышали хрустящий, ломкий, посвистывающий «голос»:

— Эли ггео уно о-о-о...

— Что?! — машинально отозвался Скорюпин.

Северцев усмехнулся:

— Он предложил нам по чашечке кофе.

— На каком языке он говорит?

— Ни на одном из известных, насколько я понимаю. И это вообще не язык. Я имею в виду — не звук.

— А что?

— Телепатическая связь.

Скорюпин осторожно двинулся к «слизню» с устрашающей головой, вытянул руки в стороны.

— Мы не вооружены... можете нас не опасаться... Кто вы?

«Чужой» покрылся новым слоем искр, всё помещение передёрнуло конвульсивное сокращение стен.

— Ну его к дьяволу! — отступил Скорюпин.

Северцев вдруг обошёл его, приблизился к «слизню», вглядываясь в его жуткую, вытянутую вперёд морду.

— Это автомат!

— С чего ты решил?

— Живой организм непременно обратил бы на нас внимание. А этот зверь только выглядит живым. Его делали не люди, но в программу заложили встречи наподобие нашей. Иначе он бы не остановился. Возможно, он способен выполнять не одну функцию — дырявить земную кору.

— Ну и фантазия у тебя!

— Это не фантазия, я так чувствую.

— Почему же я ничего не чувствую?

— Ты командир, ты настроен иначе. — Северцев сделал ещё шаг, дотронулся до скользкого на вид бока «слизня». — Покажи, что ты делаешь.

«Слизень-Чужой» буквально «поёжился» как живое существо (вопреки мнению Олега), выдал шлейф электрических змеек, и эти змейки развернулись в двухметрового диаметра прозрачно-голубой шар, на котором обозначились жёлто-коричневые пятна материков.

— Глобус!

— Земля?

— Материки имеют другие очертания... но это всё же Земля!

Прозрачный шар стал более плотным, как кусок желе, и в нём появились огненные паутинки, пронизывающие материки и ныряющие под океаны и моря.

— Тоннели?!

Это и в самом деле были тоннели, следы которых обнаружили экспедиции спелестологов. Они обнимали всю планету, соединяясь в красивую ажурную сеть.

На глобусе замигал огонёк. Он замыкал одну из линий красного цвета, пересекающую, судя по всему, Уральские горы.

— Место нашей встречи, — сообразил Северцев. — Интересно, куда «крот» направится дальше?

— Для нас это не имеет значения.

— Для нас — не имеет, для создателей машины — имеет. Как бы задать ему вопрос, чтобы он понял и ответил?

— Думаешь, поймёт?

— Ответил же он на мой первый вопрос?

— Если его делали не люди...

— Кто бы ни делал, подземоход имеет какие-то электронные или иные мозги и способен к вариабельному поведению. А вообще классная была техника! Недаром подземоход работает уже столько лет и не ломается!

По стенкам отсека управления пробежала новая волна «мышечных» сокращений.

Скорюпин отступил назад, к дыре выхода.

— Пошли отсюда! Кто знает, что у него на уме.

— Сейчас, только спрошу его, для чего они роют тоннели.

Однако Северцев не успел задать свой вопрос.

Выгнувшаяся бугром стенка отбросила его в дальний конец отсека, и он провалился в темноту небытия...

11

Кто-то тряс его за плечо:

— Олег, вставай! Нас вызывают в рубку!

Северцев подхватился на койке, разлепил глаза, увидел встревоженную физиономию Вадима.

— Что?! Где я? Как вы меня вытащили?!

— Откуда? — не понял Сурков.

— Из кабины «крота»... меня сильно ушибло... — Северцев осекся, внезапно осознавая, что поход к чужому подземоходу ему всего лишь приснился. — С ума сойти!

— Сон? — догадался и геолог. — Тебе приснился кошмар?

— Не то чтобы... — Северцев помял лицо ладонью. — Приснилось, что мы встретили чужой подземоход.

— Сон в руку, что называется. Локатор засёк в двенадцати километрах от нас, на глубине четырёх километров, движущееся тело. Помчались в рубку.

— Серьёзно? — не поверил Олег.

— Будем решать, — Вадим полез из отсека, — что делать.

Изумлённый известием Северцев оделся за несколько секунд и последовал за геологом.

В рубке управления собрались все члены экипажа, с трудом разместившись между креслами командирской команды.

На фоне коричнево-багрового «колодца» локатора была отчётливо видна медленно удлиняющаяся «червоточина» с искоркой на конце.

— Вот хрень! — озабоченно сказал Скорюпин, оглянувшись на экипаж. — Что скажете?

— Американцы? — неуверенно предположил Бирон.

— Скорее уж японцы, — буркнул штурман.

— Пассажиры, ваше мнение. Кто это? Что предлагаете делать?

— Не знаю, — виноватым тоном отозвался Сурков.

Все посмотрели на Северцева.

А он вспомнил свой сон и подумал, что все их прежние домыслы о «подземоходах», роющих тоннели в земной коре, вероятнее всего — чепуха! Тоннели делали не машины, а настоящие «кроты», для которых твёрдые горные породы — что мягкая почва для обычных кротов.

Пауза затянулась.

Северцев откашлялся.

— Надо идти навстречу... лоб в лоб... Если он остановится — есть шанс начать переговоры.

— С кем? — хмыкнул Бирон.

— Какая разница? Может быть, это действительно чей-то подземоход. А может быть, — Северцев помолчал, — подземная птица.

Экипаж смотрел на него непонимающе, и Олег добавил:

— Мой друг разработал гипотезу, по которой на ядре Земли существует иная жизнь. Для её представителей породы верхнего слоя планеты — что воздух для наших птиц. Сами они очень плотные и живут на ядре Земли, а птицы...

— Поднимаются в «воздух», — засмеялся Вадим. — То есть «летают» под землей и оставляют следы — тоннели, так?

Северцев кивнул.

Вадим перестал смеяться.

— Ну, дружище, и фантазия у тебя!

Северцев посмотрел на командира, в свою очередь рассматривающего его физиономию.

— Проверим?

Скорюпин раздумывал недолго.

— Все по местам! Идём на таран!

«Грызун» устремился навстречу «подземной птице»...

Январь 2006 г.

ВТОРАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Камчатка. 21 июля

Камчатский полигон «Кроноцкий» для испытаний геофизического оружия был создан ещё в середине девяностых годов прошлого века. Проводились ли испытания и закончились ли успешно, знали только те, кто их планировал и проводил. Но в июле этого года на полигоне появились другие военные специалисты, разрабатывающие так называемое вакуумное оружие; среди его конструкторов оно получило игривое название «дыробой».

Испытания «дыробоя» состоялись двадцать первого июля в двенадцать часов дня. Были предприняты беспрецедентные меры безопасности, секретность мероприятия обеспечивал специальный батальон охраны Министерства обороны, и о настоящем положении дел знали лишь несколько человек в стране, ответственных за разработку новейших систем вооружений. Персонал же полигона считал, что на Камчатку прибыли геофизики для проведения очередных «стрельб», что превратилось уже в рутинную проверку техники измерений, вошло в норму и никого особенно не волновало.

Между тем на полигон прилетели не только министр обороны и начальник научно-технического управления ФСБ, но и физики, чьи идеи легли в основу разработки «дыробоя». Среди них был и «отец» вакуумной энергетики Владимир Леонтьев, а также конструктор «дыробоя» — официально изделие именовалось «поляризатором вакуумных осцилляций» — Роман Злотниченко, совсем молодой, тридцати четырёх лет, но уже доктор технических наук и лауреат многих премий.

Полигон «Кроноцкий» расположен в западной части Камчатки, на берегу красивого и чистого Кроноцкого озера. Озеро полукольцом окружают шестнадцать вулканов, сидящих на высоких платообразных фундаментах — долах. Высота долов достигает тысячи четырёхсот метров, а самый высокий здешний вулкан —

Кроноцкая сопка поднимается вверх на три с половиной километра.

Из всех этих вулканов лишь пять считаются действующими, хотя выбрасывают в воздух только пар и газы. Однако в последние годы начали просыпаться и остальные, давно потухшие, да и землетрясения в этом районе стали происходить чаще, что естественно было связано с испытаниями геофизического оружия, генерирующего направленные пучки электромагнитных и спинторсионных полей.

Группа учёных-физиков и конструкторов «дыробоя» расположилась рядом с Центром управления полигоном, охраняемым спецподразделениями Министерства обороны, на берегу озера, в сборных домиках. Гостей к подземному бункеру Центра управления доставлял небольшой электропоезд, нырявший в тоннель на северном берегу озера. Сам «дыробой» был установлен на склоне сопки Медвежьей, представлявшей собой голый каменный бугор, испещрённый рытвинами и трещинами. Когда-то в древности сопка тоже была вулканом, но выбросила столько серного ангидрида, что ни деревья, ни кустарники, ни травы на ее склонах не росли. Лишь подножие окружало кольцо кедрового стланика и вереска.

В двенадцать часов дня начальник полигона генерал Уткин доложил министру обороны, что всё готово к испытаниям, и тот кивнул:

— Начинайте.

Московские гости расположились в центре зала управления, перед большим плоским телеэкраном, показывающим склон сопки и бронетранспортёр, на борту которого высилась установка вакуумного поляризатора, похожая на лазерный излучатель и на старинную пушку одновременно. Её ствол смотрел под углом сорок пять градусов к основанию сопки. Во избежание неприятных сюрпризов решено было «просверлить вакуум», а заодно и горные породы под сопкой на глубину километра и по направлению к ядру Земли, хотя и не строго по радиусу к нему.

В зале прозвучал гудок.

Все разговоры стихли. Учёные замерли, впившись глазами в экран. Раздался равномерный стук метронома. На десятой секунде руководитель испытаний коротко сказал: «Пуск!» — и нажал на красную кнопку включения «дыробоя».

Дуло «пушки», обмотанное стеклянной спиралью, покрылось слоем неярких в свете дня искр и плюнуло сгустком прозрачного

лилового огня. Раздался странный скрежещущий вопль, от которого у всех присутствующих в зале управления, упрятанного в недрах скал на глубине двадцати метров, завибрировали кости черепа. Люди схватились за уши. Министр обороны выругался. Что-то быстро проговорил Леонтьев, обращаясь к Злотниченко. Речь шла о каких-то «нелинейных деформациях вакуумного поля».

— Предсказанное нарушение конфайнмента, — коротко ответил физику Злотниченко.

Сгусток пламени вонзился в склон сопки, вспухло и расплылось струйками сизое дымное кольцо.

«Пушка» погасла.

— Эксперимент закончен, — лаконично доложил министру руководитель испытаний.

Все разом задвигались, заговорили, перебивая друг друга.

— Я думал, эта штука эффективней сработает, — проворчал министр.

— Наоборот, слишком много шума, — возразил учёный. — В канале разряда возникает лавинообразный процесс распада квантонов пространства на монополи, которые, в свою очередь, разрушают кварки. Процесс этот не должен сопровождаться значительными звуковыми и световыми эффектами.

— Что же мы тогда слышали? Не глюк же, в самом деле.

— Глюком мы называем распад кварков и глюонов на кванты энергии. Проанализируем его параметры и выясним причины звукового удара.

— А посмотреть на ваш «дыробой» поближе можно?

Леонтьев повернулся к коллеге.

— Радиация?

— Практически в норме.

— Пойдёмте, обследуем место удара.

Через полчаса присутствующие на эксперименте в сопровождении начальника полигона взобрались на складку дола и подошли к бронетранспортёру с установкой вакуумного поляризатора.

— Ну и где результат? — хмыкнул министр.

— Вот, — показал рукой один из специалистов в камуфляже, прибывший к установке раньше.

В каменном бугре напротив БТР зияло круглое отверстие диаметром с кулак, окружённое сеточкой трещин.

— И это всё?

— Так точно! — вытянулся руководитель испытаний.

— Я думал... — министр пошевелил пальцами, — здесь будет нечто вроде кратера...

— Мощность импульса невелика... — начал оправдываться Злотниченко.

— Главное, что поляризатор работает, — перебил его Леонтьев. — По всей длине канала произошёл кварк-глюонный распад материи, чего мы и добивались.

— А в броне ваш «дыробой» сможет пробить дырку?

— Разумеется.

— И на каком расстоянии мы сможем уничтожать бронетехнику противника?

— Теоретически на любом, но в данном случае импульс был рассчитан на километровую глубину затухания. Сейчас проверим и выясним.

— Что ж, неплохо. Продолжайте работу. — Министр бросил взгляд на несолидную дырку в каменном бугре и направился к подножию сопки, где его и свиту ждал вездеход.

Злотниченко и Леонтьев задержались возле группы испытателей, облепивших бронетранспортёр.

— Миша, какова глубина канала? — поинтересовался конструктор «дыробоя».

— Меряем, — отозвался руководитель эксперимента. — Нет эха... но должно быть не меньше километра, без сомнений.

Он ошибался.

Длина пробитого в горных породах канала была гораздо больше, хотя никто из специалистов этого ещё не знал.

Москва, 22 июля

Савву Бекетова разбудил звонок.

«Какого чёрта?! — ругнулся он в душе, дотягиваясь до трубки телефона. — Я же в отпуске...»

— Слушаю, Бекетов.

— Майор, срочно в управление! — раздался в трубке глуховатый голос полковника Старшинина. — В десять должен быть у меня как штык.

— У меня билет на самолет... — заикнулся Бекетов, надеясь, что зам начальника управления пожалеет сотрудника и даст отбой. — В Сочи лечу... А что случилось, Иван Поликарпович?

— Убиты военспецы, занимавшиеся разработкой импульсно-

го оружия, покушались на министра обороны, он жив, но в реанимации... Короче, давай в контору, одна нога там, другая здесь! Будем работать.

— Блин! — сказал Бекетов расстроенно, поправился: — Слушаюсь, товарищ полковник!

Положил трубку, попрощался с мечтой об отдыхе на море.

— Вот гадство! Надо было вчера улететь...

Через полчаса он уже ехал по Москве в Управление военной контрразведки, где работал следователем по особо важным делам.

Полковник Старшинин, за глаза называемый подчинёнными Старшиной, худой, костистый, мосластый, длиннолицый, с полуседыми волосами ёжиком, ждал его в своём кабинете. Кроме зам начальника управления, в кабинете сидел маленький неприметный человечек в бежевом летнем костюме, с лицом мелкого клерка. Но стоило заглянуть ему в глаза, умные, рассеянно-ждущие, как бы проваливающиеся в себя, и становилось ясно, что этот человек далеко не так прост, как кажется.

— Знакомьтесь, — отрывисто бросил Старшинин. — Майор Савва Бекетов, рэкс, «важняк», Борис Константинович Шелест, кандидат физматнаук, заведующий нашей лабораторией в Красноярске-66. Савва Андреевич, ты знаешь что-нибудь о теории УКС?

— Нет, — качнул головой Бекетов.

Старшинин посмотрел на гостя.

— Теория упругой квантованной среды, — неожиданным басом отозвался тот, — разработана всего двадцать лет назад, Вадим Петрович — её апологет.

— Вадим Петрович?

— Тот, кого убили.

— Борис Константинович является учеником Леонтьева, — добавил полковник. — Он расскажет, над чем работали Леонтьев и Злотниченко.

— Мы работали... — Шелест запнулся.

— Ему можно рассказывать всё, — кивнул Старшинин. — У него «красный» карт-бланш.

— В общем, мы работали над практическим использованием эффекта Ушеренко. Вадим Петрович пошёл дальше...

— Что такое эффект Ушеренко? — спросил Бекетов.

— Эффект сверхглубокого проникновения твёрдых микрочастиц размером от одного до тысячи нанометров в твёрдые пре-

грады. При этом происходит аномально высокое выделение энергии, примерно как при ядерном распаде. Леонтьев доработал теорию УКС в области энергетических вакуумных взаимодействий, и на базе его расчётов мы создали У-излучатель, в луче которого амплитуда вакуумных осцилляций становится такой большой, что начинают разрушаться не только ядра атомов, но и элементарные частицы, вплоть до кварков.

Контрразведчики переглянулись.

— Ты всё понял? — поинтересовался Старшинин.

— Я закончил радиотех, — пожал плечами Бекетов, скептически поджал губы. — Но до сих пор никому из учёных не удавалось не то что разрушить кварки, но даже растащить, расщепить элементарные частицы на отдельные кварки. Это явление называется конфайнментом.

— Вы меня приятно удивили, — пробасил Шелест, благожелательно глянув на майора. — Это верно, кварки, свёрнутые в протоны, нейтроны и электроны, невозможно отделить друг от друга обычными методами, но мы обошли этот закон, открыв явление нелинейной квантовой «расшнуровки» частиц.

— Всё равно не понимаю...

— Идём дальше, — поднял ладонь Старшинин. — Углубляться в теорию нет времени. Если совсем коротко, Леонтьев и Злотниченко создали генератор...

— Поляризатор, — поправил учёный.

— ...поляризатор вакуума, названный «дыробоем», и испытали его на полигоне. После чего и произошли нападения на разработчиков и на тех, кто присутствовал при запуске «дыробоя». Исчезли все расчеты, схемы и чертежи установки. Кстати, сам «дыробой» наполовину сгорел, по оценкам инженеров — из-за короткого замыкания. Однако не верю я в скоропостижные короткие замыкания. Мы закрыли полигон, оттуда ни одна душа не выскользнет, надо лететь.

Бекетов вопросительно поднял бровь.

— Испытания прошли успешно?

— В общем-то, да. — Шелест смущённо почесал кончик носа. — Хотя и не без сюрпризов.

— Что вы имеете в виду?

— Понимаете, мощность импульса была рассчитана так, что длина канала, пробитого «дыробоем» в горных породах, не должна была превысить одного километра. На деле же оказалось, что канал намного длиннее.

— Насколько?

Учёный снова взялся за нос.

— Если верить измерителям, он достиг ядра.

— Ядра чего? — не понял Старшинин.

— Ну, не атома же, — усмехнулся Шелест. — Ядра Земли, конечно. И это странно. Мы такого не ожидали. Надо тщательно проанализировать результаты и попытаться объяснить, что произошло.

— Представляешь? — посмотрел на майора Старшинин. — С такой пушкой можно будет выводить из строя технику противника на расстоянии в тысячу километров.

— Шесть тысяч, — флегматично поправил его завлаб. — Радиус Земли равен шести с лишним тысячам километров. Я вообще считаю, что наши расчёты неточны, и канал на самом деле длиннее, чем мы себе представляем.

— Почему? — заинтересовался Бекетов.

— Потому что при пробое происходит не сферическая деформация вакуума, как при рождении волны гравитационного поля, а векторная, с возникновением самофокусирующегося солитона...

— Это не главное, — перебил Шелеста полковник. — Доработки теории — ваша забота, расследование — наша. Майор, убийством физика Леонтьева и покушением на министра — на них напали уже в Москве — будет заниматься бригада Скворцова, тебе же придётся лететь на Камчатку и разбираться с техникой и теми, кто её обслуживает. Самолёт через два часа. С тобой полетит капитан Лазарев из научно-технического управления и Борис Константинович.

Бекетов посмотрел на военспеца. Тот сморщился, развёл руками:

— Прошу прощения, попутчик я скучный, придётся потерпеть.

— Ничего, не красна девица, потерпит, — буркнул Старшинин.

Москва — Камчатка, 22–23 июля

Полёт из подмосковной Кубинки до Петропавловска-Камчатского на новом военном «Ту-160» занял всего шесть часов. Ещё через час старенький «Ми-8» доставил делегацию военной контрразведки на Кроноцкий полигон.

Во время полёта Бекетов успел познакомиться с Шелестом

поближе и убедиться, что военспец — не такой уж и скучный человек, как он о себе говорил.

После беседы о теории УКС майор с улыбкой вспомнил известный анекдот о рабочих, пытавшихся из украденных на заводе деталей собрать трактор, а получалась у них ракета.

Шелест улыбнулся в ответ:

— Это правда, не существует такой теории, которую военные не смогли бы применить для разработки оружия. Но таков уж человек, наполовину ангел, наполовину зверь, жаждущий крови ближнего своего. Вы знаете, я как-то ради любопытства сделал анализ развития орудий уничтожения, получилась интересная статистика.

— Секретная?

— Нет, конечно, просто я её никому не показывал.

— Поделитесь?

— Если вам интересно.

— Я тоже работал над анализом оружия, но с другой точки зрения, профессионально — как над утечкой военных технологий.

— Понимаю. В общем, картина получается такая. Если начать с доисторических времён, то первыми орудиями убийства были кремниевые ножи, затем топоры, луки и копья. Хотя я лично считаю, что они являются лишь следами и свидетелями деградации погибших цивилизаций — Лемурии, Атлантиды и Гипербореи, владевших куда более мощным и современным оружием.

— Магическим.

Шелест озадаченно глянул на собеседника.

Бекетов улыбнулся.

— Я увлекаюсь эзотерикой и почитываю соответствующую литературу. А ваша идея не нова.

— Я и не претендую на открытие, — махнул рукой военспец. — После палеолита человечество шагнуло в неолит, эпоха каменных орудий сменилась эпохой бронзы. Появились мечи, кинжалы, копья с металлическими наконечниками, сначала бронзовыми, потом железными. С изобретением пороха на смену холодному пришло огнестрельное оружие, мощь его постоянно росла, появилось атомное и термоядерное. Не упускались из виду и «боковые веточки» — промежуточные энергетические диапазоны, также принятые на вооружение учёными.

— Электромагнитное, лазерное оружие.

— Пучковое, психотронное, химическое и так далее. Теперь мы подошли к использованию энергетических запасов вакуума, которые поистине неисчерпаемы. Причём заметьте: сначала возникают идеи мирного использования новых энергетических источников, но тут же вслед за ними появляются образцы принципиально новых видов оружия. Будто работает некая программа, понимаете?

— Нет.

— Создаётся впечатление, что кому-то выгодна деятельность человечества по изобретению средств индивидуального и массового поражения.

— Кому? — Бекетов посмотрел на капитана Лазарева, как бы приглашая его принять участие в беседе, но капитан промолчал. Он вообще предпочитал слушать и в разговоры вступал редко, думал о чём-то угрюмо и на вопросы не отвечал.

Шелест развёл руками:

— Тут я пас, не знаю. Если бы я верил в пришельцев и во всякую мистику, сказал бы, что создание новых военных технологий выгодно либо «зелёным человечкам», контролирующим жизнь на Земле, либо дьяволу.

Бекетов засмеялся.

— В «зелёных человечков» и я не верю, хотя считаю, что дыма без огня не бывает. Возможно, за нами действительно кто-то наблюдает из космоса, слишком много непонятных явлений описано очевидцами. Не могут же все они быть лгунами и шизофрениками.

— Не могут, — согласился Шелест.

Больше им поговорить не удалось.

Самолёт приземлился в аэропорту Петропавловска-Камчатского, их тут же пересадили в вертолёт, и в одиннадцать часов утра по местному времени Бекетов ступил на землю Кроноцкого полигона, одетый в удобный туристический костюм «арктик»: штаны и куртка из мягкой, прочной, водонепроницаемой ткани, кросс-ботинки на липучках, в куртке множество кармашков и приспособлений для ношения личных вещей и кучи разных необходимых для походного человека прибамбасов.

В отличие от него капитан Лазарев натянул армейский пятнистый комбез и ничем не отличался от мрачных охранников полигона, встретивших контрразведчиков.

Первым делом они осмотрели труп Злотниченко, хранившийся в отдельном помещении возле казармы. Конструктор «ды-

робоя» был убит выстрелом в голову. Стреляли из пистолета «волк» отечественного производства.

— Как это случилось? — спросил Бекетов.

Начальник полигона, сопровождавший гостей из столицы, посмотрел на полковника Павлова, начальника охраны, тот развёл руками:

— Никто не знает. Его нашли утром в его домике. А убили его, по оценке врача, ночью, часа в три утра, когда все спали. Выстрела никто не слышал.

— Оружие не нашли?

Начальник полигона передёрнул плечами:

— Пистолетами «волк» вооружены только три человека на полигоне: я, мой зам и командир подразделения охраны. Мы проверили: ни один пистолет не пропал, ни из одного не стреляли.

Бекетов постоял немного у трупа и вышел.

— Поехали к «дыробою».

Бронетранспортёр с «дыробоем» на броне всё ещё стоял на прежнем месте, в точке испытаний, несмотря на ухудшение погоды: пошёл мелкий противный дождик. Возле него возились двое хмурых мужчин: один в стандартном камуфляже, бородатый, второй в цивильной одежде. Бородач оказался помощником Злотниченко, знавшим Шелеста. Они поздоровались, и Шелест представил Бекетова и Лазарева. Добавил:

— Контрразведка.

Бородач окинул прибывших безразличным взглядом, дёрнул Шелеста за рукав куртки, отводя в сторону.

Бекетов и Лазарев переглянулись.

— Учёные, мать их за ногу, — бледно улыбнулся капитан. — Мы для них не авторитеты.

Бекетов нахмурился:

— Здесь ЧП, какие могут быть тайны? Кто тут старший?

— Ну, я, — оглянулся бородач. — Подожди, мы поговорим.

Майор шагнул к нему, крепко взял за локоть, сказал медленно, чеканя слова:

— Давайте договоримся, любезнейший. Кому из нас подождать, буду определять я. Это первое. Если вы считаете себя круче местных сопок, то ошибаетесь. Через пять минут вас заменят. Это второе. Всё понятно?

Бородач дёрнулся, пытаясь высвободиться, глянул на Шелеста, хотел возмутиться, но встретил заледеневший взгляд Бекетова, вздрогнул:

— Я хотел...

— Я спрашиваю, вам всё понятно?

— Понял, — буркнул военспец.

Бекетов отпустил его локоть.

— Вот и славно. Показывайте оборудование и рассказывайте, что произошло.

Возникла небольшая суета, затем гостям показали дырку в каменном бугре на склоне сопки, уходящую в недра полуострова на неведомую глубину, и «пушку» на платформе БТР, оказавшуюся «дыробоем». С виду она была цела, но специалисты уже вскрыли панель управления установкой, и взорам гостей предстала сотовая начинка компьютера, управлявшего поляризатором вакуума. Она выгорела почти вся, и в воздухе отчётливо воняло сгоревшей изоляцией и пластиком.

— Коротнуло, — заметил один из спецов, с опаской поглядывая на Бекетова.

— Не похоже, — возразил второй, худой и небритый. — Это не КЗ в классическом варианте.

— А что? — поинтересовался Бекетов.

Спец помялся, бросая взгляды исподлобья на бородача, но тот демонстративно молчал.

— Такое впечатление, что кто-то дал команду, блокирующую систему контроля... и по цепи прошёл запороговый сигнал. Сгорел блок управления, а также вся коммутация слаботочных систем.

— Кто мог подать команду?

— Никто, — бросил бородач, подумал и добавил с угрюмым удивлением: — Но выглядит это именно так.

— Я займусь этим, — сказал слегка оживившийся капитан Лазарев. — Компьютеры и электроника — моя епархия.

— Действуй, — согласился Бекетов. — А я пока допрошу свидетелей и побеседую с начальством.

До вечера он выяснял круг допущенных к испытаниям людей и уточнял детали происшествия.

Начальство в лице полковника Рутберга, командира полигона, и руководителя испытаний полковника Плацебо толком ничего сообщить не смогло. Они знали только то, что испытания закончились торжеством теории и практики, а что произошло после победной вечеринки в кругу военспецов, никто из них не ведал. Оба проводили высокое московское начальство — министра обороны и Леонтьева, «приняли на грудь» изрядную дозу

«успокоительно-горячительного» и убыли к семьям в офицерское общежитие полигона ещё до отбоя.

Эксперты, обслуживающие аппаратуру полигона, также не добавили ясности в дело, лишь отметили, что Леонтьев и Злотниченко дольше всех возились с «дыробоем».

Не помогли следствию и охранники, не заметившие ничего подозрительного вокруг района испытаний в частности и на территории полигона вообще.

Зато неожиданно оказался полезным капитан Лазарев, отыскавший в недрах измерительного комплекса «дыробоя» параметры «выстрела» и запись испытаний, а также — что было вовсе уж экзотично и отдавало мистикой — запись с телекамеры, которая глядела на сопку Медвежью с расстояния в полкилометра. В суете вокруг «дыробоя» об этой телекамере забыли, но дотошный Лазарев отыскал в компьютере полигона схемы наблюдения и обнаружил «забытую» телекамеру, установленную на одинокой скале на берегу озера.

Телекамеру проверили, запись прокрутили, и Бекетов увидел, как в два часа ночи — камера имела инфракрасную оптику — возле бронетранспортёра сгустился мрак, приобрёл очертания человеческой фигуры. Ночной гость, неведомо как пробравшийся мимо охраны, влез на БТР, покопался в «дыробое» и растворился в ночи.

— Сможете определить, кто это был? — поинтересовался Бекетов.

— Попробую, — буркнул Лазарев, увлечённый работой. Судя по всему, он был специалистом очень высокого класса, и Старшинин не зря дал его в помощники своему подчинённому.

Берег Кроноцкого озера, 23 июля

Поздно вечером, когда уставший за день майор собирался ложиться спать, к нему зашёл Шелест, одетый в старенький спортивный костюм. На лице военспеца лежала печать философской задумчивости.

— Слышали вечерние новости?

— Нет, не успел, — ответил Бекетов, натягивая футболку. — Что вас взволновало?

— В Аргентине, возле Буэнос-Айреса, взорвался нефтеперерабатывающий завод.

— Ну и что? — пожал плечами Бекетов. — Несоблюдение каких-либо правил эксплуатации либо террористы постарались.

— Ещё был сбит американский азимутальный спутник, примерно в той же точке, над Аргентиной.

Бекетов хлебнул минералки из пластиковой бутылки, разглядывая лицо гостя.

— Что вы хотите сказать?

— Оба этих происшествия совпадают по времени и нанизываются на один вектор.

— Кажется, я догадываюсь...

Шелест поднял на майора светлые рассеянные глаза.

— Возможно, я был прав. Леонтьев и Злотниченко не до конца рассчитали параметры импульса. Затухания не получилось. «Дыробой» создал нечто вроде струны мгновенного распада материи, пробившей всю Землю навылет и ушедшей в космос.

— Здорово!

— Да, неплохо, — кивнул учёный, — если не считать последствий.

— Я имел в виду, что мы получили сверхдальнобойное оружие.

Шелест направился к выходу, бросив:

— Спокойной ночи, Савва Андреевич.

— Это всё, что вы хотели сказать? — вдогонку спросил Бекетов.

Военспец не ответил.

Майор походил по комнате: три шага туда, три обратно, сел на кровать, и в это время зазвонил мобильный телефон. Бекетов поднёс к уху трубку.

— Я кое-что получил, — заговорила трубка голосом Лазарева, оставшегося в центре управления полигоном.

— Узнал, кто был этот ночной лазутчик? — оживился Бекетов.

— Не поверишь...

— Сейчас подойду.

— Я сам приду, жди у озера.

— Что за секретность?

Лазарев понизил голос:

— Тут ушей много.

Бекетов помолчал.

— Хорошо, я буду у скалы, где стоит камера.

— Через полчаса.

— Договорились.

Гадая, почему капитану взбрело в голову встречаться в укромном месте, а также размышляя над словами Шелеста, Бекетов натянул свой «арктик» и без пяти двенадцать подошёл к скале, торчащей над лесом, в полусотне метров от обрывистого берега северной части Кроноцкого озера. Фонаря здесь никакого не было, но в небе висела ущербная луна, и берег был неплохо освещён.

Лазарева ещё не было.

Бекетов прошёлся по кромке обрыва, любуясь лунной дорожкой на озере, зябко поёжился: к ночи похолодало, температура едва ли была выше трёх-четырёх градусов выше нуля.

Что-то плеснуло под обрывом.

Бекетов насторожился.

Спину мазнул чей-то липкий взгляд. Пришло ощущение какой-то неправильности в окружающей природе. За ним наблюдали, цепко и зло. Бекетов пожалел, что согласился на дурацкое рандеву с капитаном в отсутствие свидетелей. Тронул рукоять штатного «волка» в кобуре под мышкой. Поднял к глазам циферблат часов: Лазарев опаздывал уже на пятнадцать минут, а это было против правил. Что-то случилось. А майор не смог адекватно оценить обстановку на полигоне, где произошло ЧП с убийством конструктора «дыробоя» и уничтожением самой установки.

Бекетов набрал номер Лазарева.

Где-то далеко, на грани мяукнул знакомый сигнал.

Бекетов напрягся, прислушиваясь, не понимая, грезится ему этот звук или нет.

Сигнал повторился и смолк. Но майор уже понял, откуда доносится тихий мяв — из-под обрыва (не может быть!), метнулся на берег озера.

Груды камней, валуны, скальные ребра, чёрное пятно наполовину в воде, наполовину на плите. Человек?!

Бекетов начал спускаться по крутому откосу вниз, цепляясь за выступы и камни. Чуть не сорвался, но всё же сумел удержаться, сполз до обреза воды, пригнулся, упираясь руками в валун и всматриваясь в пятно, и это его спасло.

Над ухом вжикнуло.

Пуля?!

Он отпрянул в сторону, перекатился на бок.

Вторая пуля также пролетела мимо, с треском разнесла на куски один из камней.

Бекетов сделал ещё один перекат, включаясь в боевой режим, выхватил пистолет.

В десяти шагах у воды шевельнулась тень.

Он выстрелил.

С тихим вскриком тень погрузилась в воду.

Ещё одна тень выросла над обрывом. В камень у головы Бекетова шлёпнулась пуля; стреляли из пистолета с глушителем.

Он выстрелил в ответ.

Тень исчезла.

Бекетов рывком достиг берега, тронул человека за ногу: это был капитан Лазарев, лежавший по плечи в воде. Он явно был мёртв и не шевелился.

Скрипнув зубами, Бекетов метнулся к обрыву, взлетел на откос как на крыльях, краем зрения уловил движение в кустах, за скалой, бросился в погоню.

Снова пришло ощущение неправильности происходящего. Будто он забыл что-то важное и никак не мог вспомнить. Разгадка пришла спустя мгновение, когда Бекетов обогнул колючий куст можжевельника и наткнулся на человека, пытавшегося взобраться на скалу: никто на выстрелы не отреагировал! Охрана тревогу не подняла!

Однако размышлять на эту тему было уже поздно.

Человек бросился на майора как рысь, и тому пришлось приложить максимум изворотливости и сноровки, чтобы отразить нападение и перейти в атаку. Он выманил противника, одетого в камуфляжный комбез, на освещённое луной место, хлёстко ударил его по лицу тыльной стороной ладони (приём «массаж», ослепляющий и отвлекающий), а затем нанёс сильнейший удар кулаком в корпус, чуть пониже ребра, прессуя почку.

Человек со сдавленным криком отлетел на груду камней, упал.

Бекетов шагнул было к нему, собираясь обыскать, но вовремя почуял холодок опасности и нырнул на землю, пропуская над собой пулю, выпущенную из пистолета; стреляли из-за стены кустарника в двадцати шагах.

Да сколько же вас!..

Он метнулся в сторону, припал за камень, пережидая ещё один тихий выстрел, ответил дважды.

Вскрик, грохот раскатившихся камней.

Бекетов выскочил из-за укрытия, бросился на звук удаляв-

шихся шагов; новый противник был ранен и не мог бежать бесшумно и быстро.

Он догнал его на берегу озера, где склон был не так крут и покрыт песком. Хромающий стрелок обернулся, выстрелил несколько раз (снова «волк», ети его!), не попал, поднёс к виску пистолет и нажал на курок. Пуля разнесла череп! Тело человека в комбинезоне свалилось на песок.

— Мать твою! — выдохнул Бекетов, подбегая. Склонился над самоубийцей и не поверил глазам: это был... начальник полигона полковник Рутберг!

Однако расслабляться не следовало.

Кто-то вдруг подскочил сзади, ударил рукоятью пистолета по затылку. И хотя Бекетов смягчил удар наклоном, его сбили с ног и спустя минуту после ожесточённой борьбы на песке вывернули руки и стянули ремнём. Он извернулся, ударил нападавших ногами, попал, но тут же в ответ заработал удар по голове и потерял сознание.

Выбор. 23 июля

Зеркало воды, мелкие оспинки волн, лунная дорожка...

Пейзаж неподвижен, но в теле — ощущение движения...

Яркие точки над головой, мигают вразнобой, как звёзды. В черноте проявляется чьё-то бледное лицо, гаснет, роняя искры на воду...

Снова слышится звон телефона... или это ему грезится?

Голоса, постукивание, скрипы...

— Где я? — вяло спросил Бекетов.

Из тьмы возникает другое лицо, губы роняют слова:

— Он очнулся...

— Где я? — повторил Бекетов.

Что-то кольнуло в плечо.

Мрак раздвинулся.

Бекетов ощутил себя лежащим на палубе яхты, скользящей по глади озера. Впрочем, это был всего лишь небольшой катер.

Светила луна. Воздух был напоен ароматами луговых трав, дышалось легко, только слегка подташнивало от удара по затылку и болели мышцы ног, натруженные бегом.

Он сел, опираясь ладонями о холодную палубу, огляделся.

Вокруг стояли люди в камуфляже, равнодушно глядя на него. Он узнал одного из них — это были охранники полигона. А на-

против стоял полковник Павлов, командир подразделения охраны, засунув руки в карманы комбинезона, и тоже смотрел на майора, выпятив губы.

К нему подошёл пятнистый комбез, понизил голос:

— Второй пост запрашивает, что случилось, они слышали выстрелы.

— Скажи — поймали диверсанта, всё нормально.

— Старший наряда может послать группу.

— Сколько у нас времени?

— Минут семь.

Полковник присел на корточки перед Бекетовым:

— Что мне с тобой делать, майор?

— Кто... вы? — с трудом выговорил Бекетов.

— Не догадываешься?

— Вы... убили Лазарева... значит, работаете... на ЦРУ...

Павлов усмехнулся.

— С воображением у тебя туговато.

Силы возвращались, мышцы были готовы к действию, несмотря на тупую боль в затылке, но Бекетов ждал момента, понимая, что шансов остаться в живых у него нет. Эти люди шутить не любили и не жалели никого. Но если его не убили сразу, значит, он был нужен убийцам, неизвестно каким образом захватившим полигон.

— Если не на ЦРУ, то на кого вы работаете? На азиатов?

— У тебя только один путь, — сказал полковник, пропустив вопрос мимо ушей. — Согласишься сотрудничать с нами — будешь жить, нет — пойдёшь вслед за коллегой.

— Зачем вы его убили?

— Он нашёл то, что не должен был найти. Умный парень. Жаль, что так получилось.

— Что же он нашёл?

— Сначала я хочу услышать ответ на вопрос.

— Не зная, кто вы и что вам надо, я не стану отвечать.

— Жаль, но у меня нет времени на беседы. — Полковник сделал жест пальцем, подзывая кого-то. — Абрамыч, уберите его и чтобы ни одна собака... — Начальник охраны не договорил.

Бекетов вошёл в боевое состояние, выдернул у Павлова пистолет из руки и выстрелил в подходившего к ним охранника. Откатился в сторону, выстрелил ещё раз, целя в другого, схватившегося за автомат. Едва не свалился в воду: он и в самом деле лежал на палубе небольшого катера, стоявшего посреди озера.

Полковник оказался быстрым и понятливым, поэтому бросаться на Бекетова не стал, опрокинулся через борт и упал в воду вниз головой, спасаясь от выстрела.

Тотчас же на берегу озера вспыхнул прожектор, его луч нащупал катер, заставив Бекетова отвернуться. Заработали моторы ещё двух катеров, рванувшихся с двух сторон к судёнышку, на борту которого полулежал майор.

— Не двигаться! — проревел усиленный мегафоном голос. — Бросить оружие! Руки на затылок!

— Свои... — прохрипел Бекетов, опуская пистолет.

С приблизившихся катеров к нему на палубу прыгнули двое в камуфляже, с автоматами в руках.

— Майор Бекетов? Где полковник Павлов?

— Он... там, — кивнул на воду Бекетов, — нырнул...

Один из комбезов крикнул:

— Ныряльщиков в воду! Один прыгнул за борт! — Повернулся к майору: — Где ваш напарник?

— Убит, — выдохнул Бекетов, только теперь начиная чувствовать боль во всём теле. — На берегу.

Вскоре суета на озере стихла. Спецвездеход увёз трупы охранников — Павлова тоже нашли в озере, но уже мёртвого, — в медучреждение полигона. Бекетов, с замазанными йодом синяками и ссадинами, доложил Старшинину по мобильному о случившемся, и тот велел ждать комиссию из Москвы. Бекетов попытался начать следствие по горячим следам, допросил всех свидетелей трагедии, охранников, обслугу полигона, командиров подразделений, но особого успеха не достиг. Понять, что произошло, почему вдруг начальник полигона и командир охраны с тремя подчинёнными решили убрать Лазарева, а потом Бекетова, от кого они получили приказ и на кого работали, с наскока было невозможно.

Лишь в шестом часу утра осоловевший от усталости Бекетов добрался до своей комнаты и рухнул на кровать, не раздеваясь. Но отдохнуть ему не пришлось. В комнату вдруг заглянул Борис Константинович Шелест:

— Можно?

Бекетов выругался в душе, с трудом нашёл в себе силы сесть, помял лицо.

— Заходите.

— Извините, Савва Андреевич, возникла срочная необходимость поговорить.

— Может, утром, часов в девять?

— Нет, я и так опоздал с этим разговором. Это моя вина, что погиб ваш коллега.

— О чём вы? — не понял Бекетов, наливая из фляги на ладонь воды и вытирая ладонью лицо.

— Они пытались вас вербовать?

— Кто? — Сон сняло как рукой. — О ком вы говорите?!

— О Павлове и Рутберге. Что они вам предложили?

— Откуда вы знаете?! И вообще... — Бекетов потянулся к пистолету.

— Не надо, — махнул рукой военспец. — Я сяду и всё объясню.

Он умостился на краешек табурета возле стола, посмотрел на поднявшегося Бекетова снизу вверх.

— Да вы садитесь, Савва Андреевич, я не собираюсь сражаться с вами, как латеранты.

— Кто?

— Те парни во главе с Павловым. По сути — зомби, закодированные для определённой операции. К счастью, они торопились и зачистку провели некачественно.

— Ничего не понимаю! — Бекетов сел на раскладушку. — Какие латеранты? Какая зачистка?

— Сейчас всё поймёте. Помните, в самолёте мы затронули тему оружия?

— Помню.

— Тогда мы пришли к выводу, что человек в первую очередь использует научные идеи для создания оружия. Так вот, эта деятельность и есть его главная задача. Человечество создано для разработки систем оружия для всей Галактики и успешно справляется со своим предназначением.

Бекетов с изумлением и недоверием посмотрел на собеседника:

— Вы... шутите?!

— Вы хотели спросить: не болен ли я? — Шелест усмехнулся. — Не болен. Просто я давно работаю по этой программе и получил задание найти помощника. По-моему, вы вполне подходите.

— Кто вы, чёрт возьми?! Тоже... из этих... из латерантов?

— Нет, я как раз из другого лагеря. Латеранты работают на галактическую безопасность, я же служу той стороне, которая нуждается в новом оружии. К сожалению, они вышли на нас в связи с созданием «глюка», и теперь нам придётся заметать следы, делать зачистку, чтобы не произошла утечка информации.

— Подождите... ничего не понимаю... «Глюк» — это...

— Новое поколение оружия, создатели назвали его «дыроб-оем». На самом деле при генерации импульса в вакууме появляется векторная «трещина» или «струна», в которой разрушаются даже кварки, глюоны и кванты пространства. Отсюда название оружия — «глюк».

— «Дыробой» не хуже...

— Это вопрос вкуса.

— Как же эти... латеранты вышли на вас?

— При испытании «струна» «глюка» не только пробила навылет гору, но и всю Землю, ушла далеко в космос, задев американский спутник, и была запеленгована аж в центре Галактики. Вот по ней на Землю и был прислан волновой «пакет» латерантов, внедрившихся в тела людей для ликвидации опасного инцидента.

— Значит, они тоже прилетели для зачистки?

— Только с иной целью.

— Чем же вы отличаетесь от них?

— Ничем, — спокойно пожал плечами военспец. — Или почти ничем. Просто они контролируют весь процесс разработки оружия, а мы его продаём... э-э... заинтересованным структурам в частном порядке.

Бекетов невольно покачал головой:

— Контрабанда...

— Именно, молодой человек. И сегодня вы нам здорово помогли. В связи с чем я уполномочен сделать вам деловое предложение: не хотите работать на нас? Эта работа очень неплохо оплачивается.

Бекетов снова качнул головой.

— Ну и влип! Выходит, сам того не зная, я угрохал галактических чекистов и помог контрабандистам?

— Выходит, что так, — флегматично кивнул Шелест.

— Чёрт бы вас подрал! А если я не соглашусь работать на вас? Сообщу в органы...

— А кто вам поверит? Я же первый заявлю, что вы психически больной человек. После чего вас ликвидируют.

Бекетов встал, сделал два шага к двери и обратно, сел.

— Вы считаете, у меня нет выбора?

— А вы как считаете?

Бекетов достал пистолет.

Шелест прищурился, ни капли не испугавшись, оставаясь сидеть в прежней позе.

— Убив меня, вы ничего не измените. Придут другие. Но я вас понимаю. Подумайте над моим предложением до утра. Это всё, что я могу для вас сделать. Если согласитесь, выиграете очень много.

Бекетов посмотрел на светлеющее окошко.

— Уже утро...

— Часа через два я к вам зайду. — Шелест поднялся, вышел.

А Бекетов остался сидеть с ощущением поставленного к стенке преступника, с отвратительным чувством обмана и обречённости. Он поверил военспецу... и в то же время всё ещё надеялся, что с ним пошутили, сейчас в палатку вернётся Шелест, кашлянет, улыбнётся и признается, что всё это розыгрыш.

Но таяли секунды, складываясь в минуты, истекли полчаса, час, а военспец не возвращался. И тогда майор понял, что он действительно поставлен перед смертельным выбором, ценой которому была не только жизнь, но и кое-что поважней — чистота души.

Он глубоко вздохнул, расправил плечи, пробормотал вслух, вспомнив перестрелку с латерантами на озере:

— Простите, ребята, я не знал, что мы коллеги...

Ещё раз вздохнул, засунул пистолет в кобуру, встал.

Что ж, господин контрабандист, сейчас ты мне всё расскажешь о своей системе, а уж потом я решу, на чьей стороне воевать...

Он открыл дверь и шагнул в удивительно спокойное и свежее утро новой истории...

Июнь 2005

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Понимаев включил мигалку и сирену, только сообразив, что опаздывает. Но и имея преимущества как работник госавтоинспекции, он не особенно преуспел в своём стремлении доехать до места работы вовремя. Потоки машин забили не только основные магистрали, но и улочки и переулки старой Москвы, поэтому надо было ехать буквально по встречной полосе, чтобы успеть к месту службы. А этого Понимаев не любил, даже будучи офицером ГИБДД.

Валерию Николаевичу Понимаеву исполнилось тридцать шесть лет. Он родился в Смоленске, закончил местный институт авиастроения, потом школу милиции, переехал в Москву и был взят на службу в столичную ГИБДД — разработчиком компьютерных систем поиска угнанных автомобилей. В настоящее время он был уже экспертом Центра поиска и получил недавно звание подполковника. Что, впрочем, не служило основанием для оправдания опозданий на работу. Опаздывал же он часто, так как жил в районе Хорошевского шоссе, а ехать надо было на другой конец города, в район стадиона «Авангард», где располагался Центр, да ещё к девяти часам утра, когда поток машин становился максимальным. Не спасала и служебная «Волга» с мигалкой.

Получив очередной нагоняй от начальства за получасовое опоздание, обозлённый Понимаев сел в своем кабинете к компьютеру. Но обида требовала выхода (до сих пор ему выговаривали как мальчишке), и он позвонил своему другу и бывшему однокурснику Олегу Кобринскому, ныне также обитающему в Москве, но в другой епархии: Олег работал главным специалистом по компьютерным сетям Московского института информатики.

— Привет, Кобра, уже на работе?

— Давно, — отозвался Олег флегматично.

— А я опять опоздал. Сплошные пробки на дорогах.

— А ты езди на работу, как я, на метро.

— Спасибо за совет.

— Пожалуйста. Не понимаю, чем ты недоволен. Ты же гаишник, имеешь право ехать на красный свет.

— Во-первых, я не гаишник, во-вторых, таких умников, которые норовят ехать на красный свет, развелось, как в том анекдоте, — миллионы.

— И вы не можете с ними справиться?

— Не с ними — с пробками. Количество автотранспорта в Москве растёт на полмиллиона машин в год! А пропускная способность улиц остается той же, не помогают ни новые развязки, ни транспортные кольца.

— И чего ты хочешь от меня?

— Да ничего, — вздохнул Понимаев, — пожаловаться-то некому, вот я и плачу тебе в жилетку. Вечером ты что делаешь?

— Как всегда, сижу у ящика.

— Может, сходим в кафе, пивка попьем?

— Машка не одобрит... а с другой стороны — почему бы и не сходить? Позвони мне после шести, договоримся. — Голос Олега вдруг изменился. — Слушай, Понимаша, а давай я вам помогу.

— Как? — не понял Валерий Николаевич.

— Проанализирую потоки машин, все пробки, вычислю векторы движения, основные узлы напряжённости, пути объезда и так далее. Или у вас уже проводился такой анализ?

— Нечто подобное было, — Понимаев поскрёб макушку, — но для сугубо утилитарных целей. Мы искали способы нейтрализации пробок.

— Результат есть?

— Ты же видишь — в Москве сплошные пробки, особенно по утрам и к концу рабочего дня. Про пятницу вообще молчу. Такое впечатление, что кто-то специально дезорганизует всё движение. А ведь мы внедряем системы наблюдения за улицами, ставим телекамеры, пытаемся управлять потоками с помощью адаптивных светофоров и компьютеров...

— Пришли мне ваши наработки.

— Зачем?

— Не с нуля же начинать? Мне будет гораздо легче составить карту прогнозов, имея статистику и динамические показатели по городу, да и схема не помешала бы.

Понимаев оглянулся, будто страхуясь от подслушивания.

— Вообще-то это секретные данные... но я пришлю. Только никому не говори.

— Само собой.

На этом разговор и закончился.

Понимаев погонял компьютер, отыскивая в недрах служебных баз данных необходимые файлы, отправил Олегу обещанное и вернулся к исполнению своих непосредственных служебных обязанностей. Однако вечером его машина снова попала в пробку, и он добирался до своего дома почти два с половиной часа. В кафе с Олегом пойти не пришлось, Понимаев просто напрочь забыл об утреннем разговоре с другом и предложении посидеть с ним в кафе, побаловаться пивком.

Следующий день — четверг — прошел без особых напрягов и волнений.

А вот в пятницу Валерий Николаевич снова опоздал на работу, хотя выехал заранее, за два часа до начала — в семь утра, и уже в кабинете вспомнил о предложении Олега. Расстроенный, позвонил другу без всякой надежды на помощь, но в ответ услышал нечто странное. Необычно оживлённый Кобринский заявил:

— Ты не представляешь, что я откопал! Движение машин по Москве образует некий странный аттрактор! Я такого ещё не видел!

— При чем тут аттрактор? Это же чисто математическое понятие...

— Скорее физическое, и вообще это термин из теории игр и управления...

— Короче!

— Короче, получается, что в часы пик движение приобретает почти осмысленный логический порядок! Хотя эта логика нелинейна и не подчиняется нашим вероятностным распределениям типа гауссовых и...

— Ещё короче!

— Давай лучше встретимся у меня дома, и я тебе всё покажу на пальцах. То бишь на мониторе. Я же говорю, впечатление создаётся такое, будто движение машин регулирует некий процесс, на который накладываются волновые колебания плотности...

— Олег, мне пора к начальству на доклад, но я тебе ещё позвоню, договоримся на вечер.

— Хорошо, жду, а я пока покумекаю тут с дополнительными

информационными связями. Вообще картина получается сногсшибательная. Как ты вовремя мне эту задачку подсунул, я тут закис совсем.

Понимаев положил трубку, посидел, улыбаясь, вполне сочувствуя горячности приятеля, и засобирался на совещание, которое на этот раз проводил в Главном управлении ГИБДД сам министр внутренних дел.

Министр был во гневе.

Он только что получил сдержанный нагоняй от президента «за бардак на улицах столицы» и теперь разгружал эмоции на подчинённых. В основном выговаривал он начальнику столичной автоинспекции, но досталось и аналитикам Центра, и руководителям ГИБДД округов, плохо обеспечивающим порядок на транспортных артериях столицы, а также строителям, слишком медленно выполняющим план по реконструкции улиц и объездных путей.

Естественно, директор Центра, также схлопотавший долю критики, устроил разнос и своим подчинённым, в том числе Понимаеву, отвечавшему за конкретное направление поиска угнанных автомашин и разработку систем защиты от угона. Он было заикнулся о системном анализе ситуации, который якобы готовило его подразделение, но директор пропустил его замечание мимо ушей, посоветовав заниматься своим делом.

В шесть часов вечера Валерий Николаевич, потный и злой, позвонил Олегу и договорился с ним о встрече, но не дома у Кобринского, который жил с женой, тёщей и двумя детьми в двухкомнатной квартирке, а у метро «Беговая», в районе которого жил сам. Олег снова начал было рассказывать о своем открытии, однако Понимаев прервал его, пообещав внимательно выслушать в домашних условиях, с банкой пива в руке. Жил он один, разведясь с женой год назад; как говорят в таких случаях — не сошлись характерами.

Домой Понимаев поехал в скверном настроении, размышляя над словами министра и убеждаясь, что по большому счету тот прав.

Порядка на дорогах Москвы было мало, несмотря на все усилия автоинспекции и дорожных служб создать оптимальные условия для проезда. Мало того, пробки на дорогах, как заметил Понимаев, возникали циклами, пульсируя, как бы и в самом деле подчиняясь некоему алгоритму. Но кто этот алгоритм создает и каким образом управляет движением транспорта, понять было

невозможно. Лишь одно приходило на ум: «командовала парадом» не чья-то злонамеренная воля. Потому что невозможно было представить, чтобы кому-то были выгодны забитые машинами дороги.

Странный аттрактор, вспомнил Понимаев термин Олега и передёрнул плечами. От этих слов веяло мистикой и «киберпространственной войной». В мистику Валерий Николаевич не верил, а «киберпространственная война» для него была лишь термином из фантастического романа.

Разумеется, к назначенному часу — девять часов вечера — он опоздал. Выскочил из машины, вертя головой в поисках Олега, и взгляд его наткнулся на толпу у тротуара и стоявшие там же машины «Скорой помощи» и милиции.

Ёкнуло сердце.

Чувствуя неладное, Понимаев метнулся туда, показал удостоверение остановившему его инспектору.

— Что здесь произошло?

— Наезд, товарищ полковник, — козырнул сержант. — Черный «бумер» сбил человека и скрылся с места происшествия. Вот опрашиваем свидетелей.

— Пострадавший?

— Умер, к сожалению. Черепно-мозговая травма, переломы ребер, рук...

Не слушая парня, Понимаев протиснулся к машине «Скорой помощи» и под белой простыней на тележке увидел окровавленное тело. Это был Олег Кобринский.

— Олег!

— Молодой человек! — попытался остановить его врач.

— Это мой друг, — проговорил Валерий Николаевич глухо.

— Ему уже не поможешь, не мешайте.

— Я хотел бы...

— Здесь я командую! Отойдите! Закончим — сообщим окончательные выводы.

Понимаев отошел, не сводя глаз с бледного, разбитого, окровавленного лица компьютерщика, взял за локоть сержанта.

— Вы его обыскали?

— На всякий случай, — смутился инспектор. — В карманах ничего, только проездной и дискета в коробке. А на нем был такой наушник, вроде рации, и еще в пяти шагах нашли мобилбук.

— Он всегда держал связь с Интернетом... Где дискета?

— В машине.

— Дайте... и всё остальное тоже. Я передам его родственникам.

— Не имею права...

— Я работаю в той же конторе, и убитый — мой друг. Понадоблюсь — позвоните по телефону. — Понимаев продиктовал номер.

Сержант принес вещи Кобринского, сложенные в прозрачный пакет.

Понаблюдав за действиями инспекции и работников «Скорой помощи», дождавшись их отъезда, Понимаев сел в «Волгу» и буркнул водителю:

— Домой, Саша.

— Да, вот так живешь, живешь, — сочувственно проговорил пожилой водитель, — и вдруг — бац! — и ты уже труп! Я бы этих лихачей мочил без суда и следствия!

Понимаев не ответил. Ему вдруг пришла в голову мысль, что смерть Олега не случайна. Он сделал какое-то открытие в области организации автодвижения, и за это его убрали. Кто? — на этот вопрос у Валерия Николаевича ответа не было.

От Беговой до улицы Розанова ехали нервно. Дважды «Волгу» подрезали крутые тачки, а уже при подъезде к дому впереди идущий джип «Вольво» вдруг резко затормозил, и если бы не реакция и мастерство водителя, сумевшего быстро вывернуть руль и избежать столкновения, «Волга» неминуемо врезалась бы в джип, а следовавший за ним пикап обязательно сделал бы «коробочку», въехав в корму «Волги».

Наверное, так и было рассчитано, поскольку оба автомобиля разом остановились, из них выскочили какие-то парни и бросились к машине Понимаева, но «Волга», попрыгав немного по бордюрам и плитам тротуара, уже свернула в арку дома, оставив обе машины позади. Вспомнил же о своём мелькнувшем в уме подозрении Понимаев только гораздо позже.

Он отпустил водителя, поднялся на пятый этаж, перебирая в памяти события минувшего дня. Не раздеваясь, подсел к компьютеру и вставил дискету в дисковод.

На дисплее появилась карта Москвы, расчерченная по районам разными цветами. Обозначились улицы, также раскрашенные разными цветами.

— Видишь? — зазвучал из динамиков голос Олега. — Я нанес на карту основные потоки машин в час пик. Красные линии —

это въезд в Москву, зелёные — выезд. Потом я засунул твои данные в комп, и вот что получилось.

Карта Москвы исчезла, вместо неё появилась мигающая огнями схема, повторяющая большинство главных магистралей столицы.

— Смотри, что будет дальше.

Схема ожила, окрасилась в разные цвета преимущественно красного диапазона.

— Это въезд. В семь часов утра светофоры работают ещё вразнобой. А в восемь...

Понимаев затаил дыхание.

Схема запульсировала как единый организм!

— Видишь? — хихикнул Олег. — Чем тебе не странный аттрактор? Система светофоров как бы работает в режиме «всех впущать, никого не выпущать»! А по вечерам наоборот, хотя и с одной существенной оговоркой: «всех выпущать», но — м е д л е н н о! Понимаешь?

— Нет... — прошептал Валерий Николаевич, словно разговаривал с живым Олегом.

Кобринский снова хихикнул, что говорило о его возбуждении и удовольствии.

— Если аттрактор характеризует конечное состояние любой динамической системы, то московский «странный аттрактор» описывает самую настоящую л о г и ч е с к у ю систему. Понимаешь?

— Н-нет...

— В часы пик в Москве образуется псевдоразумная автосистема, осознающая себя как «динамический мозг». О чём такая система может «думать»?

— О чём?!

— Конечно же, о том, чтобы продлить существование! Понимаешь? Вот и возникают у п р а в л я е м ы е через компьютерную связь и светофоры пробки. Особенно по пятницам, когда народ кидается на дачи, стремясь выехать за пределы города. А когда пробки рассасываются, пропадает и «разумность» системы.

— Не может быть! — Перед глазами Понимаева встали гигантские автомобильные хвосты на выезде из Москвы. — Фантастика...

— Такие вот пироги, — закончил Олег.

Схема в дисплее изменила цвет на коричневый и снова запульсировала, подчиняясь вполне определённому ритму. И вдруг буквально п о с м о т р е л а на подполковника как живое существо!

Понимаев отшатнулся от экрана.

— Это её конечное состояние, — донесся как сквозь вату голос Кобринского. — Шесть часов вечера, пятница, вся Москва практически стоит. Но мы ещё поговорим, Валера, я тут кое-что дополнительно посчитаю.

Голос Олега пропал.

Дрожащей рукой Понимаев выключил компьютер, налил воды, выпил залпом.

«А ведь за это открытие его и убили!» — пришла в голову пугающая мысль.

«Кто?» — возразил скептик в душе Валерия Николаевича.

Если Олег прав, возникающая «псевдоразумная система» должна заботиться об утечках информации, чтобы люди не догадались об истинном положении дел.

Чушь!

Не чушь! Олег убит! А ты — следующий!

Почему это?

Потому что узнал недозволенное. И вообще, получается, что мы становимся лишними.

Чушь! Машины без людей не ездят!

А если этот «автомозг» найдет способ обходиться без водителей?

Понимаев с силой потёр лоб, не зная, что делать дальше: звонить начальству или подождать? Но его опередили.

Зазвонил телефон.

Он вздрогнул, нервно схватил трубку.

— Слушаю вас...

— Ты — следующий! — заговорил в трубке странный, вибрирующий, гулкий голос. — Если не будешь молчать.

— Кто говорит?! — выкрикнул Понимаев. — Что вы имеете в виду?

— Посмотри в окно...

Понимаев сглотнул горький ком в горле, подошел к окну, сжимая в потной руке трубку, и увидел забитую машинами улицу.

Была пятница, время перевалило за десять часов вечера, но пробка не рассасывалась. Москвой владел автотранспорт, десять миллионов машин, связанных в единую систему, которая училась м ы с л и т ь...

ЛИКВОР

1.

Артём Клементьевич Голубенский после трудов праведных любил расслабиться в компании приятелей, среди которых обычно бывали и высокопоставленные чиновники, и сотрудники администрации президента, и губернаторы. В ближний круг входил и мэр Тюмени, сорокачетырёхлетний Борис Ханюкович, с которым Голубенского связывали общие интересы, а именно — разработка нефтяных месторождений на Севере Сибири.

Голубенский, владелец компании «Сибирьнефть», вкладывал в это дело немалые деньги. Ханюкович помогал ему чем мог, особенно в сфере строительства «вспомогательных объектов дохода», — то есть, в переводе на нормальный язык, он отдал Голубенскому на откуп весь игорный бизнес города. Артём Клементьевич в свою очередь поддерживал мэра во всех общественных начинаниях. К слову, именно он два года назад помог Борису Дмитриевичу победить на выборах.

Конечно, Голубенский предпочитал отдыхать за границей, имея коттеджи и фазенды в разных уголках мира, а также яхты и самолёты. Но и в родной Тюмени он чувствовал себя комфортно, ибо зона его отдыха была недоступна рядовым гражданам города. Во всяком случае, летняя резиденция Артёма Клементьевича «Крутая балка», расположенная всего в пятнадцати километрах от Тюмени, на берегу небольшой речушки, мало чем отличалась от президентской дачи «Бочаров ручей». Она имела всё, что нужно человеку для VIP-отдыха, в том числе великолепный бассейн-пруд с подогреваемой водой, спортивный комплекс, зал для приёма гостей, биллиардную, преферансную и множество подсобных помещений.

Тринадцатого июля, в пятницу, Голубенский отправился в свою резиденцию раньше обычного — сразу после обеда.

Во-первых, у него была запланирована там встреча с губернатором области и с важным китайским чиновником, который уже уговорил губернатора и теперь жаждал убедить владельца «Си-

бирьнефти» принять в альянс по разработке нового нефтяного месторождения некоторых китайских товарищей.

Во-вторых, надо было хоть немного отойти от вчерашней попойки: Артём Клементьевич был приглашён на день рождения к известному бизнесмену и меценату Весельману, и торжество для него закончилось в пять часов утра. Со всеми вытекающими... Пришлось даже прибегать к услугам личного доктора.

В-третьих, в резиденции Голубенского ждала одна молодая особа, недавно выигравшая конкурс «Мисс Тюмень». Естественно, это обстоятельство весьма подогревало интерес Голубенского к жизни вообще и к даче «Крутая балка» в частности.

В половине пятого Артём Клементьевич был уже в резиденции. Встретился с Ларисой — так звали «мисс», с удовольствием выпил вина и кофе. Дождался гостей и пригласил их в сауну. После чего настал черёд купания в бассейне.

Природа вокруг была потрясающе красива, светило солнце, температура воздуха поднялась до двадцати четырёх градусов по Цельсию. Распаренные гости вывалили из бани и вслед за хозяином шумной компанией устремились к бассейну. Никто и не заметил, что к водоёму, спрятанные в густой траве, тянутся зелёные проводки, исчезающие под плитами бордюра.

Как всегда, рядом с Голубенским находился его телохранитель, бывший сотрудник спецназа МВД, капитан в отставке Вениамин Глыбов по кличке Глыба. Он потрогал воду в бассейне и предупредил шефа, что надо бы подождать, пока она «ещё чуток» согреется. Но Голубенский, уже хвативший коньячку, предупреждению не внял и полез в воду, демонстрируя неплохую фигуру: всё же он не зря занимался фитнесом и поигрывал в теннис.

Вслед за ним рискнул прыгнуть в бассейн и приезжий китайский чиновник по имени Лю Чжао. Алкоголь он не употреблял, но очень хотел показать свою готовность следовать за владельцем «Сибирьнефти», куда бы тот ни направлялся.

Остальные гости с интересом смотрели на это шоу, подбадривая купающихся и агитируя их сплавать наперегонки.

Голубенский театрально взмахнул руками, нырнул, с шумом вынырнул, поплыл кролем. И в этот момент что-то случилось.

Ойкнул Лю Чжао, завертелся на воде, пытаясь вытолкнуть застрявший в лёгких воздух.

Судорожно дёрнулся Артём Клементьевич, сделал несколько странных движений и... стал погружаться в воду, безвольно обмякнув, раскинув руки и опустив голову.

— Что случилось? — удивлённо посмотрел на свиту подошедший почти к самой воде и начавший снимать халат губернатор. — Что с ними?

Скинув пиджак и туфли, Глыба метнулся к бордюру, явно намереваясь прыгнуть в воду, чтобы вытащить хозяина. Яркая даже в солнечном свете, по его ноге скользнула голубая электрическая змейка. Он заорал, выгнулся, упал на плиты бордюра, свалился с них на землю.

— Назад! — запоздало рявкнул губернатор, сообразив наконец, что происходит.

Гости отшатнулись от бассейна.

Электрические искры веером разлетелись по стенкам и погасли.

На дно его опустились два тела — Голубенского и Лю Чжао. Их убил мощный разряд электротока, прошедший через воду.

Спасти любителей поплавать, естественно, не удалось.

2.

Эти буровые вышки, выросшие на западном берегу Пахантесской губы, можно было по праву назвать вершиной инженерной мысли. Они были разработаны российскими специалистами, и в их конструкции учитывались новейшие достижения науки и техники. Выглядели они потрясающе — как скелеты механических динозавров или как десантные корабли пришельцев, замысливших покорение Заполярья.

Запуск нового нефтедобывающего комплекса «Варандейское» состоялся четырнадцатого июля. Естественно, на это мероприятие слетелись и съехались десятки должностных лиц, отвечающих за развитие нефтегазовой промышленности России, в том числе — первый вице-премьер, курирующий нацпроекты. Вместе с ним смотрел за фонтаном «чёрного золота» и владелец нефтяной компании «Севернефть» Вячеслав Феллер, которому принадлежала идея разработки новых нефтяных месторождений на Крайнем Севере.

Пуск буровых прошёл гладко, без происшествий. Гости измазали ладони в нефти, выпили шампанского и разбрелись по вертолётам, которые унесли их к аэропортам близлежащих городов. На месторождении остались лишь сам владелец компании и руководство нефтедобывающего комплекса плюс специалисты-нефтяники, продолжавшие наладку оборудования.

Ждали компаньона господина Феллера, немецкого бизнесмена Ганса Эшке, который хотел лично удостовериться в запуске одной из самых продуктивных в регионе нефтяных скважин.

Вячеслав Феллер, в прошлом — комсомольский работник, не любил одиночества, и его везде сопровождала свита, состоящая из охранников и каких-то молодых людей. Поговаривали, что это «бойфренды» Феллера, однако точно никто ничего не знал, и слухи оставались слухами.

После плотного обеда владелец «Севернефти» решил прогуляться по окрестностям, благо погода благоприятствовала замыслу, переоделся в технологичный и удобный комбинезон «Нейчетур» немецкого производства для туристических походов по северным краям, подаренный ему компаньоном, и отправился к вышкам. Сопровождали его на этот раз только два телохранителя, с которыми он практически никогда не разговаривал.

Вышки не имели стандартных «гусаков» — специальных механизмов для откачки нефти. Их заменяли особой конструкции гидравлические насосы, выглядевшие на фоне тундры футуристическими «ракетами» необычной геометрической формы.

Полюбовавшись на одну такую «ракету», Феллер побрёл к следующей, и в этот момент насос величиной с гигантский экскаватор бесшумно провалился в возникшую внезапно в земле дыру. Лишь потом из глубин донёсся рыдающий стон, грохот, гул и лязг. Раздались крики испуганных людей. Кто-то включил сирену, и её тоскливый вопль вспугнул стаи птиц.

Дыра стала стремительно расширяться. Одна за другой вышки исчезли в бездне, образовавшейся так быстро, будто под землёй произошёл ядерный взрыв, хотя никакого взрыва не было: ни ядерного, ни обычного. Полость, в которую провалилось нефтедобывающее оборудование, появилась абсолютно неожиданно для людей.

Феллер не успел отскочить в сторону, в отличие от своих более реактивных телохранителей. Его увлекла за собой стальная громадина насоса.

Через минуту всё закончилось.

Люди перестали кричать.

Из пяти вышек уцелела лишь одна. На месте остальных зиял заполненный дымом и пылью провал, в котором ещё какое-то время что-то покряхтывало и гремело. Вскоре он заполнился поднявшейся снизу нефтью.

И стало совсем тихо.

3.

К началу двадцать первого века Аляска, воспетая ещё Джеком Лондоном, мало чем изменилась в демографическом, культурном и социальном отношении. Разве что претерпела изменения инфраструктура западной оконечности Американского материка: появились новые посёлки, дороги, прибавилось нефтяных вышек, протянулись новые нитки трубопроводов. Одна из таких трасс, видимая даже из космоса, пересекла всю Аляску до Порт-Кларенса, а её северный зигзаг прошёл всего в полукилометре от береговой линии моря Бофорта и достиг небольшого посёлка Уэлт-Шит, где совсем недавно выросла ещё одна нефтяная вышка.

Конечно, прокладывались трубопроводы в зоне вечной мерзлоты с соблюдением специальных технологий, на сваях с Т-образными вершинами. Эти сваи должны были предупредить разрушение трубопровода в случае таяния грунтов и появления плывунов. Такие ситуации уже имели место в Канаде и в России, на Крайнем Севере Америки пока ничего подобного не происходило, но тем не менее из соображений экологической безопасности нефтепроводы строились именно по такой схеме.

Однако четырнадцатого июля весь километровый участок нефтепровода от вышки в Уэлт-Шите внезапно стал погружаться в почву, будто она по какой-то причине превратилась в болотную жижу, и рабочие, обслуживающие вышку, едва успели убраться от места необычного катаклизма.

Всё произошло так быстро, тихо и буднично, что никто ничего не понял.

Не было ни взрыва, ни землетрясения, ни извержения грязевого вулкана. Просто сваи одна за другой начали тонуть в земле, а заодно с ними утонул и нефтепровод вместе с вышкой.

Через час странный котлован заполнился нефтью.

Месторождение Уэлт-Шит перестало существовать.

4.

Телефон разрядился на слове «дело».

Савва Бекетов лениво надавил на зелёную кнопочку, посмотрел на экранчик мобильного, где высветилась надпись: «Батарея разряжена», — и снова закрыл глаза.

Он лежал в шезлонге, в тени беседки. Было жарко. Слабый

ветерок изредка приносил прохладу и запахи цветущих трав. Жужжали пчёлы. Лежать было приятно, и ни о чём не хотелось думать. Бекетов имел полное право не думать, потому что находился в законном отпуске, на даче под Волоколамском, уже четвёртые сутки в блаженном расслаблении.

— Кто звонил? — долетел до него тихий голос жены.

Лень было отвечать, но он всё же нашёл силы буркнуть:

— Старшина.

— Чего он хотел?

— Не знаю. — Савва и вправду не успел выяснить, чего хотел полковник, но догадывался, что речь идёт о новом задании.

— Есть дело... — сказал полковник Иван Поликарпович Старшинин по кличке Старшина, и означать это могло только одно: отпуск кончился.

— Любаш, дай свой мобильник, мой гавкнулся.

Через минуту жена в одном купальнике — в отличие от мужа она лежала под стеной коттеджа и загорала — принесла телефон. Бекетов потыкал пальцем в кнопочки, набрал номер полковника:

— Иван Поликарпович? Что случилось?

— Ты где? — спросил Старшинин.

«На Кипре», — хотел соврать Бекетов, но сказал правду:

— На даче.

— Жду через два часа. Успеешь?

— Я в отпуске, — вяло возмутился Савва.

— Главный требует результата, понял?

— Понедельник — день тяжёлый, — сделал Бекетов ещё одну попытку возразить.

— Могу прислать вертолёт, — отрезал Старшинин.

— Не надо, — сказал Бекетов, прощаясь с отдыхом.

Старшинин выключил связь.

— Когда тебя ждать? — хмыкнула жена, отлично разбираясь в результатах подобных переговоров мужа с начальством.

Савва посмотрел на неё, загорелую, красивую, милую, желанную, и ему вообще расхотелось ехать в управление.

— Не знаю, — честно признался он.

— Понятно.

— Зато мне дали два часа времени. Час на дорогу, час на...

— А успеешь? — лукаво прищурилась Люба.

Бекетов выбрался из шезлонга и подхватил жену на руки...

В два часа с минутами он вошёл в кабинет полковника, расположенный на втором этаже Управления контрразведки ФСБ. Старшинин уже больше года руководил отделом специальных

расследований, который занимался изучением эзотерического наследия России, её тайной истории, социопсихических тенденций и непознанных явлений природы. Бекетова, майора, следователя по особо важным делам, он перетащил к себе из военной контрразведки, и теперь они работали вместе. Полковник обещал повысить его в звании, но пока не преуспел в своих намерениях: штат не позволял. В отделе работали всего шесть человек, в основном — бывшие гражданские специалисты в области психологии коллективов и нелинейного программирования, учёные-физики, астрономы и медики. Все они стали подполковниками, и Бекетову с его радиотехническим образованием, не имевшему научного звания, повышение не светило. Впрочем, его это не расстраивало. Работа оказалась интересной, он был независим от руководства и мог получить допуск практически к любой закрытой теме или секретным документам.

— Садись, — поднял голову над столом Старшинин.

Худой, мосластый, длиннорукий, с ёжиком седых волос, он казался старше своего возраста, на самом же деле Иван Поликарпович был всего на семь лет старше тридцатичетырёхлетнего Бекетова. На собеседника полковник всегда смотрел строго и оценивающе, хотя юмор понимал и шутки ценил.

— Может быть, мне добавили звёздочку? — с надеждой спросил Бекетов.

— За что? — с интересом задал ответный вопрос Иван Поликарпович.

— За непричинение государству большого вреда.

— Твой ущерб ещё не подсчитан. Как только подсчитают — чего-нибудь дадут.

— Срок? — улыбнулся Савва.

— Чего это ты такой весёлый? — подозрительно хмыкнул Старшинин.

— Надеюсь, что это учебная тревога. Хочу полностью насладиться отпуском. Кстати, с женой. Помните анекдот? Крысы предупредили капитана, что у них учебная тревога, и попрыгали за борт.

— Ну и? — подождал продолжения начальник отдела.

Бекетов засмеялся.

— В этом и заключается соль анекдота.

— Дурацкий анекдот. На вот, читай. — Старшинин подсунул майору стопку листов с текстом.

Бекетов пробежал их глазами, поцокал языком.

— Интересно...

— Что?

— Куча жмуриков, катастрофы, и все связаны с нефтью... Странно. А вот эти вообще случились с разницей в один день...

— Вот нам и поручили разобраться со всем этим. — Бекетов покачал головой, ещё раз перечитал предложенный полковником пакет донесений.

Речь в нём шла о гибели двух владельцев нефтяных компаний, активно занимающихся разведкой и добычей нефти на Севере России, и о странных катастрофах, в результате которых оказались разрушенными только что построенные нефтедобывающие комплексы в количестве четырёх штук. Мало того, в пакете были сведения и о гибели двух американских нефтяных магнатов, а также о необычных авариях на американо-канадских нефтяных скважинах и нефтепроводах. Плюс информация о катастрофе в Анголе, в провинции Мбанья, где начали добывать «чёрное золото», и о гибели начальника геологической экспедиции, которая искала нефть на Камчатке.

«Артём Клементьевич Голубенский, — прочитал Савва, — президент компании «Сибирьнефть». Родился в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, закончил Московский физико-технический институт. Работал в банке МЕНАТЕП начальником инвестиционного отдела, потом директором по стратегическому планированию. Два года жил в Лондоне. Вернулся в две тысячи восьмом году и стал первым президентом компании «Сибирьнефть».

Бекетов поднял голову.

— Может быть, его свои убрали за какие-то прегрешения? Торганул нефтью за спинами компаньонов...

— Он сам себе хозяин, — сказал Старшинин. — Лети в Тюмень. Там уже работает следственная бригада важняков МВД и Генпрокуратуры плюс наши ребята из бюро расследований. Всю информацию получишь от них. Но, судя по всему, это не стандартная разборка. Голубенского не за что было убирать. Как и его китайского гостя.

— И тем не менее кто-то подвёл к бассейну провода и включил ток лишь тогда, когда в бассейн прыгнул Голубенский.

— Это детали. Смотри глубже. Все перечисленные в материале случаи описывают некий криминал в нефтедобывающей сфере. Четыре чудовищные аварии с добывающими комплексами, причём новейшими, безопасными на сто процентов. Двое из погибших — нефтяные магнаты, охраняемые как золотой запас страны, активно вкладывающие деньги в разведку новых месторождений нефти и газа. О чём это говорит?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Из Тюмени полетишь в Воркуту, потом вертолётом тебя перебросят на «Варандейское». Там уже два дня ищут тело Вячеслава Феллера. И обрати пристальное внимание на ещё одного нашего добытчика, недавно рискнувшего заложить скважину на острове Колгуев. Как бы и с ним чего не случилось.

— Там тоже нашли нефть?

— Нашли. И очень много.

— Понял. Когда лететь?

— Вчера. Размотаешь это дело — главный тебе звёздочку-то и добавит. Обещал.

— Дело не в звёздочке, — усмехнулся Бекетов. — Очень необычный вывод напрашивается.

— Не торопись с выводами. Поработай с материалом, а главное — с людьми. Возможно, мы ещё не всё знаем. Деньги, экипировку получишь, как обычно, в снабе. Вопросы?

— Разрешите выполнять, товарищ полковник? — сделал официальное лицо Бекетов.

Старшинин поглядел на него снизу вверх, развёл руками:

— Извини, догуляешь отпуск сразу после возвращения. — Он подумал и добавил: — Если лето не кончится.

Бекетов пожал ему протянутую руку и вышел, уже размышляя над заданием. Ему и в самом деле было интересно, что случилось с нефтяными баронами.

5.

Семнадцатого июля Савва прилетел в Тюмень в шесть часов утра по местному времени. Его встретил хмурый лейтенант из областного управления ФСБ и доставил на дачу погибшего Голубенского, по пути рассказав о сложившейся ситуации. По его словам выходило, что дело взял под контроль лично генеральный прокурор России, и теперь всем здесь руководил его представитель, замгенпрокурора Геннадий Феоктистович Огурейщик.

— Ничего, прорвёмся, — сказал Бекетов, имея на руках картбланш на любые следственные мероприятия.

На территорию дачи его пропустили беспрепятственно.

Лето было в разгаре. Температура воздуха дошла до отметки двадцать пять градусов. Бекетов снял куртку и прошёлся вокруг

коттеджа, ощущая желание полежать где-нибудь на ветерке. Но голос охранника вернул его к действительности.

— Здесь ходить не положено.

— Мне положено, — рассеянно сказал Бекетов, показывая удостоверение офицера ФСБ. — Покажите бассейн.

Охранник поколебался немного, но всё же повёл гостя за дом, к бассейну.

Бекетов осмотрел его со всех сторон, полюбовался на вытащенные из воды проводки, убившие Голубенского и китайца.

— Вы были свидетелем происшествия?

— Свои показания я уже дал, — буркнул охранник.

Бекетов с интересом посмотрел на его не отягощённое интеллектом лицо.

— Давайте договоримся. Либо вы отвечаете на мои вопросы здесь и сейчас, либо вас везут ко мне в управление и вы всё равно отвечаете на вопросы. Что вам больше нравится?

Охранник набычился, отвёл глаза.

— Чего надо?

— Вы видели, как это произошло?

— Ну... издали... я охранял коттедж.

— Ничего подозрительного не заметили?

Охранник пожал плечами, сплюнул.

— Ничего не знаю. — Он вдруг оживился. — Глыба так смешно упал... и вообще суетился.

— Кто это — Глыба?

— Веня... Глыбов... телохран Артёма Клементьевича.

— Где он сейчас?

— Да кто ж его знает?

— Больше ничего странного вы не заметили?

Лицо парня стало совсем скучным, он посмотрел за спину Бекетова. Савва оглянулся. К ним подходил моложавый мужчина в тёмно-синем костюме, с галстуком. За ним шёл парень в джинсе и семенил милиционер с погонами подполковника.

— Кто такой? — отрывисто спросил мужчина, окинув Бекетова неприязненным взглядом. Глаза у него были водянистые, навыкате.

— Майор Бекетов, — вежливо представился Савва. — Управление «А», отдел «спирит».

— Это дело находится в юрисдикции Генпрокуратуры. Ваше управление должно согласовывать свои действия со мной.

Бекетов молча достал красно-чёрно-золотую «корочку» особых полномочий, на которой была выдавлена его фамилия.

Подняв брови, заместитель генпрокурора повертел в пальцах удостоверение, вернул владельцу.

— Не понимаю, чем заинтересовало это дело федералов вашего уровня.

— Хочу разобраться, — сказал Бекетов. — Разрешите действовать по своему плану?

Огурейщик насупился, пожевал губами.

— Только не мешайте.

— Постараюсь, — кротко пообещал Савва.

Замгенпрокурора величественно удалился. Сопровождавший его телохранитель прикрыл его своей спиной. Милицейский подполковник бросил на Бекетова странный оценивающий взгляд, поспешил за большим начальником.

— Ну, так, это... — переступил с ноги на ногу парень в чёрном комбинезоне. — Я больше не нужен?

— Где мне всё-таки можно найти этого вашего Глыбу?

— Спросите у ребят в доме, они должны знать.

— Благодарю. — Бекетов направился к коттеджу, бросил через плечо: — Свободен.

В коттедж его пропустили с небольшой заминкой, пришлось снова показывать удостоверение. Внизу, в холле с мраморными полами, тусовались какие-то личности в штатском, прошмыгивали молодые девушки, на которых никто не обращал внимания.

— Мне нужен Вениамин Глыбов, — обратился Бекетов к одному из парней в штатском.

Тот молча махнул рукой в сторону лестницы на второй этаж, по которой спускались в холл трое мужчин. Один из них выделялся мощной фигурой и особым выражением лица, которое можно было охарактеризовать словами: «ожидание приказа».

— Глыбов? — подошёл к нему Савва.

Парень покосился на него, и его взгляд Савве не понравился. В глазах телохранителя нефтебарона пряталось злое п о н и м а н и е ситуации.

— Ну?

Бекетов раскрыл и закрыл свои «корочки».

— Отойдём.

— Эй, ты кто? — хмуро поинтересовался мужчина, сопровождавший Глыбова.

— Управление «А» ФСБ, — ответил Бекетов. — Извините, я его не задержу.

— А допуск у тебя есть?

— Кто бы меня сюда пропустил без допуска?

— Ладно, у тебя пара минут. Мы едем в город.

Бекетов отвёл телохранителя к диванчику, окружённому пальмами.

— Вы были свидетелем трагедии. Как это случилось?

— Я уже рассказывал следователю.

— Расскажите ещё раз и поподробней.

Глыба почесал мясистый загривок, начал вспоминать подробности происшедших двое суток назад событий. Из его слов вырисовывалась картина покушения на Голубенского, предпринятая некими «конкурентами» и блестяще исполненная какими-то киллерами. У следствия даже имелись подозрения насчёт этих киллеров, так как в картотеке МВД нашлись случаи умерщвления людей с помощью электричества.

— Как же вы не заметили провода? — спросил Бекетов. — Разве телохранители не обязаны принимать превентивные меры безопасности?

— Меня самого чуть не убило! — окрысился Глыба. — И я не обязан следить за бассейном. Другие есть.

— Кто?

— Тут за всем народ смотрит нужный, вот с него и спрашивайте.

— А чего это вы так нервничаете? — поинтересовался Бекетов, снова отмечая неожиданно умный, понимающий взгляд телохранителя. — Я же вас не спрашиваю, почему вы остались живы, а ваш босс мёртв.

— Да пошёл ты! — грубо буркнул Глыба. — Не имеешь права меня допрашивать. Пожалуюсь прокурору, он тебя...

— Попробуй, — перебил его Савва. — Даже интересно, что получится. Могу сказать только одно: потребуется — тебя в Москву в наручниках доставят на допрос. Гуляй пока, супермен. Но если ты мне не всё рассказал — пеняй на себя.

— Эй, что вы там? — оглянулся на них второй мужчина, широкоротый, с тяжёлым подбородком. — Глыбов, ты скоро?

— А чего он? Офигел вообще! Начинает угро...

Бекетов не стал дожидаться окончания фразы, ловко выхватил у телохранителя из руки мобильник, мгновенно всунул в его открытый рот, тут же вынул обратно, вернул телефон.

— Так что ты там хотел сказать, уважаемый? Повтори, не расслышал.

Глыбов закрыл рот, ошеломлённо посмотрел на сопровождающих. Те нахмурились, оценивающе оглядели Бекетова.

— Жонглёр, что ли? — неприязненно буркнул первый мужчина.

— Представьтесь, пожалуйста, — сказал Бекетов. — Буду знать, с кем имею дело.

Мужчины переглянулись.

Первый взял Глыбу под руку.

— Пошли, некогда нам.

Второй ещё раз смерил Бекетова нехорошим взглядом.

— Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали.

Бекетов, улыбнувшись, достал мобильник, работающий в данный момент как микромагнитофон, щёлкнул нужной кнопкой. Из динамика телефона раздался тихий голос:

«Смотри, довыпендриваешься, майор. Мы тут всяких повидали».

— Чистейшей воды угроза, не так ли, господин местный начальник? А я при исполнении. Развивать мысль дальше? Кстати, мысль только тогда мысль, когда её головой думают. Это я насчёт вашего совета. Запись вашего приятного голоса я оставлю себе на память, хотя в любой момент она может оказаться у кого надо. Будете помогать? Или поговорим о всяких, кого вы тут видали?

Лицо мужчины налилось кровью. Он пожевал губами, подбирая выражение, но сдержался.

— Зря ты сюда приехал...

— Меня прислали. С кем имею честь приятно беседовать?

— Полковник Фофанов, начальник управления ФСБ Тюменской области.

— Коллега, значит? — удивился Бекетов. — Что же вы такой неласковый? Я же у вас хлеб не отнимаю. Вы делаете своё дело, я своё.

— Я позвоню, чтобы тебя...

Савва сделал официальное лицо.

— Это пожалуйста, звоните. Только потом не удивляйтесь результату. Кстати, мне этот человек, — Савва кивнул на Глыбова, — ещё нужен, поэтому просьба оставить его здесь.

Брови Фофанова полезли на лоб.

— Ты с ума сошёл, майор? Да я... — Начальник областного управления ФСБ осёкся.

— Это пока просьба, — сделал ударение на последнем слове Бекетов. — Но я могу добиться и письменного распоряжения Папы. Надо?

Мужчина сцепил челюсти. Было видно, что он еле сдерживается. «Папой» офицеры ФСБ звали её директора.

— Нет.

— Отлично. Надеюсь, мы ещё встретимся.

Фофанов движением руки остановил сотрудника, собравшегося увести Глыбова.

— Оставь его... иди к машине. — Он посмотрел на Бекетова. — Майор, один вопрос: что ты хочешь здесь найти?

— Сам не знаю, — честно ответил Савва. — Но это не единственное убийство нефтяного магната за последний месяц. Понимаете? Если учесть американцев, ангольцев и других, то ликвидировали шестерых. Кому они помешали?

На лице начальника ФСБ отразилась задумчивость. Он отошёл, что-то сказал Глыбову. Телохранитель Голубенского растерянно посмотрел на Бекетова.

— Побудьте здесь, — равнодушно сказал Савва. — Я пообщаюсь со следователями, и мы продолжим разговор.

Он оставил шокированного таким поворотом дела Глыбова за спиной, нашёл давешнего знакомца, заместителя генпрокурора, поговорил с ним. Выслушал пространные рассуждения следователя прокуратуры, затем скупой рассказ следователя из МВД. Побродил по коттеджу. Посмотрел на тело Голубенского в роскошном гробу, возле которого стояли и сидели мужчины и женщины в чёрном. Гроб с телом китайца находился в другой комнате коттеджа, где тихо скучали сотрудники диппредставительства. Они собирались в скором времени забрать своего соотечественника.

Бекетов вернулся к бассейну и осмотрел его со всех сторон, отмечая неординарность мышления и мастерство устроителей акта, нашедших единственно правильный путь подвода проводов от трансформаторной будки за двухметровым забором. Киллеры явно в подробностях знали территорию коттеджа и были уверены, что их деятельность никто не заметит. Никто и в самом деле ничего не увидел: ни подозрительных людей, ни проложенных проводов. Мало того, киллеры точно знали, что хозяин дачи будет принимать гостей и что наверняка полезет в бассейн.

Бекетов покачал головой.

Жертв могло быть гораздо больше. Те, кто планировал убийство, вряд ли стали бы ждать, чтобы Голубенский остался в бассейне один, и включили бы ток, даже если бы туда попрыгали все гости разом.

И ещё одно соображение пришло на ум Савве: действовали

свои. Только окружавшие Голубенского люди могли скрытно подвести к бассейну провода и подготовить к использованию «по назначению».

Савва вернулся в коттедж, поискал Глыбу. Телохранителя нигде не было видно. Уехали и фээсбэшники. Куда подевался Вениамин Глыбов, никто сказать не мог.

— Да он же вроде шатался тут с Першавиным, — вспомнил один из охранников коттеджа.

— Кто такой Першавин?

— Начальник УВД Тюмени.

Бекетов вспомнил подполковника милиции, семенящего за Огурейщиком, и его прицельный прищур глаз. В груди похолодело.

— Где они ходили?

— Сначала вокруг дома, потом зашли вроде в дом.

Бекетов прошёлся по первому этажу коттеджа, заглядывая в комнаты и туалеты, поднялся на второй этаж. Дверь одной из комнат была чуть приоткрыта. Бекетов деликатно постучал, подождал немного, потянул за ручку. Дверь отворилась.

Спальня была шикарной, как и всё в этом богатом «гнёздышке олигарха».

Двуспальная кровать размером с футбольное поле, под красивым атласным одеялом. Трюмо в золотой раме. Бельевой шкафчик из вишнёвого дерева с резными углами. Ковёр во весь пол «под траву». Светильники в виде торчащих из стен фаллосов из молочного стекла. Окно чуть ли не во всю стену. С регулируемой затемнённостью, без штор.

Но не это привлекло внимание Саввы.

На кровати лежал Глыба, не раздетый, в ботинках. И, судя по неподвижному взгляду в потолок, он был мёртв.

Бекетов подошёл ближе.

В шее бывшего телохрана Голубенского торчала лопаточка для чистки ногтей, с перламутровой ручкой. Убить человека такой лопаточкой трудно, однако вошла она аккурат в сонную артерию, что говорило о большом опыте киллера, и Глыбов умер мгновенно.

Дверь сзади с грохотом распахнулась.

— Руки! — заорали в два голоса ворвавшиеся в спальню милиционеры. — За голову! К стене!

Бекетов оглянулся.

Его держали на прицеле автоматов именно милиционеры — сержант и лейтенант, а не спецназовцы. А в коридоре за дверью

стоял начальник тюменской милиции, качаясь с носка на пятку, руки в карманах брюк, и смотрел, прищурясь, на майора, словно решал задачу: убить его сейчас или попозже.

6.

Допрос вели трое, в той же спальне: следователь из милиции, какой-то мужчина в штатском и начальник УВД, то и дело говоривший с кем-то по мобильнику.

Бекетов спокойно ответил на все вопросы, вежливо попросил телефон — у него всё отобрали, — чтобы позвонить в Москву.

— Тебе он уже не понадобится, — буркнул мужчина в штатском, посмотрел на подполковника. — Отпечатки пальцев сняли?

— Умный, гад, — криво улыбнулся следователь, — успел стереть.

— Тогда вы ничего не докажете.

— Докажем, — с нажимом сказал начальник УВД.

Мужчина посмотрел на часы, направился к двери.

— Отпечатки должны быть. Разработайте мотивацию.

Дверь закрылась.

— Послушайте, — проникновенно сказал Бекетов, понимая, что его позиция слабеет. — Зачем вам это нужно? Я ведь выполняю задание вышестоящего начальства и до сегодняшнего дня не знал ни Голубенского, ни его телохранителя. Приедет следственная комиссия из центра и во всём разберётся.

— Что тебе рассказал Глыбов? — пропустил мимо ушей его тираду подполковник.

— Ничего существенного.

— Зачем ты его искал?

— Поговорить. Интересно всё же, почему так просто можно убить хорошо охраняемого человека. А товарищ Глыбов был ближе всех к покойнику. Может быть, он всё и устроил?

Следователь и начальник УВД переглянулись.

— Зачем ты убил Глыбова? — заученно повторил следователь.

Бекетов вздохнул.

— Не надоело задавать идиотские вопросы? Вы же знаете, что я не убивал его. Кстати, пошёл он погулять вместе с вами. — Савва глянул на подполковника. — Есть свидетели. Значит, его смерть была вам полезна? Почему? Что он знал такое, что никто больше знать не должен? Или я прав, и его убили как исполнителя?

Начальник УВД пошёл к двери.

— Запиши в протокол, что он косвенно признался в содеянном.

— Дерьмо! — сказал ему в спину Бекетов. — Я же всё равно докопаюсь до истины.

Подполковник оглянулся, пожевал губами, поманил из коридора вооружённых милиционеров.

— В машину его, повезём в управление.

— Э-э, что тут у вас происходит? — В коридоре возник начальник областного ФСБ Фофанов. Его сопровождал тот же мужчина, что и раньше.

— Да вот, Арсений Петрович, этот московский гусь убил Глыбова.

Все расступились.

Фофанов хмуро оглядел тело на кровати, повернулся к Бекетову.

— Ты что, майор, совсем офонарел? Зачем тебе это понадобилось?

— А вы и в самом деле идиот или прикидываетесь? — крутанул желваки на щеках Бекетов. — Глыбова и убили потому, что кто-то сильно не хочет, чтобы мы разобрались в происшествии. Требую освободить меня! Немедленно! Я приехал не убивать свидетелей, а выяснить причину убийства Голубенского. Задержание при отсутствии доказательств буду считать намеренным срывом выполнения данного мне приказа. Со всеми вытекающими.

Фофанов наклонил голову к плечу, подумал, переводя взгляд с Бекетова на труп и обратно, обронил следователю:

— Освободите его.

— Но он задержан в...

— Освободите! Он поедет со мной.

— Арсений Петрович... — начал нервно подполковник.

— С вами я ещё разберусь, Евгений Саркисович. Не понимаю, какая муха вас укусила. Вам будет трудно доказать вину майора. А на разработку мотивации требуется время.

Начальник УВД нехотя кивнул милиционеру:

— Сними.

Лейтенант с автоматом под мышкой снял с Бекетова наручники.

— Ничего, это не надолго.

— Семёнов!

— Прошу прощения, товарищ подполковник.

— Верните документы, — сказал Бекетов, растирая запястья рук, — и мобильник.

— Он записал на мобилу... — заикнулся следователь.

— Верните.

Бекетову вернули отобранные вещи.

Он оглядел лица всех присутствующих, качнул головой.

— Хреновый спектакль, господа защитники Отечества. Интересно, на кого он рассчитан? Я ведь обо всём доложу начальству.

— Доживи сначала до... — начал следователь.

— Заткнитесь! — сверкнул глазами начальник ФСБ. — Много говорите, мало делаете. Не надо было убивать Глыбу... так примитивно.

— Мы напишем, что он умер от электрошока.

— Пишите. — Фофанов махнул рукой. — Идёмте со мной, майор.

— Куда?

— В машину.

— Я должен выполнить задание... А вы должны содействовать мне в этом.

— Поговорим по дороге.

Сбитый с толку уверенностью главного местного фээсбиста, Бекетов последовал за ним.

Суматоха в коттедже постепенно сошла на нет. То ли его обитатели и гости не знали о новом убийстве, то́ ли им было не до того.

Заместитель генпрокурора отбыл в неизвестном направлении. Он сделал своё дело, и теперь следствие развивалось по утверждённому сценарию. Этот сценарий Бекетову и изложил Фофанов в своём джипе.

— Чушь собачья! — фыркнул Бекетов, не зная, что делать дальше: сопротивляться, действовать вопреки советам или передать инициативу Старшинину. — Вы же знаете, что Голубенского убрал Глыбов. А его убили, чтобы держал язык за зубами.

— Это недоказуемо.

— Значит, вы тоже участвовали в разработке плана устранения Голубенского. Я не прав?

— Я всего лишь прикрываю операцию, — с мрачной полуулыбкой проговорил начальник ФСБ. — Работали другие люди.

— И вы так спокойно об этом говорите?! — поразился Савва. — Мне, представителю конторы из центра? За мной стоит сам Папа!

Это была неправда, директор ФСБ не курировал расследова-

ние лично и не следил за работой отдела «спирит». Но Фофанов не должен был знать о таких вещах.

— Ну и что? — сказал он. — За тобой всего лишь к о н т о р а, за мной — Земля.

— Какая земля? — не понял Бекетов.

— Планета такая.

— Шутите?

— Какие уж тут шутки. Я сам об этом не знал... до убийства господина Голубенского.

Открылась дверца джипа, в салон заглянул мужчина, который допрашивал Бекетова вместе с начальником УВД и следователем.

— Помощь нужна?

— Беседую пока, — сказал Фофанов. — Может, попозже.

Мужчина остро глянул на Бекетова, закрыл дверцу.

— Начальник? — кивнул на дверцу Савва.

— Координатор, — ответил главный фээсбист области. — Не пытайся угадывать, всё равно не поверишь, несмотря на весь свой опыт. Ты показался мне умным человеком, поэтому я и трачу на тебя время.

— А если бы я был идиотом?

— Идиоты в вашем отделе не работают. Хотя недалёких людей хватает. Но к делу. Тебя ведь послали не только к нам? — Фофанов вопросительно глянул на Бекетова. — Наверно, ещё и на «Варандейское» полетишь?

Савва внутренне поёжился.

Местное отделение ФСБ не должно было знать о его планах.

— Допустим.

— Полковник Старшинин тоже умный человек, хотя и он не догадывается о масштабе сопротивления. Выводу он не поверит.

— Какого сопротивления? — тупо спросил Бекетов.

Фофанов усмехнулся.

— Я реагировал точно так же. У меня всего несколько минут. Поэтому слушай и не перебивай. Поверишь — будем сотрудничать, не поверишь...

— Вы меня замочите, как Глыбу.

Фофанов поморщился.

— Кретин Першавин перестарался. Вот он как раз занимает должность не по праву, поэтому криминальная обстановка в городе напряжённая. Ничего, с ним мы разберёмся.

— Кто это — мы?

— Не спеши, обо всём по порядку. Ты, наверно, знаешь, что

нефть в мире начинают качать всё больше и больше, несмотря на уже найденные нетрадиционные источники энергии. Для нефтебаронов это единственная возможность жить при коммунизме.

— Из-за этого вы их и убиваете?

— Не из-за этого. Мы пытаемся ограничить нефтебодычу и сориентировать людей на переход к иным видам энергии. Но они не внемлют. А ликвор не бесконечен.

— Кто?

— Не кто, а что. Нефть является своеобразным ликвором, «спинно-мозговой жидкостью» для Земли как для планетарной живой с и с т е м ы. Это её защита от космических катаклизмов. Если человечество выкачает всю нефть, Земля загнётся, образно говоря. Вот откуда растут ноги проблемы.

— А вы в таком случае...

— Мы всего лишь служба МЧС планетарного масштаба, — серьёзно сказал Фофанов. — Опыта у нас мало, это правда, поэтому мы часто ошибаемся. Но у нас нет выбора, как нет его у человечества. Понимаешь?

— Не понимаю, — пробормотал Бекетов. — Чтобы предупредить людей, можно найти другие методы воздействия.

— Мы пробовали, ничего не помогает. Ни нефтяные короли, ни правительства, сидящие на «нефтяной игле», не хотят менять подходы к Земле как к обыкновенному поставщику природных богатств. А это неправильно. Остановить их может только катастрофа. Поэтому Земля и начала, по сути, воевать с человечеством на том уровне, какой ей доступен.

Бекетов вспомнил о недавнем тайфуне в Японском море, унёсшем жизни трёх тысяч человек.

Фофанов понял его мысль, кивнул.

— Ты должен знать статистику. Количество ураганов, тайфунов, цунами, землетрясений увеличивается год от года. Плюс техногенные катастрофы. И конец очевиден.

— Но вы убиваете людей...

— Это вынужденная мера. Люди вроде Голубенского — практически отморозки, им недоступна логика такого уровня. Конечно, мы пытаемся с ними беседовать, но...

— Понятно. В Заполярье тоже вы поработали?

— Там «поработала» сама природа, — усмехнулся Фофанов. — Иногда Земля обходится без нас. Хотя сути это не меняет. Теперь вопрос: будешь работать с нами? Нам такие люди нужны.

Зомбирование идиотов, как правило, не даёт хорошего результата. Пример — Першавин.

Бекетов поднял голову.

— Вы... зомбируете... помощников?

— Редко, но приходится. Соответствующие средства уже разработаны.

— Вы и меня запрограммируете?

— Не хотелось бы. Зомбированные люди рано впадают в маразм.

— Спасибо.

— Не за что.

— Замгенпрокурора вы тоже запрограммировали?

— Зачем? Он нам не нужен. Итак, ты с нами?

— Нет. — Бекетов потёр темя. — Не знаю... надо подумать.

— Подумай, я пока покурю. — Начальник ФСБ похлопал его по плечу, вылез из джипа.

А Савва вдруг представил, что нефть омывает всю Землю под тонкой «черепной» корой континентов, что эта кора пронизана тысячами «игл»-вышек, и ему самому стало больно, будто эти иглы вонзились ему в мозг.

И всё же, и всё же... Мысль ушла, но тут же вернулась.

И всё же нельзя так! Нельзя убивать людей за то, что они ничего не понимают и заботятся только о себе. Должны существовать другие методы внушения простой идеи: не руби сук, на котором сидишь.

Природу надо любить, а не покорять!

Иначе она ответит!

Бекетов посмотрел на свои кулаки.

Если он решит действовать по своим внутренним оценкам, по совести, чем закончится его встреча с «МЧС» планеты? Его запрограммируют? Или сил хватит, чтобы отбиться?

Допустим, он справится с нападением. Что дальше? Поверит ли Старшинин в его доводы? Или всё закончится тем же — зомбированием, но уже с «летальным исходом»?

Голубенский — отморозок. Чёрт с ним! Но таких, как он, много. Всех мочить? Или попытаться найти тему для обсуждения? Не все же идиоты?

Господи, как поступить? По закону или по совести?

В стекло дверцы деликатно постучали...

Ноябрь 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРЧ. *Роман*

Глава 1. ХАРА СЫЛГЫЛАХ 7
Глава 2. НЕ ПОРА ЛИ ЗА СТАРОЕ? 17
Глава 3. БАНДЛИК БЕЗ КРОВИ 29
Глава 4. МЫ НЕ БЕССМЕРТНЫ 37
Глава 5. Я НЕ ГЕРОЙ 45
Глава 6. МОМЕНТ ИСТИНЫ 58
Глава 7. ПОХОД В «РОЗУ» 71
Глава 8. НАЁМНИК ТЬМЫ 85
Глава 9. ОТКРЫТИЕ МИРА 98
Глава 10. ДЫРА В АДУ 110
Глава 11. ПОИСКИ ИНТЕГРАТРОНА 125
Глава 12. ДЗИ-НО-РИН 136
Глава 13. ВЕЛИКАЯ ВЕЩЬ 153
Глава 14. МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ 161
Глава 15. NIHIL EST INTELLECTU 172
Глава 16. ПАО 181
Глава 17. АТАКА НА «СМЕРЧ» 194
Глава 18. УЛЬТИМАТУМ 204
Глава 19. НА ХРЕНА МНЕ ВСЁ ЭТО?! 214
Глава 20. ЗВЕРИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ 226
Глава 21. КОТОВ ПРОТИВ КОТОВА 237

Глава 22. ПРОШЛОЕ КУСАЕТСЯ ... 246
Глава 23. УСИЛЕНИЕ ЗВЕРЯ ... 256
Глава 24. «СМЕРЧ» ПРОТИВ СС ... 268
Глава 25. НЕ НАДОЕЛО? ... 282
Глава 26. VERSUM EQUILIBRIUM ... 295
Глава 27. ЛОКОН АМПАРЫ ... 305
Глава 28. ЩИТ И МЕЧ ... 318
Глава 29. ЗВЕРЬ ПЛЮС ЗВЕРЬ ... 332
Глава 30. УСИЛЕНИЕ КОМАНДЫ ... 342
Глава 31. ПРАВАЯ РУКА ТЬМЫ ... 355
Глава 32. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ... 367

ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ. *Роман*

Глава 1. О ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ... 375
Глава 2. ГДЕ МЫ? ... 386
Глава 3. ГРЕХИ НАШИ ТЯЖКИЕ ... 399
Глава 4. АУ-У! ... 413
Глава 5. ГОСТЬ ИЗ ДРУГОЙ ВЕТВИ ... 425
Глава 6. ОХОТА НА ГЕРОЕВ ... 437
Глава 7. ГОН ... 449
Глава 8. БОЛЬШОЙ ПАНЬТАО ... 460
Глава 9. ЗАВОД ... 472
Глава 10. ЧУЖАЯ СИСТЕМА ... 484
Глава 11. ПАЛЛИАТИВ ... 496
Глава 12. ВЫ МУЖЧИНЫ ИЛИ ГДЕ? ... 505
Глава 13. ПЕРВАЯ ИНКОГНИТО-СХВАТКА ... 517
Глава 14. ИГРА В ПРЯТКИ ... 530
Глава 15. КОНЕЦ РЕЗИДЕНТА ... 541
Глава 16. НЕЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ПОТЕРИ ... 552
Глава 17. ПРОРЫВ ... 563
Глава 18. ТРЕВОГА ... 574

Глава 19. ОХОТА ЗА ПАРТИЗАНАМИ 584
Глава 20. ДЫРА В СЕРДЦЕ СОЛНЦА 591
Глава 21. В ПЕТЛЮ С ГОЛОВОЙ 601
Глава 22. СИГМАЛОГИКА 612
Глава 23. ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ... 615
Глава 24. ПРЯМАЯ АТАКА 621
Глава 25. ПОЕДИНОК 625
Глава 26. ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ 634
Глава 27. ПРАВО ЖИТЬ 648

СОЛО НА ОБОРВАННОЙ СТРУНЕ
(из цикла «Приключения Дениса Молодцова»). Новелла 651

РАССКАЗЫ

ГЛЮК 677
ПОДЗЕМНАЯ ПТИЦА 685
ВТОРАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ 711
КТО СЛЕДУЮЩИЙ? 732
ЛИКВОР 740

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ПРАВО ЖИТЬ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *Л. Гусева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *В. Нартова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 24.01.2007.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 5100 экз. Заказ № 6167.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении *обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **project@eksmo-sale.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ГРАНДМАСТЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

И ЕГО НОВЫЙ РОМАН

«ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ»

Экипаж «солнечного крота» во главе с Кузьмой Ромашиным исчезает в петле времени. Теперь никто не знает, удастся ли отважным исследователям вернуться из путешествия в недра Солнца...

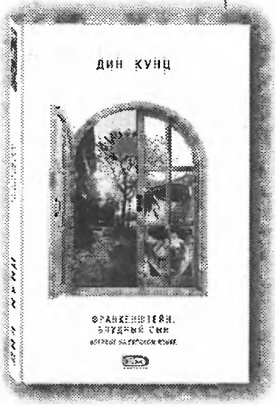
Василий Головачев входит в пятерку самых известных авторов отечественной фантастики.

ТЕПЕРЬ У СТРАХА ЕСТЬ ИМЯ

ДИН КУНЦ

В США Дина Кунца ставят на один уровень со Стивеном Кингом. Спор, чьи книги страшнее, продолжается около 20 лет и до сих пор остаётся открытым. По мнению «New York Times»: «Люди боятся читать Стивена Кинга, а сам Стивен Кинг боится читать Дина Кунца».

Книги «Дверь в декабрь» и «Франкенштейн: Блудный сын» выходят на русском языке впервые!

Суммарный мировой тираж книг Дина Кунца превышает 200 миллионов экземпляров.

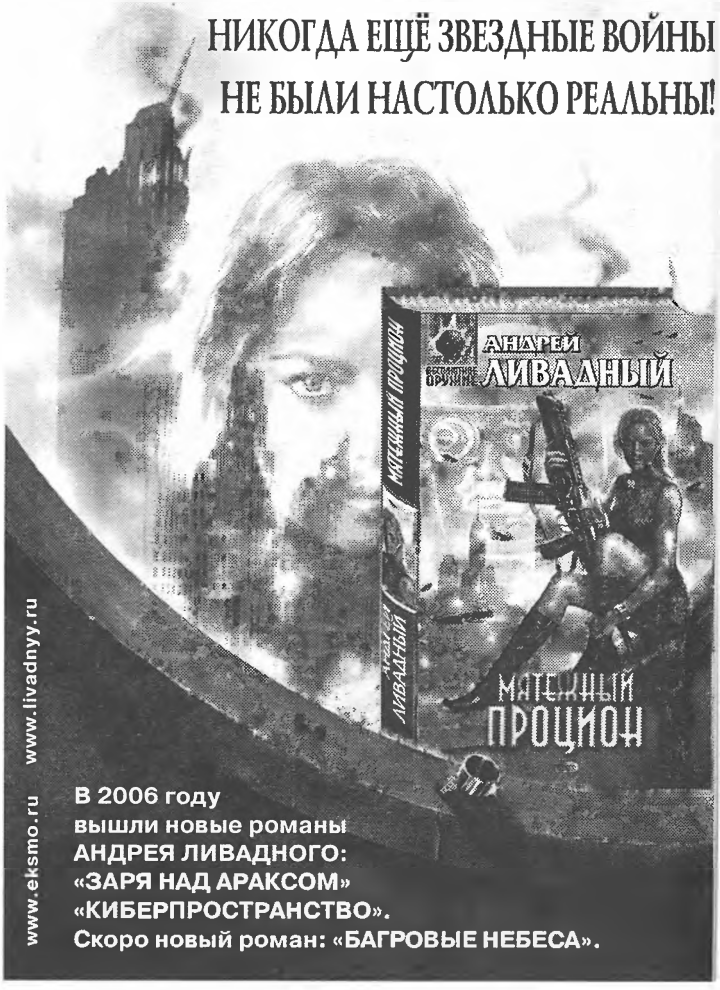
Мировой Бестселлер!

www.koontz.ru
www. eksmo. ru

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ –

автор более 30 романов в жанре боевой
и приключенческой научной фантастики.

НИКОГДА ЕЩЁ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ НЕ БЫЛИ НАСТОЛЬКО РЕАЛЬНЫ!

В 2006 году
вышли новые романы
АНДРЕЯ ЛИВАДНОГО:
«ЗАРЯ НАД АРАКСОМ»
«КИБЕРПРОСТРАНСТВО».
Скоро новый роман: «БАГРОВЫЕ НЕБЕСА».

www.eksmo.ru www.livadnyy.ru

ISBN 5-699-20554-3